

В.И.Староверов

БОЛЬШОЙ УЖИН
НА ПУТЯХ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

ЗАРИСОВКИ, ОЧЕРКИ И ЭССЕ

Памяти
Ивана Алексеевича и
Марии Ивановны,
братьев Ивана и Николая Староверовых,
а также сестер *Снетковой Антонины,*
Михалевой Людмилы
и Ермаковой Анастасии
посвящаю.

Москва

2019

УДК
ББК

Рецензенты:

Попова Ирина Викторовна — д.с.н.,

Чупров Владимир Ильич — д.с.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Публикуется в авторской редакции

Староверов В.И. БОЛЬШОЙ УЖИН на пути из варяг в греки. С32 Зарисовка, очерки и эссе о русской деревне в годы войны и послевоенное десятилетие. М., 2019, 464 с.

ISBN 978-5-000-00000-0

В автобиосоциохронике «Большой Ужин на путях из варяг в греки» уроженца новгородской деревни Большой Ужин Староверова Владимира Ивановича освещается бытие её с повоенных дней по текущие дни.

Автобиосоциохроника конструируется на основе опубликованных газетно-журнальных публикаций и дневниковых записей автора об этой деревне и других весях Нечерноземья.

В центр внимания читателей первого тома автобиосоциохроники автором поставлены испытания большеужинян в годы Отечественной войны и процессы послевоенного возрождения и начала последующей утраты Большим Ужином и русской деревней в целом своей социально-исторической субъектности, а также последствий этого для всего российского общества.

Книга адресована массовому читателю, который интересуется прошлым и перспективами нашего Отечества.

УДК
ББК

ISBN 978-5-0000-0000-0

©Институт аграрной социологии. 2019 г.

© Староверов Владимир Иванович, 2019 г.

Оглавление

Пролог	7
I ВОЗРОЖДЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ДЕРЕВНИ	17
<i>Глава первая. НАШЕ ПОВОЕННОЕ И ПОСЛЕОВОЕННОЕ БЫТИЕ</i>	19
Слышь, Лексеич, война началась.	19
Первый год оккупации	23
Лисья у них шкура, да волчья натура	26
Дед Михалев и странный фриц	32
О мытарствах отца в начале войны	33
Мы выросли в пламени, в пороховом дыму	35
Под обстрелом	40
Шимский концлагерь	42
Горечь сладких ягод	44
Птицы за проволокой Бруно	51
Наследие войны и наше дурацкое ухарство	55
Пророчества Витахи Сытина	62
Мои страшилки	64
Он больше, чем святой	66
<i>Глава вторая. ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО УЖИНА</i>	68
Инстинкты выживания	69
Дети за отца не ответчики	82
Наша с отцом житуха «на подхвате»	87
Большеужинское Гуляй-Поле	94
Суматошливые дни и ночи Ильи громовержца	100
А вокруг летали соколяток стаи	110
Тоже мне Черемыш!	113
Пионеры юные.	118
Не стоит бороться все, что в уши летит	121
Последняя кукуевская землянка	123
II ПРЕДЫСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ	127
<i>Глава третья. СУБЪЕКТНОСТЬ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩЕ- ЖИТЕЛЬСТВ И АРТЕЛЕЙ</i>	129
Кто мы, откуда и какого рода-племени?	130
Ведун Иван Вязинин	137
То ли байки, то ли былль старины далекой	140
Выговское Беловодье	144

Глава четвертая. ИСКАНИЯ МОИ И МОИХ ПРЕДКОВ	148
Наши староверовские корни	149
От тюрьмы и от сумы не зарекались	158
Хуторянин столыпинского призыва	168
Последняя хитрость Кулика	176
Бунташная горка у Рашучи	186
Глава пятая. СУДЬБЫ ПОТОМКОВ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ДИ-	
НАСТИИ	197
Кому счет?	198
О чем они сожалеют?	202
Русоненавистники с колыбели	209
Чьей жертвой стал наш Витаха?	214
III ПРОТИВОРЕЧИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ДЕРЕВНИ	223
Глава шестая. ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ...	225
Упорство и труд — все перетрут	227
По законам большой семьи	238
Жить стало лучше, жизнь становится веселее	245
От плохого семени не жди хорошего урожая	249
Утонуть мне не суждено, а что иное?	252
Вы же победители...	269
Глава седьмая. СУБЪЕКТНОСТЬ ДЕРЕВНИ — НЕ ТИХАЯ БУХТА	273
Почему же нам своего не жалко?	275
Деды были культурнее нас	285
Гостехнопарк для колхозной нивы	287
Мои школьные каникулы	291
Деревня в ожидании триумфа	301
Живем по плану генералиссимуса, а не Маршалла	308
Клятва сталинских соколят и сопутствовавшие ей истории	312
IV НАЧАЛО ДЕСУБЪЕКТИВАЦИИ ДЕРЕВНИ	319
Глава восьмая. ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО 1953 ГОДА	321
Неиспользуемые ресурсы	322
За что мне выдали «волчий билет»?	328
Вихри шелонника реют над нами	334
Мертвые сраму не имут, а живые?	344
Граха Жинов	347
Праздник моей души	349
Подует ли ветер в их паруса?	353
Дорогие топляки	356
Как мы строили новый дом	368

Гуси лапчатые	371
Кто же из нас гусь лапчатый?	374
Сеточка маленькая, да доходная	381
Свет из Пеньково	388
Глава восьмая. НАЧАЛО ДЕСУБЪЕКТИВАЦИИ ДЕРЕВНИ	394
Отстрел лебединой стаи	395
Бросовые нужные деревне люди	401
С чем поздравим наших женщин, мужики?	404
Почти личное	407
У кого-то техпрогресс, а у нас, похоже, регресс	413
Колхозные сани тоже не для всех.	416
Придурь с обрезанием огородов	418
Комсомольская копилка	422
Истоки нашего оптимизма	424
И потихонечку гнием в своем болоте	432
Все мрачней и ниже тучи.	437
Откуда берутся Иваны, не помнящие родства?	440
Эпилог	452

**Пишешь из деревни далекой,
Сердцем привязанный к газете.
В деревеньках забытых столько
Сделано по этим заметкам.**
А.Твардовский «Селькор»., 1926 г.

ПРОЛОГ

В первом томе автобиографической хроники жизни деревни Большой Ужин рискую предложить вниманию читателя мои отроческие опусы. Главное их достоинство, полагаю, не мастерство изложения, а его естественная правдивость.

В те далекие годы никакие соображения о будущем собственном месте в жизни, безусловно, вообще не обременяли еще мою интеллектуально девственную голову. Поэтому я писал, руководствуясь тем же природным инстинктом, что и наши далекие предки: что вокруг себя вижу, о том пою и рассказываю¹.

А видел, точнее – замечал я, как и большинство моих земляков сверстников предвоенных лет рождения, намного больше, чем нынешние, оупляемые сказочно-фантазийными мультиками и компьютерными тыкалками-стрелялками мальчишки одного с тогдашним мной возраста.

Долгие месяцы и годы нашей кошмарной жизни прошли в условиях гитлеровской оккупации. То есть в обстановке, когда на наших глазах, в присутствии обезволенного окружения женщин, подростков и детей, упоенные своим всевластием вооруженные винтовками и автоматами парни и дядьки изоощренно издевались над лишенными возможности сопротивляться людьми. Причем их издевательства часто перерастали в человеческие трагедии.

Все это можно с полным основанием сказать и о моем детстве, которое протекало в обстановке неизвестных, но весьма вероятных и, главное, неожиданных для тебя угроз. Особенно в Шимском концлагере, куда на втором году оккупации попали наша семья и большая группа односельчан.

---

¹Эта манера свойственна искусству и философствованию Востока, что кардинально отличает его от свойственного Западу стремления к логическому построению законченных систем миропонимания. Последнее качество западных цивилизаций обуславливает их податливость к искусственному, прагматично-рациональному анализаторству и во многом объясняет истоки модернистской деградации ценностей западной культуры.

Мое детское восприятие бытия изначально характеризовалось наивной проекцией манеры искусства и философствования Востока, но затем, под влиянием усвоения насыщенной ценностями вестернизации российской культуры стало обогащаться манерой западного анализаторства, что нашло отражение в отроческих опусах данной книги. И если оно не попадало в капкан модернистской деградации, то, очевидно, благодаря одновременному усвоению диалектического понимания изменений этого бытия.

Такая насыщенная рисками среда нашего существования породила во мне устойчивую привычку наблюдать и взвешивать опасность того, что происходит вокруг.

Однако это же заставляло детский ум быстро взрослеть.

У меня от весны первого послевоенного, а может последнего военного года, но ясно, что уже в освобожденной деревне, сохранилась единственная детская фотография. На ней я со старшим братом отца, демобилизованным по возрасту и болезни дядей Мишей Куликовым-Староверовым², старшей родной сестрой Клавой и двоюродными братьями и сестрами Лешей и Машей Куликовыми. А также с Юрой и Настей Пятиными, чья мать, тетка Тоня, была старшей сестрой дяди Миши и моего отца. На фотокарточке худенький беловолосый мальчишка в штанишках на одной лямке и с напряженным серьезным личиком.

Да и у остальных лица не улыбочивые, хотя фотографировали нас, судя по некоторой принаряженности нашей компании, вероятно, в день какого-то деревенского религиозного праздника. Скорее всего, весеннего Приполовенья³.

К тому же я рос в окружении четырех старших сестер, редко выпускавших меня из поля своего надзора. При обилии угрожавших нам порожденных войной опасностей, они постоянно меня пасли.

В Шимском концлагере, куда нас водворили немцы, были и другие дети. Однако общений с ними, кроме двоюродного брата Володи Комиссарова (Булаткина), который был старше меня всего лишь на год, не припоминаю. Точнее, по малолетству памяти путаю, то ли такие общения были во время временных остановок на пути нашей высылки, или же уже в самом этом лагере.

Наша конвойная дорога туда из-за боев армии Волховского фронта генерала Мерецкова где-то неподалеку, под Сольцами, а также из-за вылазок партизан два раза прерывалась в солецко-шимских деревнях Шапково и Агапово. Там наши конвойные полицаи загоняли нас в избы местных жителей, пережидая некоторое время попытки красных частей прорвать фронт или успокоения партизанских угроз. Стеречь нас в избах было бы бессмысленно, достаточно перекрыть постами выходы из села. А на нас малышню они вообще не обращали внимания, куда мы могли убежать от мамок. А вот сестры за мной зорко бдили.

Да и позднее, первые два-три года после возвращения из Шимска в Ужин, из-за отсутствия теплой одежды и обуви, большую часть холодного времени года я вынужден был находиться дома, общаясь только с сестрами.

Все это, однако, не усыпляло, а развивало во мне любопытство, ведь запретный плод сладок, к внедомашнему миру и, соответственно, наблюдательность. Тем не менее, такая плотная сестринская опека меня,

---

²Некоторых односельчан в этом разделе я буду называть двойной фамилией. Первой местной, как знал их с детства, второй официальной, паспортной.

³Праздник в честь Андрея Первозванного, приплывшего согласно библейским сказаниям к нам в Новгород Ильмень-озером на камне.

естественно, сказывалась на моем характере и в других отношениях. В отличие от своих сверстников, не говоря уж о наших деревенских ребятах постарше, я был в некоторых смыслах довольно инфантильным ребенком.

Не только по соображениям традиционной духоборской староверораскольнической морали и нравственности⁴, а и чтобы не давать повода обвинить меня в шkodничестве и тем более в воровстве даже по мелочам, за что у оккупантов была одна расплата: петля или, в лучшем случае, порка до потери сознания; меня воспитывали в страхе божьем.

К сожалению, эта опека давала порою неожиданные плоды. Когда в первое лето в нашей освобожденной деревне соседские ребята позвали меня с собой, чтобы натрясти в ближнем от нас Малом Ужине созревающих слив, я даже не понял, что иду с ними, чтобы воровать в чужом саду.

Сохранившиеся немногие сады их владельцы стерегли чутко. Нашу компанию засекли сразу. Мои сообщники тут же сиганули межой в высокую рожь за огородом. Один я остался стоять столбиком, хотя по бегству компании в голову закралось, было, подозрение о несправедности происходящего.

Набравший на меня взрослый парень — то ли Бойцов, то ли Большов, запомнил, — показался мне великаном. К тому же, защищая свое садовое достояние, физиономию он скорчил зверскую. Схватив меня за шкуру, он приподнял мою тщедушную тушку в воздух, и отправил ее в свободный полет пинком сапога. В тот момент он показался мне гигантским.

В самом ли полете или уже заранее ужаснувшись происходящему со мной, я закричал отчаянно и потерял сознание. Очнулся через несколько дней на коленях у матери. Завернутым ею в одеяло.

Кто и как меня принес домой, не знаю, вероятно, Володя с ребятами. Но, видимо, я стал приходить в сознание, и мама вынесла меня на завалинку под окошки избы, чтобы продышался.

Потом я до поздней осени медленно выздоравливал от непонятной болезни, скорее всего от нервного потрясения.

Этот случай, независимо от наследованной у матери, происходившей тоже из иноверческой среды, традиционно-строгой староверческой нравственности, заложил в мое сознание органическое неприятие любых форм воровства.

---

⁴Мой прапрадед Кузьма Филатов был у их белокрыницкого течения вероучителем, умерший на 104 году жизни прадед Николай Кузьмич — церковным старостой паствы Ужинского старообрядческого молельного дома. А вот его внуки, то есть мой отец и его братья и сестры, были всеядными заурядными православными прихожанами, и у нас в доме иконы богородицы и троицы соседствовали в иконостасном углу с почерневшими от времени деревянными статуэтками имевшего дохристианскую родословную Николая Чудотворца и каких-то иных раскольнических старцев.

А происшествие в малоужинском саду послужило позднее, похоже, одним из толчков к тому, что я со временем стал заядлым любителем садоводства.

Вероятно, он же стал причиной тому, почему я с такой непонятной окружающим настырностью воевал с односельчанами за то, чтобы превратить Дикое поле по пути к озеру Ильмень в коллективный сад. А потерпев в этом неудачу, временно рассорился, было, со своей деревней.⁵

Но возвращусь к теме общения. Первый неудачный «выход в люди», к счастью не заразил меня нелюдимостью. Общения хотелось невыразимо, ведь, можно сказать, за порогом избы было множество мальчишеских соблазнов в виде брошенного при отступлении немцев или поврежденного вооружения и снаряжения.

У меня на меже нашего огорода, между прочим, были уже закопаны завернутые в промасленную рваную гимнастерку немецкий пистолет «Вальтер» и обрез русской винтовки Мосина образца 1891 года с лично мной укороченным рашпилем дулом. Результат наших с Володей Булаткиным походов в первое после освобождения нас лето⁶.

К тому же ни телевизора, ни радио, ни телефона, тем более мобильного, у нас, естественно, не было. Потому с упомянутым братом мы виделись почти всегда, даже зимой, когда мне из-за моего вынужденного затворничества становилось особенно невмоготу от моего «бабьего» окружения.

В семье Булаткиных помимо Володи был еще один «мужик» Павел, в возрасте моложе нашей Клавды, но постарше второй моей родной сестры Антонины. И только две девицы — ровесница и подружка третьей моей родной сестры Люси Анюта, — и малолетка Райка, которая была моложе меня, а потому опекать нас с Володей пока, к счастью, не могла. Мать их, тетку Матрену, можно было не считать, она моложе моей матери и потому день-деньской пропадала на артельных работах. Горбатенькую тетю Наташу грех было бы воспринимать нашим надзирателем, наоборот, она была нашей общей, в том числе моей и моих сестер, лелей, душевно лечившей все наши горести и неурядицы.

У нас же в доме было сплошное, по выраженью Павла, «бабье царство» в пять, считая и мать, душ. И все старше, и жаждавшие опекать

---

⁵См. далее опус «Гуси лапчатые».

⁶Оружия с былых полей сражений местные мальчишки-подростки понатаסקали к себе немало. И не просто понатаסקали, но в религиозные праздники устраивали между собой подлинные сражения «деревня на деревню», благо стояли они кучно, недалеко друг от друга. Стреляли, конечно, поверх голов, но всего можно было ожидать. Милицию это, естественно, беспокоило. Несколько раз к нам наведывались на лошадях из Старой Руссы милицейские группы. Поймать «ополченцев» им не удавалось, они рассыпались по домам. Обыски результатов не давали, призывы сдавать найденное оружие не подействовали. Тогда было объявлено, что будет устроен сплошной обыск с использованием сыскных собак, и всех, в чьем доме будет обнаружено оружие, будут арестовывать. К утру перед обыском наш деревенский колодец был переполнен винтовками, автоматами и даже несколькими пулеметами, брошенными туда под покровом ночной темноты.

меня. Братишка Коля еще совсем малыш, отец где-то на фронте пропал, несколько последних военных и послевоенных месяцев от него никаких вестей. А была у меня еще и четвертая сестра Настя, на три года старше меня.

Так что допекали меня эти «царевны» основательно.

Помню, как-то, примеряя на себе серьги, мои сестры из озорства прокололи мочки ушей и мне. Снимать сережки я почему-то не умел, а потому, как цыган или маленький пират, ходил с ними до самого поступления в школу. Только тогда, чтобы школяры не начали надо мной смеяться, мол, девчонка, а я в детстве походил на белокурую девочку, «зловредины сестрицы» сняли их.

Но дырочки в мочках еще долго не зарастали. Из-за нудного свербежа этих проколов, я на уроках, слушая учителей, постоянно пытался закручивать мочки на пальцы и потому они, в конце концов, несколько отвисли, портя мне настроение.

Понятно почему, когда становилось неважно от их девчачьих забав и сестринской опеки, я зимой буквально, как пела по общему для всей деревни радиорупору – на столбе напротив магазина сельпо – Русланова, «по морозу босиком», из-за отсутствия у нас с братцем Колей зимней обуви, сбегал к брату. Тем более, что жили Булаткины через две избы от нас. А потом отогревался на их печке, играя с тезкой в наши мальчишеские игры.

Но, похоже, и я иногда допекал сестер. Особенно, когда их заставили учиться, чтобы получить обязательное на тот момент в нашей стране начальное образование. Память у меня была великолепная, а у них мысли уже направлялись в иную, чем учеба, сторону обсуждения гулянок и ухажеров.

И вот типичная для нашего дома картинка: зима, посреди избы круглый стол, накрытый клеенкой. Я под ним и прикрытием клеенки, мастерю силки, старшие три сестры на табуретках вокруг стола пробуют гранит знаний.

Несмотря на разницу их возраста в 3-6-9 лет старше первоклассницы девятилетней Насти, все трое в одном третьем классе. А потому Настя пишет прописи, а все остальные учат заданную им на дом балладу о Сусанине.

Учиться им скучно. То одна, то другая отвлекают друг дружку репликами и пересудами, а баллада наизусть, естественно, не запоминается. Несмотря на многочисленные повторные чтения ее вслух, то и дело при попытке продекламировать балладу устно в ступор впадают все трое.

Я давно с их же слов ее заучил⁷, ехидно подсказываю. Раз подсказываю, два, три. . . Мать с кухни, где готовит ужин, не выдерживает, укоряет их за болтовню.

---

⁷Заодно, вместе с Настей, я тогда выучился бегло писать и читать. И поскольку в прописях не тренировался, то пишу корявым почерком.

— Ребенок уже выучил, а вы, как будто телушки бестолковые!..

При очередной моей подказке кто-то из сестер не выдерживает, бежит в закуток возле входной двери за голиком⁸ и начинается на меня охота.

Не переставая ехидничать в их адрес, убегаю от них прятаться к матери в чулан за печку, где она кухарит. Или, если успеваю схватить чью-либо одежду, в сени и на являвшийся их продолжением сеновал подворья.

Но вообще-то я к сестрам был родственно привязан. Помню, когда сам уже учился в третьем классе, а старшую Клаву занарядили на лесоразработки в дальний район, я, скучая, писал ей письма чуть ли не каждый день.

Посылал их оказией с односельчанами, регулярно направляемыми для пополнения или обновления бригады артельных лесорубов. С подробными описаниями новостей в жизни деревни. Поскольку Клава любила письма с подробностями и сама писала их через день своему жениху Феде Юшину, служившему на флоте. Толстые, по пять-десять страниц каждое.

Возвратившись с лесоразработок, Клава со смехом и в то же время с нотками застенчивой благодарности любила вспоминать, как наши молодые односельчане, тоскуя на лесоразработках по дому, частенько просили читать им мои письма вслух. Из-за их информативности и живости. Иногда хохоча, правда, из-за моих простодушно-детских метафор и оценок. Вывод же делали одобрительный: «Талан, парень!..».

В это время обнаружился во мне и другой «талан» — способность писать престарелым и пожилым односельчанам «челобитные». В основном женщинам.

Как-то помог я жившей через три дома от нас малограмотной вдове Петровне написать письмо в военкомат и оттуда через некоторое время пришел ответ, где и когда погибли ее муж и сын. После этого вдовы, бабки, чьи дети сгинули на войне, потянулись в наш дом с аналогичными или похожими просьбами. Например, написать «наверх» — да «поубедительнее!», «пожалостливее!» — челобитную от их имени. Чтобы им помогли с дровами, назначили пенсию за погибших домочадцев, сообщили о судьбе пропавших и т.д.

При этом они вспоминали с моей матерью о прошлом и обсуждали свое сегодняшнее житье бытие. Мама, долго хворала после концлагеря, тем не менее, всегда присутствовала при их визитах к нам. Они зачастую, как любят женщины, говорили об особенностях характеров пропавших домочадцев, их поступках в разнообразных жизненных ситуациях в нашей деревне.

И постепенно я узнал многое не только о сегодняшнем дне большинства семей односельчан, но и об их довоенной жизни. А заодно и о былых противоречиях в деревенском бытии.

---

⁸Голик — веник-метла из прутьев без листьев.

Иногда меня просили написать от их имени жалобу в какую-нибудь газету, а потом я читал им ответы на нее. Поскольку многие бабки, как и моя мать, хотя и учились до войны в ликбезе грамоте, но благополучно ее забыли.

И чем более общение с ними помогало мне понять подспудные переплетения реалий их безыскусного мира, тем сильнее созревало во мне непонятное своими причинами желание сообщить в газету и о своих наблюдениях за нашей жизнью.

Еще одним толчком, сподвигнувшим меня на стезю бумагомарательства, оказались мои недоразумения со сверстниками по поводу несходства наших отношений к учебе.

Начальная школа, в которой училась большеужинская детвора, находилась в соседнем сельце Малом Ужине на расстоянии менее километра. А в пятый класс нам пришлось пойти в Борисовскую семилетку за восемь километров, если считать дорогу через это село, поскольку она находилась на его окраине возле церкви. Ребятам не хотелось ходить так далеко.

Да и вообще, привычные к слабо регламентированным работам в личном подсобном хозяйстве, а летом и в артельном полеводстве, они тяготились учебной дисциплиной и вместо уроков предпочитали уединиться по дороге в кустах, чтобы поиграть в карты или иные игры, покурить, подурачиться, пошарить в чьем-либо саду.

Когда все же время от времени приходилось заглядывать в школу, на вопрос, почему не были на занятиях, отвечали, что реки Вилино или Перехода, которые нам приходилось пересекать по пути в школу, разлились. Или, что дождем дорогу развезло, по грязи идти без сапогов (а многие ходили в опорках) невозможно и т.д.

Им говорили, уличая в выдумках: «А почему Староверову ничто не помешало добраться до школы!?»

Мне нравилось учиться, а ходить без усталости на далекие расстояния я привык, бродяжничая, будучи со времен Шимского концлагеря до возвращения отца из госпиталя постоянно полуголодным, по окрестностям в поисках пропитания — яиц диких уток, ягод ежевики-куманики, выводков куропаток, кислицы и прочей съедобности.

Ребята сообразили, чтобы их выдумки стали правдоподобными, надо меня задерживать по дороге в школу, на что я не соглашался.

Я был болезненным и потому слабосильным по сравнению с ними. Зато умел метко стрелять из рогатки и бросаться камнями, в чем натренировался, часто охотясь без ружья с Булаткиным Володей за утками и куропатками.

Кроме того, с военных времен, как и другие мальчишки нашей деревни, я ходил всегда «вооруженным». В карманах помимо рогатки носил складной нож, для использования которого у любого деревенского мальчишки находилось тысячи практических доводов, и нагайку на капроновой веревочке, чтобы отмахиваться, а кроме того запас камешков-голышей, чтобы отбиваться.

Так что подойти ко мне, чтобы задержать, было сложно. Помню, когда однажды запасы голышей в карманах кончились, я вырвал в поле, из борозды на обочине дороги здоровущий бурак, как у нас именовали кормовой турнепс, и, отрезая от него куски, отстреливался и откидывался ими, пока ребятам не надоело меня преследовать.

Но вообще-то эти наши сшибки мало походили на нынешние злобные и безжалостные драки современных школяров, которые нашли отражение в фильмах Германики или в одной из телепередач сериала «След», а именно «Почему все не любят Глеба».

Наши ребята «цеплялись» ко мне вроде бы по той же причине, а именно, непохожести моего и их поведения. Но у нас за плечами были картины издевательств оккупантов и их подручных над людьми и мы не хотели, хотя бы в чем-то походить на них. Не только в моем сердце, но и в душах моих грубоватых, битых жизнью однокашников еще пульсировало сочувствие к боли и унижению жертв. В отличие от затянутых паутиной равнодушия и заплывших патокой потребительства черствых сердец покалеченных безжалостной к неудачникам буржуазно-рыночной атмосферой нынешних деток-мажоров.

Однажды мои однокашники были с утра в мирном настроении, и я начал рассказывать им, как привык делать это в начальной школе по поручению учительницы Полины Степановны Пашутиной,⁹ содержание последней прочитанной мной книги о войне. Ребята шли со мной и слушали меня до самой реки Переходы, что протекает у околицы Борисова. Потом, однако, все-таки пошли не в школу, а, как всегда, в кусты, сказав, что подождут меня, чтобы дослушать, что там в моем повествовании дальше.

С тех пор так и повелось: они поджидали меня за околицей Малого Ужина, и до Борисова, а также на обратном пути от него до дома я пересказывал им прочитанные книги.

За историями о войне пошли прочие повествования, потом сказки. Наконец, я почти исчерпал свой багаж читанного к этому времени, и потому стал произвольно компилировать сюжеты и конкретное содержание некогда прочитанных мною книг. Особенно удавались мне циклы на ходу придумываемых сказок, причем поводом для них мог быть любой предмет, попавший на глаза, любое известное нам событие. Отталкиваясь от них, я и плел свои небылицы.

Видимо, они впечатляли моих неискушенных слушателей. Во всяком случае, уже где-то в почтенном возрасте, когда я заехал в Большой Ужин проведать родственников (а там отмечался какой-то очередной престольный праздник) ко мне подошел пьяненький бывший мой сосед Саша Грязнов-Кузихин и, пытаясь обниматься в знак приязни, сказал с признательностью:

— А я помню, как ты рассказывал сказки и книжки про войну по дороге в школу!..

---

⁹Об этом я расскажу в одном из последующих материалов.

Очевидно, эти рассказы сформировали во мне некоторые навыки импровизации и построения занимательного сюжета. А в совокупности с «talанами» писать складные письма и убедительные «челобитные» большеужинских тетушек и бабушек, все это, в конце концов, и вылилось в те непритязательные публикации, которые составили ниже-следующую книгу.

Они были написаны мною до поступления на факультет журналистики МГУ. Среди них есть ряд заметок, которые были отвергнуты партийно-советскими изданиями. Они публиковались только в школьной и колхозной стенгазетах, которые редактировал сам автор – а потому без цензуры – или сохранились в небольшом числе в моем личном архиве.

Симптоматично для уяснения спонтанной природы демократии, в том числе современной российской, что после появления ряда этих опусов в комсомольской стенгазете очередной номер ее спешно и молчаливо снял, а затем вообще запретил выпускать тогдашний, беспартийный, кстати, председатель нашего колхоза Иван Сорокин. Как и почему это произошло, расскажу в комментариях к ним в одной из последующих глав четвертой книги.

А почему я сегодня их воспроизвожу в этой книге, читатель, надеюсь, поймет сам. В них отражались те или иные по-своему примечательные их проявлениями стороны противоречивого послевоенного большеужинского бытия. Причем, отражались «по-взрослому». Вообще, в послевоенные годы нас с восьми- десятилетнего возраста мало кто воспринимал как детей.

И действительно, маленькими мы были недолго, затем быстро становились взрослыми людьми со своими мнениями, интересами, позициями. И старшие, инстинктивно чувствуя нашу стимулируемую особостью времени психологическую и социальную акселерацию, относились к нам с соответствующим этому явлению доверием.

К тому же, я согласен с известным современным итальянским комедиографом Алессандро Казолу, что первые артефакты раннего творчества «как первая любовь, которую ты никогда не забываешь».

Первую свою пьесу Козолу, как и я, свои опусы, начал писать, когда ему было одиннадцать лет. Но больше четырех сцен у него не получалось. Естественно, что, взрослея, текст он потерял, а когда вдруг снова нашел их через двадцать лет и перечитал, то некоторые куски из сотворенного им в его отроческие времена вставил в свою свежую пьесу.

У меня с тех времен, когда были написаны мои включаемые в эту книгу опусы, прошло более шести с половиной десятилетий. Тем не менее, я решил воскресить их в качестве своего рода артефактов case-study, к тому же используемых в обрамлении современных мульти-социологических комментариев. Что из этого получилось – решать читателю.

Должен заметить, что книгу составляют не только опубликованные где-либо заметки и комментарии их в свете сегодняшнего российского

бытия и моей нынешней мировоззренческой оценки, отраженных в них реалий послевоенной деревни, но и дневниковые записи «на память», а также упражнения для самообразования в словесности.

Первые я решил записывать, прочитав в пятом классе трагедию А.С.Пушкина «Борис Годунов» и впечатляясь образом летописца Пимена. А вторые, когда за свои публикации в районной газете получил от большеужинских сверстников прозвище Писатель. В нем недоумение и уважение подчас соседствовало с язвительной насмешкой.

Тем не менее, прочитав чей-то совет молодым авторам, желающим научиться писать, начинать такую учебу в дневниковой форме и не пропускать при этом « ни дня без строчки».

Заинтересовавшись после встречи со старорусским краеведом Иваном Вязининым и дедулей Карпом Никифоровичем из сельца Бологижа житием своего прапрадеда Кузьмы Филатова, прадеда Николая Кузьмича и деда Кулика¹⁰, а заодно и прошлым нашей деревни и нашего крестьянского сословия, я этот девиз воплотил в десятке тетрадей. Они, кстати, впоследствии сыграли большую роль в том, что я со временем стал крестьяноведом и аграрно-сельским социологом.

Некоторые записи из тех тетрадей тоже стали кирпичиками, положенными в основания автобиосоциохроники русской деревни, одним из блоков которой и стала эта книга.

Часть этого предисловия я извлек из своего дневника студенческих времен и дополнил его и несколько подкорректировал с учетом нынешней социальной реальности. И вообще, многие дневниковые записи школьных лет были отредактированы и снабжены заголовками мной на первом-втором курсе учебы на редиздательском отделении журфака МГУ им. Ломоносова. Их я использовал в качестве исходного материала в процессе освоения искусства редактирования.

---

¹⁰Об этом рассказано во второй книге данного тома, а также в монографии: В.И.Староверов «Россия и деревня: историческая обусловленность их общинной социальности. М. ИСПИ РАН, 2019.

Книга I

**ВОЗРОЖДЕНИЕ
СУБЪЕКТНОСТИ ДЕРЕВНИ**

Глава первая **НАШЕ ПОВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ БЫТИЕ**

В использованных в качестве артефактов для последующих комментариев опусах данной главы описывается предвоенная и повоенная атмосфера в среднерусской деревне и частично в стране в целом. Эти артефакты, как поймет читатель, оформлены автором не сразу в ходе события, а несколько лет спустя после них и на описании их вероятно сказались не столько его непосредственное восприятие, сколько передача их в рассказах семейного окружения и более взрослых односельчан.

Но невыдуманный характер их очевиден.

Естественно, что юный автор этих опусов, берясь за перо, не мыслит в таких заумных категориях, но, следуя правде жизнеописания бытия земляков, он сугубо приземлено и даже в чем-то наивно, тем не менее, что вероятно заметит любознательный читатель, невольно их зафиксировал довольно достоверно.

СЛЫШЬ, ЛЕКСЕИЧ, ВОЙНА НАЧАЛАСЬ...

Из дневника 1951 года

Такими известиями оглушил возвращавшегося с ночного промысла папу его сверстник сосед Семук Блинов. Обычно лыбившийся добродушием, а в данный момент чем-то встревоженный и, как будто, разозленный.

Отец, только что ступивший с совместной тропинки на меже наших огородов в заулок своего дома, споткнулся. С его плеч начала сползать на землю торба с еще трепыхавшимся свежим уловом, а он этого, казалось, не ощущал и не замечал, на долгую минуту застыв в полу нагибе.

* * *

Сейчас, описывая эту сценку восьмилетней давности, я, кажется, понимаю, что погрузило в то мгновение отца в столбняк. Буквально накануне почти на этом месте, только поближе к нашему крыльцу между ним, Семуком и старшим братом отца дядей Мишей разгорелась оживленная беседа.

Насколько я тогда понял, дядя Миша зашел к нам, чтобы помочь отцу и Семуку отвезти телегой к озеру невод. Порванной зацепами коряг, а теперь заштопанный мамой и соседкой теткой Нюхой Блиновой.

Им-то они и намеревались с вечера до утра промышлять в Тулебельском заливе подлещиков, плотву и окуней.

Пока мужики проверяли, насколько тщательно заштопаны все, даже самые мелкие, прорехи в неводе, в репликах, которыми они при этом

обменивались, постоянно упоминались германы, угроза войны с ними и какая-то непонятная мне тогда, но несколько раз «заява Атас» * . . .

— Война неминуема. Мой Никольша наемдни, возвращаясь из Парфино, полночи прождал на вокзале автобус. Говорит, без конца поезда гурьбой шли. На Запад с техникой и служивыми, а обратно большей частью полупустые. Ясно, не просто так это. . . — рассудительно сказал, наконец, дядя Миша.

— А как же тогда заявление Атас? — недоуменно спросил Семук. — Ведь в ней людей успокаивают, что у нас нет причин волноваться. . .

Отец, молча и в то же время вопросительно, смотрел на дядю Мишу. Тот в очередной раз пожал плечами:

— А вот так и понимать, просят. Не провоцировать и не лопоушничать. . .

— Ничего не понятно, .. — вздохнул Семук. Мне в тот момент тоже было невдомек, чего ему непонятно, если речь идет о заяве Атас. Что такое Атас, теперь даже я знаю.

На днях мы устроили, было, набег на молодой горох в огороде деда Петра Романова, что напротив нас живет. Мы — это Юраха — сын старшей папиной сестры тети Тони, потянувший меня с собой, и Миша с Ваняткой дяди Павла Щепетова, которые живут напротив их. Наша ватага уже подобралась под укрытием кустов к гороху, как Ванятка заорал: — Атас! Петруха!..

Мы, конечно, улепетнули подальше, в соседний огород Глудусов. А дед Петр просто прошелся до огуречных гряд, взял ведро с ранее собранными огурцами и ушел на подворье.

Миша шлепнул Ванятку по попе:

— Чего разорался напрасно, не мог тихо предупредить?

— Да Петрухе все равно медведь на ухо наступил, почти ничего не слышит, — оправдывался Ванятка.

Так я и понял, что атас — это сигнал осторожности. А значит, заява Атас, которую так часто упоминали вчера мужики, просто велит, не настораживая, вместе с тем держать ухо востро. И чего дяде Семуку не понятно?

* * *1

Выправившись, отец с какой-то несколько растерянной гримасой взглянул на меня и моментально перевел свой взгляд на окна нашей пятистенки, освещавшие чулан с печкой, где, как я знал, хлопотали над семейным завтраком мама и старшая из сестер Клава.

---

* Так я тогда воспринял на слух мем ТАСС (Атас)

¹Частая разбивка на мелкие отрывки объяснялась не смыслом, а тем, что мне по много было еще утомительно писать. К тому же эти отрывки записывались мной на первых порах в разных тетрадах, и я уже, будучи первокурсником редиздата журфака МГУ, вылавливал их и объединял по смыслу в нечто «целостное».

— Ура, воюем! — закричал, подскочив из соседского заулка, шустряк Николаха по прозвищу Патрап. Парень года на четыре старше меня.

— Кыш, не мешайся! — шикнул Семук, направляя его легким подзатыльником обратно на их двор. Патрап обиженно зашмыгал носом, но послушаться отца не осмелился.

— А чего?.. Мы же их все равно эропланами разбомбим и пулеметами постреляем, чтобы не лезли к нам! — приглушенно и недовольно бурчал Николаха, удаляясь в свой заулок.

Я тем временем пытался поднять отцову торбу с трепыхавшейся ловецкой варкой. Весу в ней было килограммов пять-семь, и пока поднять мне их было непосильно. Потому я потащил ее волоком к крыльцу. Утренние встречи отца с ночного промысла на озере Ильмень стали для меня тем теплым предвоенным летом моим священным ритуалом.

Отец отмер от неподвижности, крикнул озадаченно:

— Дела!..

И, не сказав больше ничего, перехватил у меня торбу, и мы с ним вдвоем, ухватив по ляжке, потащили ее в дом.

Когда мы вошли в избу, мама, видимо, услышав скрип ступенек в коридоре, встретила нас у порога входной двери. Потемнев лицом, непривычно хмурая, сведенными в щелки глазами она, молча и долго, посмотрела в лицо отца. Тот также, не мигая, взгляделся в неё. Потом хрипло сказал:

— Отыщи мать сидор, с которым я с финнской пришел. Смену исподнего подготовь. Остальное я сам подберу. . .

— Куда тебе!? Шестеро по лавкам., может, обойдется. . . -вдруг всхлипнула мама.

— Вряд ли без нас обойдутся. Это тебе не с чухной. . . Как ни тяжело, тогда пришлось, а без общего призыва обошлись. Сейчас другой случай. Чтоб германцев остановить, всем миром, чую, придется поднатуриться. . .

* * *

Следующие несколько дней артельный мир Большого Ужина стал похож на растревоженный палкой муравейник. Нет, люди не забросили ни промысловые тони, ни фермы, огороды или поля. Наоборот, все делали, что и раньше, только, пожалуй, торопливее обычного и с заметным напрягом.

С того самого дня, когда Семук оглушил отца своим известием, на площади перед массивным каменным зданием дома культуры и правления колхоза пополудни ежедневно стали собираться кучки народа.

После короткого митинга, когда под забористую мелодию «Варяга», а когда и под всхлипы, а то и безутешные слезы матерей и зазноб, наши парни садились в телеги и, нервно стегнув вожжами встревоженных

людским гвалтом лошадей, с песней или молча, растворялись в кустарниках выселковского, заросшего мелкой муравой большака.

Того, что вел на Пеньково, а затем и в военкомат нашего райцентра Старой Руссы, в двух десятках верст от нас.

Через несколько дней к парням стали присоединяться и женатые мужики. Причем, все более старшего возраста.

Уехал с ними в военкомат Семук Блинов², оставив дома жену Нюшу и двоих детей, Валю Креву и Патрапа. За ним — его сосед дядя Вася Дорохов, жена которого Катерина должна была вот-вот родить второе их чадо.

А через неделю дошла очередь и до отца. У него в семье уже было четверо дочерей мал мала меньше, да я. Плюс к этому где-то в Боровичах учился в ремеслухе старший сын Иван³, уехавший туда по весне. Но отец рано женился, и ему было еще всего тридцать четыре года. Возраст призывной.

И главное, он был уже обстрелянный, как резервист и неоднократный призывник в стычках территориальных войск с прибалтийскими диверсантами, затем в походе в Западную Белоруссию, вояка.

В недавней войне с Финляндией он был ранен в грудь. Но сквозное пулевое ранение уже осталось памяткой в виде двух розоватых кругляшей-отметин. Так, что по всем статьям он был отменно здоровеньким. А возраст?..

Служили в нашем роду в годы оные родичи и старше его. Вот и сейчас с ним отправлялся на войну старший брат, наш дядя Миша Куликов-Староверов. Так что, судя по всему, отцу и в голову не приходило уклоняться от новых испытаний.

* * *

На площадь мы его провожали, естественно, всем нашим семейным кагалом. Глаза мамы, как сомкнулись полторы недели назад в скорбные щелки, так и застыли. Разве что к ним добавилась бледность одеревеневших щек.

Прибыл сюда и дядя Миша, и тоже со всем семейством. Сыновьями Колей и Лешей, дочками Машей и Раей. И конечно, вокруг него суетилась всхлипывающая жена, тетка Надеха, в отношениях с которой у мамы почему-то издавна всегда ощущался какой-то напряг стародавних корней.

Неподалеку от них голосили тетка Дуня и моя однолетка Нина, и совсем заходилась в реве напуганный их плачем полугодовалый Сашка — семейство другого нашего соседа дяди Вани Кузихина, который

---

²О Семене Блинове первом, еще до оккупации, пришло извещение, что он погиб «смертью храбрых» под Сестрорецком.

³Уже после войны мы узнали, что Иван погиб тоже в первые месяцы ее, попав под бомбежку, когда копал вместе с однокашниками противотанковый ров под станцией Дно.

призывался в компании семейных резервистов вместе с отцом и дядей Мишей. . .

После короткого напутственного слова председателя артели дяди Вани Щепетова, который и сам готовился следующим транспортом отправиться в военкомат, отец неловко обнял и поцеловал маму, — как я теперь понимаю, прилюдные изъявления нежности у них не практиковались, — расцеловал дочерей и поднял меня на уровень своих прищуренных глаз:

— Ну, Вовка, пока ты один мужик в семье остаешься. Будь умником, не доставляй маме и сестрам хлопот, и оберегай их!

Уже угнездившись в телеге, переводя по-прежнему напряженный взгляд с меня, дочерей, на маму и обратно, сказал:

— А ты, Маша, береги детей. И прости, если что у нас было неладного. Бог милостлив, авось еще увидимся.

Побелевшая мама, казалось, застыла в молчании, только посиневшие губы ее подрагивали. У сестер, которые равнялись на маму, по щекам текли слезы, они куксались, но молчали. Я насупился, удерживаясь от рева. Ведь папка меня мужиком посчитал, а мужики не ревут.

Наконец, мама не сдержалась, наклонилась к отцу, неловко коснувшись губами его гладко выбритой щеки:

— И ты, не обессудь, если что не так бывало. Уповаю на милость Богородицы, чтобы сохранила она тебя для семьи.

Когда подвода с отцом и дядей Мишей стала удаляться, я не выдержал, рванулся из рук Клавы. Меня перехватила Тоня. Я закричал. Что кричал, не помню, но Клава уверяет:

— Папка, возвратись живым!..

ПЕРВЫЙ ГОД ОККУПАЦИИ

Из того же дневника

На следующий день до нас стали доходить далекие неопределенные вздрагивания земли. Полтора предыдущих месяца лето выдалось засушливое, а потому земля, особенно дороги, превратилась в суглинистый монолит, в котором по утрам и в сумерки, даже тележный скрип колес и перестук лошадиных подков разносился за несколько верст окрест.

Но то, что стало до нас доходить походило не на скрипы и перестуки, а на удары великана молотобойца, порождавшие нечто вроде волн смутной тряски самих земных недр. . .

— Похоже, Тулеблю, германец бомбит, — определил наш престарелый уличный сосед Петруха Романов, поковыряв пальцем в ухе и усилив его ладошкой в рупор.

— А вроде ближе,.. Бурегу или Корыстынь, — высказал сомнение Ильюха Блинов обитатель нашего конца деревни, малорослый мужи-

чок с подвижной физиономией, лет на пять-шесть старше моего отца и потому не подлежащий призыву.

— По воде было бы слышнее, да и кукуевцы с их берега увидели бы всполохи. А пока, им ничего не видно, — оборвал начало спора Петруха и заторопился к озеру, чтобы проверить свои «запретные» сетки.

Запретные не потому, что кто-то запрещает ставить не артельные, а единоличные мережи, вентери и иные маломерки, а потому, что у петрухиных трех небольших станков ячеи, как говорил отец, часто меньше допустимого нормами размера. . .

Через несколько дней удары великана-молотобойца стали доноситься с разных сторон: с противоположной стороны Ильменя, слева и справа его побережья. Там находятся Новгород, рабочий поселок Парфино, Шимск.

А вот с запада, со стороны Шимска или Мстони, пополудни донеслись не только глухие взрывы, но и стали видны не то кучковатые тучи, не то клубы дыма и пыли. То, как сказывали наши старики, немцы бомбили полукилометровой длины мост через реку Шелонь. А точнее, отступавшие через нее красноармейские части и беженцев.

Тем же полуднем, задержавшийся вопреки обещанию уехать в военкомат следующим после отца транспортом дядя Ваня Щепетов срочно собрал правленцев артели и приказал известить всех большеужинян, что по чьему-то приказу — чьему, я так и не понял, — колхозные лошади раздаются по дворам колхозников для единоличного пользования на неопределенное время.

После этого, поцеловав жену тетку Ньюху и детей Серегу, Мишу и Женю, он вскочил в седло председательского Воронка и наметом ускакал полями в сторону Старой Руссы

К вечеру такие же отдаленные взрывы, как из Шимска, донеслись с юго-востока. Там же поднялись лохматые и приземистые, как над Шелонью, тучи. Тучи пузырились на горизонте до сумерек, и все это время ощущалась тряска земли. А ночью легкий бриз с более быстро охватываемой прохладой суши в сторону лучше хранившей тело озерной воды донес до нас тревожно-горький привкус пожарищ.

Стало ясно, бомбили старорусскую железнодорожную станцию, а возможно и сам наш райцентр Старую Руссу. . .

Вечером мама с Клавой и Тоней долго возились с лопатами и полотнищами просмоленной парусины, пряча что-то в ямы между кустами на левой стороне огорода, где была полоса забурьяненной пустоши еще для одного приусадебного участка. Её никто пока не возделывал и потому за ней был огород Кузихиных.

Мы, малолетки, Люся, Настя и я, нарушая ее приказ идти спать, сгрудились на сеновале возле щелястой дверцы, из которой просматривались старорусские дали. Нам чудилось, или мы действительно видели отсветы загоризонтных пожаров.

Спать мы все же улеглись, но заснуть не успели. Издали на деревню накатился вдруг рев мотоциклов и машин, каких у нас уже давно не слышали. Большой Ужин со всех сторон был схвачен в перекрестиях диковенных тогда для меня лучей фар.

Со стороны Булаткиных и Дороховых послышался гортанный ор, а вскоре и в коридорную дверь нашей избы забухали то ли сапогом, то ли прикладом.

Вспыхнула керосиновая семилинейка, мама торопливо, с криком «Иду! Иду!..», спустилась с лестницы и, отодвинув засов и крючок, вынула из скоб дубовую закладку. . .

Укутавшись, кто во что под руку попало, мы мал-мала высыпали в коридор. И помнится, я тогда удивился, что старшие сестры Клава и Тоня зачем-то вместо фартовых у них пальтишек натянули на себя замызганные на промысле и полевых работах фуфайки родителей, к тому же закутались чуть ли не до подбородка в старые платки.

Дверь распахнулась, с крыльца с гоготами смеха, перемежаемого непонятными словами, вломились пять рослых и, как у нас говорят, ражих фрицев. Передовой, с автоматом у пояса, в три шага проскочил нашу коридорную лестницу и, поводя его стволом, распахнул дверцу, что прикрывала ход в уборную, далее, в хлев и на сарай. Прочие, сотрясая ступеньки лесенки и настил коридорных сеней, протопали к порогу избы.

Увидев нас, видимо старший в этой ватаге, поскольку был в отличие от остальных с портупеей и в фуражке с кокардой, поморщился. Пройдя мимо нас, как пустого места и, просвечивая фонариком углы, оглядел с порога внутренность дома и скомандовал на ломаном, но в целом внятном русском:

— Матка, пять мест для спать! Киндер — в сарай, хлев. . . Нам млеко, яйки!..

* * *

Июльско-августовские ночи теплые и мы, малыши, притаившись тише мышек и укрывшись кусками старой парусины вместо одеял, вообще-то уютно устроились на сене у той же дверцы сарая, сквозь щели которой днем пытались разглядеть признаки бомбежки Старой Руссы. Слышали, как мама доставала из продуктового ларя и несла фрицам крынки с молоком и решето с яйцами, а Клава и Тоня носили по приказу старшего в избу сено, ибо детские и подростковые кровати рослых фрицев, естественно, не устроили.

Где, когда и каким образом наши старшие сестры измазались в золе, неясно, но выглядели обе в свете переносного ночного фонаря как девчонки-беженки, которые в последнюю неделю шли улицей Большого Ужина неизвестно откуда и неизвестно куда. . . Особенно рослая, но тонкая, а в тот момент казавшаяся болезненно тощей, Тоня.

Возбужденные происшедшим, мы уснули уже тогда, когда раннее у нас на севере летнее утро позолотило просматриваемое с нашего сарая небо над Тулебельским заливом.

К счастью, когда мы проснулись, выяснилось, что пятерка фрицев из нашего дома ушла на службу. А потом вообще оказалось, что избу переводчик, или кто он был там, облюбовал для постоя одного их офицера с ординарцем. Да и сам поселился в их компании тут же.

Для них другие фрицы выгородили из нашей горницы две комнаты. В дополнение к этому они заняли боковушку, где до того спали Клава и Тоня. А нам, малышне, оставили закуток возле входной двери за летней печуркой. За семьей осталась и кухня с зимней печкой. На ней стали спать Клава с Тоней и, как позднее мне объяснили, для сторожки их, мама.

Вообще-то новые жильцы оказались менее наглые, чем вломившаяся сначала банда фрицевских архаровцев. И со временем у нас с ними сложилось было даже некоторое мирное сосуществование.

Впрочем, если говорить честно, то в силу тогдашнего своего малолетства я запомнил фрицев преимущественно в последние два года оккупации. Из первого года смутно вспоминается такая вот сценка.

Я с деревянной саблей, изготовленной для меня отцом до войны, на боку и с деревянным пистолетом, засунутым в карман штанишек, несущим сидящим за обеденным столом фрицам деревянное блюдо разварной картошки, которую мать раскладывает за занавеской в кухне.

Немцы, во главе которых офицер, видя как я, косолапя от натуги, несущим им тяжелое для меня блюдо картошки, гогочут, шутливо наставляя на меня свои револьверы:

— Партизанен!!! Партизанен!!! Пу!., Пу-пу!...

Поставив блюдо на стол, я хватаю свой деревянный пистолетик, наставляю на гогочущую компанию и в свою очередь кричу:

— Пу-пу-пу!..

Что там было дальше, не помню, но за следующим блюдом я иду, получив от них две-три таблетки белого сахара.

На начальном этапе оккупации немецкие службы у нас в целом стремились «подружиться» с мирным населением. Потом немцы становились все сердитее, и кончилось дело, как уже известно, водворением многих нас в концлагерь.

ЛИСЬЯ У НИХ ШКУРА, ДА ВОЛЧЬЯ НАТУРА

Источник тот же

Возвращаясь к последней дневниковой записи, хочу пояснить, каким образом мы и многие наши земляки оказались узниками Шимского концлагеря.

Наша деревня очутилась на той части оккупированной немцами территории, которая прилегала к узкой полосе, занятой красноармей-

цами. Они блокировали столь же узкую, в две-пять верст шириной, стокилометровой длины Рамушевскую горловину. Эта горловина, как писал недавно в «Старорусской правде» районный военком, связывала запертых в первом в истории Отечественной войны «Демянском котле» дивизии немецких войск генерала Буша с дислоцировавшимися в Старой Руссе войсками армии генерала Зейдлица.

Эта армия оккупировала северо-западные новгородские районы и заодно обеспечивала блокаду Ленинграда с востока.

О Демянске тогда взрослые земляки перешептывались втихомолку и с надеждами, оценивая этот котел как реванш за недавний разгром второй ударной армии в районе Мясного Бора под Ленинградом. О чем фрицы много и с ухмылками разглагольствовали среди покоренного им населения и что повергло последнее в сумрачное уныние. Слухи о Демянском котле, наоборот, ввергли фрицев в меланхолию раздумий и как бальзам на сердце, оживили лица многих большеужинян.

Доходили слухи, что в повседневных боях, как немцы, так и красноармейские части несли существенные потери.

Для восполнения их, как писал упомянутый военком, немцы использовали разветвленную сеть ленинградских и новгородских дорог. У красной армии в болотистой при коридорной блокирующей полосе их не было. Ее командующие, генералы Мерецков с Говоровым, а затем и маршал Кулик, восполняли убыль сил в прикоридорной полосе воздушным десантированием или глубокими рейдами своих бойцов по немецким тылам.

Зима в наших местах изобилует низкой облачностью и буранами. Довоенные карты новгородчины, как, впрочем, и всей нашей страны, характеризовались провокационными неточностями. Прикоридорная полоса была, как уже говорилось, узкая. Десантники нередко обнаруживали себя «у черта на куличках», и тогда их выручали жители местных деревень, становясь их проводниками.

Поняв это, немцы выселили большинство их. Кого, — мало трудоспособных, — в концлагерь, кого, наиболее трудоспособных, на роль батраков в поселения дальних от Рамушевского коридора краев. В число бедажных кандидатов в концлагерь попала и наша многодетная — мал мала меньше — семья.

* * *

Но прежде, чем это произошло, мы прожили почти год в условиях «мирного приручения» оккупантами покоренного ими населения. Мирный характер этих попыток приручения был, конечно, более, чем относительный.

Так, уже в первые недели прихода немцев большеужиняне, испуганно перешептываясь, делились с заслуживавшими доверия земляками достоверными сведениями и слухами, что, скажем, в Борисове, что в се-

ми верстах от нас, немцы по доносу арестовали двух депутатов сельсовета, пытали их, а затем расстреляли на береговой круче реки Перехода.

Поговаривали, что фрицы ни за что ни про что задерживают в разных деревнях девушек и ребятишек, и отправляют их в оборудованный ими на бывшем Старорусском курорте госпиталь, чтобы переливать их кровь своим раненым. . .

Посетившая как-то нас мамина старшая сестра лёля Анна Щепетова после рассказа мамы о вежливом миролюбии наших постояльцев, хмуро бросила:

— То миролюбие не просто временных насельников. Они присматриваются к нам, чтобы понять, как ловчее и прочнее захомутать нас в кабалу. У таких пришельцев, обычно, лисья шкура, да волчья натура. Сторожи девчонок. . .

* * *

Уже к первой военной осени по селу поплыли слухи, что в окрестных лесах, особенно вдоль Ловати и Пола, появились партизаны. Сегодня известно, хотя бы из той же статьи военкома, что в оккупированных новгородских местах в войну действовали бригады народных мстителей.

Одна, под руководством бывшего секретаря Старорусского райкома большевиков Глебова, где-то за Парфино. Другой, в мстинских плавнях командовал довоенный руководитель Новгородского дома офицеров Васильев. А в лычковских болотах действовал дерзкий отряд Ивана Грозного. Не популярного у нас царя сокрушителя Марфы Борецкой и новгородских бояр, а железнодорожника из недалекого от нас Парфино. . .

А недавно в районной газете появился очерк о партизане-пионере Лене Голикове из недалекого от нас полавского села Мануйлова, хорошо знакомого многим нашим рыбакам. . .

Однако, к той же осени в Большом Ужине появились вооруженные винтовками полицаи из местных. Ими стали освобожденные немцами недавние сидельцы старорусской тюрьмы.

Один из них, осужденный на исходе одиночки за убийство своего брата в ссоре из-за дележки будущего наследства Васюк Охапов, а другой, его дальний родственник, наш дядя Саша по маме. На момент убийства еще можно сказать подросток, из страха перед убийцей помогший тому отвезти труп на озеро, спрятать его под лед, и не донесший об этом.

Третьим полицаем стал дядя Вася Дорохов, шум и ор возле избы которого мы услышали в первый день оккупации.

Отступая мимо деревни со своим взводом красноармейцев, он не утерпел забежать домой, чтобы узнать, кого ему родила оставшаяся на сносях жена Катерина, и был захвачен внезапно налетевшими на деревню немецкими мотоциклистами. А затем после длительного допроса, под угрозой, что не только его самого отправят в лагерь военнопленных, но и семью выгонят из дома, и вообще из деревни, он согласился надеть полицейскую повязку.

Дядя Саша и дядя Вася Дорохов обращались с народом мягко, и, кажется, с налетом смущения. Зато Охапов с явным удовольствием покрикивал, обрушивая порою на односельчан почерпнутое им за годы отсидки богатство тюремной фени. . .

* * *

Впрочем, куда более неприятным для большеужинян сюрпризом в первый год оккупации стало то, что ревностными пособниками чужеземных захватчиков стало большинство обитателей соседнего селца Выселки. Туда на пустоши в пятиугольнике между Пеньковым, Вересковым, Маковищем и двумя Ужинами в годы коллективизации единоличников переселились местные кулаки и подкулачники, которых не пожелали иметь односельчанами жители окрестных деревень.

Наиболее авторитетный из них, когда-то матерый староужинский кулак Березин был назначен немцами главой местной управы, которая расположилась в тени военной комендатуры в каменном Дворце культуры нашей деревни.

Называлась комендатура немецкой, но в ней помимо немцев подвизались прибалтийские айзсарги, как их именовали в деревне, Айгар Рокишкинас и Пятрас Ландберг, галицкий хохол Степан Лобода, и переводчик из обрусевших фрицев, бывший инспектор старорусского райфо советских времен Пауль Кресс.

Тот самый, под руководством которого в ночь оккупации Ужина в нашу избу вломилась пятерка фрицевских архаровцев.

Обе эти организации, каждая по своей линии, контролировали жизнь во всех окрестных поселениях не только названного пятиугольника, но и Кукуевки, Малого и Большого Учно, Чернеца, Ворново. Ращучи и Ретлё.

Брат главы управы, тоже Березин, был назначен старостой Большого Ужина. А при братцах в роли старших полицейских, своего рода урядников, группировались шайкой десяток бывших подкулачников. Им в разных деревнях подчинялись местные полицейские из уголовников, вроде Васюка Охапова, и случайных людей, вроде Дорохова, а также непонятных в какой роли пребывавших, но властных помыкать прочими мирянами этих деревень субчиков.

Все они, включая управу, опирались на вооруженный отряд местной обороны из выселковцев, оставшихся жить в Выселках, но мобильных для исполнения всяких помыслов главы управы и конечно, комендатуры.

Надо сказать, Березин старший в качестве главы управы показал себя в первый год оккупации наших деревень не только жестким, но и умелым организатором. Опираясь на преданную ему шайку бывших местных подкулачников, прибалтийских айзсаргов и Степана Лободу, он образцово осуществил в Большом Ужине и окрестных деревнях уборку

существенно поредевшими людскими и материально-техническими силами выращенного колхозами урожая.

* * *

Надо сказать, не все выселковцы явственно проявляли свои поползновения властвовать над земляками. Из их среды вдруг появились организаторы культурного досуга, информаторы о происходящем в округе и на фронтах войны, православные проповедники и активисты разных религиозных сект. . .

Это от них большеужиняне и окрестное население узнали ввергавшие их в мрачные раздумья вести о том, что «против безбожной коммунистической власти восстали героические красные генералы». В настоящее время они собирают в помощь немцам из военнопленных русскую освободительную армию, которую благословляют иереи православной церкви.

В Белоруссии — формируются полки и дивизии во главе с Героем Советского Союза за подвиги на испанской войне Д. Павловым, а в нашей Ленинградской области — армия во главе со столь же геройским генералом А.Власовым.⁴

И что недалеко от нас, в Мясном Бору «разгромлена крупная ударная красная армия, а прославленный маршал Ворошилов облажился под Ленинградом и на Волховском фронте».⁵ А это означает, дескать, начало конца владычества советской власти» . . .

И это они всячески убеждали земляков, что немецкие солдаты несут нам освобождение от гнета колхозов и германо-европейскую цивилизацию. А потому с ними всем нам полезно подружиться. . .

Эти проповедники смирения перед захватчиками всячески вовлекали местную молодежь в свои культурные мероприятия и обращали внимание девушек, особенно в возрасте невест, на то, какие галантные и культурные служащие комендатуры.

И это начало давать свои, погано завонявшие плоды.

Несколько месяцев спустя после прихода к нам завоевателей, в Большом Ужине и в окрестных деревнях стали появляться матримониально озабоченные — «молодость, де проходит, — шмары. Они сначала потаенно, а потом все более открыто начали гулять с оккупантами и их пособниками.

---

⁴На деле, Павлов и его подельники были расстреляны по приговору военного трибунала уже в 1941 г. Власов же, действительно пытался создать из военнопленных РОА — русскую освободительную армию, но дело это у него шло туго.

⁵Маршал Ворошилов не имел к трагедии второй ударной армии прямого отношения. Неудачи же его на фронтах просто засвидетельствовали, что его богатый опыт командования в гражданскую войну оказался малоэффективен в современной войне «моторов». Тем не менее, он внес большой вклад в организацию партизанского движения, да и в другие кампании в годы Отечественной войны.

Тем более что те действительно, на первый взгляд выгодно выглядели на фоне искренних в их чувствах, но грубоватых в поведении ушедших на фронты бывших и подрастающих нынешних деревенских парней.

В Борисове открылась церковноприходская школа, а в Большем Ужине ее филиал. Снова заработала церковь в Старом Ужине. А вот старообрядческий молельный дом служба его дед Федос отказался задействовать, мотивируя это тем, что «не рукоположен» для таких таинств древлеправославия.

* * *

Однажды по зиме к матери за полночь прибежал смятенный дядя Саша. Осторожным стуком в стекло кухонного окна вызвал ее в сени коридора. Я в это время выскочил по нужде в примыкавший к нему туалет и поневоле слышал их перешептывание.

Дядя Саша только что прискакал верхом из полицейской управы, куда был послан с пакетом донесений и там мельком услышал, что, оказывается, наш зять Ванюк Щепетов подался не на фронт, а в партизаны.

В управе как раз обсуждали, что лучше, послать ли кого на задержание его семьи или проследить, нет ли у нее связочки с партизанами. А если задержать, то кто допросит жену Ванюка, а кто расколется детей, которые, может, проговорятся, где отец. . .

— Я - к Нюхе, предупрежу ее. Ты и Панок дощаник в Засечке изготовьте. Клавдюха лёлку и ребятишек туда проводит. Панок пусть в Чертицко их переправит, к Феклуше. А дальше она знает, что делать. . . - скомандовала мама.

Тетка Нюха и мама — старшие сестра дяди Саши и он, привыкнув слушаться их, без возражений растворился в ночи. А мама пошла будить ото сна Клаву. . .

Как и где они пробирались ночной деревней, охранявшейся военными постами, понятия не имею. Но к полудню в наш дом ворвался в сопровождении Васюков — Дорохова и Охапова — раздраженный староста деревни Березин (хотя вообще-то он был обитателем соседних с нами кулацких Выселков).

Следом вяло приплелся вызванный им дядя Саша.

Березин, с подозрительностью начал, по сути, допрашивать его и маму:

— Куда исчезла ваша сука Нюха со щенятами?».

— Да откуда же мы можем знать? Она живет в другом от нас конце деревни! — возмутились оба. — Она ничего нам не говорила, что думает куда-то исчезать. . .

Никаких доказательств о причастности дяди Саши и мамы к исчезновению сестры не нашлось. Тем не менее, вскоре дядю Сашу занесли в списки гастарбайтеров и отправили в Великую Германию, а его семью,

как и нас, включили в число ненадежных, подлежащих заключению под проволоку Шимского концлагеря.

Хорошо хоть горбатенькой леле Наташе и слепому с гражданской войны деду Лёхе, которого она обихаживала, позволили остаться в их большеужинской избе.

Именно в эти дни и недели мы с моим двоюродным братом и тезкой Володей Булаткиным, который старше меня всего на год, и стали закадычными дружбанами-неразлейвода.

ДЕД МИХАЛЕВ И СТРАННЫЙ ФРИЦ

Из дневника 1951 года

Некоторые немцы иногда напоминали землякам своим поведением наших сермяжных мужиков. У моего знакомого из соседней деревни Большое Учно Васи Михалева родителей в первый же год оккупации угнали в Германию, где они и пропали без вести. Жил он вдвоем с дедом и к ним поставили на постой шебутного рядового фрица. Вороватого, но, похоже, совестливого. Дед Михалев постоянно ссорился с ним, уличая его в том или ином воровстве, а он конфузливо оправдывался.

Однажды деда, который вез на санках корове со стожка на ближайшем поле сено, остановили несколько красноармейцев, заблудившихся по пути к Рамушевскому коридору. Где-то произошла ошибка с их десантированием, и они уже несколько раз натыкались на расположения немцев, потеряв, уходя от них, несколько товарищей. Они приказали деду проводить их мимо большеученских и чернецких постов к Бологиже.

Дед их повел, но он сам не знал немецкой системы охраны и, когда, у Чернеца их обстреляли, схлопотал фрицевскую пулю в икру ноги. Ранение несильное, стгоряча, убегая, даже не почувствовал, а потом кровь в валенке захлюпала, он стал все чаще падать, и красноармейцы за Чернецом, когда дорога до Бологижи пошла вдоль четких очертаний кустарников, отправили его домой.

Утром постоялец часто с подозрительностью поглядывал то на прихрамывавшего деда, то на, сохнувшие на печной трубе, вымытые валенки. На дворе яро трещали морозы и на эту крестьянскую обувку он давно вожделенно зарился.

— Вилами ногу вчера пропорол, когда выкидывал навоз, — буркнул дед в ответ на подозрительные пригляды.

— Угу! А-гм! — ответил фриц, и, нахально сняв с трубы подсохшие валенки, начал их обувать.

— Отдай, ворюга! — разъярился дед, вцепившись в еще не обутый постояльцем валенок, и они с фрицем начали его перетягивать друг у друга.

— Угу, вилы!? Ночь, куда ходил? Дирка — пью.., пьюля чья..?

Дед оторопел, от растерянности выпустив из рук валенок, плюхнулся на лавку, охнув, как будто от боли из-за раны, и все же не удержался ругнуться:

— Жри, Ирод, бесстыжий!

Фриц довольный прошелся по избе, пробуя удобство валенок. Затем ушел к полевой кухне завтракать. Слышно было, как скрипел под его ногами морозный снег. Дед весь день ждал беды, ведь только на минувшей неделе в деревне кто-то сжег конюшню, и немцы вели себя нервозно. Но фриц начальству о своих догадках по поводу дедовой хромоты умолчал.

Мать и односельчане, вспоминая оккупацию, частенько рассказывали о таких необъяснимых в военной обстановке проявлениях доброты или миролюбия со стороны оккупантов, заканчивая всегда одинаково:

— Немцы, они тоже разные были. Как и наши тоже.

Старорусский историк-краевед дядя Иван Вязинин, с которым я недавно познакомился, о чем надо не забыть записать, объяснил мне, что здесь, как и в аналогичных случаях с прибалтами и поляками, сказывались, вероятно, реликты исторической памяти фрицев. Ведь многие немцы кентаврические потомки онемеченных германцами славян — антов, пруссов...

И не с этим ли, кстати, связано то обстоятельство, что больше всего было угнано моих земляков батрачить в прибалтийских хуторах и хозяйствах германских гросс-бауэров.

Как будто каратели, высылая их туда, реализовали давнюю потаенную, унаследованную от предков — готов (герм. племя) и германских племен вандалов⁶, сыгравших значительную роль в так называемом Великом переселении западноевропейских народов, о котором говорится в нашем учебнике истории для пятого класса, тевтонов (герм. племена на переломе до и н.э., позднее, рыцари Тевтонского ордена) и т.д. — мечту о порабощении свободолюбивых потомков древних славян.

О МЫТАРСТВАХ ОТЦА В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ⁷

Возвращаясь к предпоследней записи, хочу пояснить одно малообъяснимое обстоятельство, случившееся в нашем существовании по итогам первого года оккупации. А именно каким чудом с нашей семьей и частью односельчан оказался узником Шимского концлагеря военнопленный возраст и ушедший, было в первые дни войны на фронт отец?

Отец не любил вспоминать, как и кем воевал он в начале войны. И я об этом мало что знаю. Как-то, например, вспоминая в разговорах с дядей Сашей и дядей Мишей тот период, он упоминал пушку, рацию, свое двухнедельное куховарство и телефонную катушку, которую тянул под обстрелом. В общем, всего, видимо, попробовал.

⁶ Не путать с легендарным князем славян Вандалом, потомком Словена, дедом Буривого — прадеда Рюрика. Имя Вандаля символизировало связь славян с германскими племенами вандалов.

⁷ Запись в дневнике явно более поздних времен.

Признаться только после его преждевременной смерти я начал собирать сведения о том периоде его жизни. И, похоже, мало в этом преуспел. Все сведения какие-то сомнительные.

Точно удалось выяснить только одно — уйдя на фронт в первые дни войны, он оказался осенью в армии генерала Ефремова. С нею, отступая с боями, оказался где-то южнее Селигера. О себе тогдашнем, он как-то обронил с усмешкой:

— Пройдя службу в территориальных войсках, в походах на запад Полесья, на прибалтийских «лесных братьях» и на финляндские «валы», я был уже опытный вояка. . .

. . . Как-то недавно мне в руки попала газетная зарисовка о семейном танковом экипаже четырех братьев Цукановых из армии Ефремова. Обратил внимание на эпизод боя в конце первого года войны, когда воюющих братьев осталось только двое — механик-водитель и пушкарь. Третий был убит, четвертый тяжело раненный находился в госпитале.

Автор Виктор Елисеев пишет, что к этому времени в танке «кроме братьев находились еще командир машины Витин и радист Староверов. Немцы заметили танк и открыли огонь из тяжелых орудий. Один из снарядов пробил башенный люк». Осколком был убит пушкарь. Между тем навстречу четырем танкам нашей группы вышли пятнадцать танков противника. Отступить перед ними — значить сорвать важную войсковую операцию.

«- Брата посадите рядом со мной, — сказал водитель Василий Цуканов, — а Староверов пусть займет его место.

И вот мертвого Виктора усадили на место радиста. Староверов же перелез в башню стрелка, чтобы вести огонь. Василий устремил танк навстречу врагу. Началась жестокая схватка. Вот загорелась одна из фашистских машин. Другая вскоре завертелась с подбитой гусеницей.

Атакующий танк как вихрь метался по снежному полю.

Немцы не ожидали такой дерзости от четырех машин, поскольку были уверены в своем превосходстве. Но инициатива боя была уже в руках наших танкистов. Не выдержав стремительной атаки, немецкие танки отступили.

Отбив контратаку вражеских танков, Цуканов повел машину на скрытые пулеметные гнезда противника. С разгона он давил их тяжелыми гусеницами, ломал и крушил оборонительные сооружения. Командир и Староверов в это время без передышки вели огонь.»

Был ли тем Староверовым воевавший в то время и в тех местах мой отец, сказать не могу. Помню только его слова, что защищая дальние подступы к Москве, армия попала в окружение под Ржевом, ее командующий погиб. А отец был ранен, причем, как и в финнскую войну, опять в грудь. В беспомощности попал в плен.

Как и каким образом, он оказался в лагере военнопленных под Псковом, он и сам впоследствии толком объяснить не мог. Где-то шел с пе-

шей колонной под конвоем, где-то их подвозили в полубессознательном состоянии товарными вагонами, и естественно, опять же под охраной.

Немцы, как уже говорилось, на первых порах «заигрывали» с местным населением, позволяя им забирать из плена раненых мужей и сыновей из числа рядовых бойцов. От одного из таких мать и её односельчанка Дуня Кузихина узнали, где находятся их раненые мужья.

Незадолго до войны мой дед Алексей Кулик-Староверов, некогда зажиточный столыпинский хуторянин, умирая, поведал ей о горшке с царскими золотыми империялами, закопанном им в землю перед коллективизацией.

Дав через дядю Сашу взятку ими местному коменданту, мать выправила «аусвайс» (пропуск на проезд), запрягла лошадь — их правление колхоза роздало по личным дворам, когда поняло, что пути для эвакуации колхозного табуна перекрыты немцами — и вместе с Дуней Кузихиной двинулась проселками двух областей разыскивать злополучный лагерь.

Разыскали. Лагерь представлял собой окруженные проволочной оградой поля, на которых ранее возделывались картофель и свекла. Отец к этому времени был на грани смерти, не только от раны, но и от истощения, питаясь мороженой свеклой. Немногим лучше был и односельчанин.

Дав кому-то взятку теми же дедовыми золотыми империялами, бабоньки погрузили своих мужей Иванов в телегу и теми же путями возвратились домой.

Едва отец стал приходить в себя, как нас погнали на запад в концлагерь. Хорошо, лошадь позволили запрячь. На той же телеге мать и отвезла его и наши носильные вещи в Шимск.

На ней же часть дороги везли и меня, тогда как сестры шли пеше. Конвоировали нас полицаи-прибалтийцы и жандармский ефрейтор немец.

Но об этом я еще напишу. Потому что именно к этому времени и относятся осмысленные памятью мои первые впечатления о кошмарной жизни в условиях гитлеровской оккупации.

МЫ ВЗРОСЛЕЛИ В ПЛАМЕНИ, В ПОРОХОВОМ ДЫМУ

Продолжение записей о нашей жизни в годы войны

Расскажу о том, когда и почему память о военных годах вылилась во мне в беспокоящие меня по сию пору горячечно бредовые видения и кошмарные сновидения. Точнее о событиях, породивших в моем сознании эти страшилки.

Обобщающий заголовок нижеследующим записям о причинах этих своих кошмарных видений я взял у поэта Эдуарда Багрицкого, чьи стихи о его тревожной молодости в некоторой мере соответствовали условиям нашего взросления.

Моего и сестры Насти, Володи и Райки Булаткиных, Миши и Жени Лениных — от детства к отрочеству.

Люси, ее подружки Анюты Булаткиной, Юрахи Тетитонькина и Сергухи Ленина, Раи и Лехи дяди Миши Куликова — от отрочества к юности.

Клавы, Тони, Маши дяди Мишиной, Павлухи Булаткина, Николаев Тетитонькина и дяди Миши Куликова, прочих двоюродных сестер — от ранней юности к полу взрослости.

У нас наше взросление было, конечно, в отличие от пришедшейся на пору гражданской войны молодости Багрицкого, не боевое. Но пламени и порохового дыма в нем тоже было немало. В том числе в моих воспоминаниях, осложненных болезненными невзгодами детства, которые прицепились ко мне в Шимске и не отцепляются от меня по сию пору.

Эти воспоминания и стали, повторяю, моими навязчивыми страшилками. Они буквально преследуют, причем, в основном только меня.

Может быть потому, что все мои сестры и братаны, за исключением малышки Райки Булаткиной, постарше меня и имели уже в войну более крепкие нервы, чем мои, распатанные упомянутыми невзгодами лагерной жизни.

Во всяком случае, ни от кого из них я не слышал, что им по сей день вспоминаются некоторые давние случаи, произошедшие с нами в годы немецкой оккупации. Меня же они заставляют по ночам метаться в кровати, особенно во время обострений болезни, бормотать нечто несуразное. А иногда и просыпаться среди ночи с дикими криками от их бредовых по формам видений.

* * *

Наиболее часто мне вспоминаются пожары, бомбежки, обстрелы на нашем подконвойном пути в Шимский концлагерь.

Сейчас, чтобы добраться до центра соседнего района поселка городского типа Шимска, мы идем или едем верст пятнадцать через село Борисово и деревню Волковицы до шоссе Старая Русса-Шимск-Новгород, а затем едем попутками еще километров двадцать пять-тридцать через села Бурегги и Коростынь. А далее, минуя Мстонь, до шимской паромной переправы через реку Шелонь, полукилометровой ширины.

Но на момент высылки нас, жителей деревень под Старой Руссой и вдоль Рамушеского корридора, на побережье между Устреккой-Буреггами-Коростыней шли бои. Фашисты отбивались от десанта красноармейцев усиленного якутского батальона в тысячу-полторы тысячи штыков. Он переправился со стороны освобожденного Новгорода в суровые морозы ночью по льду заснеженного Ильменя.

Им навстречу пробивались со стороны старинного поселения, ныне города Сольцы, что стоит на исходе из псковских земель реки Шелонь, батальоны армии генерала Мерецкова. Чтобы, как говорили наши ста-

рики, объединенными силами перекрыть, подрезав у основания, коридор между Демянским котлом⁸ и фашистскими дивизиями в Старой Руссе.

В силу этого, немцы, хотя они и оборзели, было, после разгрома в недалеком от нас Мясном Бору преданной генералом Власовым и его штабом советской 2-й ударной армии, тем не менее, решили зачистить при коридорную полосу и отправить нас этапом в Шимский концлагерь окольным путем.

Через Старую Руссу, железной дорогой через станцию Тулебля, а далее пеше-конным порядком проселками к реке Шелони и вдоль берегов Шелони.

Надо сказать что, оккупировав наши деревни, гитлеровцы заставили местное население восстановить ненавистные им сталинские нововведения в сельском хозяйстве в формах, внешне напоминавших советские колхозы.

С одной стороны, чтобы показать этому населению, что они, гитлеровские национал-социалисты враги только советскому большевизму, но вообще-то не чужие социализму. А больше ради того, чтобы оккупированное ими население, естественно, под их неусыпным надзором, убрало для них урожай.

Урожай же выдался в том 41-м году богатый, и плоды его они, конечно, «реквизировали» в пользу «Великой Германии».

Поскольку колхозная конюшня в нашей деревне во время одной из бомбежек в начале войны сгорела, и местный табун колхозных лошадей эвакуировать не успели, правленцы роздали их в приусадебные хозяйства колхозников на единоличное сбережение. Оккупанты отобрали у большеужиян только верховых жеребцов. А рабочих лошадей оставили им в индивидуальном владении.

Для того чтобы наши сельчане, обзаведясь тяглом, под их надзором смогли собрать урожай.

Потом, видимо, задумав не только выдворить нас в концлагерь⁹, чтобы там, в хвост и гриву, естественно, бесплатно использовать заключенных на хозяйственных работах, так и оставили это тягло в частной собственности. Позволяя использовать его лишь по разрешениям старосты и полицаяев.

И вот уже на излете переходившей в слякоть зимы 42-го года, а скорее, ранней весной, они собрали всех изгнанников из удобной для десантирования красноармейцев прифронтной полосы в разнородный и конвоируемый полицаями угрюмый обоз. Он состоял из части большеужиян, ученских, чернецких, пеньковских и ворновских выселенцев.

---

⁸В соседнем от Старой Руссы райцентре Демянске Красная армия на несколько месяцев блокировала 9 фашистских дивизий, и это был первый в истории Отечественной войны «котел», устроенный ею для гитлеровцев.

⁹О причинах этого рассказано в одном из предыдущих материалов.

Сбив нас в обоз, конвоиры погнали его проселками этапом через лесные деревеньки Бологижу и Крекшу на Старорусскую железнодорожную станцию.

Надо сказать, что в обоз пилигримов в концлагерь попало от силы треть населения из наших деревень. Часть семей из них с большим трудовым потенциалом в последний месяц были высланы на запад в батраки.

Так, из нашей деревни семьей тетки Тони Рюхановой из четырех человек от 12 лет и старше «премировали» айзсарга Айгара, а семьей дяди Миши Куликова из пяти таких же работников его сослуживца Пятраса.

За образцовую «организацию» уборки в Большом и Малом Ужине им дали увольнительную на неделю, выделили грузовик и разрешили вывезти облюбованные ими семьи, показавшие на уборке урожая трудолюбие, в качестве работников на фермах их родителей — литовских хуторян.

Естественно, не тронули служащих и активистов управы, семьи шмар и тех, кто своим смирением показал свою лояльность оккупационному порядку.

* * *

Не все выселенцы, особенно большеученские, у которых сгорела не только колхозная, но даже кем-то подожженная немецкая конюшня, имели транспорт. Да и помимо них, многие чернецкие и пеньковские страдальцы той пакости оккупантов были безлошадными. И потому они шли между телегами или санями пешком, побросав на них свои узлы со скарбом, который дозволили взять полицаи.

В нашей же телеге из взрослых был только заросший клочковатой бородой, исхудавший и потому похожий на старика отец, которого мама полуживого от раны и голода «выкупила» на дедовы золотые империалы из псковского лагеря военнопленных.¹⁰

Полулежа, он управлял лошадьё, поскольку, хотя уже начал было подниматься на ноги, но не смог бы из-за еще гноившегося ранения вынести дальнюю пешую дорогу.

Вместе с ним на узлах сидел я. А иногда мне подкладывали братика Кольку, который родился через несколько месяцев после первого ухода отца на фронт. Да время от времени к нам подсаживались Булаткин Володя и уставшая младшая, всего на три года старше меня, сестра Настя.

Мама же, Клава, Тоня и Люся, как и прочие, особенно безлошадные, этапники, шли пешком.

У Булаткиных и прочих наших родственников были свои телеги или сани. И, поскольку малолеток в их семьях было меньше, а большая часть взрослых и подростков тоже шли вместе с другими выселенцами

---

¹⁰Как ей это удалось, подробно описано там же.

пешком, то мама и Клава погрузили на их транспорт часть нашей детской одежки.

Наш, похожий на цыганский табор, подконвойный обоз медленно тащился в Старую Руссу проселками целый день. Видимо, зная, что город днем часто бомбит советская авиация, конвоиры обоза не торопились.

В Старой Руссе-то мы первый раз и попали в ад пожарищ и бомбежки. Как и рассчитывали наши ушлые конвоиры, на станцию мы прибыли только после того, как авиация, стремясь снизить интенсивность помощи находившейся здесь группировки дивизий немецкой армии блокадникам Демянского котла, устроила на город массированный бомбо-налет.

И естественно, эпицентрами его стали станция и ближайšie к ней благоустроенные кварталы дореволюционных купеческих особняков. В них, как недавно писал в районной газете «Старорусская правда» местный военком, по сведениям советской разведки располагались штаб немецкой армии Зейдлица, а также службы ряда ее дивизий.

Правда, сам разгар этого налета наш обоз переждал под сенью тополей пригородной Крекши.

Но когда нас пригнали к вокзалу, на путях, возле них и далее, вплоть до массивных золочено-купольных православных соборов на правой стороне пересекавшей город реки Полисти, зловеще полыхали пожарища. К центру города они сливались в сплошное, перебиваемое тяжелыми сизо-багровыми клубами дыма, зарево огня.

То с одной стороны, то с другой, время от времени слышался грохот взрывов. Каждому из них предшествовал высверк бело-рыжего сполоха, похожего на вспышку короткой молнии в воробьиную ночь. Это взрывались боеприпасы локальных ротных арсеналов.

В результате их взрывов, над огненным морем в воздух летели камни, балки и бог знает что еще. А клубы дыма под облаками наливались еще большей чернотой.

Несмотря на это, наш обоз под неумолчный лай стерегших нас конвойных собак, в котором ярость перебивалась испуганными скулежами, и истеричные крики не только конвоиров, но и некоторых женщин из этапа, погнались куда-то за вокзал.

А там, уже в освещаемых пожарами сумерках, заставили выселенцев, в основном женщин и подростков, грузить обоз. Телеги — на железнодорожные платформы, а лошадей и людей — в теплушки для перевозки скота.

Час-полтора беспрестанного ора конвоиров, испуганных криков женщин и рева детей, оборвавшихся после автоматной очереди. Потом наши спутники говорили, что кого-то из истеривших выселенцев полицаи застрелили. . .

И вот нас под мерный перестук колес повезли в ночь колеёй железки, запрятавшейся среди лесных зарослей. . .

... Старорусский кошмар повторился при утренней выгрузке нашего обоза на железнодорожной станции Тулебля.

Здесь мы попали под артиллерийско-минометный обстрел, по слухам наших всезнаек стариков, батальона генерала Говорова, рвавшегося на соединение с десантом Мерецкова под Коростыней и Бурегами¹¹.

Его командиры и красноармейцы, естественно, не могли предугадать наше появление здесь. Просто, стремясь сделать невозможной посылку подкрепления демянскому горнизону заблокированных гитлеровцев, как и наши летчики в Старой Руссе, устроили море огня из пристанционных построек и отстаивавшихся в Тулебле паровозов и вагонов.

Снова хриплый ор конвоиров, лихорадка выгрузки. И вот наш высылочный «этап» растворился в сумерках смешанного леса и вихляниях обрамленных кустарниками проселков.

Однако когда мы к вечеру добрались до крупного села Выбити, то в нем снова увидели пожарища. Яро горели полукаменные, отделанные деревянными панелями строения дореволюционной усадьбы князя Васильчикова. И больших оранжерей при ней.

Оказывается, в усадьбе был штаб немецкого полка. А застекленные оранжереи попали под бомбежку под сурдинку с ним.

Здесь мы оказались свидетелями казни двух местных девушек, повешенных гитлеровскими жандармами. Наш этап специально прогнали по площади, где это происходило, чтобы мы впечатлились, как сурово наказывают непокорных новые хозяева земли русской.

Едва прекратились конвульсии повешенных¹², наши конвоиры, боясь попасть под возможную новую бомбежку, поторопились увести нас подальше от Выбитей в кустарниковые заросли за его околицей. Где мы и заночевали под их покровом.

В дальнейшем на разных этапах нашей скорбной дороги к Шимску мы еще побывали под бомбежкой в солецкой деревне Шапково. А также в ней же — под налетом фальшивых партизан, которые на поверку оказались переодетыми власовцами. Отряд их под видом партизан шастал по деревням, выявляя симпатизантов борцам с оккупантами.

ПОД ОБСТРЕЛОМ

Из дневника 1951 года

Иногда по ночам мне то ли снится, то ли бредовым явлением вспоминается, как наша ссылочная, уже преимущественно пешая к тому времени, толпа, которую под конвоем полицаев гнали в Шимский концлагерь, где-то между солецкими деревнями Шапковым и Агаповым попала под оружейно-артиллерийскую перестрелку.

¹¹Так это объяснялось нашими доморощенными стратегами.

¹²Подробнее об обстоятельствах этого этого будет рассказано позднее.

Нас, перепуганных бедолаг, человек сто-сто пятьдесят, в основном детей, подростков и женщин, охрана, опасаясь за свои шкуры, угрожая оружием, загнала под обрыв высокого берега Шелони.

Стоим. Сидим на камнях, кому они достались на долю. Страшимся. Над головами свистят то ли пулеметные, то ли винтовочные и автоматные пули. Время от времени с жутким воем рвут воздух снаряды и мины.

С пулями более-менее ясно. С высоты нашего берега они летят поверх наших голов. С другого берега они, к счастью, тоже, если и прицельные, то не в нас. И хотя некоторые из них булькают на излете в воду или щелкают о береговые камни и гальку, но самое опасное, что может сделать большинство их, утратив силу, только ранить.

Страшнее снаряды и мины. Шальные навесные снаряды время от времени плюхаются поодаль нас в полноводную реку. А вот мины, те плюхаются в нее намного чаще. Причем отдельные из них бабахают по обе стороны нашего укрытия, в береговую галечно-каменную осыпь.

Если падают по ту сторону русла, то это зрелищно. Ширина Шелони здесь с полкилометра, а потому ни осколки, ни поднятые взрывами камни до нас не долетают. Но мины взрываются и на нашем берегу. Осколки и камни разлетаются не только в воду, но и в обе стороны русла. И люди, спасаясь от них, вжимаются в любую неровность обрыва.

Мама, шикая на сестер Клаву, Тоню, Люсю, чтобы те держались возле нее, нависает над малышом Колей, мной и младшей сестрой Настей, почти вминая нас в каменистую щель.

Позднее, вспоминая тот вечер, она признавалась, что молила у всевышнего одно, «если суждена нам смерть, то, сделай боже так, чтобы всем сразу. Чтобы никому из детей не пришлось мыкаться в сиротстве».

* * *

Все ли обошлось для нашего ссыльного табора без потерь, я тогда, заслоненный мамой не видел, и впоследствии не узнал. Володя Булаткин — а их семья тоже попала под этот обстрел — уверял меня, что были ранены или убиты около десятка человек. В том числе несколько детей.

Взрослые инстинктивно щадили нашу детскую психику и оберегали от многих неприглядных для нее зрелищ. И только по тому, как из нашей толпы куда-то безвозвратно исчезали некоторые люди, которых мы видели прежде, мы сами догадывались, что пропадали они неспроста.

Ну а то, что во время нашего прерывистого продвижения время от времени раздавались винтовочные и автоматные выстрелы наших конвоиров и того или иного неподвижного бедолагу просто отволакивали на обочину дороги, скрыть от нас было невозможно.

Даже нам малышам было понятно, что кто-то из наших стражей застрелил обессилившегося или вызвавшего их недовольства ссыльного.

Тем не менее, никто не объяснял нам, в чем провинилась убитая жертва. И от этого было особенно страшно. Создавалось впечатление, что стреляли наобум, для развлечения. И мы все время находились в напряжении страха, что очередной выстрел может быть направлен против любого из нас.

Как бы то ни было, но нас и основную часть прочих невольных пилигримов нашего табора, постепенно оставивших в попутных деревнях все свои сани, к лету все-таки водворили в Шимский концлагерь.

К этому времени немцы отбили первые попытки советской армии деблокировать Ленинград, вызволили из Демянского котла остатки дивизий армии Буша и ликвидировали Рамушевский коридор. . . А потому в боестолкновениях установилось временное затишье, сделавшее возможными наши последние подконвойные переходы к Шимску.

ШИМСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Из дневника 1951 года

Что сказать о тамошнем концлагере?

Его соорудили на окраине Шимска на левом высоком берегу Шелони, откуда видны были не только ее широкое устье, но и многокилометровая, сливавшаяся с лазурью неба гладь озера Ильмень, или тонувшие в свинцовых тучах его штормовые беснования .

Лагерь занимал изрядную территорию окруженных изгородью многорядной колючей проволоки бывших садов и огородов, перемежаемых соснами и елками.

Бывшие приусадебные сады и прочие деревья были весьма сильно покалечены - бомбежками, а также в ходе спешной очистки места от аборигенов. Вот среди них, на фундаментах разрушенных изб, изгнанных из них прежних жильцов, и стояли шеренгами длинные приземистые деревянные бараки.

Помню три шеренги их, да вразброс с пяток строений.

А за проволокой несколько казарм полицаев и аккуратных домиков охранников-немцев.

Сопровождавшие наш обоз старорусские конвойные полицаи, которые за недели нашего полного приключений пути стали привычными и даже вроде бы подобрели к нам, сдав нас лагерной охране, отбыли по месту службы обратно.

В местной же охране начальствовали немцы и похожие на них, а, пожалуй, даже более злые, прибалты. Всезнайки из нашей среды опасливо называли их «лесными братьями». А также не уступавшие им в злости бандеровцы и румыны.

У них на подхвате были полицейские из бывших заключенных советских тюрем и пошедших в услужение гитлеровцам пленных красноармейцев. Их те же наши всезнайки именовали «власовцами».

Что нас с Володей задевало, поскольку каждого из нас домашние иногда ласково именовали «Власами»...

Полицейские посты стояли не только на вышках вдоль проволочной ограды, но и у каждого барака. Особенно многочисленные и многолюдные, причем в комплекции полицаев с рослыми немецкими овчарками, они были у западной их шеренги.

Её, кстати, отделяла от остальных бараков внутренняя, пересекавшая лагерь проволочная изгородь, укрепленная понизу и поверху витками проволоки Бруно. То же было и с внешней стороны этой барачной шеренги. В ней содержались военнопленные красноармейцы.

В остальных бараках бедовали «мирные» лагерники, водворенные сюда, как и мы, непонятно за что. И окружены они были только многорядной колючкой. Причем, вышки в этой изгороди стояли реже. И посты в ней были менее людными.

* * *

Между двумя частями лагеря была прогалина шириной метров в тридцать-пятьдесят. Впрочем, в нескольких местах остатки садовых деревьев с особо вкусными, как возбужденно говорила оказавшаяся к разгару лета вместе с нами в лагере малышня, яблоками и грушами подходили почти к самой обвитой спиралью Бруно колючей изгороди.

Обитателям наших бараков строго-настрого запрещалось ступать под страхом сурового наказания на территорию этой прогалины. И люди опасались даже приближаться к ее границам. Равно, как и к запретным садовым участкам, символически огороженным низеньким заборчиком.

О том, что происходило на «запретной» части лагеря было мало известно. Только с той стороны время от времени до нас долетали гортанные окрики немцев и прибалтов, болезненные крики, лай овчарок, стрельба пистолетов. Что уже само по себе порождало в нашей среде разные слухи, передаваемые друг другу втихомолку, и только доверенным.

* * *

Впрочем, взрослым сидельцам лагеря было некогда обмениваться этими слухами. С раннего утра их выгоняли в сопровождении конвоиров на работы. Дорожные..., копать рвы, сооружать оборонительные валы и окопы и т.д.. В лагере оставалась только малышня и совсем дряхлые старики и старухи.

Но и тем находились дела. Старики и старухи, например, чинили военную одежду и обувь, набивали соломой матрацы, вязали варежки и носки или шили рукавицы и т.д.

Люсю и даже шестилетнюю Настю занарядили на кухонные работы в помощь престарелым кухаркам. Безнадзорными оставались только ре-

бятишки и девчонки нашего с Володей Булаткиным или Коли с Райкой возраста. Но и нас вскоре припрягали к уборке наших барачков.

Маму, Клаву и Тоню, тетку Матрену с Павлухой вместе с прочими со-лагерниками еще на рассвете охранники угоняли на разные работы. С них они возвращались уже затемно, и в изнеможении.

У отца на эти работы сил еще не было. Но он как-то через наших надзирателей убедил лагерное начальство, что нелепо тому жить у озера и не разнообразить свой стол ухой или рыбной закуской. И что он, как профессиональный рыбак, с тремя-четырьмя помощниками из заключенных, можно подростками, мог бы рыболовное дело наладить.

— Сетей нет? Не беда, — убеждал он кого-то из лагерных начальников. — Среди большеужинских женщин есть умелицы, способные превратить льняную тресту в волокно, напрясть из него ниток, связать сети и свить веревки. А рыбные места в Ильмене он, потомственный рыбак, как никто, сумеет найти. . .

И вскоре, по его наводке, мама с моими сестрами и тетка Матрена с Анютой в пристройке из горбылей к барачку под приглядом наших надзирателей занялись привычными рыбачкам промысловыми ремеслами.

А отец вместе с Павлухой и еще двумя подростками из нашей деревни начали сооружать сети и бродцы, а из ивняка — вентери и морды для прибрежно-речной ловли. Затем и челны, без которых она на глубокой Шелони малопродуктивна.

Потом они в сопровождении полицейского конвоя стали выходить и на просторы устья Шелони.

Конвой был явно излишен, поскольку у всех новоявленных промысловиков в лагере оставались заложниками их семьи. Но охранники опасались возможных контактов отца с местными партизанами или десантниками и потому усердно надзирали за самозванными рыболовами. Тем более что недостатка в полицаих оккупанты в ту пору еще не испытывали.

ГОРЕЧЬ СЛАДКИХ ЯГОД

Из дневника 1951 года

Кроме особо огороженной и охраняемой шеренги барачков с военнопленными, было в дальних садовых зарослях Шимского концлагеря еще одно, не доступное нам, окруженное дополнительной проволокой и высоким забором, строение. Крытая железом крыша строения едва проглядывала сквозь листву купы обступивших его берез. Туда нам тоже запрещалось ходить под угрозой наказаний.

Кто там содержался за этим забором, мы не знали. Однако время от времени кто-нибудь из нас слышал оттуда детские крики, надрывные плачи и болезненные вопли.

Поговаривали, что там содержатся малолетки, сироты из местного детдома. А также ребятишки, отобранные немцами у родителей в раз-

ных шимских и старорусских деревнях. Их никуда не выпускали из закрытого забором садового двора.

Время от времени туда приезжала крытая машина и отвозила очередную группу ребятишек в германский госпиталь на территории бывшего Старорусского курорта. Там их кровь переливали раненым немецким воякам.

Положение нас, то есть, детворы заключенных в концлагерь высленцев из деревень, примыкавших к Рамушевскому коридору, было в первые месяцы несравненно лучше, чем у обитателей закрытого высоким забором строения под железной крышей. За пределы изгороди из колючей проволоки охранники никого из нас, конечно, не выпускали. А по территории лагеря нам, особенно самым малолетним его огольцам, бродить не препятствовали.

Видимо, не знали, что с нами делать, или готовили и нас, как детдомовцев, о чем с опаской поговаривали наши родители, к забору крови для переливания в гитлеровских лазаретах и госпиталях. А чтобы наша кровь была здоровее и целительнее, наши охранники не мешали нам, особенно малышне, насыщать ее кислородом на свежем воздухе.

* * *

Впрочем, относительной бесконтрольностью мы наслаждались лишь в первое лето лагерной жизни.

Хотя и в этот период вслед за взрослыми и подростками, вроде Клары, Тони, Павлухи Булаткина, причем в первые же недели, сгуртовали в трудовые команды и стали использовать на внелагерных хозяйственных — строительных, дорожных, гужевых... — и оборонных — рытье рвов, возведение окопов и оборонительных валов,.. — работах.

А постепенно и малолетние ребята и девчонки, не только школьного, но и до школьного возраста, поголовно все, были захомутованы в лагерные подсобные работы.

Они поддерживали чистоту в бараках и вокруг их, на чем немцы были помешаны, а также трудились в роли кулинарно-кухонных прислуг — чистили картофель, овощи, котлы, перебирали заплесневелый горох и загаженные мышами крупы...

К концу лета, началу осени захомутали трудовыми обязанностями и ребятню одного со мною и Володей Булаткиным возраста. Но до этого нам с ними, как и детям младшего школьного возраста, неожиданно повезло.

* * *

Руководство лагеря мало заботилось о питании заключенных, но обслуживающий лагерь персонал заботой не обделяло. Особенно его верхний и средний эшелоны.

Из числа заключенных формировались специальные группы снабжения. Не нас, конечно, наших охранников. Под конвоем и руководством знающих русский язык полицаев из охранников и жандармов местной управы они реквизировали продукты у населения Шимска и окрестных деревень в радиусе 15-20 километров. Мясо, молоко, яйца,.. — в общем, все, что привлекало их алчное внимание.

Когда в огородах и садах в округе стали созревать овощи и фрукты, то с помощью местных деревенских старост и полицаев частично конфисковали и их.

Нередко конвоиры заставляли группы снабжения, невзирая на хозяев огородов и садов, полностью собирать понравившиеся им вкусом фрукты и овощи сразу с грядок и деревьев.

Как-то одной из таких групп попала на глаза возвращавшаяся из леса деревенская ребятня с кузовками малины и лесной ежевики. Это по-городскому, а по-нашему — куманики. И как уже привыкли, они отобрали у детишек эти кузовки с ягодами для собственного лакомства.

А распробовав малину и куманику, конвоиры этой снабженческой группы предложили начальству лагеря отправить на сбор лесных даров для них нас, лагерную малышню и подростков в возрасте до 10-12 лет.

Логичнее было бы послать только подростков, а то и взрослых. Однако в окрестных лесах «шалили» партизаны, дезертиры и просто плевавшие на любые порядки лесные грабители. Существовала опасность пополнить их ряды. Стеречь же заключенных в лесу, подвергаясь опасности нападения вышеперечисленных «опасных элементов», лагерным начальством было признано неразумным.

Конечно, совсем одних отправлять нас на тихую охоту за лесными дарами было бы глупо. Мы не знали ни местных лесов, ни ягодных полян. Поэтому шимские полицейские нашли для нас проводников из аборигенов, знающих такие места.

Существовала также опасность, что эти немногие проводники не уследят за нами, мы разбредемся в лесу и или заблудимся, а то и разбежимся по укромным местам.

Но инициаторы походов детей за ягодами предусмотрели и это. На каждый десяток ребятешек была отобрана взрослая женщина-опекунша. Из тех, у кого в лагере имелись родственники, особенно семейные. И начальство охраны предупредило этих опекунш, что они будут сурово наказаны за пропажу их подопечных. А если, паче чаяния, сами не возвратятся, то наказаны будут, вплоть до расстрела, их родственники.

* * *

Такое же предупреждение сделали и нам. Сказали, что, если мы не возвратимся, то наказаны будут наши матери. Ну а если мы не наполним ягодами выданные нам посудины, а съедем сбор их сами, то накажут нас. Розгами.

Этим меры предосторожности не ограничивалась. Объединенный отряд малолетних сборщиков ягод и наших опекунов сопровождал патруль из трех-четырех вооруженных охранников. Вручив нам, кому кузовок, кому котелок или дюралюминиевую манерку, которые мы должны были наполнить ягодами, они на первый раз повели нас к открытым полевым местам, где на межах зрела дикая земляника.

Сами они расположились с банками пива в тенечке редких кустарников, а мы разбрелись по межам полевых полос, где в траве зрела порознь или кучно злополучная для нас ягода.

* * *

В нашей кампании кроме меня с Володей оказались наши сестры Анята, Люся и Настя. А также с десятков ребят из нашего барака. В основном знакомых нам, пеньковских и ворновских. Но были и из незнакомых нам деревень, из мест по ту сторону Рамушева.

Сначала ни мы, ни они никаких ягод не находили. Тем не менее, Анята, Люся и Настя периодически кланялись траве, что-то срывали в ней и клали в карманы своих юбок.

Когда пошла ягода, все сосредоточенно, иногда ползая на коленях, стали срывать ее, спеша наполнить выданные нам для сбора емкости. Мы хорошо запомнили угрозы охранников, и никому не хотелось быть наказанным розгами или плетками.

Лютый нрав некоторых охранников нам был уже знаком. С первых дней лагерной жизни не один из нас получал от них подзатыльники или хлест плетки, с которой они никогда не расставались. С легкостью, по делу и без причины, а по капризу, они опоясывали ими наши спины или ноги. Что взрослых, что детей.

Мы с Володей, как и во всем, собирали землянику на пару. Притом, ни он, ни я не могли удержаться, чтобы те или другие ягоды отправить в рот, а не в выданные нам манерки. Поэтому мы старались держаться поодаль от сестер, которые, напомнив нам об угрозах наказания розгами, велели нам сначала выполнить «оброк», а потом уж, так и быть, если удастся, потешить себя душистой прелестью.

Земляники было много, но мы, похоже, слишком увлеклись само-снабжением своих животов. К моменту, когда солнце стало клониться долу, и был дан сигнал на «шабаш», мы не добирали до верха манерок где-то на четверть.

Подошедшие к нам сестры, у которых их кузовки были с верхом, отвесили нам по увесистому подзатыльнику, отсыпали в наши манерки верхки в их кузовках, а потом вручили каждому по щепотке кислицы:

— Зажуйте, а то у вас языки и губы окрашены. Увидят охранники, розги обязательно получите. . .

Действительно, несмотря на наши полные ягод емкости, в лагере нас заставили продемонстрировать языки. А многие, кто, видимо, как и мы

слишком увлеклись лакомством, свои розги получили. Но поскольку нам всем еще предстояли новые походы за лесными дарами, то секли больше для порядка, а не так, чтобы до положения риз.

* * *

... Следующей нашей ягодной экспедицией стал поход по малину. Опять мы шли под конвоем патрулей. В лесные заросли они углубляться не стали, опасаясь партизан и ловцов разбойной удачи. Доведа нас до него, они остались поджидать нашу сборную компанию из детворы, проводников и опекунов. Усевшись в тенечке под кустиками, поодаль лесной опушки.

Пока мы шли лесными просеками до заросшей высокой травой и перемежаемой кустарниками плантации малины, Аня, Люся и Настя, настороженно оглядываясь, время от времени опять наклонялись над кучами травы, рвали что-то и клали в карманы своих юбок.

Мы с Володей недоуменно переглядывались, пытаясь угадать, что они рвут. Никаких листьев кислицы или щавеля в лесной траве просто не могло быть. Но по тому, что делали они это с утайкой от нашего проводника, лопухого подростка, и малознакомой нам женщины-опекунши, остерегались их спрашивать, что и зачем они собирают.

Как и в прошлый раз, мы с Володей опять не могли удержаться от искуса время от времени путать дорогу малины в наши манерки с более предпочтительной дорожкой в наши желудки. Ведь целый год мы не ведали ее вкуса, а последние месяцы, по сути, нам не перепало и ничего сладенького.

И не удивительно, что сестрам опять пришлось нас выручать. Во-первых, пополнять наши посудины из своих кузовков, каждый из которых был вместительнее двух наших манерок. Во-вторых, кормить нас какой-то горькой травой. Чтобы наши зубы и языки не выдавали наше чревоугодие, оцениваемое меркой преступлений перед «Великой Германией».

— Что за гадость? — выдохнули мы с Володей в унисон, послушно, с искривленными рожицами, сдерживая наворачивающуюся тошноту, прожевывая и глотая выделенные нам из их карманных запасов травы.

— Будете знать, что стоит поддаваться соблазнам, — засмеялась Аня. А Люся назвала мне какую-то зеленую травяную пакость, о которой мы с Володей никогда не слышали, но которую ей некогда рекомендовала леля Анна Ленина как средство для отбеливания обветренных щек.

Оказалось, то, что мы прожевали, отбеливало и наши окрашенные языки, зубы и губы. Вместе с тем выяснилось, что не обязательно надо было глотать эту нажеванную траву. Можно было, подержав ее во рту, сплюнуть на землю. Но зловредины сестрицы в целях «воспитания» нашей стойкости перед соблазнами, умолчали об этом.

И на этот раз для нас контроль охранников прошел благополучно. Хотя снова, как и в прошлый раз, были наказаны розгами за те же прегрешения, что и раньше, несколько ребятишек из соседних барачков.

Особенно досталось некому растяпистому толстячку третьекласснику Дорофею из зарамушевского сельца. Его котелок был едва прикрыт ягодами, зато мордочка была измазана малиновым соком. Охранник безжалостно избил его, окровавив его спину своей плеткой. И все это на наших глазах.

* * *

... Третий массовый поход нашей пестрой компании был за ежевикой-куманикой.

И на этот раз произошло ЧП все с тем же злополучным Дорофеем, оказавшимся в нашей компании, опекуншей которой, кстати, стала на этот раз его мать, решившая помочь сыну в сборе ежевики и заодно проследить, чтобы он не вляпался еще в какую-нибудь историю.

А он все-таки вляпался.

Землянику и малину мы собирали на виду друг у друга. Землянику на полевых межах, а заросшая высокой травой и чахлым кустарником поляна-плантация малины представляла собой изобиловавшую глубокими бороздами распашку, размером в пару гектаров, окруженную со всех сторон деревьями.

Куманика же растет в кустарниковых зарослях и под укрытием кустарников. В тени их она и доходит обычно до сине-сизой спелости, становясь вкусом не хуже, а может быть и лучше пресно-сладкой в большом количестве малины, поскольку становится кисло-сладкой.

Войдя в такие кустарниковые заросли, мы естественно вскоре разошлись в разные стороны. Правда, мы с Володей не упустили из виду сестер, а если не видели их, то окликали их. Так же перекликались друг с другом и прочие дети. В том числе наша опекунша с Дорофеем.

Но в какой-то момент из-за очередной купы кустов вышел мужчина с немецким карабином и стал расспрашивать её, кто мы и что мы здесь делаем. Пока она объясняла, Дорофей куда-то исчез.

Я слышал, как мужчина посоветовал ей не пускать нас дальше указанного им дуба среди кустарных зарослей, и исчез. Опекунша позвала Дорофея, но он не откликнулся. Она заметалась в разные стороны, зовя его, в ответ — молчание. Дорофея стали звать все мы и наши со-ватажники. Но Дорофей не откликался.

Началась суматоха. С полчаса опекунша, а с ней и дети постарше металась в разные стороны, окликая Дорофея. Нам, остальным она приказала собраться в одну кучу и ждать ее. Издали слышались ее зовы Дорофея, но все было безрезультатно. Минут через сорок она оказалась с нами и повела нас обратно на опушку, где сборщиков куманики поджидал вооруженный патруль.

Из леса она выбежала первой, нас же выводил из него проводник-абориген. Выходя на опушку, мы видели, как она, отчаянно жестикулируя, что-то объясняла руководителю патруля Айгару.

Тот выслушал ее вроде бы равнодушно, поигрывая своей плеткой, и вдруг перетянул ею её по лицу. Вскрикнув, она упала, Айгар пнул ее сапогом, рывкнув:

— Встать, глупый руски швайнрайн.

Дрожа и утирая кровавую полосу под глазами, опекунша встала, умоляюще глядя на своего палача, но тот уже, отвернувшись от нее, пересчитывал нас.

— Меня буквально на минуту отвлек от ребятишек мужчина с ружьем, — всхлипывая, пыталась оправдаться женщина.

— Что? Кто это был, о чем вы разговаривали? — вскинулся другой патрульный.

— Ни о чем дельном. Он только сказал, чтобы я не распускала детей бродить кустарником дальше росшего не вдалеке дуба, и тут же исчез в кустах.

Патрульные встревоженно переглянулись. Айгар, еще раз перетянул опекуншу плеткой и резко скомандовал:

— Быстро все вместе! Шнель-шнель! Идем... цурюк!.. Возвращаемся, — и перебросил с плеча на грудь автомат, положив на его приклад руку.

Мы, — один из патрулей и проводник впереди, опекунша группируя нас в колонну, второй патруль сбоку, третий позади, — быстрым ходом, чуть ли не полубегом, заспешили к лагерю, до которого было версты четыре-пять.

Все дети уже устали от дороги от лагеря до леса и наших блужданий в кустарнике, но все были испуганы расправой с опекуншей и никто не пищал. Даже те, кто, выбиваясь из последних сил, уже начали спотыкаться.

* * *

В лагере мы отдали наши кузовки и посудины дежурному. Он никому ничего не сказал, даже тем, у кого в них куманики было, кот наплакал. Ему было не до нас, он допрашивал опекуншу. Куда делся Дорофей? Что еще сказал мужчина? Куда пошел? Что она видела подозрительного? Спрашивая, он каждый раз стегал её плеткой.

Рядовые охранники разогнали нас по баракам. Уходя, мы слышали угрозы дежурного по лагерю нашей опекунше, если Дорофей нигде не объявится.

Дорофей объявился. Точнее, его обнаружили шимские прохожие на сельской дороге, когда он брел, куда глаза глядят. На расспросы он сказал, что испугался мужчины, убежал и заблудился, теперь ищет лагерь, где его мама.

Его привели утром. К этому времени мама Дорофея была донельзя измордована и ей объявили, что за побег сына, с ее, вероятно, помощью, она будет повешена, а ее сестру и старших детей накажут тяжелыми работами.

Через день мы с Володей узнали, что после возврата Дорофея в лагерь, его в тот же день вместе с партией детей-сирот отправили в Старую Руссу.

Его мать, бывшую ранее колхозной ударницей дояркой, вместе с её старшими детьми Айгар выпросил себе в поощрение за его усердную службу. Затем, получив увольнительную на неделю, сам отвез их в Эстонию на хутор его родственницы в батрачество*.

ПТИЦЫ ЗА ПРОВОЛОКОЙ БРУНО

Из дневника за 1951 год

У нас с Володей после того, как мы отбыли августовско-сентябрьский оброк по сбору ягод, несмотря на наши обязанности по уборке барака со щелястым полом, в который проваливался подметаемый мусор, в первый год нашей лагерной жизни свободного времени было более, чем достаточно.

Особенно с тех пор, как нам стали украдкой помогать наши сестры. Они разнообразили этой помощью выпавшие на их долю нудные монотонные работы по прядению ниток и вязке из них сетей.

И мы, как и прочие наши сверстники из других бараков, кроме обитателей находящегося за высоким забором с проволокой не только поверху его, но и за ним, опоясывающей его дома, частенько убегали играть в доступные нам забавы. В основном между бараками на нашей стороне лагеря.

Вообще-то, в первый год пребывания в лагере для охранников мы, малолетки, были дополнительным развлечением. Как они это делали, непонятно, но им частенько удавалось стравливать драками друг с другом малышню из разных деревень, районов и бараков.

При этом многие полицаи малолетних драчунов активно подзуживали, откровенно потешаясь их потасовками. Особенно теми, которые велись остервеневшими ребяташками, а порою и девчонками, до крови.

Мы с Володей сторонились драчливых компаний. Вместе с Райкой, Колей, а иногда к нам удавалось присоединиться и Настуше, мы чувствовали себя и без этих компаний самодостаточным для наших игр родственно спаянным кружком. . .

* * *

Миновали лето, осень и более половины зимы, как мы оказались в Шимском лагере. Прошли бурные февральские вьюговеи. Мартовское

---

*Из дневника за 1951 год.

солнце слегка подтопило снега, а ядерные ночные морозы оковали их сугробы броней ледянистого наста. И мы, малышня, шуравили по нему между бараками, как по августовским окаменелым деревенским улицам.

Как-то, выйдя после уборки нами нашего барака на пронизанный солнцем вытопанный при барачный двор, мы с Володиной, по нашему предварительному сговору, шмыгнули настовой целиной подальше от сверстников, гонявших самодельными клюшками смерзшиеся в камни лошадиные яблоки¹³.

По другую сторону нашего барака, где был сад, куда нас ни летом, ни осенью не пускали, а зимой было не добраться из-за глубокого снега, поскольку мы ходили уже в опорках, лаптях или брезентовых, сшитых отцом чунях¹⁴ с портянками. С установлением крепкого наста нам захотелось обследовать его. Благо подозревать, что мы хотим уворовать то, чего быть в нем в эту пору не могло, а именно, фрукты, было бы нелепо.

* * *

Оказавшись по ту сторону барака, куда ни одного окна из него не выходило, мы ахнули от восторга. Буквально в досягаемости выстрела из рогатки несколько яблонь или груш были усыпаны стаей красногрудок, как мы называли снегирей. Дальше шла купа рябинника и красногрудки, видимо отдыхали после пиршества.

Мы не то, чтобы хотели добыть их из наших рогаток, — как ни хотелось нам есть, но до такого кощунства мы, несмотря на вечный голод, опускаться не могли, — но взмахнув захотелось рассмотреть такую красу поближе.

Заметив нас, снегيري сначала никак не прореагировали на наше появление. Но стоили нам сделать шаг в их направлении, как они шумно вспорхнули и не красной, а скорее розовой в свете солнечных лучей радугой, перелетели по другую сторону купы рябинника.

Желая рассмотреть их лучше, мы как замороженные двинулись настом за ними. Но стоили нам приблизиться к рябиннику, стая вновь снялась с деревьев и отлетела еще за несколько десятков метров.

В азарте, мы пошли дальше, но не за ними, а немного вбок, как будто они нас и вовсе не интересуют. Однако стоило нам с другой стороны начать подбираться к стае, как снегيري снова и снова отлетали вглубь сада на те же несколько десятков метров. И так несколько раз.

Очарованные красногрудками, мы перестали следить, куда заносит нас наше любопытство, как вдруг услышали лающую команду — «Halt!...».

Очнувшись от азарта погони, мы обомлели и замерли на месте. До изгороди с витками проволоки Бруно, за которой находились бараки

---

¹³В отличие от коров, лошади исторгают не жидкие лепешки, а полусухие кругляши, которые мы называли «конскими яблоками».

¹⁴Бахилы из рогожи или иного крепкого материала.

военнопленных, было метров десять. Низенький заборчик, отгораживающий запретную для нас часть, сада замело сугробами, и мы его просто не заметили.

А команду пролаял немец с той стороны изгороди. Он то ли проверял посты, охранявшие бараки военнопленных, то ли осуществлял там экзекуцию над группой пленников. Именно оттуда слышался лай собак скакавших вокруг этой группы или бросавшихся на нее и слышались крики боли.

Первый отмер Володя. Дернув меня за полу пальтухи, он шарахнулся назад, шепнув испуганно: — Бежим!..

Я начал было разворачиваться, чтобы подорваться за ним, как раздался выстрел. Мою левую ногу ожгло¹⁵, я захлебнулся болью и с писком упал. Набежавший от ближайшего барака с нашей стороны полицейский наподдал мне по ребрам и спине несколько раз носком сапога, и я окончательно потерял сознание. . .

* * *

Наши родители несколько часов ничего о происшедшем с нами не знали. Володя испугался, что его будут искать, и спрятался в пристройке к чужому барaku. Полицейский и немец, так и не соизволивший перейти на нашу сторону лагеря, убедившись, что я не шевелюсь, следовательно, надо полагать, убит, оставили меня валяться на снегу.

Только через час-другой Володя, поняв, что его никто не ищет, пробрался к моим родителям и сообщил о произошедшем. Памятуя о запрете ступать на территорию прогалины у внутренней колочки, отец уговорил полицейского надзирателя над нашим баракom сходить к его начальству с просьбой разрешить ему забрать мой «труп».

Все это время я лежал на снегу. А день был хотя и солнечный, но ранне мартовский, морозный. Поэтому немудрено, что я почти заоченел. А уж что болезнотворно застудился, в том и сомнений не оставалось. . .

Дальше начинаются мои кошмары. Когда меня, отгородив для этого занавеской в углу барака закуток, растерли снегом, накрыли тулупом и армяком, я начал было шевелиться, а затем и метаться в бреду, никого не узнавая.

Лекарем моим стала бабка из деревни Ворново по прозвищу Фарага. Она не только растирала меня, но и перевязывала ногу, ранение которой было, однако, не главной моей бедой. Меня душил кашель, сжигал внутренний огонь, перемежавшийся временами оледенением и холодным потом.

Фарага пользовала меня настоями из сохранившихся у нее трав и, главное, бесконечными растирками шерстяной варежкой или таким же

---

¹⁵След того ранения, к счастью, в мякоть бедра, выше колена до сих пор белеет у меня пятном, размером в виде большого пятка.

носком. Никаких иных лечебных средств для лечения меня у нее не было. Родители надеялись, памятуя о долголетию прадеда Кузьмича, на мое наследное здоровье.

В конечном счете, их надежды оправдались.

* * *

На протяжении нескольких недель я прометался в горячечном беспомоществе между жизнью и смертью. А затем «трясуха», или что там было, от меня отцепилась.

Тем не менее, всю вторую военную весну, не в силах из-за физической слабости встать на ноги, я пролежал в отгороженном для меня барачном закутке в малопригодном для нормальной жизни состоянии вялого овоща.

Чтобы встать на ноги, мне надо было питаться, а питаться, кроме лагерной баланды, нам было нечем.

Отец попытался было сварить мне уху из утаенных от полицейских надзирателей ершей, карасиков и плотвичек, но его выдал густой в барачной атмосфере запах вареной рыбы.

Его не расстреляли только потому, что охране не хотелось лишаться рыбного приварка к ее армейскому пайку, а попытки занарядить на рыболовный промысел других заключенных мужиков из чисто земледельческих деревень оказались к его счастью малопродуктивными.

* * *

Впрочем, моя долгая болезнь пошла тогда нам во благо. Пока я болел, моих сверстников и детей постарше меня, в том числе Настю и Люсю¹⁶, сначала изолировали в особом бараке, а затем увезли в Старую Руссу, чтобы забирать у них кровь для госпиталя, который гитлеровцы развернули в корпусах Старорусского курорта для своих вояк.

А меня из-за «испорченной болезнью» крови оставили умирать в нашем бараке.

Не тронули и Володю Булаткина.

Хотя их семью и замели вместе с нами в концлагерь, но в учетных карточках на неё, — их гитлеровцы с немецкой педантичностью заполняли на каждого из нас, — была пометка, что её глава был какое-то время полицейским. И что в настоящее время он увезен на службу гросс-бауэру, приходящему отцом большеужинскому коменданту, как добросовестный аграрный работник, в Германию.

Второй год в концлагере мы провели с Володей не так вольготно, как первый.

Нас загрузили работами на кухне вместо Люси и Насти. И вообще держали под строгим контролем не только лагерной охраны, но и наших

---

¹⁶По нашем возвращении из концлагеря маме с трудом удалось разыскать их в детском доме где-то под Боровичами — в поселке Боровенках.

более взрослых сестер Клавды, Тони, Анюты. А также Володиной мамы, тетки Матрены, и моих родителей. И потому он был в нашей памяти нудный, изнурительный.

НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ И НАШЕ ДУРАЦКОЕ УХАРСТВО

с декабрьского, 1951 г. семинара редакторов школьных стенгазет

Новгородский город Шимск советская армия освободила ранним утром на излете зимы 1944 года. Охрана местного концентрационного лагеря из немногих немецких эсэсовцев и немалого числа жандармов и полицаев, в основном прибалтийских карателей, бывших у них в услугах, спешно бежала.

Настолько внезапным был в этом месте удар красноармейцев, еще накануне пребывавших от Шимска за несколько десятков километров под Сольцами и Новгородом. Между тем, по пути к берегам Шелони, они были вынуждены вброд или вплавь форсировать несколько рек, мосты через которые немцы при отступлении основательно разрушили.

Полицаи успели, правда, в бессильной злобе бросить в бараки несколько гранат. Видимо, просто из присущей им пакостности. Ведь именно в этих бараках содержались узники только из гражданского населения, среди которых была и наша семья с односельчанами из Большого Ужина. Помимо этого, полицаи также пустили в сторону барачных автоматов несколько очередей. Вероятно, для устрашения узников, чтобы не высывались.

Нашей семье повезло: ни от гранат, ни от пуль никто из нас не пострадал.

Единым наступательным порывом в этот раз были освобождены и Новгородский, Шимский, Старорусский районы. А вскоре был деблокирован и Ленинград.

Раненый в 1941 году и оказавшийся после многих приключений вместе с нами в лагере отец уже в день нашего освобождения был поставлен в армейский строй.

Относительно свежий рубец его второй после финской войны раны послужил довольно убедительным доказательством независимых от него обстоятельств его пленения. Поэтому, не усердствуя в допросе, его просто зачислили в список рядовых и поставили на довольствие роты, которая нуждалась в полевом связисте.

Роту вообще основательно пополнили за счет бывших узников концлагеря. Она задержалась в Шимске для ремонтных и постирочных нужд. Поэтому, вероятно, прежде чем снова, как несколько лет назад, уйти воевать дальше, отец легко договорился с ротным об увольнении на три дня, чтобы отвезти свою семью в нашу деревню, до которой от Шимска верст сорок.

* * *

В нашей семье, помимо мамы, было четыре сестры от 16 до 7 лет, да мы с братишкой — младшие. Матери с такой обузой на руках управиться было сложно. К тому же неизвестно было, что нас ждет в освобожденной от фрицев деревне. Уцелела ли изба или надо искать окоп, в худшем случае строить землянку, а может, возводить шалаш для нашего проживания?

Отцу каким-то чудом удалось найти лошадь и телегу, и мы с ним вдвоем уже пополудни того невероятно долгого и счастливого для нас дня отправились в путь. Красноармейцы к этому времени навели через широкую реку Шелонь понтонный мост. По нему переправлялись не только военные, но и узники лагеря из деревень Старорусского района.

Переправившись, мы неспешно, в меру сил нашей лошади-доходяги, покатали по разбитому местами шоссе в сторону села Буреги. Влево от него, верстах в пятнадцати-двадцати проселками, на берегу Южного Приильменя и находятся две наши деревни-близнецы — Большой Ужин, а также их прародина — Старый Ужин, или по местному — Кукуевка.

Начало нашей дороги непосредственно за Шимском я не помню, поскольку от треволнений этого дня заснул и проспал ее. Зато большие по местным меркам села Коростынь и Буреги запомнились тем, что вместо них на пепелищах по обе стороны дороги, как траурныеobelisks, стояли трубы зимних печек, которые у нас из-за их тяжести возводились на постаментах в грунте.

Впереди нас до Коростыни также неспешно катила телега с двумя освобожденными из лагеря женщинами. Вдруг они остановили лошадь и, соскочив с телеги, наперегонки бросились на обочину к пепелищу с одной из таких печей. На приступке ее чела¹⁷ поблескивала колесиком швейная машинка — ручной Зингер. Неимоверное в послевоенное время сокровище для любой разоренной, обносившейся в лихолетье семьи.

Ба-б-бах!! Поднялся клуб из дыма и кирпично-глиняной крошки. На грохот взрыва наложился крики боли. Затем из этого крошева выпали окровавленные женщины. В спешке они не заметили проводков, соединявших швейную машинку с замаскированными немцами минами.

Таковым было *первое трагическое происшествие*, ознаменовавшее мою встречу с фашистским наследием отступавшей, казалось бы, от нас войны.

* * *

В Большой Ужин мы с отцом добрались поздним вечером. Во всей деревне из почти полусотни домов относительно целыми остались пять. На месте остальных изб, как и в Бурегах, пепелища и полуразрушенные печи.

---

¹⁷Чело — устье в нутро зимней печки, где горит огонь и готовится пища.

Видать, отступая, оккупанты не просто поджигали строения, а и бросали в них гранаты. Или деревню бомбили. Это, судя по тому, что позднее вокруг нее обнаружилось множество «бомб» — ям от взрывов авиабомб. А также трупов немецких вояк и советских воинов, которые не успели подобрать похоронные команды стремительно наступавшей армии.

Наша изба, на наше счастье, уцелела. Правда, распотрошенная, с со-
рванными и проломленными дверьми и с разрушенными печами — зим-
ней и летней.

Отец наскоро подремонтировал и навесил двери. Затем прикатил откуда-то из сумеречного полумрака стояк железной печки-голландки. Принес он с одного из пепелищ и обгорелые бревешки. А также дву-
ручную пилу без ручек и топор без топорща, которые, по всему было
видно, сгорели.

Насадил на них ручки, поточил пилу камушком-оселком, достав его
из кармана, а топор о круглый камень-валун.

Спарившись, мы с ним распилили бревешки. Мое участие в этом было
символическим, поскольку тянуть пилу у меня после перенесенного
в концлагере минувшей зимой крупозного воспаления легких силенок
не хватало. Но в одиночку двуручной пилой не работают, свободная
половина ее вихляет и ее «заедает» в распиле. Моей задачей было не
допускать ее изгибов в те или иные стороны.

Потом отец стал колоть чурки на дрова. Я тем временем насобирал
в заулке и окрест кучку щепочек. Затем наломал в ближайших кустах
на меже между нашим и соседским огородами беремья¹⁸ засохших веток
для растопки.

Отец затеплил в голландке очаг, чтобы мне одному оставаться не
было страшно. И после всего этого, оставив мне несколько сырых кар-
тофелин, не отдыхая, отправился на телеге в ночь обратно в Шимск за
нашим семейством.

Вскоре затих скрип его плохо смазанной из-за недостатка дегтя теле-
ги. В нежилой деревне установилась воистину мертвая тишина. Вопреки
советам отца не бояться, а ложиться спать, было страшно и потому не
засыпалось. Я знал, что в освобожденных районах скрываются не убе-
жавшие с немцами местные дезертиры начальных лет войны. А также
выпущенные оккупантами из тюрем уголовники.

И вообще, лихие по своему духу люди. Их, как я слышал от взрос-
лых, немало бродит окрест.

Сидя возле печурки с камельком¹⁹, слабый свет от которого, как
я надеялся, невидим для тех, кто мог бродить вне избы, я боялся
заснуть. Ведь, если камелек погаснет, ночь ляжет вокруг страшной для
меня глухой тишиной и темнотой.

---

¹⁸Беремья — охапка дров или сена.

¹⁹Камелек — небольшой огонек в печке или кострище.

Разрезая картофелины кружочками, я пек их, прилепнув на раскаленные бока печурки, и съедал по мере готовности.

Где-то далеко за полночь снова слышались скрипы тележных колес. Затем они смолкли. Раздалось фыркание лошадей, стукнула-брякнула входная дверь, которую я забыл закрыть на засов. Топот шагов в сенях смешался с женскими и детскими голосами, и избу стал заполнять народ.

Это прибыли из эвакуации угнанные немцами в иные, но ближние места односельчане. Обнаружив, что их жилье сгорело, они решили переночевать в нашей избе.

До утра эти звуки повторялись неоднократно. Люди занимали не только нашу избу, но и другие уцелевшие. Только я ничего этого уже не слышал.

Ободрившись многолюдством, не раздеваясь, прилег на полу, поскольку ни кроватей, ни иных лежаков в избе не было. Положив голову на вязанку собранных мною для растопки печки веток, заснул возле теплой голландки, как говорится, без задних ног.

* * *

Проснувшись поздним утром, обнаружил в избе, сенях, на сеновале в сарае и на чердаке человек сорок-пятьдесят. Из них несколько десятков детей и подростков.

Перекусив у кого, чем нашлось, мы шумной оравой высыпали во двор. С вечера я его толком не разглядел. А тут сразу в глаза бросился ряд зеленых елочек вдоль завалинки слева от выхода, если глядеть со двора на улицу. В половину стены, от переднего угла избы до дверцы в подпол был этот рядок.

Разглядела его и другая детвора. И может быть, даже не елочкам обрадовалась, а увидев куклу, губную гармошку и юлу между ними. К ним мы и бросились стремглав.

— Стой, дурачье! Мины!!! — закричал кто-то из бывших с нами подростков, опытных в разгадках военных прибабасов. Приглядевшись, мы заметили замаскированные елочками проводки от игрушек. А за ними в рядок, одна за другой лежали мины, взрыва которых было достаточно, чтобы поднять избу в воздух.

Реагируя на наш галдеж, выскочили во двор женщины. Сообразив, что к чему, они кликнули семнадцатилетнего парня Витаху, подготовившегося к уходу на фронт. Тот приказал всем уйти подальше от избы в огород, а сам осторожно сложил мины в торбу и отнес их за околицу деревни.

Вскоре в большой «бомбе», что за избой наших родственников Булаткиных, прогремел мощный взрыв. После этого Витаха ушел на фронт и не вернулся. Сгинул где-то бесследно в Пруссии или еще где-то в Гер-

мании. А позвавшие Виталия женщины долго еще поминали в своих молитвах его память.

Таким оказалось *второе напоминание фашистов* о их зловещем наследии войны.

* * *

Вскоре за ним последовало связанное с нею *третье напоминание*. Оно тесно переплетено в моей голове с памятью о дяде Иване Щепетове — муже старшей сестры моей матери тетки Анны. Его деревенская кличка была Иван Ленин. И до сих пор его детей Сергея, Мишу и Женю, а также вдову лельку²⁰ Анну именуют этой их неофициальной фамилией — Ленины.

Он был единственным из местных в деревне Большой Ужин накануне и после войны коммунистом. А других у нас и до сих пор нет. Видимо, своей безупречной жизнью заслужил он у односельчан такую славную кличку, которая была подтверждена им и обстоятельствами его трагической гибели в мирной обстановке.

Отпущенный после лазарета домой для полного выздоровления, дядя Иван встревожился, что весна наступила, а поля остаются непаханными и незасеянными.

Точнее, они были засеяны, да только не зерном, а минами, на которых уже взорвались несколько коров, лошадей и десятков голов другой живности. Поэтому женщины боялись их пахать, а других пахарей в деревне и не было.

Но это значило, что осенью ужинян ожидал голод, не говоря уже о невозможности оказать помощь фронту продуктами. На поставки нам продовольствия по государственным разнарядкам из других областей надеяться было рискованно, они сами в нем нуждались.

И дядя Иван, несмотря на то, что его раны не совсем зажили, выехал пахать. Пахал день, другой, а на третий наткнулся плугом на мину. Ее взрыв сгубил его и покалечил коня.

* * *

В минувшие после этого несколько лет я был свидетелем еще немало количества трагических проявлений упомянутого наследия войны. Последнее, чуть не погубившее нас с сестрой Антониной, произошло совсем недавно.

---

²⁰Лелька — нянька для младших сестер и братьев. В данном случае — нянчившая их старшая сестра моей матери, дяди Саши и тетки Наташи Комиссаровых-Булаткиных. Последнюю мы тоже звали Лелькой, но она уже опекала детей дяди Саши, а мы ее звали так по их примеру и по той ласковости, какую она распространяла и на нас, поскольку мать в девичестве тоже была Комиссаровой. То есть, ее сестрой.

Откликнувшись на призыв Паши Ангелиной²¹ «Девушки – на трактор!», Тоня окончила курсы механизаторов при Наговской МТС и стала работать на колеснике ХТЗ.

Работать механизаторам приходилось тогда в две смены, дневную и ночную, по двенадцать часов. В свои ночные смены Тоня на первых порах выходить побаивалась. Все же ей только-только исполнилось семнадцать лет, а на отдаленных от поселений полях был риск кого только ночью ни встретить – от медведя и волков до хулиганистых парней и беглых уголовников, выпущенных немцами из тюрем.

С согласия матери и в силу свойственной моему возрасту – мне тогда шел уже десятый год, – мальчишеской тяги к приключениям, я согласился, когда Тоня предложила мне, «покататься с нею ночью» на тракторе. Признавшись при этом, что со мной, хотя я и малый, ей будет не так жутко, как, если работать ночью в поле в одиночестве. При свидетеле даже злые лиходеи, можно было надеяться, вряд ли, рискнут ее обижать.

Мне доводилось с ребятами «ходить в ночное», охранять лошадей от появившихся в наших местах в войну и после войны конокрадов.

К тому же выпал случай отличиться в глазах большеужинских ребят, посматривавших на меня из-за моего болезненного слабосилья несколько свысока. И я, в ожидании возможных приключений, «катался» с Тоней несколько ночных смен в «люльке» плуга ее колесника. На месте отсутствовавшего из-за нехватки людей прицепщика.

И приключение не замедлило случиться. Как-то, уже в июне, когда мы пахали поле между Малым Ужином и Кукуевкой, под нашим плугом грохнул взрыв мины. Оказалось, стальные колеса трактора заряд миновали, а вот крайними лемехами плуга мы его сорвали. Притом взрыв был такой силы, что плуг перевернуло наизнанку, сломав сцепку с нашей машиной и чуть не завалив ее набок.

Полу оглушенные, мы добрых полчаса приходили в себя, а потом полтора часа брели в деревню Маковище, чтобы попросить жившего там бригадира трактористов Николая Рогова прислать помощь. Вернуть плуг весом в несколько центнеров в нормальное положение и сварить поломанную сцепку его с машиной самостоятельно мы были не в состоянии.

Короче, в наших местах, как мало где еще, до сих пор оправдывается похвальба одного гитлеровского генерала, что немцы и после поражения будут воевать с Россией не менее полувека. Так густо «засеяли» они при отступлении советскую территорию минами и другими пагубными ловушками.

---

²¹Паша Ангелина – первая в стране Советов девушка-тракторист. Во время войны возглавила женскую тракторную бригаду, а затем МТС. Обратилась с призывом «Девушки – на трактор! Заменяем фронтовиков!»

* * *

К сожалению, сегодня у нас даже взрослые недооценивают опасность такого военного наследия от оккупантов. А уж ребята и подростки зачастую ведут себя по отношению к нему, как будто мы бессмертные.

Результаты же такого отношения часто плачевные. Как, к примеру, у Броньки Лапина, который выковыривал из мины динамит, чтобы глушить рыбу. Хорошо мина оказалась слабенькой, взрывом ему оторвало только пальцы. Ходит теперь с культей.

А наш с двоюродным братом Володей Булаткиным приятель Вася Снетков и вообще погиб. С той же целью, добыть динамит для рыбалки, он пытался развинтить артиллерийские снаряды. Каждый размером с трехмесячного поросся.

Снаряды обросли ржавыми спайками, которые он, видимо, попытался сбить, постукивая по ним камнями.

От взрыва бывших при нем трех снарядов образовалась яма диаметром в пять-шесть метров. А ручонку и ножонку Васи нашли аж в полутора километрах от нее.

По сию пору в Кровайно и других окрестных кустарниковых зарослях, собирая куманику-ежевику, мы наталкиваемся на ящики с минами или на россыпи снарядов. И не было такого лета, чтобы переполошенный народ из ближних деревень не бежал на берег Ильменя, услышав канонаду взрывов и увидев в небе рыжий столб выбросов от них.

Это означало обычно, что очередная ватага малолетних ужинян натаскала с окрестностей в бункер железобетонного дота десяток-полтора снарядов, мин, гранат, провела к ним запал, спряталась за валами вне этого сооружения и взорвала свой смертельно опасный арсенал.

В войну на крыше дота по зубчатому стальному кругу вращалось немецкое дальнобойное артиллерийское орудие, обстреливавшее, как утверждали большеужинские женщины, позиции советских войск по ту сторону озера. Даже те, что вокруг Новгорода или вдоль Рамушевского коридора.

Потом орудие сняли, осталось жерло, глядящее своим зевом из бункера в зенит переменчивого цветом новгородского неба. Вот из этого бункера и вырывается в небеса смерч из осколков снарядов и озерного плитняка, на котором построен дот. И невдомек нашим, спрятавшимся за стенами бункера, недорослям, что любой из этих осколков, падая сверху, смертелен для них.

А ведь такое в разные годы тоже бывало. Потому народ и пугается этих взрывов.

Не пугают они только наших малолетних ухарей.

* * *

Ребята, давайте бросать рисковое ухарство! Обращаюсь к вам не потому, что сам чем-то в этом смысле отличаюсь от вас. Также поглотил

немало. Мы с Володей Булаткиным, как и вы, тоже так же безрассудно еще недавно куролесили.

После возвращения наших семей из Шимского концлагеря мы основательно пошарили по окопам и дотам и натаскали домой немало вооружения и патронов. Спрятали свои арсеналы под застреху их избы. А когда в нее во время грозы ударила молния, и она загорелась, такой треск от их взрывов пошел, что народ вместо того, чтобы тушить пожар и вытаскивать скарб, бросился от горящей избы врассыпную подальше.

Так все добришко Булаткиных и сгорело.

Другой случай. Вынули мы капсюль из противотанковой мины и решили его взорвать. Положили на камень и стали бросать в него булыжник поменьше. Сплющили бросками капсюль, а тот не взрывается. Но вот после очередного броска он так грохнул, что мы, оглушенные взрывом чуть ли не час, будто рыбы, воздух глотали, чтобы в ушах звон утишить. . .

* * *

Не получается ли, что мы своим ухарством играем на руку замыслам фашистских оккупантов, оставивших на пагубу нам свое вражье наследство?!

ПРОРОЧЕСТВА ВИТАХИ СЫТИНА

Из дневника за 1952 год

Прошли уже годы с той весны, когда красноармейцы армии тогда еще генерала Кирилла Афанасьевича Мерецкова освободили нас из неволи Шимского концлагеря, где мы провели более двух, казавшихся вечностью, лет, а ужасы того времени, как я уже писал, все еще кошмарят мои сновидения.

Многие страшилки этих горячечно-бредовых видений по их воздействию на меня, полагаю, не уступают тем, что включены в книжку описаний страстей святого Пантелеймона.

О терзавших этого святого страстях, красочно, фанатично посверкивая глазами, в которых перекатываются цветные белки и темные зрачки вдохновенных очей, с первых дней появления его в нашей деревне сказывал последним военным летом обезмужиченным большеужинским бабонькам один из немногих их сверстников-односельчан Витаха Сытин. Сорокалетний парализованный и усохший, одни мощи, инвалид

Прочие сверстники этих бабонек, инвалиды средних лет еще лежали в лазаретах и госпиталях, а молодые продолжали воевать. Поэтому они охотно слушали витийство Витахи.

---

*«Старорусская правда», 1952 год, январь. *Подпись:* Володя Староверов — редактор стенгазеты Борисовской семилетней школы.

Кстати, до сих пор, будто околдованные витахиными проповедями, женщины, во всяком случае, те, к кому не вернулись с войны мужа и сыновья, летом привычно собираются ради воспоминаний о них у его одра-амвона.

Каждый год с середины мая это витахино лежбище обустроивают ему родичи на сеновале их скотного хлева, то есть, продолжения избы. И вошедший снова в тело, Витаха все с тем же неизменным энтузиазмом, вдохновенно внушает там немногим и простодушно доверчивым, а потому верным ему, слушательницам свои фантазии.

* * *

Парализовало Витаху еще до войны. Саму войну же он пролежал у родственников в далеком малом лесном сельце Евахново. Что и спасло его от гибели, поскольку захватчики безжалостно уничтожали среди местного оккупированного населения замеченных ими калек. Особенно ставших таковыми вследствие эпидемических и иных «заразных», по мнительному мнению немцев, заболеваний.

Но в это, забытое самим богом глухотное сельцо оккупанты, к счастью для Витахи, из-за болотистости проселка туда, так ни разу и не заглянули.

Только вот сами приголубившие Витаху родственники погибли. На сельцо наткнулись, отступая лесами, полицаи-прибалты. Обозленные своим поражением в стычке с красноармейцами, они садистски мстительно перестреляли не успевших скрыться мирных жителей.

Родичи успели оттащить Витаху в кустарники, что росли на меже их огорода, а сами, когда убегали в лес, были замечены и застрелены. Витаху же каратели не заметили, и он выжил.

Узнав об этом от спасшихся в лесу и возвратившихся домой обитателей сельца, его забрал к себе счетовод нашей артели однорукый Васюк Принцев. То ли его брат, то ли дядя. . .

* * *

В последние годы Витаха слывет в нашей деревне избранным самим господом праведником-страстотерпцем, являющим безропотную покорность божьей воле и полное смирение перед посланными ему небесами испытаниями. А потому, чуть ли не святоликим угодником, осиянным за его страдания небесными покровителями даром ясновидения и пророчества истин грядущего людского бытия.

У него единственного среди большеужинян сохранился толстый фолиант, испещренный еще дореволюционными «ять». В этом фолианте собраны основные канонические евангелия. А кроме них есть еще в нем

какие-то апокритические²², как утверждает наш семейный грамотей дядя Миша Куликов, писания апостолов православной Христовой церкви.

Есть у него и рукописная книжка о житии и страстях святого Пантелеймона. Её Витахе подарили христорадничающие побирушки из глухотоманных деревенок, сожженных оккупантами в погоне за партизанами. Эти побирушки во множестве шастали в первые послевоенные годы по нашим «более сытным» приильменским раболовецки-земледельческим весям.

Пророчествуя, Витаха истово ссылается как на евангелия, так и на достоверные, по его словам, описания праведного жития угодников и пострадавших за их неуклонную веру в небесных предстателей. Выдавая их, кстати, за несомненные откровения наших духовных наставников-дедичей. Безусловно, православных, но с языческим душком староверия.

Говорил Витаха изначально басовито и складно. К тому же, что и привлекало к нему женщин на посиделки у его одра в последний повоенный год, он время от времени сообщал то одной, то другой из них о благополучии или осложнениях в здоровье их, пребывавших на войне, домочадцев.

Теперь он сообщает им некоторые сведения о пребывании их родственников за гранью земного бытия. За что с той поры, как только появилась у деревни такая зажиточная возможность, вопрошающие приносят ему дары — кусок пирога, пяток-десяток вареных яиц, банку сливок или сметаны. . .

Притом, тогда он был в курсе всех свежих сводок о военной обстановке. Их он поневоле слушал из передач радио тарелки, что громко вещала с утра до позднего вечера со столба напротив магазина сельпо, в метрах сороках от Сытиных.

МОИ СТРАШИЛКИ

Мама все больше беспокоилась об отце, который после освобождения нас из Шимского концлагеря, снова воевал, судя по последнему от него фронтovому письму-треугольнику, опять где-то за Нарвой, с которой начались в начале войны его фронтовые дороги.

И поскольку отец давно не подавал о себе вестей, то она стала посещать посиделки у одра Витахи.

Несколько раз она брала меня с собой. Её удручали мои, как ей казалось, беспричинные «чужачества» непонятного ей моего испуга, граничившие с приступами юродствования, бродивших по окрестностям, «дурачков». Ставших таковыми из-за того, что их психика не вынесла ужасы оккупации . . .

---

²²Вероятно, апокрифические. Чья была оговорка, автора или дяди Миши, теперь за давностью лет не вспомнить.

Что касается моих бредовых страшилок, то вообще-то они действительно порою приобретали формы навязчивых видений. И кстати, эти страшилки пробуждаются, хотя, к счастью все реже, в моих видениях и преследуют меня до сих пор. В основном при очередном обострении моей хронической бронхолегочной болезни.

В свое время, помимо ранения, я перенес в Шимском концлагере непонятную для нас хворь. По уверениям выхаживавшей меня тогда ворновской знахарки тетки Фараги — крупозное воспаление легких. А по словам мамы, чуть ли не утянувшую меня в могилу, «трясуху». Упоминанная которую, мама до сих пор, каждый раз с боязливыми признаками пережитого бывшего страха за меня, осеняет себя крестом и бормочет скороговоркой: — Чур, нас, господи-святой, оборони нас и помилуй!».

Как бы то ни было, но упомянутые обострения бронхолегочных воспалений с температурой, лающим кашлем и обильной мокротой случаются у меня едва ли не дважды ежегодно. Как правило, поздней осенью и зимой или весной. . .

Мама хотела посоветоваться с Витахой по этому поводу, но не решалась, опасаясь дать его слушательницам основания для пересудов меня как «тронутого умом куличонка».

Но однажды Витаха, заметив, что я, по привитой ею мне привычке внимать старшим, напряженно слушаю его, пытаюсь понять смыслы его благодушной басистой скороговорки, сам обратил на меня, затем на маму свой пронзительный взор:

— Что-то худенький он у тебя, Маня!..

Услышав от мамы, что я, с тех пор, как проболел в Шимске «пашавой», — по местному, неопределенной длительной и изнурительной болезнью, — так все никак и не опорякну от нее, Витаха перекрестил меня и уверенно пообещал ей:

— Выздоровеет!.. В его роду Филатовых много жилистых долгожителей. . . Я помолюсь за него матушке Парасковее Пятницкой. . . — И после небольшой заминки, добавил:

— А ты, Маня, все же побереги его. Погляд у него какой-то не детский. По-взрослому хмурый и слишком сурьезный... Знать не простой, с изломами, будет его судьбинушка... Молись истово, чтобы Володюшкин ангел-хранитель ежедневно и еженощно оберегал опасную будущими искушениями его житейскую дороженьку. . .

* * *

. . . Вот во время этих походов с мамой к Витахиному одру-лежбищу, я и услышал от него советы большеужинским бабонькам ставить в церкви свечки за здоровье и благоволение к сирым и пребывающим в нуждах святого Осипа Сталина*.

---

*Запись в дневнике, ориентировочно 1951 года.

ОН БОЛЬШЕ, ЧЕМ СВЯТОЙ . . .

Из дневниковых записей школьных лет

Такое отношение к этому человеку стало укореняться в моей голове уже с первого года Отечественной войны. Когда я и мои односельчане узнали из рассыпанных с пролетевшего над нашей деревней самолета «У-2» листовок о ноябрьском параде отправлявшихся сразу на фронт сибирских дивизий и московского ополчения на Красной площади.

Там, провожая этих воинов, на смертный, можно сказать, бой, в своей речи с трибуны мавзолея Ленина, напомнив им о подвигах в защите Отчизны их великих предков, он заверил советский народ в неизбежности нашей победы.

А затем, из других листовок, сброшенных над нашей деревней, похоже, тем же «ястребком»²³ мы узнали и о предновогоднем, первом крупномасштабном поражении гитлеровских орд под Москвой.

Немцы под угрозой расстрела каждый раз заставляли большеужинян не высовывать носа из своих изб и не поднимать листовки. И конечно, запрещали им читать их. Староста Березин и полицаи устроили настоящую охоту за этими листовками, собирая их не только по деревне, но и по дорогам и полям окрест её.

Но все их изощрения оказались тщетными. Отдельные листовки залетели даже в укромные щели. И люди, время от времени обнаруживали их там, где никто не мог ожидать найти. А потом шепотом делились друг с другом радостными вестями.

Еще оживленнее, но тоже потаенно, обсуждали большеужиняне слухи о победе Красной армии в Сталинградской битве. Тогда мы уже бедовали в Шимском концлагере, и как-то быстро обнаружили перемены в поведении наших церберов. Одни из них утратили свою былую наглость, другие наоборот стали придирааться к заключенным чаще и злобнее.

Эта победа пришлась на февральский день моих именин, поэтому я и помню, что о ней стало известно обитателям нашего барака, а наверное и всем заключенным в лагере, уже буквально на следующий день. Причем, проболтался о ней кто-то из полицейских охранной команды.

Заядлая любительница петь частушки моя восьмилетняя сестра Люся по этому поводу «пропела» полусшепотом нашей компании малолеток — мне и Насте, Володе и Анюте Булаткиным: «Не горюй моя подруга, скоро Гитлеру капут! Скоро сталинские танки по Берлину побегут!»

На вопрос, «Откуда узнала частушку?», важно сказала:

— Секрет!

---

²³ Действительно, как мы позднее услышали от нашего земляка Героя Советского Союза Александра Богачева, это он во время службы в приволховской армии Говорова осенил нас не только бомбежкой немецкого штаба, но и листовками для нас.

* * *

С тех пор имя Сталина, а речь идет именно о нем, частенько возникало в потаенных разговорах обитателей концлагеря. А тут еще отец проговорился о том, как в армии Ефремова, еще до поражения немцев под Москвой, они однажды ходили на фрицев в атаку под развернутым красным знаменем и выкрики: — «За Родину! За Сталина!».

И листовка о поражении гитлеровцев в Сталинграде кончалась точно таким же призывом: «За Родину!, за Сталина!».

А потом последовали наше освобождение из концлагеря и спасение нас от голодной смерти в первый после лагерный год. Тогда, возвратившись ранней весной в почти полностью сожженную родную деревню, мы оказались без ничего. В обносках и без куска хлеба. Поэтому кое-кто из нас уже начинал варить мох, кору ольховников и веточек липы, а также охотиться на птах, мышей и крыс на жарку.

И вдруг, государство подбросило нам на посев толику ржи, ячменя и пшеницы, а на питание, на всех нас, по мешку овса и гороха, жернов жмыха²⁴ и малость иной вкусности. . .

— «По распоряжению Сталина выделено нам пособие. . .» — хрипло сказала на первом колхозном собрании Настасья Хазиха, избранная за два дня до него на оперативно организованном дядей Иваном Щепетовым (Лениным) митинге успевших к тому времени возвратиться из разных далей односельчан председательшей нашей артели.

На следующий же день она, наша мама и тетка Матрена Булаткина пеше смотались за этим пособием с ручными тележками на склад за двадцать с гаком верст, в Старую Руссу.

* * *

Удивительно ли, что Сталин начал постепенно теснить в моей голове живший до того в ней согласно с молитвами мамы образ полуязыческого небесного нашего защитника и заботника Ильи-пророка, чей престольный праздник искони отмечается большеужинянами.

Но только не воображаемого, как Илья, а земного и реально деятельного в далеком от нас московском Кремле.

А сам Кремль в свою очередь стал представляться мне в виде своего рода штаба, от которого во все стороны аллюрят конные ординарцы с распоряжениями Сталина.

Его портретов я к тому времени еще не видел и физически он казался мне кем-то неопределенно огромным. И, тем не менее, реальным. Не то что всеобщим отцом, но все же общим дедичем. Вроде нашего легендарного, отошедшего еще до революции в мир иной прапрадеда Миколая Кузьмича.

---

²⁴Подсолнечный или льняной жмых тогда прессовали кругляшами, похожими на каменные круги жерновов у наших домашних мельниц.

Конечно, ерунду смолол тогда кто-то из деревенских балаболов, назвав большевистского вождя Сталина «богоравным вожаком нашего народа, ниспосланным ему самим Господом с наказом отразить пагубную напасть на него сатаны Гитлера с его нечестивым разно племенным воинством».

Равно, чушь съерундил Витаха Сытин, наш большеужинский убогий святоша, привезенный откуда-то его братом несколько недель спустя после нашего возвращения в деревню. Этот вообще поименовал Сталина «*святозаром*, дарованным небесами народам святой Руси с наказом спасти её от всех ворогов и повести ее насельников к воротам в царство божие».

* * *

Тетка со стороны мамы Анна (Нюша) Щепетова (Ленина), пересказывая эту Витахину чушь, фыркнула возмущенно:

— Нашел кого, главного безбожника-большевика Сталина, в святые записать! Он не святой, а наше знамя. И это больше, чем святой.

На что другая моя тетка со стороны отца, внучка строителя старообрядческого молельного дома Миколая Кузьмича и правнучка вероучителя рушан-старообрядцев Кузьмы Филатова тетка Тоня Пятинна (Рюханова) пожала плечами:

— Вообще-то люди сказывают, что Осип Висарионов до революции на священника выучился. Только благословения на проповеди божьего слова от начальства не получил. Так начальство-то его было никонианского толка. А святость она Господом-богом дается по его собственным умыслам. . .

Насколько я тогда понял, мнение Витахи о святости Сталина, разделяли вместе с теткой Тоней и некоторые другие большеужиняне. А Витаха не только тогда, но и позднее неоднократно отстаивал это свое мнение. В этом я убедился сам, когда несколько лет спустя два-три раза оказался вместе с мамой в его окружении.

Глава вторая **ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО УЖИНА**

Вторая и последующие главы первого тома автобиосоциохроники Большого Ужина охватывает пять-шесть лет его двухаспектного возрождения. Во-первых, буквального поселенческого из руин и пепелищ как элемента российского сельского расселения. Во-вторых, как ячейки социополитической субъектности культурно-цивилизационного института советской общесоюзной организации.

Первый аспект олицетворял традиционное физическое возрождение поколенческого поселенного наследия пращуров, как немеркнувшего итога их жизни в созидательных трудах и борениях. Второй — духоподъемную тягу к довоенным итогам и открывавшимся послевоенным целям сталинской аграрной политики эпохальной институционализации жизненной силы и воли деревни, ее субъектности как подсистемы социалистического общества.

Буквализм первой цели зримо демонстрировали большеужинянам руины и пепелища их домов и колхозных построек, которые они обнаружили, возвратившись в свою деревню после изгнания оккупантов.

Духовно ощущаемую ими их невыразимую словами менталитета цель обретения своей социально-политической субъектности, они инстинктивно усматривали в реализуемой сталинской социально-экономической модели социалистического преобразования их державы, превратившую аграрную страну в индустриального мирового лидера, а деревню в аграрно-индустриального равноправного партнера города, источника жизненной силы олицетворявшего мечты предков о всеобщем равенстве общества.

В российском общественном мнении этот период с хрущевских времен крайне политизирован и мифологизирован. В опубликованных далее наивно-простодушных дневниковых записях и селькоровских зарисовках бытия деревни, как оно было увидено глазами деревенского отрока, непроизвольно отразилась противоречивая картина этих судьбоносных для страны процессов возрождения русского послевоенного селения и всей российской деревни.

ИНСТИНКТЫ ВЫЖИВАНИЯ

Видя повсюду вокруг вопиющие картины крайней разрухи, мы как сказку слушали рассказы о довоенном благоденствии Большого Ужина. О нем наши родители, старшие сестры и братья вспоминали как о «золотых годах» всей предвоенной жизни советской деревни.

В связи с этим, в преддверии майской годовщины Победы над гитлеровской Германией и помогавшей ей фашиствовавшей части населения

Западной Европой²⁵, и я хочу вспомнить о нашем бытии в первый год после освобождения от оккупации гитлеровцев, чтобы мы могли сопоставить его с сегодняшней нашей жизнью. То есть, о том, с какой отметки мы приближали этот рубеж.

Судя по воспоминаниям старших, не во всем мы его еще достигли, но, как многие старики говорят, уже все зримее приближаемся к довоенному рубежу нашей жизни и собираемся в ближайшее время превзойти его.

Не буду говорить о возрожденческих делах наших взрослых односельчан, восстанавливающих разрушенное оккупантами, а вспомню через наше детское восприятие то, как мы учились всего семь лет назад не только физически выживать, не «христорадничая», но и в меру своих силенок, соучаствовать в их воистину беззаветном трудовом подвиге.

* * *

Что касается разрухи, то нашей деревне Большой Ужин не повезло, пожалуй, больше, чем окрестным деревням и селам.²⁶ Может потому, что в нем располагался сначала штаб батальона Красной армии, а потом штаб воинской части гитлеровцев. Аналогичное было только в Большом Учно и Пеньково, в которых тоже были штабы, и которые также усиленно бомбили, как фашисты, так и наши летчики, «выковыривая» противников.

Общественные постройки в наших поселениях были уничтожены повсеместно. Кроме церкви в Борисово и каменных кладовых, построенных там же еще до революции известным миллионером-старовером Саввой Морозовым.

Кстати, такие же постройки для хранения рыбы были и в Старом Ужине, однако они, как и церковь в нем, были разрушены немецкой и нашей артиллерией.

Но в прочих деревнях и селах — Борисово, Заднее Поле, Устрека, Маковище сохранилось хотя бы значительно больше жилых изб довоенной постройки и садов. Даже в соседней с нами деревеньке Малый Ужин избы и сады почти не пострадали, а у нас, что в Большом Ужине, что в Кукуевке, наоборот, все разбомбили или сожгли.

Осталось всего по несколько домов в разных концах, как деревни, так и сельца. И три-четыре основательно прореженных вырубками приусадебного сада.

Из-за чего, кстати, нам пришлось сначала ходить в школу в Малый Ужин. В Большом Ужине начальную школу просто было негде разместить. Да и в малом Ужине все ее четыре класса располагались в одно-

²⁵ Об этом будет сказано во второй книге и других материалах.

²⁶ Селами называются сельские поселения, в которых были церковь и учреждения власти, например, Борисово и Старый Ужин, называемый ныне Кукуевкой. Все прочие сельские веси считаются деревнями или хуторами.

комнатной избе, а потому мы учились в ней в две смены. В таком парном сочетании: 1+4 и 2+3 классы в ту или иную смену совместно. Пока одни делают письменные задания, другие проходят устную программу.

Впрочем, когда отец перевез обе семьи, нашу и Булаткиных, из Шимского концлагеря в Большой Ужин, моему двоюродному брату Володе Булаткину до школы оставалось еще два года, мне и вовсе три.

Поскольку детей довоенных лет рождения в наших двух Ужинах и в Кукуевке оказалось немало, из-за нехватки места нас решили записывать в первый класс не в семь лет, а позднее. Ведь еще и «перестарков», которые пропустили несколько школьных лет, было не мало, а их тоже предстояло где-то обучать.

* * *

С Володей Булаткиным мы встретились по возвращении в тот же день, когда Витаха подрывал обнаруженные нами на завалинке нашей избы замаскированные мины.²⁷ Володя явно завидовал красочно расписанным мною моим ночным и утренним приключениям и досадовал, что не поехал с нами в ту памятную «разведку».

Впрочем, все эти сожаления тут же отошли в сторону эмоций. Нам обоим люто хотелось есть. А взрослые были заняты суетой расселения прибывших и прибывающих из эвакуации родственников и соседей.

Оказалось, о чем мы с Володей уже успели забыть, что еще до эвакуации у многих в огородах были вырыты и обустроены окопы и землянки, в которых односельчане до высылки прятались при бомбежках и обстрелах.

Но за время отсутствия хозяев эти сооружения одряхлели, полуразрушились, и надо было срочно привести их в божеский вид: укрепить стены, поставить буржуйки, соорудить топчаны..., вообще, сделать их пригодными к проживанию.

Мы понимали, что старшим не до нас. Да к тому же я знал, что у матери из съестного ничего нет, поскольку под шумок суеты освобождения в концлагере кто-то из тамошних мародеров банально нас обокрал. Утащили не только съестное, но и приберегаемую матерью нашу одежку.

Из нее у семьи осталось только то, что было тогда одето нами. А купить в деревне было негде и нечего. Даже рыбу еще никто не ловил, поскольку не успел снасть смастерить.

А голод — не тетка. Все мысли на одно поворачивает, где найти то, что можно съесть, не отравившись. Ведь даже трава и дудки еще не растут. Почки и те еще только набухают. Да и горькие они у растущей в наших местах преимущественно ракиты и тополя. А яблони и сливы в саду Булаткиных грешно было бы обдирать. Ведь их почки — это будущие плоды. . .

---

²⁷ Об этом см.: «Наследие войны и наше дурацкое ухарство».

У меня родилась идея.

— Знаешь, — возбужденно сказал я другу-братану, — когда мы ходили смотреть, в каком состоянии окоп в огороде Петрухи Романова, мне показалось, что там белеет крахмальный комок гнилой картошины, давай наберем. . .

— И что, мы гнилую картоху будем грызть? Гадость-то, какая!.. — передернуло его от омерзения.

— Не!.. Эту картоху можно через терку пропустить и в воде растворить, а ее через сито пропустить. Крахмал тяжелее остаточной гнили, осядет, и мамка с лелей Наташей тошнотиков наделают. Помнишь, в Шимске они однажды такие делали. Тоже дрянь.., но есть-то можно было.

— Но ведь они тогда в крахмал хотя бы поскребыши муки добавляли и высушенную макуху клевера. А макуха когда-то еще вырастет. . . — засомневался Володя.

— Так мы к бывшему колхозному гумну сбегает, там наверняка еще должны остаться довоенные кучи мякины или пелы зерновых. Мы просеем их через решето, вдруг какое-нибудь зерно найдется. А нет, так пелы подсушим, если они еще мокрые, растолчем в муку в ступе, через сито просеем. . . Мамка с Лелькой их вместо муки в тесто тошнотиков добавят. . .

* * *

В тот же день мы с Володей упорно прочесали огороды — оба наши и ближние: соседок Ньюши Блиновой и Кузихиных, которые еще не возвратились из эвакуации, тетки Тони Пятиной и Петровны Дубровниной, которые также пока находились в угоне в Прибалтике.

Ходили Володя в сапогах брата Павлухи, а я, не найдя даже опорков, босиком. Там, где еще оставался ледок, моим ногам было холодно, но в целом терпимо.

Набрали мы похожих на сероватые сгустки грязи картофелин полную торбу. Потом растерли их между камнями, трижды залили водой, каждый раз дожидаясь отстоя и сливая с верхним слоем воды более легкую гниль.

И, в конце концов, получили довольно белый, правда, с сероватым оттенком, скрипучий крахмал, который выложили на железный лист под солнцем сохнуть.

Затем сбегали на гумно, которое стояло когда-то в задах огородов Петровны и тети Тони. Зерна в мякине, как мы ее не просеивали, не обнаружили: оно давно проросло и, вероятно, завяло без колоса или было склевано куро-патками.

Но пелы обнаружили под помостом риги, который почему-то не догорел, и они сохранились под ним, не сопрев, да к тому же в относительной сухости.

* * *

Как я и говорил Володе, Леля Наташа и моя мать замесили в кадушке все эти наши трофеи и испекли нам и сестрам серо белые котлеты-тошнотики. Есть их было можно, особенно корочки, однако больше одного, от силы двух съесть как-то никого из нас не потягивало. Потому все равно в наших животах кишка кишке кукиш казали и недовольно бурчали.

Но несколько дней мы выгадали, а тем временем на пригретых солнцем боках оборонных валов стали проглядывать кислица и прочая зелень, которой мы и начали набивать сытость наших желудков.

За эти дни большеужиняне восстановили свою рыболовецко-земледельческую артель «Имени 17 партсъезда», то есть избрали правление, а председателем его энергичную Настасью Хазиху. Из райцентра привезли выделенные государством для артельной весенней страды семена, а также по нескольку центнеров жита, овса, гороха и жмыха на пропитание людей. И Клава принесла домой несколько килограммов овса — аванса в счет будущих заработков.

Овсом у нас издавна кормят лошадей. Однако после обработки пестом в ступе, он дал крупу. Из этой крупы получилась вкуснейшая каша. А пропущенная через ручные жернова, которые мы с Володей крутили по очереди, эта же крупа дала нам муку. В свою очередь, из муки сварили кисель, показавшийся нам с голодухи необыкновенно вкусным деликатесом.

* * *

Когда овсяные вкусности стали подходить к концу, Володя сказал сурово:

— Завтра пойдем добывать яйца диких уток и куликов.

— Куда?! — удивленно спросил я.

— За Оборону, в разлив. . .

— А-а-а! — понятливо протянул я. — Только ведь еще холодно, в озере лед плавает, а вода в разливе из него. . .

— Ни што, между кочками она раньше прогревается. Если живо шевелиться будем, авось, не совсем замерзнем. Глodus сегодня хвастался, что он уже и в озере вчера купался. На льдину, дескать, забирался, и с неё нырял.

— Слушать его, вралья. . . Привирает, наверное, как всегда, — засомневался я.

Глodus²⁸ был у нас притчей во языцех и загадочным для нас типом. Он всего на несколько лет старше Володи, но живет бирюком, без родителей. Их семья была угнана куда-то далеко, аж в самую Западную Польшу. Которая вроде бы и не совсем Польша, а немецкий край. Но он сбежал оттуда от «гросбаура», как он говорил, а попросту от немецкого

---

²⁸ Позднее Глodus станет моим зятем, женившись на моей двоюродной сестре Марии Староверовой.

кулака, и теперь бьется у нас в одиночку, ожидая, когда тот край освободят, и приедет его мать.

Отца он совсем не помнит, да и никто из ужилян его не помнит. Пока же Глодус жил один в землянке, устроенной позади пепелища их избы, на огороде, который он и не пытается обрабатывать.

Разговаривает Глодус странно, с каким-то акцентом. Питается, как и мы, чем придется. Только он в отличие от нас не гнушается сшибить камнем из рогатки галку, ворону, даже воробья, да вообще любую птаху, ощипать ее и зажарить на костре. Что мы делать гнушались.

Не принято в наших местах убивать пернатую божью тварь, кроме уток, разве, куропаток, некоторых куликов, да тетерок. А Глодусу — все по животу. Жрет, да брюхо поглаживает: вкусно-де. И, мол, все, что движется — мясо.

* * *

... На следующий день, подождав, пока солнце хоть на чуточку согреет разлив, часов в девять-десять, мы с Володей двинулись на промысел утиных яиц. Где они могут быть, мы, в общем-то, представляли. Половодье в том году было раннее и мощное. Вода подступила почти к артельной конюшне и землянке Кузнецца, которого в Большом Ужине никто по-иному, ни по имени, ни по фамилии, и не именовал.

Оборона была одним из множества валов, просто самым большим Валом. К ней с боков, в том числе с обеих огородных сторон Большого Ужина тянулись второстепенные оборонительные валы. Вот одним из них мы и прошли посуху почти до самой Обороны.

Посидели несколько минут на ее гребне, собираясь с духом. А потом, шумно ухнув в предчувствии ожидаемой нас ледяной ванны, прыгнули в замутненную глиной воду. Ожегшую нас холодрыжной хваткой. Перемежаясь плавучими и стабильными, но высокими кочками, гладь ее тянулась ложбиной, образуя лагуну на добрую версту, до возвышенной части песчаного берега озера Ильмень.

Я прыгнул неудачно, солдатиком, и в следующее мгновение почувствовал, как мои ноги вязко схватила, не позволяя всплыть, размякшая глина. Над макушкой головы сомкнулась, заливая противным запахом гнили рот и нос, вода, а я никак не выберусь из глиняного капкана.

Выдернул меня из воды Володя. Он не только старше, но и выше меня. К тому же, он ухнул в воду плашмя, и держался в ней наплаву.

Миновав опасную полосу с вязкой глиной под ногами, мы выбрались на более надежное место с твердым травяным дном. Стоя — Володя по плечи, я под подбородок — в воде, мы несколько минут отплеивались от плавучей тины, которой оба успели наглотаться. Кашляя и жадно хватая ртами свежий, пахнувший сухим розогом воздух.

После такого крещения купелью, от которой заломило в висках, вода уже не стала казаться ледяной холодрыгой, а оказалась терпимой.

Мы медленно поплелись от одной плавучей кочки к другой, отыскивая гнезда с кладками яиц уток и куликов, стаи которых, всполошенные нашим вторжением в их владения, истошно крича, свистя и крикая, кружились над нашими головами.

Больше всех суетились чибисы-пигалицы. Размахивая — чуть ли не как лунь, но только более часто, короткими, странно свистящими крыльями, они кувыркались в воздухе чуть ли не до воды и с жалобно-пискливыми криками, похожими на человеческие вопли, вопрошали:

— Чьи вы, чьи вы!

* * *

Медленно, разгребая перед собой давние, высохшие в свое время, а теперь размокшие и всплывшие наряду с плавучими кочками коровьи лепешки и конские яблоки, шли мы через толщу разлива от одной стоячей кочки к другой в поисках кладок яиц. Из рассказов старших ребят, мы знали, что именно на таких, высоко стоящих над водой кочках, можно найти кладки яиц кряквы. Самых крупных после гусиных, индюшачьих и страусовых.

Да и другие дикие утки, скажем, чирки и чернеть, тоже предпочитают такие сухие кочки. Даже лысуха — маленькая черная курица с небольшой белой костяшкой на лбу, будто лысина, за что люди и назвали ее таким глуповатым именем. Лапы у нее куриные, без перепонки, но плавать и нырять эта юркая «курица», не уступая никакой иной утке.²⁹

Но не брезговали мы проверять и плавучие кочки, на которых можно обнаружить кладки яиц длинноносых куликов. Они, правда, меньше по размеру и количеству, чем у кряквы или чирка, но по вкусу не хуже.

У кулика в кладке обычно находят не больше четырех остроносых яичек с коротким тупым концом. И все они всегда в пятнах. Разноцветных — желтых, зеленоватых, голубых.

Причем, пятна то потемней, то побледней. А вообще, всегда рыжие, кроме разве что кладки пигалицы, у которой они темно-зеленые. В кладке куликов сами их яйца лежат обязательно крест-накрест, острыми концами друг к другу.

Долгое время мы брели по плечи в воде безрезультатно, оглушаемые резкими посвистами куликов и ором утиных стай, норовивших вцепиться нам в кепки. Но вот я увидел на плавучей кочке кладку чирков, и что тут началось!..

Оба они, маленькие, рассерженные, отчаянно набросились на меня. Что утка, что селезень, так и целились своими носами, нарочито клонуть в лицо, глаза, нос. Оставь, мол, уродина наше гнездо в покое.

---

²⁹Боюсь, что на ближайших двух страницах этих зарисовок при характеристике болотных птиц я немало позаимствовал у Виталия Бианки, Михаила Пришвина, Дмитрия Зуева и других писателей с фенологическим уклоном, произведениями которых в ту пору увлекался. Они в наших новгородских местах описывали такие же наиболее распространенные виды болотных пернатых, которых «обрабили» тогда мы с Володей.

Хорошо, что прочие птицы остались безучастными наблюдателями этой кутерьмы.

Пришлось, быстро, сгребя кладку из десятка яиц в кепку, нырнуть в мутную воду. И уже под водой перебраться за другую высокую стоячую кочку, укрывшись за ней.

Потеряв из вида врага, чирки вспорхнули в воздух, делая круги над кочкой и явно отыскивая меня. Не найдя, или посчитав, что я с потемневшими от тины волосами и без кепки не из грабителей, покружившись в воздухе, они сели снова на свое разоренное гнездовье, прижавшись друг к другу и всем видом демонстрируя удрученность своим горем.

Было стыдно перед ними, но Володя утешил меня своим рассуждением: если в кладке всего десять яиц, то, следовательно, утка еще продолжает нестись. Обычно их кладка — полтора десятка яиц. Значит еще наносят и будет им из чего вывести утят. . . Да и вообще, чего тушеваться? Ведь яйца домашней курицы мы едим и не стыдимся. . .

— Было бы перед кем стыдиться, нет у нас в деревне ни у кого куриц, всех фашисты съели, — сердито возразил я, стыдясь невольно выступивших слез.

Дальше «повезло-не повезло» Володе. Он наткнулся на почти полную кладку кряквы, четырнадцать бледно-зеленых яиц, и каких крупных, не меньше куриных. . . В этом смысле ему, конечно, повезло. Не повезло же в сражении с кряквой.

Самец, красавец с темно-сизыми полосами, сразу рванул в небо в сторону Ильменя. Своим поведением он оказался схожим с некоторыми нынешними парнями, о которых говорят: поматросил и бросил.

Более того, этот селезень не то что равнодушен к своему гнезду, но, похоже, органически не переносит его некоторое семейное содержимое.

Гнездо у них, в отличие от чирков, которые хлопочут над ним оба, строит только кряква, стаскивая на кочку сухую осоку, мелкие веточки, сплетая их в нечто, смахивающее на плоскую корзинку, устилая ее пухом прошлогоднего камыша розы-рогозы или осины, подобранными перышками, а не то и пухом, надерганным из собственной грудки.

Им же она прикрывает яйца, когда покидает гнездо, чтобы пообедать. Делает это, чтобы их не видел селезень. Тот, если яйца увидит, их расклюет, гнездо растреплет, а утку за хохолок оттаскает. Немудрено, что он не сделал никакой попытки защитить свое гнездо.

По-иному повела себя более мелкая, чем самец, кряква. Она накинулась на Володю, начала, норовя ударить крыльями, драться лапами, клевать его нос и уши. Да только лапы у нее оказались мягкими, перепончатыми, а клюв тупой и плоский. И хотя она вообще-то крупная, почти с домашнюю утку пекинской породы, сильно ударить не может.

Отмахиваясь, Володя отбросил ее в сторону. И тогда она пустилась на хитрость, начала, притворяясь побитой, еле-еле ползать под самым носом у него, чтобы увести его от гнезда.

Я бросился, чтобы поймать ее: ведь утиное мясо — еда еще лучше яиц. Но вода по плечи тормозила мой бросок, а криквя, когда я оказался возле нее, начала резво, ныряя в доступности руки, уманивать меня за собой.

Тем временем Володя переложил яйца с кочки в свою торбу. Заметив это, криквя резко, прямо из-под моей руки, круто взлетела в воздух.

В следующий час, полтора «повезло-не повезло» мне. С такой же, как у Володи, баталией, и с тем же результатом.

В течение этого времени мы в дополнение нашли еще несколько кладок яиц куликов, в том числе гнездо чибисов, которые, с криками, набросились на нас. Правда, не касаясь нас. Но такой многочисленной оравой и, соответственно, с таким ором, что мы, не сговариваясь, повернули к дому.

* * *

Уже подходя к Обороне, я почувствовал, что, несмотря на холодную воду, горю жаром. Почти так же, как тогда, когда года полтора назад заболел в нашу бытность в Шимском концлагере крупозным воспалением легких.

Как я выбирался на Оборону и как плелся домой, цепляясь за Володю, который перед этим забрал в свою торбу мою добычу, чтобы я не раскокал яйца, совсем не помню. Но как-то, по его словам, дополз, сам.

* * *

На свое счастье, заболел я на этот раз не «крупчаткой», а просто острой пневмонией.

Поскольку установилась теплая погода, то я, глотая отвары лели Анны Лениной, отлежался у нас в огороде под дубами на матрасе из веток, правда, под одеялом, перебираясь по ночам в избу. Все эти дни со мною проводил Володя.

Когда стал чувствовать себя лучше, то мы с ним начали мастерить из ивы свистульки или корзинки, а после них, под конец попытались даже соорудить морды из лозы ивняка, которую он нарезал в кустах на огородной меже. И после серии неудач, соорудили две.

Морды — это такие мережи из длинных прутьев лозы: одна меньшая продолговато-конусная корзина со свободными входом и дном вкладывается в более просторную корзину, почти аналогичную, но с завязанным остроконечным дном. При этом на входе они соединены большими, как у рупора раструбами друг с другом.

Рыба заходит в эти раструбы, плывет вдоль внутренней сужающейся корзины, попадает через узкое дно в большую корзину, а обратно пути через узкое дно не находит, и оказывается, таким образом, в западне.

Ставят подобные морды — только у взрослых рыболовов они намного крупнее, — обычно, в ручьях и речках, впадающих в большой водоем. Мы тоже запланировали закинуть их, когда они высохнут, а то сырые больно уж тяжелы, в ближайшие речки Глушок и Учонку.

Убедившись, что я справился со столь нелегкой работой, значит, здоров, Володя предложил:

— Пойдем завтра на промысел?!

— Куда? Если за Оборону, то мамка запретила мне лазить в холодную воду... Пока, во всяком случае. . .

— Да я не про разлив говорю. Там делать нам нечего. Из яиц, наверное, уже птенцы вывелись или вот-вот вылупятся. Я говорю о промысле кислицы, столбцов, дудок в Выселках. Знаешь, какие они вымахали на пожарищах. А может и что-нибудь стоящее, медное или дюралюминиевое, найдем на старых пепелищах. Там же никто, наверное, не рылся. . .

Дома летом меня в это время никто не контролировал, то было до моего злополучного приключения в садах Малого Ужина. Отец на фронте, мама и сестры день-деньской на работе, у братишки своя компания из такой же малышни, или он за нами с Володей увязывался. Так что сказано-сделано.

* * *

Выспавшись, когда солнце уже во всю силу засияло, вересковским оборонным валом двинулись в Выселки, до которых от нас километра полтора. Кислицы и столбцов мы вдоволь наелись и нарвали про запас пока шли валом. Дудок, которые довольно съедобные, а большие, так и удобные, чтобы делать из них пистолеты для стрельбы водой, как из водяных насосов, или небольшими деревянными шариками, мы нарвали на огородах в Выселках.

Ничего стоящего из драгоценных металлов и просто железного мы там не нашли, все растаскали вересковские ребята, которые умудрились месяц назад растащить даже подбитый самолетик, типа ястребка, только немецкий.

На обратном пути сговорились с Володей, что все-таки пойдем на следующий день на Оборону. Ему кто-то сказал, что теперь, когда вода основательно спала, ею можно посуху пройти, аж до самой околицы Кукуевки.

А там по берегу Ильменя, особенно у бывшего бункера дальнобойной пушки, валяются россыпи патронов — русских, финских, румынских, испанских, фрицевских. . .

Русские и румынские пустые патроны нас не интересовали, они из железа и многие уже успели частично даже поржаветь. А вот немецкие, французские, бельгийские, шведские и им подобные самое то, что надо.

Они медные и у продавщицы магазина наговского сельпо, который на днях открыли в нашей деревне, если принести несколько килограммов этих патронов, взамен можно купить кулек конфет, перочинный ножик, тетрадку или набор карандашей, кого они интересуют, и многое другое нам нужное.

Так, чередуя, что ни день какими-нибудь поисками и походами, провели мы с братом первое после оккупационное и последнее военное лето.

* * *

Тем временем Большой Ужин оживал, все больше возвращалось из угона народу, артельная, и вообще, богатая, хотя и не хлебом, а хлопотами, жизнь в деревне налаживалась.

Конечно, жизнь эта была не только у нас, у всех односельчан, в сплошных нехватках и заботах, но люди, как и мы с Володией, руководствуясь инстинктом выживания, налаживали стабильное бытие.

Нам, и не только нам, а населению всех окрестных особо разоренных деревням, во многом помогало государство.

Мало у кого из большеужинцев сохранилась на подворье живность. Да и подворья в полном его смысле ни у кого не было. Но вот поехали володина мама тетка Матрена и наша Клава с председательницей артели Хазихой в райцентр Старую Руссу и оттуда с железнодорожной станции пригнали небольшое стадо телочек и табунок жеребят, которых выделила нам на обзаведение область.

Всех жеребят поместили в колхозную конюшню. А часть стада в колхозный телятник. Их срочно, на скорую до зимы руку, из горбыля сколотили одноногий Иван Степаныч Снетков и Павлуха Булаткин.

Часть телят передали в личную собственность многодетным семьям и лучшим труженикам нашей артели «Имени 17 партсъезда». С одним условием, что когда новые хозяева вырастят их и те начнут отеляться, первые два теленка будут переданы артели.

А для сооружения капитальных построек артельной конюшни и телятника в сентябре из леспромхоза в Парфино по государственным поставкам наши парни допризывного возраста пригнали водой целый плот бревен. И эти объекты сразу же начали сооружать, чтобы поставить скотину в тепло до прихода ноябрьских холодов.

Как уже говорилось, еще для весенней страды государство выделило Большому Ужину семена ржи, ячменя, овса, гороха. К осени стало известно, что артель освобождена на год от поставок государству положенной по закону части урожая.

С фронта, из госпиталей в деревню стали прибывать комиссованные по неспособности переносить фронтовые тяготы войны пожилые служивые и инвалиды.

Под руководством умельца из Кукуевки Сурина они заложили в постройку две соймы для плавного лова и десяток полу-сойм и челнов для

неводного лова. И строили их не только бывшие вояки, но и молодые ребята допризывного возраста, вроде Павла Булаткина, Николая Пятина, Богачева Павлухи.

А тем временем, из приозерного Валдая привезли от государственного рыбообразовного завода подарок нашим рыбакам — ворох старых, но еще годных для эксплуатации, стоит подлатать, сетей. А умельцев латать их в Большом Ужине искать не приходится. Это умеют не только рыбаки, но и все их жены, сестры, дочери.

* * *

То, что жизнь в Большом Ужине налаживалась, не означало, что она пошла как по маслу. По-прежнему туго было с одеждой и едой. По трудодням выдали осенью всего по 150 грамм зерна и ни копейки деньгами: хозяйственный фундамент артели надо было поднимать, инвентарем обзаводиться. Большеужинским хозяйкам предстояло извернуться, как и чем прокормить их семьи.

С одеждой, положим, ничего не поделаешь: в сельпо — шаром покати, да если и появится что, то не на что купить. Денег-то по трудодням артель выдать не смогла, а и продать нечего.

Если взрослые мужики и парни еще могли, ухитрившись, поймать рыбину и продать ее горожанам или людям из отдаленных от озера земледельческих колхозов, то, как быть нашей семье, в которой одни женщины и дети. Отец-то на фронте, а Володин батька, дядя Саша, вообще где-то в Германии кукует.

На удочку у нас не ловили, нет до сих пор в рыболовецких деревнях такого в заводе. И мы с Володией до самой зимы ставили наши две морды. Не густо, но кое-что в них попадалось.

Летом, пока вода еще была не очень холодной, мы с ним ловили налимов. В заводях с разломанными в войну взрывами во время бомбежек и артиллерийских обстрелов доломитовыми плитняками. В основном у края Кровайно, где обильно росла музга, используемая для вязки голиков.

Обычно, один из нас тихонько поднимал в воде плитку, другой стоял на стреме. И пока ошеломленный солнечным светом притаившийся под нею налим не очухался, стремительно хватал его за жабры.

Далеко не всегда ловец успевал это сделать, или хватал в спешке рыбину за что-то другое. Ну а налим, он и есть налим, его так не ухватишь. И сколько мы сами мурились, поскользнувшись на скользком от осадков тины плитняке, в воду, а он благополучно от нас мгновенно утекал.

* * *

А когда озеро и речки замерзли, мы стали по ним «кататься» на самоделках и глушить мелькавшую подо льдом рыбешку деревянной

колотушкой, какой у нас весной разбивают в огороде и поле спекшиеся под солнцем глыбы глины.

Кстати, коньковые самоделки у нас были тоже самые примитивные. Просто к деревяшкам прибивались веревочки, чтобы подвязывать эти самоделки к обуви, а ко дну деревяшек вбивалась толстая проволока. Главное, что они скользили.

Крупную белую рыбу, судака там, сига, нам оглушить не удавалось, а вот щурята и лещи, а чаще подлещики иногда попадались. Но больше нашей добычей была мелочь. Оглушенная, она всплывала вверх, прижимаясь брюхом ко льду, в котором мы пробивали пешней лунки. Через них мы и доставали оглушенную добычу.

На роль пешни мы приспособили лом, заострив планочную железяку, вырванную взрывом из немецкого блиндажа. Ее мы возили с собой на самодельных саночках: несколько раз ударить ею лед мы еще могли, но носить эту «дуру» с собой были не в силах.

Как бы то ни было, но наши семьи до самых обильных снегов обедали и ужинали ухой, что разнообразило их капустно-картофельный и огурцовый стол, на котором нередко даже корочки хлеба не было.

Когда лед наглухо завалило снегом, и увидеть под ним рыбу даже на отмелях стало невозможно, мы с Володией занялись промыслом диких курочек, как мы называли куропаток, а также зверушек — зайцев, бобров, барсуков.

Лучше всего удавалась нам охота с силками на куропаток. Их за время оккупации без людей развелось в наших местах много, вот их мы и промышляли.

Излюбленным местом куропаток в столь обильную снегом тогдашнюю зиму, что мы катались с крыши нашей заметенной сугробом избы, было гумно, где под снегом лежали холмики мякины и костры, в которых птицы копошились в поисках пропитания. Там и было излюбленное место нашей охоты на них.

А помимо силков, мы ставили еще на цепочках заячьих и лисьих следов проволочные петли, принайтовывая их к стволам наиболее крупных кустарников.

Позднее я прочитал у Бианки, что этот способ охоты профессионалами не одобряется. Но у нас, что было, то было — из песни слова не выкинешь.

* * *

Впрочем, не очень-то мы и набраконьерничали: за два года, когда этим способом промышляли, поймали не более десятка зайцев. Из них только один был задушен петлей, остальные угодили в петли лапкой или туловищем.

Однако в нашем доме всегда были заячьи шкурки, хвостики и мягкие лапки, которыми мама натирала маслом противни, перед тем как сажать в них хлеба. Чтобы они не прилипали.

А однажды мне повезло, в петлю каким-то чудом попала красно-рыжая лиса. Дядя Миша, который пришел с фронта ранее отца, обработал ее шкуру, а мама нашла ее пышный хвост, когда я пошел в школу, на мое пальтишко. Заместо или на роль воротника. И я несколько лет щеголял им, получив кличку Лиса, пока ее не сменила другая кличка Мичурин, а затем Писатель.

* * *

Называя свое повествование «Инстинкты выживания» я имел в виду описания, в подражание Бианке, того, как ухитрялись во время наших промыслов обдуривать нас объекты нашей охоты — утки, кулики, рыбы, зайцы, куропатки.

Но у меня это, похоже, не получилось. Зато, сдается, удалось показать эти зародившиеся во время оккупации инстинкты у нас с Володей Булаткиным*.

ДЕТИ ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕТЧИКИ

События, о которых пойдет речь, произошли в первое лето по нашем возвращении из Шимского концентрационного лагеря. Начались они с пожара, когда грозовой июньской ночью в избу Булаткиных, одну из немногих, уцелевших в нашей деревне в войну, ударила молния.

Мы не спали, поскольку гроз в ту пору деревенские жители панически боялись, ибо на домах, то ли изначально не было громоотводов, то ли они исчезли ни весть куда, пока их владельцы были в лагере или в эвакуации.

Одетый, как и все обитатели нашего «ковчега», я сидел в углу на сундуке. Пытаясь подремывать в перерыве между грозowymi ударами и во время слабых ударов грозы.

Этих «всех» было тогда в избе человек двадцать женщин, детей и несколько стариков, поскольку у нас все еще жили те бездомные ужиняне, которые до сих пор не обзавелись ни землянкой, ни шалашом, а пытались, не тратя сил на обзаведение ими, сразу строить свое сносное жилище.

И все они были в испуганном напряжении.

Вдруг после особенно оглушительного громового раската народ встревоженно зашумел или испуганно заойкал. С «деревенского конца» Булаткиных послышались всполошенные крики: «По-о-жар!», «Гори-и-им!».

Взрослые обитатели нашей избы ломанулись в коридор, а из него — на улицу. За ними подхватился и я.

Клава, Тоня, мама, другие, кто посильнее, схватили ведра, бывший в тот момент у нас сосед Гриха Кузихин сорвал со стены багор, кто-то схватил вилы и лопаты, и мы все бросились под дождем к Булатки-

---

*Стенгазета Борисовской семилетней школы, 1951, ноябрь. Подпись: Володя Староверов, уч-к 5 В класса.

ным, где над соломенной крышей, вопреки ливню, занималось лохматое рыжее пламя.

* * *

Бежать было недалеко, метров восемьдесят. И вдруг народ, будто споткнулся, стал падать в канавы. Послышались выстрелы. Сначала одиночный выстрел, потом затрещали кучно. Спутать было невозможно, за три с половиной годы войны люди наместачились их узнавать рефлексивно.

Над застрехой избы Булаткиных взметнулась рваными клочками солома, моментально становясь добычей обрадованного новым топливом пожарища. Женщины бросились под прикрытие избы Нюши Блиновой, которая без крыши, но, как и наша, была относительно целой.

Я сразу догадался, в чем дело. Это рвались патроны, арсенал которых был спрятан нами с двоюродным братом-тезкой под застрехой избы Булаткиных.

— Едрит твою!!! — Гриха, заметив, что выстрелы стреляют в сторону конька крыши или в кроны тополей на усадьбе Дороховых, с багром бросился под защиту стен «стреляющей» избы. С противоположной стороны улицы, звеня ведрами, бежала к ней отчаянная матюгальщица председатель нашего колхоза Настасья Хазова.

Заметив это, туда же побежали с ведрами и лопатами и наши женщины.

Одиннадцатилетняя Аня Булаткина и Володя черпали из канавы воду и, пыхтя от натуги, подтаскивали ведра к избе.

Пятнадцатилетний Панок хватал их, пытаясь с сеной заплеснуть водой пламя на чердаке и кровле. Тетка Матрена, голося со стонами, выбрасывала из окон добришко.

Леля Наташа осторожно уводила в огород слепого и немощного деда Леху. Четырехлетняя Райка, всхлипывая, пыталась тащить к Панку кастрюлю с водой.

* * *

Наши женщины бросились на помощь — кто, Панку и Аняте, кто тетке Матрене. Я присоединился, конечно, к Володе, и мы начали оттаскивать узлы со скарбом, выбрасываемые женщинами из окон, подальше от избы.

Влево, куда, как мы знали, выстрелов не будет, поскольку арсенал патронов был спрятан Володей на чердаке под правой застрехой.

Настя повела Райку из-под выстрелов, и чтобы не мешалась под ногами у взрослых, вслед за лелей Наташей и дедом Лехой — в сад. . .

Гроза оборвалась разом, а пожар разгорался.

С другого конца деревни прибежали во главе с лелькой Лениной новые люди с ведрами. Однако укротить набравшее силу и ревевшее пожарище могла бы разве что хорошая помпа. А ее в деревне не было. Вернее, была довоенная, но не исправная, и не было умельца ее наладить.

Гриха, Панок, живущий напротив Булаткиных коротышка Ильюха Блинов и, приковылявший, пыхтя, с багром сосед лели Лениной одноногий дядя Иван Степаныч Снетков, уступив право поливать пожарище водой из ведер женщинам, начали баграми растаскивать венцы избы.

* * *

... Короткая июньская ночь засветилась отблесками зари. Пожар дотлевал головешками. Отстоять удалось немного.

Огонь перебросился на примыкавший к избе скотный двор, а там сохранилось с довоенных лет трухлявое сено и оно, вспыхнув, подобно пороху, сделало борьбу с огнем безнадежным делом. Едва не сгорев, Панок, мужики и Хазиха успели откатить в сторону, хорошо, десятка два-три сравнительно целых бревешек. От силы, на пять-семь венцов хватит.

Мама пригласила тетку Матрену разместиться у нас. Леля Наташа плаксиво сказала:

— Куда там к тебе, у вас и так на головах друг у друга спят и сидят!

Тетка Матрена согласилась с этим и начала с лелей и Панком сооружать из брезентовых одеял на ближайшей лужайке между трех прудиков, образовавшихся на месте взрывов авиабомб, нечто вроде шалаша. Находились эти прудики напротив халупы Настасьи Хазовой, на месте которой сейчас стоит подворье Бандурина.

Соорудили три таких шалаша: для деда Лехи с обихаживающей его лелей Наташей, тетки Матрены с Анной и Райкой, а также для Панка и Володи. Я остался с Володей.

Нас никто не ругал, за спрятанные под застрехой патроны, только Панок сказал нам сердито иронически:

— Ну, вы, парни, напроку-удили-и!

* * *

Днем, пополудни, заинтересованные в ходе событий люди — тетка Матрена, мама, леля Анна Ленина, Хазиха собрались у нас в огороде. Вскоре подтянулись жена брата тетки Матрены — дяди Миши Лобачева и, хотя в нем никто на этом сборе не нуждался, сосед Булаткиных хорькообразный Илья Блинов.

Советовались, что делать погорельцам?

Спасенных от огня венцов избы для нового сруба было явно мало. Нового леса Булаткиным прикупить не на что, да и срубить избу некому: дед Леха на ладан дышит, тетка Матрена день-деньской на колхозной работе, леля Наташа инвалид, Панок, Анюта, Володя, Рая — мал мала меньше.

У родственников, которые могли б помочь Булаткиным в строительстве, мужиков нет: дядя Иван Ленин погиб весной, наш отец и дядя Ми-

ша Лобачев на фронте, сам хозяин семьи дядя Саша увезен в Германию и о нем никаких слухов.

— Одна надежда, если колхоз поможет, — сказала леля Анна Ленина, посмотрев вопросительно на Хазиху.

Та замахала руками:

— В колхозе прореха на прорехе — ни людей, ни рабочих рук, одна надежда, на государство, да, может, мужики с фронта подтянутся. Только, когда это будет?!

Да и есть здесь еще одна заковыка, меня уже спрашивали в районе про полицейскую службу Сахи. Боюсь, если колхоз будет оказывать помощь его семье, ему не только в помощи государства будет отказано, но и в других делах накладно будет.

— Да, какая там полицейская служба у Сашки была?! Не случайно ведь его по бирже на работы в Германию угнали!.. — с обидой за любимого ею брата возмутилась мама.

И подумав, затем добавила:

— Да и семью его вместе с нами не случайно ведь в Шимский лагерь законопатили. Значит, не больно уж хорошо он немцам услужил.

— Хорошо, не хорошо, а служил... И теперь может быть спрос не только к нему, если объявится, но и к его семье, — вкрадчивым голосом вклинился в обсуждение Ильюха

Тетка Матрена вспыхнула гневным румянцем, но ничего не сказала. В разговор включилась вновь лелька Анна:

— Все же Настасья подумай, может колхоз что-то может сделать, — опять обратилась она к Хазовой. — Ведь Матрена все силы в колхоз вкладывает. Все артельное животноводство с момента нашего освобождения на ней держится.

Хазиха, задумавшись, потупилась. Затем после некоторого молчания, подняв голову, нерешительно сказала:

— Боюсь, в районе не поймут нас. Вот разве что написать нашему депутату в Москву, может он придумает, что в нашем случае можно сделать.

— А кто у нас депутат? — вздернул бороденку Ильюха.

— Писатель какой-то, — припомнила леля Анна.

— Толстой Алексей Николаевич. Большой писатель, а значит мудрый и человечный должен быть, — сказала Хазиха.

— Только тогда ему надо всю правду написать, — с намеком дополнил Илья Блинов.

* * *

... Потом они часа два всей компанией писали письмо депутату, причем Ильюха все беспокоился, чтобы не забыли упомянуть про полицейскую службу дяди Саши.

Когда закончили письмо, — писала, как самая грамотная, леля Ленина, встал вопрос, по какому адресу его посылать?

— Пиши: Москва, Кремль, депутату Верховного Совета от Старорусского избирательного округа А.Н.Толстому. Там найдут, писатель Толстой не иголка, небось, всем в Москве известен, — скомандовала Настасья Хазова.

— Завтра буду в Старой Руссе по делам, сама, для верности, в почтовый ящик проходящего на Москву поезда письмо опущу.

* * *

Недели через три Настасья Хазова зашла, как она сказала, по-соседски, в шалаши Булаткиных, в которых они все это время, пользуясь теплой летней погодой, пребывали.

Я тоже был с Володей у деда Лехи, который вслепую вырезал нам какие-то поделки. Слышал, как она сказала Панку:

— Ну вот, что, герой, сколачиваем звено плотогонов. Поедешь с ними местным поездом из Старой Руссы в Парфино, там колхозу на строительство коровника и конюшни выделили лес. Пригонишь, заодно, полусотню бревен и на свою избу. Вместе со спасенными при пожаре венцами хватит на сруб. . .

И обращаясь к тетке Матрене, пояснила:

— Была сегодня в райисполкоме, там из Москвы письмо лежит с просьбой помочь вам в строительстве. А про полицейскую службу Сахи, кстати, в нем сказано, что, дети за отца не ответчики, и ответ держать предстоит ему самому. . .

* * *

Август выдался теплый, золотистый. Или это золотистыми и духмяными были стружки и бревна сруба, который рубили три веселых мужика из Старой Руссы, которых подрядили старорусские родственники тетки Матрены.

Я каждый день бегал на стройку: и на традиционную встречу с Володей, и чтобы посмотреть, как она продвигается. Самый молодой из плотников каждый раз встречал меня какой-нибудь новой шуточной песенкой. Например:

*Волоха, Волоха — горохова рубаха
Овсяные штаны,
Соломенная шляпа,
С простокваши сапоги. . .*

Рубашка у меня была действительно в горошек из перешитого старого платья одной из сестер. И беленькие волосы тоже оттенялись белесо-золотистой свежей соломой, и заменяли мне шляпу, которой у меня в юности никогда, ни тогда, ни потом, не бывало.

Ну, а овсяные штаны — это была, ясно, выдумка шутника. А вот сапоги, точнее, парусиновые баретки действительно просили у меня каши, но я их обувал только поздней осенью, в холодную непогоду.*

НАША С ОТЦОМ ЖИТУХА «НА ПОДХВАТЕ»

Из дневника зимы 1951 года

После почти двухлетнего ожидания его, из госпиталя неведомо-далекого уральского города Молотова³⁰ к нам возвратился на костылях хромоногий отец. Произошло это студеной, февральской зимой сорок шестого года.

Был тусклый, как всегда бывает у нас в эту пору, день. В доме морозно — зима, а дров нет. За ними с салазками ушли в кустарниковые заросли Кровайно мать, Клава и Люся.

Там они нарубят кустарников и бридья, а потом, впрягшись в санки — Клава, как наиболее сильная, в одни, мать вместе с Люсей в другие, — привезут добычу домой. И тогда мы сможем натопить свою избу.

Тоня ушла за десять верст в Нагово на курсы трактористов.

Из-за холодрыги в доме, мы — девятилетняя Настя, я и трехлетний братишка Коля — сидели на печке, играя «навылет» в какую-то, похоже, только у нас практиковавшуюся игру, в которой задействованы не разноцветные камушки, а половинки деревяшек, длиной в фалангу пальца. С одной стороны у них древесина, с другой — кора.

Бросаешь их штук двадцать, они падают одни древесиной, другие корой вниз. Задача, выбить однородные деревяшки, не задев лежащие между ними с иным цветом. Кто раньше выбьет из кона игры все деревяшки, тот и победитель.

Вдруг в ворота коридора кто-то заколотил, сильно, по-хозяйски. Настя и Коля испуганно посмотрели на меня, говоря каждый торопливо: «Я не пойду открывать! Да ну, это, наверное, опять цыганки или «поляк».

— А вдруг это мамка вернулась?..

Пол в избе был сизый от инея, а у нас ни у кого нет никакой обуви и верхней одежки. У Насти один ватник на двоих с Люсей и в нем та ушла в Кровайно, а у нас с Колей вообще его нет. Пришлось мне в ситцевой рубашонке, поджимая пальцы ног от холода, бежать в коридорные сени открывать ворота:

— Кто там?..

— Открой, — потребовал глухой, осиплый от мороза голос.

— А ты кто такой?

— Папка твой, сынок, открывай!..

---

* Мое пробное сочинение времен, когда Елизавета Алексеевна Добрынская «тестировала», насколько грамотный контингент пришел к ней в 5-й класс из окрестных начальных школ. *Сентябрь, 1951 г.*

³⁰Молотов — нынешняя Пермь.

Открыл, и испугался. Какой-то заросший щетиной мужик на костылях.

Вряд ли от мороза, скорее от испуга, сиганул в избу, а там на печь. Почти через долгие для нас несколько минут скрипнула дверь и через порог, с трудом переставляя костыли, не вошел, а можно сказать, просочился старик.

— Папка!.. — с печки, почти буквально, слетела Настя. Она на три года старше меня и потому запомнила отца лучше.

Вообще-то у нас ситуации, когда малолетние дети не узнают возвратившихся с фронта отцов, бывали не редкими. Скажем, по соседству у Нюши Блиновой жила ее сестра с такими же, как мы, малыми детьми. Так те не захотели верить, что пришедший однажды к ним изуродованный ранами солдат — их отец. Так и звали его несколько лет, «дядя солдат».

А бывали и похуже случаи. В Малом Ужине дальний родственник нашего отца Матюха возвратился с войны инвалидом. А его жена к этому времени завела нового мужа, и дети привыкли звать его отцом. Бывшая жена и до войны не очень ладила с Матюхой, поэтому отказала ему в семейности.

Отвергнутый семьей, Матюха повесился той же ночью.

Устав жизни у нас к этому времени стал мало религиозным. Самоубийцу, вопреки церковным канонам, родственники, не спрашивая ни у кого согласия, похоронили на нашем кладбище. Более того, возле нашего семейного места захоронения.³¹

* * *

Говорить, что наша жизнь с возвращением отца стала обеспеченней, не приходится. У артели к этому времени было всего несколько сойм, невод для зимнего лова, да мережи. И хотя мужиков с фронта возвратилось не так уж много, но подросли парни пред призывного возраста, и все хотят рыбачить.

— Понимаешь, Иван, — виновато говорил отцу новый председатель Михаил Лобачев, брат тетки Матрены, то есть дядя Володи Булаткина, сменивший на этом посту Настасью Хазиху. Все-таки не дело женщине руководить рыболовецким промыслом, — они все принимали участие в строительстве лодок и сооружении невода. Потому нет причин отказать им в деле, к которому люди рвались.

Да и тебе, — торопливо добавил он, — хотя ты и лучший кормщик Ильмена, с такой ногой еще рано на промысел. . .

---

³¹После этого, мать неоднократно заявляла, что возле самоубийцы она после смерти лежать не хочет. Поэтому категорически наказывала, чтобы, когда умрет, похоронили ее рядом с матерью — бабой Анной, — братом — моим дядей Сашей — и сестрой — лелькой Наташей. То есть там, где находится родовое семейное захоронение Булаткиных. Что и пришлось сделать согласно с ее волей, когда пришла пора, и мать упокоилась.

В общем, назначили отца кладовщиком при пустых артельных кладовых, поскольку урожай из-за саранчи в том году практически совсем не собрали. Наказали, охранять артельное добро.

Впрочем, никаких хищений в них совершить было невозможно. Да и потом, когда государство, как и ранее, в сорок четвертом году, выделило в адрес артели посевной материал, и его поместили на временное хранение в кладовые, такой возможности никто не опасался. Отец был не из тех людей, кто мог бы посягнуть ради семьи хотя бы на малую горсточку из них.³²

* * *

Отцу в должности кладовщика было, прямо скажу, делать почти нечего. Потому и оплату ему трудоднями положили всего ничего: едва ли не пятую часть зарабатываемых Клавой трудодней, меньше, чем у Люси, столько же, сколько Тоне, которую колхоз откомандировал на курсы трактористов в Нагово, положив ей как учащейся колхозную стипендию.

Предполагалось, что работать она потом будет в штате Наговской МТС, но на наших полях.

По трудодням и доход отца был символический. Впрочем, в тот год он у всех был хилый. Тем не менее, отец, поворчав в упомянутом разговоре на председателя дядю Мишу, согласился: «Ладно, побуду пока с костылями хожу, в колхозе «на подхвате».

Но ни пахать, ни в лодку залезть, чтобы быть «на подхвате», он до новой зимы так и не смог. А потому мы с ним в свободное время казаковали на речках и заводах — от Переходы до Каменного Носа, куда были в силах добраться.

Как мы прожили ту зиму, вспоминать муторно.

Мать успела откормить к осени кабанчика, мы продали его мясо и станок уток, приобретя взамен несколько мешков муки и крупы. Но уже к марту они кончились.

Тем более что и на подростках сестер пришлось немного потратиться, все-таки они у нас невесты или почти в этот возраст входят. Какие-никакие, а обнови им нужны, чтобы совсем уж за нищенок не принимали.

---

³²Правда, много лет спустя, один земляк рассказал, как отец однажды спас их многодетную семью, не имевшую своего отца, буквально от голодной смерти.

А такие случаи тогда могли быть. Знаю, по рассказу моего старшего друга молдавского социолога Андрея Ивановича Тимуша, охранявшего в ту засуху в качестве комсомольского работника с пистолетом в руках колхозное добро, в их республике тогда были не только голодные смерти, но и случаи каннибализма.

Оказался же отец спасителем в силу того, что прикрыл глаза на то, как мой двенадцатилетний тогда земляк, когда вез в поле семена, не довез один мешочек их, сбросив его в канаву, чтобы подобрать позднее темной ночью.

Видимо, такие случаи были не единичны. Поскольку помню гневные слова матери, выговаривавшей отцу ночью, когда полагала, что мы спим:

— Тебе чужих детей жалко? А что будет с твоими, если тебя посадят в тюрьму?

Мы с Володей вспомнили свои промысловые навыки.

Да к тому же к весне отец соорудил дополнительно к сооруженным нами ранее мордам еще несколько своих и раздобыл где-то старые сети для двух мережек. И уже с началом половодья, в конце марта, мы начали с ним их ставить в руслах речек и в заливах.

И вообще, мелких рыбешек мы стали промышлять столько, что наши семьи перешли почти полностью на рыбную диету. А она без хлеба, как известно, быстро приедается, причем, до тошноты.

Поначалу, правда, к сожалению, наши морды и мережки оказались той весной из-за обильного половодья малодобычливыми. Рыба попросту ушла в разлив, захвативший кустарники Кровайно и Засечки, куда без лодки никак не доберешься.

Отец взялся за сооружение дощаника. Однако пока он добывал доски, делал из спирали Бруно скрепляющие их скобы, — в чем мы ему помогали, заостряя на валунах из-за отсутствия наковальни их острые концы, — затем искал смолу для просмолки, иначе дощаник протекал бы как решето, время шло. Добыча у нас в это время была мизерная.

С конца мая дело пошло веселее, дощаник был сооружен. Отец вытесал удобные для нас шесты и весла, и мы смогли его опробовать. Нашли, что дощаник достаточно легкий, то есть доступный для нас в управлении.

Теперь мы получили неограниченную возможность закидывать морды и мережки в самые уловистые места.

А когда отец сделал бродец — пятнадцатиметровую частичковую сеть с двумя держакками, — за один из них тянул сеть в воде отец, а за другой мы с Володей вдвоем на пару, — наши успехи стали вообще впечатляющими.

И поскольку плана промысловой добычи с нас никто не требовал, то все результаты нашего промысла полностью шли в наше пользование.

* * *

Бродили мы в мелких заливах, соответственно, и добычей нашей была преимущественно мелочевка. Отец заходил на глубины, а мы держались у берега, где и замыкали воду в кольцо бродца. Рыба, которая была крупнее, как говорится, сигарки, успевала, пока отец ковылял до нас, ускользнуть из нашего кольца.

Но постепенно мы приспособились. Отец укрепил на дощанике скобы для удержания бродца в стоячем положении с нашей стороны, и мы стали, наряду с ним выметывать его на глубине, постепенно стягивая к берегу. У самого берега мы спрыгивали в воду и, перехватывая держак нашего конца, замыкали бродец.

Тогда я, кстати, чуть не утонул во второй раз, если считать первым случаем годичной давности в разливе за Обороной.

Володя почему-то с нами тот раз на промысел не вышел, бродец мы тянули с отцом вдвоем, каждый за свой конец. Дощаник одному использовать было не сподручно, и я зашел в воду со своим держакон, как можно глубже.

Утро было солнечное, залив, в котором мы тянули бродец бликовал нежно-голубоватыми отсветами. И то ли блики заворожили меня, то ли споткнулся на скользком камне, а может просто с голодухи голова закружилась, но я булькнул и, выпустив из рук свой держак бродца, канул на дно.

Очнулся на берегу от того, что отец делает мне искусственное дыхание. Оказывается, пока он, хромая и боясь самому поскользнуться, преодолевал по воде разделявшее нас расстояние, пока нашарил меня в ней, я банально захлебнулся.

Возвращение к жизни было неприятным из-за болезненной ломоты в висках.

* * *

Вскоре наш промысел пошел столь удачно, что мать решила часть добычи из крупняка — щук, подлещиков, сома, линей — отнести в Старую Руссу, продать в ее пригороде железнодорожникам, а на выручку купить хлеба.

Идти в райцентр нам предстояло верст двадцать или двадцать пять, смотря какие дороги выбирать — через Бологижу и Крекшу или напрямик через болотистый ракитник.

Не уверенная, что одолеет с ношей такой долгий путь, ослабшая от после лагерной хворобы, мать решила взять с собой меня, чтобы разделить со мной свою поклажу.

Вышли «по холодку», часа в два-три после полуночи, чтобы рыба от жары не испортилась. Переложив ее, кстати, крапивой, которая хорошо держит прохладу.

Прошли в темноте и предрассветных сумерках километров пять через два Учна, а за третьим селением Чернецом, когда уже почти рассвело, увидели, что вместе с нами, растянувшись цепочкой метров на двести, идут продавать варку³³ девять-десять наших разновозрастных односельчанок, от молодых до, более чем пожилой, Филиной бабки.

У всех их мужья или сыновья, а у некоторых и зятья, промышляли на двойках или большим неводом.

Пока шли до лесополосы, вдоль которой тянулась дорога, все односельчанки стянулись в одну большую компанию.

При подходе к ручью на границе пеньковского и чернецкого колхоза, мы миновали поле гречихи, цветущей столь красивым нежно-розовым цветом и с таким ароматным запахом, что даже усталость, было, пропала.

---

³³Варка — «узаконенная» соглашением о создании промысловой артели часть уловка, которую рыбак имеет право взять домой на уху или иное рыбное блюдо.

А прошли уже более десяти верст.

Дальше за ручьем дорога раздваивается. Направо — на лесную, похожую на тропу, ведущую напрямик до Старой Руссы, но временами болотистую и трудно проходимую. Налево — оборудованную канавами, но делающую до Старой Руссы крюк через деревеньки Бологижу и Крекшу.

Пошли лесной тропой, она короче километра на два-четыре.

Перед тем, как войти в лес, остановились «облегчиться». Я уже многое повидал на своем коротком веку, а тут ужаснулся, увидев, как Филина бабка, не снимая с плеч широкой петли с корзинкой рыбы, шире расставила ноги и с шумом, тяжело дыша от усталости, стала опорожняться по малому прямо на дорогу. Как старая, заморенная в пути кобыла-доходяга.

Молодухи стеснительно отошли в кустики, а еще две-три женщины постарше последовали примеру бабки.

Люди так в войну обнищали, что у этих женщин не было даже трусов. Впрочем, я и сам ходил без трусов в штанишках с ляжкой через одно плечо, но полагал, что это удел только детей.

... Выйдя к Старой Руссе на окраину, что лежит за железнодорожным вокзалом, мы стали ходить по дворам, предлагая хозяйкам, которые еще только обряжали свою скотину, купить нашу рыбу. Мне почему-то было стыдно торгашествовать, да еще, ходя по дворам.

К счастью, цены были установившимися предыдущей практикой нелегальной торговли большеужинян, а может и наших взвядских соседей по промыслу. То есть, стабильными. Три сталинских рубля за килограмм плотвы или окуней, четыре — за подлещиков, щурят и судачков, пять рублей за кило щук, лещей, судаков.³⁴

Поэтому старорусские хозяйки не торговались, а или покупали рыбу, или отказывались брать.

* * *

Распродали рыбу, кто минут за тридцать, кто — за час. Потом пошли через железнодорожные пути в сам город.

Попали в него не сразу: этими путями с полчаса тяжело катили вагоны двух встречных грузовых составов. Одного в сторонку Таллинна, другого минут через пять со стороны, куда ушел первый.

Мы за это время переместились вправо от массивного Старорусского вокзала. Полу разрушенного в войну. Недавно его восстановили и сейчас на него и наводили последний марафет. К оборудованным в сотне метров от него шлагбаумам с двух сторон путей, преграждавших как переезд, так и переход.

---

³⁴Потом, после ближайшей деноминационной реформы денег, проведенной Сталиным, чтобы избавиться от гитлеровских фальшивок и избавить отечественных спекулянтов военного времени от их теневых капиталов, они превратятся, соответственно, в 30 и 50 копеек за килограмм.

С нашей стороны перед ним скопилось несколько десятков пешеходов и телег, автобус в курорт и пара легковушек.

Наконец, прекратился тяжелый перестук колес вагонов грузовых составов, дежурный поднял шлагбаумы, мы перешли на ту сторону и заторопились: кто на базар или в лавки промтоваров, а большинство в бакалейные магазины за хлебом.

Мы с матерью стали обходить один за другим магазины и ларьки бакалеи. У каждого очередь в полусотню, сотню человек. И всюду продавали по буханке и батону в одни руки. Во всех магазинах дежурил милиционер, следил, чтобы одни и те же люди дважды очередь не занимали.

Потому нам пришлось идти в разные магазины или ларьки. А там каждый раз заново отстаивать очередь, спрятав корзинки в лопухах. Купили двенадцать буханок и двенадцать батонов. Распределили по девять в корзину матери, по три в мою ношу. И начался наш обратный поход домой.

* * *

Перед железнодорожными путями опять затор. Как и в прошлый раз, катили поезда. Только в сторону Бологое пассажирский поезд Таллин-Москва и грузовой состав с закутанными брезентом полуоткрытыми вагонами. А навстречу им — одновременно с таллинским, — состав с пломбам на дверях товарных вагонов. У каждого охрана в виде стоящего на тамбурной площадке солдата с автоматом.

— И чего ездят взад-вперед?! — риторически вздохнула уставшая ожидать Филина бабка. Стоявший рядом железнодорожник снисходительно пояснил:

— Из эстонского Таллина — везут поступившие через Клайпеду репарации с Восточной Германии: станки там, металл, машины, и вообще трофеи. А туда, считай с Нового года, везут в Прибалтику другое оборудование и продовольствие.

Правда продовольствие везут через ту же Клайпеду не только для прибалтов, но и в Польшу и ту же Германию. А через Смоленск и Киев такое же продовольствие чехам, венграм, балканским странам и даже Австрии. Засуха у них говорят жуткая.

— А у нас засухи нет?! — усмехнулся кто-то зло, добавив саркастически. — Только нам вот, не больно-то везут. . .

— Есть и у нас засуха, только мы уже малость подлгались, а там разруха армагеддонская. . .

И главное, если мы не поможем, туда придут американцы, и восстаноят враждебные нам государства. А это угроза новой войны, которая нам и без того каждый день икается в селезенках, — авторитетно пояснил железнодорожник.

— Да уж, и от одной натерпелись, а новой не дай-то бог! — истово перекрестилась уставшая ожидать бабка. . .

* * *

Обратно идти оказалось тяжелее, все-таки вместе с шатаниями по дворам и магазинам уже пройдено, считай без отдыха, не меньше тридцати километров.

Теперь мы пошли через Крекшу и Бологижу. Затем, чтобы остановиться у околицы Крекши, на мосту через речку. Там мы, отломив по куску хлеба, запивая речной водой, первый раз всерьез пообедали. А потом, уже в Бологиже, снова напились, но здесь уже из местного колодца.

Дальше мы опять без отдыха протопали еще пятнадцать верст до нашей деревни.

Ходил я летом, конечно, босиком и основательно отбил об иссушенные жарой до прочности камня рытвины на дороге свои ноги. Они просто утратили чувствительность, и каждый шаг отзывался в моей голове тупым отголоском, будто иду не ногами, а деревяшками, которые у меня оказались вместо ног.

Возвратились после обеда, но еще засветло. Не в силах ни пить, ни есть, рухнул в сено и моментально отключился.

* * *

Разбудил меня часа через два Володя:

— Айда, в рюхи с Бухариным³⁵ играть?!..

— Какие еще рюхи, живого места нет,.. — зашмыгал я носом, но все таки начал вставать. Казалось, ноги, спина, руки — все развалится, да так, что и не собрать меня. Однако минут через двадцать я уже, как ни в чем не бывало, играл в городки. Никакой боли не чувствовалось.

БОЛЬШЕУЖИНСКОЕ ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Из дневника

Всю неделю, как только выпадает свободная минута, читаю «Хожение по мукам» Алексея Николаевича Толстого. Его роман о деяниях Петра Великого я прочитал еще в начальной школе. А эту эпопею до сих пор не мог улучшить, она все время была у кого-нибудь на руках.

Очередь на нее в Борисовской библиотеке человек в пол сотню. Читают же многие наши люди медленно. Да и заняты они колхозными и приусадебными работами день-деньской. Особенно невпродых им в пору весенней и летней страды. Обидеть же кого-либо, передвинув

---

³⁵ «Бухариных» у нас было двое — мой братишка и однокашник Дарушин, и не потому, что они были Николаи Ивановичи, а из-за их шустрых и предприимчивых характеров.

очередь, библиотекарь не решается. Ведь все читатели библиотеки ее односельчане или хорошие знакомые.

«Красный граф» Алексей Николаевич Толстой, ставший по возвращении из эмиграции советским писателем-классиком, с довоенных лет был от нашего Старорусского округа депутатом Верховного Совета СССР. Приехав как-то уже в последний год войны к нам в Борисово и Устреку, он подарил нашей сельсоветской библиотеке подборку книг. В том числе своих авторских. Только вот «Хождений по мукам» в ней не оказалось, все раздал другим избирателям подопечного округа.

Он обещал борисовской библиотекарше подослать эту эпопею почтой, да не успел, умер. И этот экземпляр по разнарядке районного отдела культуры наша библиотека получила только недавно...

... Но чего я пишу об этом?.. Читая у него описание махновского митинга в хохляцком Гуляй-Поле, невольно вспомнил одно наше отчетное колхозное собрание на первом или втором послевоенном году. На нем, кстати, я впервые увидел и Александра Ивановича Соколова, к которому собираюсь сходить на днях, чтобы показать ему написанное мной в последнее время. И, заодно узнать, может газете, что еще надо?

* * *

... Так вот о том памятном мне отчетном собрании,.. Точнее, пока о его досрочном характере.

С момента освобождения Старорусского района в конце марта или в начале апреля 1944 года большеужинскую земледельческо-рыболовецкую артель «Имени 17-го партсъезда» из-за пребывания наших рыбаков на фронтах продолжавшейся войны больше года возглавляла энергичная питерская беженка Настасья Хазова.

Вообще-то она уроженка Большого Ужина, вышедшая в предвоенные годы замуж за питерца.

Земледельческо-животноводческую часть хозяйства большеужинские женщины под ее руководством восстановили почти до довоенного уровня. А вот рыболовство в сравнении со Взводом и Устрекой велось у нас ни шатко, ни валко.

А точнее, считай, никак не велось... Потому что некому его было возрождать...

Наши мужики еще только с осени 45-го года начали мало-помалу возвращаться домой с фронтов и из эвакуации.

Да и какие это были мужики!?

Одним из первых возвратился с фронта, почти вслед за нами, одноручный счетовод Васюк Принцев. Одновременно с ним из ближней эвакуации прибыл Ильюха Блинов. Да только оба они и до войны сторонились рыбного промысла.

Вскоре привезли из лазарета в Большой Ужин контуженного Граху Жинова, а в Кукуевку — умиравшего от туберкулеза Тимоху Курдюкова.

Про них говорили, что до войны они были умелыми и удачливыми промысловиками. А теперь привезли их домой совсем никчемными инвалидами второй группы.

Оба не то, что невод поставить или бродцом лиман процедить, даже до озера долго не могли пройтись.

Мало дееспособным оказался еще один фартовый в прошлом промысловик, отец моей одноклассницы Клавди Блиновой — моей соперницы в соревновании за хорошие оценки. . .

Что же касается молодняка допризывного возраста, то он не имел представления даже о том, как дощаник соорудить, не то что полу-сойму, а тем более сойму. А без возрождения промысловой флотилии и прочих плавных средств, о каком рыболовстве можно было вести речь?

Починив или перевязав с помощью взрослых, в основном матерей и сестер, присланные нам по разнарядке Валдайским рыбзаводом обветшавшие плавные сети и зимние невода, молодняк начал ставить их в речках и лиманах. Осенью в основном в виде мереж и вентерей, а в теплые дни обшаривать мелководе бродцами.

Естественно, что никто из старожилов не рискнул бы назвать эти их занятия промыслом. Так, любительская забава.

А то, что подростки, извлекая из снарядов и мин тол, глушили им рыбу, вообще иначе как опасной шкодой и браконьерством и назвать невозможно. Некоторые ловкачи поплатились оторванными кистями или пальцами рук.

И потому, обсуждая последней военной осенью хозяйственные заботы своей артели, никто даже внимания не обратил на аттестацию ее сути как промысловой, рыболовецкой, а все говорили преимущественно лишь о ее земледельческо-животноводческих проблемах.

* * *

Но вот летом 45-го года один за другим стали возвращаться в наши деревни демобилизованные солдаты старшего и среднего возраста. Их было немного, но каждый из них имел самодостаточный опыт промыслово-производственного хозяйствования.

И более того, стосковался по привычной с детства работе. А она у них всех была с юности наследственно связана с промысловым рыболовством на просторах озера Ильмень, в его лиманах и ериках.

Включаясь сходу в полевые сеноуборочные хлопоты, затем в заботы жатвы и сева озимых, они, тем не менее, при каждом выпавшем им случае выбирались на каменистые ильменские побережные кряжи, откуда с жадной тоской ловили взглядом в озерных далях пятна смоленых парусов редких в ту пору сойм.

В довоенные годы в бассейне Ильменя промышляли минимум полтора десятки рыболовецких артелей-колхозов. Однако немногим из них

удалось в войну сохранить свои флотилии сойм и полу-сойм. А тем более, промысловый инвентарь.

Взвадцам и мстинцам в этом отношении было легче. Покрасили или смазали солидолом якоря и цепи, веревки и сети, поклали их в брезентовые мешки, придавили балластом, да, загнав свои соймы и полу-соймы в укромные ерики и плавни, затопили эти посудины. Притом так, чтобы потом можно было без повреждений их из воды поднять и, зачистив, дальше использовать.

Ужинянам же, из-за неожиданной и стремительной оккупации гитлеровцами Южного Приильменья, оголенности и мелководной пологости его побережья, сделать это не удалось. Даже в устьях трех обмелевших в жаркое лето 41-го года здешних рек, — Переходы, Глушки и Учонки, — их воды не скрывали бы не то, что мачты, но и корпуса сойм.

А отогнать их до прихода оккупантов в при ловатские и при мстинские плавни, как это сделали со своими флотилиями устричане, рыбаки Солобска, Бурегов, Корыстыни, Мстони, малосильные ужинские старики после ухода основного ядра промысловиков на фронты не успели.

Теперь, встречаясь на побережье кукуевского кряжа, наши мужики, присев на многочисленные здесь гранитные валуны, долго обсуждали друг с другом, как им восстановить артельную промысловую флотилию.

* * *

Выяснилось, что Настасья Хазиха, завязав тесные контакты с работниками контор райоблсельхозуправлений, с их чиновниками, ведающими рыболовецкими промыслами, даже знакомств не заимела.

Её собственная опора в правлении артели, женщины, в озеро не стремились. Для них и привычных им дел на земле, лугах, в коровниках и овчарнях было более чем с ногами, руками и головой.³⁶

А на подростков, без промыслового опыта отцов, надеяться было бы неразумно.

Обнаружив это, вчерашние вояки стали критиковать Настасью Хазиху. К тому же некоторым из них показалось странным подчиняться бабе. На фронтах им довелось походить в начальниках и они привыкли к ощущению сладости властвования.

Особенно своими претензиями на руководство в колхозе выделялись дядя Миша Лобачев и Иван Сорокин.

Один из них побывал комвзводом и даже после демобилизации ходил, перекрестив себя ремнями портупеи, и с выдавшей виды планшеткой на боку.

---

³⁶ Критерий глубины вод у большеужинских мальчишек, на которой им угрожала опасность утонуть, если не умеешь плавать. А она такова, что «выше ножек, головки и вытянутых ручек», когда еще, подсакивая с опорой на твердое дно, воздух можно носом или ртом хватануть.

Другой, былой ротный старшина. Возвратясь домой, он несколько лет щеголял в хромовых сапогах. И не потому, что не смог бы достать резиновые раболовецкие сапоги с отворотами голенищ, как у всех прочих ужинских мужиков, а чтобы, как я теперь понял, отличаться от этих прочих некой своей инаковостью.

Каждый из них имел за своей спиной поддержку многочисленных у них родственников, которые тоже были не прочь войти в руководящие артельные структуры — членами правления или ревкомиссии, бригадирами или звеньевыми, кладовщиками или завхозами, завфермами, на худой конец, конюхами, раздающими лошадей на работы, в том числе, приусадебные. . .

Едва закончилась уборочная страда, уже в конце октября претенденты на руководящие или важные для артельного бытия посты потребовали досрочного отчетного собрания. То есть, отчета председателя правления Хазихи и контрольно-ревизионной комиссии.

Оба этих органа состояли из женщин, которые собственно и возрождали колхоз весной 44-го года и в последующие полтора года.

* * *

На собрание, вероятно зная о его необычном характере, в качестве представителя райкома партии приехал редактор газеты Соколов. А из райисполкома или прочих старорусских органов, скажем, райфо или рыбинспекции никто не приехал.

Обсуждая оба отчета, мужики вообще-то по делу критиковали недочеты в артельных делах.

Хазиха, которая лучше ее критиков знала, что стоило ее товаркам хотя бы частично возродить из руин земледелие и животноводство, ожидала не то что благодарности им, но хотя бы признания заслуг их в этом. И, не услышав ничего, кроме критики, вспылала.

Особенно её задело, что к огульной критике присоединились некоторые её товарки — правленцы и члены ревизионной комиссии из лобачевской и сорокинской семейно-родственных группировок.

Заядлая матерщинница, она, вместо ожидавшихся ими от неё оправданий и покаяний, покрыла своих критиков матюгом и, бросив на стол председательскую печать, не дожидаясь предложений о ее замене, объявила, что отказывается впредь от хомуа правления артелью.

Её сторонницы растерялись. Для них неожиданностью стала атака лобачевцев и сорокинцев. Равно, как и надрывно-хулиганский выбрык Хазихи.

* * *

Все это я рассказал отцу, когда после спасения им меня от «моего утопления» в весеннем озерном заливчике, мы пошли домой параллельной Обороне заросшей дерном дорогой.

После откачивания из меня воды, хлебнутой мной во время моего утопа, я чувствовал себя опустошенно обессиленным и, когда мы отошли с версты от бетонного дота, что белеет на окраине Кукуевки, запросился передохнуть.

Оборона тогда еще не оплыла и была высокая, выше головы отца, в полтора-два моих роста, и у меня не было сил карабкаться на нее. Отцу с его раненой ногой тем более ни тогда, ни позднее на нее было не взобраться. И мы уселись на валуны у ее основания со стороны Большого Ужина.

С интересом выслушав мой рассказ, — о том собрании он, оказывается, еще ничего не знал, — отец потянулся, зевнул со всхлипом, видимо устал не менее меня, потом сказал:

— Ты, Вовка, на тягу мужиков к руководству колхозом не серчай. Не ругай их карьеристами, а пойми их душу. То в большинстве своем хозяйственные мужики, а им искони свойственна тяга, свой авторитет утверждать.

Батяка мой, твой дед Леха Кулик на хутор в болото во времена Столыпина залез, чтобы зажитком с ужинскими богатеями потягаться и авторитетом у земляков стать. И ведь становился, было, им. Работу и заработок людям давал.

После революции у нас все закричали «Вся власть Советам», когда нэп завонял капитализмом, все заговорили о кооперации, а когда в деревне началась коллективизация, стали сами или по подсказке гуртоваться в артели и колхозы.

Только все эти дела потребовали, чтобы кто-то координировал людей, руководил их совместными действиями. Это как на фронте, с командиром взвод — боевой отряд, а без него — вооруженная банда.

Но на фронте, там все ясно. Есть полководец, а при нем штаб организаторов. А в мирной жизни как?

Говоришь, у махновцев была свобода в выборе руководителей. Но там же был Махно, его старшины и «выбраковщики» с револьверами. Чуть что не так, неудачливого самозванного вожака к стенке, и гуляй Панко, руководить мертвыми. А по- иному как?

Галаху, лодыря, да еще без опыта руководства двумя-тремя компаниями или работниками, направь в Совет, он только будет несуразные меры советовать. А в кооперативе или колхозе, в начальственную команду попав, он неизбежно дров наломает.

Умелого в хозяйственных делах богатея же без строгого контроля над ним избери в эту команду, у него от дедов и прадедов душа налажена на тягу, думать только о своей выгоде. И все-таки лучше его избрать, чем неумеху-галаха.

Худо только, что и в контроль над председателем избрали в основном его сторонников из семейно-родственного круга. И нет над ними Ванюка Ленина или комиссара из местных.

А прочие контролеры сидят далеко от деревни.

И давай-ка, двинем дальше к дому. Сидя на камушке, ближе к нему не станем.

СУМАТОШЛИВЫЕ ДНИ И НОЧИ ИЛЬИ ГРОМОВЕРЖЦА

Эта катавасия произошла незадолго до нашего с Володей Булаткиным поступления в школу. А началась она в канун большеужинского престольного праздника Ильи Пророка.

Именины этого небесного Громовержца, унаследовавшего свой титул, по словам дяди Миши Куликова, у языческого Перуна, в нашей деревне отмечаются ежегодно трехдневной гулянкой 2-4 августа. Вот тогда мы с Володей и взорвали капсюль противотанковой мины.

Нашу шкоду кто-то приметил, и тут же доложил Володиной маме, тетке Матрене, и моей маме. А может они сами услышали взрыв — до деревни от его места было всего ничего, какая-то верста. И зная, что мы ушли в поисках шмелиных гнезд,³⁷ в сторону Верескова, они догадались о нашей причастности к нему.

Когда мы, отлежавшись и малость очухавшись от перепуга, поплелись к дому, то из-за вала обороны издали узрели, что наши мамы поджидают нас у крайней в нашем конце деревни избы — а это была изба Булаткиных — с лозинами³⁸ в руках для нашего, что было без подсказки ясно, вразумления.

Не высовываясь больше из-за вала обороны, а наоборот, сторбившись, а потом и вообще, сиганув в канаву, которая сопровождала идущую за ним грунтовую дорогу, мы пробежали мимо наших огородов до колхозного гумна.³⁹

Однако, понимая, что именно в нем нас в первую очередь и будут искать, тем более, что там кто-то копошился, ремонтируя жатку, мы рванули трусцой дальше. Так же канавой вдоль огородов до другого конца деревни.

И далее — мимо конюшни скотных дворов, проселочной дорогой к озеру Ильмень. Но не к Кукуевке, а правее, к зарослям Кровайно. Там купаться удобнее: у Кукуевки дно озера каменистое, а вдоль кустарников Кровайно — песочек.

* * *

Купались мы с Володей, как говорится, до посинения: знали, что завтра, 2 августа, первый день Ильи Пророка. А послезавтра, на второй день своего загула, он, по-нашему опыту, после обильного возлияния

---

³⁷Шмелиный мед из их гнезд в полевых травах в первые послевоенные полтора года были единственно доступным нам лакомством.

³⁸Гибкая ивовая лоза была самым удобным и распространенным в нашей деревне материалом для наказания нас за наши прегрешения. Больно обжигает и никогда не калечит.

³⁹Гумно — овин, рига для сушки и хранения снопов или сена.

хмельной браги в первый день празднества, прогромыхает громами и отошьет в озеро по малому. После чего вода похолодает. И по обычаю в наших краях, купаться до следующего года не стоит, иначе заступись на целый год до следующего лета.

Однако на этот раз, вопреки своей традиции, Илья Пророк, похоже ушел в загул на сутки раньше обычного для его именин графика. Соответственно, и природно-стихийные последствия его загула наступили раньше.

Нырря с гигантских валунов в озеро, и снова забираясь на них для следующего нырка, мы не заметили, как со стороны Шимска наплыла и заполонила небо черная туча. Узрели это только после того, как она, наплыв на него, загасила до того яркое и горячее солнце.

Сразу потянуло холодом. И откуда-то со стороны далекой Мстони, лениво и басисто, предупреждая, что он ведет за собой грозу, заворчал гром.

Только тут мы спохватились и стали натягивать рубашки и штанишки, которые к тому же умудрились замокрить брызгами, когда неосторожно плюхались с валунов в озерную прохладу.

Мягко сказать, что мы спешили. Нет, мы одевались лихорадочно. Тем не менее, когда еще только натягивали на себя мокрые рубахи, с Коростыньской стороны сверкнула молния и вторично, но уже громче, зарокотал, пока еще отдаленный гром. Свидетельство приближения к нам, грозы.

Не застегивая рубахи, побежали к дому.

Сначала по воде мимо валунов высотой в два-пять наших роста. Потом через высокую осоковую траву и плантацию музги⁴⁰ на опушке Кровайно. Миновав их, снова травой, но уже полевой, клеверистой. Далее по золотистому песку двадцатиметровой полосой отделявшей озеро от Дикого поля.

А на поле уже ходуном ходило под порывами ветра серо-пепельное будылье.

Тем временем сверкать и громыхать стало все чаще и чаще. И вот уже тучи, ворочаясь багрово-черным многоголовым огнедышащим Змеем Горынычем, пронесли над нами, опережая нас.

Мягкие до этого порывы ветра сменились напорами шквалистых тумачков нам в спину, чуть ли не сбивая нас с ног. Предвещающая ливень, о наши шеи и плечи забарабанили пригоршни холодных капель.

Они без перерыва перешли в болезненно ожегший нас холодом дождь.

Рубахи, штаны, наши парусиновые кепки-аэродромы разом превратились в мокрые тряпки. Впереди и вокруг нас засверкали ветвистые

---

⁴⁰Музга — низкорослый, с мелкими метелками веточек наверху кустарник, из которого у нас вязали голики.

разряды молнии и непрерывно загрохотали громовые раскаты, от которых закладывало уши. . .

* * *

Мы бежали со всех сил. Я почувствовал, что начинаю задыхаться. Но и помыслить не мог сбавить темпы.

Мы оба знали, насколько опасны грозы на берегу Ильменя. Валуны, с которых мы ныряли, содержали, как говорил дядя Миша Куликов, железистый магнетит, и притягивали молнии.

Действительно, уже пробегая их последнее лежбище, краем глаза заметил, как после яркой молнии и одновременного оглушительного удара грома один из них стал разваливаться на куски.

Это ужаснуло и подстегнуло нас улепетывать по-заячьи подалее от воды, которая тоже, как сказывают наши рыбаки, притягивает удары грозы.

Вокруг сразу, как-то чересчур быстро помрачнело, а затем чернильно потемнело, День внезапно превратился в пугающую ночь. Дождь с небес без раскачки, разом превратился в ливень, да какой! Как будто там кто-то, не видимый нам за тучами, начал поливать наши окрестности.

Да не ведрами даже, а пожарной помпой.

А на Диком поле ни кусточка, ни деревца, никуда не спрячешься. До большого оборонного вала же бежать почти километр, и столько же от него до деревни.

Мы уже подбежали к обороне, когда сверкнуло во все небо, — и справа и слева, впереди, за спиной и над нами — не зеркала молний, а сплошные огнища.

Ударил такой громище, что я невольно споткнулся, пропахал руками траву и даже уткнулся носом в лужу.

Пока поднимался, заметил, справа, километрах в полутора, ярко вспыхнул ослепительный факел, который не в силах был погасить или даже затенить потоп взбесившейся хляби небесной. Наоборот, сквозь лавину воды, факел, казалось, заискрился еще яростнее.

— Похоже, в тополь кукуевский Ильюха ударил! — прокричал в непонятном полу восторге, полу ужасе тоже запыхавшийся Володя, помогая мне подняться. Падая, я так ударился о скрытый травой давний пенёк, что, показалось, сломал ногу.

— Ага, похоже! — согласился я, морщась и чертыхнувшись от боли. Затем, не почувствовав ни перелома, ни вывиха, и проковыляв несколько метров, вновь побежал, прихрамывая и цепляясь за руку Володи.

А факел справа не только не погас, но казалось, вопреки ливню, только разгорался еще сильнее. Если это тополь, то гореть там есть чему. Был свидетелем, как однажды большеужинские ребята, постарше нас с Володей, всей своей ватагой, сцепившись руками, не могли его охватить. Таким ли бабабом этот кукуевский толстяк вымахал.

За обороной бежать стало тяжелее. В Диком поле мы улепетывали большей частью по траве, а здесь пришлось бежать натоптанными коровами ямками глины. Под ливнем их стенки будто смазали маслом, босые ноги так и разъезжаются.

А шквальные рывки ветра все усиливались.

— Ураганище!!!.. Держись за меня крепче! — вновь, уже встревоженно прокричал Володя. К счастью ветер толкал нас в спину и немного вбок, облегчая бег.

Однако несколько раз, поскользнувшись на глиняных глызах,⁴¹ я кубарем падал в грязь. А ветер каждый раз пытался подхватить мою обессиленную бегом тушку и унести в сторону, как охапку сена. Только Володя — он старше и сильнее меня — и не позволял это сделать.

* * *

Наконец мы вбежали в деревню под защиту изб. Только эта защита оказалась ненадежной: на наших глазах порыв урагана, извернувшегося в живое ревущее драконье кольцо, подхватил крышу баньки дяди Миши Лобачева и швырнул ее через лобачевскую избу куда-то в сторону колхозной конюшни. . .

Зная, что наши домашние наверняка с ума сходят, не имея представления, куда мы подевались, мы рывками от избы к избе прорывались в перерывы между ураганными шквалами в наш конец деревни. Наконец, я вбежал в наш двор, Володя же побежал дальше.

— Куда?! — завопила, было, Володе в спину моя мама. Она, видимо, поджидала меня под росшей у нас во дворе толстой тенистой липой. Вынырнув из-под нее и схватив меня в охапку, она одновременно с этим криком наградила меня же от всего сердца увесистым подзатыльником.

Но Володя не остановился. Да и что было останавливаться, когда ему оставалось пробежать до своего дома мимо заулков всего двух изб — Блиновых и Дороховых.

* * *

Мама затащила меня не в избу, а в подпол, где сбились на внутренних, устроенных для тепла от зимних морозов, завалинках сестры, бормоча молитвы или просто испуганно шепча при ударах грома «Господи, спаси нас и помилуй!...»

— Бессовестный, не слух! — еще раз встряхнула меня мама. — Батяка в озере. . . Может, тонет сейчас. . . А у тебя только баловство на уме. . .

Ни лозины, ни ремня в подвале не было, а не то, в том сомневаться не приходилось, мне досталось бы на орехи не хило. А может быть и пронесло бы, на радостях мамы от того, что явился живой. . .

. . . В духоте подпола грозовые молнии не отвечивали. Единственное его окошечко в избяной венец высоты и длиной на три-четыре пяди

---

⁴¹Глызы — спекшиеся в камни от жары куски глины.

моей ладошки Клава закрыла поддоном засолочной бочки. Картошки и овощей в подполе еще не было, уборка их в огороде начнется только через месяц-полтора.

Густо пахло огурцами, засоленными в три «сорокаведерные», как утверждали сестры, бочки. Ими мы всю зиму до весны будем питаться в комплекте с картохой. Пахнут они потому, что переложены слоями укропа — для их духмяности — а также листьями дуба — для сочной крепкости и хрупкости.

Громы по-прежнему грохотали и рокотали непрерывной канонадой, но их грохот еле слышался, а больше ощущался через тряску земли и избы над нашими головами.

Тем не менее, при каждом сильном ударе грозы сестры вновь и вновь начинали испуганно креститься и бормотать свои «Господи, помилуй!». Да я и сам невольно начал прокручивать в голове мысленно «личную» бормоталку-оберег, которой научила нас с Володей леля Наташа: «Ангел мой, хранитель мой, сохрани нас и помилуй!»

При этом я подсознательно имел в виду не столько нас, сидевших в подвале, но больше батю.⁴² Представляя себе, что творится в озере, и каково приходится ему в ураганном бесновании, с его-то покалеченной ногой, я сознательно заменял просьбы ангелу сохранить «меня» на мольбу помиловать «нас». Имея в виду, прежде всего, только полгода назад возвратившегося к нам из молотовского госпиталя отца.

... Пригревшись в тепле и сомлев в духоте подпола, я, кажется, незаметно для себя отключился в дремотное или обморочное небытие. Начал приходить в разумение себя только тогда, когда мама и сестры открыли люк наверху, и стали шумно выбираться по ступенькам короткой лесенки в избу. Следом за ними выкарабкался в горницу ее и я.

За окном серел то ли рассвет, то ли сумрачный день. Низко плыли тяжелые, хотя и без дождя, но свинцовые тучи. Ураган уже не бесновался, но ветер, судя по тому, как суматошливо метались за окном ветлы липы, был не хилый.

* * *

... По идее, начинался первый день престольного праздника Ильи Громовержца и, как помнилось по прошлому году, большеужинские домохозяйки должны были или возвращаться из Борисовской церкви со всенощного моления грозному Пророку, или уже хлопотать на своих кухнях за готовкой снеди и праздничных пирогов.

На всенощную за восемь верст в такой ураган, естественно, накануне вечером никто не пошел, а насчет готовки праздничных яств — что-то ничто в деревне не напоминало...

Выскочив во двор, чтобы в огороде вытащить из грядки и похрюпать — со вчерашнего полудня во рту маковой росинки не было, — мор-

---

⁴² Батя — отец, папа, родитель.

ковки, обратил свое внимание на то, что сегодня ни над одной крышей трубы не дымились и, следовательно, печки ни у кого не топятся. Праздновать престол Ильи Пророка, похоже, на этот раз никто из-за его грозовой прокуды в нашей деревне не намеривался.

Как бы то ни было, а вскоре, там и тут у дворов кучками загуртовались пожилые и молодые женщины и немногие, пережившие войну старики и старухи. И начали что-то, встревоженно жестикулируя, обсуждать. . .

Слышу, соседка тетка Дуня Кузихина рассказывает, что в Засечку, в заросли кустарникового дубняка, ураган выбросил сойму со сломанными мачтами устричанина Падерина. Хотел, видимо, в устье Глушка на постой прорваться, а ветрище в сторону за десяток верст его утарабанило в Тулебельский залив. И хорошо, что в затопленный прибылой водой кустарник выбросило. Могло бы, и перевернуть на глубинке.

Где все остальные, в том числе наши ужиняне, неизвестно.

* * *

. . . Почти к полудню, ветер, уже не ураганный и даже не штормовой, стал утихать. Печные трубы большеужинских изб все-таки начали одна за другой выбрасывать в светлеющее небо клубы дыма. Тут же разрываемые порывами ветра в неряшливые клочья.

Хозяйки то ли начали вспоминать об Илюшином престольном празднике, то ли спохватились, что заготовки для него могут испортиться. А не то и просто сообразили, что тревожся не тревожся, а что-то — праздник или тризну — после такого буйства природы отметить по-людски все равно следует.

Мы с Володей, как всегда состыковавшись друг с другом, решили воспользоваться занятостью наших домочадцев.

Тетка Матрена ушла обихаживать колхозных коров, леля Наташа и моя мама занялись то ли праздничной, то ли поминальной стряпней. Наши сестры, кто помогали им, кто умотали к подружкам обсудить вчерашнюю суматоху.

Мы же двинулись за околицу деревни, чтобы посмотреть, что делается у озера.

Первым делом мы пробежались к кукуевскому тополиному толстяку, который рос у проселка, что вел из Кукуевки к Малому Ужину.

Толстяка там уже не было. На десятки метров радиусом валялись только его руины, которые не горели, но еще чадили. Даже многочасовой ливень не смог задавить сизо-дымное тление пещер из его корневища.

Сам тополь молния разворотила на обгорелые обломки, разбросанные вокруг его неопрятно взорванного молнией пня, будто останки пожарища нескольких деревенских изб.

В стороне валялись, отброшенные грозovým ударом верхушка и слегка обгорелые многочисленные ветлы. Их факелы ливень, видимо, зага-

сил сразу. Между тем некоторые из этих ветел были у их основания толщиной с годовалого хряка.

Мы подивились результатами буйства урагана, затем привычной трусцой переместились с малоужинского проселка, то есть, от кукуевского тополиного чуда, направо, где метрах в двухстах от Кукуевки стоял с разверстаным в небо жерлом остов бетонного дота. На нем в войну крутилась на зубчатом железном ободе дальнобойная пушка-гигант.

Там мы с изумлением увидели, что прилившая вода захлестнула и его. А ведь дот построен на взгорке. Ниже его — до берега метров двести по биссектрисе вниз в длину и метров в пятьдесят по мыслимой вертикали вниз, — серело бушевавшее пеной озеро. Это, какие же должны были быть вчера набегать волны, если они докатились до дота и захлестнули его?..

Впрочем, Ильмень и сейчас был белесым от пены и ярился огромными, казалось в высоту избы, валами. Но они уже не поднимались до взгорка, на котором мы стояли, а разбивались, не добегая до привычного берега, о каменистое дно.

И дальше катились по травяному берегу на подъем, сначала с роковым влекомых ими камней, потом все тише, шипя и шурша еще от силы разве что метров сто с небольшим. Все-таки кукуевский берег почти такой же высокий, как устрицкий или даже коростыньский.

Мы немного поковыряли палками бурые водоросли, заброшенные ураганом в бункер вместе с водой, и, не обнаружив в них ничего интересного, побежали — все также перемежая трусцу с более или менее быстрой ходьбой — песчаной бугристой окольцовкой берега в сторону Кровайно.

Обычно золотистый здесь песок был заляпан водорослями и бурой тиной. А за бугристым кольцом песчаной окантовки в траве начинающегося за ней Дикого поля посверкивала налитая ураганом ливневая, а может озерная вода.

В любом случае событие незаурядное, если земля до сих пор не впитала в себя хляби небесные или ураганные.

У Кровайно, как и у кукуевского дота, тоже яро кипела пенистыми валами седая вода. Валунов, с которых мы вчера ныряли в озеро, не было видно, их скрыла вода. Только в одном месте в ложбине между валами периодически высывался темный горб одного, самого крупного гранитного гиганта.

Во время бега от тополя к доту и от дота в Кровайно, мы с Володей в тревоге, он за Павлуху, я за отца, не сговариваясь, время от времени бросали взгляды в озерные просторы в надежде увидеть белые паруса сойм. Однако Ильмень был не только сердитым, но и пустынным.

* * *

У зарослей музги на краю Кровайно встретили Глодуса, парня лет двенадцати с нашего конца деревни. Он торжествующе потряс перед нами куканом с судаком килограмма на три и щукой, немного поменьше.

— В водорослях нашел, с ними на берег ураганом выбросило! — пояснил он, шуруя палкой в отвалах водорослей.

Начали шуровать и мы, но кроме перламутровых, пахнувших тошнотворным ароматом непонятной гнили, раковин ничего не обнаружили. А Глодус продолжал тараторить:

— Тарелка на столбе у магазина сельпо сегодня вести областного радио передавала, и сказала, такой ли ураган со смертью был, что в одной деревне молотилку за полторы версты по воздуху зашвырнул. Ужас, какая смерть была!

— Смерч, балабол, — сердито поправил Глодуса тоже слышавший радиопередачу Володя. Он был раздосадован, что нам на глаза ничего похожего на судака и щуку не попало. . .

— Что смерч, что смерть, одно и то же, — не обидевшись, согласился Глодус, и предложил:

— Айда, в деревню! Там дед Сорокин должен попов привезти из Борисова. Молебен будут служить во спасение рыбаков.

Новость нас поразила, и мы без возражений побежали с ним домой. При этом Глодус, не то что с довольным, а с ликующим видом, на зависть нам, размахивал своей добычей, которую он за жабры нанизал на ивовую лозину.

. . . Прибежав в Большой Ужин, у крайней избы услышали, что священник с молебном о спасении, с ним дьячок с иконой Казанской богоматери, и дед Сорокин с деревянным крестом и певчие из местных, обходят каждую избу, где есть затерявшиеся в озере рыбаки.

До этого он закончил молебном во спасение их праздничную — в честь Ильи Пророка, — всенощную службу в Борисовской церкви. Затем совершил обход с молебном и иконой Богородицы дома ближайших рыбацких сел Устрика и Заднее Поле. И вот теперь дед Сорокин привез их колхозной конной телегой к нам. . .

По моим с Володей расчетам, процессия крестного хода должна была уже приближаться к нашим домам. И мы с ним зааллюрили в наш конец деревни.

* * *

Я успел, тютелька в тютельку, священник с сопровождающими входил уже к нашим соседям Кузихиным.

Мама встретила меня привычным шлепком по попе и подзатыльником. Затем бросила мне праздничные штанишки и рубаху из перешитого платья кого-то из сестер:

— Переоденься, не позорь нас перед народом, праздник ведь, — кратко сказала она. И заторопилась ко входу во двор, чтобы встретить и проводить в дом церковников.

— Переодевшись, я остался в нашей избе вместе с сестрами, которые сгрудились сбоку от киота с иконой Богородицы.

Икона у нас дома была знатная. Ее мама нашла по дороге домой из Шимского концлагеря, кажется в Коростыне. Как-то она проговорилась, что нашла икону в нужнике,⁴³ где отступавшие фашисты приспособили ее для своих нужд. Отмыла, отчистила, омыла освященной в церкви водой. Отец заменил треснувшее стекло. И ее водрузили в красный угол горницы.

Богородица держала на коленях Иисуса Христа, по виду, мальчика моего возраста. Оба в обрамлении богатого серебряного оклада, изображавшего виноградные грозди.

Мама предполагала, что, ограбив одну из многочисленных новгородских церквей, фашист вез трофеем церковную утварь домой. Не довез, погиб или убежал, бросив, спасаясь, награбленное им до того добришко.

А сослуживцам показалось в тяготу волоочь дальше такие трофеи. Вот они и утилизировали икону по своему уразумению наследственных потомков вандалов.⁴⁴

Пока головка крестного хода была у Кузихиных, старшая сестра Клава убрала с иконостаса деревянные статуэтки Сварога, Макоши, Перуна и раскольничьих старцев, пояснив:

— Поп в доме у Филатихи сильно сердился, увидев не иконы, а деревянные, как он сказал, «стуканов». Лучше убрать. . .

А вскоре и в нашу избу через распахнутую коридорную дверь начали просачиваться священник с кадилом, дьячок с иконой, дед Сорокин и попутный народ.

Священник усталой скороговоркой напевно забасил молитву молебна спасения, а пожилые певчие из односельчан, все, как одна, женщины, его поддержали спевшимися хоровыми дискантами «Аллилу-у-я-я, Аллилу-у-я-я, Господи!».

Прочие, просочившиеся в избу односельчане из хвоста крестного хода при «Аллилу-у-я-я» крестились и низко кланялись. Я, чувствуя, что мне за мои «прокуды» последних полутора суток еще предстоит «ответить», под зоркими взглядами в мою сторону мамы, молился и кланялся особенно усердно.

А так как от беспрестанных с утра пробежек трусцой и аллюром раскраснелся, то с пушком беленьких мягких волосиков, да в новой

---

⁴³ Нужник — сельский, примитивный туалет.

⁴⁴ Вандалы — группа германских племен, завоевавших в 5 в. н.э. Рим и уничтоживших много памятников античной культуры. Не уверен, что я знал об этом, но о потомственности вандализма фашистов тогда часто говорили навещающие нас из Старой Руссы лекторы, что мне и запомнилось в смысле характеристики крайнего негодяйства..

цветастой ситцевой рубашке производил отрадное впечатление этакого херувимчика.

Чем, видимо, и обратил на себя внимание священника.

Закончив речитатив молебна, и окропив присутствующих святой водой, он одному мне сунул для поцелуя серебряный крест, возложил свою ладонь на мою голову и, сказав с улыбкой маме «берегите чадо!», перекрестил меня. . .

Надо ли говорить, что когда крестный ход пошел из нашей избы дальше, возвратившаяся, проводив эту процессию, расчувствовавшаяся мама больше в этот день про мои прегрешения не заикалась. Да и я, не рискуя лишний раз своим видом напоминать ей о них, поспешил ускользнуть из дома.

На дворе, а точнее, на улице перед избой, пока авангард крестного «хода» служил молебен во спасение, толпился увязавшийся за ним народ, не умещавшийся в горницах, где шла эта служба.

Расстроенная Филатиха оправдывалась перед другими пожилыми женщинами:

— Чем ему долгогривому матушка Макоша и Велес⁴⁵ не приглянулись! Та же Богородица и тот же Громовержец!..

— Те же, да, видать, не то же! — назидательно сказал однорукий, с культяжкой у плеча второй, Васюк Принцев. — И вообще, давно уже пора перестать деревянным идолам молиться, и оправдываться, «живу, мол, в лесу, а потому и молюсь колесу!».

* * *

Подождав, когда отслужат молебен в избе Булаткиных, мы с Володей, получив от лели Наташи по кусищу рыбного с капустой пирога, снова зашныряли по деревне, любопытствуя, о чем судачат собиравшиеся группками односельчане.

В домах, хотя некоторые взрослые и разговлялись первыми кружками браги, но праздновать, похоже, пока никто не порывался. Группировавшийся во дворах народ был пасмурный, в тревогах о рыбаках, о которых никаких сведений никто не имел.

Наконец, под вечер пронесся слух, что наши рыбаки успели укрыться в затишке где-то за Мстой. Далековато, зато все целы. А вот у устричан несколько сойм все еще не нашли.

Более того, перевернулась не только падеринская сойма, а и Бриллиантова тоже. Только возле Коростыни.

. . . Поздней ночью, чуть ли не под утро, соймы большеужинских рыбаков стали парами подтягиваться к Глушку, где даже при сильном шелоннике на рейде всегда затишок.

Все это время деревня не спала.

---

⁴⁵Филатиха спутала — Велес в славяно-русской языческой мифологии был «скотским богом», а Громовержец — Перун.

У нас дома сонно сопел только четырехлетний братишка Коля, а сестры время от времени переговаривались, мамы не было, она ушла к соседкам за вестями. Возвратилась часа в три утра, когда ночь уже начала сереть.

Учуяв, что мы не спим, шикнула нам:

— Спите! Батькина двойка уже в Глушке. Им еще улов надо сдать, придет часа через три. . .

Оказывается, наши рыбаки возвратились не пустые, каждая двойка, пользуясь попутным ветром, провела свою тоню, и весьма удачно. Во взбулкаченном ураганом озере даже малоподвижные лещи покинули свои лежбища и заметались в воде, помутневшей от поднятого зыбью ила. А в результате, не замечая плавные сети, запутывались в их ячеях и кнее.

На второй день Ильи Пророка началось, наконец, отложенное из-за его гнева разгульное веселье. То ли в честь его, то ли потому, что все обошлось благополучно.

* * *

Дед Сорокин ходил по деревне гоголем, хвастая: — Вот она сила молебна господу! Всех господь сохранил!..

Настроение ему сбил Глодус. Со свойственным ему вызывающим нахальством, он нагло усмехнулся деду в лицо:

— Так ведь, когда проводили молебен во спасение, рыбаки уже были на берегу в безопасности. . . *

А ВОКРУГ ЛЕТАЛИ СОКОЛЯТОК СТАИ

Из дневника

Я тогда уже перешел во второй класс, но мои кошмарные сны с видениями ужасов военных лет, свидетелем которых я тогда оказался, не только не прекратились, а участились и стали еще кошмарнее.

Возможно, от того, что я стал больше читать — чему научился еще до школы у сестер, — книг о войнах. Не только о Великой Отечественной, финской и с японцами в тридцатые годы, но и о прошлых. Скажем, Яна о войне с монголо-татарами, Сергеева-Ценского о Севастопольской страде, Степанова о Порт-Артуре, «Школу» Аркадия Гайдара, и т.п.

А тут еще к нам в деревню чаще стали привозить кино, причем, среди них большинство составляли предвоенные — «Александр Невский», «Чапаев», «Щорс» и т.п., призванные пробуждать патриотизм, но поневоле пробуждавшие и память о недавнем прошлом.

При моем обостренном этим недавним прошлом воображении, способности оживлять прочитанное подобными действительности картинками трагические события в книгах и кино накладывались на виденное мной

---

* Стенгазета Борисовской семилетней школы, 1951 год, октябрь. Подпись: Володя Староверов, уч-к 5 «Б» класса.

в оккупацию. Превращаясь во сне в невыносимые моей детской психикой ужасики, перед которыми бледнели страшные картины прозы Гоголя.

Это выливалось в то, что я стал чаще просыпаться с хрипом спасшегося от смертельной опасности бегуна или с криком спертого удушающими спазмами горла.

Маму это, естественно, беспокоило. И как-то она понесла вместе со мной в Старую Руссу продавать в привокзальных пригородных улочках ее отцовскую «варку». Намереваясь потом, сводить меня к какому-то городскому, осиянному господней благодатью исцеляюще влиять на поведение тронутых рассудком чад христовых, чудодею.

Обитал этот чудотворец в популярной у наших односельчан, особенно потомков старообрядцев, церкви. Именуемой, если я не путаю, храмом «Всех святых».

* * *

После распродажи «варки» мы обычно шли по магазинам и лавкам бакалеи и закупали на вырученные денюжки хлеб насущный — буханки черного, батоны белого, булочки и обливные соевые пряники.

На этот раз мы двинулись улицей Ленина, Живым мостом, параллельной реке Полисти улицей с раймагом и магазинами вдоль её, до площади с восстанавливаемыми дворянско-купеческими особняками и водонапорной башней посередине.

И вот, проходя с мимо этой башни площадью и, пялясь во все глаза на восстанавливаемый или ремонтируемый величественный даже в строительных лесах Воскресенский собор на другой стороны Полисти, я вдруг, от чего даже споткнулся, заметил на нашем берегу реки беломраморную или гипсовую скульптуру вождей революции Ленина и Сталина.

Сидя на скамейке, они о чем-то беседовали. А к ним прильнули, к одному слева, к другому справа, мальчик с самокатом и кудрявая девочка с букетиком каких-то цветов или сирени.

И мне вспомнилось, что нечто такое я видел в учебнике сестры Насти «Русская речь» для четвертого класса. В нем еще параллельно рисунку было напечатано стихотворение «Два сокола», кажется, любимого мной Исаковского.

Стихотворение, пока у меня не отобрали учебник, я пробежал глазами, но прочитать не успел, и потому не помню. Но засело в памяти, что Ленин говорил Сталину нечто вроде: «Сокол ты мой верный. . .».

И у меня родилось ощущение, как будто то был разговор соратников, один из которых чувствовал приближение своей смерти и передавал другому, как верному единомышленнику и другу, свой смертный наказ.

И далее в стихотворении была строчка: «А вокруг летала соколяток стая», как объяснение причин общения с вождями малых детей и обе-

щание надежности смены вождей в будущем. И соколятки эти были, судя по прозаическому продолжению в учебнике темы, юные октябрята и пионеры.

* * *

Недовольная моим ротозейством и спотыкачем, мама крепко ухватила меня за руку и потащила к скверу в конце площади. Затем какими-то переулками в общем направлении, мне показалось к курорту, а оказалось к приземистому храму в середине одного из таких переулков.

Храм с его приземистостью производил впечатление своей внешней почтенной стариной, но проигрывал стройностью нашей Борисовской церкви.

А может, он произвел на меня такое легкомысленное впечатление потому, что был в окружении многоэтажных домов.

Тогда, как наша церковь довольно заметно высилась стройными куполами и шпилями над приземистым деревянным зданием начальной школы, в котором теперь находится наша семилетка. А также над сонмом спешно возведенных после войны или обветшавших в войну сельских халуп.

Но и внутри храм не произвел на меня впечатления. Видимо, он был в состоянии реставрации.

В Борисовской церкви больше икон и великолепия, а тут некоторые ниши в стенах, где должны висеть иконы, завешены холстом, одно окно с трещинами стекол, и вообще, самом храме полусумрак и пустота.

Лишь в углу, несколько поодаль амвона группировались двумя кучками верующие, в основном старухи и старики, да у иконы с зажженной лампадой внизу крестились и касались челом пола три-четыре инвалида.

Мы подошли к старухам и старикам, перекрестились, послушали пожилого священника. Затем мама, наказав мне, никуда не уходить и не стоять столбом, а креститься, отошла в сторону к крепкому еще мужичку, с лицом, в котором кротость скрестилась с суровостью или серьезностью взгляда. Потом она пояснила мне, что то был староста храма.

Переговорив с ним о чем-то, она скрылась в его сопровождении в какой-то нише, непонятного мне, естественно, назначения. Появилась из этой ниши минут через пять-семь, поманила меня рукой к себе. Потом мы прошли скудно освещенными лампадами две-три комнаты и оказались перед низеньким старичком то ли в ризе, то ли хламиде.

Мама подтолкнула меня к нему, как бы подсказывая, чтобы я перекрестился и поцеловал протянутую мне длань старичка. . .

Потом старичок тихо и ласково о чем-то долго расспрашивал меня и я послушно, и, в общем, без лукавства, отвечал. А кончилось это тем, что я поцеловал протянутый мне висевший на нем серебряный

крест, он перекрестил меня им, то есть, как я понял, благословил меня, одновременно, говоря маме:

— Пообщайтесь со старостой, запишитесь у него. Я в течение недели почитаю молитву за выздоровление чада божьего отрока Владимира.

* * *

Так мы и сделали. А когда мы проходили обратно снова площадью с Водокачкой, я снова посмотрел на скульптуру Вождей с ребятишками.

Когда же в понедельник пришел в школу, то в первую же перемену спросил Полину Степановну, когда нас будут принимать в ряды октябрят?

ТОЖЕ МНЕ ЧЕРЕМЫШ!

Из дневника

Этот лобастый парень Колька Богачев появился у нас в третьем классе где-то в конце сентября. До войны я его, естественно, не знал, оба тогда были еще малышами, а жили мы в разных концах деревни, которые ни тот ни другой еще не осваивали.

В войну нашу семью захомутали в Шимский концлагерь, а их еще до оккупации эвакуировали куда-то в сусанинские костромские места. Оттуда они возвратились не сразу после освобождения Большого Ужина от фрицев, а только года через три по окончании войны.

Да и, как я понял по его проговоркам, возвратились они сюда не из глубинки, а из далекой от бывших фронтов хлебосольной Костромы, где колькина мать, не имея рабочей профессии, работала истопницей в кочегарке.

Жили они при кочегарке. Но в разоренный фрицами Ужин не торопились, зная, что их избу, как и большинство подворий большеужинян, оккупанты при отступлении или взорвали гранатами или сожгли.

Но вот их родственники отстроились и пригласили колькину мать пожить у них, пока она не отстроится. Почему-то не сомневаясь, что у неё будет на что отстроиться.

Они приехали и колькина мать начала работать, как и до войны, колхозной свинаркой.

Зарботки в колхозе у нас еще с гулькин нос. Но у колькиной мамы деньги откуда-то появились. Она купила лесоматериалы и наняла плотников в Парфино. Те и построили им новую избу на фундаменте старой, довоенной постройке.

И, конечно, артель помогла им вспахать заросший, было, кустарником и бурьяном их довоенный огород А Колька, естественно, начал учиться. Притом, в нашем классе.

К этому времени наша начальная школа уже перестала ютиться в съёмных горницах малоужинских избенок, а перебралась в простор-

ную по нашим тогдашним представлениям новостройку при полевой дороге между нашими двумя Ужинами, Малым и Большим.

Метрах в двухстах от Малого Ужина, недалеко от огорода нашей учительницы Полины Степановны Пашутиной. И метрах в семистах от Большого Ужина, а также примерно в полутора верстах от Старого Ужина или, по-нынешнему, Кукуевки.

* * *

Колька Богачев появился у нас в классе почему-то не в начале учебного года, а с опозданием, объяснив это тем, что пытался начать учебу в Ленинграде, но не удалось:

— Ничего!., — снисходительно объявил он. — Дядя обещал мне, что после начальных классов я обязательно буду учиться в ленинградской школе.

Вообще-то он сразу занял среди нас заметное место. Прежде всего, как я с ревностью отметил, в ряду наших хорошистов-отличников, в который входил и я. Но не только, а и, к моей тревоге, в кругу наших школьных забияк.

В первый же день он поставил фингал под глазом Пашутина Генки, задиристого, и надо сказать, шкодливого сына Полины Степановны. На второй день подрался с дылдой Коляном Сорокиным. На большой перемене третьего дня подсечкой сбил на землю слабосильного меня. . .

Но подмять и помять не успел. Коренастый крепыш Володя Булаткин и Генка Пашутин насели на него самого.

За новичка вступился его родич, еще один Колька, и тоже Богачев. Их я с самого начала назвал Богачев первый и Богачев второй, отведя новичку роль ведущего, поскольку второй изначально боготворил первого и явно, да так оно и оказалось впоследствии, всегда и во всем оказывался им ведомым.

Из школы выглянул припозднившийся наш с Володей Булаткиным двоюродный брат флегматичный, но, как и Володя, крепыш, Миша Ленин. Оценив ситуацию, он, естественно, ввязался в свалку на нашей стороне.

Разгоревшуюся, было, потасовку пресекла прибежавшая на крики девочек Полина Степановна. Она хлестнула своего сына Генку хворостинкой, вытянутой из вороха ольховника, которым топили школьные печи, развела, ухватив за шкурки, Володю и Кольку Богачева первого.

Остальные драчуны тут же разбежались по сторонам.

* * *

Полина Степановна в это время сама часто бывала во взвинченном настроении, легко раздражалась. И мы знали или догадывались, почему.

Её муж, Ванюк, по прозвищу Чугун, председатель малоужинского колхозника «Честный труд» загулял, почти не скрывая этого, с молодой односельчанкой.

Пышущая румянцем упругих щек, тем более контрастных на фоне брюнетистых пышно блестящих кудрей, коренастая и грудастая деваха только вызываяще посмеивалась, встречая — а в небольшой деревеньке трудно избежать пересечений — блондинистую и явно нездоровую жену председателя с пергаментно белым лицом. Тощую, и месяц от месяца все более поражающую односельчан своей худобой.

Полину Степановну все безжалостнее поедала какая-то болезнь. Она нередко приходила в школу явно с высокой, порождавшей нездоровый румянец, температурой. А не приходит она к нам не могла. Ведь она вела львиную долю уроков трех классов.

Присланная в последний год ей в помощь молоденькая красавица Женя, то ли хохлушка, то ли евреечка, учила только первоклашек, и лишь в последнее время начала иногда заменять Полину Степановну, если та совсем не имела сил вести занятия с нами.

Будучи уже в четвертом класса, я слышал, как Полина Степановна говорила навестившей нас встревоженной сложившейся ситуацией директрисе Борисовской семилетки Софьи Васильевне Афетовой, которая сама вела занятия только в начальных классах:

— Молюсь богу только об одном, довести последний мой класс до выпуска. . .

Надо сказать, Полина Степановна довела нас до выпуска. Она умерла, наши бабы говорили, от чахотки, когда мы пошли уже в пятый класс Борисовской семилетки.

Чугун как-то слишком скоро женился на своей пассии. Но счастья молодежинам в Малом Ужине это не принесло. Малоужиняне, да и многое аборигены окрестных деревень, не стесняясь, особенно если выпили браги, громогласно высказывали Ванюку свое осуждение.

А бабы, те проходу не давали новой председательше, осыпая ее насмешками и откровенными издевками. И Чугун подсуетился: вскоре они уехали в совхоз «Анишино», где Ванюк стал управляющим одним из отделений. . .

* * *

Но возвращусь к тому, с чего Колька Богачев так взъелся на меня, что решил поколотить. Мы вообще-то с первого дня не понравились друг другу. Причина, как теперь понимаю, его самодовольное нахальство, и мои ревнивые претензии на особые отношения Полины Степановны.

Она ровно строго относилась ко всем школярам, но мы, хорошисты-отличники все же постоянно чувствовали ее особо теплое расположение к нам.

Оно завоевывалось нами месяцами и годами. И вдруг такие же отношения сразу же были проявлены к Кольке Богачеву. Не повлиял на это и фингал под глазом Генки.

Впрочем, возможно, Генка и скрыл от матери происхождение этого фингала. Она всегда наказывала его за шкоды, тем более потасовки в школе. В серьезных случаях, поговаривали, даже стегала его ремнем по попе. А таких случаев Генка ей доставлял немало, он был еще тем неугомонным сорванцом.

Я был с первого класса объектом особого внимания Полины Степановны. Полагаю, из-за моих частых болезней и после лагерного слабосилья.

А может, сказывался и мой устойчивый интерес не только к урокам, а и к тому, о чем на уроках не говорилось, но составляло непонятные нам тайны нашей жизни. И я при всяком удобном случае забрасывал ее своими вопросами.

Они ее не утомляли, но часто порождали у неё поощрительную улыбку. В целом, к четвертому классу ее отношение ко мне было схожим с маминым и моих старших сестер Клавы и Тони. И вот я с досадой заметил, что так же сердечно встретила она Кольку.

А может дело и не в этой моей досаде, а в том, что меня уязвила нарочитая, ощущалось, задиристость новичка, его стремление с первых дней самоутвердиться нашим превосходящих всех во всем вожаком.

Этого у нас в школе прежде не было. Было много в чем-то примечательных ребят и девчонок. Кто-то был силач и ловкач, кто-то лучше всех решал задачи или рисовал. Но чтобы этим заноситься перед прочими, такого у нас не было.

Претензии новичка, полагаю, не у одного меня вызывали внутренний протест. В школе, особенно в нашем классе, установилась нервная, чреватая конфликтами атмосфера.

Я вообще избегал физических конфликтов с одноклассниками. Зато язычок у меня был заточен на язвинки и шуточки, иногда далеко не безобидные для их объекта.

Чему способствовало мое увлечение чтением Гейне и других поэтов сатирического склада.

Поскольку у меня за плечами всегда маячили мои двоюродные братья Володя и Миша, оба признанные по меркам нашего возраста силачи, мои шуточки мне прощались безнаказанно. Хотя кроме словесного, никакого иного серьезного отпора, даже многим, более младшим школярам, я дать не мог.

* * *

После потасовки с Коляном Сорокиным на следующий день Колька Богачев-первый явился в школу в шлеме летчика. С застегнутыми, хотя было тепло, под подбородком на застежки ушами. С такими, как у на-

ших зимних ушанок, только у них эти уши завязывались шнурками. А в шлеме они моментально крепились застежками.

— Ух, ты! — выдохнули многие одноклассники, знатоки военной амуниции. — Настоящий летчицкий!..

— Ага! — напыжился Колька, гордый произведенным впечатлением. — Дядя Саша из Питера прислал. Он у нас герой, саму Германию в войну бомбил. . .

— Да ты, я гляжу, и впрямь Черемыш, брат героя! — съязвил я. В последнее воскресенье мы с сестрой Настей отнесли в Старую Руссу улов отца, продав его железнодорожникам, и в газетном киоске на вокзале я купил книжку страниц на полтораста, которая так и называлась «Черемыш, брат героя».

К этому времени я прочитал уже первые полсотни страниц, на которых детдомовец хвастался среди знакомых своим мнимым родством с однофамильцем летчиком. А тому только что присвоили звание Героя Советского Союза и его выдвинули кандидатом в депутаты от округа детдомовца. Куда он и прилетел на встречу с избирателями.

Колька Богачев эту книжку про Черемыша, видимо, еще не читал. Но в моей интонации он почувствовал насмешку и среагировал в соответствии со своим характером. Сбив меня подсечкой на землю, он навалился сверху, чтобы надавать мне тумаков.

Но тут на него ястребом налетел Володя Булаткин, и как я уже писал, они клубком покатались в яростной схватке по пятакчу школьного двора.

На четвереньках, как рыжий таракан пруссак, я бросился к ним помочь Володе, но меня опередил Генка, не простивший Кольке фингал. На Генку налетел второй Богачев. . .

И пошла потеха.

Надо признать, что Колька проявил в ней недюжинную для нашего возраста силу и ловкость.

О финале этой свалки я уже писал.

* * *

Хочу добавить, что бахвальство Кольки оказалось не таким уж пустым хвастовством. Когда мы, было, уже кончали третий класс, в Большой Ужин на побывку ли или увидеться с земляками, для чего самое удобное время было — наши престольные праздники Ильи пророка и Иоанна Предтечи, приехал поразивший нас своей формой морского летчика и кортиком Александр Богачев старший, Герой Советского Союза.

Впрочем, он в те два-три года приезжал в нашу деревню несколько раз. В последний раз он увез с собой преемницу Полины Степановны красавицу Женю. Вместе с ним уехали в Питер, как и намеривались, Колька с матерью. Больше я о нем пока ничего не слышал.

ПИОНЕРЫ ЮНЫЕ...

Из дневника

В последнюю неделю меня безудержно тянет записать в дневник, как мы учились и жили в нашей начальной школе. Но поскольку жизнь наша в ней была насыщенной событиями, то я не мог определиться, о чем рассказывать.

А тяга эта возникла потому, что умерла моя первая и единственная учительница Полина Степановна. И то, о чем мне хотелось рассказать, связано с ней.

Но ведь все события с нами в школе, а многие и внешкольные истории, были, так или иначе, в эти четыре года неизменно связаны с ней. Проводить ее гроб на кладбище пришли не только взрослые завсегдатаи таких ритуалов, но и почти вся молодежь из наших трех деревень.

Все мы молодняк или перед войной или в последние годы учились у нее.

На небывало у нас в послевоенные годы массовых поминках многие со слезами в голосе вспоминали то хорошее, что оставило памятный след о ее участии в их жизни.

По настоянию ребят и девочек нашего выпуска я тоже заявил о своем желании выступить.

И тут же дед Сорокин, который как бывший пономарь Староужинского (Кукуевского) храма от имени клириков или добровольных активистов действующей Борисовской церкви сварливо вякнул, что мне как безбожнику не след давать на таком священном ритуале слова.

Софья Васильевна Афетова, как старшая в учительском коллективе коллег покойной, заступилась за меня:

— Кому же, как не последнему воспитаннику Полины Степановны и не сказать о ней благодарственное слово?

Её поддержал председатель сельсовета Панкрашов. А ведь именно сельсовет, собственно говоря, а не церковные активисты вроде деда, и организовал такие массовые проводы своего многолетнего, с довоенных лет, депутата.

И я выступил.

Говорил не только о беззаветной погруженности Полины Степановны в приобщение нас к таинствам знаний, но и о ее усилиях по воспитанию в нас ответственности за окружающий мир. И прежде всего, о том, как она ненавязчиво раскрывала перед нами беззаботными по отношению к этому миру то, каких сил и нервов стоит нашим родителям и вообще взрослым эта наша беззаботность.

Полина Степановна исподволь пробуждала в нас желание помогать взрослым, преодолевать тяготы послевоенного возрождения былого благосостояния наших деревень. Искоренять пережитки прошлого в нашей

жизни, утверждать в отношениях наших людей приоритетов доброты человека к человеку.

Эти мои слова, возможно, во многом были навеяны мне запойным чтением «Исповеди» Жана Руссо и публицистики предвоенного депутата Старорусского райсовета Максима Горького. Но за ними действительно стояли и конкретные действия Полины Степановны.

А именно, её изначальные попытки организовать нас первоклашек-второклашек, еще октябрят, на помощь колхозу в его хлопотах. Скажем, на сбор колосков или охрану от ястребов и ворон желторотого птичьего поголовья.

Подвигла она в свое время нас, уже пионеров, и на тимуровскую заботу о престарелых бобылях, у которых дети погибли на фронтах войны.

* * *

А что касается моего безбожия, то у деда Сорокина и его набожной компании, в которой немало показных боговеров, мы пионеры — все безбожники.

Неуютно только, что к голосам этой компании прислушиваются и наши родители. Возможно, потому они и пытаются тащить нас на богослужения в Борисовскую церковь. В том числе, порой тогда, когда нам надо туда же, но рядом, по соседству с нею, на уроки в школу.

Еще до освобождения наших деревень от гитлеровцев каменную Кукуевскую церковь оккупанты разрушили до основания. А молельный деревянный дом старообрядцев сгорел еще в первый год её. Большеужинские женщины и многие старики, как будто забыв, из каких они семейных родов, — обновленческих, никонианских или старообрядческих, духоборских, — поголовно потянулись на богомолье в единственный на округу в пятнадцать деревень православно-христианский борисовский храм, уцелевший от бомбежек и обстрелов.

Причем, у большеужинских матерей и бабок хорошим тоном демонстрации ими их приверженности православию стало тогда стремление прихватывать с собою на богослужения своих детей и внуков. Во всяком случае, тех, которые были уже способны возрастом одолеть своими ногами не близкий пеший путь к храму.

Не обошло это желание, «быть как все соседи», и наших матерей. А значит и нас — детвору нашей семьи и родственной нам семьи Булаткиных.

Мне помнится несколько пеших коллективных походов сестер и нас с Володей под руководством мам и лели Наташи в Борисовскую церковь.

Эти походы мне изначальны не понравились.

И не только из-за дальности дороги в Борисово, а из-за тесноты и духоты атмосферы в церкви, густо пропитанной запахами ладана и приторного угара от залежалых свечей. А может от их некачественного воска.

В ней я по причине бронхолегочного изъяна моего здоровья или другой особенности свойственной мне тогда нервической психики нередко падал в обморок.

Кстати, ссылаясь на это, позднее, став уже пионером, я сделал все, чтобы избавиться от этих тяготящих для меня богомольных походов. . .

Я ничего против церкви не имел. Не хулиганил в ней, как некоторые, приводимые взрослыми, посетители ее моего возраста. И уж тем более не допускал грубостей в общении с борисовскими священнослужителями.

Как, впрочем, и с другим взрослым. Я вообще, редко кому грублю. А уж тем более, взрослым. В частности, никогда не отвечаю им на их замечания мне матом, как это делают многие наши подростки.

* * *

Честно говоря, я как сказку читаю, ночуя иногда в буранные дни в Борисове у деда Федоса. Былого помощника моего прадеда настоятеля — или кто он там был — кукуевского молельного дома старообрядцев Николая Кузьмича.

У Федоса имеются дореволюционные издания евангелий, библейских и около библейских сказаний. В них я заглядываю всегда, когда обнаруживаю, что больше почитать мне нечего — не успел, скажем, заглянуть в библиотеку. И никогда даже не пытаюсь спорить с дедом по поводу их сказочности.

Человек почти восемьдесят лет живет с верой в них, и кто я, мопокос, чтобы разрушать его сказочный мир бытия.

Другое дело, когда такую же лабуду пытается гнать кукуевский верзила Охапов. Он старше меня на класс, но когда он это делает, меня невольно тянет съязвить в его адрес своими саркастическими шуточками.

Как-то я поинтересовался у отца, кто родители Охапова? Имея в виду не сегодняшний их статус, а семейно-родовой. Отец брезгливо, что для него не свойственно, поморщился:

— Из семьи дореволюционного березинского прихлебателя Данилы Лапина, который пытался, было, перехватить у Миколая Кузьмича, а потом у твоего деда Лёхи Кулика верховенство в молельном доме.

Во время последней войны они спасались от нее на Выговском озере. Там на севере еще со стародавних времен сохранились кое-где полу монашеские, полу мирские скиты. Вот в одном из них они и отсиделись. . .

* * *

Многое из слов отца для меня осталось неясным, зато я понял природу попыток верзилы Охапова насмешничать по поводу наших пионерских костров и сборов. И то, почему он однажды хулигански продекламировал, желая обидеть нас, свой пакостный стишок.

Это, когда заменявшая у нас Полину Степановну во время её болезни учительница первоклашек Женя попросила нас, пионеров, задержаться после уроков, чтобы избрать от нашей школы двух делегатов на районный слет.

Охапов, хотя он старше нас на класс, зашел к нам, чтобы позвать попутчиков ему до Кукуевки. Услышав слова Жени, скривился и дернулся назад в коридор, прокричав:

— Пионеры юные, головы чугунные, жопы деревянные, черти окаянные!.. — А прокричав это, захлопнул дверь в класс. Затем послушался удаляющийся drobный стук его сапогов.

Похожая на обиженную юницу молоденькая еще Женя растерянно пробормотала:

— Какой наглец!..

После слов отца о родителях кукуевского Охапова — есть в Большом Ужине еще одни Охаповы, но это другая семья, а может быть родственники, надо полюбопытствовать у мамы, — мне яснее стало, что имела в виду Полина Степанова, говоря о пережитках прошлого.

Носителем одних из них, видимо, и является росший в монашеско-мирском старообрядческом скиту недоброжелатель пионерии Охапов.

НЕ СТОИТ БОРОНИТЬ⁴⁶ ВСЕ, ЧТО В УШИ ЛЕТИТ

Не секрет, что многие наши ребята, не задумываясь хорошо это или плохо, разговаривают бранными, а то даже матерными словами. Не буду называть кто, чтобы не прослыть ябедой. Хочу только спросить их, неужели они не понимают, что тем самым выставляют себя в глазах других людей недорослями Митрофанушками или, попросту говоря, придурками?

* * *

Они, возможно, возразят мне, а как же окружающие взрослые?! Ужинские и устрекские рыбаки в большинстве своем почти только матерным языком и разговаривают. У иных из десятка сказанных ими слов только одно или два нормальные.

Да и борисовские или маковищенские мужики, а порою и бабы не многим от них отличаются. В том числе нередко женихающиеся парни и девушки. Но тут в оправдание взрослых можно привести серьезные причины.

Во-первых, многие из них выросли в старое, чуть ли не в царское время. А потому не учились в школе или, закончив два-три класса, остались полуграмотными.

Таковыми же остались и те парни и девушки, которым из-за войны не пришлось учиться в школе, а после нее было некогда или казалось

---

⁴⁶ *Боронить* — говорить чепуху, используя случайную, в том числе ругательскую лексику.

ззорным садиться вновь за парту, будучи для этого, по их мнению, явными переростками.

Те и другие, пожилые и повзрослевшие в годы войны молодые, остались по этой причине косноязычными, не способными к усвоению смысла новых слов, характеризующих обновляющуюся обстановку нашей жизни.

Во-вторых, многие взрослые мужики прошли полную рисков нерво-трепную войну. На ней они привыкли скрывать свои чувства опасности или страха посредством эмоционально «сильных» выражений.

Эта их привычка маскировать свои эмоции осталась у них и после их демобилизации.

Тем более что нынешняя жизнь взрослых, из-за военной разрухи и нехватки всего и всякого для нормальной работы и жизни в быту, остается по-прежнему переполненной рисками и нерво-трепными ситуациями.

* * *

Но нас-то, школяров, все это затрагивает в меньшей степени. Конечно, и наше существование далеко не безбедное и не беспроблемное. Но все же, все же. . .

Да и образование у нас уже выше, чем у большинства наших родителей и старших братьев и сестер.

А это очень важно. Обратите внимание на наших учителей Михаила Ивановича Белова и Виктора Александровича Лукичева, ведь от них никто никогда и никакого «сильного» слова не слышит. А они тоже воевали и не один год.

Можно возразить, они были офицерами, один командиром артиллерийской батареи, другой — переводчиком в штабе. Им по чину надо было сдерживаться от сквернословия.

Вот мы, похоже, и вышли на причины, которые останавливают людей от податливости к плохим привычкам. Оба наших учителя имеют высшие образования⁴⁷, а значит и богатый словарный запас для выражения того, что они хотят сказать.

Но этого мало, вдобавок они люди самодисциплины и отвращения от всего, что свойственно поведению необразованных сквернословцев.

* * *

Впрочем, обратите внимание, что даже среди малообразованных взрослых мужиков уважением пользуются не те, кто склонны поражать слушателей замысловатыми загибами «сильных» матерков, а те, кто старается говорить, как можно ближе к сути дела.

---

⁴⁷Тогда я еще не знал, что В.А.Лукичев не имел высшего образования. В армейских штабах он был переводчиком с немецкого языка, хорошо усвоив его в повседневном общении. Новгородский пединститут же заочно закончил позднее, чем я МГУ им. Ломоносова.

Они ясно, порою грубовато выражают свое мнение, пользуясь просто-народными, но отнюдь не грязными словами.

Думаю, нам, школьникам, более пристало брать примерами своего поведения не бравирующих сомнительным бранным, а то и вовсе матерным остроумием сквернословцев, а разумную сдержанность наших «думных» мужиков. Вроде дяди Саши Комиссарова, Миши Щепетова и Принцева Василия в Большом Ужине или Михаила Котова, Николая Калачева и Григория Падерина в Устреке и Заднем Поле.

И, конечно же, интеллигентность учителей нашей школы.

А это означает, что не пристало нам в наших разговорах боронить тот мусор сквернословия, который в наши уши заносит окружающая нас, еще далекая от полной пристойности бытовая атмосфера.*

ПОСЛЕДНЯЯ КУКУЕВСКАЯ ЗЕМЛЯНКА

Всем памятно, что Кукуевку, или, по довоенному, Старый Ужин, фашисты разбомбили уже при своем отступлении начисто, заподозрив, что на колокольне ее православного храма засели красноармейские корректировщики в многодневной артиллерийской дуэли противных сторон.

Храм превратили в груду руин. Примыкающее к нему кладбище — в скопище ям от взрывов авиабомб и снарядов.

С землей сравнивали, но это уже наверное вовремя оккупации, пока мы были в концлагере, и стоявший поодаль у проселка в сторону Кровайно старообрядческий молельный дом. А также и все четыре уличные ряда добротных подворий местных рыбаков, расположенные между ним и храмом.

После возвращения из эвакуации в восточные районы области или из мест высылки их оккупантами на Запад, а кого, как нас, — и в Шимский концлагерь, многие, оставшиеся бездомными, старожиняне предпочли переселиться ближе к родственникам в Большой или Малый Ужины, в Большое или Малое Учно.

Однако нашлись и такие упертые старожиняне, которые не пожела-ли порывать с жизнью на побережье и с рыболовецким промыслом. Эти заядлые поозерцы вырыли землянки или переоборудовали, с кое-какими удобствами для проживания, оставшиеся от немецких вояк окопы.

А другие приверженцы своей малой родины стали восстанавливать былые подворья или ладить их на месте бросивших Старый Ужин прежних односельчан. Польстившись на обихоженную теми за десятилетия использования землю их бывших огородов. Они у нас являются неременной принадлежностью приличного традиционного сельского подворья.

Возрождался Старый Ужин медленно: неоткуда было его обитателям взять лесоматериалов.

---

* «Старорусская правда», 1952 год, январь. *Подпись:* Володя Староверов — редактор стенгазеты Борисовской семилетней школы.

Местность безлесная. На десятки верст окрест строевые деревья были сплошь повыврублены еще в петровские и последующие дореволюционные времена.

А с лесоразработками парфинской, демянской или лычковской сторон, равно как с вологовскими, и тем паче с расположенными по другую сторону Ильменя шимскими и вишерскими леспромхозами, они деловых завязок не имели.

* * *

Да тут случилось памятное нам своими давно небывалыми в Приильменье масштабами его после такой же небывало снежной зимы, наводнение 1949 года.

Для большинства населения приильменских земледельческих колхозов и совхозов оно обернулось огромными материальными потерями.

Разливная вода отступала медленно, земледельцы только в июле смогли приступить к первым полевым работам. И, конечно, проведенный ими необычайно поздний сев при нашем коротком северном лете, обусловил большие потери урожая.

Да и сенокосы — основа зимовки животноводства, — явно припозднились, а потому уродились довольно хилыми. . .

Зато приозерные поселения, Большой Ужин и Малое Учно, и особенно Старый Ужин, хорошо воспользовались некоторыми особенностями своей традиционной приспособленности к жизни в условиях широко-масштабных весенне-летних разливов своенравного Ильменя. А также последствий их буйства для тех районов, куда они лишь иногда докатывались, где были редкими явлениями.

Так, докатываясь до делянок лесорубов Парфинского, Демянского и Лычковского районов, эти разливы порождали массовые утраты срубленных зимой и оставленных лежать вразброс лесоматериалов.

Опытные кадры профессионалов лесной промышленности до войны такие бедствия предотвращали, складировав и закрепляя бревна в штабеля.

Да только большая часть этих людей погибла на фронтах и в партизанской войне с фашистами. Поэтому лесоразработки часто с разрешения государственных органов вели колхозники-землеробы порушенных оккупантами деревень.

Но жители многих из них не знакомы с коварствами новгородской весны в местных лесах, расположенных, как правило, ниже уровня окрестных озер Ильменя, Валдая, Полисто и т.д. Вешние воды этих озер, хлынув в леса, превращали лесоразработки в них в игрушку своих мощных потоков.

Эти потоки захватывали кучки или одиночные срубленные бревна, увлекали их за собой в многочисленные естественные реки, куда скатывались сами. А те выносили данный лесоматериал в озера. В основном

Ильмень, чьи волны разбрасывали строевое богатство по окрестным зарослям кустарников типа Кровайно или Засечки.

* * *

Чем и воспользовались староужиняне.

Составляя бригаду нашего земледельческо-рыболовецкого колхоза, они, в отличие от большеужинян, хлеборобствующих на, сравнительно более высоко над уровнем воды расположенных, полях, довольствовались в половодье, когда плавной лов мало эффективен, только тем, что ставили мережи, ризцы, заколы в окрестных заводях.

Чтобы принимать участие в земледельческих делах, им приходилось бы ежедневно на челнах добираться чуть ли не до середины Большого Ужина, многие дома которого в сильное половодье тоже стояли в водах разлива.

На это у них уходила бы большая часть рабочего дня, и времени на промысел не оставалось бы.

Поэтому они, поставив на этих челнах в затонах разлива названные промысловые снасти, потом день-деньской неустанно гребли веслами или пихались шестами, чтобы проверить их добычу. Шныряя напрямик поверх затопленных половодьем зарослей кустарников Кровайно и Засечки.

И, конечно, наткнувшись по пути на «блудные» бревна, транспортировали их к себе в Кукуевку.

Так, кстати, стали называть обезлюдевший с того наводнения на две трети Старый Ужин, окруженный на своем возвышенном берегу со всех сторон водой. Обитателям его, оторванным от общественной жизни прочих земляков, оставалось в течение нескольких месяцев только одно — «куковать» в тоске, а нередко и в безделье.

То же отчасти делали большеужиняне и малоучновцы. То есть, и они тоже собирали по кустам беспризорные бревна. Однако у них для этого было меньше времени, поскольку они были загружены полевыми хлопотами весенней страды.

* * *

Когда наводнение схлынуло, инспекция конторы лесоразработчиков ринулась, было, в приильменские деревни, чтобы возвратить «свой» лес. Однако жители этих поселений стали защищать от них «свою» добычу.

Многочисленные конфликты породили общественный шум. Разборкой их занялись районные и областные власти.

По совету Новгородского обкома партии, местные советские власти приняли решение, в наказание лесопромышленников за их разгильдяйство, оставить ту, незаконную на взгляд лесоразработчиков, добычу поозерцам.

Но чтобы лесорубы не остались совсем в накладе, обязать поозерцев выплатить леспромхозам четверть себестоимости лесоматериалов.

Как только бревна обсохли, кукуевцы развернули ударное жилищное строительство.

И вот в декабре последние обитатели семейных землянок вселились в свои, пахнущие стружками и свежей древесиной, сияющие узорчатыми ставнями, избы.

* * *

Кукуевка первой в нашем районе из числа полностью разрушенных оккупантами деревень возродилась целостно, как сельская поселенная общность.

Правда, возродилась уже не четырьмя уличными порядками, а тремя подворными заулками из пятнадцати усадеб. Но этим своим жилищным возрождением Кукуевка сделала весомую заявку на собственную поселенную жизнеспособность.

Ведь одновременно с жильем она начала активно возрождать не только свои личные, но и общественные огороды. Нынче у кукуевцев богато уродили колхозные плантации огурцов, свеклы, моркови, белокачанной капусты.

К тому же они впервые после войны сформировали полноценные команды трех плавных сойм, и вышли на промысловые просторы Ильменя.*

* «Старорусская правда», январь, 1952 г. Подпись: *селькор В.Староверов.*

Книга II

**ПРЕДЫСТОРИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ
СУБЪЕКТНОСТИ**

Материалы второй книги автобиосоциохроники Большого Ужина выходят за рамки моего жизненного опыта. Они касаются событий и артефактов, случившихся задолго до моего рождения. Поэтому имеют в своей основе жившие в памяти старших моих земляков, в основном односельчан, легенды, а также услышанные ими у своих родителей и дедов предания о далеком прошлом. И естественно, рассказы моих знакомых и взрослых родственников.

Но, поскольку все они касаются одних сюжетов — давнего бытия Старого и Большого Ужина, крестьянства Старорусского уезда и, в частности, моих предков — к тому же имеют непосредственное отношение к истории русской деревни, то я приложил немало сил и времени, чтобы их записать, как можно подробнее.

На это меня подвигло желание — как оно возникло, расскажу позднее, описать серией романов и повестей историю России, и особенно русской деревни, от времен Гостомысла, до наших дней. И таким образом свои тогдашние записи бесед с моими информаторами я рассматривал как заготовки для гигантской эпопеи, которую намеривался творить, когда буду готов профессионально для такого великого творческого деяния.

Перечитав сегодня свои немногие давние прозаические заготовки, отобранные для данной главы автобиосоциохроники из их большой совокупности, я с удивлением обнаружил, что они, в общем-то, дают довольно полное представление о весьма длительном, более чем полуторавековом, неопределенном своими цивилизационными, социальными и политическими трендами, периоде истории русской деревни и бытия российского крестьянства.

Но не только о нем, а и о довоенной ленинской и сталинской политике формирования деревни и крестьянства в качестве институциональных субъектов российской социалистической цивилизации и советского общества.

Глава третья. СУБЪЕКТНОСТЬ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВ И АРТЕЛЕЙ

Публикуемые в этой и последующих двух главах данной книги материалы имеют в своей основе информацию, полученную мной от людей, хотя и советских, но мало политизированных, далеких от сколько-нибудь глубоко осознанной коммунистической идеологии. Проще говоря, от здравомыслящих, не обремененных ментально знанием и пониманием законов социального бытия. И потому заслуживают доверия к их непредвзятости.

КТО МЫ, ОТКУДА И КАКОГО РОДА-ПЛЕМЕНИ?

Запись 1. На первый взгляд, искать ответы на эти вопросы, все равно, что «дурью маяться». Васюк Сорокин, наш большеужинский «сорви-голова», вроде бы конкретно обозначил, откуда мы, когда горланил вчера частушку, выбивая на пяточке в заулке подворья Дарушиных, где в теплое время собирается наш молодежь, дробь пьяного трепака:

*Ребята тише-тише! Не на тех наехали.
Мы с-под озера Ильменя погулять приехали!*

Рифма, конечно, подкачала, зато адрес точный. Деревня наша Большой Ужин стоит на Южном побережье озера Ильмень. В былинах про гусляра Садко оно морем называется. И, судя по сказу о гостевании Садко у морского царя, глубина Ильменя была некогда немеряна.

Правда, когда однажды выйдя с отцом в очередной раз на его сойме в ночной плавной промысловый рейс, я в нескольких местах измерил эту глубину в десятке верст от берегов, привязав к капроновой нитке железное грузило, она оказалась от силы метров девять-десять. Было это в августе, когда озеро сильно усыхает. Но даже в половодье глубина его вряд ли превышает двадцать-двадцать пять метров.

На уроке физической географии я спросил учителя Сергея Галактионовича Жилинского, почему так? Былинники ли нафантазировали, не бывая на просторах Ильменя, или озеро со времен Садко обмелело?

— И то, и другие, и третье. . . — невозмутимо ответил он. — Особенности былин вам на уроке литературы объяснят. А на моих уроках вы должны запомнить факты физической географии. Почти все озера со временем мелеют, но есть среди них и такие, которые иногда вследствие землетрясений и карстовых провалов дна становятся глубже.

Предполагается, что ваше озеро выкопал в глубокой древности сползший со Скандинавских гор, скорее всего с Кольского полуострова, гигантский сколок ледника. Их, вообще-то, много доползло до Среднерусской равнины. Часть их не пустила дальше на юг Валдайская

возвышенность. И они просверлили в ней ложбины озер: Селигера, Валдайского, Ильменя, Белого и других, менее крупных.

Другие, походя, сотворили Онежское, Ладожское, Чудское, Псковское озера. И, минуя справа Валдайскую возвышенность, продвинулись дальше на юг. Рождая все менее крупные озера и истоки побежавших вниз, в основном к югу, рек Волги, Днепра, Дона. . .

Как сверлили?..

Так многие из вас, наверное, видели, как тают выброшенные в шторм на берег после суровой зимы крупные льдины. Выглянув, весеннее солнце с южной стороны буквально съедает бок, и льдина вследствие изменения центра тяжести начинает крутиться вокруг него, загребая часть гальки или земли. И когда растает полностью, то оказывается, что образовалась более или менее глубокая лужа.

Так вот и Ильмень образовался.

Поскольку осколок ледника, повторяю, был гигантский, то таял и вертелся он многие десятки лет. И соответственно, просверлил ложбину немаленькую. Так же и другие осколки таяли. А в совокупности, просверлили они, видимо, цепи таких ложбин. Скорее всего соединенных друг с другом излишками талой воды.

Вот вам и былинное море-океан, по которому бегали корабли не только Садко, но и Васьки Буслаева. . .

Но возвратимся к уроку. . .

Давай-ка, Владимир, перечисли нам, какие в Евразии самые крупные озера? – спросил он неожиданно, заподозрив, вероятно, и это было вообще-то с его стороны оправданно, что я своими второстепенными для темы урока вопросами пытаюсь, как это иногда бывало по просьбе приятелей, увести его в сторону от традиционного для него опроса наших знаний. . .

То, о чем он спрашивал, да и не только это, а вообще изучаемый нами курс физической географии, я знал назубок.

Начал с Каспийского и Аральского морей, пояснив, почему их можно назвать и озерами. Затем назвал Байкал, Балхаш, Лобнор, Телецкое – в Азии. И соответственно, – Ладожское, Онежское, Чудское, Севан на европейской части СССР, Венерн, Балатон, Женевское озеро в Европе. Заодно сказал, почему наш Ильмень, вологодское Белое и Псковское озеро, как и Неро возле Ростова Великого при всей их легендарности являются средними или даже малыми водоемами.

После моего ответа Сергей Галактионович начал объяснять следующий урок. А там и звонок на перемену. Приятели были довольны, только вот об Ильмене разговора больше не было.

Но тут уж я сам дал волю своим фантазиям. В частности, представил, что было, если все северо-западные озера соединились в сплошное водное пространство с южными водоемами и водными артериями Средне- и Южнорусской равнины. Получился океанический простор от Белого

до Черного моря и от Волоколамской гряды Валдайской возвышенности до Балтийского моря и Прикарпатья.

Так что было в древности, где разгуляться корабликам Садко и ходившего на Царьград Василия Буслая.

А куда же делась потом та вода?..

Да под землю за сотни лет ушла или на мелководье лесами да кустарниками заросла, заболотилась. И сначала торфяниками загатилась, а сверху перегноем листьев и песчано-глиняными наносами да илом в пашню забутовалась. . .

Правда, одноклассник Федька Балин балабонил, что ледник пробуравил для Ильменя впадину глубиной в 600-700 метров, а такую ямину и за 10-15 тысяч лет с конца ледникового периода не заилишь и плитняком не застелешь.

А ведь у нас, в Кукуевке, Устрике и в Коростыне — сам видел, от берега в воды озера всюду расколотый плитняк уходит. Под ним мы на мелководье налимов руками ловим.

Так, Федя — фантазер, пожалуй, еще похлеще меня. Это насчет глубины. А доломитовый плитняк — он за тысячи лет и из воды за счет каких-нибудь мертвых хламидомонад, мириады которых к июлю озеро ежегодно в зеленый цвет красят, мог образоваться.

. . . Но все это конечно не ответ на вопросы, кто мы, какого рода-племени и откуда. Русские мы, а всегда ли были ими?

Запись 2. И все-таки, кто мы?.. Сегодня этот вопрос вновь всплыл в моей голове, взбудораженной чтением евангелий. . .

Произошло это потому, что мы учимся во вторую смену. Но ведь зимой у нас после второго урока становится уже сумеречно, а идти нам в тот или иной конец часа два. Как раз в глухую темень до наших деревень доберемся. И потому мои ужинские со-ватажники намылились сбежать домой до сумерек. Я же отказался сбежать с уроков с ними за компанию. А когда после пятого урока мы, не сбежавшие с него, высыпали гурьбой на улицу, Борисово окутала глухая ночь.

И главное, развьюжилась пурга.

Пускаться одному в пустынную на пять верст до Малого Ужина дорогу в такую непогоду, да в глухомань, мне пожутковалось. Ведь многие видели следы шастающей окрест стаи волков или одичавших собак. Их в войну расплодилось и до сих пор еще бегают уйма.

Трофейные винтовки милиция за последние годы все конфисковала, а охотничьи ружья мало у кого сохранились, вот они и каштуются в свою волю.

Да волки и собаки еще ладно бы, людей они пока вроде бы не трогали, и можно бы рискнуть. Так в пургу ночью ни зги не видно, дорогу толком не разглядишь, того и жди, в канаву или какой ручей загремишь.

И я решил заночевать у деда Федоса и бабы Палаги Бабичевых. С ними отец о такой возможности для меня еще с осени договорился, оставив мне для пропитания мешок картошки да торбу сушеной рыбы.

Бабичевы проживали в центре Борисова, недалеко от магазина. Оказавшись у них, поужинал картохой. Потом решил задания по алгебре и геометрии, пробежал глазами — читаю я со второго класса бегло, хотя многие у нас и в пятом класса читают по слогам, как христоматийный толстовский Хвиллиппок, — все, что нам задали по учебникам на завтра.

А под конец, за неимением другого чтива, начал читать принадлежащие Федосу переплетенные одним томом евангелия от Марка, Луки, Петра и Павла.

Заинтересовался ими потому, что у нас дома богословских книг не было, только какие-то листочки с молитвами, которые всучивали маме попрошайки в благодарность за подавания именем Христовым. Листочки эти лежали в коробке из-под монпансье, задвинутой на божнице за икону богородицы. . .

В разгар чтения евангелий что-то тренькнуло у меня в памяти. И, когда дед Федос подошел к иконостасу, возле которого я лежал на своем сеннике, чтобы подправить фитили лампадок, которые давали свет не только святым, но и мне для чтения, спросил его:

— Дедушка Федос, а кто мы?..

Дед Федос удивленно моргнул, какое-то время искося взглядывался в меня недоуменно, потом хмыкнул:

— Как это, кто? Ты правнук нашего наставника в вере, праведно почившего в бозе Миколая Кузьмича. Я — Феодосий, сын батюшки своего покойного Никиты Пантелеевича. . .

— Да я не о том, — конфузливо пояснил я. — А о том, кто мы в этом мире? Вот мужики в озере порою шумят соседям «Навались, братья-славяне!», «Живей, славяне!» . . .

А в их компаниях хохол Бандура, похоже, литовец Глодус, незнамо кто Юшин, Чичок. . .

Или вот, мы в этой четверти читаем «Тараса Бульбу». А ведь и написавший повесть Гоголь, и Тарас — оба из хохляндии. А Тарас то и дело восклицает: «Мы русские!.. За землю русскую!..» или сражается, по его утверждениям, за веру православную, за братство христианское в казачьем кругу. . .

Вот я и думаю, кто я, славянин, православный по отцу, духобор по прадеду или старовер-раскольник по деду. Или и то, и другое, и третье? И как это все взаимосвязано?..

— А, вот ты о чем! Ты же, чадо, евангелия читаешь. Славное это дело, богоугодное. И ведь именно в них апостолы сына божьего ответы на твои вопросы уже давно дали. Конечно, мы славяне, потомки через Словена и его брата Скифа от самого Иафета, сына Ноя. . . И православие наше того же корня. . .

— А разве потомки мы не от Адама и Евы?.. А наше православие и христианство не от Иисуса Христа? Так он же, судя по богоматери, евреем был. Откуда тогда евреи-то взялись?

— То беси, внушая тебе такие вопросы, в искушение тебя вводят. Молись, чадо, чтобы избавиться от его искуса, молись! А не то заведет он тебя в омут сомнений, юродствовать начнешь. Молись!..- сердясь, цыкнул на меня Федос.

Чтобы не сердить его еще больше, я перекрестился, глядя на лампы иконостаса. Дед вздохнул удовлетворенно и ушаркал валенками в чулан, где у них с бабой Палагой был спальный закуток.

Запись 3. Что-то я позавчера ничего не понял из поучения деда Федоса. Ну ладно, положим, Словен наш древний предок и по нему мы словени или славяне. А русские откуда?

У Блока есть стихотворение, в котором он с вызовом утверждает — «Да, скифы мы!». А ведь он был старинного русского рода. Брат Словена Скиф русским был что ли? Так Скифия, это мы в истории Древнего мира учим, на южном Причерноморье и Приазовье, вроде бы, шебуршилась. А мы северяне. Ни скифских курганов у нас, ни чьих остатков городищ никто никогда не находил. Непонятно. . .

Попробовал спросить у отца, у дяди Саши Булаткина и дяди Миши Куликова о том же, что у Федоса пытался выяснить. Ничего нового от них не услышал. Отец, как всегда, когда не знал, что мне ответить, сказал:

— Не думал об этом. . . А вообще-то хохлы и полешане, и многие другие, даже поляки и румыны, не говоря уже о болгарях и сербах, все они, как и мы русские, славянского рода.

А почему мы по-разному поименованы, не знаю. Может по месту проживания, как полешане из Полесья или просто кличка по какой-либо примете, как у малороссов из-за их чубов, называемых у нас хохлами. А у нас вот город Старая Русса, может по ней мы русскими самоназвались.

А вообще, хоть горшком назови, только в печку не ставь!..

— Оно так, только вот у Пушкина хохлы живут в Малороссии, у Лескова полешане — в Белоруссии, а мы, согласно роману Толстого «Петр I», в России — Руси. . . Мы что, как и они, все русские. . .

— Ой, Волоха, думай меньше, сынок. А то ум за разум заскочит, ненароком с ума смолоду рехнешься. . . - посоветовал он.

. . . Дядя Миша на мои расспросы только ухмыльнулся:

— Забыл я евангельско-библейские мудрости. Да и вообще знал их разве что по псалтырю.

А про нашу родословную запомнил только то, немногое, что говорил нам перед смертью дед Миколай Кузьмич. Почему немногое? Да мал я тогда был и в пол-уха слушал деда.

Но помнится из его слов, будто уехали наши предки во времена Никона из Москвы. Одни за Волгу в леса к кержакам. Другие — на севера, к пермякам да мурманским поозерам. Третьи — в Торжок. . . Вот из торжокской поросли и протянулась наша ветвь на Новгородчину.

— А есть и другой слух, будто из Торжка наш родовой корешок пришел с воевавшей Новгород ратью Ивана Грозного. Был ранен под Старой Руссой, да так и застрял здесь, женившись на старорусской духоборке! — вмешался в рассказ дяди Миши отец.

— И этот слух, и другие — я тоже слышал.

Вообще, гуляли в нашем роду сказки, будто кто-то из наших предков задолго до деда Миколая в Новгородской Софии спор с архиереем о вере вел. Был бит, сидел в яме, потом ушел в старорусский раскольничий скит. Ведь у нас здесь до царя Петра дремучие дубравы шумели, — примирительно согласился дядя Миша.

Что касается дяди Саши, то тот в ответ на мои расспросы о его комиссаровской родословной только плечами пожал:

— Батьку я смутно помню. Малый был, когда его на первую мировую забрали, на ней он и сгинул. А matka сама ничего не знала о нашей родословной, кроме того, что ее свекра, а значит, нашего деда Тихоном звали, а бабу Махой — в честь ее твоя мать названа.

Моя matka ведь с чужой деревни, из Кателева, была за батьку сосватана. Потому я помню только одно, как дядя Лёха, раз обронил, будто нашего предка в аракчеевские времена откуда-то с южных степей сюда пригнали на военное поселение. Дядя Лёха баял, что были они из староверов-беспоповцев. . .

Запись 4. Я продолжаю «донимать», как сказала Игипит, — так мы прозвали нашу историчку Александру Григорьевну Лукичеву, протяжно называющую Египет «И-и-игиптом» — учителей своими назойливыми вопросами, кто мы, откуда и чем отличаемся от других народов?

Втолковывающая нам азы русского языка и литературы Елизавета Алексеевна Добрынская сказала, что об этом много писали до революции славянофилы, особенно сыновья Аксакова, «Детство Багрова внука» которого мы читаем в хрестоматии по ее заданиям.

Игипит же припомнила какую-то статью Ломоносова, в которой он писал-де о том, что мы отдаленные потомки этрусков. Тех самых, которые упоминаются в преподаваемой ею в данный момент древнегреческой истории.

Случившаяся при этом разговоре Елизавета Алексеевна сказала, что о мнении Ломоносова не слышала, а вот у малороссийского классика Ивана Петровича Котляревского есть ироикомиическая поэма «Энеида». В ней он пишет, что украинцы, и надо полагать, что и мы, коль мы народы-братья, — это потомки героев «Илиады» Гомера.

Припомнила, что у нее было издание поэмы Котлярёвского на русском языке, пообещала поискать для меня с условием, что я потом перескажу его поэму ребятам в день общешкольного урока словесности.

Нашла, и принесла мне в школу почитать. Забавным чтивом оказалась эта «Энеида». Чего стоит первая фраза перевода: «Эней был зело ражий малый!..»

Томик творений славянофила Ивана Аксакова, со множеством комментариев и примечаний, я нашел в нашей Борисовской библиотеке. Только мало, что в нем понял.

О славянах лучше, пожалуй, можно понять по стихотворению «Клеветникам России» Пушкина. И по тому, что мне стало доступным из труда Татищева. У подружки нашей Насти ее тезки Насти, Блиновой, оказались растрепанные, без обложки куски его «Истории Российской с древнейших времен». Она отдала эти куски мне, поскольку сама не собиралась пробираться через дебри «ять» и «еров».

Впрочем, и мне из этих разрозненных кусков труда петрова подвижника Татищева оказалось невозможно представить нашу историю связно. Игипит говорит, что более полно она описана Карамзиным в полутора десятках томов. Ими восхищался Пушкин. Да где же их у нас достанешь?

А у Татищева в одном из доставшихся мне от подружки сестры Насти то есть, другой Насти, Блиновой отрывке его труда спор ведется с норманнской теорией происхождения русской государственности и о том, кем был Рюрик, призванный Гостомыслом «володеть русской землей».

Историк доказывал, что Рюрик с его братьями были славяне. Но вот как славяне стали русскими, я из прочитанных отрывков его истории все равно так и не понял.

Игипит, когда я спросил ее об этом, припомнила, что когда она училась на историческом факультете Ленинградского университета, то слышала от сына поэтессы Ахматовой — той самой, которую обругал Жданов, в своем нашумевшем, судя по радио спорам, докладе, — будто титул русских достался нам от небольшого племени.

Которое ничем-де значительным в истории народов не отметилось, кроме того что это племя русов, канув в Лету бесследно, как камень в мох, передало нам в наследство свое родовое наименование. . .

В общем, как писал Белинской, сплошной воляпук, то есть, смесь французского с нижегородским. Или, как сказал бы Денис Давыдов, говоря о таких версиях нашей родословной: «Жомини да Жомини, а о водке ни пол слова!»*

---

* Дневниковые записи, ориентировочно за 1951-52 годы.

ВЕДУН ИВАН ВЯЗИНИН

Из дневника за 51-52 годы

Услышал я о нем на районном смотре школьных стенгазет, совмещенном с семинаром их редакторов, на котором мне довелось побывать как организатору и шефу «Борисовского школяра» нашей семилетки.

На нем, кстати, были отобраны два моих опуса для публикации в районной газете «Старорусской правде».¹ Редактор ее Александр Иванович Соколов, расспрашивая меня о моей деревне и семье, при упоминании мной моего прадеда Николая Кузьмича и о его старостатстве в молельном доме старообрядцев, неожиданно для меня развеселился:

— А еще наш ведун Иван Вязинин как-то упоминал староужинского Кузьму Филатова, вероучителя рушан-духоборов. Не твой ли тоже предок?

— Не знаю. Но вообще-то одна из наших деревенских фамилий по отцу — Филатовы. Филатовы — это все мы, по отцу Староверовы — Куликовы — Тихановы. По матери же мы Булаткины или Комиссаровы.

Но Филатовыми нас кличут только старые-старые дедули и бабули. . . А кто этот ваш ведун Вязинин? — спросил я Соколова.

— Наш историк, краевед. Если будешь селькорить у нас, может, в редакции увидишь его, он часто бывает в ней, — отвечивал Александр Иванович.

И вот, в один из своих «варочно-торговых» пеших походов в Старую Руссу я забежал в редакцию районки, чтобы отдать Александру Ивановичу свой свежее испеченный опус «Последняя кукуевская землянка».

Никому другому, даже ответственному секретарю, на вид коренастому из-за его относительно низкого росточка, — в три четверти роста Соколова, — Владимиру Шатрову, я свое «творчество» не доверял. Справедливо, опасаясь смешков сотрудников газеты по поводу моих обильных тогда, надо признаться, деревенских словесных оборотов изложения.

Александр Иванович тоже иногда лучился весельем, пробегая глазами эти обороты, но ничего обидного я для себя в этом не видел. Поскольку он тут же доброжелательно объяснял мне, почему мой словесный мусор типа ругани Настасьи Хазихи в адрес шкодника Глодуса — «Молокосос! Только из сраки вылез, а туда же!», — не годится обнародовать в газете. Ведь газета призвана, помимо прочего, нести в массы народа культуру речи. . .

Из-за ремонта второго этажа дома в переулке за Живым Мостом, где было постоянное местопребывание редакции газеты — первый этаж занимала типография, — она в этот период, в количестве пяти-шести письменных столов и одного телефона на всех, ютилась в каком-то

---

¹ Они пере опубликовываются в первой книге автобиосоциохроники Большой Ужин, ответвлением которой является настоящий опус о нашей родовой династии старообрядцев.

зале заседаний. То ли райкома партии, то ли райисполкома или иного руководящего органа районного масштаба.

Они все располагались тогда в бывшем купеческом особняке с колоннами на набережной реки Полисти. Недалеко от пристани парохода из Новгорода и по левую руку на подходе к тому же Живому Мосту.

Время уже близилось к полудню, и вся редакция была в поисково-творческих бегах.

В земледельческих колхозах и совхозах уже шла уборочная страда, а в рыбколхозах начиналась августовско-осенняя путина. Трактористы трех районных МТС спешили начать вспашку зяби и готовить ее для сева озимых культур. Строители торопились, используя последние погожие летние деньки, подвести свежие новостройки под крышу, чтобы в непогоду в относительном комфорте оборудовать их полом, простенками, наличниками окон и прочими удобствами, вплоть до электропроводки и обоев.

Поэтому сотрудники редакции разъехались по «точкам», собирая материалы для репортажей и корреспонденций.

А три редакционные машинистки растворились в зале объединенного машбюро аппарата органов районного управления в ожидании вала рукописей литсотрудников с полей трудовых ристалищ. Корректор и ответственный за выпуск газеты сотрудник пойдут на работу прямо в типографию часам к шести, чтобы до полуночи выуживать из оперативно набранных гранок ляпы районных флибустьеров пера и наборщиков.

Когда я разыскал временное обиталище редакции, дверь в залу была приоткрыта. Но меня обуяла робость, и я замаялся у входа по внешнюю сторону ее. Вспомнилось незадолго до этого прочитанное у Пушкина. Как невоспитанный невежа вламывался на великосветский бал в крестьянском армяке с возгласом — «здорово, ребята!».

И все же, подавляя смущение, просунул голову в щель и пискнул приглушенно: «Можно?!».

В зале вокруг стола Соколова, помимо него, сгрудились, что-то оживленно обсуждая, три человека — председатель из деревни Старины Карп Максимов, ответсекретарь Шатров и поджаристый очкарик лет пятидесяти.

Увидев меня, Александр Иванович призывно и в то же время указующе махнул рукой на свободный стол, молча предлагая сесть за него и подождать, когда закончится их беседа.

Прислушавшись, я понял, что третьим собеседником был старорусский краевед Иван Вязинин, названный некогда Соколовым Ведуном. Он принес статью с доказательством того, что на исходе зимы Старой Руссе стукнет 800 лет, от зафиксированного в летописи упоминания о ней.

А потому уже сейчас надо бы начать готовиться к тому, чтобы отметить юбилей не просто банальным собранием актива горожан, а всем

народом района — массовым празднованием с концертами, ярмаркой, выставками.

По его мнению, Александр Иванович, как член бюро райкома партии, должен для начала озадачить этим старорусское руководство, а затем, после принятия руководством постановления о юбилее, с помощью редакционного актива и актива городской интеллигенции, развернуть на страницах газеты показ хода подготовки к нему, подсказывая старорусцам, в каких формах это сделать.

— Да, подзатынули мы с этим делом, — сокрушенно мотнул головой Александр Иванович, и упрекнул Вязинина. — И вы, историки, тоже хороши. В руководство районом много новых людей пришло, еще не во всем ориентируются. К тому же текучка по возрождению города и района заедает. А вы-то на истории зубы съели, могли бы и раньше нам подсказать.

— Мне вот что на ум пришло, — задумчиво сказал Шатров. — Юбилей города, конечно, отмечать надо, но в районе много и других юбилейных дат намечается. Во-первых, юбилей курорта. Он у нас примечательный, кажется первый по времени появления в России. Во-вторых, первые упоминания о начале массового старорусского солеварения на дату тянут, опять же. Наши солевары до открытия соликамских руд всю древнюю Русь несколько веков солью обеспечивали.

Да и парфинские лесные предприятия одновременно с Питером появились. В его строительстве они значительную роль сыграли, целые кварталы на сваях из их леса стоят. Не случайно почти в центре Ленинграда есть Старорусская улица.

У Питера, тоже какой-никакой, пусть скромный, но юбилей близится — 250 лет. Значит, и парфинцы — юбиляры.

А дворец Екатерины как образец деревянного творчества Растрелли в Коростыне? А аракчеевские поселения, точнее, знаменитый старорусский бунт в них?..

Вы, историки, могли бы свой календарь местных стародавних событий составить, а мы бы его в план своей работы включили. . .

Поняв, о чем идет беседа, я, все еще смущаясь, негромко добавил:

— «Извините, что вмешиваюсь, тогда и юбилей наших старых деревень неплохо было бы в газете начать отмечать. А то мы в них как вне хода исторического времени живем.

— Что, что? — изумленно воззрились в меня собеседники.

— Ну, как же? В прошлом году наш учитель географии Сергей Галактионович Жилинский говорил, что в своей статье вы., — я замешкался, поскольку отчества Ведуна не знал, ибо он свою статью подписал просто *Иван Вязинин*, но, справившись со смущением, продолжал: — что вы, дядя Ваня, писали, будто наша деревня Ужин упоминалась в летописях четырнадцатого века.

А один питерский ученый-краевед начала прошлого века указывал, что такие же, не менее Ужина стародавние возрастом, и села Взвяд, Мстонь, Устрека. . .

— Это какой же ученый?— встрепенулся Шатров

— Кажется Озерецкий или Озерковский, который селения наших ладожско-ильменских и онежских краев объезжал и кратко описывал, — еще более смутился я.

— И где же ты книгу Озерецковского Николая Яковлевича читал? Я ее даже в монастырских и храмовых библиотеках Старой Руссы отыскать не мог, только в Ленинграде в Салтыковской библиотеке Академии обнаружил. А ты? — включился в разговор, ни весть чем взволнованный, Ведун

— Да в нашей Борисовской сельсоветской библиотеке. На ней еще штамп Старорусского уезда есть, — пожал я плечами, не понимая волнения Ведуна.

— Александр Иванович, это что же за чудо у тебя подвизается? — с любопытством воскликнул, повеселевший Ведун, и спросил меня: — И где эта книга теперь находится?

— Да там же, где и была. Посмотрел я её и возвратил назад в библиотеку.

— Я вам говорил как-то, что это наш автор, — пояснил Ведуну Александр Иванович. — Тот самый предполагаемый ужинский потомок вероучителя старообрядцев-рушан Кузьмы Филатова. . . У него и фамилия говорящая, Староверов Володя, — усмехнулся он, ободряюще подмигнув мне.

— Занятно!.. — протянул Ведун, протирая очки и подслеповато вглядываясь в меня. — Я хотел бы потом, при случае, поговорить с тобой о твоём предке.

— Да я о нём ничего и не знаю. И наоборот, хотел бы от Вас услышать что-нибудь о нашем прошлом, — пробормотал я.

ТО ЛИ БАЙКИ, ТО ЛИ БЫЛЬ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ

Из дневника

История эта случилась, когда я пешеходом возвращался из Старой Руссы домой, отнеся в редакцию свою очередную заметку. На этот раз о строительство в Большом Ужине клуба.

Обычно осенью и зимой я старался пуститься в обратный путь до дома в час-два дня, а весной и летом в три-четыре часа пополудни, чтобы успеть добраться до пеньковского куста деревень, а летом и до Ужина засветло.

А на этот раз я возвращался домой с изрядным запозданием против обыкновения.

Меня основательно задержали в редакции машинистка Екатерина Борисовна, а затем ответственный секретарь газеты Володя Шатров.

Машинистка, пристыдив меня, что пишу неразборчиво, потребовала продиктовать ей, написанное мной химическим карандашом. А с Шатровым мы поспорили, было, из-за его сокращений моего текста и по поводу его подозрения, не списал ли я откуда некоторые мои мудрствования.

Володя сам был еще студентом заочником Ленинградского университета и, зная манеру заочников списывать чужие работы, видеть, имел основания подозревать борзых авторов-новичков в этом же. Но я никогда не грешил такой пакостью, потому обиделся на него и отстаивал каждую свою фразу.

Как бы то ни было, из редакции я вышел, когда солнце стало явственно склоняться к вечеру. Пока я шел полгорода от центра до окраины, и оказался за вокзалом в пригороде, оно скатилось на полпути к закатному горизонту.

У меня же еще оставалось впереди более двадцати трех верст пути проселками, если идти через Крекшу и Бологижу, или двадцать, местами заболоченным, если пробираться напрямиком кустарниково-лесными тропами.

А тут еще откуда-то сбоку, точнее справа, почти пересекая мой путь, со стороны Взада, стала напоздать массивная белесая туча. Заметив ее, решил идти проселками, надеясь в случае чего переждать дождь в одной из этих деревень.

За время моего пути до Крекши, белесая туча стала темносиней, затем почернела и начала пугать ветвистыми белоголубыми сполохами. Миновав Крекшу, я припустил бегом к Бологиже, благо не был отягощен ношей. А когда подбежал уже к её первой избе, грохнул раскатистый взрыв грома.

Трах-та-та-та!

Зримо выросла со стороны все того же Взада шумная, окутанная свинцовым пологом водяной пыли стена ливня.

У Бологижи моя дорога круто заворачивала влево. В бок и спину, сбивая с ног, ощутимо толкнул, да что там толкнул — ударил ветер с дождевой пылью и буквально швырнул меня за угол избы к крыльцу в три ступеньки, с крышей из дранки и, — успел заметить, — с двумя лавками по бокам перед входной, закрытой на засов дверью.

На одной из лавок сидел, опираясь на клюку древний дед, без шапки, с бельмом на левом глазу, в ватнике и гамашах на босых ногах.

Невольно взлетев, чуть ли не кувырком, на крыльцо, отряхиваясь от дождя с пылью, я, задыхаясь от бега, то ли просипел, то ли каркнул, узнав деда Карпа:

— Здравствуй дедуль!.. Ну и несусветь божья!..

— И не говори!.. Я от загона с козой возвращался и даже до своей халупы не дошаркал, как вижу, прет туча, крутятся бесом. Как бы, думаю, смерч не закрутил. И скорей на крыльцо соседей. Ненадежное,

а все укрытие. А сусед, видать, в городе задержался, на стройке. — словоохотливо откликнулся дед Карп. . . А ты откель будешь?

— Из города домой иду. . .

— Куда? Ты ведь не тутошный. Не видел я тебя ранее.

— Видел, дедуль. Прошлой зимой в буран мы с сестрой в вашей избе отогрелись. Из Ужина я. . .

— Бывал я в Ужине. Когда молодой был, барина одного к пароходу возил. С бородой черной барин был. Баяли люди, что он по письменному делу мастак. Забыл только вот, как звали его. Многое забывать, знаешь, стал. Достойный, что-ли? — как бы уйдя в свои воспоминания, задумчиво бормотал дед.

— Не Достоевский ли? — встрепенулся я.

— Во-во, что-то похожее. . . Да нет, точно он, Достоевский. . . На берегу Перекрытицы, что ли, как сейчас помню, он жил. Мы с моим батюшкой извоз в Старой Руссе держали, и я несколько раз его на пароход в Устреку оттуда отвозил.

Он все в Питер или Москву через Новгород ездил.

А в ту пору, перед его поездкой, ураган случился, похлеще нынешней бездори. Пристань в Устреке поломал. И пароход в Ужине временно стал швартоваться. В устье речки какой-то, с шипящим названием.

— В Глушке?

— Не, вроде, по-другому называли.

— В устье Переходы?

— Может быть. . . Да не в том суть дела, просто пришлось мне барина тогда не в Устреку, а в Ужин везти.

У нас здесь тогда не проселок, а почитай тракт к нему с города вел. Не такой, конечно, как на Шимск, Холм или на Рамушево оборудованный и оживленный людом, но тоже справный, для любого тарантаса гожий.

Теперь его нет, в войну танки и тягачи, а в мирные годы трактора размесили. Да и в коллективизацию, когда единоличные покосы и пашни в единые поля сводили, тракт кое-где порушили.

Тогда же повез я барина именно этим трактом, прямиком в Ужин. Большое село было. Церковь, лабазы морозовские, трактир. . . Зажиточное, в общем. . .

Так ты, чей там будешь? — спросил он, перейдя от воспоминаний вновь к выяснению моей личности.

Посмотрев на деда Карпа, я прикинул: вряд ли он знал моих родителей, старше их наверняка вдвое. Сказал:

— Деда Кулика внук я. . .

— Это хтой-то? Не припомню такого в Ужине?..

— Того, кто был зятем ильменского артельщика Николая Кузьмича Староверова-Филатова.

— А, Лёха Примак. . . Слышал про него, а Кузьмича знал хорошо. Могутный дед был. А еще лучше знал я его сына Миколу. С ним

мы познакомились как раз тогда, когда я барина к пароходу отвозил. А потом мы с ним, скорешились и в Мануйлово вместе за лесом сгоняли.

Туда — на перекладных, а обратно перегонной сплоткой бревен Ловатью возвращались. Я для избы, а он для молельного дома, который Кузьмич для единоверцев соорудил.

Жаль Миколу, ни за понюшку табака в Волхове сгинул. Красавец, силач, всеми статьями был добрый парняга. . .

А родители у тебя кто? — вновь переключился он на спрос.

— Вы вряд ли знаете их. Мать из семьи Булаткиных-Комиссаровых, отец — младший сын деда Лёхи, Иван Куликов.

— И впрямь, не знаю. Помню из Булаткиных моего годка Лёху, сказывали, что в гражданскую войну он от газа ослеп. А до того он на шимском тракте извозом, как и я, занимался.

А из детей Примака только старшую, Тоньку Косорукую, помню, а остальных не припоминаю, вроде.

— Тетка Тоня не косорукая. С руками у неё полный порядок, — удивился я. — Умелые и работающие у нее руки.

— Это так ее прозвали, потому что в детстве она сломала руку и та у неё криво срослась. Видать, потом поправили как-то Я ведь ее только сопливой девчонкой и видел, — пожал сухонькими плечами Карп.

. . . Пока мы беседовали, гроза, прогрохотав, ушла влево от моего пути, в сторону совхоза «Анишино» и села Нагово. Однако небо, и по-светлев, тем не менее, моросило дождиком.

Дед Карп, оглядев тучи, хмыкнул:

— Обложной никак установился?! Это надолго. Пойдем, что ли, ко мне, переночуешь. . .

— Не, спасибо, пойду домой. А то мать будет беспокоиться. Я не говорил ей, что могу где-то заночевать. Успею пробежать до полной темноты верст десяток. А там опять деревни пойдут, — отказался я и попрощался:

— Здоровья вам, дедуль.

Разувшись и закатав штанины, босиком побежал легкой рысцой по обочинам проселка, благо они заросли травой. Середина же проселка была разбита колеями в месиво и еще светилась лужами.

Когда я добежал до границ пеньковского колхоза, миновал разделявший его поля с полями Бологижи обросший с двух сторон ольхой и бридняком полу ручей, — а точнее, полу канаву, за которой показались темные купы садов Чернеца, — то перешел на шаг.

До дома мне оставалось идти верст десять, причем, через три деревни. А людной потенциально дорогой я и ночью почти ежедневно возвращаюсь из школы, которая у нас фактически находится на таком же расстоянии.

Теперь, когда страхи отступили в сторону, — а я, честно говоря, все-таки побаивался ходить зарослями, которые, как поговаривали земляки,

служат пристанищем не только волчьих стай и медведей, но и городских придорожных грабителей. Они же, даже когда у тебя нечего отнять, все равно не безопасны путнику, — в мою голову хлынул рой вопросов, разбуженных расспросами и информацией деда Карпа.

ВЫГОВСКОЕ БЕЛОВОДЬЕ

Из дневника

Знакомство со старорусским краеведом Ведуном, то есть с историком дядей Иваном Вязининым, а потом дорожная встреча в Бологиже с дедом Карпом снова разворошили мое любопытство к нашим родовым корням.

Откуда и кто мы своим происхождением? Не ковыль же трава перекатная, мои предки, беспричинно и ни весть какими путями-ухабами прибитые напором исторических ветров на побережье Ильменя?

Не бездейтельно и цивилизационно бесследно же, подобно бестелесным духам, прожили они здесь недавние и давние десятилетия и столетия?

И почему они стали неудобными режимам светской и духовной власти старообрядцами? Как они выживали, будучи — как долго? — ими гонимыми? Что поддерживало их стоическое упрямство в этом их несогласии? И главное, с чем и в чем было это их несогласие?

Мои попытки узнать об этом, хотя бы что-то за горизонтом давних хозяйственно-престижных шебуршений стремившего некогда выбиться в деревенские богатеи деда Лёхи Кулика-Староверова, расспрашивая о том родителей и живых родственников, оказались малоуспешными.

В ответ на мои расспросы о причинах упорной приверженности к общинному миру и промысловой артельности легендарного у нас прадеда Николая Кузьмича и его детей, они мемеркали мне откровенно что-то несуразное.

Еще невнятнее они объясняли мне мотивы защиты Кузьмичами общинного хозяйственного и бытового лада жизни.

Похоже, мои родичи просто-напросто этим прошлым не интересовались. Или по каким-то весомым причинам не предавали огласке конкретику этого нашего родового прошлого.

Было бы что скрывать! Что дед Кулик всю жизнь рвался войти в круг деревенских богатеев? Или что прадед и прапрадед были местными старообрядческими наставниками?

Так то — далекое прошлое их предков уже давным-давно былъем поросло. . .

В конечном счете, отец, утомившись, видимо, от моего непонятого ему любопытства, как-то обронил:

— Пошарь на чердаке нашей избы. Когда мы переехали сюда с хутора, батяка много всякого барахла оттуда перевез и на него свалил. Иногда лазил туда, что-то там перебирал. Это для него скобы в бревна венцов

в сенях лестницей мною вбиты. Он, только когда смертельно заболел, перестал на чердак лазать. . .

Его барахло в углу слева от навесов для сушки и хранения банных веников свалено.

И погляди за кучей этого барахла, под застрехой. Сдается мне, хранилась там какая-то корзинка с подсчетами его доходов-расходов. А может и с какими другими интересными тебе бумагами, — добавил он, когда я метнулся к обозначенной лестнице из железных скоб.

Метнуться-то я метнулся, обрадовавшись, что хоть что-то сдвигается с места в безрезультативности моих поисковых расспросов, но в душе сомневался, что найду в куче дедова барахла что-либо стоящее.

Знал я эту кучу, видел её сто раз, когда прятал на чердаке свои поисково-военные находки. До того, конечно, как стало опасным их здесь хранить из-за обысков милиции, которая изымала наши такого рода трофеи.

Кучу эту образовал обычный сломанный или порванный землеробский инвентарь или промыслово-судовый такелаж. Свидетельство хозяйственной скупости деда, авось, мол, еще пригодится.

А отец еще вдогонку и посмеялся:

— Денег там заведомо нет, не надейся. Иначе дед Лёха нам об этом сказал бы. Умирал-то он в ясном сознании, не утратив ни толики памяти.

Тем не менее, получив от отца поисковую наводку, я все ближайшее воскресенье разбирал на чердаке дедово барахло. В основном это были хомуты и дуги, якорьки и кольца такелажа сойм, мудреные причандалы для рыбацких снастей и прелые остатки самих этих снастей и т.д., и т.п.

Раньше я на них как-то не обращал внимания.

Наконец, извлек я из вороха их и ту заветную корзинку. В ней действительно оказалась масса квитков, тетрадок с записями доходов и расходов, расписок и расчетов чего-то на отдельных бумажках. А под ними лежал пакет, завернутый в лоскут просмоленной, порыжевшей от времени парусины.

Развернув ее, я обнаружил перевязанную в несколько раз медной проволокой картонную приплюснутую кондитерскую коробку фирмы «Смирнов и сыновья».

А между витками перевязи на крышке коробки можно было прочесть надпись «Бумаги Кузьмича и Кузьмы».

С предвкушением удачи кладоискателя, раскрутив медную перевязь, открыл коробку и огорчился. Надо же, какой облом моим надеждам обогатиться открытиями!

В тот момент меня вообще-то можно было понять. Если в бумагах прадеда Кузьмича пестрели бесконечные «ижицы», «ять» и «еры», которые я по книгам деда Федоса мало-мальски научился толковать, то

в записках Кузьмы царил церковнославянский полуустав. В его дебрях я разобраться при всем моем желании был не в силах.

Впрочем, при всей моей непривычке к дореволюционному письму полууставом можно было уловить, что в записях прадеда преобладали молитвы, черновики ходатайств и обращений в разные канцелярии, а также письма его сыновей к нему из их служебных далей.

А в свитке прапрадеда угадывалось нечто вроде записей о его хождении на северное по отношению к Ильменю Выг-озеро. В какую-то, «святую Обитель».

Свои ходатайства и обращения Кузьмич начинал писать уставом, и эту часть их я понять сумел. Но затем он переходил на беглый полуустав, почему я и сделал вывод, что это были его черновики или неудачные варианты документов.

Большая часть всех этих текстов была написана именно полууставом. Письма сыновей тоже писались им же. И в них я, как уже говорилось, понимал смысл с пятого на десятое. То есть, почти никак.

Ну а в записках прапрадеда Кузьмы я вообще ничего не разбирал. А у нас нигде, как на грех, даже в сельсоветской библиотеке нет ни церковнославянской азбуки, ни церковнославянского словаря.

Так что большая часть этих записок, особенно когда в ней встречались старославянизмы, а их было в записках множество, оказалась для меня загадкой, подобной грамоте, начертанной китайскими иероглифами.

Обратился было за помощью к отцу, более старшим дядям и тетюшкам, в надежде, что, может, они вспомнят дореволюционное письмо и церковнославянский язык. Но никто из них такими премудростями не владел. Одни эти премудрости они благополучно подзабыли, а другие же и вообще не знали.

И в конце концов, я понял, что помочь в моих затруднениях мне могут только два человека — Ведун и дед Федос.

К Ведуну я обратиться за помощью постеснялся. Это ведь чревато для него потерей времени, которым он, по его словам Александру Ивановичу, весьма дорожит.

Да и мелькало в моей голове опасение, что если записки Кузьмы попадут ему в руки, то только я их и видел. Из переписки Татищева с императорской канцелярией, приложенной к его древней истории Российского государства, я понял, что увлеченные поисками источников познания далекого прошлого историки не стесняются охулки присвоить себе архивные находки своих собратьев.

Правда, воровали их у него тогда его собратья из иностранцев, пребывавших на царской службе. Но так ли уж изменились нравы в этой среде?

В общем, я пошел на поклон к деду Федосу. Выпросил у мамы часть отцовской «варки» в качестве подарка деду и в ближайший вечер, хотя

погода была хорошая и никаких намеков на приближение пурги не было, чтобы проситься к нему на ночлег, заглянул в его домишко.

Дед Федос на мой вопрос, не может ли он перевести мне текст с церковнославянского устава и полуустава на современный лад, сначала заполошно замахал руками:

— Что ты, милый! Кроме божественных книг издания времен последнего российского монарха мне уже, пожалуй, полвека читать церковные новинки не доводится. . .

Но услышав, что речь идет о бумагах Николая Кузьмича и записках Кузьмы о его хождении к старообрядцам поморцам на Выг-озеро, осветился радостью.

Правда, сначала на его лице написалось полу недоверчивое изумление моей поисковой удаче. Потом он обрадовался находке и охотно согласился попробовать перевести на современный язык не только бумаги своего бывшего духовного наставника Николая Кузьмича, но и записку о хождении к «святым местам» на Выг-озеро отца этого наставника и моего прапрадеда Кузьмы.

Недели две, считай, он корпел над своим переводом, а потом предложил мне записать этот перевод самому под его диктовку. Я так понял, что у него вообще-то был свой письменный текст перевода, но его он мне не дал:

— Пишу я в старости уж больно неразборчиво, тебе трудно будет мой почерк разобрать. — уклончиво сказал он сначала, а потом прямым текстом сердито добавил:

— Переводы мне тоже пригодятся, особенно молитвенника Кузьмича. Да и записки Кузьмы о «Поморских ответах» на вопросы Синода, привезенные ученым иеромонахом Неофитом выговским поморцам. А тем более, о причинах раскола единства общества поморских беспоповцев и обстоятельствах зарождения филипповского согласия.

Они мне тоже интересны.

И вообще, хватит тебе уже того, что я возвращаю оригиналы. Ведь их ты мне, небось, не отдашь?

— Не отдам, дедуль. Такую память о предках, кто же в своем уме отдаст. — подтвердил я. . .

Впрочем, уже записывая перевод деда Федоса, я понял, что он у него получился временами невнятный, а местами путаный. И осознав это, перечитав этот перевод несколько раз дома, с сомнениями и сожалением передал дорогие мне самому бумаги Ведуну. Тот уверил меня, что у него они будут в большей сохранности.

Но окончательно Ведун убедил меня, что лучше будет, если бумаги окажутся в его распоряжении, обещанием:

— Может мне удастся рассказать в печати о содержании бумаг твоих предков и о них самих. Если не в газете, то в книге о прошлом и настоящем старорусского края. Над ней я сейчас и работаю. . .

* * *

Ведун исполнил свое обещание, но лишь частично. Хождение Кузьмы на Выг-озеро и то, что Кузьма унес с собой, чтобы использовать увиденное и услышанное там в своих духовных наставлениях единоверцам-рушанам, осталось за рамками внимания опубликованной книги.

И я хочу когда-нибудь поведать о духовных и иных ценностях, почерпнутых тогда прапрадедом. Притом, не только в Даниловском монастыре, на реке Выг, но и в общежительстве старообрядцев, на Выг-озере.²

---

²Что я и сделал в недавней своей книге «Россия и её деревня, историческая обусловленность их социалистического развития». М.2019.

Глава четвертая ИСКАНИЯ МОИ И МОИХ ПРЕДКОВ

В январе, перед святками 1952 года на обратном пути из школы домой я попал в жуткую пургу. Она обрушилась на меня сразу по выходе из Борисова и пронзая насквозь мое ветхое пальтишко, холодила меня пять километров до Малого Ужина, а затем с километр от него до Большого Ужина. И конечно, полученные мною в Шимском концлагере хронические болезни, — бронхоэктатическая, эвфизема и склероз легких, — обострились.

По исходе сочельника они обернулись обширным воспалением их, которое, то спадая, то снова усиливаясь, продолжалось практически до середины марта.

Все это время в школу я, естественно, не ходил.

Одноклассники, кроме Володи Булаткина меня не навещали, поскольку живут в разных отдаленных деревнях. А с живущим помимо Володи сыном нашего тогдашнего председателя артели Коляном Сорокиным мы не то, что враждовали, но были в натянутых отношениях.

Володя приносил мне задаваемые им на дом уроки и пересказывал, что они в тот или иной день проходили в школе, но он был не то, чтобы нерадивым, а малопонятливым учеником. И я не всегда улавливал в его пересказах, чем они занимались на уроках в школе.

Так что, пытаясь учиться самостоятельно, я учился произвольно и, как догадывался, малопродуктивно.

В моменты облегчения болезни, я пытался, как и обещал Ведуну, расспрашивать своих старших родственников о жизни наших предков.

Знали они об этом немного, но перекрестные расспросы их все же позволяли мне составить о ней некоторые представления. Тогдашние записи по свежим следам того, что я узнал от них, и составляют опису этой главы.

НАШИ СТАРОВЕРОВСКИЕ КОРНИ

К этой теме, то есть к обстоятельствам появления нашей династии, фамилии и жизни ее первых обладателей, я впервые краешком прикоснулся, расспрашивая отца, его последних прямых родичей — дядю Мишу и тетку Тоню.

Интересовался, не доходили ли когда-либо до их слуха чьи-либо воспоминания об ужасах жизни наших предков времен военных поселений, живших в условиях драконовского режима Аракчеева?

Они царили в наших краях в 30-е годы прошлого века. Из-за чего в Старой Руссе было восстание военных поселян.³

Эта форма крестьянского бытия и события в связи с ней заинтересовали меня потому, что упоминались в одном из писем А.С.Пушкина, собрание сочинений которого, том за томом, я таскал домой из Борисовской библиотеки, перейдя в шестой класс. А дома, соответственно, зачитывался ими, и даже делал выписки из его эпистолярного и критического наследия, поражаясь исторической прозорливостью его автора.

Чего стоит только его предсказание в «Евгении Онегине» того, что будет в нашей жизни «лет через пятьсот...»! Все оправдалось, и не через пятьсот, а всего через сто лет.

Отец, будучи младшим сыном деда Лехи Кулика-Староверова, похоже, никогда не интересовался стариной. На его долю и без того вдосталь пришлось немало событий тех лет первой половины двадцатого века, которые он был способен по своему возрасту запомнить.

То есть, начиная с периода первой мировой войны.

А вот дядя Миша и тетка Тоня родились еще в прошлом веке, к первой революции дяде было лет десять, а тетка вообще уже была, как у нас говорится, паровой девицей. Так что на их память у меня было больше надежд.

И действительно, по словам дяди Миши, мой прадед долгожитель Николай Кузьмич, похожий в старости на некрасовского святорусского богатыря Савелия, бывший во времена упомянутого бунта старорусских военных поселян молодым парнем, на склоне лет вспоминал:

«Аракчеев ведь все рыбацкие деревни на побережье Ильменя под военные поселения записал. Каждая деревня у его писарей — воинская единица: пост, караул, взвод, рота.

А в нашем Старом Ужине был штаб воинской организации, охватывавших проживавших в окрестных деревнях — от Коростыни до Взада, — записанных в ратники поселян и строевых вояк при них. В штабе том — множество офицеров с денщиками, вестовыми и писарчуками.

И, поскольку для комплектования воинских команд не во всех деревнях хватало местных мужиков и парней, то они пополнялись строевыми ратниками, бывшими для поселян вроде надзирателей-инструкторов и сторожей.

---

³Военные поселения, особая организация войск в России. Совмещали военную службу с занятием сельским хозяйством. Устроены они были на казенных землях Петербургской, Новгородской, Могилевской, Херсонской и др. губерний. С 1817 г. подчинялись А.А.Аракчееву. Муштра, жестокий режим, строгая регламентация жизни поселян вызвали восстания: Чугуевское, 1819, Старорусско-Новгородское, 1831, и др. Ликвидированы в 1857 году, после поражения в Крымской войне, показав свою неэффективность. О возмущении восьми полков в Старой Руссе. См.: А.С.Пушкин. ПСС в десяти томах, Изд. Четвертое, т.8. Л., «Наука», 1978, с 19-21.

Да и там, где народу было достаточно, на постой в деревню ставились старослужащие и офицеры, чтобы нас строю в свободное от промысла время муштровали.

Таким макаром, проживало тогда в Старом Ужине, помимо детей, считай, тысячи полторы-две взрослого люда.

— Да это же целый городок! Сейчас в Кукуевке от силы живет человек с полсотни. Куда же делись эти люди?

— Старожилы позднее разбрелись окрест, построили новые деревни, как, например, наш Большой Ужин или Малый Ужин, Малое и Большое Учно, Маковище. А рекруты, когда воинские поселения закрыли, частью возвратились по родовым местам, другие были угнаны в иные места службы.

В нашей деревне при штабе была команда из строевых ратников в сотню человек. Они и на промысел нас почти постоянно сопровождали. Вроде как помогали нам, и в то же время следили за нами. Да и другой пришлой челяди военных органов, по словам деда, проживало здесь немало.

В общем, невозможно было ни вздохнуть свободно, ни часу остаться без их придирчивого пригляда. Чуть что, покажется им, не так, — батоги гуляют по нашей спине. А народ у нас до того был вольный, крепости-то почти и не знал.

К тому же воинские попы поселянам зело досаждали, не считаясь с тем, а может потому именно, что многие из нас были старообрядцами, приверженцами старой веры.

Потому, когда в Старой Руссе и ее пригороде по Шимскому тракту, то есть, в Дубовицах, началась бунтарская заварушка, убили там генерала и самых лютых офицеров помяли, наши воинские поселяне тоже начали все крушить. Прежде всего, воинские избы со списками поселян пожгли. Да и слишком рьяных старослужащих, особенно фельдфебелей и некоторых офицеров немного поломали.

Заодно и попов, которые слишком донимали староверов, а нас среди тогдашних старожилов было немало, чтобы знали меру своей лютости, для науки их потрепали.

Ну а потом, как свойственно, последовала расправа с нами. Прислали к нам команду строевых ратников на усмирение.

У них оружие, и что мы можем против него сделать?! Вспыхнули-то мы нежданно-негаданно, оружие не сумели захватить. Только сговорились, коль списки уничтожены, не называть свои фамилии. Наивные были, полагали, что без этого строить нас во фронт будет невозможно.

Однако установили нас в шеренгу, начали спрашивать:

— «Фамилия?».

Все молчат. Только, кто молчит, того на козлы или просто на землю под батоги или розги. Все равно молчим. Утомился их воинский начальник, говорит:

— «Ладно, каналы, не хотите говорить, я сам буду давать вам ваши фамилии, с ними будете до смерти ходить».

И стал давать. Надо сказать, с выдумкой. Кто хмур — Филиным поименовал. Если непонемучку строил — Лобачевым, обладателем, дескать, толоконного разума. А кто многословно глаголил, оправдывался — Сорокиным обозвал — трещит, мол, как сорока, да смысла мало. . .

А писарь за ним все это записывал в журнал. Дошел воинский начальник вдоль строя до нас с батей, рявкает нам: — «Фамилия?!..» А тятка мой Кузьма, царство ему небесное, повыше и помогутнее меня теперешнего был, борода до пупа. Молчит, ни гу-гу. Молчу и я с ним.

Разложили нас на козлах, розгами, потом кнутами порют. Окровянили нас до костей, а мы молчим. . . Утомился начальник, хрипит от злости:

— У, разбойники! Раскольники, духоборы нечестивые, староверы упрямые?! Староверовыми будете впредь. . .

Так-то мы и стали Староверовыми. А раньше мы Филатовыми звались, да и ныне нас, как знаете, чаще этой деревенской фамилией именуют⁴.

* * *

. . . Следующее предание, уже о моем прапрадеде Кузьме Филатове, поведала мне и Володе Булаткину, опять же ссылаясь на Николая Кузьмича, тетка Тоня — старшая сестра отца и дяди Миши, да и всего умершего и погибшего к этому времени потомства деда Кулика:

— Старый Кузьма, он ведь просветленным, тоисть, грамотным старообрядцем был. А потому вероучителем у них слыл. И первым защитником от неправедных наветов и придинок попов, поставленных в окрестные церкви, и особенно в староружинский храм Старорусской епархией.

К тому же староверы ведь не всегда с попами-никонианами смиренными овечками были. Считаая этих попов «слугами антихриста», они иного долгорясного своими каверзами так доводили, что тот заваливал епархию своими слезными прошениями, перевести его в другой приход.

Сын старого Кузьмы, наш с твоим батькой дед, Кузьмич, баял, что его отец даже с новгородским архиереем лаялся и, в споре о таинствах святых писаний, забивал того. За что сам был бит и в монастырский подвал, как бесноватый, в наказание сажен. Долго будто бы сидел там. Да как-то сподобился бежать оттуда и много лет скрывался в лесном скиту.

Туда к нему и единоверцев-рушан единомушники его водили, чтобы он давал им духовные наставления. . .

---

⁴После хозяйствования унаследовавшего у прадеда Кузьмича хутор колоритного родича-примака деда Лехи Кулика Сердитого нашу ветвь филатовского рода стали именовать Куликовыми.

А сыновьям и жене он запретил навещать его, чтобы себя и скит их потаенный не подводили. Следили за ними. Особенно староужинские, борисовские и пеньковские попы.

Да только мало что им тогда эта слежка давала: наши, за три после Никона века церковных гонений-то, наловчились знатно секретничать.

Тем не менее, в Крымскую войну старшего брата Кузьмича Гриху в Севастополь забрили, где он и сгинул. Потом среднего — Федорука — на Кавказ чеченов воевать погнали. А ведь он уже женатый был и двух детей имел. И тот канул без следа.

Двое младших умерли, так и не повидав больше батьку.

Повезло было одному Миколаю. Что-то там, в царственном Питере у очередного императора Александра случилось, и светлый старовер ему какую-то важную услугу оказал, так старообрядцам послабление вышло.

Воинские поселения у нас к этому времени искоренили, только и Кузьма каким-то образом сгинул бесследно.

Зато дед наш, тоисть, Миколай Кузьмич, в ту пору в силу и авторитет вошел, молеальный дом старообрядцев в Старом Ужине построил и старостой при нем стал.

А потом все опять переменялось, Победоносный⁵ какой-то делами веры в нашей стране начал ведать, и снова гонения на нас начались.

Деда не стали трогать, он старым к тому времени стал, за восемьдесят лет с гаком перевалило. Так заместо его, его детей, а потом и внуков Кузьмы начали гнобить. Кого через войну опять же, кого иными способами.

Последнего сына, статного красавца Колю, получается Миколая Миколаича, через поповскую девку извели.

Он к этому времени первым помощником отцу в молеальном доме стал, потому тот его готовил в наследники — и по делам веры, и по хозяйству. За то, баяли люди, его присные Старорусского архиерея, сатаной честили, и карами ему грозили.

Пошел Коля на крещенский праздник в гости к родичам Боркановым в Пеньково, а там пристала к нему поповна, подружка сестры его троюродной, с предложением выпить медовухи. Сестра подумала, что поповна через медовуху с братом сблизиться хочет, подыграла ей.

Вдвоем уговорили они Колю выпить медовухи. Да видать, отраву в нее было насыпана. А не то, так и подлита в эту сыть. Баяли люди, табак какой-то поповне той был из городской епархии для такого случая передан.

Значит, выпил Микола медовухи, и ему вскоре так ли худо стало. Возвратился с гостевания, будто шальной.

И вскоре заговариваться начал, потом буйствовать стал.

---

⁵Видимо, тетка Тоня имела в виду обер-прокурора Победоносцева К.П., крайнего реакционера, серого кардинала Александра Ш.

Повязали его и к фельдшеру в Буреге. А тот поглядел и приказал везти в Новгород. Так, Миколая в Колмово, в желтый дом к сумасшедшим отвезли. Это тот, что на дальней тогда окраине Новгорода, он и посейчас там находится за рекой Волховым.

Пробыл Микола в том доме с месяц. А потом, то ли лекарство подействовало, то ли время прошло достаточно для того, чтобы натура сама справилась с отравой поповны, а только пришел он, позже рассказывали, в ясный разум.

Да к этому времени уже и весна началась.

Миколай рвется домой, его уговаривают подождать, когда ледоход пройдет, чтоб через Волхов на лодке перебраться. А он возражает, что на Волхове пока еще ни одной трещины. . .

В общем, не выдержал, убег ночью, и через Волхов пеше. А Волхов возьми, да и тронься. Ведь он какой, с озера Ладоги вешняя вода наперла, лед и треснул по всей реке разом. Так, и Миколай сгинул.

Последним, младшим сыном он был у Миколая Кузьмича, для наследия осталась только дочь Мариша.

Рослая, вся в отца, а только замуж ей из-за того, что дочь старосты старообрядцев, выйти было непросто.

Только после гибели последнего брата в этом разе ей крайне стало надо выходить замуж. Не только время пришло, а и позарез как хозяйственная надобность: у Миколая Кузьмича было справное хозяйство и его надо было кому-то рачительному человеку вместе с Марией передать.

Миколай Кузьмич, конечно, хотел передать свой нажиток единоверцу. И такого рачительного парня староверческого толка он нашел в Чернце.

Этот парень из старообрядческой семьи Тихановых, взятый дедом в примаки с условием, что тот возьмет дедову фамилию, и стал нашим батькой.

Пара сложилась, если поглядеть со стороны, можно сказать, смешная. Мать крупная, большая, массивнее меня, — тетка Тоня была с довольно внушительной фигурой — и медлительная, а отец маленький, меньше Вани, твоего батьки, и неугомонно юркий. Все время хлопотал по хозяйству.

Быстро забрал все дела по хозяйству в свои руки, чему Миколай Кузьмич не препятствовал. . .

Только после смерти деда батька таким ли властным стал, всех нас, невесток и зятя даже, моего суженного Васю, по струнке заставил ходить и первого его слова без возражений слушаться.

К тому же мать пытался поколачивать, на что без смеха глядеть было не в моготу: он маленький, а насакивает на нее с кулаками, как щенок, на матерую медведицу.

И все же четырех сыновей они нажили и вырастили, да я пятая из детей. Выйдя после первой революции на хутор, он утроил хозяйство Миколая Кузьмича и несколько раз в богатей норовил выйти, да все не тот, так другой случай мешал.

К счастью, а то в двадцатые годы борисовские сельсоветчики и ужинские комбедчики его и без того порывались раскулачить. Только куликовской смекалкой и выкрутился. Не зря у него и одно из прозвищ было — «Кулик Хитрый»...

* * *

... Многое в рассказе тетки Тони мне было непонятно:

— Ведь духоборы и многие другие старообрядцы вроде были противниками военной службы? И я читал, кажется, где-то, будто до революции их не брали в солдаты, — с сомнением полу-вопросил я.

— Вряд ли, тогда бы и русская армия была малой. Ведь духоборов, как и старообрядцев-беспоповцев, и вообще, отвергавших новообрядчество никониан было множество. Во всяком случае, в нашем уезде перед первой мировой войной добрая треть рушен была явными или тайными староверами. Не могли такую уйму людей освободить от службы в армии...

... А, если даже и так, то наши деды ведь были жителями военных поселений, — напомнил мне случившийся при нашей беседе с нею дядя Миша, — А в них царили иные общие порядки. Коли и были такие правила, не забривать старообрядцев в солдаты, то в этих поселениях они не действовали.

В них все общелюдские законы заменял военный артикул, устав. Он ни для кого не делал исключения.

— Но в военных поселениях были, наверное, еще и местные общины, а в них свои мирские вожак. Они что же, тоже были послушны ополчившимся на староверов попам? — упорствовал я. Наверное, потому, что мы только что на уроках литературы обсудили рассказ Тургенева «Бежин луг».

В ходе обсуждения его, комментируя разговоры у костра стерегших ночью своих коней сельских ребят, Елизавета Алексеевна разъяснила нам всеобщную обязательность жить по правилам общинного порядка тогдашнего мужицкого бытия.

Делая упор на том, что весь уклад жизни и судьбу каждого мужика решал общий сход местной общины, объединявшей жителей одной или нескольких соседних деревень.

— То-то и оно, что в аракчеевских военных поселениях общинные порядки соблюдались разве что в мелочах. А всеми важными сторонами жизни ведал воинский начальник.

Церковь в них имела двойное подчинение. В епархии, баял Кузьмич, был даже особый благочинный, который ведал такими храмами. И мест-

ные попы или были приписаны к воинским командам, или были у их начальников главными советниками и помощниками. Особенно в делах веры населения, — усмехнулся дядя Миша.

— А когда военные поселения прикрыли, разве не по иному стало? — не сдавался я. — В учебнике истории пишут, что уже до Крымской войны и особенно после Великой крестьянской реформы 1861 года царское правительство стало покровительствовать деятельности крестьянских общин. Оно увидело в них союзников против назревавшей крамолы, фискальные органы по выколачиванию податей и контролеров за поведением особо буйных мужиков. . .

— Ну, если в учебнике пишут, наверно так и было, — согласилась со мной тетка Тоня. — Только слышала я от деда Миколая, будто после той объявленной царем воли, недовольные тем, что ее дали без земли, мужики нашей волости снова, как и в годы аракчеевских поселений, несколько лет шумели и буянили.

И он, дед Микола, ходил в числе ходоков в Питер жаловаться царским министрам, что обидели их с землей-то. А заодно и на то, что притесняют староверов в вопросах веры.

В Питере-то их сановники вроде бы обнадежили, рассказывал он позднее, а когда они возвращались, то в Новгороде были задержаны караульными кардогвардии,⁶ и отведены на подворье Антониева монастыря. Там их продержали на хлебе и воде чуть ли не три недели.

А потом, видно, кто-то из Питера поинтересовался ими у новгородских властей. Приехал чиновник и приказал ходоков отпустить домой. А им наказал, возвратившись, дома больше помалкивать.

— И что, мужики так и молчали? И в годы первой революции пятого года в наших местах тоже ничего не происходило?

— Ну, в пятом году-то я был уже почти такой же, как ты сейчас, и помню, что в окрестностях мужики беспокоиничали. Там, где сейчас деревня Маковище стоит, поместье помещика было, так ему красного петуха пустили. И в Борисове лабазы Саввы Морозова пограбили и сожгли.

Хотели и староужинские его лабазы и кладовые разграбить и сжечь, да дед Миколай Кузьмич отговорил. Его мужики уважали. Прежде всего, за то, что до того, как стать старостой при молельном доме, он рыболовецкую артель организовал и большаком ее, пока силы имел, — был. . .

— А почему он Савву Морозова пощипать не дал? Ведь тот миллионщиком был, а тогда всех дворян и богачей щипали.

---

⁶Очевидно, тетка Тоня поднапугала что-то, а я, не бывая еще тогда в Новгороде, не знал, и речь в рассказе прадеда Николая Кузьмича шла о карауле при кардегардии у входа в город со стороны Питера. От врагов Новгород был опоясан с 16 столетия высоким Земляным Валом, который срыли только в 60-е годы XX века,

— Кто тебе сказал, что всех? — удивился дядя Миша. Мужики ведь за справедливость были, и если не под бунтарское настроение, то разбирались, кого щипать.

Был неподалеку от нас, в Выбитях чудаковатый князь, все опыты с садами в оранжереях и на своей усадьбе ставил. Так его ни в пятом, ни в семнадцатом году не трогали. Вот и Савву у нас тогда не тронули.

Дед говорил, что у Саввы его лабазы и лавки были не столько личные, сколько компанейски-артельные. Он ведь, как и дед, из староверов был, только другого толка. Да все равно единоведец. Вот дед и замолвил за него слово в обществе беспокойных мужиков.

В этом ему помог работник отцовской артели, то есть, уже деда Лехиной, — пояснил нам, мальчикам, дядя Миша. — Старовер-беспопонец Петруха Булаткин, слывший тогда самым бунташным старожулиянином.

— А кстати, о староверах. Вы и я до сих пор ими являемся?

— А ты себя кем считаешь? — засмеялся дядя Миша.

— Ну, наверное, ни кем, — смутился я и пояснил:

— Дед Федос сказал, что я православный. Мама рассказывала, что крестил меня архиерей в Новгороде. В избе у нас иконостас в основном из православных икон, да только рядом с ними деревянные фигурки старцев-старообрядцев. . .

А о старообрядцах я вообще ничего не знаю, кроме того, что прадеды были ими. И как это так получилось, тоже понятия не имею. . .

— Вот это у деда Лехи тебе надо бы спросить, да он, как знаешь, умер еще до твоего рождения, — со смешком развела руками тетка Тоня. — Миколай Кузьмич, приняв его в хозяйство, вместе с дяди Колиной артелью хотел ему передать и духовные дела. Да что-то у них не сладилось при его жизни. А после смерти деда отец и к делам молельного дома довольно быстро охладел.

Тут такое дело, он все к богатству хотел прислониться и опасался, что попы, как и Кузьмичу в свое время, могут ему в этом сурьезно помешать.

К тому же старостой общины у нас много лет был богатей Березин. Да и другие закоперщики в общине были заодно и состоятельные прихожане православного храма. Вот отец и опасался испортить с ними отношения. Даже окрестил нас в храме.

— А мы к тому же и в приходской школе стали учиться и, как все, закон божий учить, — дополнил ее дядя Миша. — Наставления в старой вере по смерти Кузьмича нам некому стало дать. Вот мы, как и ты с нами, и не поймем, кто же мы по вере.

Вообще же мы, конечно, православные. Ведь и староверы не какие-то иноверцы чужеземные, а во все времена, с тех пор как их предков в древности князя днепровские окрестили, исконные православные.

И немного язычники, — лукаво добавил он. — Велеса, Николу и Перуна, ставшего Ильей-громовержцем, до сих пор чтим*

ОТ ТЮРЬМЫ И ОТ СУМЫ НЕ ЗАРЕКАЛИСЬ

Я так понимаю, что староверовский род изначально сложился и существовал, как, полагаю, сказал бы Пушкин, — несмотря на отрицание им наличия аристократии после уничтожения боярства среди дворян-крепостников России,⁷ — в общественной форме своеобразной мужицкой аристократии.

Ленин вообще-то тоже наверняка охарактеризовал бы моего прапрадеда Кузьму и прадеда Кузьмича по культуре аристократами духа. А вот по сословному весу обоих он назвал бы средне зажиточными крестьянами.

Ну а патриарха нашей современной семьи деда Кулика, наверное, так прямо и обозвал бы подкулачником. Почему, поясню, когда дойду до рассказов о его житии.

А какое общественное сословие представляла комиссаровская ветвь моей родословной, по маме?

* * *

Дядя Саша, ссылаясь на свое малолетство в ту пору, когда на полях первой мировой войны погиб его отец, что-нибудь определенное о своих, а, следовательно, и о моих корнях с этой стороны вспомнить не мог.

Еще более молодая, чем он, леля Наташа тем более не могла быть моим информатором в отношении своей и моей родословной по этой линии.

Мама старше их, но и ее воспоминания касались только незадачливости ее бытия в многодетной родовой семье в тот период его, когда та потеряла в короткое время всех своих мужиков-кормильцев, и оно приняло трагическую форму беспросветного жития мужицкой гольтыбы.

И, соответственно, относительно безмятежное до того детство мамы, ее сестер и брата сменилось омраченным тяготами полу нищеты отрочеством и такой же бедной юностью.

Объяснить, почему так произошло, она затруднялась.

Помнила только, что достаток на их семейном столе зависел от того, насколько быстро и удачно распродаст ее мать, выходит моя бабушка, Анна Ивановна, рыбу. Её она развозила, впрягшись в детские салазки зимой, или разносила в заплечной корзине летом, по ближним и дальним чисто земледельческим деревням, где ее не было.

Примерно так, как мы с сестрами Настей или Клавой в первые послевоенные годы носили на распродажу в старорусских пригородах отцовскую «варку».

* Рукопись. Архив автора.

⁷См: А.С.Пушкин. ПСС в десяти томах, Изд. Четвертое, т.7. Л., «Наука», 1978, с. 99.

Эту рыбу баба Анна сама покупала у местных рыбаков. Здесь она стоила дешевле, а потому продавала она ее с небольшой наценкой за доставку потребителю.

Естественно, сама она купить могла эту рыбу на перепродажу только в тех случаях, когда у рыбаков случались фартовые уловы. Или если их не устраивали цены местных скупщиков рыбы.

Тех же приказчиков морозовского лабаза, или ее дальнего родственника староужинского богатея Прохора Березина. Тот пытался, и не безуспешно делал это иногда, конкурировать с морозовской кампанией, заставляя зависимых от него односельчан продавать ему рыбу, как можно, дешевле.

Хотя потом его приказчик перепродавал ее на базарах Старой Руссы, Новгорода и даже рынках Питера втридорога.

Это обстоятельство тоже сказывалось на колебаниях в достатке семейного стола Булаткиных. Иногда не богатого разносолами, но сытного, а иногда, порою месяцами, полуголодного насыщения домочадцев. . .

* * *

— И все же, — вспоминала мама как-то в святочный вечерок, о котором я расскажу дальше, — после революции голод был не совсем голодом, разве что в двадцать втором году, а так, хоть с лебедой, а всегда находилось, чем напиться.

А вот помнится, хотя и отец был еще живой, я крохой тогда была и чуть не умерла от того, что у нашей матки от голодухи молоко для Сашки пропало, а нам есть нечего стало.⁸

Наташка, что между мной и лелькой Лениной родилась, — ее именем позднее лелю Булаткину назвали, потому, что повторно названные именем умерших младенцев — сестры или брата — в детстве лучше выживают, — так вот первая сестра Наташка умерла, и мы все доходягами тогда стали, — сказала мама.

— Да уж был годок!..- вздохнула леля Ленина. — Только мне больше запало в память его голодухой начало века. Первый или второй год его.

Тогда только рыбой деда Николухи Куликова и спаслись. Отец и дядя Петя сойму ему сладили, а он за это рыбой расплачивался. Да иногда куль ячменя или овса на кисель подбрасывал. К тому же семян по весне отцу дал, надел наш засеять. Так и выжили.

— А мне, так двадцать второй год голодом памятен, — тихо сказала леля Булаткина. На минуту у старшей женской части стола воцарилась непонятная мне смущенная тишина.⁹

⁸ Судя по году рождения дяди Саши, это был девятьсот двенадцатый.

⁹ Потом я узнал, что именно в том году у лели Наташи стал быстро расти горб. О причинах появления его сказано дальше. Но процесс этот сопровождался еще какой-то болезнью, от которого леля чуть не умерла.

— В сорок шестом и седьмом году тоже живот подводило, — простуженно просипел я, чувствуя, что заболеваю. И как ни тихо это прошелестело, меня услышали.

— Молчи уж! — ласково потрепала мои волосенки Люся. — Хлеба в тот год действительно не было, зато вы с Николахой да Настей тогда меня совсем пупок зимой лишили, особенно ершиковых. Я их всегда обожала, а их отдавали только вам, — засмеялась она.

* * *

В тот вечер, фрагмент из разговоров в который уже приводился выше, я очередной раз услышал произнесенное с глубокой обидой имя и фамилию Прохора Березина. Создавалось впечатление, что этот Прохор Березин был, как говорили в пушкинские времена, злым гением не только староверовской, но и комиссаровской ветви нашей родословной.

Что это так, окончательно к этому выводу я пришел, послушав однажды памятливые откровения лельки Анны Лениной на святочных посиделках нашего обширного комиссаро-староверовского родственного круга.

В тот раз святки праздновали у нас дома, поскольку только у нас был свой рыбац, мой отец, и только мои родители могли угостить всех наших родственников традиционными в Приильменье святочными рыбниками.

Тогда как у вдовой лельки Анны Лениной мои двоюродные братья Серега и Мишка, как и я, еще не вышли из возраста отроков, а потому их в промысловые звенья не брали.

У Булаткиных же Павел служил действительный армейский призыв. Сначала где-то на Дальнем Востоке, потом в Казахстане. А дядя Саша после возвращения с архангельского лесоповала хворал и на озере не промышлял, разводя на подворье стаи голов в полусотню гусей и сотню уток.

Володя же был мой погодок.

И больше мужиков у них после смерти ослепшего от английского горчичного газа в годы гражданской войны деда Лехи, а, следовательно, и промысловых рыбаков, тоже не было.

Мама последними «варками» отца поделилась с сестрами и с золовкой — отцовской сестрой тетей Тоней, в семье которой тоже не было промысловиков, поскольку ровесник Павлухи Николай Теткитонькин тоже отбывал действительную службу в армии. А Юраху, из-за его тогдашнего тщедушия, ни один ватаган трех зимних неводов в свою команду не взял.

Как бы то ни было, а праздновать святочные рыбники, или что-то там святочное, что, я тогда не понял, все три условно безрыбные родственные семьи, в том числе клави́на закадычная подружка Теткитонькина Настя, собрались у нас.

Да еще промысловик дядя Миша с младшим сыном Лешей и дочерьми Машей и Раей к нам подтянулись. Старший сын его Коля, как и Павлуха с Тетитонькиным Николаем, служил в армии, а жена Надёха не ладила с мамой, и потому ушла праздновать к своим родственникам Филиным.

В нашей семье восемь человек, да гостей пришло девятнадцать душ, так что у нас собрался праздновать эти святки довольно многолюдный табор.

Сестры, родные и двоюродные, с прибившимся к ним Юрахой, Лешей и Серегой, паровавшими годами между подростками и, как сказал бы Гоголь, молодыми парубками, после застолья устроили в горнице шумный и веселый кавардак с танцами под юрахицу балалайку.

Вообще-то гармонистом, хотя еще не чета игровым мастерством Панку, был Володя Булаткин. Однако ему взрослые почему-то — может по какому-то религиозному табу — запретили принести с собой их тальянку-трехрядку. И он, обособившись с Лениным Мишей за печкой, бился с ним картами в дурака или в самодельные ольховые лотошинки на щелбаны.

Я же, сильно простудившись в пургу, что провыла намедни взбешенными шелонником снегами, слабый до головокружения и подгибающихся ног, не желая от огорчения идти спать, лежал на коленях у мамы, оставаясь, таким образом, со взрослым застольем.

Со мной рядом, приютившись подмышкой своей мамы, тетки Матрены, посапывала годовалая Альбинка.

Взрослых, тяпнувших под рыбник из щурят по паре кружек самодельного дрожжевого пива, именуемого у нас брагой, хотя по крепости оно не тянуло на нее, повело на воспоминания.

Тетка Тонька вспомнила про вероучителя староверов белокриницкого толка прапрадеда Кузьму и семью его сына Николая Кузьмича¹⁰. А почти ровесница ее лелька Анна Ленина, естественно, коснулась жизни стариков своего комиссаровского рода:

* * *

— Дядя Леха перед смертью наказывал нам, чтобы похоронили его без поповского отпевания. Да он и до этого не раз сказывал, что их прадед, какого-то там счета, был сдан рекрутом его помещиком за то, что происходил из семьи старообрядцев-беспоповцев.

Как рекрут, он попал к нам на военное поселение с югов. Да так и остался здесь, когда поселения прикрыли, а его по ранению в войне с французами, после того, как раны на промысле воспалились и левую руку отрезали, от службы ослобонили.

---

¹⁰См.: об этом предыдущий материал.

Приняли его в здешнее общество. Даже надел дали, поскольку больно мастеровитым работником он себя показал. Удобные лады по заказам, хотя и владел только одной правой рукой, многим ловко ладил.

Про семью его ничего не знаю, а про деда Тихона матка наша, помнится, рассказывала. В молодости тот был кормщиком соймы в старообрядческой артели староверовского деда Николая Кузьмича. А одно время в их зимнем неводе у того даже в подменных его ходил.

Только вообще-то по своему поведению, как сказывала матка, был он сущим сорвиголовой по бабьей линии. Тем и навлек на себя, свою семью и ближайших потомков невзгоды, которые преследовали их последующие три четверти века.

Началось все вскоре после Крымской драки, когда воинские поселения прикрыли и царь издал свой Манифест. Так что опаска у здешних казенных мужиков оказаться крепостными, в качестве пожалования в награду какому-нибудь придворному барину, миновала. И в наших краях, как и всюду, в полные права вошел закон деревенского мирского общества.

— А причем тут слабость (другой сказал — «сила», третий — «ухватливость») Тихона по бабской линии? — со смешками, дружным унисоном спросили дядя Миша, отец и дядя Саша.

— Так, он у сына бывшего тогда старостой мира богатея Березина невесту Маху Чугунову чуть ли не из-под венца увел, — пояснила со смехом леля Анна. И с усмешкой продолжила:

— А те уже и гостей на свадьбу назвали, самих местных бар Арцибашевых и земского начальника Арцыбашева пригласили и те согласие быть дали.

Старый Березин уже и бычка на свадебное пиршество зарезал, а тут такой конфуз. Тихон ночью увез Маху в Старую Руссу и в ту же ночь, видать заранее сговорено было, обвенчался в старообрядческой церкви, не то еще где-то, не знаю, что у них там по этой части тогда было.

Пришлось старому Березину и его сыну Прохору сестру Махи Катюху Чугунову сговаривать срочно под венец идти. Родители той согласились, и Катюха пошла, больно родство с Березиными было выгодно.

Это только нашей бесшабашной бабке Махе молодечество Тихона глаза замстило, и она в молодости небрегла из-за него такой выгодной партией.

— И что же за невзгоды у деда Тихона из-за этого пошли? — переглянувшись с мамой и с лелей Наташей, заинтересованно спросил дядя Саша. Видимо, они, будучи моложе лели Анны на десять, тринадцать и шестнадцать лет, впервые слышали об этой пикантной истории семейной родословной.

— Ну, мстить Березины, особенно Прохор, когда в силу вошел и сменил отца, став в Ужине и окрестных хуторах старостой общины, знатно намастачились.

Как и в случае с потомками Кузьмы Филатова, первым делом, с помощью земского Арцыбашева и попов, в ближайший же рекрутский набор приговором собрания здешней общины брата Тихона, Павла, в царскую кавалерию рекрутом сдали.

То же самое, надо думать еще с большим удовольствием, старый Березин со своей компашкой проделали бы с Тихоном. Да воинские начальники не приняли бы его рекрутом, у него была уже куча малых детей.

А лет через пятнадцать то же проделал Прохор с его подросшим внуком, нашим родным дядей Колей, отправив его по флотскому набору. Ведь, с детства привычные к качке и судовым снастям, наши молодые рыбаки искони и по сию пору в первую очередь в моряки определяются.

В общем, служили тогда, не как сейчас, долго. И Павел погиб в войне с турками на Балканах, а Коля в японскую — на чужедальной стороне. Не в Цусиме и не в Портовом Артуре¹¹, а где-то чуть ли не в Корее, о которой нынче так часто по московскому радиову говорят.

А в пятом году казаки, разгоняя Бунташную горку, что с полгода шумела неподалеку от Рашучи, и дядю Петю так ли посекали саблями, а солдаты так ли нутро ему отбили, что он, через несколько месяцев болезных страданий, душу богу отдал.

Только за то посекали, что он нередко ходил туда, чтобы, как и многие иные люди тогда шумели, покричать об измене. Больно он, как и все, обозлен был унижением России япошками. Да еще и гибелью брата.

А коли парней в какой семье нет, то и не только рабочей силы — ведь они не успели даже невесток в дом привести, — но и надельной земли при каждом новом общинном переделе для нее нет.

Тем не менее, Тихон, а когда он состарился, его сын, наш батька Иван Тихоныч, справно хозяйство держали. Не в богатстве, но справно.

От суглинистой в наших местах земли тогда у нас редко кто богател. В лучшем случае, на прокорм семьи хлеба, да картошки с нее хватало.

Так они извоз держали, тройкой на тарантасе бар на старорусский курорт от пристани в Устреке, или обратно, с курорта на пристань возили.

И главное, наши мужики мастерство лодки ладить, а наши женщины сети вязать и веревки смолой канатить, от отцов и матерей памятно унаследовали. Тем и жили, и налоги царю, да десятину без недоимок платили.

Долгами, из-за тяги к фасону или форсу там, конечно, не обременялись, чтобы в процентную кабалу не попасть. А тютелька в тютельку по доходам, по старым обычаям, бережливо и в сытости жили.

Да только дрогнуло хозяйство, когда отца, а немного погодя и его брата дядю Леху на мировую войну забрили.

---

¹¹Так леля Анна Ленина интерпретировала название Порт-Артура, о котором вероятно слышала от кого-то, походя.

Дядя Леха был последний сын у Тихона и после смерти того остался подростком, наш отец его доразвивал.

Не должны были их забирать на войну, отцу крайний для службы возраст подходил, а дядя Леха после него единственным мужиком в многодетной семье оставался. Да Березин Прохор и староружинский поп, злой за беспоповство нашей семьи, подсуетились.

И земский Арцыбашев им по соседскому доброхотству, — у него возле церкви в Ужине дача была, — а может по-иному смозолу, подусобил это злое дело обстряпать.

Надельная мирская земля-то у нашей семьи до самого нэпа оставалась, да что толку?

Работать в полную силу у нас только мать могла, да я ей в помощь. Манухе, — пояснила она дяде Мише, указывая на маму, — на начало войны восемь лет было, Саше пять, Наташка как Альбиха сейчас, еще только ходить училась.

А тут еще с тяглом начались незадачи.

Тройку жеребцов у нас сразу после ухода мужиков на войну реквизировали за гроши для нужд армии. А потом одна из пахотных лошадей неожиданно-негаданно пала, затем и другая захромала и обезножила.

Березинский работник Ванюк Сорока изгалялся принародно: «бабы, — мол, — не умеют лошадей обихаживать».

Да сказывали люди втихомолвку, что это он одной нашей лошади что-то вредное в ночном скормил, а другой гвоздь ржавый в копыто забил. Потом вынул, да зараза в ноге осталась, и животное в несколько недель обезножило.

Вот из-за таких невзгод и обнищали мы, — заключила лелька Анна, обводя затуманенным слезами взглядом опечаленно притихшее святочное застолье.

* * *

На следующий день моя простуда не прошла, а перешла в горячку с кашлем взхлеб. В школу я, естественно, не пошел.

Пришла по зову мамы лелька Ленина, слывущая в нашей деревне лекаркой. Послушала мой лающий кашель, посмотрела на цвет мокроты, обтерла грудь уксусом, обложила ее натертым мамой хреном с распаренными сухими листьями мать-и-мачехи, укутала колючей маминой шерстяной шалью.

Затем строго-настрога наказала мне лежать под тулупом на довольно горячих кирпичках нашей зимней печки, где мы младшие и без того отлеживались всю зиму, быстро замерзая на улице в нашей поношенной одежде.

К обеду я многократно изошел потом, и мама несколько раз меняла мне лелины распарки, обмывая меня в корыте попеременно горячей,

чуть ли не кипятком, и прохладной водой, потом заново укутывая меня чем-нибудь шерстяным.

К сумеркам мокрота стала отходить обильнее, но легче, без лающего кашля и судорожного, до боли в ребрах, захлеба.

А потому я стал с интересом присматриваться к уборочным хлопотам сестер, которые ликвидировали последствия их вчерашнего бедлама, а также прислушиваться к сердитым репликам усталой от праздничных хлопот и возни со мной мамы:

— Чище убирайтесь, что вы, совсем как Арцыбасихи, по углам грязь разводите! — возмущалась она.

Такое ее возмущение сестрами я неоднократно слышал и раньше, если она бывала недовольна усердием сестер в наведении чистоты. Да и вчера фамилия Арцыбашевых звучала многократно.

А вообще-то ее я много раз встречал в письмах Чехова и Горького, интересуясь их перепиской, потому что надеялся понять из нее секреты того, как они становились писателями.

По их и ответным к ним письмам Суворина и других издателей, я понял так, что Арцыбашевы были плодовитыми и популярными в свое время у обывателей беллетристами среднего пошиба. Не они ли или их родственники были упоминавшимися вчера барами Арцыбашевыми?

И, главное, почему какие-то Арцыбасихи стали для мамы нарицательными образцами нерях?

Подождав, когда сестры закончат свою «битву» за возрождение чистоты и порядка и мама удовлетворится их результатами, я спросил ее, когда она умиротворенная успехами в лечении присела возле меня:

— Кто такие были Арцыбашевы, которых леля Ленина упоминала вчера, и что за Арцыбасихи, чьими образами ты иногда честишь нерадивость в уборке сестер?

— Ай, — облегченно вздохнув, махнула она рукой. — Было такое многолюдное семейство бар. Усадьба их была там, где теперь стоит деревня Маковице, немного ближе к Верескову.

Летом, когда они почти все съезжались на отдых в усадьбу из Питера, Москвы их было и без прислуги много, человек пятнадцать-двадцать. А так, постоянно проживали барин и барыня, да с ним четыре дочки.

Сначала они были маленькие, потом старорусские гимназистки, а под конец взрослые барышни. Да постоянно наезжал к ним ведавший земством дядя их Степан Арцыбашев.

Пока барышни были маленькие, у старших до того, как мужики сожгли их усадьбу, одной из нянек была леля Анна.

Затем, когда они усадьбу восстановили, с младшими нянчилась я. А когда их повторно в шестнадцатом году сожгли, а старые баре умерли, барышни переехали жить в Старый Ужин к дяде на его дачу, что возле церкви стояла.

Постоянно-то он в Старой Руссе обитал.

Тогда ими кухонной девочкой и была взята Наташка.

— А с чего это вы с лелей пошли в няньки? Ведь вчера она говорила, что хозяйство ваше было до войны справным?

— Это она перед тетей Тоней и дядей Мишей хорохорилась. А так-то к этому времени отец с мамой с трудом концы с концами сводили. Один выход порою нам оставался, или по деревням с торбой идти побираться, или в наем.

Дядя Леха извозничать еще подростком пошел, а леля, хотя и не была ровней ему возрастом, — в няньки. А когда она подросла, то стала помогать родителям, управляться в поле.

Из озера-то с промысла отца, как и Кузьмича с его артелью, Березины и попы, с помощью заправил здешней общины и земских чиновников, выдавили.

Когда же мужиков наших на мировую угнали, Прохор и вовсе надел наш почти задаром прикарманил. Арендовал, дескать. А секрет в том, что другие не решались, эту землю в аренду взять. Боялись его.

И давал он нам за использование нашего надела по три пуда зерна за десятину. Да оставалось у нас при доме соток двадцать огорода, который мы лопатами вскапывали и тяпками обрабатывали. . .

— А потом?..

— Да что потом? В войну мы жутко нищенствовали, а и после революции лучше не сразу стало.

Лошадь нам мир дал, да много ли две женщины да слепой и израненный дядя Леха могли на земле нахозяйствовать?

Так что нужда нас по-прежнему за горло хватала. Леля Анна Ленина из-за бедности и замуж долго не могла выйти. . .

— А Арцыбасовы барышни? С чегой-то ты их за образец нерях и грязнуль до сих пор считаешь? Разве леля Наташа их не обихаживала? Ведь сегодня она одна, считай, дом Булаткиных в чистоте держит. Тетка Матрена на колхозном дворе днями пропадает, Анюта на разных работах в поле занята, а в свободное время кавалерам куры в клубе строит, Райка в школе, а потом домашние задания часами делает. . .

— Ну, Наташка-то недолго у Арцыбашевых продержалась. Кухонной девочкой она была взята совсем малой. И как-то, умывая посуду, не удержала в руках скользкое блюдо из фарфора, оно упало и разбилось.

И надо же на кухню в этот момент зайти хозяину, Степану Арцыбашеву. Рассвирепел он и скалкой по спине ее протянул. Потом, хотя она сразу упала без сознания, еще и сапогами Наташку попинал.

На следующий день, не смотря на то, что она не могла ходить, ее кучер степанов к нам домой привез. И рубль хозяйский на лечение дал. А заработок, мол, барин за разбитую фарфоровую тарелку удержал.

— А барышни что же, не заступились? Ведь леля Наташа ваша сестра, а вы у них няньками были. Неужто никакой благодарности к вам не испытывали?

— Какая там, у бар, благодарность, о чем ты говоришь? К тому же выросли они довольно легкомысленными девками. В это время как раз революция и приключилась. Арцыбашев уехал от нас, говорили, к белым примкнул и с ними за границу ушел. А кто-то говорил, что погиб он где-то, на гражданской.

— А барышни?

— Дались тебе эти барышни!..

— Так ты сама меряешь их образцами сестер. Почему?

— Ну, потому, что никчемными они оказались, став уже довольно взрослыми в самостоятельной жизни.

Они, после революции почитай, еще лет пять оставались жить на дядиной даче. Сначала им кое-кто из местных прислуживал за их подарки тряпками, а потом и тряпок стало мало, и желающих прислуживать не осталось.

А они — ничегошеньки-то не делали. Нарядятся в шелка и на прогулку отправляются.

А куда у нас прогуливаться? Работать надо. У них же — «на брюхе шелк, а в брюхе — щелк». И на даче подлинная свалка из мусора образовалась. Покрутились они так, а потом куда-то свалились. Никто даже и не интересовался, куда. . .

— Мне вот непонятно, все няньками, няньками, а когда вы в школу ходили?

— Да какая там школа?!.. Анна еще успела два года в церковно-приходскую школу ходить. Потом уже взрослой она была, ейный муж Ванюк в Новгород ее взял. Его самого туда учиться послали, так он ее в новгородскую больницу санитаркой устроил, и она на курсах обучалась.

Саша и Наташка уже в советское время, он уже подростком был, по два-три года отучились. А я еще до Советов неделю в школу ходила и в няньки. . . Так неграмотной и осталась. Вы вот все газету читаете, а я и этого не могу. В ликебез уже во взрослом возрасте, при Советах научили фамилию подписывать. Да и это уже забываю.

— Леля Наташа долго лечилась?

— У нас тогда никто долго не лечился. Выздоровела, бегать начала. Ловко плясать «барыню» у Арцыбасих научилась.

Только стали мы замечать со временем, что растет у нее горб там, где Арцыбашев по спине скалкой ее оглоушил. К одиннадцати лет она и сама расти перестала, зато горб вырос такой, какой мы его и сегодня видим.

Задичилась она из-за него, и из дома перестала куда-либо, в том числе, и в школу, ходить. . .

Мама помрачнела, потом спохватилась.

— Заговорила я с тобой, а там поросята голодные. Пойду, пойло отнесу им. . .*

---

* Из архива автора за 1952 год.

ХУТОРЯНИН СТОЛЫПИНСКОГО ПРИЗЫВА

Моя простуда после временного облегчения обострилась двухсторонним воспалением легких. Да таким жутким, что я подняться не мог, никого не узнавал и бредил. Леля Ленина развела руками, сказав маме:

— Лекарства надо бы.., пенициллин.., а у меня его нет. Надо в Старую Руссу или в Коростынь к доктору везти. Я не вытяну парня. А и промешкаем, тоже его потеряем.

Отец пошел просить у председателя артели дяди Миши Лобака его возок. Но куда меня везти?

Наша территориальная амбулатория находится в деревне Заднее Поле. Пути туда километров девять. Но в ней только медсестра, которая вряд ли лучше лели Анны в болезнях смыслит. А мне нужен специалист, врач. . .

В соседнем сельсовете в Бурегах амбулатория такая же. . .

Решили везти меня вдоль побережья озера в Коростын. Она за Бурегами верстах в пяти, зато в тамошней амбулатории имелся врач-терапевт. Лучше бы в Старую Руссу, где в районной поликлинике и больнице было много врачей. Но дорога туда вдвое дальше, а на дворе стоят крещенские морозы.

Председатель, у которого на тот день была масса дел в конторе, разрешил отцу воспользоваться не нужным ему пока возком. Меня укутали в Клавину выходную шубейку, поверх моего треуха шалью, а сверх всего отцовским тулупом, в котором он выезжал в озеро на зимний промысел.

И мы с отцом выехали проселком на Кукуевку, а после нее спустились на лед озера и по зимнику напрямик, мимо устья Переходы, Заднего Поля и Устреки двинулись к Коростыни.

Я лежал в забытьи, дышал через шаль чуть подогретым ею морозным воздухом, и, кашляя в возке на сене, слышал только скрип его стальных полозьев о лед. Подобный почти тому, какой под нашими коньками или финскими санками.

Дорогу до Коростыни я не заметил, прокашлял или продремал. Помню только, что по левую руку нас на всем пути сопровождали лавины снегопадов с высоких берегов. Да то, как легко скользил по льду наш возок с узорчатой для начальственного авторитета спинкой, и играючи бежал, порою скакал, запряженный в него председательский вороной жеребец.

В Коростыне доктор, этакий колобок в белом халате с ранними залысинами на голове, облапал, помял меня, послушал в стетоскоп или фонендоскоп, не разбираюсь, вколол мне пенициллин, спросил отца:

— В вашей деревне есть кто, способный уколы делать?

Надо бы его поддержать в больнице, да у нас все пять коек заняты тяжелыми больными. А в Руссу или Новгород его везти — долго теплый транспорт придется раздобывать. Между тем ждать нельзя. Лошадью его везти — тридцать с гаком верст, на таком морозе, если не окачурится, то пневмония в крупчатку перейдет. Что тоже не мед.

— Тетка его в партизанском отряде в санитарном отряде была, справится, — заверил отец. Оплатил доктору стоимость пенициллина, и, на всякий случай, двух шприцев. Затем вывел, почти вынес, меня снова на мороз к возку.

Только мы спустились к озеру, я так вновь с лающими всхлипами закашлялся от свежего воздуха, что потерял сознание. Опоряк немного, самую малость, в какой-то деревне:

— Веряжа, — пояснил отец. — Ты так припадочно кашлял на морозе, что я решил ехать обратно другим путем. Будем делать остановки в попутных деревнях у знакомых, чтобы ты отогревался. В Веряже наши родственники по деду Тимохе, младшему брату Николая Кузьмича.

Как мы обогрелись у родственников в Веряже, я не запомнил. Также как и промежуточные остановки в Буреггах, Солобске, Борисове. И людей, у которых мы обогрелись, не запомнил. Все виделось, как в тумане.

Зато остались в памяти высокие берега рек, по льду которых скользил, повизгивая трением полозьев, наш возок, и какие-то краснокирпичные, местами оплетенные гигантскими сосульками и потеками сплошного льда, величественные руины. Надо будет летом на велосипеде проехаться этими местами и посмотреть, что это было. Ясно только, что-то довоенное.

* * *

Усиленное воздействием пенициллина, лечение лели Анны стало давать желаемый всеми нами эффект. Через несколько дней мне полегчало: мягче стал кашель, я перестал задыхаться. Однако ноги меня еще не держали.

Пользуясь тем, что из-за слабости не мог вставать, а в голове прояснилось и проснулось мое всегдашнее неуемное любопытство, я стал при каждом удобном случае расспрашивать взрослых о нашей староверовской родословной.

Прежде всего, часто присаживавшихся к моей кровати отца и маму. И конечно, продолжавшую делать мне свои процедуры, в том числе уколы, лелю Анну Ленину. А также часто навещавшую нас, благо она живет от нас всего за одну избу, Рюханову тетку Тоню.

— Что за люди, к которым мы заезжали в Веряже, Солобско и Борисове? — спросил я отца. И пояснил свой интерес: — Они говорили с тобой так, как будто жили в нашей деревне. Я слушал вас, как во сне, и мало

что помню из ваших разговоров. Но мне показалось, что они про многих наших деревенских тебя расспрашивали.

— Я тебе еще там, в Веряже, сказал, что зайдем погреться к родственникам. Старик, который меня расспрашивал, то был сын деда Тимофея Кузьмича, младшего брата Николая Кузьмича, — охотно ответил отец.

— А как же слова тети Тони, что Николай Кузьмич был последним сыном прапрадеда, кому удалось спастись от преследований семьи Кузьмы?

— Она, видимо, забыла про Тимоху, который жил в дальней от Ужина деревне, — сказал отец. Он уже стал привыкать к моему любопытству стариной и, похоже, ему начало нравиться, что я интересуюсь нашей родословной. Поэтому он пояснил:

— Тимоха был в рыболовецкой артели, которую создал Николай Кузьмич из единоверцев, проживавших в окрестных деревнях. Здесь в Старом Ужине он жил с братом. А отделился от него и уехал в Веряжу только тогда, когда артельщиков стали прижимать Березины и староружинский поп.

Ведь они к тому же натравили на артель старорусского станового, донеся, будто артельщики смущают на что-то подозрительное местное население. А полиции только бы прицепиться. Тем более что сам-то Кузьма был в бегах.

Вот деду и пришлось, как он рассказывал заставшему его еще в живых дяде Михе, распустить свою промысловую шарагу. Тимоха решил вообще из Ужина уехать, от греха подальше. У него была в Веряже на примете краля, туда он и переехал, женившись на ней.

Их там теперь несколько семей Староверовых из его потомков. Так что знай, куда, когда подрастешь, к родственникам в праздники гостевать можно будет ходить, — подмигнул он, ласково потрепав мои отросшие мокрые от пота лохмы.

— А в Солобско, тоже с дедовым артельщиком вы четвертушку чпокнули? — понизив голос до шепота, чтобы мама не слышала, заговорщически спросил я.

— Нет, для дедовых артельщиков Степаха, с которым я там разговаривал, слишком молод. Но он тоже сын бывшего артельщика, только времен ватаганства в артелях моего дяди Коли и твоего деда Лехи Кулика.

Ими они стали, когда два десятка лет спустя после распада промысловой компании деда Кузьмича, он помог своему сыну Николахе организовать новую артель из старообрядцев. Ту самую, которая потом, после гибели дяди Коли перешла под начало ставшего у Кузьмича примаком нашего отца Тиханова Лехи Кулика, бывшего в ней с самого начала кормщиком.

Эта-то артель продержалась долго, лет пятнадцать. Я уже народился, и даже бегать начал, а к нам на хутор под Засечку артельщики на

сезоны промысла из окрестных деревень, да что из окрестных, даже из Крекши, весной, осенью и зимой приезжали. У нас для них даже дом гостевой был построен.

— А лодки, а снасти вы откуда брали? Ведь они, наверное, немалых капиталов стоили? — с интересом спросил я, желая понять, насколько прадед Кузьмич и дед Леха Кулик окулачились. И пояснил:

— Иначе ведь и другие староужиняне промышляли бы вам в конкуренцию. Село-то многолюдное было, и Кузьмич, как и дед Леха, мог артельничать с выгодой только в том случае, если остальным было нечем промышлять.

— Так, Кузьмич с самого начала с Тихоном Булаткиным как с единоверцем скорешился. Тот умел ладьи строить, а Маха Чугунова, на которой он женился, ловко пряжу пряла и сети вязала. Им, ведавший делами местной общины старый Березин выдел земельного пая надолго притормозил. Вот в этот момент Кузьмич, к досаде Березиных, своими заказами семью Тихона и выручил.

Ну а потом, по наводке Кузьмича, и дядя Коля с отцом моим Алексеем Ивановичем семью Ивана Тихоновича Булаткина не раз выручали. Дядя Коля заказал Ивану Тихоновичу и его сыну Николаю — до того, как того в рекруты забрали — обновить разошедшиеся к тому времени соймы артели Кузьмича, а их бабам новые снасти изготовить.

А когда Николая забрали на флот, отец взял в артель зуйком, а затем, для поддержания сойм и челнов в порядке, младшего сына Тихоновича — твоего покойного деда Петруху Булаткина. И бабы их на изготовлении и ремонте снастей у этой самостийной старообрядческой артели время от времени подрабатывали. Во время этих подработок я и с маткой нашей познакомился.

— Слушай, а ты в школе учился? — внезапно спросил я, вспомнив рассказ мамы об их с лелей детстве в няньках.

— Конечно, — удивился отец вопросу. В семье деда Кулика все учились в церковно-приходской школе. Отец хотел, чтобы мы все счетом овладели. Сам он им владел, особенно устным счетом, удивительно ловко.

— А ты?

— Посредственно.., — признался отец: — Арифметику нас учил по совместительству с законом божьим поп староужинского храма. Ох, и сердитый был дядина. Меня он особенно, как внука старосты молельного дома старообрядцев, хотя Кузьмич к этому времени уже и умер, не любил.

Чуть, какая моя оплошка, линейку в руки и этой линейкой по моим ладошам хлестать. Следов не оставалось, кроме временной опухоли их, но знаешь, как больно было. . .

Поэтому я его уроки арифметики и закона божьего частенько прогуливал, и успехов в них не имел. . .

Зато я уже в детстве на Михайловой гармошке здорово барыню и кадрили наяривал. Миха лучше меня в школе учился, а играть на ней так и не обучился. Благодаря этому я вскоре со своей тальянкой на всех вечерках желанным парнем стал. . . - с озорной смешинкой подмигнул он мне.

. . . - Да уж, шатун по вечеркам из тебя известный вырос! — подтвердила мама, подошедшая к нам с горячим лелиным отваром из трав для меня и слышавшая последние слова отца.

— Зато я тебя на них и закадрил, когда ты под мою гармошку ловко «цыганочку» и «барыню» выкаблучивала. . . - все с той же смешинкой хмыкнул отец.

— А почему я никогда не видел, чтобы ты плясала? — непритворно удивился я.

— Стара я уже для плясок, сынок, не хватает еще мне на старость лет людей смешить!

— Хазиха — твоя ровня летами, а, эвон как, отплясывает.

— Мать у нас примерного нравами поведения, не случайно любимицей у свекра Кулика была, — продолжал веселиться отец. Мама вспыхнула румянцем и сердито скомандовала:

— Пошел прочь, дай Володе отвар спокойно выпить. Лучше принеси мне на растопку сухих полешек, а то те, что есть, худо занимаются и много чадят.

А когда отец, обрядившись в ватник, ушел за дровами в сарай, с отголосками старой обиды пожаловалась:

— Все нервы он мне в свое время истрепал. Баловень богатого батьки, с подростковых лет по вечеркам в чужих деревнях с гармошкой блыкался. А где вечерки, там и выпивки.

Сколько я, будучи беременной, по окрестным деревням его разыскивала и пьянущего домой еле волочила! А делать было нечего. Я из нищей семьи, и потому бесприданницей в их дом попала. Да и идти мне было некуда. В наши времена не было заводу, чтобы жена от мужа уходила.

А свекор действительно мне мирволил. На первых порах за то, что я, как и он, старательной и настырной в работах была. А после ранней смерти свекровки, наверное, за то, что меня, как и ее, Махой звали. Ну и за то, что я у его младшего баловня заместо няньки была, и дом в порядке блюла. . .

* * *

Зашла навестить нас тетя Тоня и принесла сочени — лепешки на коноплянном масле, которыми должны по церковным канонам питаться верующие в крещенский сочельник.

Мама ушла ставить для госты самовар, а тетя Тоня присела ко мне на кровать. Я воспользовался этим, чтобы задать интересовавшие меня вопросы о деде Лехи Кулике.

— Тетя Тонь, ты как-то на днях говорила, что дед Леха устроил хозяйство Кузьмича и несколько раз богатеем порывался стать, да каждый раз не один, так другой случай мешал этому. Когда и как это было, и что ему каждый раз мешало?

— Ну, первый раз это еще до бунташных времен, японской войны и до Столыпина, было. Когда он, после дяди Коли, промысловую артель из духоборов в свои руки взял.

Я уже подростком была и помню, как он с промыслом знатно развернулся, и уловы купцам, не дожидаясь морозовских и березинских скупщиков, в Старую Руссу и Новгород возил. Специально для этого двух работников нанял. Тогда у него большая денюга появилась.

Пресек его обогащение дед Кузьмич. Узнал, что Лексей Иваныч долю артельщиков против той, что была при ватаганстве дяди Коли, понизил, а свою значит, наоборот, повысил, поскольку лодки и снасти, дескать, его. Так что доходы прочих артельщиков стали немногим выше зависимых от Прохора Березина односельчан. И сильно на него за это рассердился:

— Ты, что, — говорит, — с бритых,¹² французов да немцев пример берешь? Своих единоверцев обирать решил, будто и не русский. Христос все видит, ничего не скажет, а благословения лишит, и счастья не даст. За лодки и снасти доля, конечно, положена, но божеская, без лихоимства своих ближних.

Батяка, Лексей свет Иваныч, тогда еще в воле Кузьмича был, а потому на время смирил свою страсть к богатству.

И зажили мы тогда по деревенским меркам в достатке, тоисть, в сытости, тепле, одежду и обувь добротную имея. Но не то, что Березины или там Арцыбашевы, в тройках не разъезжали и в трактирах не разгуливали.

Вдругоряд батяка попытался проявить свою страсть к богатству уже после бунташных пятых лет, выходить, уже после смерти деда Миколая Кузьмича.

В эти годы тогдашний правитель Столыпин мужиков на хутора позвал, чтобы они из мирских общин начали выделяться. Березинские подлипалы Сорокины, Филины, Богачевы и иные староужиняне, кто состоятельнее других односельчан были, да имели в доме много мужских душ и зависимых от них должников, на выдел земли отрубом потянулись.

Оформил свой выдел отрубом и наш батяка. У него в семье как раз шестая мужская душа, считая его самого, в избе появилась — твой папка. Так, что ему помимо надела, полученного при прежнем переделе

---

¹²Вероятно, Кузьмич имел в виду британцев, поскольку совместная английско-шотландская кооперация была в ту пору, наряду с российской, наиболее развитой. Но руководствовалась иными принципами, чем российская. Что активно обсуждалось в ту пору отечественными кооператорами. А тетя Тоня уподобила британцев — бритым.

Кузьмичом на четверых мужиков, при очередном переделе сразу на треть надел у Засечки увеличили.

Правда, в наших новгородских местах «больше-меньше» земли тогда не всегда говорило о крестьянской состоятельности. Все решало, есть ли на ней леса для торговли ими и хороши ли луга для выпасов скотины. В наших краях — от Шимска до Взвада — леса давно были вырублены, и земли были настолько малопродуктивные, что, сколько, бывало, на них не возили навозу, эффекту было мало.

На надел Кузьмича, потом на наши хуторские поля, правда, разливы наносили ил. Да шелонники же его и уносили в озеро. К тому же из-за разливов к работе на полях порою только в июле можно было приступить. А из-за этого, при нашем коротком лете, урожаи редко толковыми были.

Тем не менее, получив солидный отруб, батька заем в мужицком банке взял, и хутор начал расширять. Большое, помню, поле льном засеял. Потом Анну Булаткину с ее невестками, вдову Николахи Булаткина с внучками и вдову Петрухи Булаткина к делу пристегнул. Они ему тресту обрабатывали, пряжи понапряли, и новые сетки стали вязать.

А к этому времени дед Иван Булаткин с шурином Прокопом, братом Анны из Кателева еще пару сойм ему смастерили, и наш отец свою промысловую артель на шесть сойм и полный зимний невод оборудовал.

Сам, двое подросших сыновей стали большаками двоек. Да Михаила к делу пристегнул. А потом и Ваня с шести лет зуйком у них завертелся — озеро-то он с малолетства любит, так и жил бы в лодке, на волнах качаясь. Ну и девять единоверцев из ближних и дальних земледельческих деревень отец в свою артель супряжил.

Клиенты уловов артели не только в Старой Руссе и Новгороде, но и в Парфино, Лычково, Дно и Боровичах у отца появились. Сторонние артельщики стали у него работать за пол улова, если сами его реализовали, и за треть, если реализовали через налаженную им сбытовую сеть,

В общем, батька забыл предупреждения Кузьмича, или решил, что теперь может не считаться с ними. И бог его, как и предупреждал дед, наказал.

* * *

То, что Кулик стал быстро догонять его по богатству, разозлило Прохора Березина, и он начал ставить отцу палки в колеса. А возможности для этого у него были не малые.

Первым делом, Прохор натравил, было, на артель уездного станowego, нашептав ему, что Кулик прикармливает, дескать, работой бунташного крикуна Петруху Булаткина, да и в артели работает родственник того, тоже в свое время постоянный завсегдатай Бунташной горки под Рашучей — шурин Ивана Булаткина кателевский Прокоп.

Становой прислал своего человека, урядника с жандармом, приказав, незнамо зачем, устроить обыск на хуторе.

Те все у нас перерыли, всех опросили, ничего не нашли. Тем более что никакой крамолы у отца и быть не могло.

Никто из опрошенных ничего подозрительного на хуторе не замечал, разве что на лютость отца при разборе случаев трудового нерадения сетовали. Тут он был в своей тарелке, доставалось, что компаньонам, что нам домашним.

Да и выражалась-то его лютость только в ругани. В ней он, пожалуй давал прикурить почти всем окрестным состоятельным хозяевам того времени. Но тут уж ничего поделать было невозможно.

Да и незаконного во всем этом ничего не было: все в рамках характера, а за характер не случайно отца заглазно называли Кулик Сердитый.

Однако Прохор Березин не успокоился. Его холуй, Ванюк Сорока, подпоив возчиков наших артельных уловов, вызнал адреса отцовских покупателей рыбы, и Прохор перекупил места сбыта, предложив более низкие цены.

А однажды осенью с канатов Тулебельского причала, устроенного отцом возле Засечки и недалеко от нашего хутора, — вообще-то, в нередкий для нашего берега сильный шелонник, — почему-то сорвало со швартовки разом пять наших артельных сойм. Никогда канаты прежде не рвались, а тут одновременно все лопнули.

Березинские холуи злорадствовали с ухмылками, что это, мол, произошло из-за низкого качества пеньки, из которой канаты были свиты, и худой просмолки их.

Соймы унесло в озеро, три из них перевернулись у Релки в Кровайно, и пришли в полную негодность.

Те же прихлебатели-березинцы внушали людям, будто соймы были разбиты о прибрежные камни, которых возле Релки в озере немало. Только странным было, что многие пробоины в соймах выглядели так, будто кто-то начальную слабину придал им топором.

Дальше — больше, как и у Булаткиных, у нас обезножили две лошади, которые зимой на санях артель отвозили в озеро метать невод.

В общем, накануне мировой войны отцовская промысловая артель из-за этих и других неурядиц пошатнулась. А затем началась мобилизация, артельщиков одного за другим стали забривать в армию, ведь они были мужики в соку.

Так, лопнула попытка Лексея Иваныча выбиться в богатеи.

А третью попытку он предпринял лет за пять-семь до коллективизации, в пору, которую ныне обзывают нэпом.

* * *

— А о третьей попытке я Волохе сам расскажу, поскольку был ее свидетелем и помню забавный крах этой его попытки!.. — бодро сказал

отец, принеся и свалив у зимней печки вторую охапку сухих поленьев. Затем предложил:

— Пойдем, Тоня, почаевичаем. Самовар готов, да и мне с тобой посоветоваться надо бы. А ты, — обращаясь ко мне, — полежи пока. Если что надо, сейчас Клавдюха подойдет. . .

ПОСЛЕДНЯЯ ХИТРОСТЬ КУЛИКА

Прошло более двух недель. Я все еще болел.

Володя Булаткин почти все свободное от школы время проводил у нас, возле моей постели. Мы с ним учились в одном классе, и он приносил мне домашние задания учителей. Их мы с ним вдвоем, — а также я в одиночку, пока он был в школе, — и выполняли.

Естественно, в той мере полно, насколько могли самостоятельно уловить их суть и смысл считываемого нами в учебниках знания. Володя, хотя и ходил на уроки, однако школьные премудрости усваивал туго. Ему учеба давно надоела и, как мне казалось иногда, он терпел ее из дружбы со мной.

А вчера меня навестил тети Тонькин Юраха:

— Ты как?..

— Лучше. . . Только не могу встать. А если поднимают, то падаю. Шага сделать не могу. . . — недовольно пробурчал я.

— Это пашава¹³ у тебя. Весной так у многих бывает от долгой нехватки свежего воздуха, — уверенно сказал Юраха, сделав вид, что принимает, к, чудилось, спекшемся в смрад воздуху, и гримасничая от духоты его в нашей избе.

Действительно, воздух у нас в избе всю зиму постоянно какой-то спертый, из-за чего у меня голова нередко чугунная, а в ушах часто звенит.

Последнее у нас с Володей даже служит поводом для наших частых спорных закладов. На вопрос одного другому, «В каком ухе звенит?», этому другому надлежит задумать желание и ответить, в каком. Предполагается, что, если верно отгадать, желание сбудется.

Имея по физике за первое полугодие пятерку, догадываюсь: духота в избе от того, что зимняя печка, когда топится, — а она топится с утра ежедневно, — сжигает поступающий через чело¹⁴ кислород. А нового кислорода зимой в избу со свежим воздухом поступает мало. Ведь ее на зиму родители всеми способами утепляют, чтобы и она держала тепло.

Мама потом все морозные недели ворчит, если мы недостаточно проворно, на ее взгляд, закрываем, приходя с улицы, входную дверь:

— Нечего мороз в дом пускать! — объясняет она.

---

¹³ Пашава — так называли мама и наши соседки весеннее полуобморочное состояние долго болевших зимой и испытывавших кислородное голодание домочадцев.

¹⁴ Чело — передняя часть русской зимней печи.

В общем-то, она права, наша изба, пережив, как и все мы, свои военные неурядицы, тепло держит плохо. Но из-за того, что мы ее стараемся держать максимально закупоренной, воздух с утра, когда топится печь, становится спертым.

И таким он остается почти до обеда, пока его не освежают врывающиеся через распахиваемую при выходе домочадцев на работу или в школу дверь сизыми клубами мороза порции свежего, богатого кислородом воздуха.

А вечером часть кислорода снова выжигается затапливаемой на ночь голландкой¹⁵. Спать мы ложимся в тепле, но зато при вновь спертom воздухе. Из-за чего ночью всем нам, особенно в крещенские морозы, часто снятся кошмарные сны.

Обменявшись с сестрами зубоскальными шутками, Юраха, обращаясь уже к маме и мне, сказал:

— Я чего к вам зашел? На улице ребята собираются шмон масленичный провести. А потом Масленицу на месте бывшего хутора деда Кулика будем жечь. Сегодня уже тепло и Волохе хорошо бы с нами продышаться воздухом.

— Да куда ему, такому хворому, Масленицу жечь! Он еще не то, что во двор, так к столу не выходит, его же шарахает на пол от слабости, — возмутилась мама.

— А мы его в санки посадим, и я его провезу по деревне, чтобы он посмотрел на масленичный... шмон, — неожиданно, запинаясь на незнакомом ей слове «шмон», привезенном Юрахой из мест высылки оккупантами их семьи в батрачество к прибалтийским хуторянам, поддержала его Люся. Моя, самого примерного поведения, третья по старшинству и любимая мной за ласковый характер, сестра.

— Во-во, я тоже это имел в виду! — оживился Юраха... И по тому, как он оживился, мне стало понятно, что, видимо, я ему зачем-то нужен...

Скорее всего, как «большеужинский Амур», который в последнее время помогает писать молодым землякам частушки с намеками на нежное внимание к определенным притягательным особам. А ребята эти потом на вечерках поют их, подавая более или менее прозрачную весть зазнобам о своих чувствах. И Люся, похоже, знает об этом юрахином замысле.

Сочинять частушки я был, как пионер к борьбе за дело Ленина, всегда готов. Тем более что нестерпимо хотелось оказаться на свежем воздухе. Но просить сестер вынести меня на улицу продышаться, я стеснялся. А тут Юраха сам предлагает. А уж он-то всегда сумеет

---

¹⁵Облегченная печурка, которую топили поздним вечером, чтобы согреть выстуженную за день избу. Нередко, как у нас, она выкладывалась кирпичами изнутри в большой металлической трубе. Тогда ее именовали *голландкой*.

мобилизовать ребят, чтобы они проследили за мной и помогли Люсе обеспечить мое благополучие, если потребуется.

* * *

Масленичный шмон — это у нас в деревне всегда картинка года, есть на что посмотреть.

Люся, как и обещала, медленно катила меня, укутанного в полушубок и треух, на саночках по деревне, вслед за парой конных дровней, которые, облепив, как пчелы, оглобли, везли ватаги подростков и даже парней.

У очередной пары изб, они бросали оглобли дровней и двумя галдящими оравами, одна направо, другая, налево налетали коршунами на заулки подворий. Там они хватали в охапки, кто солому, кто хворост из скирд, которые готовились каждым хозяином с осени для зимней топки.

Многие хозяева, предвидя эту масленичную растащиловку, сами заранее добровольно метали для своенравных малолетних расхитителей в своих заулках стожки соломы и кучи хвороста из ракиты. А то ведь оравы их, особенно сорванцы в них, могли растащить и добротное сено для скотины, если добирались до него, а также более ценное, чем ракита, топливо.

Зато те, кто не подготовился к этому шмону, — в основном хозяйки, — суматошливо выбегали во двор и, голося, безуспешно пытались прекратить чересчур активный грабеж.

Не протацили бесшабашные «грабители» дровни и до трети деревни, как те уже были переполнены под завязку. Однако на смену им тут же подкатили другие такие же, но порожние дровни иные ватаги сорванцов. И расхитительный, азартный — непонятно было, чем подпитывался этот галдящий азарт — шмон подворий, своего рода полюдьё времен Древней Руси, продолжался катить деревенской улицей дальше.

Между тем первые «грабители», все так же вручную, выкатили свои нагруженные материалами для масленичного костра возы к кукуевскому концу деревни, и выжидали остальных, чтобы потащить их далее, вправо, в Дикое поле. Там, на окраине Засечки, как показывал мне летом отец, некогда находился хутор деда Кулика.

В прежние годы сооружаемый для установки чучела Масленицы стог большеужиняне жгли в поле с другой стороны деревни — в поле между Большим Ужином, Вересковым и Маковищем. Не доезжая, конечно, до них. Да в последний раз вересковцы ухитрились подбросить в этот стог убитого хорька.

Ведь к масленическому ритуалу сходилась не только молодежь одной селитьбы, но, зачастую, и кавалеры местных зазноб из окрестных деревень. Вот кто-то из них и подбросил в большеужинское кострище хорька.

Вонищи от него было в прошлую Масленицу на всю округу, и продержалось она несколько суток, доходя при южном ветре до Большого Ужина.

Поэтому на этот раз решили не искушать коварство недоброжелательных и ехидных пакостников. От нового места ритуала, хутора Кулика, все деревни были довольно далеки, кроме самого Большого Ужина, да Малого и Большого Учно.

Только с малолуженянами и учновцами у нас большеужинян соперничества по поводу пышности масленических костров никогда не было, деревни их не в пример нашей вдвое меньше, и потому никакого коварства от них не ожидалось.

Пока Люся, часто отвлекаясь на пересуды с другими девицами, везла меня деревней, детворой и парнями были награблены материалами для масленического костра и дополнительно к первым полностью нагружены два воза. Затем, «почти полностью» — еще два. Таким образом, сформировался целый обоз.

Этот обоз из шести возов все так же вручную они протащили мимо животноводческого комплекса.

Основу его составляет довольно большая конюшня, поскольку на лошадях у нас не только рядят все полевые работы, но и перевозки тяжелых. А зимой на них ездят в озеро на промысел неводом наши рыбаки.

Входят в него и два не менее длинных, чем конюшня, коровника, с примыкающими к ним телятником, кошарой для овец и коз, птичниками — куриным, гусиным, утятником.

Миновав комплекс, обоз потянули напрямик к остаткам фундамента бывшего хутора, взламывая покрытую настом снежную целину. По следам обоза, впереди и позади санок, в которых я полулежал, и которые терпеливо тянула Люся, бежала малолетняя ребятня.

Тащить по снежному месиву санки Люсе стало, по всему видно, тяжело. Но откуда-то из толпы на помощь ей вынырнули родная сестра Настя и двоюродная сестра, или, как назвал бы ее лицеист Пушкин, кузина Женя Ленина, а за ними Володя Булаткин и Миша Ленин.

Так что мне оставалось только удерживаться на подскакивавших и кренящихся в разные стороны из-за встречных снежных бугров санках.

Заметив это, мои доброхотные «извозчики» сбавили темп. Так, что путь до хутора мы одолевали добрые полчаса.

Обоз дотасили быстрее, и к нашему прибытию старшие ребята уже заканчивали сооружение пяти-шести метровой высоты стога из соломы и хвороста. Затем Юраха водрузил на вершине стога соломенную Масленицу, обряженную в чей-то старый сарафан, и соскользнул со стога к его подножью.

Все было готово к масленичьему ритуалу проводов зимы. Да и время уже подошло к вечеру. Он выдался безоблачным. Прозрачный до это-

го воздух наполнился окрашенной закатом сумеречной сизой дымкой. В чистом небе остро проклюнулись первые золотистые звездочки, и засеребрился высветившийся сразу без подъема почти в зените месяц.

Юраха зажег соломенный факел и передал его Нинке Богачевой, предлагая ей почетную честь зажечь праздничное кострище. За этой Нинкой, сверстницей Люси и соперницей Анюты Булаткиной за внимание Павлухи Домниного, Юраха, как говорила Настя, безуспешно пока приударяет.

Нинка сунула факел в стог, и масленичное кострище, сначала, как бы нехотя, занялось, а потом вспыхнуло высоким всполохом. По высоте его, как знаю, оценивает ребятня всех окрестных деревень качество празднования Масленицы.

Округа огласилась восторженными криками собравшихся почитателей ее. Выпускник начальной школы Домнин Ершик, захлебываясь эмоциями, прокричал:

— А у вересковских, маковских и малоужинских пламя ниже! И у пеньковских и ученских тоже!..

Я не решился встать и посмотреть, так ли это? От тряски и чрезмерно длительного пребывания на свежем воздухе, а скорее от избытка кислорода, которого я долго был лишен по вине болезни, из меня ушли последние силы. Но местность вокруг бывшего хутора вообще-то поднимается горбиной, и мне даже с саней было заметно, как на много верст окрест одновременно засветились десяток масленичных кострищ.

Заметных в чистом воздухе даже в окрестностях далеких деревень — Бурег, Коростыни и Мстони. Может потому, что расположены они на высоких берегах Ильменя, а воздух до них над пустынными просторами озера особенно чистый.

Попытка разглядеть что-то окрест, окончательно меня обессилила, и я, слушая галдеж вокруг, но, не фиксируя, с чем это связано, окончательно впал в полузабытье. Люся, Настя и Женя куда-то улетучились в толпу, вероятно, участвовать в ее действиях. Суть их я уже не улавливал.

Неразлучный дружбан Володя, заметив, что я отключаюсь сознанием, решительно потянул за лямки санок со мной в сторону дороги, которая тянулась недалеко вдоль Обороны. Она отделяла большеужинские и малоученские поля и селения от приозерной — от Кукуевки до Малого Учно — полосы, откуда в войну неоднократно велись отбиваемые с уронами наступления красноармейцев на окопавшихся гитлеровцев.

На территории бывшего хутора моя вторая по старшинству сестра трактористка и комбайнер Тоня прошлым летом свозила своим колесником к Обороне с полей валуны, и здесь вал её поднялся до масштабов крепостной ограды, вдоль которой уже проложили зимник. Этим зимником большеужиняне возили домой из Засечки дубняк на топливо.

Миша Ленин, который вообще-то всегда сторонился шумных сборищ, потянулся за ним, вцепившись в ляжки санок.

* * *

По накатанной дороге санки скользили легко и без рывков. Постепенно приходя в сознание, я начал ощущать, что мои ноги замерзают. К тому же нос и мои щеки все ощутимее начал пощипывать крепнувший морозец.

Все-таки еще не март, а только конец февраля, впереди долгий Великий пост. И встречаем весну-то мы сегодня только из-за оживления солнца, зато из-за ночных дозоров языческого деда Карачуна, холода еще несколько недель могут быть, ой-ей-ей, какие.

Я чувствовал себя невероятно усталым и разбитым, и догадывался, что не только из-за болезни. Поэтому, подремывая под шорох полозьев, пытался понять из-за чего же еще?

Анализируя свои дневные впечатления от виденного, подумал, не от того ли эта непонятная мне разбитость, что мне не понравился бессабашный, бездумный грабеж в заулках соломы, сена и топлива, заготовленные хозяевами своими нелегкими трудами?

Привезенного ими порою в пургу и метелицы с немалыми тяготами. Ведь кустарниковые дрова рубили топором и везли домой, впрягаясь в ляжки санок, не только здоровые мужики, но и старики-бобыли, а еще чаще солдатские вдовы и дети. И вот результаты их тягостных трудов без всяких-яких раздумий расхватывают глупые сорванцы, чтобы испепелить эти результаты в каком-то архаически допотопном и, в общем-то, бесполезном языческом ритуале.

Потом эти мои размышлизмы незаметно перетекли на мысль, что я так и не услышал от отца, почему дед Кулик, на поле бывшего хутора которого сейчас разгульничает большеужинский молодец, так на нем и не разбогател? Что ему помешало сделать это в его третью попытку?

Между тем, бежавшая параллельно дороге Оборона, укрепленная свезенными в свое время с окрестных полей тониным ХТЗ валунами, вильнула влево и ушла к садам Малого Учно. По обе стороны нашего пути раскинулись укутанные снегами, тонувшими в синеве ночи подсвеченными месяцем и звездами полями.

А вскоре Володя и Миша выкатили мои санки на укатанную конными санями перпендикулярную дорогу Малое Учно — Большой Ужин. Однако Володя попробовал на прочность обочину снежного наста, попрыгав на нем, и сказал Мише:

— Поедем настом прямо полем. Наискосок, мимо гумна, вдвое короче. А то Володька, похоже, совсем замерзает, а ему нельзя снова простужаться.

Молчун Миша, хотя ему нужно было в иную сторону, поскольку их изба по правую сторону от нашего пути, согласно мотнул головой и свернул вместе с нами налево.

Минут через десять они вдвоем, сцепив руки, как учили нас на уроках санобороны, внесли меня в наш дом.

Мама, всплеснув руками, позвала нашу здоровячку Клаву. Та была как раз дома, собираясь на масленичную вечеринку в клуб. Она быстро освободила меня от полушубка и валенок и погрузила на печку, укрыв еще тулупом. Прижавшись к горячим кирпичам, я тут же отключился, но не обмороком, а сном.

* * *

Горячие кирпичи зимней печки у нас искони служат вместо горчишников. Пропотев под тулупом, я проснулся с ощущением легкости в теле и жутко голодный. Ведь с обеда, который я не съел, а только «поклевал», во рту не побывало маковой росинки. Я впервые самостоятельно слез с печки и пошел в кухонный чулан, где хлопотала мама.

— Есть хочу! — заявил я, садясь за обеденный стол и вдохновленный ее удивленным видом, что я на ногах и держусь довольно устойчиво.

Мама моментально налила мне кружку томленого в печке дымно-коричневого молока с пенкой, а в дополнение к нему разломилась надвое и пододвинула к кружке пшеничную лепешку. Уселась со мною рядом за стол и с умильным видом наблюдала за мной. Когда же я выпил кружку молока с пенками и умял лепешку, спросила ласково:

— Яишенки не хочешь ли? Две курицы вчера начали нестись. Пупки окуневые, вареные, можно подогреть. . .

— Насытился пока. Полезу снова на печку, почитаю там. — Ответив так, я опять же самостоятельно, чего не мог еще утром, полез на кирпичную лежанку, где у меня на трубе стоял светильник из патрона орудийного снаряда с толстым дном для устойчивости, с керосином и фителем, свет которого подсвечивал страницы, библиотечных в основном, книг из моей персональной передвижной библиотечки.

Почитав часа два-три очередной том собрания сочинений Пушкина, эпистолярный, я, не выдержав духоты нагретого кирпичами воздуха и подогрева ими снизу, слез с печки и перебрался в камору, где на время болезни была отгорожена для меня занавесом отдельная железная кровать.

В обычное-то время я спал с отцом и братишкой Колей в небольшой комнатке, выгороженной по левую руку от входной двери в полуторной деревянной кровати. Спальной территорией сестер была освобождаемая днем от раскладушек горница и отгороженный тесовой стенкой небольшой чулан, оккупированный по праву старшинства Клавой. Мама спала на печке. Иногда с нею там спали младшие сестры или, в особо морозные ночи, мы с Колей.

В своем закутке я сначала продолжил читать, а потом, как обычно, занялся своей вне учебной писаниной.

Предвидя заказ Юрахи на частушки, лестные для Нинки Богачевой, я попытался начать их сочинять. Но на ум ничего подходящего не шло. Сочувствующая Анюте Булаткиной Люся, упоминая Нинку Богачеву, всегда фыркала по поводу кокетства и коварства той, и мне трудно было настроиться на лирический фимиам этой прельстившей своим жеманством Юраху манерной особе.

Хлопнула дверь, то домой пришел отец. Он навещал внезапно занедужившего дядю Мишу. Несмотря на хворь того, пришел малость навеселе. Видимо, несмотря на недуг дяди, не выдержали мужики и хлопнули по кружке-другой браги.

Мама с недавних пор, а может изначально, на дух не принимала алкогольное веселие отца. И я из своей каморы слышал, как она гневно выражала ему свое недовольство.

Отец так же недовольно огрызнулся, и, отказавшись от ужина, поелде у Мишука, зашел ко мне в камору. Уселся на венский стул с гнутой спинкой и гнутыми ножками, спросил:

— Ты, как, слышал — вставал сегодня?

— Не только, а и посмотрел, как Масленицу жгли на дедовом хуторе, — похвастал я, умалчивая, что меня возили туда, как ребенка, на детских санках, и напомнил:

— Кстати, ты обещал мне рассказать про то, как сорвалась третья попытка деда Лехи обогатиться. И вообще, про послереволюционную жизнь на дедовом хуторе, и когда, почему и как вы с него переселились в Большой Ужин, — напомнил я, пользуясь веселым, и в таких случаях, словоохотливым настроением отца.

* * *

— Что мне особо рассусоливать тебе о нашей послереволюционной хуторской жизни? В столыпинские годы отец богатства в отрубе не добыл, а после гражданской войны тем более не каждому фарт улыбнулся.

Мы в годы нэпа все пять братьев уже взрослыми стали. Да шестой, Васюк Рюханов, к нам в зятя прибился. Отец долго просто не терпел его и не соглашался отдать за него замуж твою тетку Тоню. Во-первых, он, дескать, не духоборского корня, чужевец. Во-вторых, в гражданскую войну, где-то, говорил, в красных частях, а может в бандах махновцев, воевал и, возвратившись, в комбеде часто на их сборищах пропадал.

Но, в конце концов, смирился, и даже согласился в примачи Васюка взять: Тоня-то стареть в девках к этому времени стала, а ни за кого другого не соглашалась идти замуж.

В общем, нас шестеро, да батька седьмой, на артель и без привлечения сторонних людей тянуло. Зимой на легкий невод нас хватало. Тем

не менее, летом батька еще столько же единоверцев приглашал к нам в помощь. В особом доме они у нас на хуторе жили.

Да Прокоп, брат бабы Анны Булаткиной и ее зять Иван Щепетов были при необходимости у отца в артели на подхвате. И снова исполу, как до революции, с нами лямку тянули.

Только выхода у них тогда не было. Землю им после революции дали, да ведь тяглом большинство совсем обнищали — в первую мировую и в гражданскую его ужас сколько побили.

Торговлю уловами и расчетами отец сам одинолично ведал, с нами мало советовался. Мы и не догадывались, что он к этому времени богачом стал.

Обнаружилось это неожиданно-негаданно и смешно. Однажды косили мы болото и травяные плечи между кустами в Кровайно на сено. Возвращаемся, уже крыши хутора показались. Вдруг отец, как завопит. Бросил косу и бегом к дому. А ему уже за шестьдесят шло.

Опешили мы, подобрали его литовку, и за ним. Молодые мужики и парни были, а не догнали. Прибежали вслед за ним на хутор, а он во дворе воеет, мать за косы таскает, с кулаками накидывается. Ничего не пойдем, стали его унимать.

После разобрались... Мать, желая нас порадовать после сенокоса блинками, разожгла вместо летней печки зимнюю, которую летом у нас никогда не топили. А у деда в дымоходе этой печки сбережения были спрятаны — несколько тысяч ассигнациями. И все эти деньги сгорели.

А тогда эти ассигнации после реформы министра Стекольника (вероятно, отец имел в виду наркома Сокольникова) золотое обеспечение имели. На полусотню ассигнацией корову можно было купить. Выходит, блинки матки в целое, во много сот голов, стадо ценой вышли. Долго мы потом потешались: вот так блинки, золотые мать испекла!

— А потом?

— Что потом? Продолжали жить. Только вскоре частников прижимать стали.

— Но вы же были не частники, а артель. А это — кооператив, как я понимаю, как и наш нынешний колхоз.

— А кто это знал? Промысловые или производственные артели в старое время, при царе, то есть, не очень-то терпели. Для всех артели, как деда Кузьмича или дяди Коли, так и батьки, были частными хозяйствами, а их соартельщики считались наемными работниками.

Кооперативы власти признавали, если они вид компаний имели и возглавлялись богатыми компаньонами. А остальные всегда были под подозрением.

— Это при царях, а в советское время?

— А что в советское время? Отцовская артель была отнюдь не советской. Она все-таки частный доход давала своему ватагану. Не просто так батька кроме сгоревших ассигнаций, скопил кубышку империялов,

на которые наша мать потом меня и Ванюка Кузихина из лагеря военнопленных выкупала.

— И как вы коллективизацию встретили?

— О, как приноровиться к власти, у бати тонкий нюх был. Еще когда тоз у нас в деревне образовался, и Васюк Рюханов, кстати, первый в него ушел, отец поехал в Старую Руссу, прихватив пару ящиков судаков и щук, да кошель с имперIALами. А возвратившись, объявил нам, Грихе, Михе и мне, чтобы мы готовились к службе в армии.

Оказывается, он договорился в военкомате, что нас в осенний призыв забреют в территориальную армию на полтора года служить.

— Почему забреют, и что за территориальная армия?

— А это, когда в армию призывали, то, как и сейчас, кстати, парня под ноль не стригли даже, а брили наголо. Ну а территориальная армия — та же красная, советская, только призывники в тот момент служили в основном в своей области или в ее окрестной зоне.

Новгородчина тогда входила в состав Ленинградской области, вот мы в ней и усваивали военные навыки. Я служил под Киришами.

— А дед что?

— А батька, когда тозы стали превращать в колхозы и на него, как на зажиточного единоличника, наложили повышенный налог, его называли тогда «твердо», пригласил на хутор присланного из Питера для организации колхоза коммуниста Забеллу, открыл перед ним дверь амбара и, показывая на полный амбар сетей и такелажа, сказал:

— Все это отдаю колхозу. И шесть сойм тоже. Себе хотел бы оставить пару бродцов, мережек и морд. Впрочем, морды из ивы сыновья могут сызнава стготовить, чтобы душу рыбалкой потешить. Так что и морды можешь забирать».

— И что?

— Взяли. А твердо отцу все же пришлось отвезти в закрома государства. Особенно льнотресту и льносемя, которые ценились, поскольку государство продавало их другим странам.

Тимоха, который еще при деде Николае женился на веряжской крале, но тогда снова ватажничал с нами, возвратился в Веряжу. Старший Кузя, — в честь прадеда был назван, — на Валховстрой уехал. Тоня с Васюком свое подворье начали ладить в Большем Ужине.

Пока это крутилось, мы в армии отслужили и, возвратившись, в колхоз заявление о вступлении подали. Отец уже не возражал. За это время наша матка умерла, и он как-то совсем поник. Свою хуторскую избу в Ужин позволил перенести и одним с нашей семьей домом стал жить. А вообще-то, он с того времени равнодушным к хозяйственным делам стал.

— Ты столько имен братьев назвал, а я знаю только тебя и дядю Мишу, где остальные?

— Давно нет уж их. Тимоша в партизанах голову сложил, Кузя в блокаду где-то в Ленинграде без следов канул, Гриша, — он все на флот рвался, — на Ладоге в войну же утонул.

— А почему вы в территориальных частях служили? Ведь сейчас почти всех большеужинян, как привычных к качке, на флот действительную службу направляют.

— Тогда на флот только комсомольцев отправляли. Комсомол его шэфом был. А нам отец в комсомол под угрозой родительского проклятья не позволял вступать.

— Так он что, против советской власти был?

— Нет, к советской власти он терпимо относился, а комсомольцы, они тогда сплошь безбожниками слыли. Вот отец и . . .

— Колхозы тоже только терпел?

— По-разному. Когда несколько подобрел к нашей артели, председателю на первых порах здорово надоедал жалобами, что колхозники нерадиво относятся к использованию сойм и снастей. Хотя и не его они уже были, а он по любому огреху использовавших их колхозников шум поднимал.

Председатель говорил нам с Ванюком, мужем лельки Лениной, что он уже подумывал избрать нашего отца на собрании членом ревизионной комиссии правления колхоза, поручив ему контроль над состоянием промыслового флота и такелажа. Да не успел.

Почему председатель не успел, и кто был сам председатель, я в этот раз отца не спросил. Снова навалилась, к счастью, как я почувствовал, уже не болезненная, а естественная усталость, — свидетельство выздоровления, — и я раззевался. Видя это, отец наказал спать и ушел по своим хозяйственным делам.

БУНТАШНАЯ ГОРКА У РАШУЧИ

Весна в этом году, в соответствии с предсказаниями деда Федоса, была редкостно мерзкой. Мокрый снег сменялся холодным мелким дождем. Замерзавшие ночью лужи к обеду, когда у первой смены школяров кончались, а у второй начинались уроки, превращались в ловушки из глинистой грязи, затягивающей сапоги горемычного пешехода.

Я жил у Бабичевых почти три недели весенней распутицы. Во-первых, потому, что был еще слаб после болезни для новой дороги из дома в школу и обратно.

Напрямую она у нас верст семь-восемь, но речушка Вилино разлилась заливом чуть ли не до Маковища. И потому большеужинским школярам приходилось добираться не мостом через нее и Малый Ужин, а чуть ли не через Вересково. А такой обходной путь был едва ли не вдвое длиннее, и у меня на него недоставало сил.

Во-вторых, если бы они у меня и появились, я не стал бы тогда терять время на эту новую обходную дорогу потому, что сознавал, насколько

сильно отстал за время болезни от одноклассников. А становиться второгодником мне не хотелось.

Поэтому я попытался самостоятельно ликвидировать пробелы, которые образовались в моих школьных знаниях. Последовательно прорабатывая — параграф за параграфом — наши учебники. А также время от времени консультируясь по непоняткам с борисовскими отличниками и хорошистами Юрой Марковым и Леней Финагиным.

Однако, когда у меня в дневнике снова начали устойчиво появляться пятерки и четверки, и капризный сопливый апрель сменился засиявшим солнышком маем, а окрестные поля зазвенели песнями жаворонков и отдаленным рокотом моторов «хатэзэшников», «четэзэшников» и «дэтэзэшников», мне пришлось, подчиняясь наказу мамы выйти из состязания наших хорошистов на звание круглого отличника и начать пропускать школьные дни или уроки.

И все это для того, чтобы помочь сестре Тоне в освоении нового для нее дела учетчицы тракторной бригады. Ею ее сделали незадолго до родов сына.¹⁶

Выполняя наказ мамы, по воскресеньям и один-два будних дня полностью, а в остальные дни недели в прогуливаемые мной через день смены и пропускаемые уроки, я сопровождал сестру в ее учетных вояжах по полям, помогая ей в вычислениях площади пахоты, бороньбы или посеянного трактористами тихановской бригады.

Я надеялся, что, поскольку учебный год близится к концу, то положительные четвертные оценки мною уже наработаны.

Ну а то, что на моем тщеславном желании стать круглым отличником можно было, без сомнений, ставить крест, так это проблемы моих амбиций.

Правда, отправляясь в вояжи с Тоней, я брал с собой учебники и в каждый удобный момент, например, пока Тоня и очередной колхозный бригадир измеряли рулеткой объем работы, заглядывал в них. Однако, не зная, на какие моменты в прочитанных мной параграфах учитель обращал внимание одноклассников, естественно, многое, важное в них для полноты моих знаний, упускал.

Учителя недоумевали, почему я в слякоть весенней распутицы был образцом дисциплины и посещаемости, а в благоприятную погоду вдруг опустился в круг «нестабильных» школяров, и списывали это на мою усталость вследствие болезни.

И я не пытался их переубедить.

* * *

В тот день было воскресенье. С легкой душой, что не прогуливаю уроки, а пользуюсь законным выходным, ранним майским утречком

---

¹⁶Причину и суть этого наказа я объяснил в заметке «Деды были культурнее нас», публикуемой в четвертой главе социохроники Большого Ужина.

я топал следом за Тоней проселком в Большое Учно. Прежде, чем пойти замерить пахоту трактористов бригады Тиханова в чернецких полях, Тоня решила навестить в этой деревне молодого парня — полуприцепщика, полу тракториста Васю Михалева.

«Полу» потому, что из-за нехватки технически грамотных людей Михалев, будучи еще несовершеннолетним, только числится прицепщиком, а на деле, заменяет трактористов, пашет, боронит и сеет на ХТЗ, не окончив даже краткосрочных курсов в МТС. А сейчас он уже третий день не являлся на работу.

Бригадир дядя Саша Тиханов задерживался в Новгороде по делам, и некого было спросить о причинах прогулов. Вот Тоня и решила сама выяснить их. Ведь Василий серьезный, даже несколько угрюмоватый, мускулистый не по возрасту, парень, не способный на беспричинное разгильдяйство.

Проселок, которым мы шли уже, покрылся бледной медно-желтой окаменелостью. Но был так изрыт колеями и ухабами с застойной водой, бессильной пробить их глинистое ложе и впитаться в землю, что мы предпочитали идти обочиной по тропке в пробивающейся молодой травке.

Пройдя напрямик межой огорода дяди Лени Каминского, миновали поперек двухрядное, расположенное вдоль берегов речки Учонки, заросшее садами сельцо Малое Учно дворов в пятнадцать-двадцать.

За деревянным мостом через Учонку прошли мимо садов, из которых на нас пахло, было, прелыми яблоневыми листьями. Сквозь их запах едва ощутимо потянуло ароматом ольхи и еще тонкими духами ранней черемухи.

Затем снова вышли на дорогу через поля, над которыми заливались жаворонки. Здесь над нашими головами, пикируя и одновременно делая стремительные кругали, жалобно заголосили вечно заполошные чибисы. Отстали от нас только почти у самой околицы деревни Большое Учно.

У входа в деревню, в заулке третьего подворья по правую от нас сторону, увидели с подойником в руке молодуху Марусю Заверткину. Родственницу Василия: то ли его тетку, то ли жену его дяди бригадира полеводов Петра. Поздоровавшись, Тоня, естественно, поинтересовалась, что с Васей Михалевым, почему он третий день не ходит на работу.

Худенькая, похожая на подростка Маруся, поставив на землю подойник со свежим молоком, всплеснула руками:

— Ой, Тонюшка, беда у него, дед умирает. Васе и деда не на кого бросить, разве, что мы с Петром иногда на время его подменяем, так ведь и у нас свое дите и хозяйство не на кого оставить. А от него самого живность на дворе ухода требует. Зашивается совсем парень, не до колхозной работы ему.

— Если бы колхозной, а то — государственной, энтээсовской для колхоза работы, — в смятении вздохнула Тоня, и сказала укоризненно: — Хотя бы весточку послали, чтобы трактор не простаивал. Как-нибудь смены перекроили бы. . .

— Так посылали мы весточку Тиханову с Оноховой Лизухой, да она, сказывает, дома его не сыскала. А кому еще вестку посылать, не знаем. Про тебя мы и не подумали, что ты теперь не на машине, а учетчиком стала и, значит, с руководством связана.

— Схожу, поговорю с ним, потом с мужиками из бригады посоветуюсь, что-нибудь насчет работы они придумают. А вот по дому Василию, чем помочь, думать надо, — сказала Тоня.

— Да уж всякое думается, Тонюшка. А только женить его надо срочно. В этом месяце ему, кстати, совершеннолетие наступает. Дед, даже если и опорякнет сейчас, долго не протянет. И без жены Васеньке хозяйство одному не сдюжить.

Жалко. Дом у них добротный, да и сад справный. Пасека и подворье тоже справные. А все рухнет. Ты поговорила бы с. . . — Маруся искоса метнула в меня беглый взгляд и, запнувшись, продолжила — с ней. С ним я говорила и он согласный, что жениться надо, только ни о ком, кроме нее и слышать не хочет. . .

— Да ведь просто так напрямки об этом с ней не поговоришь. Он еще малолеток. Ей тоже не бог-весть сколько годков. Она еще только вкус к вечеркам почувствовала, плясать хочется, а тут такой груз на себя брать.

Молодая семья в деревне ведь не то, что в городе, тем более в данном случае, когда сразу под хозяйство надо силы дюжить. — маминим языком задумчиво сказала Тоня и добавила: — Ну а обиняком я с нею начала разговоры.

— Твоя правда, Тонюшка, девонька еще и не повеселилась, как следует. Да только и его бедолашного жалко, с пяти лет без родителей со стариками, а последние годы только с дедом. А Лю., девонька ласковая такая, разумная, глядишь с нею и он выправится. А то в последнее время он беситься начал, силушку некуда девать.

Слышала, наверное, как он Юраху Тетитонькина и Павлуху Булаткина на престол Фрола в нашей деревне прошлым летом, осерчавшись, отвозюкал, и чуть не покалечил.

— Нет, об этом они мне ничего не говорили, постеснялись, наверное. Да и то представить только картинку: еще почти подросток и вдруг их парней чуть не отвозюкал, как ты говоришь. Одного почти взрослого, а второго вполне взрослого, — нахмурилась и одновременно улыбнулась Тоня. И полюбопытствовала: — А чего они не поделили-то?

— Да из-за нее и свалка получились. Они потребовали у Васи, чтобы он не пристаивал к ней, и пытались показать, что ему будет от них, если

он не послушается. А он, осерчав, их как кутят в заулке у Мироновых раскидал.

Он ведь с малых лет не по возрасту сильным растет. А сейчас, когда нервы у него из-за неустроенной жизни оголенные стали, срываться начал. Чуть что не по нему, начинает свою силушку показывать, — разоткровенничалась Маруся, а затем, спохватившись, видно, что вроде бы и не хвалит, а хает племянника, испуганно затараторила:

— Вообще-то, он разумный и на добро отзывчивый парень. Так, что при хорошей жене, и он хорошим мужем будет. Только сейчас бы его не упустить, чтобы его вспыльчивость от неустроенности в постоянное озлобление не перешла.

А уж как он к ней тянется, видно с первого глаза. Только не умеет он по неопытности подойти к ней. И, похоже, пугает своей вспыльчивостью. Хотя в обычное-то время он молчун, а когда не молчит, то и шутник даже. Своеобычный, правда.

К тому же он дельный, мастеровой парень. Будешь заглядывать к ним, погляди, какой он хлев знатный, без чьей-либо помощи, в одиночку, бревна ворочая, отгрохал. Рукастый он на сельские работы. Вот и с садом у него ловко получается, да и за пчелами деду с умом помогает управляться. В общем, все-то у него, что касается деревенских дел, получается.

Да вот проговорился он на днях что, если дед умрет и с нею у него ничего не сладится, то в город уедет. А что ему в нем делать? Собьют там его молодого с панталыку.

* * *

Отойдя от подворья Заверткиных по направлению к избе Михалевых, я подозрительно спросил Тоню:

— О какой это Лю, которую пытается окрутить Василий, его тетка говорила? И какое дело Юрахе и Павлухе до этой Лю?

Тоня, чувствовалось, немного смешалась, потом как-то скомканно, с запинкой ответила.

— Да есть у на... здесь такая Любаха Онохова, вот в неё Вася, говорят, и влюбился. А может, сознает, что в его ситуации, ему лучше всего жениться, чтобы дома и домом жить, и потому облюбовал эту Любаху в невесты.

Ей он не очень нравится, а может, пугает ее его настойчивость. Ведь он ее по пятам преследует. А она и не наигралась еще в девичестве-то. Вот Юраха и Панок и попытались, видимо, утишить прыть его ухажерскую. Как-никак, а Любаха их родня, и, видать, попросила их помочь.

— Так ведь Маруха Заверткина говорила о какой-то Оноховой Лизухе, а не Любы, — не отставал я, пытаюсь разобраться, что насторожило меня в недавнем разговоре.

— А это ее младшая сестра, — запнувшись, сказала Тоня и, свертывая мои расспросы, поспешно добавила:

— Пойдем скорее, я еще с бригадиром Матюхой Боркановым договорилась, что мы пойдем замерять не только чернецкое, но и пеньковское поле.

Однако мы и без того уже подошли к избе Михалевых. Тоня постучалась, но никто на стук не отреагировал.

Тогда она толкнула легкую дощатую дверь, та оказалась незапертой, и мы, миновав ступеньки небольшого внутреннего крыльца, через сени прошли к основной дубовой двери непосредственно в избу. Та оказалась тоже незапертой. Мы вошли и Тоня, не отходя от порога, громко окликнула:

— Есть кто дома, хозяйева?

Из чулана, отгороженного от входной двери дощатой стенкой, оклеенной немаркими в сизо-коричневых цветах обоями, и ситцевой однотонной занавесью, еле слышно послышались ответный, перебиваемый кашлем с оттенками полу стона вопрос и приглашение:

— Кто там? Покажись. . .

Отодвинув занавес, Тоня — и я с нею — заглянула в чулан. На кровати, укрытый теплым лоскутным одеялом, учащенно дыша, лежал мосластый, по контуру укрытия видно было, и взлохмаченный старик. Тоня поздоровалась:

— Доброе утро, дедушка! Учетчица я в тракторной бригаде, пришла узнать, почему Вася на работу не выходит. Теперь сама вижу, почему. Не надо ли тебе чего, и где он?

— Попить!.. В хлеву он, корову пытается подоить. . . Раньше я сам доил. Теперь ему приходится. . . Да что-то корова его не принимает. Худо ему дойка дается, третий день мучается. . .

— Вовка, принеси дедушке попить, и что еще попросит, сделай. А я схожу, Василию помогу, — скомандовала Тоня.

* * *

За зимней печкой у приступка второй, задней двери, видимо, в сторону хлева, куда и ушла Тоня, стояло цинковое ведро с водой в его четвертушку. Далее стоял стол с кружкой и другой не убранной посудой. Я тоже хотел пить и, зачерпнув воды, сделал глоток-другой. Вода оказалась теплой. Тем не менее, сполоснув кружку, я набрал ее и принес старику.

Видя, как поднеся дрожащей рукой ее к губам и сделав жадный глоток, он, тем не менее, поморщился, я сказал:

— Если ничего другого пока не надо, я сбегая к колодцу, принесу свежей прохладной воды.

— Сделай божескую милость, если ведро для тебя не тяжело, — прохрипел старик.

Колодец был на противоположной стороне деревенской улицы, напротив дома Михалевых. Быстро сбегав к нему, притащив почти полное ведро, — набрать полное и вытащить его журавлем¹⁷ у меня после болезни силенки все-таки не хватило, — я предложил:

— На загнетке зимней печки я видел примус. Может вам чаю согреть, а то я умею с примусом обращаться.

— Подожди, ты откуда и чей?

— Я брат Тони, которая ушла корову доить. Мы из Большого Ужина. Отец Иван Куликов, а мама — Мария, родом Булаткина.

— Хм. . . Знал я деда Кулика и Ваню помню. А с Петрухой Булаткиным мы на Бунташной горке. . . в пятом году. . . скорешились. И даже дачу Меньшиковых мы тогда подпалили. . . Как нынешнего хозяина Кремля, его звали, . . . Осипом. . . Говорили, что сын его не худой человек был, но он в основном в Питере жил. . . Да сам-то Осип сущий зверь был. . . Вот мы их и того. . .

Попив воду, старик немного оживился. Видимо, ему осточертело, молчать, лежа одному. И он, задыхаясь, тем не менее, продолжал, скрипуче вспоминать. А я, чувствуя его жгучее желание поговорить, не решался идти разжигать примус, а присев на табурет возле деревянной кровати, в который лежал дед, со старанием слушал его негромкое бормотание.

Да мне и любопытно было услышать хотя бы что-то про Бунташную горку, о которой упоминала еще лелька Ленина, а потом и тетка Тоня.

А дед, переведя дыхание и еще глотнув свежей воды, продолжал приглушенно бормотать:

— И бабку твою Анну Булаткину помню. . . как она на санках через нашу деревню рыбу на продажу возила. . . на себе.

А с братом ее, кателевским Прокопом, мы часто на Бунташной горке в шестнадцатом — семнадцатом году общались. . . Ведь до нее из Кателева, как и от нас, всего-навсего верст пять-шесть будет. . . К тому же он в иные годы в артели у Кулика промышлял.

И потом мы с ним в ЧОНе служили. . . А как-то даже в территориальной армии повстречались. . . На сборах. . . Жалко, в последнюю войну он, незнамо где, без вести пропал. . .

— Что за Бунташная горка? Где она была?

— Так, между Рашучей, Ворновым и Наговым взгорок этот и посейчас стоит. . . Ну, а в бунташные годы мы, чуть-что, там собирались. . . Протест прокричать, умных людей послушать. . .

Туда удобно было не только местному люду с окрестных деревень добираться, а и политическим из Старой Руссы и даже Новгорода. Большевики редко, больше эсэры и анархисты наезжали.

---

¹⁷ *Журавль* — колодезное сооружение, с помощью которого селяне, используя принцип противовеса, доставали из глубин колодца ведрами воду.

* * *

Хлопнула дверь, с подойником, полным свежего молока, вошла Тоня. Налила его в кружку и с ломтями магазинной пшеничной краюхи принесла в чулан:

— Позавтракай, дедушка. Вася сказал, что ты еще не ел. Сам он повел на выпас за огородом телят. Сейчас будет. Тогда и посоветуемся, что будем делать, пока ты болеешь.

Действительно, не успел дед один кусок каравая прожевать, запивая молоком, хлопнула дверь, и вбежал, похожий на вопросительный знак, одетый в брезентовый комбинезон Василий. Его вопросительный взгляд был уставлен на Тоню.

Я припомнил, что неоднократно видел его издали на ужинских вечёрках, в которых мы школяры не участвовали, но вокруг которых колготились. На голову повыше Юрахи, ростом с Панка, но, хотя видно, что еще не оформился взрослыми годами, с более чем у того, широкой грудью и мужицкими кулаками.

Тоня не стала играть в молчанку:

— Думаю, дедушка, не стоит Васе в роли сиделки при тебе сиднем сидеть. Надо кого-нибудь из соседок попросить подомовничать у вас, да и за тобой приглядеть. Если заплатить по тарифу медсестры, как в Наговской амбулатории, думаю, она и на подворье спроворит дела сделать.

— Да кто же согласится-то, у всех свои заботы, — проскрипел дед. Василий согласно мотнул головой, выражая сомнение.

— Я с Тонковой Настасьей поговорю. Сходим с Володей сейчас в Чернецы и Пеньково, с Матюхой Боркановым замерим пахоту, часа через три возвращусь, и поговорю.

— Говорил я с теткой, не соглашается она, — отрывисто обронил Василий, конвульсивно сжимая кулак.

— Если я попрошу, согласится. Я знаю, чем на нее нажать.

Дед хмыкнул, Василий удивленно округлил глаза.

— Если оба согласны на это, то я пошла, об остальном поговорим, когда приду из Пенькова, — пообещала Тоня.

Озадаченный ее уверенностью, что она результативно воздействует на увертливую Настасью Тонкову, я попрощался с дедом и заторопился за нею.

* * *

Дальнейшее продолжение последних эпизодов той своей заготовки запишу, как его помню. Мы с Тоней, после встречи с чернецким и пеньковским колхозными бригадирами и совместных с ними замеров работ, сделанных эмтээсовскими трактористами в их колхозах, на обратном пути действительно снова заглянули к Михалевым.

Тоня отправилась на встречу с их дальней родственницей Настасьей Тонковой, чтобы договориться, что за некоторую плату та будет, пока дед болеет, обихаживать подворье Михалевых. Дважды в день давать живности корма, доить корову, выпускать ее на выпас с деревенским стадом и встречать вечером с выпаса. Готовить обеды в расчете раз на два дня и забегать, благо бегать недалеко, между их подворьями метров двести, чтобы узнать житейские нужды деда и помочь ему сладить с ними. . .

Я в это время поуаживал за дедом. Собственно, ухода он не требовал, а вот поговорить ему, как оказалось, хотелось. Молчун Василий всем был хорош, но деда, погруженный в собственные переживания, которых, казалось ему, никто не поймет, беседами не баловал. У меня насчет «поговорить», задержек в тот период жизни никогда не бывало.

Привыкнув дорожными часами по пути в школу и обратно пересказывать однокашникам книги, сказки, небылицы, я незаметно для себя постепенно превращался в записного говоруна и хохмача.¹⁸

Делая для деда какие-то мелочи, и одновременно развлекая, я несколько раз, похоже, даже распотешил его. Во всяком случае, мрачно-страдальческое выражение его лица несколько разгладилось, и он даже попытался поведать мне какие-то истории из своей прошлой жизни.

Я, переживая, что слова даются ему еще с напряжением, переводил эти его попытки на свои смешинки из большеужинской жизни, каждого взрослого персонажа которой он, оказывается, знал.

* * *

Однако Тоня задержалась на переговорах с Настасьей Тонковой и я, памятуя наш последний разговор о Бунташной горке и чтобы занять время, все-таки спросил деда:

— А, как и откуда вы узнали о свержении царя?

— Ну, Питер от нас не так далече, два-три дня дороги справными конными санями. К тому же от Старой Руссы до станции Дно и тогда местный паровоз каждый день пыхтел. А его ведь там, вроде бы, прямо в вагоне, уговорили его генералы и министры отречься от власти.

Вообще же наш здешний народ на заутренней службе от пеньковского попа узнал об этом. Обычно он всегда возглашал «Многие лета» царю и его семье, а тут умолчал.

---

¹⁸От этой небезопасной для социализации подростка привычки я избавился только через несколько лет, оказавшись в Москве в окружении журфаковской (МГУ) молодежи. Большинство моих однокурсников на нашем факультете оказались старше меня — почему, расскажу позднее — и, несомненно, как я понял, искушеннее жизнью. А возможно, как не противилось признанию этого мое самолюбие, и образованнее меня.

А у нас тогда было много искушенных в церковных молитвах начетчиков, сразу сообразили. Не иначе, что-то неладное произошло в стольном Питере.

А на следующий день во время своей очередной заутрени поп и вовсе не царю многие лета возгласил, а Временному правительству. . .

— И как народ отнесся к этому?

— А что народу-то делать?.. На Бунташной горке с неделю погорланил. В основном одобрительно. Хотя, по правде говоря, были и сокрушительные стоны. Потом же на какое-то время все в народе, вроде бы, устаканилось.

Только вот революционеров больно много на нашей Бунташной горке стало той порой появляться. И чаще всего из поповичей.

— И надолго устаканилось-то?

— Да нет. Просто со временем вместо поповичей чаще большевики начали к нам приезжать. Даже из Питера.

А затем у нас такая ли несусветь иерусалимская разразилась! На несколько лет, можно сказать, каша заварилась, никому покоя не стало. В Старой Руссе поезда с солдатами начали вне расписания то и дело шмыгать: то в Петроград, то на Псков, а то и вовсе на Москву.

Кто на кого и кто за кого? Не сразу, бывало, без кружки самогона и разберешься. . .

Дед разволновался, задышал тяжелее, и я прекратил свои расспросы, чтобы он успокоился.

Тоня пришла, покормила деда, а затем мы пошли домой. Ей еще надо было кормить своего первенца, моего полугодовалого племяша Коляшу.

На обратном пути, я поинтересовался, как ей удалось уговорить Настасью Тонкову помогать Михалевым. Ведь та злилась на Василия и всячески ругала, обзывая «бандитом» за то, что тот время от времени поколачивал своего троюродного братца Юрку Тонкова за прохиндейство и ябедный характер.

Тоня усмехнулась:

— А я ей пригрозила, что иначе расскажу тебе, как она мутит деревенских баб своими колдовскими штучками, и ты про это в газету напишешь.

Признаться, услышав это, я чуть в кювет придорожной канавы не свалился. А оправившись от неожиданности, спросил с возмущенной обидой:

— Выходит, вы меня местным пугалом делаете?!

— Да ты не сердись, это я так, в шутку ей сказала, а она забоялась и согласилась поухаживать за дедом. На пользу же пошло, — извинительно улыбнулась Тоня.

* * *

Закончу сюжетную линию с тогдашним обустройством жизни Василия Михалева.

Дед в тот раз оклемался, и Тоня с бригадиром Тихановым уговорили Василия поехать в Боровичи в СПТУ, учиться на механизатора широкого профиля.

Чтобы облегчить быт деда, корову сдали в колхозное стадо, и дед ходил по вечерам на молокоприемный пункт по соседству с их домом, где ему выдавали бидончик молока, а в конце каждого месяца энную сумму за удои их Чернушки. Свинью и поросят дед с Василием продали при посредничестве Тиханова колхозу.

Деду оставалось разве что дать курам утром и пополудни горсть-другую пшена или иного зерна, да их небольшую, в семь ульев, пасеку обихаживать. Что было ему не в тягость.

Я время от времени, когда бывал в этом краю, чаще всего попутно, во время возвращения из моих вояжей в редакцию «Старорусской правды» или к районным врачам, заглядывал к нему отдохнуть от дальней, проделываемой пеше, дороги. Заодно побеседовать, выпытывая крошки памяти старика о давнем и недавнем, особенно военном, и полакомиться сотами с медом.

Заглядывала к Михалевым, как обещала Василию, и Тоня, чтобы прибраться в доме. Дед вообще-то был аккуратист, да старческое бессилие его уже подводило. Причем месяц от месяца все сильнее.

И вот пришел день, когда дед внезапно умер. Вечером лег, а в полдень следующего дня зашедший, чтобы навестит деда, Петро Заверткин нашел его уже мертвым.

Василий к этому времени в училище уже подошел к выпуску. Приехал, похоронил деда, и вновь уехал в Боровичи оформлять свою профессионализацию.

* * *

Став механизатором широкого профиля, Василий возвратился в бригаду Тиханова и стал, как и встарь, жить в Большем Учно. Естественно, в унаследованном от деда доме. Об угнанных в войну в Германию его родителей по-прежнему не было ни слуху, ни духу.

Я к этому времени уже понял, что пресловутой «Лю..» была моя третья сестра Люся. Но еще раньше, с разрешения деда, я, увлекшись мичуринской селекцией и нуждаясь в земле для своих опытов, заложил часть их в михалевском саду.

Возвратившись, Василий не возражал против них, тем более что старую, довоенной посадки часть сада необходимо было корчевать и обновлять.

И в совместных хлопотах — он за пчелами, я за посадками — мы, видимо, на это он и рассчитывал, незаметно сблизились.

А потом меня закрутила рутинная круговерть повседневности — очередной пневмонии, выпускных экзаменов за семилетку, учебы в новой средней школе с новым контингентом однокашников. Затем незаметно наступила зима, и всё мое время, все мои интересы поглотили учеба и хобби.

Поэтому я не помню даже, когда и как Люся вышла замуж за Михалева, и перешла — переезда не потребовалось, ведь наши деревни рядом, считайте, и приданое уместилось в одном чемодане — жить в Большое Учно.

По-моему, свадьбы, в смысле разгульной помпы, у них так и не было, все прошло буднично и по-деловому спокойно.

Из тогдашней их жизни помню только, что через полтора года я стал частенько ходить разбитым колеями проселком в Большое Учно, чтобы посидеть с первенцем Михалевых Витей. Его молодые родители назвали так в честь запропавшего в Германии отца Василия.

Кстати, следующую за ним дочь они назвали Ниной, в память его матери. А тогда, — пока Люся обряжала колхозную живность, поскольку тогдашний председатель Шуплецов уговорил ее поработать свинаркой, а яслей в колхозе еще не построили.¹⁹

---

¹⁹ Потом периодическое общение с Михалевыми продолжалось у меня многие десятилетия учебы в МГУ и жизни в Москве, пока Василий не умер лет семь назад, а Люся несколько лет спустя. Но об этом я еще расскажу в последующих материалах автобиосоциохроники Большого Ужина.

Глава пятая

СУДЬБЫ ПОТОМКОВ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ

Собственно говоря, речь в данной главе пойдет в основном о нескольких представителях наших комиссаровских и староверовских родов, которые оказались участниками судьбоносных, как для них, так и для страны, событий в советской уже России довоенного времени.

Они не совершали подвигов, и в их поведении в малой степени отразилось их мировоззрение старообрядческого характера. Да и вообще, я сомневаюсь, что все они скрупулезно следовали его велениям.

Но они были органической частью большеужинского мира. И события, участниками которых они оказались, при всей незначительности влияния на них самих этих участников, до сих пор мощным геополитическим и цивилизационным эхом влияют на социальную ментальность современной капиталистической Российской Федерации.

Это резонансное эхо вклинивается в текущую глобальную реальность отношений Запада с Россией, оказывает сильное влияние на международную политику ее буржуазных правителей и питает мировоззренческий и социально-политический раскол нынешнего классово антагонистического российского общества.

КОМУ СЧЕТ?

После нашей с отцом поездки в Бурегу к врачу, лелиных растираний мне и уколов чудодейственным пенициллином, а потом нескольких походов с Тоней по обрабатываемым трактористами Наговской МТС колхозным полям, судорожный, чуть ли не припадочный кашель от меня отступил.

А привычные в последние два-три года покашливания с бледно-желтоватой мокротой у меня в общем-то не вызывали беспокойства и, соответственно, не побуждали в установившиеся солнечные летние деньки кутаться теплее.

Что меня и подкузьмило в очередной раз.

На днях мы с Тоней и пожилым пеньковским бригадиром Матюхой Боркановым, замеряя и актируя пахоту трактористов тихановской бригады на колхозных буграх за деревней Ретлё, полагаю, на той самой Бунташной горке, о которой говорил дед Михалев, попали под дождь с градом.

Укрыться нам было негде. Растущие вдоль сооруженной грейдером полуканавы-полуканала хилые кусты оказались никудышным заслоном от стихии, и меня основательно, до синяков на руках и шишек на моей голове – Матюха был в трухе, у Тони густые волосы, да к тому же

она в трикотажной шапочке, а я даже кепку оставил дома, — посекали градины. Если не с голубиное, то с воробьиное яйцо, точно.

Притом не круглые или овальные, а с острыми гранями, как будто в небесах кто-то раскрошил льдину, да и обрушил ее осколки на землю.

Но синяки, ладно бы. Только замерзли мы, как цуцики.

Матюхе, впрочем, опять же ничего, он не только в треухе, но и в промасленном ватнике и сапогах. Тоне в короткой жакетке больше досталось, промокла насквозь. А меня, в атласной аляске с короткими рукавами, мало градом посеколо, так и дождем с ледяной пылью, как люху, до костей промыло.

А небо, даже когда дождь прекратился, так и осталось в тучах. И пока мы с Тоней медленно тащились, часа полтора, через Выселки домой, я основательно околел. Даже зубы перестали выбивать чечетку, скулы как затворило незримым ключом в неподвижной гримасе обиды на небеса или в оскале на всевышнего.

И конечно, я, не успев полностью выздороветь от предыдущего обострения моей хронической бронхо-легочной хреновины, именуемой домашними пошавой, по приходе домой, заболел по новой. Несмотря на то, что меня и выпарили в бане и напоили какой-то гадостью с нутряным салом и питьем настоя на травяном сборе лели Лениной. Затем уложили пропотеть на горячие кирпичи печки под отцовский тулуп. Его он надевает, уезжая конными санями зимой по льду на весь день со своей ватагой вглубь озера промышлять рыболовецким большим неводом.

* * *

И снова меня начали кошмарить. То ли в полуобмороке, то ли в полудреме передо мной проплывали, начавшиеся, было, забываться страшилки событий, случившихся с нами за колючей проволокой. Но не памятной, а только подобной той, за которой нас держали в Шимском концлагере.

И что удивительно, на этот раз я почему-то знал, что это не та, свитая в кольцо белесая немецкая бесконечная проволока Бруно, а другая. Из параллельных рядов одиночных железных нитей с колючками, тронутая ржавчиной проволока.

И на фоне её — зловещая картинка рукотворного армагеддона и парализующее ощущение страха. Мы бежим-бежим, а сзади, настигая нас, катится, подминая под себя лес, кустарники, ручьи... сизо-зеленая от земли, а в небесном зените коричневатая туча.

В ее устрашающе ворочающихся клубках и лохмотьях торчат оскаленные человеческие черепа, подобные тем, какие мы после войны часто находили в кустах Кровайно.

Я со скаткой солдатской шинели через плечо отчаянно бегу, и чувствую, что не смогу убежать. Из моих глазниц что-то или кто-то без-

жалостно выдавливает заливаемые слезами с супесью зрачки, и я падаю в беспамятстве. . .

Когда я очнулся, в поле моего зрения попал учебник истории, забытый мной возле печной трубы и открытый на развороте страниц, повествующих о гражданской войне на архангельско-вологодском Севере.

На одной из страниц увидел рисунок с баракон на заснеженной опушке хилого леса, окруженной частоколом полу бревен полу жердин с прибитой к ним проволокой. Как в Шимске, только проволоки меньше и бревна тоньше, а жердины, наоборот, толще, чем на ограждении Шимского концлагеря.

Вспомнил, что это я перед вояжем с Тоней по пеньковским полям учил пропущенный урок истории СССР. И на рисунке — фрагмент англо-американского концлагеря Мадьюг, где содержались военнопленные красноармейцы и арестанты из приверженного советскому строю мирного населения. . .

Но причем тут страшная туча с безглазыми черепами? — удивился я. И тут мне вспомнилось то, что я, кажется, никогда ранее не вспоминал. И вообще, казалось, прочно забыл. . .

* * *

Послевоенный год.

Мы с Володей Булаткиным мышками притихли в палатке слепого деда Лёхи, где он обитал. А вместе с ним и обихаживавшая его племянница леля Наташа. Это после того, как в грозу сгорела от удара в неё молнии их изба.

Лели нет, но кроме деда Лёхи в палатке на чурбане, за неимением стульев, сидела женщина из Евахнова. Она тогда помогла нашему колхозному счетоводу Василию Принцеву привезти из этого отдаленного сельца его парализованного родича Витаху Сытина. Женщина тихо говорит:

— Я уже незадолго перед этой войной узнала, что ты служил с моим братцем Федей Зудиным в ту еще гражданскую бойню на Севере, в которой он сгинул, а ты ослеп. Не раз понякалась тогда же приехать, узнать, как это случилось. Да не успела, как новую бойню в нашей стране германцы начали.

А ведь ничего, никакого извещения о судьбе Федеи мы по окончании гражданской никогда и ниоткуда не получали. Был человек, и пропал без следа земного.

Только через полтора десятка лет прослышали мы про тебя, что ты живой. И ведь Федя же с тобой из Старой Руссы уходил на мировую.

А нам еще в гражданскую войну единственная весточка про него от веряжского Егорки Филатова, которого безногим привезли домой откуда-то с Вологодчины, до нас дошла. Будто видел он Федю с тобой в гражданскую в архангельских местах, с той стороны реки Вологды.

Покойный батя наш уже в коллективизацию съездил туда в надежде, хоть какие-нибудь следы Федины сыскать. Ничегошеньки не нашел. Даже следов деревень тех Чунова, Чорги, Запольки, которые Егорка называл, будто там видел некогда вас живыми, не сыскал.

Местные люди сказали, что земли тех деревень кто-то чем-то отравил, для жительствова они непригодными стали. А потому и уцелевшие в гражданской войне люди из тех селений поразъехали оттуда в разные иные веси. . .

* * *

Она замолчала в напряженном ожидании ответных слов деда Лёхи. Тот и после того, как она перестала говорить, некоторое время помолчал, как бы собирая слова или воспоминания. Потом, глуховатым, и будто извиняющимся тоном, стал в свою очередь рассказывать:

— Правда твоя, служили мы вместе с Федей, и дружили. По царской мобилизации в Карпатах. А потом, когда царя свергли, большевики к власти пришли, по призыву солдатских Советов в Карелии. Затем, в Архангельской губернии. В местах вдоль Ладоги и Онеги, южнее Белого моря, и на Вологодчине.

Отступали мы там тогда. То туда, то сюда от противника бегали. Ведь белые лучше нас были вооружены.

А тут еще им в помощь иностранцы полезли. Американцы, французы, англичане на наш Север пришли. И не столько вояками, сколько танками, артиллерией, аэропланами им начали знатно помогать.

Особенно англичане стали много в архангельских местах нам гадить. Их аэропланы начали нас химией травить. А их артиллерия химические снаряды против нас в ход пустила.

У нас же от всей этой гадости ни противогазов, никакой иной защиты не было. . .

Рвоту, кашель с кровью, паралич смертельный или временный, те газы вызывали у людей. . .

Вот в тех деревнях, что ты назвала, и прихватили белые нашу роту. Егорку изначально контузило или ранили, и его увезли в Вологду, в лазарет. Почему ему ноги отняли, я, признаюсь, не ведаю.

А потом с нами эта катавасия с химией приключилась. Из того времени мало что помню, в панике, как и вся рота, был.

Помню только одно, пролетел над головами английский аэроплан. И сразу оттуда, где он пролетел, грязная туча между небом и землей выросла, и разрастаться стала. Про такие тучи мы были уже понаслышаны. Особенно про то, что от них с людьми, скотиной, птицей и зверем приключается.

Смертоносными для всего живого были они.

А потому, постреляв из винтовок вслед аэроплану, мы бросились бежать. Надеялись до реки добежать и в камышах в воде отсидеться.

Потому как слышали, что в сырости горчичный газ, а туча была из него, слабее действует.

Только не добежал я до реки. Видать, вдохнул этот газ, сознание потерял и в мокрый мох носом уткнулся.

В лазарете потом говорили, что это и спасло меня. . . Что через мох, как через мокрую марлю, дышал.

А вот глаза. . . Еще когда падал, жуткая боль в висках резанула и в глазах отдалась. Будто вырывали их из глазниц или полопались они, по взрывному что ли.

Ну, а что с Федей случилось, признаться не видел. У нас тогда, почитай, вся рота полегла безвозвратно в землю.

Да и не только мы, а с нами и многие жители тех деревень, что ты назвала. Ведь эти анчихристы²⁰ с аэропланов и на них валили бессчетно свою страшную отраву.

Такая вот, не людь иноземная, полезла тогда на нашу страну из-за границы.

О ЧЕМ ОНИ СОЖАЛЕЮТ?

Изначальный интерес к теме нашей предвоенной жизни проснулся у меня, как сейчас помню, летом в год возвращения отца домой из молотовского госпиталя. Там ему хирурги залатали перебитую осколком снаряда лодыжку, срастив ее в укороченном варианте. Тем не менее, он на всю жизнь остался увечным инвалидом.

То есть, было это лет шесть назад.

Выздоровливая и вынужденно бездельничая, — как-никак каникулы, — я решил описать еще один эпизод из тогдашнего нашего времяпрепровождения.

Тогда отец еще не втянулся в промысловые хлопоты колхоза, и мы с ним любительствовали свободной рыбалкой — мордами, мережками и бродцами.

И вот помнится: мы с отцом вдвоем несколько часов полоскали своим бродцом небольшую излучку Релки. Что предшествует Каменному Носу Кровайно. И не безуспешно.

Добыли любителя холодной воды налима, бог знает зачем, сдури, вылезшего из своего каменного тенечка в свободное плавание и запутавшегося в нашей сетке. А также — пяток таких же дурных, поскольку то был не их сезон, раков в плотных красно-рыжих панцирях, несколько подлещиков, с десятков окушков и с добрый котелок карасиков.

Я до крови сбил себе о тамошний плитняк ноготь на моей правой ноге, бледной до восковой белизны от длительного пребывания в воде. Замерз, как цуцик, и жутко хотел есть.

---

²⁰Так произносили тогда не только дед Лёха, но и многие большеужиняне имя противника Христа-Спасителя — антихриста.

Завтрак у нас в первый послевоенный год был скудный, по куску хлеба из горстки отрубей с солидной примесью макухи и толченой коры ракиты, запитому кружкой молока, иначе его никак не хотел принимать желудок. Во всяком случае, мой. Хотя он и не избалован деликатесами.

Правда, по пути, — через заросли ракитового бродняка и ивовых кустарников Релки, — я успел похватать пару горстей еще полузрелых, поскольку были желто-красные, а не сизо-синие, и кислятина, ягод куманики. Однако сытости они мне не добавили. О чем я, насупонясь, и поведал отцу.

— Ладно, не злись, — посоветовал отец. — Набери или наломай в Релке сушняка охапку-другую, сейчас налима в собственном жирке зажарим.

Пока я ломал сушняк и собирал выброшенные на берег и подсохшие коряги, отец подыскал на ровнехоньком с мелким белесым плотно улегшимся песочком пляже местечко с несколькими валунами, чтобы на них можно было посидеть. И выкопал в центре их ямку, сквозь дно которой тут же начала просачиваться вода.

Затем он сходил к кромке Релки, принес оттуда полуметрового диаметра и двух-трех сантиметровой толщины каменную доломитовую плиту. Уложил ее на дно ямки с проступающей водичкой и присыпал песочком.

Следующим своим действием, отец выпотрошил и посолил налима, достав соль из коробка, что хранил от мокроты в нише над козырьком его выдавшей виды кепки. После чего завернул налима в жгуты незнакомой мне травы, выдернутой из-под кустарника. Вдобавок, поверх этого завернул его еще в несколько, похожих на лопухи, листьев, положил на припорошенную какими-то травами плиту.

Забросав это растительное изделие еще влажным песком, отец сверху наложил горкой заготовленное мной топливо.

Потом положил в основание его кучки сухой мох, который добыл все из-под того же корневища кустарника, побил — добытыми из кармана галифе — кресалом о кварцовый камушек, породив микро салюты золотистых искорок, от одной из которых мох задымился.

Отец раздул это задымление в светло-рыжую, в свете полуденного лучистого солнца, запалину. Подул на нее еще, разжигая огоньки. Она и вспыхнула. За ней вспыхнула и сухая трава, вложенная в сушняк в комплекте со мхом. Костер весело затрещал и загудел жадными языками пламени.

— Следи за огнем, подкладывай топливо, а я пока искупаюсь, — распорядился отец.

Я поежился и удивился его желанию купаться. Мы промышляли бродцом, не раздеваясь. Намокшие штаны и рубаха, тем не менее, замедляли обмен нагретой нашими телами воды с внешней, более холодной, и делала наши, порою часовые, пребывания в озере более-менее терпимыми.

На воздухе же мне от такой постоянно мокрой одежды и без того было холодно и неудобно. Поэтому я не удержал своего недоумения и съязвил, с трудом удерживая дрожь:

— Мы и так с утра все время в воде, мокрые, как люхи! Прополоскались, небось, как тюлени, до блеска кожи.

— Это не то. В мокрой одежде грязь, может быть, и отстает, а тело все равно не отдыхает, — пояснил отец.

Медленно раздеваясь, он блаженно обводил руками свои обнаженные плечи, мгновенно покрывшиеся под свежим сиверком пупырышками. Я вновь поежился, придвигаясь ближе к теплу костра.

* * *

Развесив на кустах поодаль костра сушиться на солнышке снимаемую им одежду, отец, ковыляя боком, пошел к воде.

Я невольно заметил на его контрастно белой, по сравнению с цветом лица, шеи и рук, груди, два бледно-розовых шрама. Однако не стал в этот момент любопытствовать, откуда они. Чтобы не задерживать отца обнаженного под прохладным ветерком, от которого мне давно хотелось спрятаться не просто у костерка, а в каком-нибудь шалаше с самодельной печуркой. Да еще и с хранящей тепло брезентовой завесой у входа.

Подкладывая в наш костер сушняк, я следил, как отец, неловко бултыхаясь, все дальше и дальше отплывал на спине по зыби пологих волн куда-то на середину озера. Вот его уже стало за солнечными блестками воды еле видно. И я забеспокоился. Бултыхается-то он из-за того, что одна нога у него неподвижна, а потому не может загребать воду.

Вскочив с валуна, я подбежал к кромке воды. С отчаянной отчетливостью сознавая, что не смогу, если у отца здоровую ногу судорогой сведет, броситься его спасать. Вода не держала мое тощее тельце, я в ту пору еще не мог даже, как отец, плавать на спинке.

И вообще, я мог тогда проплыть «по-лягушачьи», как смеялся Юраха, от силы метров пятнадцать-двадцать. А потом, подобно топору, шел на дно.

Напряженно всматриваясь, приставив к надбровью ладошки козырьком, в озерную даль, я несколько минут был в паническом смятении. Пока не заметил снова мельканье загребающих воду рук и ладоней отца. Все тем же способом, на спинке, он возвращался к берегу.

Пока он плыл глубинкой и брел мелководьем к костру, я вполне совладел со своими нервами. Да и рубаха и штаны мои обсохли немного от жара огня, солнца и ветра.

Поэтому уже без дрожи глядел, как отец, не одеваясь, сгреб подобранной им у кромки вод деревяшкой догоравшие угли, а за ними и верхний слой спекшегося песка в сторону, и достал из обуглившихся слоев лопуха и травы слегка посеревшую от выступившего рыбьего жира тушку налима.

Приготовленный на собственном пару налим оказался вкусным. А с голодухи - так вообще деликатесной вкуснятиной. Тем не менее, утолив первый голод, я спросил:

— Что за шрамы у тебя на груди, сбоку и на спине?

— То памятки о войнах. Вот эта, — показал он под ключицей слева груди, — от пули на финской войне, а сбоку, там она вышла. Я на снегу лежал, когда приподнимался с него в скомандованную атаку, она наискосок прошла, слегка задев легкие.

А эта справа — от пули подо Ржевым. След на спине же, — то хирург в лагере военнопленных под Псковом, куда он с нами тоже попал, ее вытаскивал. Она под лопаткой застряла.

— Больно было?

— После первого ранения я в санбате лежал под Выборгом. Приятно даже было там, в покое и в крещенские морозы отдохнуть. Нам обезболивающие там давали и сестрички приветливые нас просто на руках носили.

А в лагере для военнопленных никакого санбата для раненых, конечно, не было. Хирург заместо скальпеля заточенную на валуне железку на костре прокалил. Мужики у кого-то фляжку со спиртом нашли, дали мне хлебнуть. И он без всякого такого наркоза начал ковыряться во мне. Видишь, какой бугор сохранился до сих пор?..

— Хотя меня, похоже, еще не было, но у тебя же было уже пятеро детей - четыре дочки, да первенец, брат мой Иван, парубковать начинал. Как же тебя такого многодетного отца в солидном возрасте на финскую войну мобилизовали?

— А я добровольцем пошел. Чухна эта к нам воздушными шарами листовки засылала, обещала даже сюда в Новгородчину войной прийти, чтобы освободить нас от колхозов. И предлагала ждать их и, ускоряя встречу, помогать им. Ну вот мы, те, кто постарше, и пошли им навстречу. Чтобы наши дети в военную круговерть не попали.

Да и совсем я не старый был тогда, тридцать три года только стукнуло. Просто я рано женился.

Гармонистом я был заводным, кровушка весельем играла Да, и жизнь моя в молодости беззаботная была.

Дом у батьки — полная чаша, невестка, да еще работающая, ни меня, ни семьи обременить не могла. Ну, я и женился в шестнадцать лет на твоей матке, благо она мне внимание оказала и дюже понравилась не только мне, но и батьке.

Он был совсем не против заполучить в дом бесплатные рабочие руки. Она ведь со своими сестрами помогала нашим бабам и пряжу прясть, и канаты вить, и сетки вязать да паруса шить.

— И все же? Я так понимаю, на войну добровольно пойти, надо какие-то личные причины иметь. Одного куража мало. Да и не похож

ты на человека, податливого порыву, тем более настроению, подраться, — усомнился я.

Отец ошарашенно уставился на меня, услышав мои столь «взрослые» умствования.

Но я так много наслушался из радио тарелке на столбе возле сельмага рассуждений и речей на всю деревню с раннего утра до позднего вечера о патриотизме партизан и юных добровольцев на фронты последней войны, что, будучи восприимчивым к ним, невольно усвоил их стиль и тональность.

— Какой там кураж и драчливые настроения! — справившись с удивлением, ухмыльнулся он, глядя на меня с каким-то не свойственным ему ранее удивлением. — У нас рушан к чухонцам исстари сторожа в головах живет.

Свеи-то в наших местах испокон веков шастали, да грабили. А все эти свеи да чухна, одной крови шайкой-лейкой были, — высасывая из головы налима мозговой жир, хмыкнул отец. А расправившись с головой, задумчиво продолжил:

— А сколько они еще при Иване Грозном и в после годуновскую Смуту рушан пограбили! И потом покою от них не было, пока царь Петр и Чичага²¹ их не приструнили.

— Да какое от болотной чухны беспокойство русским могло быть? Когда зимой Клава и Тоня уроки родной речи делали, слышал я, как они читали в стихотворении Пушкина про «приют убогого чухонца. . .». А ведь он это не только о наших ближних прибалтийских насельников, а и о финнах так писал, — недоумевал я.

— Угу, убогого!.. Может во времена Пушкина чухна и была убогой, а в тридцатые годы перед Отечественной войной финны очень даже в силе были. Постоянно грозили разбомбить и расстрелять не только Ленинград, а и наш край. Еще до похода фрицев.

Вообще-то в финскую компанию нам нелегко было с ними справиться. Да и в гражданскую сумятицу много народу с нашей стороны в ильменских и ладожских местах из-за них погибло, — помрачнел отец.

* * *

Заметив это, я поспешил сменить тему беседы:

— А что, от колхозов избавиться, финны вас тогда не соблазнили? Значит, вы не против них были?

— А с чего нам было быть против них? — удивился отец. — Перед той войной даже твой дед Кулик, доживи он до нее, против колхозов не возражал бы. Золотое время было.

---

²¹Отец имел, видимо, в виду адмирала Чичагова П.В. отвоевавшего в 1808/9 гг. в ходе русско-шведской войны финляндскую провинцию, из которой Александр 1 образовал Великое княжество Финляндское, впервые в их истории дав нашим соседям статус государственной институализации.

Трактора, комбайны и механические молотилки к нам на колхозные дворы и в поля пошли. Годы выдались урожайные и по трудодням мы полновесно стали получать. Многие, у кого в семье прилежные работники были хлебом, сахаром и маслом по трудодням просто ухабурились.

Да к тому же и председатель нам попался толковый. Из Питера партия прислала. Говорили, путиловский он. А мне сдается, флотский он был. Больно охотно он с нами рыбаками на промысел в соймах выходил. Заводские не могут, как он, наравне с привычными нами, сутками на волнах качаться.

Впрочем, и в полевых делах, да по части конюшен и коровников толковый был человек. А уж с людьми, казалось мне, с каждым, о чем поговорить, находил. И при всем при том — строгий был. Бездельников не терпел.

— И куда же он делся? Почему его у нас после войны не было, а пришлось отвязной ругательнице тетке Хазихе наш колхоз после оккупации возрождать?

— Да понимаешь, какое дело. — отчего-то стал запинаться отец, — смутные времена пошли.., войны.., много народу за это время пропало. У нас еще ничего, а в Волотовском и Залучском районах даже колхозов стало меньше.

Сожгли их, разграбили, большинство людей погибли, а многие так и вовсе остались в местах эвакуации или разбрелись по стране, не желая возвращаться к пепелищу, да без привычных земляков-соседей.

— Слушай пап, а сам ты об утрате до колхозной, хуторской жизни не жалел?

— С чего мне ее было жалеть? Как промышлял рыбу в озере, так и промышляю. Даже свободнее стало.

У батюшки нашего, бывало, как? Нравится тебе — не нравится, а ни от чего в работе не отлыняешь, враз леца по шее закатит. Особенно домочадцам.

К тому же чужедальные со-артельщики порою косо на тебя посматривали: как же, сынок ватагана артели, наверняка, о каждом шаге их батьке доносит.

А в колхозе как? Начальство, ватаганы там, бригадиры или звеньевые, все свои, с кем в рюхи в детстве играл или по вечеркам вместе в чужие деревни бегал. Если не в досуг или не интересно что-то делать, всегда по-хорошему с ними можно договориться. . . И уж в стукачестве, если ты повода не давал, никто тебя не заподозрит.

* * *

— И еще!... А куда Прохор Березин делся?

— Ну, сам-то Прохор еще в гражданскую войну, задолго до коллективизации, помер. А семья его, кто куда, разбрелась. Многие на Высылках

осели, было. И кстати, один из них, Семук, при немцах в местной управе командовал.

Да и вообще, многие из этой деревни бывшие кулаки и подкулачники полициярами и жандармами стали. Не такими, как два Васюка да Саха из нашей деревни, которые больше для близиру пукалки полицейские носили, а сущими псами.

Как-то наши десантники по ошибке из-за сплошных туманов возле Высылков с неба на парашютах вывалились, так они вместе с немцами их почти всех положили.

— Кто же тогда, буквально подчистую, сжег Высылки, не немцы же, отступая?

— Сначала подпалил их деревню бомбами Сашка Богачев²². Немцы, когда он разбомбил их штаб в большеужинском клубе, перебазировали его в Высылки. Ну, Сашка, когда разведка, разыскивая погибший десант, свела про это, и угостил их со своего аэроплана зажигалками.

А потом, когда немцы стали отступать, сами высылковцы, улепетывая с ними, подожгли свои подворья, чтобы никому, дескать, не достались.

— А про каких это Васюков и Саху из нашей деревни, которые носили полицейские пугалки, ты намедни сказал?

Отец, мне показалось, замялся, а потом нехотя буркнул:

— То наши молодые мужики, которых управа запутала или запугала, сдури, полицействовать согласились, — сказал он и привстал с валуна, намекая, что нам пора отчаливать в путь.

Наша беседа как-то сама по себе увяла. Отец стал одеваться, а я начал собирать высохший бродец, чтобы он унес его домой. А на мою долю выпадало нести в ведерке с толикой воды наш сегодняшний улов.

Однако у меня осталось ощущение некоторой незаконченности нашей тогдашней беседы. Хотя бы в отношении того, какой была перед войной жизнь в Большом Ужине и, в частности, в нашем колхозе.

Что за человек был его председатель, и куда он делся? Отец, чувствовалось, не хотел почему-то об этом говорить.

* * *

Возвратясь домой, я, невзирая на усталость, как всегда, побежал повидаться с Булаткиным Володей. Тетка Матрена и леля Наташа занаридали его с Райкой пропалывать овощные грядки, почему он и не смог пойти с нами рыбалить.

Присоединясь к ним, я помог Володе прополоть оставшуюся из его задания свекольную грядку. Затем мы с ним, полежав малость на травке под яблоней в их единственном в нашем конце деревни, сохранившемся

---

²²Герой Советского Союза авиатор Александр Богачев был нашим земляком и одно время воевал на Волховском фронте.

с довоенных времен, саду, пошли на кухню к леле Наташе за обещанным ею воздаянием за наш труд — картофельными оладушками.

Наслаждаясь ими, я вспомнил нашу недавнюю беседу с отцом на берегу озера, спросил:

— Лель, а куда подевались перед войной или в конце ее Березины? — и добавил, заметив ее недоумение: — Вы еще рассказывали зимой про вражду к вам их Прохора.

— Да шут их знает, куда их бесы уволокли. В ад, небось. А увидела бы их, плюнула бы им в глаза за их былые пакости. Каких коней нам загубили. Батяка Володькин, дядя Саша, так в детстве их любил, так холил.

К озеру-то он всегда был, да так и остался равнодушным. Мы ведь не из коренной ужинской рыбацкой стаи были, а из земельной голытьбы. Потому в детстве до лодок рыбаки его не допускали, чтоб чего не испортил. Так он к лошадушкам душой прикипел, было. И так ли плакал, что пришлось их приезжим из голодных мест на мясо продать.

— Леля, а что с первым довоенным председателем случилось? Куда он исчез? — продолжал я допытываться.

— Куда-то исчез. Я к колхозным делам мало причастной была, — ответила она. И, как и в случае с отцом, мне показалось, что она уходит от откровений в этой теме.

* * *

Володя, доев свою порцию картофельников, потянул меня в огород, шепотом пообещав мне, показать свою последнюю оружейную находку — офицерский палаш. И я, поняв, что леля не хочет о чем-то говорить, последовал за ним.

Кстати, и другие ужиняне, когда я пытался заговаривать с ними о первом председателе нашего колхоза, не больно-то со мной откровенничали. Отдельвались, посмурнев лицами, неопределенными короткими фразами. Как будто им неловко было, почему-то, об этом говорить.

РУСОНЕНАВИСТНИКИ С КОЛЫБЕЛИ

«Здесь, похоже, с колыбели учат ненавидеть русских»

Это странное письмо в форме фронтального треугольника пришло к нам в Большой Ужин глубокой осенью сорок пятого года. Станным оно показалось нам тогда своим не только адресом, но и адресатом.

* * *

Впрочем, адрес был почти правильным: «Ленинградская обл. Старорусский р-н, Борисовский с/с, д. Большой Ужин».

За исключением разве что одной неточности. Мы уже больше года принадлежали не Ленинградской, а Новгородской области. Она была вы-

делена из первой в масштабе компактной совокупности полутора-двух десятков районов.

И это, по мнению наших мужиков, было разумно сделано. Поскольку предвоенная и военная Ленинградская область была слишком велика для управления в условиях традиционного северо-западного бездорожья.

Оно существенно затрудняло руководство восстановлением тотальной послевоенной разрухи её народного хозяйства, особенно культурно-бытовой инфраструктуры

В руинах, как говорили не только демобилизованные по ранениям, но и выезжавшие по хозяйственным надобностям в разные места односельчане, лежал не только Ленинград. Разрушены были также ближние и дальние окрестности его.

Во многих городах области, рассказывали они, в относительной сохранности уцелело по несколько домов. В лучших случаях сохранилось в полуразрушенном состоянии по десятку-другому коробок жилых зданий. А не то так и, числом меньше пальцев пятерни их, каркасов на фундаментах.

Так было в Гатчине и Луге, в Сорболове и Тихвине, Новгороде и Старой Руссе, Боровичах и Чудове. . .

С землей сравнивали гитлеровцы Дно, известное своим железнодорожным вокзалом. На нем, как пишут в настином учебнике «Истории СССР», Николай II подписал в своем вагоне историческое отречение от самодержавного престола. В руинах Сольцы, Щимск и Холм, а также многие другие города.

Да что города, даже села и деревнюшки.

Местами целые районы, по словам корреспондента «Новгородской правды», были сожжены гитлеровцами. Для чего у них были сформированы специальные команды поджигателей. В случаях спешки отступления дома были обрушены немцами гранатами, а то и проутюжены танками.

Вот для оперативности руководства восстановительными работами, как полагают наши большеужинские мужики, и выделили удаленные от Питера районы в самостоятельный территориально административный куст.

Заодно восстановили историческую справедливость по отношению к новгородским древним городам и весям.

Ведь когда-то существовали земли Господина Великого Новгорода с почти республиканским типом самостоятельности. Под его владетельной рукой осваивались архангельские, коми-пермяцкие, вологодские, вятские просторы.

Потом была в романовской России Новгородская губерния. Несколько менее размерная по перкам прошлого, но влиятельная. Как экономически, так и социально-политически.

Например, до открытия залежей уральской соликамской каменной соли, наша Старая Русса снабжала ее фактически все среднерусские княжества, которые вошли затем в Московскую Русь. . .

А уж республиканское прошлое вечевое Новгорода, процветавшего до разгрома его Иваном Грозным, давало убедительный пример возможности полнокровно жить без ига самодержавия и крепостничества.

Этот пример воодушевлял вольнолюбивые умы россиян на оппозицию абсолютизму династии Романовых. Данное обстоятельство побуждало последних проводить по отношению к Новгородской земле политику экономического и духовного удушения нашего края.

В результате такой политики, он к 19-му веку окончательно захирел. И тогда ошметок Новгородской губернии был признан никчемным прыщом на раздобрившем территориально теле России. А потому губерния была с полным основанием и бюрократическим облегчением ликвидирована, как мало значимое по доходности владение.

На деле, как застарелая заноза, административная единица, «оскверненная» исторической памятью о местном самоуправлении. . .

* * *

Но возвращусь к письму.

К тому, почему я говорю о странности и даже некоторой загадочности адресата солдатского треугольника: «Староверовым Михаилу или Ивану, если они живы, а нет, то их семьям».

Дядя Миша, хотя и возвратился еще в сорок четвертом году домой с фронта, но полуживым. Вот и на тот момент он лежал в Старорусской районной больнице с не ясными видами на выздоровление.

Что касается отца, то, как мы узнали позднее, он находился в то время в госпитале уральского города Молотова. У него была раздроблена осколком снаряда лодыжка правой ноги.

Тем не менее, почтальон Тамара Дубровнина, подружка моей сестры Клавы, видимо, по причинам их дружбы, отдала этот треугольник именно ей.

Фронтные письма тогда из-за военной цензуры обычно не заклеивались. Они просто подвергывались наиболее длинным полем письма внутрь. Клава с тревожным любопытством вскрыла лист, исписанный химическим карандашом.

Все это происходило в нашей избе. Поэтому не только сестры и я, но даже мама сгрудилась вокруг Клавы. Она начала читать письмо вслух:

— «Здравствуйте уважаемые Михаил или Иван, а если не они, то их домочадцы! Пишет незнакомый вам обитатель лазарета калужский колхозник Прокоп Конюхов. Если вы еще не знаете, то хочу сообщить вам, когда, где и как погиб мой однополчанин и ваш родич Григорий Староверов.

Дело было в Польше. Её к тому времени почти всю освободил наш фронт доблестного генерала Черняховского.

Нас с Гришей ранили еще в начале вступления в нее. Но к этому времени в полевом лазарете нас подлечили. И потому мы с группой еще нескольких подлеченных в нем бойцов догоняли свою часть. Она воевала где-то уже за Вислой, но еще неподалеку от неё.

Так что шли мы с Гришей и еще трое человек, догоняя фронт, польскими дорогами и сёлами.

Надо сказать, что шли мы вообще-то сторожко. Больно неожиданной для нас оказалась некоторая натянутость в дружелюбном, казалось бы, отношении к нам местного, польского, населения.

С ним нам поневоле приходилось часто общаться: расспросить о дальнейшей дороге, попросить попить воды, спросить разрешения укрыться в том или ином помещении или под навесом в их дворе от дождя. Было еще предвестие зимы, но больно слякотной, то снег, то дождь. . .

Не повсеместно, но в некоторых поселениях эта натянутость очень даже ощущалась. Мы еще с Гришей перебросились друг с другом своими сомнениями. Он сказал:

«Что-то некоторые из тех, с кем мы общаемся, разговаривают с нами, вроде-бы, набычившись. Даже неловко. Словно и не наши армии их освободили от гитлеровцев».

Я, помнится, согласился с ним, добавив:

— Взрослые еще все-таки скрывают свою неприязнь к нам. А дети и подростки и скрывать её не считают нужным. Порою кажется, что их здесь с колыбели учат ненавидеть русских. . .

Вот это все нас не только озадачило, но и насторожило. Но, видимо, наша сторожкость была не такой, как надобно бы ей быть в той обстановке. Ну и попали мы врасплох в засаду. То ли местных бандитов, то ли вольнежей Армии Крайовой.

О враждебности её не только к немцам, но и к нашей армии нам толковали перед вхождением в Польшу наши командиры. Но мы не думали, что поляки будут нападать на своих освободителей. Ну и поплатились.

* * *

Случилось это, когда нам до фронта оставалось пройти всего ничего. Уже перед Вислой, в местечке Рыня. Это неподалеку от Варшавы. Оттуда еще дворец, нам сказали — князя Потоцкого или какого иного богача, — на речном берегу виден.

Гришу срезали автоматной очередью из-за кустов сразу. Меня подорвали немного погодя гранатой.

И сдается мне, что её кинули из слухового окна чердака того самого дома, в который мы заходили перед этим с просьбой дать нам воды напиться. А потом прятались, отстреливаясь, за каменным фундаментом опоясывавшей его ограды. . .

В общем, вляпались мы в засаду безвыходно.

На наше счастье в то местечко на полуторках въехала команда снабженцев нашего полка со снарядами для него. И, конечно, с охраной. К тому же с ними ехало пополнение для одного из его батальонов. Они сразу сообразили, что происходит, и вдарили по вольнежам из пулемета.

Меня подорвали гранатой основательно, и я потерял сознание. Однополчане доставили меня в лазарет. А поскольку потребовались серьезные операции, то оттуда эвакуировали в московский военный госпиталь.

Что сделали с Гришей, не знаю. То ли похоронили там же в Рыни, то ли увезли в полк и упокоили его вместе с другими однополчанами в братской могиле. Если сделали так, то могила та где-то под польской Торунью.

Когда я пришел в себя, то не мог сразу вам написать или продиктовать письмо, поскольку сам был настолько слаб, что не имел сил для этого. Но главное, не знал, куда писать, хотя кому, ведал — у меня самого брательники с именами Иван и Михаил. Но я забыл адрес Гриши. Знал, что новгородский и старорусский, а вот название деревни не мог вспомнить.

И только сейчас, получив перед выпиской свой сидор и вещи, я обнаружил в кармашке этот адрес. Мы с Гришей обменялись адресами еще при выписке из предыдущего госпиталя, что в Нарве. И вот сразу, перед тем как покинуть лазарет, пишу вам.

Если будут, какие вопросы, пишите мне в мою калужскую деревню, меня комиссуют вчистую. Отвоевался я на сегодня. Мой адрес: Калужская обл., Жиздринский р-н, . . . »

* * *

— Это кто же у нас Григорий Староверов? — недоуменно нахмурясь, спросила наша младшая сестра Настя.

— Да, Гриха Филатов! На том конце деревни жил. Изба их сгорела. Там сейчас женка его Настасья с двумя ребятишками, после возвращения из эвакуации, в землянке живет. Она давно себя вдовой называет. А теперь выходит, и правда вдовой стала. Надо бы ей это письмо отнести, — сказала Клава.

— Володя, отнеси тетке Настасье письмо, да прочитай его ей, — приказала мне мама. — Она со мной в ликбезе, было, училась. Да, как и я, читать, наверное, тоже разучилась. К тому же, — добавила она, смутясь, не хочу я с ней встречаться. Она еще от деда Лёхи Кулика Гришу со скандалом увела. Да и потом вела себя неладно, .. не хочу. . .

Сбегал на тот конец деревни к Филатихе, прочитал ей это нерадостное письмо. Потому, наверное, и запомнил его во всех подробностях, от слова до слова. От себя я в него добавил только пунктуацию и разбил на абзацы.

ЧЬЕЙ ЖЕРТВОЙ СТАЛ НАШ ВИТАХА?

Неприятности, как следствия пребывания нашей семьи в Шимском концлагере, продолжают преследовать меня, и каждый раз в новом варианте.

То ли оттого, что я ходил весной и осенью в рваных сапогах и застудил ноги, то ли из-за ушиба левой ноги, а ушибал я их обе неоднократно,²³ она вдруг стала ныть и покраснела. Внешняя сторона ее бедра будто задубела, утратила, когда я ее щипал, чувствительность.

Моя рана от пулевого ранения лагерного постового фрица²⁴ посинела с черно-ржавым оттенком, задергалась уколами с резью и стала набухать. Вскоре я уже не мог на некогда раненую ногу наступать без острой пронзающей до зубов боли.

Пришлось отцу разыскать для меня свои старые костыли, на которых он пришел зимой сорок пятого — сорок шестого года домой после Молотовского госпиталя.

Видя мои гримасы и слыша стоны во сне, он в понедельник пошел просить в очередной раз у председателя Лобака его вороного с повозкой, и повез меня в Старорусскую районную больницу.

* * *

Сутуловатый хирург прощупал мою ногу, потыкал в нее иголкой, постучал по коленке молоточком, сам повел на рентген, потом, нахмурясь, признался отцу:

— Не пойму, что с вашим парнем. Похоже на туберкулез кости. Везите в тубдиспансер, я позвоню, пусть они возьмут анализы. . . Потом решим, а пока положить его некуда. Больница переполнена такими как

---

²³Ранней зимой, пока не выпадал плотный снег, я бегал в школу и обратно на коньках-дутьшах. Если проселком пешком я обычно шел в один конец 8-9 километров, напрямик снежными полями на лыжах 5-6, то на коньках моя дорога в один конец измерялась 15-20 верстами, в зависимости от выбранного маршрута. Обычно он был такой: канавами до ручья Глушок, а потом на лед озера Ильмень. Или канавами до Кукуевки и сразу на озеро. Далее, озерным льдом до реки Переходы и ее руслом до самой школы. Она тогда стояла по соседству с Борисовской церковью, метрах в 50 от кромки речного берега.

На этом пути меня нередко подстерегали каверзы природы. Особенно, когда выпадал обильный иней или легкий снежок. Они покрывали вмерзшие в лед камышины или деревяшки, а также частые заструги, особенно на льду Глушка и Переходы. Замечавшись на ходу, — сочиняя стихи или вспоминая о чем-то, — я их часто замечал поздно, чтобы тормозить. А потому, врезавшись в них остроносыми дутьшами, кубарем летел на лед.

Мое падение почти всегда венчалось увечьями. К счастью легкими или средними. То юшкой из носа или синяком на лбу, а чаще, ободранными ладонями и коленями. Если только ободранными. . .

²⁴О происхождении этой раны я рассказал в записи «В Шимском концлагере». Она публикуется в первой книге автобиосоциохроники «Большой Ужин на пути из варягов в греки».

ты, — кивнул он на отца, — увечными вояками. Да и среди переживших стрессы оккупации пожилых рушан становится все больше тяжелых больных. . .

Я знал уже, что в тубдиспансер, куда меня еще три года назад направил терапевт, и теперь мне время от времени приходится сдавать туда на анализы мокроту, ходят в основном чахоточные легочники, а потому возмутился:

— Что мне там делать? Там же ни ортопеда, ни хирурга нет.

— А у нас мест нет, чтобы держать тебя как экспонат для исследования твоей загадки, — возразил он.

— Тогда отец, вези меня в редакцию к Соколову, пусть газета разбирается, почему в районе для больных в больнице мест нет, — разозлился я.

Смирняга отец, который всегда чурался конфликтовать с кем-нибудь из-за чего-либо, примирительно спросил готового, было, вспылить эскулапа:

— А если он поживет здесь у моего знакомого, неподалеку от больницы, на улице Тахирова, вы сможете его понаблюдать? Может что-то и выяснится. . .

Хирург, который, судя по его возмущенному виду, уже хотел осадить задиристого мальчика, нехотя мотнул головой:

— Заняться им я, конечно, могу, хотя и не вижу пока, с какого бока за него взяться. Ну да посоветуюсь с коллегами, они тоже посмотрят его, может, что и увидят. А он, — кивнул он в мою сторону, — пусть приходит ко мне завтра после обеда

Отец отвез меня к его знакомому квартировать, снабдил карбованцем на расходы и, обещав в субботу привезти или прислать с кем-нибудь из сестер хозяйину одноэтажного домика, к которому меня подселил, свежей рыбы и гуся, а мне на пропитание копченой рыбы, картошки и огурцов, уехал домой.

* * *

На следующий день я с утра заглянул в «Старорусскую правду». Отдав ответсекретарю Шатрову свою, перепечатанную под мою диктовку редакционной машинисткой Екатериной Борисовной, заметку об успехах плавной двойки дяди Васи Дорохова, неохотно поспешил — не очень, впрочем, споро, поскольку костыли мне были великоваты и не совсем подчинялись, а укорачивать их было жалко, — в больницу.

Хирург Константин Владимирович, вопреки моим опасениям, не застал на меня из-за вчерашней моей дерзости обиды. Еще раз обследовал мою ногу, он собрал небольшой консилиум больничных врачей.

Те тоже обследовали её, а заодно мой позвоночник, невропатолог проверил на реакцию мои нервы. В итоге они вынесли согласованный вердикт:

Все-таки исходными причинами моей незадачи являются травмирование и застуда былой раны. Спровоцировала её грязь. Она попала в рану через царапину в ней. Это случилось во время моего зимнего падения на лед Переходы.

Назначили сеанс уколов антибиотика.

Когда привлеченные к консилиуму врачи ушли, Константин Владимирович несколько неуверенно сказал:

— Хорошо бы твою ногу в грязях нашего курорта раз пяток подержать, а тебе из Муравьевского фонтана водичку попить. Да только курортное начальство не очень-то доброжелательно относится к просьбам нашей больницы. Они подчиняются иной, чем мы, своей конторе. . .

Потом он нерешительно сказал:

— Я так, вчера понял, что ты свой или почти свой в «Старорусской правде». Не могли бы они по своей линии тебе протекцию у главврача курорта составить?..

— Попробую поговорить с Александром Ивановичем. Он как раз к этим часам должен прийти, верстку завтрашнего номера газеты просмотреть, — неуверенно пробормотал я. Мне еще не приходилось обращаться со своими нуждами к начальству. С чужими, — всегда готов, а со своими — неудобно. . .

Медсестра вколола мне антибиотик, и я в некотором смятении поплелся, спотыкаясь костылями, снова в редакцию.

* * *

Шатров сказал, что Соколов, как раз читает свежую верстку. Я уже понял, что это время в редакции священно, и не стал даже стучать в кабинет редактора. А присел на стул за свободный стол в общей редакционной комнате.

Обычно Александр Иванович, когда кончал вычитывать верстку, вызывал Шатрова телефонным звонком, чтобы передать ему эту верстку. А тут он сам зашел к нему с нею:

— Ты тут проконтролируй, чтобы в типографии вот те и эти правки без путаницы внесли. А я побегу, в райкоме дело есть.

И тут он заметил меня:

— А ты ко мне? Что-нибудь срочное? Давай, только вкратце.

Я в десяток слов обрисовал ситуацию.

— Да, дело похоже серьезное! Знаю твоего врача. Позвоню ему из райкома, узнаю подробнее. Постараюсь помочь через партбюро курорта. Завтра от врача узнаешь, что удастся сделать. А сейчас бегу, бегу. . .

Не журишь, будем надеяться, что все у нас получится ладом, — улыбнулся он мне, выходя.

* * *

На следующий день я снова был в кабинете Константина Владимировича. Медсестра снова вколола мне очередную порцию антибиотика. Хирург потеплевшим голосом сказал:

— Ступай к курортникам, знаешь, где курорт? — и когда я кивнул головой, продолжал, — за аркой входа, в метрах 70-ти, слева от центральной дороги увидишь двухэтажный корпус. Отыщешь Светлану Михайловну, она знает, что с тобой делать. . .

Когда лежишь с грязевой повязкой, попьешь водички из Муравьевского фонтана, можешь там, у озерца полежать на топчане под солнышком вместе с курортниками. Но к семи часам будь здесь. Галочка сделает еще один укольчик.

И так всю неделю: с утра к Гале или ее сменщице, ей я тоже указания дам, за уколом, потом на курорт, вечером опять за уколом. В субботу посмотрю первые результаты. . .

От места моего квартирования на Тахирова до больницы и курорта было сравнительно недалеко: этакий равнобедренный треугольник. И я успешно вояжировал между ними, а днем или отдыхал в тенистом парке курорта или лежал на топчане среди других курортников возле озерца с соленой рапой и порыжелой от железистых испарений травкой вокруг него.

* * *

В четверг моим соседом по топчанам оказался скособоченный ранами мужичок лет сорока пяти, пятидесяти. Когда время подошло к обеду, он пригласил меня в столовую.

— Не, я здесь своекоштный. Схожу сейчас за ворота в булочную, куплю крендель и ситро и пообедаю, — отказался я.

— Как это своекоштный? — заинтересовался он.

— Не курортник я, а местный. Из рыбацкой деревни, что километрах в двадцати отсюда. Просто райбольница договорилась с курортом, чтобы я здесь процедуры принял.

— И как называется твоя деревня? — заинтересовался он.

— Большой Ужин, — не понял я его интереса.

— Так-так! — собеседник окинул меня цепким взглядом. — Ты вот, что, после твоей трапезы обязательно снова приди сюда. Мне тебя кое о чем расспросить надо.

Обязывать ему меня не было необходимости, я и без того хотел еще побездельничать здесь под плеск Муравьевского фонтана целебной воды.

Фонтан взлетал метров на пятнадцать-двадцать ввысь. Застыв в воздухе на миг, она затем с шумом на весь курортный парк падала обратно в бассейн. Оставляя в воздухе россыпи сизо-белых, радужных под солнцем, микроскопических капель. А те уже долетали при надлежащем

направлении ветра до озера с рапой и оседали на осаждавших фонтан хилых камышах и на коже загорелых курортников.

К тому же мне было любопытно, о чем хотел меня расспросить этот кособокий дядька.

Моя «трапеза» была не только немудрящей, но и скорой. Погуляв немного по парку, я, увидев, что курортники, группками и в одиночку, выходят из столовой, поспешил на застолбленный мной топчан.

* * *

Дядька был уже на своем месте. Увидев меня, он, показалось, вздохнул облегченно:

— Понимаешь, сынок, я ведь специально упросил военкомат достать мне путевку на Старорусский курорт, рассчитывая заодно побывать в рыбацкой деревне Большой Ужин. После пребывания здесь, хотел съездить туда по окончании курортной путевки. Надо бы, коль уж я оказался в этих краях, разыскать родственников моего погибшего ординарца Виталия Куликова. Жизнь он мне в Германии в сорок пятом спас. . .

— Я тоже Куликов. Но про Виталия Куликова от родственников ничего не слышал, пробормотал я. Затем поперхнулся, — разве что это Витаха, который спас нас, разминировав нашу избу перед тем, как уйти на фронт! ²⁵

— Как он выглядел? — взволновался дядька.

— Ну, лет восемнадцать ему тогда было, рыжий, с конопушками, росту повыше меня, пожалуй, с вас, но плечистее вас.

— Похоже, он, — облегченно вздохнул дядька.

— Но я про Витаху ничего не знаю. Даже чей он, не знаю. Знаю только что он, вроде бы, наш деревенский. Ведь и он был с нами, в Шимском концлагере. Только содержался он в особом бараке вместе с парнями до призывного возраста, из которых, как нам говорили, усиленно вербовались полицейские и власовцы. Ушел сразу после освобождения из него в сорок четвертом на войну, и не возвратился, — смутился я.

— Жаль, — вздохнул дядька. Потом облегченно улыбнулся: — ну да теперь я с уверенностью, что не зря, в вашу деревню обязательно съезжу. Там на месте и разыщу родителей и родственников Виталия.

— Погодите немного. Послезавтра ко мне приедет отец или придет кто-нибудь из сестер. Они старше меня и наверняка что-то знают про Витаху, его родственников, и откуда он, — из Большого, Старого или Малого Ужина, — успокоил я дядьку.

---

²⁵Об этом рассказывается в эссе «Наследие войны и наше дурацкое ухарство», опубликованное в той же первой книге автобиосоциохроники «Большой Ужин на путях из варягов в греки».

* * *

Приехал снова отец, уже не на повозке, запряженной вороным Лобака, а попутной подводой. На ней приехала Хазиха на привокзальный грузовой двор за суперфосфатом. Он же привез, как и обещал, бакшиш хозяину дома на Тахирова за мое проживание и мне съестное.

Я рассказал ему про дядьку и его сообщение о Витахе. Отец заволновался:

— Идем к нему. . .

— А кто такой Витаха, почему Куликов? — допытывался я, пока он торопливо ковылял вслед за мной к курорту, до которого было метров четыреста.

— Дальний родич деда Кулика.²⁶ Родители Витахи погибли, когда ему было лет пять. И дед его забрал к себе.

Только нас у матки было человек шесть, да и работников, которых дед нанимал в страду или на промысел, тоже ей кое в чем надо было обиходить. Ну, дед и отдал Витаху Федосу с Палагой. Они при раскольническом молитвенном доме бобылями жили.

Дед Кулик молитвенным домом после смерти Миколая Кузьмича занимался мало, но пожилым уже тогда Федосу и Палаге, у которых из своего хозяйства был только огород, съестным или чем иным материальным, всегда помогал. А отдав им Витаху, он содержал и обучал его, как и нас.

Только мы были уже взрослые, а он еще ребяенок. Ему было скучно в молельном доме с пожилыми опекунами и он много и с выдумками озорничал в детстве.

А вообще-то, Витаха жил с опекунами в приделе к молельному дому. Да только еще мальчишкой он стал бегать к нам на хутор и участвовать в наших делах.

А когда подрос, на промысел начал из интереса с нами выезжать. Он даже фамилию, когда пошел в школу, взял нашу. Правда, не ту, что в документах за нами числится, а деревенскую.

Все это отец рассказал мне по дороге на курорт.

* * *

Кособокий дядька, предупрежденный мной с утра, когда я заходил перед уколом в больнице на курорт за грязевой процедурой, нас уже ждал.

— Гвардии майор Исаков в отставке, — отрекомендовался он, пожимая руку отцу.

— Иван Алексеевич, по-деревенски, Куликов, рыбак, — смущенно улыбнулся в ответ отец.

---

²⁶ Дед Кулик был отцовский отец, но у нас в семье и у Булаткиных все называли деда Леху дедом Куликом. Чтобы отличить его от слепого деда Лехи Комиссарова. Ну и отец чаще всего, чтобы мы не путались, называл его так.

— Вижу тоже воевали.., — похоже, отставной майор затруднялся, с чего начать интересующий его разговор.

— Да довелось. На финнской, и на этой, — скупое подтвердил отец, не пытаясь облегчить майору его задачу.

— Я вот зачем попросил вашего сына привести вас на беседу. Он сказал, что вы можете мне рассказать о родственниках Виталия Куликова. Виталий спас мне жизнь в Германии, и я хотел бы рассказать, как это было, и поблагодарить его родственников. И, если надо, то в чем-то и помочь им.

— Я можно сказать один из дальних родственников Витахи. А ближних, у него и не было. Родителей его, когда он был еще дитем, убили. Он был внуком по дальнему колену родства и приемышем, можно сказать, моего отца. А по нему, и моим и его вот, — кивнул он головой в мою сторону, — родичем, значит, — пояснил отец ситуацию.

* * *

Майор вздохнул, помолчал, и стал рассказывать:

— Я был в разведке в армии Чуйкова, а Виталий моим ординарцем. И тоже ходил со мной в разведку.

Но тогда, мы уже стояли после капитуляции немцев в пригороде Берлина. И уже на мирную жизнь начали настраиваться. Как вдруг Василий Иванович, вызвав меня и начальника армейской разведки, говорит:

«Ходят слухи, что наши союзнички англичане готовят нам пакость. Немецкие дивизии, которые, чтобы не быть разгромленными нами, сдаются без сопротивления им, не разоружают, а содержат в особых лагерях на севере от Берлина в готовности. Зачем?..

Не затем ли, чтобы нанести нам совместно с ними и американцами внезапный удар. . . От них всего можно ожидать, ненадежный они народ. Надо тщательно разведать.»

Договорились, что пошлем в разные районы пять-шесть разведывательных групп. А меня, как официального представителя, в штаб английской группировки с требованием объясниться по поводу данных слухов.

Поехал я в штаб англичан на трофейном «виллисе» Василия Ивановича в сопровождении моего ординарца, В том штабе меня уверили, что эти слухи — немецкая провокация. Предложили в сопровождении их представителей побывать в лагерях на выбор, посмотреть самим.

Начали объезжать лагерь. Вроде бы все нормально, Рядовые немцы в лагерях обезоружены, только у некоторых их офицеров имелось личное оружие: парабеллумы, браунинги. Мои английские спутники, извинялись, что таковым-де было соглашение с ними о их сдаче в плен без сопротивления. Обещали разрешить высшим офицерам личное оружие:

«Иначе нам их сопротивление тоже в немалые жертвы обошлось бы. А слово надо держать.»

Уезжая из последнего, посещенного нами лагеря, я не удержался, неосторожно съязвил:

— Во многих войнах участвовал, и нигде не видывал, чтобы военнопленные строем свободно маршировали по территории их лагерей.

Наши провожатые переглянулись, пожали плечами, пробормотали, что не они устанавливают правила. Что-то про декларации «Красного креста» напомнили. Но попрощались со мной вежливо. А на обратном пути, когда мы уже выехали за пределы английской зоны, нас обстреляли из засады.

Кто стрелял, почему стреляли? Следователи впоследствии так и не установили. Англичане ссылались на то, что это сделала банда избежавших плена гитлеровцев. Много их тогда шлялось по Германии, надеясь улизнуть в другие страны или сдать себя благодушным к ним американцам.

Только меня все время преследовала сценка, как двусмысленно переглянулись сопровождавшие нас английские штабисты при моей неосторожной реплике.

* * *

Нас, — меня, Виталия и шофера бандиты буквально изрешетили пулями. Добить нас помешали им двигавшиеся за нами и навстречу машины с военными.

Мы с шофером отключились. Раненый Виталий сел за руль и, не дожидаясь этих машин, поскольку неясно было, кто в них и нет ли в них тех, кто нас должен был добить для контроля, сам истекая кровью, рванул в штаб Чуйкова.

Там нас сразу отнесли в лазарет, только Виталия в нем не смогли спасти, слишком много крови он потерял.

Придя в сознание, я сразу запросил начальника нашей разведки и рассказал ему, а позднее и рапорт Чуйкову написал, о том подозрительном, что наблюдал в английском секторе. Посланные одновременно со мной наши разведчики подтвердили мои подозрения. Англичане действительно держали несколько дивизий гитлеровцев с полным вооружением, рассчитывая использовать их против советской армии.

Из лазарета я, как видите, вышел инвалидом второй группы, шофера тоже покалечили. Но мы выжили, и это главное. А то, что мы выжили, а не истекли кровью, уверен, случилось только благодаря Виталию.

Ты, Иван Алексеевич, расскажи вашим родичам и землякам, как благородно погиб Виталий, — попросил бывший майор отца на прощанье.

* * *

Я тоже расстался с ним. Мне еще надо было выпить целебной воды и полежать не только на топчане под солнцем, но и на кушетке под синими ультрафиолетовыми лучами, которые прописала мне по согласованию с Константином Владимировичем Светлана Михайловна. А потом идти на укол.

Весь день я был под впечатлением рассказов отца, и особенно, майора. Почему-то в очередной раз вспомнилось возмущение Поприщина из «Мертвого дома» Достоевского: — «англичанка гадит».

Книга III

**ПРОТИВОРЕЧИЯ
СУБЪЕКТНОСТИ ДЕРЕВНИ**

**Дорогой сестре-долгожительнице
Клавдии Ивановне Старовой-Ключихиной
посвящаю**

В данной книге освещены обыденные перипетии деревенского бытия в последние три года правления И.Сталина. Они рассматриваются на фоне процессов восстановления сельского хозяйства, упрочения и развития социалистических отношений в локальном большевужинском поселенческом социуме.

В зафиксированной автором обыденности явственно просматриваются процессы укрепления ослабленного за годы войны организационно-хозяйственного базового для этого социума колхоза «Имени 17 партсъезда» и дальнейшего упрочения колхозного строя.

В материалах селькора отражаются процессы естественного, в условиях расширенного воспроизводства институциональной субъектности советской деревни, выхода сельской жизненной энергии за рамки этой локальности в более широкое общественное пространство.

В них рельефно проявляются процессы умножения жизненного фонда советской деревни, источником которого становятся, с одной стороны, интегрирующая материальную заинтересованность с моральным поощрением система стимулирования трудового энтузиазма рядовых колхозников, особенно молодых, с другой, — соединение их трудового прилежания с культурой, просвещением и оплодотворенными наукой и практикой методами коллективной работы.

Представляют интерес зарисовки того, как преодолевались в облике большевужинян элементы, унаследованные от начального этапа колхозного бытия их социальной незрелости, развивались в нем и углублялись черты, трансформировавшие их в представителей одного из основных классов социалистического общества.

Особый интерес представляют взгляды большевужинян в последний год правление И.Сталина на социальные горизонты их будущего.

Глава шестая ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ...

Предыдущие мои материалы представляли собою ретроспективную запись прошлого бытия большеужинских стариков из моей родословной. Или, зарисовочного характера, ретроспекции о собственных детских годах.

Первые давали определенные представления о материальных условиях жизни в нашей деревне и личностных особенностях экономических отношений в ней, а вторые, естественно, больше о бытовой ткани нашего послевоенного существования в преломлении детского восприятия ее.

В материалах данной главы ход большеужинской жизни фиксируется автором в режиме «он-лайн»: что происходило в данный момент, то и запечатлевалось на бумаге моим карандашом. Заметно, что существование самого хронописца все теснее вплетается в производственно-трудовые реалии бытия земляков.

Что и не удивительно, возрастом он приближался к тому рубежу, когда всем сельским отрокам торжественно или автоматически вручались трудовые книжки. В которые записывались все производственные наряды им местного бригадира и результаты выполнения этих заданий.

Став важным этапом в жизни советской страны, первая послевоенная пятилетка ознаменовалась восстановлением промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики. Это имело огромное значение и для нашей возрождаемой деревни.

А для колхозного крестьянства 1950 год стал, по мнению ряда советских историков, рубежом в ее развитии. Другие видные ученые рассматривали период от окончания Отечественной войны до середины 50-х годов как единый сталинский этап восстановления не только аграрной экономики, но и социального облика советской деревни.

Третьи полагали — и, будучи в 70-80 годы членом редколлегии академической пятитомной «Истории советского крестьянства», я обратил на это внимание, — что этап восстановления в ряде исторических работ может рассматриваться как единый период лишь до сентябрьского (1953) пленума правившей партии.

И еще тогда, прорабатывая для нужд упомянутого издания груды публикаций, я обратил внимание на то, что со второй половины 50-х годов число работ историков о жизни деревни первых послевоенных лет резко сократилось.

Причем все чаще стали появляться негативные оценки мер по подъему сельского хозяйства, осуществившихся в сталинские годы.

В моих материалах не лакируются трудности в нашей сельской жизни тех лет, а просто восторженно воспринимается любой позитивный сдвиг в ней.

Как будто малолетний автор их интуитивно чувствовал, что в условиях, когда страна вынуждена была тратить 27-30 процентов своего бюджета на создание атомного щита для обороны своего населения,* и эти малые сдвиги были вообще чудом самоотверженного труда советских людей и обоснованности реализуемой по инерции сталинской аграрно-сельской политики.

УПОРСТВО И ТРУД — ВСЕ ПЕРЕТРУТ

Используемую в качестве заголовка фразу я вычитал в «Словаре идиом». Полагаю, что она может быть универсальным рецептом для всей нашей школьной жизни.

Особенно для того, чтобы понять смысл той, можно сказать, скандальной истории, которая, как вы все знаете, произошла на днях в нашей школе.

Это, когда мама одной из моих одноклассниц на родительском собрании обвинила наших учителей, будто они отвлекают нас от учебы, «навязывая (нам) воскресники и шефские работы на полях и фермах борисовского колхоза «имени Киро ва».

И вообще, по ее мнению, школа слишком много внимания уделяет не учебе, а нашему, никому из нас не нужному, трудовому воспитанию. В ней, дескать, забывается о том, что мы ходим сюда учиться, а не работать.

* * *

Что тут сказать?

Из уроков по дисциплине «Основы дарвинизма» мы знаем высказывания Дарвина, Маркса, Писарева, Чернышевского и иных великих мыслителей с тем глубоким научным смыслом, что именно систематический труд создал человека из неразумной обезьяны.

А возможно ли это было бы без трудовой преемственности и трудового воспитания? И не включают ли эти явления в себя сами основы богатства всего человеческого бытия? Прежде всего, усвоение индивидом красоты отношений между людьми в процессе труда. А также бережливое отношение к природе и иные стороны жизни человека.

Не с трудом ли они связаны?

Так ведь они-то, как указывает Жан-Жак Руссо, — трактат которого «Эмиль или О воспитании» которого я прочитал и сейчас преодолеваю его

---

* Только в то послевоенное десятилетие за океаном было принято 4 плана ядерного нападения на СССР, который еще только разрабатывал свою атомную бомбу, для развертывания производства которой ему пришлось срочно построить две тысячи новых предприятий.

«Исповедь», - и составляют ткань незримого таинства формирования в индивидуе человеческой личности.

Вообще, я не представляю, как можно познать жизнь вне трудовой практики? О роли ее в познании жизни неустанно толковал в своих письмах молодым писателям из крестьян М. Горький.

Критически настроенная мамаша в своей запальчивости сказала: «Я не для того учу свою дочь, чтобы она на ферме вымя коровам подмывала, или в полях с навозом и грязью возилась. И тем более не для того, чтобы она свои дни проводила, пропалывая сорняки на грядках, даже если эти грядки принадлежат мне. Нам самим пришлось это делать всю жизнь, так пусть хотя бы у наших детей будет чистая работа. . . ».

Вообще-то, мало кому из нас не довелось пропалывать эти пресловутые грядки. Разве что двум-трем нашим жеманницам, которые под влиянием моды городских стилияжниц, отращивают сантиметровые ногти, чтобы продемонстрировать, что они уже сейчас выше грязного домашнего труда.

И в дальнейшем они, похоже, рассчитывают заниматься только «чистым» трудом или жить за состоятельным мужем. А значит, по меньшей мере, с одной наемной служанкой, как это еще бывает в городе, для домашних нужд.

Однако, проблема в том, что некоторые другие одноклассницы не только не осуждают этих жеманниц, а, просто не решаясь последовать их примеру, нередко устраивают своим родителям истерики, что те «загружают-де» их домашней работой. А вот такие-то их подружки живут, не зная никаких иных забот, кроме учебы и веселого, с гулянками, досуга.

И вряд ли следует нам закрывать на эти истерики глаза. Вероятно, есть необходимость поговорить о том, что есть жизнь человека, особенно советского человека. И во что человек превратится, если из жизни исчезнет труд?

Летом я прочитал «Избранное» индийского поэта и драматурга Робиндраната Тагора и обратил внимание на его восклицание: «Что составляет нашу жизнь? Она вся борьба! Начинается с борьбы и кончается борьбой!».

Пересказываю этот его афоризм по памяти, желая дополнить сказанное тем соображением, что, перефразируя великого поэта, вероятно, можно сказать и по-другому: «Что наша жизнь? Она освящается трудом, движется им, и прекращается следом за исчезновением возможности трудиться»!

И это тоже, полагаю, будет правильно. Наверное, потому в нашей стране повсеместно и висит лозунг: «Труд в Советской Стране — это дело чести, доблести и геройства!».

И хочется к нему добавить, что труд — это залог нашего хорошего будущего. Как страны, так и семьи, и каждого отдельного человека.

О домашнем труде. Повторяю, мало кому из нас, не довелось и не доводится им заниматься. Ведь, это сегодня неизбежное условие нашего выживания, что скрывать, наряду с учебной, основное средство нашего трудового воспитания.

Более того, думаю, не только его, а и вообще семейного воспитания. То есть усвоения азов общения в семье, отношений с родителями, братьями и сестрами, другими родственниками. А значить, в конечном счете, и отношений с большим обществом.

Не случайно наши семиклассники, изучая конституционные основы СССР, разбирают на уроках содержание ее формулировки «семья — основная ячейка общества».

Насколько помню себя, для меня лично никогда не возникал вопрос, помогать ли маме, отцу и сестрам в домашних делах. Сами условия нашей семейной жизни подталкивали к решению: конечно, помогать, а то существование всех, в том числе и мое, будет хуже.

Ведь после нашего возвращения из Шимского концлагеря на плечи взрослых навалилось столько забот о том, чтобы возродить условия, насущные для продолжения жизни, что родители просто-напросто не успевали их решать так быстро, как это было необходимо, чтобы нам не приходилось умирать от голода и холода.

Я уж не говорю об упомянутых заднепольской мамашей грядках. Огород был главным источником нашего обеспечения продуктами питания. Таковым он остается для многих и посейчас. Не возделай мы его, оставалось бы нам только «положить зубы на полку».

А когда и кому возделывать? Только ли одним взрослым? Ведь им надо было и колхоз восстанавливать, и жильем и одежкой нас и себя обеспечить, поскольку все мы за войну ее поизносили.

Инвентаря же — ни лопаты, ни граблей, ни топора, ни швейной машинки. . . ничего этого ни у кого не сохранилось.

Сковали срочно в кузнице из трофейного металлического лома лопаты и заступы, но велик ли прок от ручного труда? Тем более что взрослым удавалось выкроить для своих огородных работ только раннее утро, да поздний вечер.

Вот и пришлось нам, тогдашним малолеткам, в меру своих силенок, им помогать. Копать и обихаживать огородные грядки.

Ведь, чтобы подготовить нашу землю к севу и посадкам, ее надо не просто вскопать, а и обработать. Она же из полу суглинков, и потому быстро схватывается в неудобные для этого камнеподобные комья. А раздробить их было нечем. Ни бороны, ни лошади.

У кого в семье было много взрослого народу, те сами впрягались вместо лошади в борону.

Ну, а мы эти комья вынуждены были просто разбивать в мелкие гранулы деревянными колотушками, которые сделали для нас немногие взрослые мужики и рукастые бабы.

Для нас и своей семьи, кроме меня с Володей, их сделал пятнадцатилетний Павлуха Булаткин. Мы с Володей сделали колотушки для себя самостоятельно.

А потом наступило время многочисленных прополок посадок на этих пресловутых грядках.

За два года нахождения «под паром», пока мы пребывали в Шимском концлагере, огородная земля оказалась наспигованной различными сорняками, которые так и лезли из нее, заглушая более слабые окультуренные посадки.

И это только один вид домашних работ...

* * *

... А взять хлопоты с заготовкой дров...

Летом сорок четвертого еще ладно, можно было топить летние печурки, голландки, буржуйки сухими кустарниками, которые выросли на огородных межах. Однако, уже осенью и, тем более, зимой, необходимыми стали более основательные дрова. А где их взять?

Деревня наша Большой Ужин выстроена в чистом поле. До ближайшей березовой рощицы возле Рашучи четыре километра. Да и рощица-то эта — небольшая, и потому рашучане разрешают рубить в ней разве что ветки в Троицу, на веники. А так, населению чужих деревень у них один ответ: «поцелуй пробой, да вертайся домой».

Справа от Большого Ужина до леса, что за Чернецом, километров семь-восемь, слева — ни весть сколько, не меньше двадцати. Впереди озеро Ильмень, позади Рашуча с ее березовой рощей.

Остаются два кустарниковых массива — Засечка в километре от деревни и Кровайно в полутора километрах.

Нарубить в них лозы кустарников и даже бридья несложно, да только как привезти домой, не имея ни лошади, ни телеги или саней зимой? А на себе много ли наносишь хворосту такую даль, ведь рубить-то приходится не с краю, а углубившись в массивы.

Есть, правда, возможность лесосплава бревен для нас из Парфинского или Мануйловского леспромхозов реками и озером. Да только для этого нужна мужская сноровка, а наши мужики и парни на фронте.

А что касается нас остальных, детей и женщин, то мы могли только подбирать, особенно после шторма, бревнышки, выкидываемые волнами на песчаные плесы Кровайно, куда ребяташки любили бегать купаться. Потому, что там: во-первых, на сотню-полторы метров в озеро идут лиманы с песчаным дном и ровной небольшой, подросткам разве что по шейку — глубиной; во-вторых, на песчаном берегу всегда можно разжечь

костер, для которого кругом масса коряг и, главное, где ничего иного ненароком не подожжешь.

Откуда приплывали эти бревнышко, мы не задумывались. Но знали, что они ничейные, и их можно взять с собой домой, если есть охота.

У меня такое желание было, мама всегда хвалила меня, если я приносил «на растопку» бревнышко.

Я отыскивал такую растопку, чтобы была мне по силам. Обычно, метра полтора-два в длину и небольшого поперечника. Если бревнышко было больше, я ставил его на попа, подставлял под него плечо и, качнув назад, не сгибаясь, загружался ношей.

Порою чувствовал, что она немного превышает мои возможности, тем не менее, не бросал, а подложив на плечо под бревнышко кепку, чтобы оно не натирало или не наминало мою тощую ключицу, упорно нес его домой.

У меня выработался свой прием. Сначала я ставил цель пронести груз в сторону деревни метров двести-триста. Потом сваливал бревнышко на землю и отдыхал, а отдышавшись, снова ставил его на попа и вновь нагружался.

Потом я сокращал следующую цель метров на пол сотню и снова отдыхал.

Постепенно проходы с грузом становились все меньше и меньше, но и интервалы сокращались на меньшее количество метров. Последние метров пятьдесят я это бревнышко просто волок, и, свалив его во дворе нашей избы, садился на него отдышаться.

Так у меня выработался свой принцип: я пронесу такой груз, какой смогу поднять, и на такое совокупное расстояние, куда мне нужно. Тяжелый в использовании, этот прием переноски груза вырабатывал у меня необходимые мне выносливость и упорство в достижении цели.

Читал я в «Мифах древней Греции» такую быль-небыль. Жил там некий юноша-пастух. Задумал он принять участие в олимпийских играх, где нужна сила. Значит, надо тренироваться. А как, если ни гирь, ни даже камней подходящих нет?

Тогда он заметил одного теленка и, возвращаясь со стадом вечером, понес его на своем загривке. И так каждый вечер. Теленок рос, росла постепенно, и нагрузка. Даже, когда теленок вырос в быка, юноша продолжал носить его на своих плечах домой с пастбища. А потом он поехал на олимпийские игры, и победил на них.

* * *

Круг домашних дел, в которых мы можем и, желательно, должны принимать участие, бесконечен, и самый неожиданный. Порою дела эти мелочные.

Вот вчера, к примеру, делаю уроки, слышу: «Володя, помоги, не могу вдеть нитку, слепнуть, что ли, стала. . . ». Это мать говорит, сидя за швейной машинкой «Зингер», на которой то ли шьет, то ли штопает.

Можно было бы поворчать, что она сбивает меня с алгоритма решения задачи, которая и без того почему-то ускользает от разгадки. Однако я просто встаю и, молча, вдеваю нитку в ушко тонкой иголки.

— Спасибо, сынок! — сказала мама, провожая меня ласковым взглядом. И так ли мне тепло от этого стало, что трудную задачу, как орешек раскусил.

У нас дома давно все друг другу помогают, потому, может, что, сколько себя помню, то и дело слышу мамин голос: «Клава, помоги Тоне огурцы полить», «Настя, Люся, помогите Клаве», «Володя, подсказал бы Насте, в чем там загвоздка, что она не может сделать задание по геометрии». . .

А потому, наверное, и ругани у нас в доме нет, тогда как в других домах без нее, будто и жить не могут.

У нас в семье все домашние дела без споров делаются. Возможно потому, что мы уступаем каждому домочадцу исполнять те дела, которые он больше любит и лучше делает. . .

Наверное, в этом и проявляется взаимосвязь вопросов трудового и семейного воспитания.

* * *

Но возвращюсь к тому, с чего начал разговор о претензиях к школе со стороны заднепольской мамашки. По поводу того, что она, — не мамаша, школа, — якобы, перегружает нас воскресниками и шефскими работами на полях и фермах борисовского колхоза, на усадьбе которого находится наша школа.

Может, возможны более удачные формы связи нашего трудового воспитания через учебу, участие в домашних делах и деятельности трудовых коллективов, в которых трудятся наши родители и другие взрослые. Однако мне кажется, что и в сегодняшнем виде все это придает нашим личным, определенным боком частным делам общественный характер.

То есть, что наши воскресники и наша шефская работа придают всем трем видам наших дел подлинно социалистический характер. И соединяет, учебу с семейными и общественными заботами в сложный, как дюралюминий или амосовский булат,¹ сплав советского деревенского бытия.

---

¹Вероятно, именно в это время я прочитал историческое повествование о поисках рецептов технологии выплавки булатной стали и о формуле булата уральского металлурга Амосова.

Собственно, деревня тем и хороша, что здесь дела каждого у всех земляков на виду, и дети с малых лет знают, чем и как занимаются их родители, братья и сестры, соседи.

Когда мы с Володей дошкольниками бродяжничали по полям и нивам нашей артели, мы вместе с тем не просто наблюдали труд взрослых, но, по возможности, и пытались соучаствовать в их заботах: сбежать по просьбе кого-либо и передать, кому надо, чье-либо поручение. Отнести что-нибудь куда-то конкретному лицу записку или фляжку с водой. Сводить на водопой лошаадь. . .

Пойдя в Ужинскую начальную школу, мы эту полезную для взрослых деятельность стали осуществлять организованно.

Скажем, собирали всем классом колоски на полях такой-то бригады, пропалывали сорняки на опытном участке такого-то звена, охраняли от коршуна или ястреба маленьких артельных утят и гусят на птичнике такого-то — малужинского или большеужинского — колхоза.

Собирали мы золу, а также птичий помет для удобрения тех большеужинских полей, где звеном моей сестры Клавы или Валентины Принцевой планировалось выращивать элитный лен или семена новых сортов зерновых и пропашных культур.

В семилетней школе наши трудовые связи с местными колхозами и артелями усложнились.

Помимо того, что большинство из нас получили трудовые книжки колхозников и в летние каникулы стали принимать посильное участие в артельных работах, мы установили шефские связи с трудовыми коллективами разных наших колхозов. Теснее всего с борисовским, на территории которого стоит наша школа.

Они были оформлены соглашением: мы помогаем им, а они нам.

Наш класс заключил договор о социалистическом соревновании с механизаторами бригады Николая Рогова, которая работает на территории борисовского колхоза: мы учимся без полугодовых двоек, они работают без нарушений трудовой дисциплины.

Недавно провели, кстати, на их полевом стане с участием зонального агронома совместное собрание со взаимозачетом оценок того, как обе стороны выполняют условия договора.

. . . Если все это критически настроенная мамаша считает за отвлечение нас от учебы, то, наверное, потому, что она не знает, ради чего оно делается. В частности, как помогает такое участие школьников в колхозной жизни нашей учебе по биологии, зоологии и основам дарвинизма, а семиклассникам по основам конституционного права, химии и т.д.

Агроном даже пообещал моим одноклассникам показать азы определения агрохимического состава почв, а мне подсказал, как надо правильно делать прививку плодовых растений. Зоотехник же рассказал нам, как делают искусственное осеменение животных.

А если суммировать все рассказанное, то критика мамашей из Заднего Поля усилий нашей школы по трудовому воспитанию свидетельствует о том, что кто-то не хочет понимать, что через него мы учимся жить в будущем, а нам пытаются навязать жизненные рецепты прошлого.*

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК КОЛХОЗА

Строительство клуба под ключ в приозерной деревне Большой Ужин завершила к середине декабря наша рыболовецко-земледельческая артель «Имени 17 партсъезда».

Официальное «новоселье» в него состоится 31 декабря. Содержание его председатель артели дядя Миша Лобачев и правленцы держат в секрете. А местная молодежь готовится отметить данное событие своим новогодним празднеством. Каким и как? — это тоже держится ею в секрете.

Похоже, об этих секретах возбужденно и загадочно, кучкуясь отдельно от прочего люда, шушукуются все мои сестры и их подружки. Родных сестер у меня в деревне четыре, а считая и двоюродных, то десятка полтора.

Лукаво посматривают на их шушуканья мои старшие двоюродные и троюродные братья. А их у меня в нашей деревне только в допризывном возрасте не меньше, чем сестер. И у них тоже свои потайные задумки в связи с «новосельем».

Впрочем, в приподнятом настроении находится в эти предновогодние дни вся многочисленная большеужинская молодежь. И даже среди нас школяров царит по этому поводу некоторое волнение.

Да и как не волноваться в преддверии такого незаурядного для нашей деревни события? Молодежь Большого Ужина мечтала о своем клубе все послевоенные годы. Хотя бы как о всеми признанном месте, где всегда можно пообщаться.

Такового у нее не было фактически с момента начала оккупации района немцами осенью сорок первого года.

Точнее, до конца сорок второго года в нашей деревне еще красовался построенный в процессе коллективизации просторный дом культуры. На фундаменте из скрепленных известково-яичным раствором валунов, и со стенами из озерного девонского плитняка.

Да только те его комнаты, в которых до войны заседало правление артели, кабинет культурга и гримерные для участников художественной самодеятельности, где также хранились ее реквизиты, — костюмы там, иной инвентарь, — заняли тогда штаб и служащие гитлеровской комендатуры.

---

* Стенгазета «Борисовский школяр», Орган пионерской организации Борисовской семилетней школы, №4, декабрь 1951 года. Подпись: Володя Староверов, уч-к 5 Б класса.

Правда, по рассказам старухи тетки Тони Рюхановой, в основном зале, где раньше собирались колхозники на сходы и собрания, на лекции и концерты, а молодежь колготилась постоянно, немецкие вояки и их прислужники и прислужницы нередко устраивали танцы. Это было до нашей высылки из деревни в Шимский концлагерь и в иные места.

Только местные парни допризывного возраста, девушки, а тем более молодухи, на них не ходили. Опасались засветиться и попасть в списки увозимой со второго года оккупации на Запад рабочей силы на роль рабов-гастарбайтеров.

Исключением оказались лишь несколько матримониально озабоченных перспективой оказаться перестарками девиц, служивших в канцелярии комендатуры и бесстыдно рисковавших своей репутацией, гуляя с чужаками.

Где они, кстати, сегодня, не знаю, по словам взрослых, бежали на Запад вместе с оккупантами.

* * *

Дом культуры разбомбили у нас зимой сорок второго/сорок третьего года. Наш земляк, геройский летчик Саша Богачев, признался как-то на праздничном застолье, что он тоже был причастен к этому, уничтожая штабы и «выковыривая» гитлеровцев из тепла в избах на мороз в окопах.

Как бы то ни было, возвратившимся из мест высылки большеужинским подросткам, юношам и девушкам в конце войны и в первый год после нее компанейть было негде.

Летом еще туда-сюда. Каждый придворный пяточок вдоль деревенской улицы можно приспособить как площадку для танцев, пляски, игр. А в холода и непогоду?

Помню зимой сорок пятого года в нашей избе, одной из пяти не разрушенных и не сожженных в нашей деревне немцами, чуть ли не каждый вечер, вплоть до великого поста колготились парни и девицы. Притом, не только односельчане, а и из ближайших деревень.

Из-за чего в избе была на этих вечеринках такая теснота, что мы, малышня, теснясь на полатах, наблюдая с высоты их за весельем «взрослых», недоумевали, как они еще умудрялись отплясывать кадрили или трепака и барыню.

Мама, замечая в этой тесноте чрезмерно вольные, на ее взгляд, обжималки парней и девушек, постоянно хмурилась, но не отказывала молодежи в избе. Может потому, что три мои сестры из четырех к этому времени уже заневестились, да к тому же старшие Клава и Тоня были заводилами большеужинских подружек.

А может и потому, что и сама мама была, как теперь уразумел, еще далеко не старушечьего возраста.

Летом сорок шестого года колхозные плотники срубили приземистую, без подвала, избу, две трети которой заняли кабинет председа-

теля и счетовод с кассой артели, да комната для заседаний правления, а треть, то есть метров пятнадцать-двадцать, отдали молодежи.

Только заседания правления в тот год из-за небывалой до того засухи, изрядно осложнившей колхозную жизнь хозяйственными проблемами, происходили у нас чуть ли не через день, и приходили на них не только правленцы, а и многие активисты, особенно старики.

К тому же по этой причине в Большом Ужине то и дело собирались деревенские сходы и общие собрания колхозников.

Так что те и другие, не уместаясь в комнате правления, занимали и молодежную «залу».

* * *

Впрочем, и тогда, когда жизнь упорядочилась, молодежный досуг проходил в тесноте и, что греха таить, в обиде на очередного председателя артели, что он не дает команды построить настоящий клуб.

Тем более что умы парней и девушек смущали белой завистью развалины довоенного дома культуры. Руины каменного фундамента его протянулись вдоль огорода Лапиных от их избы почти до самого колодца, свидетельствуя, что это было внушительное строение.

В общем, было где родителям в пору их молодости разгуляться. Не то, что нам ныне.

Но все, сменявшие друг друга, председатели отмахивались не только от намеков молодежи, что им нужен клуб, но и от ее прямых недовольных нареканий, что у них нет ничего подобного для досуга. Ссылаясь на то, что еще «не время для гулянок», экономический фундамент артели, дескать, слабый, трудодни тощие. . .

И вот наступило, наконец, то время, когда колхоз смог позволить себе построить длинное, правда, в отличие от довоенного дома культуры, не каменное, а деревянное, здание из двух срубов под одной крышей.

В одном уже поселилось правление со всеми его бухгалтерско-кадровыми службами, а второе, метров в пятьдесят, полностью отдается в распоряжение молодежи.

* * *

Естественно, большеужинская молодежь сегодня радуется тому, что у нее, наконец-то, появилось теперь место, где можно не только поплясать-потанцевать, но и кино, не стесняя друг друга, посмотреть, лекцию послушать. . . Да и просто в шашки или загадки поиграть.

Эта новостройка уступает, правда, довоенному дому культуры не только фундаментальностью, но и размером. Так ведь и народу в Большом Ужине все еще почти наполовину меньше против тогдашнего.

Одни односельчане погибли или умерли, другие не возвратились из эвакуации, сразу поселившись в Ленинграде, Новгороде, Старой Руссе, которые еще более основательно, чем деревни, разрушены, обезлюдели и нуждались в рабочих руках для их восстановления.

Так что новый клуб сегодняшние запросы большеужинской молодежи пока вполне удовлетворяет.

Поэтому, вместе со всеми радуюсь и я.

И в то же время кое-что меня в сегодняшней празднично приподнятой восторгами атмосфере смущает.

Хотя бы то, что в отличие от довоенного дома культуры с его гримеркой и другими подсобными прибабасами, в нынешнем клубе не предусмотрено ничего для занятия художественной и иной самодеятельностью.

* * *

Слышал я спор наших правленцев по этому поводу и заявление влиятельного в нашей деревне авторитета Ивана Сорокина, что у нас некому, дескать, самодеять в лицедействе. Мол, и культурой мы для этого не вышли, да и талантами бог нас не наградил.

Видимо, дядя Ваня давно не бывал на молодежных вечеринках, поскольку сын его, мой ровесник Колян, еще до них не дорос. Или недооценивает попытки наших парней и девушек, скажем, в масленичную неделю и во время колядок самовыражаться в лицедействовании.

А попытки эти свидетельствуют, что на деле, стихийная тяга к самодеятельности у нашей молодежи есть.

Вопрос, кто, где и как претворит эту тягу в дело?

Да, сегодня среди большеужинских парней и девушек еще нет ни одного с грамотой выше начальной. Да и среди старших и средних возрастом односельчан грамотеи наперечет, кто погиб, кто уехал в город.

Но сейчас обязательным стало по закону семилетнее образование подростков, рано или поздно таким станет и среднее. А уж обладатели им наверняка будут знать, какие таланты пробудит в них школьное просвещение.

И, естественно, захотят развивать свои способности после школы. Хотя бы в форме художественной или прикладной самодеятельности.

Вот в связи с этим-то и всплывает второе, смущающее меня обстоятельство. Из него выплывает вопрос, кто организует и окультурит стихийную тягу нашей молодежи к такой самодеятельности?

Необходимых для этого кадров у нас нет, а без умелого культорганизатора наш клуб вряд ли превратится когда-либо в подлинный очаг обогащения духовности и просвещения.

Остается только надеяться на город, на выпускников культпросветучилища из числа людей инодального месторождения.

Но ведь такому культпросветработнику необходимо создать условия для постоянной жизни у нас.

Положим, жильем его правление обеспечит, да всем ясно, не только оно жизненно важно.

Из того же спора правленцев я слышал предложение установить ставку завклубом на уровне средней зарплаты полевода. Между тем в нашей артели она составляет едва ли половину средних заработков рыбаков, меньше, чем у животноводов и строителей.

Не свидетельствует ли такое предложение о несколько пренебрежительном отношении наших пожилых сельских авторитетов к значимости работы в сфере культуры?

* * *

Наша Борисовская школа-семилетка соседствует с церковью. И я нередко слышу, как выходящие из нее старики и старухи набожно шепчут — «во имя отца и сына, и святого духа». Выпрашивая у небес лучшую жизнь.

Если отбросить идеалистическую шелуху этой формулы, то невольно задумываешься над ее сокровенным смыслом.

Не содержит ли он в себе вытекающее из глубин веков, не только христианской, но, пожалуй, и языческой мыслительной древности — с заменой отца и сына на иных, реальных, а не мифических демиургов всего сущего — признание равно значимости для прогресса жизни ее творцов.

Скажем, трудящихся, с одной стороны, и присущих им субъективных устремлений, духовности, культуры, с другой?

Не из этого ли вытекает и народная мудрость, гласящая, что человек живет не хлебом единым, а и праведным словом, побуждающим к действиям?

И не означает ли это, что новостройка клуба в Большом Ужине, да и прочие подобного рода новостройки культурно-бытовой инфраструктуры в окрестных селах, только тогда станут равноценным хлебу насущным подарком молодежи, когда будут обеспечены организаторами, способными побудить массы трудящихся, тяготеющие к этим клубам, к духовному производству?

А коль так, то не должны ли за актом дарения молодежи новогоднего подарка в виде здания клуба логично последовать от наших хозяйственных руководителей дополнительные, обеспечивающие его культурно-просвещенческую эффективность, действия?*

ПО ЗАКОНАМ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

Под новый год и в начале его, естественно, мечтается о чем-то хорошем. Я мечтаю о том, чтобы наши люди начали жить по морально-нравственным законам большой семьи. Во всяком случае, хотя бы односельчане, жители окрестных деревень и население советской страны.

---

* «Старорусская правда», 1951 год, декабрь. Подпись: В. Староверов, рыбсельхозартель «Им. 17 партсъезда», Борисовский с/с.

Ведь в большой семье все живут дружно, никто в ней не подсиживает друг друга и не замышляет использовать себе в выгоду более слабых домочадцев.

Поскольку такая семья обычно сама своими силами и средствами быстро пресекает любую несправедливость в собственной среде.

Сужу по опыту жизни нашей многодетной семьи Староверовых. Нас восемь человек, и мы все заботимся, как умеем, естественно, друг о друге и переживаем каждый за всех прочих домочадцев.

А что касается возможных проявлений несправедливостей, то они сообща подавляются в зародыше.

Помню случай в первый год после войны.

Отец пропал ни весть где — потом выяснилось, что он лежал после тяжелого ранения в госпитале далекого уральского города Молотова, — мама ушла за восемь верст в Борисово в сельсовет в надежде узнать что-либо о его судьбе.

Мы все выполняем домашние задания мамы. Я пытаюсь разрубить бридьё на удобные для голландки чурочки, Коля их подбирает, Люся с Настей пропальвают свекольные грядки, Тоня ушла к леле Наташе Булаткиной посоветоваться, как можно приспособить лоскут серой мешковины к починке цветастого люсиного платья.

В доме хозяйничает старшая сестра Клава — ей семнадцатый год. Чем-то она занята, но чем — мы не знаем.

Возвращается Тоня. Люся с Настей приостанавливают прополку, им любопытно, что посоветовала леля Наташа. Сестры коротко обсуждают лелины советы. После рассказа Тони, мы все устремляемся в дом, пора обедать.

Впереди Люся. И едва она переступает порог нашей избы, как вскрикивает от неожиданности и возмущения, получив хлесткий шлепок по спине мокрой тряпкой.

Это Клава, только что вымывшая байдачный пол, выместила на Люсю свой гнев за то, что та загрязнила-де огородной землей ею вымытое.

Однако, ни мы, ни Люся не ведали, что она в наше отсутствие вымыла пол. Тем более что половика за порогом, которому положено лежать на вымытых половицах, она еще не постелила.

Но Клава не любила разбираться в таких тонкостях. Зато, как старшая среди нас, она давно уже пыталась нами командовать. Особенно тогда, когда в доме не было мамы.

Люся у нас самая безобидная и любимая мною сестра. Я, хоть и моложе сестер, но старший после смерти первенца родителей Ивана, образ которого моя детская память и не сохранила, брат. Да к тому же был я тогда из-за своей болезненности и слабосилия довольно вспыльчивым.

Схватив веник, я начал ее им яростно «охаживать» Клаву. А затем, будучи схваченным ею и обезоруженным, продолжал, тем не менее, колотить ее кулаками и ногами.

Клава, опешив первоначально, затем схватила печной ухват и, припилив меня им к стене так, что я не мог до нее достать, начала, в свою очередь хлестать меня отнятым ею веником.

Но тут уж, защищая меня, на нее всем скопом набросились прочие сестры, недовольные ее командирскими замашками. И даже трехлетний братик Коля повис на ее руке, мешая ей махать веником.

Бросив ухват, она попыталась раскидать нас в разные стороны. Однако, действуя дружно, мы как-то загнали ее через открытую во время мытья крышку в подпол.

Захлопнув крышку в подпол, мы уселись на нее, чтобы она, лишившись возможности вылезти, прочувствовала там свое заточение.

Мы забыли, что в подполе нашей избы есть дверца с улицы. А Клава выбралась через нее и коридором, затем сенями ворвалась в избу, чтобы разобраться с нами по праву «сильного».

Тем не менее, мы, преодолев первоначальную растерянность от ее неожиданного для нас появления, объединенными силами вновь как-то загнали нашу несостоявшуюся «командиршу» в чулан, где обычно спали сестры.

Выпустили ее из него только после клятвенного обещания не злиться на нас и не мстить нам.

После этого Клава не сразу, конечно, а постепенно все же перестала проявлять свои попытки командовать нами. Короче, усвоила принцип отношения с домочадцами через мирные соглашения с каждым.

* * *

С тех пор я уверовал, что семья это первый шаг на пути умения налаживать равноправные и потому дружественные отношения с окружающими людьми. Каждый домочадец с малых лет впитывает в семье образцы поведения, стремления к сотрудничеству, умения решать конфликты.

И кстати, в послевоенные годы такими качествами обладало, по моим наблюдениям, большинство людей в нашей деревне и в окрестных нам сельских весях.

Может суровые испытания военных лет, когда повседневная жизнь и судьба каждого зависела от поддержки земляков, крепила общинную, как называет ее мама, мирскую, как назвал бы ее Г.Успенский, спайку нашего населения.

Не случайно ведь мы не можем вспомнить ни одного случая в повоенное десятилетие, кроме удавившегося в 45-м году в Малом Ужине Матюхи, когда бы наши земляки добровольно уходили из нелегкой и тягостной порою для многих из них жизни.

Погибали от взрывов заложенных фрицами мин или в штормовую погоду на озере Ильмень и иных несчастных случаев — это было. Но не могу вспомнить ни одного самоубийцы из числа моих земляков.

Даже среди малолетней безотцовщины и круглых сирот. То есть, среди тех, кому больше всех приходилось страдать от нехваток в быту наших разоренных в оккупацию деревень.

Возможно, это обусловлено атмосферой взаимной поддержки, царившей среди населения наших деревень.

Вспоминается, как в особо голодные, — потому что были засушливые летом, — сорок шестой и сорок седьмой годы на общем сходе жителей нашей деревни решался вопрос распределения тощей зерновой дотации.

Ее нам выделило государство. Тоже разоренное до нищеты военными утратами его благо достояния.

Логично было бы поделить это зерно, как предлагал Миха Филин, всем односельчанам поровну. Или, согласно предложению председателя артели дяди Миши Лобачева, по степени усердия и активности в труде.

Между тем, после некоторых споров, решили:

— тем семьям, в которых есть погибшие, нет трудоспособных, а есть малые дети, выдать зерна по две доли на каждого домочадца;

— старым немощным бобылям и семьям без мужиков, но с подростками — долю;

— тем, у которых есть трудоспособные и подворье с коровой и иной живностью — по три четверти доли;

— и семьям рыбаков, которые имеют приварок из уловов — половину доли на каждого их домочадца.

И я не припомню, чтобы из нашей деревни в те голодные годы кто-нибудь уходил побираться по миру с нищенской торбой. Между тем, побирушек — «поляков» и «полек» — тогда в деревнях нашего района было немало.

Что касается большеужинских, «обделенных» вроде бы при распределении помощи зерном, семей рыбаков, то они считали тогда своим моральным долгом еще и поделиться приносимыми ими с промысла «варками» со своими многодетными родичами и «безрыбачьими» соседями.

* * *

И эта, идущая от солидарности дореволюционной крестьянской общины традиция «взаимной поддержки» сохранилась в наших деревнях по сию пору. Обретая порою в советское время иные новые формы.

В те же послевоенные годы по инициативе наших ужинских и борисовских учителей сложился обычай вскладчину покупать для детей, погибших на войне земляков, снаряжение, необходимое им для учебы в школе.

Кому учебники, тетради и карандаши, кому ботинки, валенки или пальтишко. . .

А бывали случаи, когда им подросткам, при потере обеих родителей, возглавляемые депутатами сельсовета местные соцкультбыткомиссии, аккумуляировавшие помощь всего деревенского «мира» и колхоза, помо-

гали материально в формировании традиционного у нас «приданого» для вступления в самостоятельную жизнь.

Особенно девушкам,

Но ценность этих дел была не только в материальной поддержке. Главное в справедливости отношения взрослых ко всем детям и подросткам.

Если мы начинали шкродничать, а такое тоже подчас бывало, то не удивлялись, что любой взрослый мог в такой момент отпустить тебе внушительный «подлещик». Невзирая на то, родной ты ему или не родной.

И поскольку отвешивался такой подзатыльник всегда «по заслугам», что негласно, но зорко контролировалось другими взрослыми, никто из нас за него не обижался. Наоборот, все мы, так или иначе, стыдились этих «заслуг».

* * *

В общем, все, о чем я рассказал, происходило так, как и полагается в справедливой жизни по нравственным законам большой семьи. Поэтому я и помечтал о ней в ночь перед Рождеством, встретив и начав новый год.

Только вот признаюсь вам, что в последнее время мне все чаще начинает казаться, будто эта моя мечта о желаемой мной жизни по уставу семейной справедливости начинает несколько тускнеть.

На такие грустные мысли наводят меня вроде бы единичные, и, кажется, даже мелкие факты.

Ну вот, например, шли мы на днях большеужинской компанией в школу с борисовским аборигеном Кукушкиным из параллельного пятого класса. Потому хотя бы, что наш путь проходит мимо его дома у моста через реку Переходу.

И чем-то не понравился ему один из наших попутчиков. Начал он дразнить его, балагурия, будто тот ходит в куртке «с чужого» плеча и, утверждая, что та принадлежала ему, да его мать отдала ее школьной соцультбыткомиссии в пользу «нищобродов».

Комиссия и учителя никогда не раскрывают, каким ученикам из бедных семей и чем они помогают. И я сказал Кукушкину, что это убудочно выпячивать даже не свое, а его матери добротство. А тем более смеяться над бедностью.

Мы с ним начали переругиваться, да так и перекорялись друг с другом всю дорогу. Вплоть до входа в наши классы, куда уже вошли, было, учителя.

Вдруг он, приоткрыв дверь в свой 5-а класс, с размаха вклепил мне пощечину и юркнул в помещение, понимая, что я не брошусь за ним драться в присутствии учителя. А в другое время его защитит от меня его старший брат. . .

Хочу поведать и другой случай, уже серьезнее этого.

В одно из последних воскресений октября мы с Володей Комиссаровым забрели, ни весть зачем, почти к Верескову. Вдруг, слышим — тревожный набат в рельс. То есть, голос нашего большеужинского «било». Видим — над деревней густой дым. Пожар!..

Когда мы прибежали в нашу деревню, посредине ее, вокруг подворья и дома Вишняковых, колготилось почти все ее взрослое население. С ведрами, баграми для растаскивания построек, с запряженными повозками с бочками воды. . .

От единственной в Большом Ужине помповой водокачки до «бомбы» с водой в огороде вишняковских соседей Филиных протянут водозаборный шланг.

Впрочем, пожар был уже потушен. Взбудораженные люди выясняли его происхождение.

На жеребце прискакал из сельца Кольчугино, где он обитает, и куда ему сообщили о пожаре по радию, участковый нашей сельсоветской окрестности капитан милиции Иван Александрович.

Оказалось, пламя вспыхнуло от костра, который опрометчиво разжег за банькой наш погодок Серый — Серега Вишняков. Неподалеку от стожка с соломой, заготовленного Вишняковыми на зимние хозяйственные нужды. Потому от искр этого костра тот вспыхнул огромным факелом.

Факел перебросился на соломенную крышу баньки, и та тоже запылала.

Объединившееся пламя грозило переброситься на сарай, набитый сеном для домашней скотины, а, следовательно, и на соединенную с ним в единую постройку избу. Покрытую, кстати, как и сарай, тоже соломой.

Если бы это произошло, ничто бы не спасло Большой Ужин: по меньшей мере, половина его выгорела бы.

Избы у нас стоят хоть и не вплитык, но довольно близко друг к другу, и все крыты соломой. Ведь, когда деревня восстанавливалась сразу после освобождения от оккупации фрицев, в ней еще не было даже щепо-дральных станков, не говоря уже о черепице или шифере.

Какая половина деревни выгорела бы, зависело от направления ветра. Он у нас обычно тянет летом с теплого полевого юга в сторону прохладного озера Ильмень. Зато зимой дует шелонник с озерного северо-запада, а в межсезонье, как в октябре, туда и сюда. В зависимости от того как быстро стынет вода в озере.

* * *

В тот день ветер был юго-восточный, и не посчастливилось бы поозерному деревенскому ряду деревни, начиная с избы Филиных. Поэтому особенно громко истерила жена Миши Филина.

— Это он, хулиган, полудурок виноват, чуть всю нашу деревню погорельцами по миру не пустил. Арестуйте его. Пусть в колонии его

поучат, как среди добрых соседей по-людски жить, — требовала она от участкового Ивана Александровича, указывая на зареванного Серого.

Хулиганом Серый никогда не был. Скорее его можно назвать умственно заторможенным второгодником четвертого класса. Да к тому же «хвостиком» его сверстника — шкодливого и трусоватого по натуре сына нашего деревенского авторитета — Коляна Сорокина, жившего напротив Вишняковых.

Выяснилось, что в тот день Серега с Коляном Сорокиным бродили за Обороной в поисках медных патронов. Увидев там же стаи колхозных уток без присмотра, — поскольку, как и домашних гусей, их у нас никто и никогда постоянно не пасет, разве что время от времени проверяется количественная сохранность стай, — Серый поймал набиравшего вес утенка.

А потом, по возвращении домой и, проголодавшись на свежем воздухе, они решили испечь эту добычу в костре.

Обмазали птицу глиной. И поскольку дрова взяли из поленицы возле баньки, то, поленившись отнести их в сторону, под прикрытием ее от ветра, закопали выпотрошенную, но с перьями, утиную тушку в землю. А над ямкой с тушкой разожгли костер. Со всеми дальнейшими последствиями.

Мы с Володей Комисаровым уже тогда сразу поняли, что сам по себе Серый на такое не пошел бы. Тем более в компании с Коляном Сорокиным, которого он слушался больше, чем своих родителей.

И действительно, как потом признавался нам Сергей, свернуть утенку голову и испечь тушку на костре за баней подстрекнул его Колян.

Но в момент расспросов Серого взбудораженной опасностью общедеревенского пожара толпой односельчан, ему пришлось признаться, что именно он поймал колхозного утенка. Да и костер был зажжен за их семейной банькой.

Поэтому ругали и клеймили только его, а о Коляне мало кто говорил. Тем более, что больше всех истерившая Филиниха является какой-то родней Сорокиных.

Да и Иван Сорокин несколько лет подряд избирается ватаганом большого невода, в котором промышляет тридцать человек, в том числе и Миха Филин.

* * *

Урезонивая Филиниху, Иван Александрович сказал:

— Арестовать парня нетрудно, возраст позволяет. Да подумай, что получится потом. Пробудет он в колонии несколько лет, на большее его проступок не тянет, а потом возвратится домой. И чему он научится от арестантской братии, один бог ведает. И хуже всего то, что именно вам соседям, многим большеужинцам, да и окрестному люду испытать это на себе доведется.

Под влиянием Ивана Александровича толпа в закоулке дома Вишняковых незаметно превратилась в рассудительный сход большеужинян. Посоветовавшись, тот постановил:

1. обратить внимание родителей Вишняковых на бесконтрольность поведения сына;
2. взять Сергея на поруки населения деревни Большой Ужин;
3. обязать Вишняковых из их семейного утино стада в тройном размере возместить колхозу нанесенный их сыном Сергеем ущерб.

В общем, справедливое решение, хотя лично мы с Володей были недовольны, что осталось вне внимания схода провокаторство Коляна. Да во мне самом зародилось, умноженное школьной стычкой с борисовским оболтусом Кукушкиным, тревожное чувство будто началась утрата в нашей деревенской жизни чего-то важного.²

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ ВЕСЕЛЕЕ

Действительно ли всем жить стало лучше и жизнь у всех становится веселее? Это, наверное, у кого как.

Вряд ли Андрюхе Вихрову, тому, что из параллельного нашему класса — жить стало лучше после того, как весной у них сгорел дом. Надорвавшись при тушении пожара, умер отец, а мать стала инвалидом. После отца Андрюха, помимо матери, в семье остался старшим, и потому собирается бросить учебу, если найдет работу, которая сможет их прокормить.

Да и о себе я не могу сказать, что жизнь моя в последние три-четыре месяца стала веселее. Почитай с предновогодних дней меня, то несколько утишаясь, то усиливаясь, мучают боли в левом ухе. А старорусские коновалы так, похоже, и не определились, отчего это, и прописывают мне разные капельки, от которых смозол мне, как от козла молока.

Ну а в целом, жизнь наша, конечно, становится лучше.

* * *

Во-первых, почти все жители окрестных селений построили себе какие-никакие, а свои избы. Насколько знаю, в Маковице осталась только одна землянка. В Малом Ужине еще три семьи живут в утепленных окопах, в Кукуевке, в отличие от маковских, вообще землянок не осталось.

А в Большом Ужине только пришлый Семук по прозвищу Полешанин, а может, то его действительная фамилия, живет в бывшей фрицевской землянке на кукуевском конце деревни.

Надо сказать, землянка у него оборудована добротно, с дверью и флюгером на крыше, которая в два наката, да к тому же дерном обложена. Семук этот, как бы немного не в себе, в колхозе не работает, скосо-

---

² *Сочинение на заданную тему, «О чем мечтается в новогодние ночи?» ученика 5-б класса Борисовской семилетней школы Володи Староверова, январь, 1952 год.

боченный хребтом и хромает. При ходьбе опирается на тачку с двумя колесами.

Сначала я думал, что они у нее от детской коляски, а, приглядевшись, понял, от чего-то другого. Больно они толстые и прочные.

С этой тачкой Семук ходит в Кровайно и, если погода хорошая, то режет в кустах лозу, а затем там же, на лужайке под кустами, весь день плетет из нее что-нибудь, надо сказать, всегда что-нибудь занятное.

Корзинки и другие поделки, как-то коврики к дверному порогу, подставки под горячую посуду, латки под огурцы, ягоды, под картошку в мундире. . .

К вечеру он загружает тачку связками лозы, сверху прилаживает сплетенные им поделки, и, ковыляя, везет все это к своей землянке.

Его корзинки и поделки пользуются спросом не только в нашей деревне, а и из окрестных весей люди за ними заглядывают. Благо он за них недорого берет. И не только деньгами, а и рыбой, яйцами, сметаной или молоком. В основном на ежедневное пропитание.

Так что Семуку и на рынок не надо везти свои изделия, люди все их разбирают.

А в пасмурную погоду он возле входа в землянку ремесленничает, все вокруг усеял ошкурками, обрезками лозы и мелкими стружками ее. Они со временем подсохли, и втопты в землю молодежью, живущей в том конце деревни.

Она, когда ей не хочется идти в клуб, а вечер теплый, устраивает здесь под гармошку свои кадрили, барыни и трепачки. Благо гармонист Васюк Сорокин там не из последних.

Сам Семук никому не мешает. Ну и ему никто не мешает. Даже посланец сельсовета, который с наших деревенских земляков периодически налоги и недоимки собирает, обходит землянку Семука.

* * *

Во-вторых, жить люди в наших деревнях стали материально обеспеченнее. Не только в нашем смешанном колхозе имени 17 партсъезда на полеводческие трудодни — рыбаки всегда вознаграждались денежной зарплатой — стали выдавать не как раньше — натурой, но и деньгами, причем все более весомыми, а и в окрестных, чисто земледельческих, колхозах вводится комбинированная оплата труда.

Прислушаться теперь во время праздников, когда встречаются жители разных деревень, так частенько услышишь хвастовство или сравнения, у кого на какие трудодни — льняные, полевые, капустные, сенокосные и так далее, — в среднем на каждый, сколько рублей и копеек и когда выдали.

Еще недавно наши люди всегда при таких разговорах, казалось, смущались от усмешливого хмыканья городских родственников, посетивших их в праздники.

А сейчас не редкость можно заметить не очень-то и скрываемую ухмылку во взгляде какого-нибудь пастуха, конюха, ударника-овощевода. Когда он небрежно сообщает уехавшему в свое время в город соседу о своем совокупном годовом доходе. Особенно, если сосед уехал из деревни из-за тогдашних тощих трудодней.

* * *

В-третьих, увереннее стали люди думать о своем завтрашнем дне, особенно в старости.

До революции и в нэп, как рассказывал мне мой родной дядя Саша Булаткин, основная надежда у тех людей, которые на старость не сумели накопить капитала, была на то, что выросшие дети не оставят прозябать в нищенстве.

А ведь и оставляли некоторые, особенно, если прибивались к зажиточным в примачи или невестки.

Было много и таких, у которых дети погибали на войне или умирали молодыми. Ведь смертность в наших деревнях, особенно в голодные годы и особенно детская, была во много крат большая, чем нынешняя.

Единственная надежда оставалась у людей, утративших силу, ставших калечными, бобылями, на деревенский «мир», крестьянское «общество». А тут многое зависело от того, кто заправлял в той или иной сельской общине.

У нас в Старом Ужине заправляла семейка мироедов Березиных. Так они, как сказывают старики, любили поиздеваться над неимущими и немощными. Особенно если дети бобылей, когда живы были, им чем-нибудь досадили.

Злопамятная была семейка. И общинным фондом для помощи нуждающимся землякам распоряжалась, как своим собственным достоянием: хочу — пожалую лепту, а не хочу — пошел прочь с моих глаз, голь перекатная.

От государства же или от земства нуждающимся, даже большинству увечных солдат, почти никакой помощи не оказывалось. Равно, как и от помещиков Арцыбашевых или других, какие были в уезде.

Иное дело сегодня. В первый по военный год, и в два-три года после войны, при отсутствии учета населения, поскольку вся документация погибла во время оккупации, было так, что кому-то несвоевременно оформляли пенсию за погибшего мужа или сына. Я сам писал нашим деревенским бабкам их челобитные в военкомат с напоминанием об этом.

Ну а теперь-то уж по этому поводу никто не беспокоится. Учет в сельсовете ведут теперь надежно.

Правда, пенсии по старости нашим колхозникам еще не платят. Но по трудовому стажу большинство колхозов их платит. А у нас редко кто

к старости не имеет трудового стажа. Разве что хронически немощные и больные. Так таким людям оформляются пенсии по инвалидности.

А вообще-то слышал я разговор председателя Борисовского сельсовета Панкрашова и вожakov малоужинского колхоза «Честь труда» дяди Вани Пашутина и нашей артели дяди Миши Лобачева, что надо для одиноких стариков и инвалидов из окрестных деревень построить дом престарелых с парой мед-сестер и нянечек для ухода.

Панкрашов предлагал дяде Мише переоборудовать под такой дом наше конторско-клубное помещение, обещая помочь в строительстве новой конторы и нового клуба. Обещал помощь в стройке мастерами и лесом и Пашутин.

Мотивировали они размещение дома престарелых в нашей деревне тем, что у нас легче обеспечить старикам разнообразное диетическое питание — рыбное, утиное, гусиное. . .

* * *

В-четвертых, и действительно, жизнь стала у нас веселее. Не знаю, отберут у нас, у молодежи, клуб под дом престарелых или нет, — но вообще-то уверен, если и отберут, то быстро построят новый, ведь во всех окрестных деревнях уже есть свои клубы или избы-читальни.

Ну а пока, при наличии его, досуг у нас стал интереснее, разнообразнее.

Вот и на днях, в воскресенье, мы с Колей Дарушиным и Сергеем Лениным в нашем клубе показали представление по рассказу Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш». Я поведал им про политический театр Пискатера, и мы решили сделать нечто подобное его спектаклю «День России». Конечно, не такое масштабное, но его методами.

У Сорокиных выпросили диапроектор, им его родственники из Ленинграда летом на престольный праздник Ильи привезли, да и забыли у них.

Сергея несколько картинок нарисовал с иллюстраций в книжках про гражданскую войну и повести Королькова про земляка из Мануйлова партизанского Героя Советского Союза — пионера Леню Голикова.

Но самое сложное было найти в деревне белую простынь. Никто из хозяек ее дать не мог. Пришлось воспользоваться нашей праздничной столовой скатертью, которую мы выпросили, при поддержке Люси и Насти, у мамы.

Да никто из нас не хотел изображать Мальчиша-Плохиша.

Я, впрочем, уже готов был сам согласиться с его ролью, в конце концов, ведь это игра. Только весь сценарий наизусть, кроме меня, никто не знал.

Уговорили Колю Дарушина. Он крепонький и низенький, достаточно одну подушку под рубашку подложить, да щеки калиной немного подмазать, и пузатый, жирный Плохиш, как на рисунке в книге, наяву.

Сергея изображал Кибальчиша. Диапроектор направлял на скатерть Колян Сорокин. Володя Булаткин, когда в сонный час ночи в поселение врывался на покрытой тряпкой-попоной метле, знаменовавшей гриву жеребца, Кибальчиш, из-за неимения у нас горна, предварял его побудный крик тревоги раскатистым маршем гармоника.

А я, когда из-за скатерти тенью, а когда и перед ней, декламировал или кричал, если мешал шум, текст сценария. Оказалось, рассказ Аркадия Гайдара был неизвестен не только большинству взрослых ужилян, а и нашим сверстникам.

Правда, в моих криках-декламациях было много отсебятины или заимствованного из повести Королькова. Но ребятам и девчонкам, а они составляли большинство зрителей, вроде бы понравилось.

Во всяком случае, при встрече с Сергеем многие из них сейчас поднимают в жесте пионерского приветствия руку и возглашают «Салют, Мальчишу!».

Можно было бы много и другого написать о переменах в нашей жизни. Да и не только в нашей. Послушать радио, почитать газеты, всюду вести об этих благих переменах.*

ОТ ПЛОХОГО СЕМЕНИ НЕ ЖДИ ХОРОШЕГО УРОЖАЯ

На дворе лютует февральская зима, завывают метелицы. Но, шох-ворох, и на порог к хлеборобу пожалует с капелью март. А там и до весенних апрельско-майских хлопот посевной страды будет рукой подать. Поэтому уже сейчас в деревнях и селах до поздней ночи светятся окна тысяч колхозных агрохат.

Главный ученый сельхозник академик Трофим Лысенко бросил советским земледельцам клич, встретить весну не только с готовыми к работе орудиями, но и с добротными семенами. Это действительно плодотворный клич, ведь от плохого семени не жди не только хорошего племени, но и надежного урожая.

Соответственно, главный зональный агроном по районам Южного Приильменя Фарагин в областной газете «Новгородской правде» и инженер по механизации сельского хозяйства Наговской МТС Гранин в районной «Старорусской правде» дали много дельных советов, как лучше подготовиться к весне.

По их советам уже с января звеньевые-полеводы земледельческой бригады рыболовецко-сельскохозяйственной артели «Имени 17 партсъезда» Валентина Принцева и моя старшая сестра Клавдия Староверова с их коллективами обшарили все подворья наших деревень — Большого Ужина и Кукуевки, собирая с согласия их домохозяев печную золу, яичную скорлупу, а также куриный помет.

---

* Сочинения на заданную тему В.Староверова, уч-ка 5 Б класса Борисовской семилетней школы.

Затем эти собранные ими органические удобрения были вывезены на поля, которые закреплены за их звеньями.

Золу развеяли еще по белоснежному февральскому покрову будущей пашни, чтобы она своей чернотой успешнее собирала на нее теплоту еще слабого в это время солнца и снег от того быстрее таял.

А помет и скорлупу разбросали по бедным фосфоритами и калием участкам будущих плантаций посевов льна.

* * *

Пока собирали удобрения на подворьях многочисленных родственников и друзей звеньевых и членов их коллективов, проблем в связи с этим не возникало.

А вот по поводу освоения прочих мест наличия зольно-пометного сырья и сбора его, они возникли. И отнюдь, неоднозначные.

Во-первых, конкурирующие друг с другом подруги звеньевые изначально не могли поделить, с кого каждое из их звеньев будет «брать полюдье» этим сырьем.

Пришлось договариваться друг с другом по ходу дела. Идя порою на компромиссы и давая друг другу обещания будущей взаимопомощи.

Во-вторых, оказалось, что отнюдь не каждая хозяйка подворий — мужчины-хозяева отнеслись к этому благодушно и даже показно равнодушно, — сразу соглашалась отдать нежданно-негаданно ставшее драгоценностью зольно-пометное сырье.

Пришлось к каждой искать свой подход.

Одной оказать какую-нибудь помощь по хозяйству. Как правило, по мелочам, но рождающую ответную благосклонность. С другой, использовался арсенал из набора девичьих оболещений. От особой приветливости до похвалы воспитанности детей этой хозяйки. Или их исключительных достоинств, если речь заходила о взрослых девушках и парнях.

Кажется, это, в общем-то, положительно сказалось на улучшении общепоселенного духа добрососедских деревенских эмоциональных отношений. К тому же породило больший, чем обычно, интерес к весенним общественно-хозяйственным заботам молодежи и сельхозартели в целом.

При основной специализации на товарном льноводстве или овощеводстве все артельные звенья имеют особые небольшие участки, на которых воспроизводят элитные семена.

Звенья Валентины и Клавдии имеют сортоучастки не только семян льна, но и зернобобовых: ржи, пшеницы, жита, овса, гороха, проса и гречихи. В общем, всего понемногу.

По совету того же заинтересовавшегося было красавицами звеньевыми Гранина Валентина и Клавдия готовятся провести по методу Лысенко яровизацию зерновых. А потому запасают для этого старые, непригодные уже на промысле, во многом утратившие свою просмолку парусиновые полотнища. Выпрашивая их у ватаганов и большаков рыболовецких бригад и артельного завхоза.

Впрочем, саму яровизацию они намереваются сделать за пару недель до посевной, где-нибудь в апреле, а пока каждая занимается сортировкой всем своим звеном семян. И не только триерами, а и вручную.

Последнее — ручной отбор семян, производится именно для опытных делянок, на которых намереваются выращивать уже новые семена под посевы следующего года.

Пока в нашем колхозе, ни в Ужине, ни в Кукуевке, еще нет специально оборудованных агрохат, поэтому работа по калибровке семян организуется каждым звеном на дому у звеньевых или у кого-нибудь из товарок по звену.

Наш с Клавдией дом почти посредине деревни, если считать и другой ее ряд. Поэтому ее звено собирается чаще всего у нас.

Не знаю, как в звене Валентины Принцевой, а у Клавы, которой я помогаю, дело обставлено просто. Она, состоящие в ее звене наши двоюродные сестры Настя Пятина — дочь тетки Тони и Маша Староверова — дяди Мишина, а также закадычные подруги Тоня Горина и Тамара Дубровнина задействовали, кажется, всех своих родных, а те знакомых школьников.

Теперь мы по вечерам устраиваем общие «сортировочные» посиделки. Кто-нибудь рассказывает занимательные истории или читает всем интересную книжку.

В первом случае — все, во втором остальные, кроме чтеца, сортируют лежащие перед ними кучки семян: здоровые крупные и больные мелкие — в емкости по разные стороны стола.

Время от времени, не прерывая калибровку семян, девушки поют. Все они голосистые певуны, поэтому из нашего дома в оба конца деревни разлетаются напевы, привлекая внимание парней, которые тоже пытаются войти в нашу команду сортировщиков:

Убирают лен красавицы — урожай у нас богат

И привольно разлетаются песни звонкие девчат!..

Парней отшивают или, если это чья-то симпатия, припрягают к нашей общей работе. Толку с них, правда, оказывается мало, больше мешают работать. Но все понимают, что для кого-то из девушек это стимул показать парню свое трудолюбие, усердие и сердечное расположение.

Тоня и Тамара живут на отшибе в противоположных концах Большого Ужина, а потому иногда они собирают своих помощников у себя дома.

Поскольку у них родичей, кроме их матерей, нет, им помогают соседские школьники Нина Грязнова, Клава Блинова, Коля Богачев, Лида Богачева и другие.

Работка, конечно, утомительная, да важная.

И главное, каждый из нас по своим огородам, знает, крупные здоровые семена — залог богатых урожаев.*

УТОНУТЬ МНЕ НЕ СУЖДЕНО, А ЧТО ИНОЕ?

Из дневника за февраль-март-апрель

Запись 1.

Ощущение, что моя личная жизнь, в отличие от жития окружающих, отнюдь, не становится веселее, стало для меня окончательно очевидным к концу зимы из-за пустяковой, вроде, да только продолжительной, а потому изнурительной болезни. Покалывания и свербеж в левом ухе нарастающими темпами превратились в болевые обстрелы.

Отшагав на лыжах верст двадцать через заметенные снегом по макушки кустарниковые перелески напрямик от дома до Старой Руссы, и отсидев в районной поликлинике длинную очередь, я пришел в знакомый мне кабинет ухо-горло-нос.

Прежнего эскулапа, которого я внутренне уже ненавидел, на месте не оказалось. Заместившая его блондинка средних лет и, соответственно, средне полного телосложения посветила зеркальцем в ухо, промыла его каким-то раствором, вновь посветила, затем поразводила руками.

И под конец, сказала, что мне надо пройти сеанс двухнедельного свето-тепло-облучения, но в больницу они меня положить не могут. Если смогу пожить в Старой Руссе, то они проведут такой сеанс лечения.

Возвратился домой ни какой, ни сякой. Стрельба болевыми выстрелами в голову от многочасового усиленного вдоха морозного воздуха только усилилась. Я был не только измучен ею, но и обозлен на происходящее.

Раздраженно ответил маме на ее вопросы о результатах моего похода и, даже не ужиная, забрался на печку, положив ухо на горячие кирпичи, тепло которых, обычно, несколько утишало этого рода боль.

Я не слышал, как ушла куда-то мама, задремал от усталости или изнемождения духа. Проснулся от голоса тетки Матрены Булаткиной и зова мамы:

— Володя, слезай сюда, у тетки Матрены разговор к тебе.

Слез, пошатываясь то ли со сна, то ли от сохранившейся усталости от пройденной полусотни, если считать городские улицы, километров. Увидел заседание родственного «санклита» вокруг обеденного стола: отец, старшие сестры, тетка Матрена и моя мама.

Заговорила снова не Володина мама, а моя:

---

* «Старорусская правда», 1952 год, 28 февраля. *Подпись*: В.Староверов, сельхозартель «Им. 17 партсъезда».

— Ты можешь пропустить две недели школы? А то вот тетка Матрена предлагает пожить тебе в Руссе у ее городских родственников, чтобы ты мог полечиться. . .

— Наверное, могу. Все равно я последние дни на уроках от прострелов мало что улавливаю, — буркнул я.

— Тогда я пойду просить у Михаила транспорт на завтра, — сказал отец, вылезая из-за стола. — А вы ему провиант на прожитые в городе сготовьте, да копейку какую, если лекарства придется покупать, — наказал он маме и Тоне, нашей основной добытчице финансов, получающей регулярную зарплату в МТС звонкой монетой. В отличие от других, с кем рассчитываются только по итогам года.

Запись 2.

Позавчера отец спозаранок, чтобы я до образования очереди попал к врачу, привез меня в Старую Руссу. Председатель дядя Миша Лобачев опять не поскупился и дал ему в пользование до вечера своего воронка и узорчатую повозку.

Выехали затемно и добрались до Руссы чуть ли не поутру. Врачиха, или кем она была, подтвердила свое назначение на свето-тепло-облучение, но сказала, что будет делать его во второй половине дня.

Мы с отцом поехали к родственникам тетки Матрены, которые проживали в тихом переулке на окраине привокзальной стороны, застроенной деревенскими, как и у нас в деревне, избами.

Переговорив с хозяйкой одной такой избы, отец, оставив меня в этой избе, заторопился домой, чтобы возвратит председателю начальственный возок и успеть к очередному выезду их невода на промысел в озеро.

Хозяйка, грузная в отличие от миниатюрной тетки Матрены тетка Фима, указала мне на кровать за печкой. К кровати примыкала тумбочка, прислонившаяся к подоконнику.

Разложив в тумбочке мои нехитрые пожитки в десяток книг, учебники за пятый класс, несколько тетрадок и блокнот с дневником, — съестные припасы с торбой картошки, рыбу в подарок или в оплату за проживание отец отдал тетке Фиме, — сделал последние домашние задания. Их Володя Булаткин принес из школы в день, когда я на лыжах ходил в Руссу.

Затем ходил в поликлинику, где мое ухо прогрели синим светом, немногим более теплым, чем солнце в июле.

А по возвращении начал читать дореволюционный роман геолога Обручева «Плутония». С собой я прихватил и его роман «Земля Санникова». Захватывающие вещи, книги Жюль Верна напоминают. Особенно его «Таинственный остров» и «Приключения капитана Гуттераса».

... Сегодня продолжил читать Обручева, а, сходя в поликлинику на процедуру, заторопился в свой запечный уголок. Ну не потягивает меня шляться старорусскими улицами, ухо еще постреливает.

К тому же я решил сходить к Александру Ивановичу, но прежде, чтобы повод был для прихода в редакцию, замыслил написать зарисовку, как мы в начале февраля помогали нашим льноводам, Клаве и Вале Сытиной, готовиться к весенней страде.

Чем и занимался до вечера. А когда что-то застопорилось в работе над зарисовкой, решил сделать новые записи в дневнике о последних событиях в моей жизни.

Запись 3.

Проклятые болевые прострелы в ухе, то утишались на несколько часов, то опять усиливались так, что я просыпался даже ночью. Потом, покачивая головой, чтобы от монотонной качки захотелось снова спать, часами молча, стараясь не беспокоить тетку Фиму и ее взрослых дочерей, просиживал у тумбочки, при свете коптилки. Так мы называем самодельные из патронов мелких снарядов ночники, заправленные льняным маслом. Подсвечивал мне и уличный фонарь, который стоял за полисадиком избы.

В эти часы я пытался читать, или писать и править свою зарисовку. Да только то и другое удавалось плохо. И я порою только под утро снова забывался тревожным полусном, полузабытьем. А затем, иногда до ухода в поликлинику, валялся в кровати.

Тетка Фима и две ее взрослые дочери, наверняка догадывались обо всем этом. Но чем они могли помочь мне?

Только сочувственно поглядывали на меня, если мы пересекались, да тетка Фима, старше своей родственницы мамы Володи Булаткина, но моложе моей мамы, старалась подsunуть мне какое-нибудь лакомство.

Только меня и лакомства не прельщали.

... Зарисовку я все же к концу недели пребывания в Старой Руссе дописал, выправил, переписал начисто и сегодня решил отнести ее Александру Ивановичу.

Редакция «Старорусской правды» находится по другую сторону пересекающей город надвое реки Полисти.

От поликлиники достаточно перейти через Живой мост, — так у нас издавна именуется центральный, через Полисть, метров в сотню длиной, мост.

Справа, кстати, виднеется Соборный мост через Перерытицу, а слева, ниже по течению, Железнодорожный.

После моста мне достаточно спуститься вниз метров тридцать, нырнуть в переулочек, опять же к набережной Полисти, влево, и во втором доме уже типография и редакция районки.

Пешеходов на мосту было намного больше, чем транспорта, в основном гужевого. И я в общем-то сначала не обратил внимания на шедшего

впереди сухощавого парня несколько выше среднего роста, пока на середине моста, с его противоположной стороны кто-то не окликнул:

— Жердяй, ты куда?

Парень дернулся, поднял руку в небрежном приветствии, прокричал в ответ:

— В редакцию!.. Вечером у Славы на вокзале увидимся. . .

Держась за ним, я вошел в пахнувший амбре туалета подъезд. Вспомнил, что еще через пару домов, но по правую руку находится районное отделение милиции, куда часто приводят перебравших пива или браги местных жиганов и наезжающих в город окрестных мужиков.

Если они не слишком перебрали, а только слегка набезобразили, им делали внушение, выписывали штраф и выталкивали обратно на волю.

Маленький вытрезвитель и без них всегда переполнен. Старая Русса издавна является перевалочным пунктом людей-шатунов, да и курорт взбрыки подвижнического веселия любителям Бахуса добавляет. Слышал как-то, как Александр Иванович кому-то сердито сокрушался:

— Ну не на ключ же мне вход в редакцию закрывать? Мы для всех всегда быть доступны должны. А эти пьянчужки, когда их из милиции выталкивают, тут же через десяток метров считают необходимым облегчиться. А куда? Да в наш подъезд. . . Нет у меня штатной единицы сторожа там держать.

Сразу за пятакком от входной двери вверх поднимается в редакцию лестница в два пролета, а по правую руку входная дверь в типографию. Вот в тенечке, под пролетами, и облегчаются упомянутые пьянчужки.

* * *

Только вступив на лестницу, Жердяй обнаружил шагающего следом за ним меня:

— А, обласканный вниманием начальства автор пожаловал. Привет, привет!! — завопил он тем же тоном, что и на мосту приветившей его компании.

— Взаимный, гению Жердяю, — буркнул я, рассердившись на явно скоморошеское приветствие.

— Ты что. . .? — начал он было возмущенно, но мы уже ввалились в коридор второго этажа, где располагались рабочие помещения. Дорогу нам преградил коренастый парень, положив пальцы на свои губы:

— Не шумите, и дальше лучше не ломитесь, втык получите.

— А что так, из-за чего? — притушил свое возмущение и громогласие Жердяй.

— У шефа большие гости из Ленинграда, Кочетов, Прокофьев и Глеб Горышин, к Карпу в Старину, а затем на рыбалку к Калачу собираются с ним ехать. Райкомовская машина вот-вот за ними приедет. После и пошумите, если стоит, — приглушенно хихикнул он, скрываясь в комнате, где сидели редакционные машинистки и секретарь редакции.

Жердяй потянул меня за рукав в ту комнату, из которой вышел крепыш, оставив дверь полуоткрытой.

— А мне так ли, позарез, надо было бы повидаться с Александром Ивановичем! — вздохнул я, рисуя жестом руки у горла символический ножевой позарез моей нужды и усаживаясь на свободный стул.

— Если принес очередной шедевр, оставь Володе Шатрову или мне, передадим. А пока пересиди здесь до их ухода, — сказал Жердяй, присаживаясь к столу и обмакивая в непроливайке перо, собираясь дписывать какую-то бумагу.

По всему видно было, что это его рабочее место. Я раньше по кабинетам не ходил, ограничиваясь общением с Александром Ивановичем и его барышней-секретарем, а потому понятия не имел, кто здесь кто.

Сидеть в безделье, да еще молча, я никогда не терпел. Вот и теперь уже через минуту-другую начал спрашивать:

— Слушай, Жердяй. . .

— Что?, Ты, что опять обзываешься? — в новом возмущении вскинулся он. Я поперхнулся. Смущенно пискнул:

— Извини! Я думал это твоя фамилия, на мосту услышал, как тебя окликали, и ты отвечал. . .

Парень вроде хрюкнул, потом покатился смехом:

— Жека я! Евгений Куров! А обалдуи с моста, просто остряки тротуарные. Обижаться на них, что против ветра плевать. Ты, я знаю от нашего местного нестора Ивана Вязинина, внук какого-то шишки духоборов Володька Староверов. Так ведь? Будь здоров! — протянул он узкую руку.

— Будем знакомы! — еще раз чихнув, обескураженный, пожал я его длань.

Успокаиваясь, Куров огорченно бросил:

— Жаль, ты малолетка. Знакомство не помешало бы хотя бы парой кружек пива sprыснуть.

Я смущенно промолчал, хотя подмывало съязвить, что и ему, наверное, рановато парами кружек пиво пить. Приглядевшись, я понял, что долговязому Жердяю на вид около двадцатника. Вместо этого, любопытствуя, спросил:

— Ленинградского Прокофьева стихи про Ладогу мне понравились. А кто такие, Кочетов и Глеб Горышин?

— О, Сёва Кочетов родом наш новгородский. Есть у него повесть «Нево-озеро» и роман «Молодость с нами». В нашем книжном магазине, кажется, еще можно купить. Сейчас, слышал я, он вообще романищем обещает вскоре разродиться.

А Глеб Горышин — наш новгородский писатель, иногда печатает свои рассказы, как в Ленинграде, так и в Москве. Да вон они, вышли к машине. . .

Следом за Куровым я выглянул в окно. Ожидая медленно подъезжавшую к бровке тротуара «Победу», на нем стояли высокий Александр Иванович, немного поодаль его, такой же стройный, — парнем не назовешь, но и пожилым назвать, язык не поворачивался. — человек лет тридцати пяти, рядом склонный к полноте, сразу видно, что весельчак, мосластый крепыш постарше и с венчиком кудряшек, похоже, поэт Александр Прокофьев, а также средний возрастом мужчина.

— Который из них Кочетов, который Горышин?

— Тот, что с шефом изяществом фигуры соревнуется, Сева, а Глеб — тот, что плотнее, и за нашим тощим шефом прячется, — съязвил Куров.

* * *

. . . Зарисовку свою я ни Курову, ни секретарю не оставил. Мне позарез надо было повидаться с Александром Ивановичем, поделиться с ним подозрением, что с моим лечением что-то неладное. А зачем надо и сам не понимал. . .

Расставшись с Жекой сразу, как отъехала машина с писательской ватагой, пошел в книжный раймаг, который находится на центральной улице, похожей на продолжение Живого моста. Такой же оживленной и шумной.

Я здесь уже бывал неоднократно, с завистью всматриваясь в недоступные мне по деньгам фолианты и время от времени приобретая кое-что в личную библиотечку на те немногие рубли и копейки, которые позволяла расходовать мне на мои «прихоти» мама.

Книг Глеба Горышина в продаже не оказалось, как и «Нево-озера» Кочетова. А вот его роман «Молодость с нами» нашелся и, что важно, по цене мне доступной.

От радости, выйдя из раймага, я даже повернул не направо, как мне было надо, а налево, и оказался на площади с водокачкой и с видом на новенькую бронзовую, заменившую прежнюю гипсовую, скульптуру Ленина со Сталиным на высоком берегу реки Полисть.

Подарок, по словам Александра Ивановича, Старой Руссе от зодчего Томского Николая Васильевича. Лауреат Сталинских премий, он родился и вырос где-то здесь, неподалеку от нее, в деревне Рамушево.

Та деревня расположена, естественно, за городом, в стороне по левую руку за просматриваемым с площади по дымящемуся паром Муравьевскому фонтану курортом, по дороге на Демянск.

По правую руку, за скульптурой, на другом берегу Полисти, громоздились внушительные руины Воскресенского собора. Впрочем, в руинах лежала и площадь, да и центральная и прилегавшие к ней улицы. Кое-где эти руины уже были восстановлены или восстанавливались.

Кстати и поликлиника, куда я хожу на лечение, располагается в восстановленном дворянском или купеческом особняке с колоннадами. Так

же, как и соседнее здание, в котором соседствуют райисполком, райком и куча других районных, управляющих нами организаций.

. . . На следующий день после сеанса свето-тепло-терапии я снова пошел в «Старорусскую правду». Александр Иванович был уже на месте. Бегло пробежав глазами мою зарисовку, Соколов сказал свою коронную и желаемую для меня фразу:

— Молоток, потомок духоборов! То, что надо, — и тут же обеспокоенно спросил: — Ты чего сегодня такой бледный и как будто измученный?

Стесняясь, я с запинками рассказал о своих неладах со здоровьем и высказал подозрение, что в поликлинике сами не ведают, что со мной делать, и просто имитируют лечение.

* * *

Помрачнев, Александр Иванович взялся за трубку телефона:

— Сандро? Соколов беспокоит! У меня здесь в кабинете наш автор, больной подросток Староверов Володя из Большого Ужина. Рассказывает, что ваш ушник несколько месяцев лечит его, а боли у него только усиливаются. Не можете срочно разобраться, в чем там дело?..

Я вспомнил, как возвратившийся с архангельского лесоповала недужным дядя Саша часто вспоминает своего старорусского чудодея-лекаря, только зовет его почему-то не Сандро, а Зандра. . . А Соколов между тем продолжал:

Как нет у вас ушника? Уволился и уехал? А кто та женщина, которая сеанс лечения ему проводит? Медсестра. . . Не знаете в чем причина? Так вы что, не можете в таком случае дать ему направление в Новгород к специалисту ушнику? Не в поликлинику, а в областную больницу?.. Вот-вот, давно надо было так сделать. . .

Положив трубку, Александр Иванович, мне показалось, с упреком оглядел меня.

— Зря ты мне раньше ничего не говорил. Слышал разговор? Оказывается, уехал от них специалист, а нового найти не могут, ждут, когда Минздрав в Москве кадр подыщет. Мало желающих в разоренные города ехать на жительство.

Я разговаривал с главврачом, они могут дать тебе направление в областную больницу к специалисту ушнику, только кто тебя повезет? Без сопровождения родственника в такую даль ребенку ехать нельзя. . .

Мне осточертел многодневный болевой обстрел. И я уже во время его разговора с неведомым Сандро лихорадочно прокручивал все варианты дальнейшего своего бытия. И на последние слова Соколова ко мне, нерешительно сказал:

— Старшая сестра давно уговаривает родителей, зарезать подростка поросенка и позволить ей отвезти его мясо на ленинградский рынок. Новгородский рынок, слышал, не хуже.

Правда, найти то, что она себе хочет купить, в Новгороде сложнее. Но никто ей не мешает отвезти меня в больницу и поехать дальше в Ленинград. А я, если не положат в больницу, подожду ее возвращения в доме колхозника.

— Ну, разве что как-то так, — вздохнул Александр Иванович. Тогда иди в поликлинику к главврачу, он даст тебе направление. Вообще-то не нравится мне все это, но ты парень разумный. Запиши один телефончик в Новгороде, в случае чего звони по нему, ссылаясь на меня, помогут.

Запись 4.

Получив у главврача направление на консультацию специалиста областной больницы, я, учитывая, что уже смеркается, решил возвращаться домой поутру. Поскольку лыж у меня на этот раз не было, и я не знал, насколько заметена дорога через Крекшу и Бологижу, то решил, что пройду шоссе до Нагово. А там — через Ворново и Пеньково, вплоть до Большого Учна, путь всегда накатан санями и натопан ходаками. Дальше пару километров до дома и по снежной целине доберусь.

Когда я пришел к временному обиталищу у тетки Фимы, дочь ее Катерина, пока я раздевался, смеясь, сказала:

— А я тебя в окно издали разглядела, ты как-то странно ходишь, руки за спиной сцеплены, как у бывалого ар. . . — поперхнувшись, поправились, — как у дяди Саши Булаткина, — и совсем смутилась.

— Так легче ноги из снега или грязи вытаскивать, особенно когда встречный сильный ветер. Посылаешь рывком плечо вперед, а за ним и все тело тянется, — пояснил я, не обратив внимания на ее оговорку и смущение.

Денег у меня на автобус до Нагово не оказалось, я их на книги истратил. Двинулся пешком.

За Ворново удалось до Большого Учно на попутных санях доехать. И после обеда я добрался до дома.

В ухе по-прежнему постреливало болью. Опять первым делом залез на печь, чтобы утишить боль, пообещав матери рассказать все немного позже.

К вечеру опять собрался санклит, на этот раз семейный. Я рассказал о результатах лечения и показал направление в Новгород. Сумбурно посоветовавшись, все согласились: Клаве надо ехать со мной, а заодно и на базар.

На случай, если консультанты не положат меня в больницу, она посадит меня в автобус Новгород-Старая Русса, а сама поедет в Ленинград. Я же сойду с автобуса у Волковицкой развилки, откуда шпиль борисовской церкви виден, и, знакомой по вояжам в школу дорогой, возвращусь домой.

Или доеду до Нагово, от которого путь мне тоже знаком.

... В Новгород мы добрались только во второй половине дня. На прямой автобус Старая Русса-Новгород сесть на Волковицкой развилке не удалось, пришлось доехать попуткой до Шимска, а далее на автобусе Шимск-Новгород.

Клава сдала свою поклажу в камеру хранения.

Расспросив милиционера, как нам добраться до областной больницы, мы сели в автобус, затем, проехав до кремля, пересели на другой. Тот был набит битком. Меня и без того укачало, да и боли изматывали, а новая дорога оказалась долгой.

Скрючившись в уголке сиденья, я то и дело прикладывался к прихваченной Клавой полотняной торбе. Меня тошнило, хотя, казалось бы, уже и нечем было.

Когда мы вылезли из автобуса в Колмово, показалось, что мы далеко за городом. Хотя это было не так. Просто пространство до видневшихся вдалеке Софии с ободранным куполом и стен кремля было в руинах, прикрытых снегом.

Больница была в числе первых объектов, восстановленных из разрухи после освобождения Новгорода. Народу в ее приемной, оказалось, уйма.

К окошку записи на прием длинная очередь. Клава, пойкивая, как это, я давно заметил, свойственно многим весьма сметливым деревенским женщинам, прикидывающимся простодушными непонемучками, довольно оперативно добилась внимания какой-то медички. И вскоре меня уже осматривал нужный мне специалист. Мужчина.

— Да, сынок, немудрено, что у тебя постреливает. Дикое мясо у тебя на слуховом проходе растет, вот и постреливает.

— Откуда оно взялось?

— Откуда? Купаться любишь? И, наверное, без шапочки купаешься? Вот песчинка с водой в трещинку и попала. А затем стала обрастать диким мясом.

— Конечно без шапки, в шапках у нас никто не купается, — не поняв его, сказал я. Консультант усмехнулся:

— Чтобы перестало болеть, надо вырезать этот дикий нарост. А для этого придется недельку полежать в больнице. С тобой кто-нибудь взрослый пришел, позови его.

Выглянув в коридор, я позвал Клаву. Выслушав врача, она послушно сказала:

— Хорошо, если это на неделю-полторы, то я в доме колхозника поживу, подожду его...

В коридоре, пока определяли, в какую палату меня положить, она прошептала:

— Я поеду в Ленинград, а на обратном пути загляну, тогда обо всем и договоримся.

Запись 5.

Пишу уже дома. Во время последней моей одиссеи не было настроения или времени писать.

Попав в палату, я, несмотря на то, что в ней было человек десять и довольно шумно, вознамерился было, вопреки острым болевым обстрелам, будто иглы в черепушку вонзают, попытаться заснуть. И это, наверное, удалось бы, от усталости палатный шум казался отделенным гулом, все в глазах плыло, а в голове покачивалось.

Да не тут-то и было. Меня то на рентген отводили, то на промывку ушей, то капли какие-то закапывали.

А когда я однажды задремал, меня затрясла за плечо санитарка, которая принесла пропущенный мной из-за отлучек на процедуры ужин. Когда я, чувствуя себя опустошенным недавней тошнотой, а потому, испытывая отвращение к еде, попытался отказаться, она сердито сказала:

— Ешь, давай, вон какой тощий. Утром перед операцией не дадут поесть. . .

Так я узнал, что уже поставлен на конвейер эскулапов.

На следующий день, еще до обеда, мне это злосчастное дикое мясо вырезали.

Что сказать про то, как это было? Может, как-то и обезболивали, но больно было временами до слез. Я кряхтел, мычал, стонал и несколько раз, кажется, вскрикнул, а может даже позорно взвизгнул.

Когда наиболее острые мои мучения в операционном кресле кончились, и медсестра повела меня в палату, казалось, что горит не только оперированное ухо, а вся забинтованная голова. Во всяком случае, ее левая часть.

От обеда я отказался, к вечеру ноющие боли усилились. Значит, какие-то обезболивающие мне давали или кололи и теперь их эффект улетучивался. Пошевелить головой я опасался, боль усиливалась.

Но вообще, только под утро я провалился в полусон или в полубоморок. Меня никто до обеда и не будил. А когда разбудили, то боль оказалась терпимой, и я даже смог самостоятельно пообедать и сходить в туалет.

День на третий вообще-то еще побаливало, но, не в пример даже до операционным дням, слабее. И, главное, никаких внезапных болевых прострелов. Просто равномерная жалия, как будто кто на днях палкой огрел, и синяки болезненно зудят.

Клава, как и обещала, навестила меня не четвертый день. Я собственно так и думал, зная, что их поездки в Ленинград на базар с мясом и с покупками обычно занимали день туда, день там и день обратно. Три дня.

Она попыталась узнать у дежурного врача, сколько меня еще продержат в больнице, тот уклончиво ответил:

Пока хирург не смотрел результат. Посмотрит, тогда скажет, а пока ничего сказать не могу.

Клава, запаниковав, сказала мне втихомолвку:

— Я не могу долго здесь оставаться. И бригадир будет сердиться, а главное, дел по звену уйма осталось. А за окном, глянть, совсем весна началась, за несколько дней снег, как корова языком слизнула.

Действительно минувшие дни изморось, в которую мы приехали в Новгород, сменилась устойчивыми дождями, которые смыли большую часть снежного покрова.

Так что я, выглаживая в окно, видел вдоль Волхова, по обе стороны его, сплошные лежбища темных, все еще задымленных, хотя с войны прошло уже несколько лет, руин.

— Так езжай домой. Оставь мне денег на автобус Новгород-Старая Русса, ну и на местные расходы рубль-другой. . .

Клава колебалась. Я рассердился:

— Что я уж билет не сумею купить? И на людях днем после выписки буду, что со мной случится-то, может?

И она, поколебавшись, сдалась. Уходя, перекрестила, как мама, чего никогда не делала, сказала:

— Ты уж поосмотрительней будь. Ни с кем не связывайся. А выпишут, сразу на вокзал, покупай билет и сиди там до посадки в автобус. . .

* * *

На третий день, размотав бинты на голове, хирург Николай Петрович, он же консультант, который меня принимал, осмотрел мое ухо, посвечивая в его нутро зеркальцем, удовлетворенно чмокнул губами, сказал:

— Вот и ладушки! Обматывать тебя снова не будем, просто тампончик с лекарством в ухо положим. А ты в ухо сам не лезь. Если сильно свербеть будет, дежурного врача попроси посмотреть.

Думаю, денька три-четыре подержим, и езжай до дома до хаты. Койки и другим больным нужны.

Действительно, день на третий-четвертый ко мне в палату пришла сестра-хозяйка с журналом.

— На летучке решили, что тебя можно выписать. Где твоя сестра, которой мы можем тебя доверить?

К такому или подобному вопросу я внутренне был готов. Не моргнув глазом, сказал:

— Знаете, у меня нет с ней телефонной связи. А ей здесь сказали, что меня вряд ли раньше, чем через неделю выпишут. Но она ждет меня. Сейчас она на колхозном базаре, том, что позади облизполкома, торгует. И я легко найду ее в мясном ряду. Так что можно выписывать меня, автобус отсюда ведь идет почти до кремлевского парка. А там пройтись, всего ничего, метров полтора-два до базара.

Все эти подробности я вызнал у моих соседей по палате. И то, что я с такой уверенностью их протараторил, произвело, как мне показалось, впечатление достоверности.

Тем не менее, на следующий день сестра-хозяйка, вручая мне выписку и мешок с моей одеждой, сказала:

— Одевайся. С тобой до базара поедет наша Варя, она там неподалеку живет. Вот и передаст тебя в руки сестре.

Это меня изрядно напрягло. Варя была медсестрой, отдежурившей ночную смену. И на такую опеку я не рассчитывал. Но не подал вида, кивнул головой, подумав, что по ходу дела создавшаяся ситуация как-нибудь разрулится.

Запись 6.

Вчера устал, да и пропущенные домашние задания надо было делать. В школу я еще не ходил, сегодня воскресенье. Так что продолжу свою одиссею, пока ее не забыл.

А что? Если посчитать, то круговой вояж, который я совершил вокруг озера Ильмень, сначала со стороны Шимска, а затем Бологое и Старой Руссы, у меня получился не короче дороги Одиссея от Итаки до Трои и от Трои до Итаки.

Правда, не по морю, а по суше. Да и приключения мои, конечно, не такие сногшибательные, как у него. Но они тоже были ой-ёй-ёй.

Сели мы с Варей в автобус, и я всю дорогу прокручивал, как и где мне от нее сбежать. Не только Клавы, но и никого другого знакомого мы на базаре, конечно, мы встретить не могли. Наши сюда редко заглядывают.

Доехали до Московской улицы, которая поворачивала на разрушенный мост через Волхов. Тот, вернее, не тот, а на том месте, где Васька Буслаев со всем драчливым Новгородом кулаками махался. Автобус дальше поворачивал на вокзал, да нам то «надо было» на базар.

Сошли. И, оставляя кремлевские стены по левую руку, пошли вдоль парка к трех или четырех этажному особняку с дворянскими толстыми колоннами. Из которого правят нами областные власти. Базар был за его фасадом метров в ста.

У входа на его территорию, Варя встретила знакомую ей подружку. Они затараторили, было, но я, дернув ее за рукав и, сgrimсничав, сказал:

— Варя, в нужник хочу. Можно сбегаю, тут недалеко. . .

Но Варя, как будто заподозрив что-то, сказала:

— Хорошо, мы все пройдем туда, и я подожду тебя на виду дверей туалета.

Скривившись, я согласно мотнул головой:

— Ладно, я постараюсь быстро. . .

Оказавшись в дощатом туалете, без кабинок, я, тем не менее, быстро нашел более-менее чистый уголок. Быстро вывернул наизнанку свою пальтуху, у которой изнанка была цветастая и нимало не напоминала

изрядно потертый серо-пегий верх. А трех, мало что извернул, так и уши его забрал внутрь, превратив в толстую тубитейку.

Затем пристроился за спиной и немного сбоку — в противоположной от наблюдательного пункта Вари стороне — компашки мужиков. Прошел с ними несколько шагов, и угрем скользнул в толпу люда, которого на базаре всегда много колготится, тем более, на областном.

Как я и рассчитывал, Варя ожидала подростка в серо-блеклой пальтухе и рыжем трехе и не обратила внимание на шкета в пестром одеянии.

Пробежав за толпой покупателей в овощном ряду в другой конец базара, я затесался в многолюдную шеренгу отоварившихся новгородцев и, дойдя с ними до входа в кремль, пошел в него с ответившимся от основного, но, тем не менее, многолюдным потоком пешеходов.

* * *

Понимая, что если меня будут искать, то после базара, в кремле, прошел вместе с этим потоком мимо зашитога досками в большую копну разбитого фрицами и еще не восстановленного памятника «Тысячелетие России». И мы через противоположную дырку в кремлевской стене, каковой мне показалась обшарпанная арка в стене, толщиной метров в четыре-пять, вышли к Волхову.

К видневшимся на том берегу развалинам Ярославова Дворища вел плавучий мост, по обе стороны которого на якорях стояли лодки. Видимо мост временами разводился и пропускал эти лодки. Пока его не развели, я влился в толпу людей, шедших на противоположную сторону.

Без особого интереса мельком пройдясь развалинами Дворища, пошел вправо поглазеть на видневшиеся руины других церквей.

Я понимал, что если меня будут искать, то первым делом после кремля на вокзале, и потому решил пойти туда к вечеру, когда пыл поиска, если он будет, схлынет.

Так, переходя из переуллка в переулок, вышел к разливу Волхова. Вдали синелась водная гладь, видимо, это было место его встречи с Ильменем³. Отсюда был хороший вид на развалины Новгорода. И я был потрясен масштабом разрушения его улиц, старинных церквей и соборов.

Собственно коренная Старая Русса, которую не случайно звали культурной копией Питера, была разрушена не меньше. Но я попал впервые в нее несколько лет спустя после войны, когда деревенские новоселы уже застроили ее окраины со всех сторон пахнущими свежими бревнами избами, несколько притусшевавшими уродство разрушений.

---

³Тогда я не знал, что оказался вблизи улочки, где родился, и на месте, где в босоном детстве резвился со своими приятелями Сева Кочетов, с которым, в лице маститого советского классического писателя Всеволода Анисимовича Кочетова, буду сотрудничать лет через пятнадцать-двадцать в журнале «Октябрь».

А в Новгороде там, где я стоял и смотрел на него, из-за близости заливной воды никто избенок не возводил, и руины громоздились почти во всем их первоизданном хаосе.

Повернув обратно, решил перебираться снова на вокзальную сторону. Подождав, когда после очередного свода половин плавного моста к кремлю двинется густая толпа, я, затерявшись в ее середине, вышел на улицу, по которой двигался автобус до вокзала.

Не решившись сесть на него, параллельными улочками и переулками пошел в том же направлении.

Вышел к земляному валу, оплывшему, но все еще высотой в полтора-два десятка метров, опоясывавшему старый город. Взобравшись, цепляясь за пожухлую прошлогоднюю траву на вал и устав, сел на развалины скамьи на его горбине. Оттуда вокзал просматривался хорошо и не далее, чем в километре.

Но я смотрел на кремль: на собор Софии без куполов и на восстанавливаемые, но еще хранившие следы разрухи старинные казенные палаты.

В разных концах города усматривались копошившиеся люди. Они восстанавливали дома.

Просидел, пригревшись на выглянувшем солнышке, наверное, с час, все еще не решаясь идти на вокзал. Когда решился и пришел, то в кассе, устроенной в какой-то каменной сторожке, похожей на ту кардегардию, которую мы проезжали с Варей несколько часов назад, узнал, что билетов до Старой Руссы на сегодня уже не будет.

Увидев мою озадаченную физию, кассирша сказала:

— Беги на вокзал, через час поезд на Старую Руссу уходит. Ночь проспидишь в вагоне, утром там будешь. . .

* * *

Можно было бы ночь на вокзале на лавке перекантоваться до утреннего автобуса, но я понимал, что если меня ищут, то дежурные милиционеры в курсе дела и задержат меня непременно. Побежал к железнодорожным кассам.

Билет на сидячее место, к счастью, нашелся. поэтому оставшееся до посадки на поезд время я просидел в окружении тетюшек с их детишками, болтая с ними, как со знакомыми. Чтобы прохаживавшийся временами залом милиционер, думал, что я не одиночка, а из их компании.

В вагоне я тут же забрался на багажную полку и, приспособив чей-то узел под голову, спросив на это у его хозяина разрешения, заснул сном праведника. Будто и не подвел сегодня Варю под монастырь.

Оправдывал свою совесть мотивом, что у меня не было другого выхода. И вообще, нечего им, коль их не просят, опекать, кого не следует. . .

Сквозь сон слышал, как мы долго стояли и громыхали в Бологое, перезацепляясь к другому паровозу. А окончательно проснулся от крика — Парфино! И от того, что хозяину потребовался узел, который я приспособил вместо подушки.

После выезда из рабочего поселка Парфино я еще час-полтора смотрел в рассветной полумгле в мутное окошко на чахлые полузатопленные кустарники. И вот поезд загромыхал старорусским Железнодорожным мостом.

По левую руку показались приземистые корпуса Староруссмашприборзавода. А вскоре мы уже тормозили у восстановленного массивного вокзала с колоннадами.

Я не стал ожидать автобуса на Шимск, который через два часа мог бы подвезти меня до Нагово или до Волковицкой поворотки. Про Волковицкую поворотку мне было неизвестно, как на этом пути обстоит дело с разливом рек Переходы и Вылино, которые мне предстояло пересекать.

Впрочем, с разливом речек у Большого и Малого Учно, тоже было неясно. Но в этих местах у меня хотя бы знакомых больше, особенно в Большем Учно. . .

Решил не ждать автобуса и двинул знакомым путем до Нагово. Ведь это всего одиннадцать-двенадцать верст.

Действительно, автобус меня догнал, когда я был уже неподалеку от Нагово. Довольный, что меня больше не беспокоят головные боли, бодро прошагал до Ретлё. Затем версты четыре до Ворнова, от него версты три до Пеньково. Под мостом в середине деревни бурно ревел вздувшийся Чернец.

А когда миновал Пеньково, то на его околице озадаченно присвистнул. Разлившийся Чернец соединился с разливом ответвления Учонки. А в результате образовалось, можно сказать, синее «море» разливной воды. У дальней кромки этого моря едва виднелись сады Большого Учно.

* * *

Посидел на завалинке ближайшей избы минут сорок, никто к разливу не подошел и никаких лодок не видно.

А дом родной.., вон он, верстах в пяти смутно сереет у горизонта знакомой отчей крышей. Неодолимо потянуло в уют под её кровом.

Вспомнил, что по другую сторону улочки, на которой я сижу, начинается проселок на бывшие Выселки — селение раскулаченных в коллективизацию староужинян. Купы деревьев над пепелищами их усадеб виднелись примерно километрах в трех.

Мы с Тоней и Матюхой Боркановым некогда в тех местах замеряли пахоту трактористов, и я тот проселок видел. Добротный, над сказать, с канавами по бокам и плотно заросший дерном, поскольку ездят по нему после войны редко.

Подхватившись, я быстро, да и идти было всего ничего, миновав дворов пятнадцать, оказался на этом проселке. Он был если и не сухой, то вполне проходимый. И я зашагал, радуясь, что максимум через час-полтора буду дома.

Однако, прошагав километра два, уткнулся в стену кустарников. Вообще то, я увидел их еще от Пеньково, но полагал, что это подступ к выселковским зарослям. И только подойдя к этой прозрачной «стене», увидел, что за первой шеренгой стальным холодом отливается разливом метров в пятьдесят-семьдесят шириной обычно малоприметная речка Учонка.

Исток ее теряется где-то в окрестностях Рашучи. А здесь она, вобрав в себя воду стаявших снегов с окрестных полей, превратилась в непреодолимую для меня преграду.

Глубиной в узком, правда, — метра в три-четыре, — русле этак саженой в пяток. Но и в прочих местах глубина разлива была мне с головкой и ручками. К тому же вода-то в это время холоднющая.

Посмотрел вправо. Разлив ее превращался в довольно широкий «язык» того самого «моря», который озадачил меня на околице Пеньково. Другой «язык», тоже расширяясь, уходил за Малое Учно. Где, как я знаю, минуя Засечку, основное русло Учонки впадает в Тулебельский залив озера Ильмень.

Куда впадает правое ответвление ее, в реку Чернец или тоже в Телебельский залив, я не знаю. Так далеко наши с Володей Булаткиным походы не простираются. Там территория походов большеучновских и чернецких пацанов.

Посмотрел прямо и немного вбок, увидел уже довольно отчетливо большеужинские дома. Во всяком случае, свой, Булаткиных и наших соседей. Только близок локоть, а как...?

Возвращаться в Пеньково не хотелось. Оттуда можно было бы вернуться в Ворново и проселком на Рушучу и Вересково дойти до оборонного вала, который виден отсюда метров в трехстах. А им уже почти посуху добраться до своей деревни. Но ведь этот кругаль не меньше пятнадцати верст.

Можно еще двинуть отсюда полями до пересечения с проселком Ворново-Рашуча. Оно километрах в трех-четырёх. Только никакой гарантии, что не встречу еще одну промоину. Да и поля эти пахотные, а, следовательно, быстро утомишься ноги из грязи вытаскивать. И все равно будет такой же кругаль в десяток верных километров.

С тоской поглядев на соблазнительный оборонный вал, решил все же переправляться через разлив здесь.

Кругом не было никаких намеков не то что на бревна, но и на сухие сучья. Ничего, кроме лозняка. Но у меня, как у каждого уважающего себя мальчишки, был в кармане довольно острый перочинный нож.

И я решил, нарезав лозняка, особенно его сухих веток соорудить из этого подручного материала плот.

Задумано, делаем. Когда возникала сложность, чем связать этот материал, разрезал кашне на три части и, связав их, получил достаточно длинную ленту-шнур. Провозившись с полчаса, срезал довольно толстую палку. Используя ее, как основу, принайтовал к ней этой лентой пучки лозы.

В других местах перевязал и скрепил друг с другом эти пучки самыми длинными ивовыми лозинами, какие нашел. Срезав еще одну палку, тоньше, но длиннее, чтобы использовать ее вместо шеста, я с трудом столкнул свое сооружение в воду и осторожно вполз на него.

Ура, плывем! Течения в разливе почти не было. С натугой отталкиваясь своей палкой-шестом от покрытого прошлогодним осотом и потому довольно прочного дна, мне удалось сдвинуть мой «плот» с места и мы медленно поплыли. И даже переплыли середину.

Но именно на этой второй половине разлива было русло Учонки, и мой шест сразу перестал доставать до дна. Плюхнувшись на живот, я попытался грести руками. Такого энергичного издевательства над ним мой плот не выдержал.

Нитки кашне были сплетены номинально, ее составные части, особенно средние, стали расползаться. Соответственно, стал расползаться мой плот. И я оказался в воде.

Пока одежда не намокла и как-то поддерживала меня наплаву, а холод не свел мое тело судорогой, заработал руками и ногами, чтобы доплыть до берега. Но одежда быстро отяжелела. И сапоги потянули меня на дно.

Захлебываясь водой, в отчаянном рывке ухватился за куст ракиты и на инерции этого рывка приблизился на гран к берегу. Этого оказалось достаточным, чтобы я, встав на дно, высунул свой нос из воды, а потом, не переставая грести руками, выбрался на берег.

Одежда смягчала холод весенней воды.

Но понимая, что это на малое время, и с таким грузом воды я далеко не ушагаю, разулся, чтобы вылить воду из сапогов и выжать портянки. Заодно, лихорадочно дрожа и спеша, выжал все что мог: свитер, рубашку, пальтоуху, треух. И заново одевшись и обувшись, невзирая на обрушившуюся усталость, максимально быстро устремился к оборонному валу.

Не позволяя себе и дальше отдыхать или мешкать, то и дело, спотыкаясь, пробежал рысцой оборонный вал до нашего огорода. А затем

межой до нашего подворья. И, перепугав маму, ввалился в дом, едва не на последнем издыхании.

Не расслабляясь, переоделся в сухую одежду и традиционно полез на мою печку-целительницу. Мама тем временем достала из печки горячее топленое молоко, вбухала в кружку его пару ложек «нутряного сала». Я безропотно, давясь тошнотой, выпил все это и, погружаясь в сон, подумал:

— Три раза я уже тонул и каждый раз обходилось. Знать суждено мне не утонуть, а от чего-то другого умереть.

С чего такая чепуха пришла в голову, так и не понял.

ВЫ ЖЕ ПОБЕДИТЕЛИ...

В Большом Ужине односельчане, конечно, помнят, как провели мы три дня престольного для нашей деревни религиозного праздника Ильи-пророка.

Если все прочее — избы, клуб, артельные постройки, — немцы сожгли и разграбили, чтобы оставить после себя негодную для проживания людей пустыню, то Староужинскую церковь в Кукуевке они разбомбили до основания в камушки.

Заподозрив укрытие на ее колокольне разведчиков или корректировщиков артиллерии наступавшего в этом месте батальона советской армии.

Поэтому с вечера или ночью почти все взрослые большеужинские женщины и некоторые пожилые мужчины, за исключением, естественно, задержавшихся на промысле из-за встречного ветра на озере Ильмень рыбаков, ходили пеше за восемь верст в церковь села Борисово на всенощное богослужение.

Возвратились часам к семи утра, усталые не столько от дороги, сколько от многочасового стояния и множества поклонов во время всенощной церковной службы. Однако в большинстве своем — умиротворенные духовно и благодетельные видом.

Хозяйки спешно взялись застряпню пирогов и прочей праздничной вкусноты, для которой с вечера у них уже загодя все было, в принципе, подготовлено. Прибывшие с промысла мужики и парни легли отсыпаться.

Игнорировавшая большей ее частью поход в Борисовскую церковь молодежь, проснувшись, потянулась в клуб или на «пяточок», что давно облюбован ею в его закоулке.

Одни, чтобы перебраться в картофки, другие — покрутиться на сооруженных ими накануне гигантских шагах или, хвалясь своей силой, напоказ потягать двухпудовые гири.

Да и просто покучкаться, ради балагурства. Перекидываясь смешочками о том, о сем, а в общем-то, ни о чем.

На поле у бывшего хутора нашего покойного деда Лехи Кулика Сердитого, то есть у далекой дубово-калиновой вырубке Засечки, мирно урчал, временами взрыкивая, энтээсовский трактор-колесник «Универсал», ведомый второй по старшинству моей сестрой Антониной.

Он свозит на обочину в валы издавна засорявшие это поле непосильные конной тяге притащенные во времена оны ледником валуны. . .

* * *

К полудню, как искони у нас заведено, в связи с нашим престолом Ильи из окрестных деревень, даже из таких отдаленных, как Солобско, Буреги, Кателево, которые отстоят от Большого Ужина за 10-15 верст, стали прибывать гости. Не только родственники, но и просто приятели, знакомые.

У нас, например, появилось столько инодеревенских подружек сестер, особенно Клавиных, что мама предложила нам с Колей уступить наши кровати гостям, а самим переночевать на чердаке или в сарае, натаскав туда сена.

Что касается далеко живущих родственников, то многие из них прибыли в канун или даже в канун кануна престола. Особенно из Старой Руссы, Парфина, Новгорода, Ленинграда и других городских далей. Знали, что престольный Ильин праздник — верная возможность не только погулять, но и встретить односельчан и других земляков, разлетевшихся в разные края родной страны.

К середине дня большая часть гостей, а с ними и самих ужинян рассредоточилась по избам или под спешно сооруженными на подворьях навесами.

За столами, обильно уставленными рыбными блюдами, — все же рыболовецкая деревня, — и не только, ими. А, как издавна повелось, — жбанами и графинами с брагой и самогоном. У некоторых гостеприимных хозяев же и бутылочками с беленькой. В зажиточных же дворах, — и с сортовими винами.

Час от часу обильно смачиваемые и сдабриваемые алкогольными напитками хрипловато-прокуренные мужские голоса, женские дисканты и девичьи залиvistые рулады становились все оживленнее и громче.

Задолго до вечера подали свои хромовые голоса гармони-трехрядки Павлухи Булаткина и Снеткова Ванюка, а также вальяжного тембра аккордеон залетного гостя Сорокиных, из Ленинграда. Заголосили и певуны-девушки из разных деревень, соперничая друг с другом в своем вокальном искусстве, напевности.

Там и сям, в закоулках на импровизированных пятачках утоптанной земли десятков-полтора компаний, стихийно сложившихся, или намеренно задуманных загодя хозяевами и гостями из ближних деревень по симпатиям их участников друг к другу, самозабвенно упражнялись под гармоники и балалайки в плясках, танцах, песнях. . .

Постепенно, покидая, отдуваясь сытостью, праздничные столы, на широкую большеужинскую улицу потянулись и другие молодежные компании. Каждая весьма навеселе. Пожилые и старики же все еще продолжали застолья.

Парни, горланя под гармошки озорные частушки, вовлекая в свои кружки девушек, стихийно образовали двухсторонние шествия — вдоль улицы и обратно, встреч друг другу.

Основная цель этих шествий — высмотреть из встречного потока знакомых и зазноб из других деревень. А также, чтобы позднее тем или иным способом «закадрить» привлечших внимание парней и девушек.

Все чаще частушки приобретали задиристый, обидный для той или иной компании из разных деревень характер. Застрельщиками в этом у большеужинской молодежи в этот раз становятся самые хулиганистые парни — наш сосед, чья изба стоит напротив нашей, задиристый парнишка тониного возраста Павлуха Романов, и проживающий в другом конце деревни недавно отслуживший в армии дебоширистый Васюк* Сорокин.

Павлуха под дробь трепака, выдаваемого им под гармошку в темпе шествия, горланил что-то нейтрально-любовное в духе его тезки-поэта Павла Васильева. То есть, «он все тенором все тенором со злобой выводил, рука протянута к ножу. . . ». Васюк же в унисон Павлухи, явно провоцируя кого-то на стычку, с посвистом, не столько пел, сколько почти выкрикивал:

*Нас побить-побить хотели,
Побить собирали-ся-я-я,
А мы сами не робели,
Того ж добивали-ся-я-я!!!*

И вот начали вспыхивать, неизбежные в таких случаях, групповые стычки. Некоторое время их легко гасили. Но постепенно они возникали все чаще и чаще. И наконец, разразилась массовая потасовка, с театрально-показной «поножовщиной».

То есть, традиционно ожидавшаяся потасовка, поскольку считается, что без нее праздничное веселье не дотянуло до кондиции.

Вопли и визги женщин и девочек-подростков, крики девушек, не столько испуганные, сколько полные лукавых подзадориваний.

Прибежал участковый милиции Иван Александрович, загодя приехавший из сельсоветского центра Борисово и до этого незримо пребывавший за чьим-то хлебосольном столом.

Его вмешательство, а также то, что некоторые нежелательные для большеужинских парней не званые гуляки из какой-то чужой деревни из-за их численной слабости убежали садами и огородами за околицы

---

* В приильменских деревнях по сию пору номинативные существительные в повседневном разговоре сопровождаются окончаниями *-уха, -юк, -иха, -оха, -юха* — Колюха, Юраха, Волоха, Альбиха, братуха, сеструха и т.п.

цу селения, не недолго утишило эмоционально взвинтившуюся, было, атмосферу празднования.

Хотя стычки время от времени еще возникали, но быстро утихомиривались. Да и молодежь постепенно переставала кучковаться в уличном шествии, а все чаще и большей частью начала разбиваться на парочки. Пока основная часть ее не исчезла из поля зрения посторонних в укромных местах. Чем собственно и привлекало ее в Большой Ужин это религиозное празднество.

* * *

Постепенно главными героями его становились взрослые мужики. Стариков среди них было, раз-два, и обчелся. Вымерли за время войны. Преобладали же пожилые уже инвалиды войны, а также те односельчане, кому посчастливилось возвратиться из плена или из мест принудительных работ. Многие из простых обывателей были вывезены на них немцами и их приспешниками, жандармами и полициями. В основном прибалтами, бандеровцами и румынами.

Хозяева и гости выползали из-за столов в закоулки между своими домами, гуртуясь, вокруг собственных пожилых, довоенной выучки, гармонистов. В изрядном подпитии, и разгоряченные спорами.

Их заулочные гурты прирастали участниками уличного шествия, уставшими от плясок, песен. А больше разочарованные в беспечности дальнейшего участия в нем, поскольку примеченные, было, ими объекты их симпатий уже уединились с более привлекательными для них партнерами.

В закоулках у пожилых гуляк также царят песни и пляски. Вот горланит лихие частушки одноногий Снетков Иван Степаныч, по деревенскому прозвищу Пынишь. Поскольку именно так произносит он любимый им вопрос-обращение к собеседнику — «понимаешь!».

При этом он постукивает по утоптанной сухой земле деревянным протезом в плясовой такт гармонитрехрядки, у которой, с заметным надрывом ритма, «рвет меха и планки» столь же хмельной обладатель укороченной осколками снаряда ноги, родственник ему по вопросу-обращению рефреном «Понимаешь»,⁴ — мой отец Куликов (наша неофициальная деревенская фамилия) Иван Алексеевич:

«Хорошо тому живется, у кого одна нога.

Экономлю на штанине и покупке сапога!...».

И здесь, в закоулках, также время от времени спонтанно вспыхивают стычки по поводу каких-нибудь давних и недавних обид и недоразумений.

Утихомиривая бузотеров, женщины в этом случае более решительны и, кажется, даже сердитее. И неудивительно: они и бузотеры знают друг

---

⁴Был в деревне и третий любитель этого рефрена — дядя Саша Комиссаров. У него он звучал, как и у Степаныча, укороченно — «Понимашь»

друга не одно десятилетие, а потому у женщин нет той опаски получить удар финкой, как может случиться ненароком в драках безбашенной во хмелю молодежи. Мужики даже в кураже ограничиваются скрежетом зубов и матерным сквернословием.

Не отстают от мужиков накалом своей ругани и пожилые женщины, заменяя, правда, матерщину обидными эпитетами — «паразит, прохвост, недотепа, раздолбай, зюзя» — и должными устыдить бузотеров додами.

Не лезет в карман за словом Настасья Хазиха, пожившая до войны в Ленинграде, бежавшая до блокады с детьми в родную деревню, да так и застрявшая в ней.

Ее питерское жилье разрушено, муж Хазов — погиб, и с малыми детьми в родном краю при соседской поддержке выжить легче. Сразу после освобождения некоторое время она даже побывала председателем нашей артели.

В какой-то момент своей ругани она, услышав хмельную браваду Степаныча, — Мы германа победили, а . . . », — кричит драчунам:

— Победили фрицев, а себя-то что ж позорите!..

Что она имела в виду, оставалось только догадываться. А вообще-то много поводов давали возбужденные брагой гуляки, чтобы спросить у них: «Что же вы мужики, вы же победители, а . . .

Положим, праздновать Илью-пророка — дело личной веры каждого человека, а вот, как и когда праздновать — дело землеробской совести. Ведь три дня этого престола приходится на 2-4 августа, когда в деревне в разгаре уборочная страда и каждый день ее — год семью землероба кормит.

Ну а дефицитный еще в деревне сахар переводить на брагу и бузотерить с перепоею ею — это, вообще, ни в разум, ни в какие добрые ворота не лезет.*

---

* «Старорусская правда», 1952 год, август. Подпись: В. Староверов, д. Большой Ужин, Борисовского с/с.

Глава седьмая

СУБЪЕКТНОСТЬ ДЕРЕВНИ — НЕ ТИХАЯ БУХТА

Вопреки тому, что почти целое столетие талдычат разные либерасты-антисоветчики и антикоммунисты, — впрочем, вся эта разношерстная публика по их натуре является разноцветным социально-политическим аналогом друг друга, — социализм сталинской эпохи, отнюдь, не гнобил отечественную деревню и крестьянство.

Наоборот, он обеспечил им высший взлет гуманизма их социальности, являвшегося залогом всестороннего развития и движения к всеобщему благосостоянию.

До октября 1917 года деревня была бесправной периферией многолюдного жизненного пространства классово дифференцированной России. От ее имени говорили немногие дворяне, пополненные после Манифеста 1861 года последовательными буржуазными лендлордами и кулаками.

Жалким писком социальных интересов основного ее населения — крестьянства звучали решения разрозненных поселенных сходов мужиков, да их поземельных общин, не имевших своего общероссийского центра, и, следовательно, полномочного голоса в защиту сельских и крестьянских интересов.

Особенно это касалось бедного и среднего крестьянства.

Быть в ту пору бедным в деревне означало быть бессловесным рабом. Это крестьянство было, по сути, бессубъектным сословием, от имени которого перед революцией дозволялось говорить лишь «земству», а в нем господствовали в основном богатеи и мелкобуржуазные разночинцы.

Осуществив революцию, большевики, во-первых, ввели поселенные сходы и общинное самоуправление в систему развитой кооперации. А она является древнейшим общественным организационным институтом демократической реализации социальной и политической субъектности;

Во-вторых, большевики обеспечили полномасштабное представительство деревни и крестьянства в органах управления общественными делами всех уровней и тем самым обеспечили политическую, административную, социальную и т.д. действенность их субъектности.

В третьих через революцию образования и культуры, осуществив ликбез и сделав доступным использование деревней и крестьянством культурных ценностей, отечественных и отчасти мировых, они подняли сельское население, в том числе крестьянство на тот уровень морально-нравственного и ментально-этического развития, на

котором возможно полнокровное использование всей системы функций своей организационно-социальной субъектности.

Особенно ярко это проявилось в последние годы жизни Сталина и на переломном рубеже 50-60-х годов, Вплоть до откровенного в ее ущербности формирования системности субъективистско-волюнтаристской экономической и социокультурной политики Н.Хрущева.

Не всюду полномасштабно. В еще возрождавшихся от разрухи фашистской оккупации западных областях эти процессы проявлялись противоречиво, непоследовательно. Однако, как свидетельствуют публикуемые далее материалы моих физиологических очерков и зарисовок, рожденные хрущевско-неотроцкистским шельмованием сталинской политики строительства социализма, они шли по нарастающей параболе.

ПОЧЕМУ ЖЕ НАМ СВОЕГО НЕ ЖАЛКО?

В первой декаде мая мне довелось побыть три-четыре дня в роли пастуха большеужинского подворного деревенского стада.

Колхозных коров, телят и овец пасет у нас назначенный правлением артели постоянный пастух Миша Чичок, а лошадей и жеребят — Глодус. Скотину личных подворий же пестует наемный пастух и его подпасок.

Между тем нынешней весной наши земские головы,⁵ — что кукуевского, что вересковского конца и прогонного центра Большого Ужина, — не спроворили найти и нанять на оговоренных условиях ни пастуха, ни подпаска.

Сами ужиняне не больно-то желают для себя этого не престижного в их глазах занятия. Ведь они всегда имели, какой ни какой, но постоянный заработок с промысла на озере, работа на котором требует не только удалства, но и мастерства. А потому по-своему престижна.

В пастухи обычно нанимались до нынешнего года не обладавшие профессией и квалификации староруссцы или парфинцы. Дома им из-за полной разрухи заводов и фабрик подходящую работу найти было трудно.

Или нанимались деревенские неквалифицированные бедолаги из земледельческих колхозов, где до недавних пор трудодень был совсем уж пустой.

Однако в последние год-два в Старой Руссе и фабричном поселке городского типа Парфино не только восстановили довоенные предприятия, но и построили новые, обеспечивающие квалифицированную занятость.

---

⁵В послевоенное десятилетие пожилые большеужиняне, — по дореволюционной или воскрешенной немецкими оккупационными властями в их памяти привычке, — часто называли подвластную Борисовскому сельсовету территорию волостью. Старорусский район у них — уезд, система органов сельского управления — земство. По их примеру и мы подростки выражались так же, однако, иронически или добродушно утрируя взрослых.

И в земледельческих колхозах района трудодень повсеместно стал весомым.

Поэтому у тех и других острая нужда трудиться где-то на стороне отпала.

Да и что это за работа сегодня мужику, а пастухами становились преимущественно они, в разоренной войной деревне — пастушество? Ни постоянного пристанища, ни устойчивого, привычного быта.

Тем более в нашем Большом Ужине.

Еще далеко не все большеужиняне перебрались из тесных землянок жить в нормальные избы. А пастух и подпасок живут и коштуются поочередно у каждого домохозяина суток двое-трое. В зависимости от величины поголовья на том или ином подворье.

Между тем, нередко хозяева еще живут в землянках. Поэтому, чтобы не тесниться ночью в ее затхлости, пастухи ночуют в сооруженном ими самостоятельно, а, следовательно, по своему вкусу, шалаше на околице деревни.

Конечно, в еде они — в отличие от многих наших местных жителей — не стеснены: каждая хозяйка старается принять пастуха и его подпаска, как можно лучше. В расчете на то, что и они в свою очередь внимательнее отнесутся к сохранности и сытной кормешке травой ее живности.

Но вообще-то, честно говоря, такая жизнь для трудоспособных мужиков мало завидна.

Потому и кандидатов в наемные пастухи в окрестных поселениях ныне осталось мало. И наши деревенские «думные» авторитеты в этом деле, прямо надо признать, крупно опростоволосились.

Вот и пришлось нам, большеужинцам, устанавливать в своей поселенной общине внутридеревенскую очередь: кому, когда, в супряге с кем и сколько суток пасти сгуртованную в общее стадо личную скотину.

Поскольку взрослые у нас в пору весенне-летней страды все заняты на работах, требующих сил и мастерства — рыбаки, доярки, льноводы, овощеводы и т.д., — то обязанность пастушества выпала на нашу долю. Подростков, детей и немногих, оставшихся в живых, большеужинских дедков и бабуль.

А такой контингент в каждом дворе весьма разнороден по способности качественно исполнять даже такую немудрящую работу, как пастьба домашних коров и овец. И, главное, он из-за разной масштабности семей, разнится числом.

Поэтому очередники объединяются с соседями или родственниками и пасут стадо совместно. Столько дней, сколько имеется на их подворьях животных. Разного вида, естественно.

При наличии на дворе коровы и нетели — срок пастьбы по дню за каждую голову. За овец и коз тоже по одному дню, но уже независимо от численности поголовья — одна или пять, все равно день.

Мы объединились в супругу с Булаткиными. Они ближайšie наши родственники и живем мы к тому же через две избы друг от друга.

С их стороны наш совокупный пастуший коллектив составили недавно демобилизованный из армии со срочной службы Павлуха, девица лет шестнадцати Анюта, мой дружба́н Володя и Райка Моложе нас, но резвая девчонка.

С нашей стороны — мои сестры. Анютина ровесница и подружка Люда и близкая им возрастом Настя. Она, кстати, на три года старше меня. Да мы с братишкой Колей, райкиным ровесником.

Итого восемь пар молодых резвых ног.

Можно бы при необходимости организовать даже двухсменные вахты. Но мы, сплоченные действительно дружественно-родственными отношениями, ограничились скользким графиком — пасет тот, кто и когда может, по доверию.

В принципе для нас с Володей эта ситуевидина, как праздник. В-первых, со второстепенных уроков можно отпроситься пораньше, — все понимают, что предлог уважительный. Во-вторых, мы с ним к такому случаю неплохо вооружились.

Пастухи ходят у нас с многометровой плетью, которая, если шелкнуть ею по земле или, умело, конечно, в воздухе, такой оглушительный залп дает, что тебе кулацкий обрез.

Мы с Володей такие же плети для себя изготовили.

В основу положили отрезки просмоленных вытягов от невода. Дальше вплели в продолжение их веревки из льноволокна и медной проволоки из немецкого телефонного кабеля. А в концовку каждой плети принаивтавали по полтора метра плетений из волоса конского хвоста и гривы.

Такие концовки порождают особо звонкий залп, с раскатом. Не плети — предметы зависти наших приятелей.

* * *

Разбудила нас с Людой мама ни свет, ни заря. Едва на небе начали гаснуть острые весной утренние золотистые звездочки, а на северо-востоке посерел горизонт.

Вяло выпив кружку парного молока, закусив подсохшим куском судака, — ох, и приелась же эта рыба без хлебушка, аж подташнивает от одного ее запаха, — за полчаса до восхода солнца я уже был на вересковском конце деревни.

А солнце в эту позднюю майскую пору встает где-то полчетвертого. Точно не знаю, наручных часов у нас после войны ни у кого от роду не бывало.

В конце деревни, у хибары колхозного пастуха Миши Чичка, меня поджидал Володя Булаткин. С холщевой, как и я, торбой через плечо со скудной снедью, чтобы, когда проголодаемся, перекусить, и свитой

мирно в пять кругов, однако готовой развернуться в любой момент кусачей змеёй пастушичьей плетью в руках.

Деревня наша тянется метров на восемьсот, на километр перпендикулярно береговой линии Ильменя. Находясь от него в полутора километрах. Дальний от озера конец, на котором и наши с Булаткиными избы — вересковский, а ближний — кукуевский. Впрочем, от него до Кукуевки без малого два километра. Вот возле нее и располагается луг, на котором предстояло нам пасти наше стадо.

Выпас личного скота большеужинцев представляет собой овал в километр в длину и метров семьсот в ширину. Один конец овала упирается в камышово-осотовые заросли ручья Глушок. Вязкого самого по себе в русле, и не менее — по берегу. А потому надо будет особенно зорко смотреть, чтобы коровы и телята, овцы и козы не увязли в прилегающей к нему топи.

Другая сторона выделенного нам под пастбище овала упирается в возведенный в минувшую войну оборонительный по отношению к озеру, откуда зимой наиболее вероятным ожидалось наступление противника, земляной вал двухметровой высоты.

За ним же до самого озера тянется низменная ложбина.

По ней, залитой вешней водой, предпоследней военной весной мы с Володей бродили между плавучих кочек в поисках кладок диких уток и куликов⁶.

Да и сейчас с нее еще только уходило половодье, оставляя за собой вязкие топи. В них уже, вытесняя диких сородичей, копошатся-хлопочут станки домашних гусей и уток с выводками еще не оперившихся гусят и утят.

Впрочем, дикие сородичи, похоже, не особенно противятся «изгнанию»: птенцы у них уже тоже выведены, и пришла пора показать им иные, приозерные камышовые просторы.

Поскольку у самого оборонительного вала десятиметровой полосой обнажен глинистый пласт почвы, плотную дернину с которого снимали при строительстве этого сооружения, то в нем, растворенном вешней водой до состояния густой сметаны в весеннюю пору шансов у коров и прочей живности увязнуть⁷ не меньше, чем в камышах Глушка.

Следовательно, и здесь нам пастухам предстояло бдеть, держа глаза открытыми и ухо настороже.

С северо-западной стороны тупого бока овала находится сельцо Кукуевка. На этой стороне с полкилометра тянутся бывшие личные огороды. Они принадлежали старожиньям, которые уехали ранее из Кукуевки жить в иные поселения.

⁶См. зарисовки «Инстинкты выживания».

⁷Именно в ней я сам увяз, было, и чуть не утонул, когда мы с Володей ходили на промысел яиц дикой птицы, см: «Инстинкты выживания».

А теперь здесь наша артель выращивает картофель, капусту, брюкву, морковь и прочие овощи. Потому сюда с азартом рвутся полакомиться ими овцы и козы.

Другой же бок овала отстоит примерно в километре от Большого Ужина. По обе стороны дороги к нему зеленеют лакомые для скотины посевы ячменя, овса, ржи и бобовых культур — гороха, бобов, вики.

Так что благодушествовать пастуху, небрегая охраной этого прогона с боков, когда по нему проходит стадо, тоже не приходится. Больно уж хлипкая у прогона ограда с обеих сторон: по две жердины, прибитые к столбикам, больше похожим на обычные кольца плетня.

Таким был плацдарм, на котором нам предстояло оборонять нивы и огороды от прокуд доверенных нам проголодавшихся подопечных.

И одновременно, охранять спокойствие всего прочего вверенного нашему попечению шкодливого поголовья.

* * *

Встретившись с Володей, мы договорились, что я буду поднимать и подгонять стадо, а он пойдет впереди его, направляя его вожakov из числа наиболее разумных коров, козлов и баранов в сторону пастбища.

Правда, в середине деревни имеются еще два боковых прогона, которые выводят прохожих за огородами на культурные посевы и посадки, но охранять их мы попросили слева со стороны Дарушиных Анюту, справа со стороны Лехи Бабы мою сестру Люсю.

Павлуха еще не пришел с ночного промысла.

Наших малолеток, Райку и Кольку, мы оставили дома отсыпаться. Настя должна отнести утреннее молоко от коров, нашей Зорьки и Булаткиных — Розы, на молокоприемный пункт сельпо, где принимают продукты населения в счет обязательных госпоставок.

Малявки Рая и Коля присоединятся к нам или сменят нас позднее. Насте же, как и нам, тоже надо еще отучиться в школе.

...Перемигнувшись, мы с Володей разом грянули дуплетом двух плетей такой залп побудки, что, наверное, он был услышан не только в другом конце деревни, а и даже в ближайших деревеньках — в Малом Ужине и Малом Учно.

Окна домов и форточки землянок дружно засветились. В одних из них замигали копилки, а в других засияли, похоже, лампы-семиликнейки.

Впрочем, хозяйки всех подворий и без нашего залпа встали, наверняка, раньше нас.

Да и то надо понимать, что из хозяек никто не выпустит из хлева на выпас неопроханную от молока корову. И даже не корову, а дойную овцу или козу. Разве что редкостная безответственная шалава-непутеха. Но таковых в нашей деревне вроде бы искони не было.

Заскрипели ворота скотных хлевов и калиток подворий. То хозяйки ближайших дворов стали провожать своих Ромашек, Роз и Зорек, и выгонять из оград хворостиной овец и коз.

Те, оголодав за ночь, жадно пытались урвать на ходу хотя бы какую-либо былинку возле избы или землянки.

Наш эпический пастушичий поход начался.

* * *

Итак, хозяйки, кто лаской, кто хворостиной, выпроваживали свою животину из закоулков их подворий. А мы с Володей, сбивая их, слегка ошалевших на свежем воздухе после спертого амбре из их собственных азотных выделений в тесном хлеве, в более-менее плотное стадо, погна-ли наших подопечных вдоль деревни, на другой конец ее.

То есть, к выходу в прогон, и далее — в направлении сельца Кукуевки. Вплоть до выпаса.

Мы с Володей азартно имитировали пальбу. Наши сестры, Анюта и Люся, испуганно отмахивались палками от настырных коров, норотивших свернуть в боковые прогоны.

А в целом наши подопечные мало-помалу продвигались к прогонному кукуевскому выходу из деревни в поля и луга.

Вообще-то деревней коровы и нетели шли в основном кучно. Да и овцы традиционно следовали за своими баранами, как привязанные.

Тем не менее, некоторые шальные коровы — копии с характера неких известных нам их хозяек, — и особенно козы, умудрялись не шагать свободной частью улицы, а шнырять в переулки между подворьями.

При этом они не ограничивались тем, что подбирали забытую с вечера хозяйкой в корытах сечку бурака для пойла своей скотине, клочок сена, а тем более молодой травы. Нет, они лезли своими шкодливими мордами между непрочными штакетинами в палисадники за чрезмерно склонившимся к ограде цветком.

Или же, опершись на молодое деревце-саженец, чтобы почесать воспаленные от укусов клещей места, ломали его.

Особенно усердно шкодничали козы. Они не миновали, кажется, ни одного деревца или куста, чтобы не ухватить с него клочок зелени.

Кстати, из-за них отчасти и улица Большого Ужина к осени становится каждый год практически голая, словно Мамай по ней прошел. А ведь каждую весну большеужинцы добровольно, индивидуально или коллективно, пытаются озеленять не только огородную, заднюю, но и фасадную часть своих домов и подворий.

Из-за шкодливых коз же и полисадиков в нашей деревне так мало. Только перед домами, где живут девицы на выданье, в том числе у нашей избы, где две невесты, Клава и Люся, — да средняя Тоня только что выскочила замуж вопреки, кстати, желанию матери, — красуются

георгинами, бульдонежами, настурциями да ноготками-бархотками, являющиеся их гордостью, палисадники.

Огороженные отцами или братьями штакетником или бриджем.

Прочие посадки выдерживают диверсии коз от силы два-три года. Даже, когда сажают ольху кольями или обрубками в бедро толщиной — они в наших местах, если не обтесаны, легко дают корни из подкорковых почек или пор, — и обвивают их для защиты от повреждений спиралью Бруно, эти заразы ухищряются обглодать кору новых посадок начисто. Вплоть до древесины.

А тут еще подвыпившие мужики и парни безобразничают. На моих глазах Гриха Кузихин, наш сосед и дядя Колькиного приятеля Саши Кузихина, обломал посаженную нами с сестрой Асей тонкую березку, чтобы смастерить кнутовище. В лес ему, видите ли, лень сходить за ним.

А уж что вытворяют подростки или отвергнутые зазнобами ухаже-ры?! Первые в кураже бравады ломают все, что под руку подвернется. Вторые же крушат все растущее окрест избы, в которой живет эта зазноба.

И вообще, какое-то небрежение наблюдается в наших рыболовецких деревнях по отношению к растительному миру окружающей их природы.

С тех давних пор, как для государственных нужд — строительство водоводов, старорусских солеварен и петровского флота — подчистую свели с корня окрестные дубравы и боры. Как будто психологический надлом произошел некогда в отношении местного населения к природным условиям его обитания. И не только к ним, а ко всем бытовым.

Взять обустройство дорог.

В других местах, где близко сохранились леса, к селам и деревням ведут, если не аллеи, то дороги с более или менее часто растущими деревьями или кустами по обочинам. В случае ненастья под ними можно укрыться и переждать, а в жару — пройти какую-то часть пути в тени их крон.

А у нас?

Между Большим Ужином и Борисовым, куда мы ходим в школу, семь верст, а с другой стороны между нашей деревней и Пеньковым более пяти, однако вдоль ведущих к ним дорог не найдете ни пяди зеленой растительности.

Сколько раз уже на моей памяти, особенно после войны, сход жителей Большого Ужина принимал решения озеленить эти дороги. И мы даже коллективно высаживали шеренги берез, выкопанных в лесу возле Рашучи, и елочек из бора, что за Чернецом.

Но проходил год-другой, и все наши посадки оказывались изломанными, срезанными на посохи или поделки. Кто, объезжая глубокую

лужу на дороге, конем и телегой проедет по дернине посадок, кто срежет елочку на мутовку или иную самоделку для домашних нужд.

Просто какой-то рок неосознанного вредительства самим себе. Будто и не понимает люд, что не чужое, а кровное уничтожает. И не жалко ему почему-то своего труда: ведь озеленяем-то мы не по трудовому наряду, а в порядке объявленного нашим сходом субботника или воскресника.

* * *

Хотя я и сокрушался по поводу скудности природной среды в нашей деревне, но не забывал время от времени щелкать плетью, скучивая подопечных. В конце концов, наше стадо своим авангардом вылилось из теснины большеужинских изб, землянок и подворий на простор околицы.

Почувствовав запах полей и разнотравья лугов, и памятуя, куда обычно в это время она идет, скотина резво устремилась мимо колхозных коровников, телятников, свинарников и овчарен в начало прогона, в конце которого зеленел тем самым разнотравьем луг.

Да так шустро уходя в отрыв авангардом, что приходилось плетью подгонять некоторых неторопливых буренок, которые, мешкая, образуют оторвавшиеся от основного стада группы его арьерграда.

Вырвавшись из теснины прогона, стадо тут же стало разбредаться по разнотравью, в котором преобладали тимофеевка и белоголовые клевера.

Не позволяя чьему-то животному свернуть, со шкодническими намерениями полакомиться к зеленевшим посевам яровой пшеницы, я чуть не наступил на гнездо жаворонка. Оно, как часто водится у этой птички, лежало прямо на земле в выделенной копытом коровы ямке.

Даже без дополнительной подстилки, просто среди сухих стебельков травы лежит пяток рыжевато-серых яичек.

Желтовато-коричневая птаха выпорхнула из-под моих ног. Резво набирая высоту, она ринулась в светло-розовое небо, пронзенное лучами солнца, только что начавшего выглядывать из горизонта такого же розоватого озера Ильмень.

Это, несомненно, был самец. Заметив своим острым взором, что я миновал его гнездо, не посягнув на то, чтобы потрогать в нем кладку пёстреньких яичек, к которым, трудно различимая на серо-желтой глиняной дороге, трепетно прижималась, но не слетала с них, наседка, жаворонок, взлетая все выше и выше, звеня перезвоном серебряного колокольчика, залился ликующей заливистой трелью.

Эта птаха поет только в полете, поднимаясь в небо.

В наших местах, может потому что они северные, а может из-за отсутствия садов, и вообще, окутывающей избы зелени, соловьев, похоже, нет.

Вместо них нашу жизнь скрашивают многочисленные в полях жаворонки. Особенно в пути по дорогам вдоль этих полей. Куда не идешь, обязательно, особенно в пшенично-ржаных пажитях, весной и летом, слышишь над головой, даже не углядывая в зените веселого певца, его самозабвенную задиристую песенку.

. . . Пытаясь на этот раз рассмотреть в небе певца, я вдруг обнаружил, что восходящее солнце, когда на него смотришь в упор, «играет», распуская по сторонам прозрачно-темноватые клубы иллюзорных пузырей.

Ко мне как раз подошел Володя. Возбужденный своим открытием, я восторженно сказал:

— Гляди-гляди, как солнце играет, будто в пасху. . .

Тот, прищурив, как и я, глаза, в упор посмотрел на солнце. Именно так мы всегда делали в пасхальное утро, специально вставая ни свет, ни заря, чтобы полюбоваться «игрой» солнца, радующегося, как говорит мама, очередному божественному празднику.

— Действительно!.. Играет!.. — растерянно сказал он. Что же получается, Пасха в этом случае ни при чем, и солнышко всегда и по иным причинам играет?!

Мы с минуту поразглядывали «игру» солнца, а потом разбежались по сторонам. Потому что, пока мы пытались понять заинтересовавший нас ребус, наше стадо начало вновь разбредаться. Одним краем в сторону Обороны, за которой в километре синела гладь озера, а другим — к дороге между Малым и Большим Ужинами, вдоль которой соблазнительно кудрилась зелень горохового поля.

Володя, щелкая плетью, побежал влево.

А я, с такой же пальбой и окриками «куда», должными вразумить скотину, вправо. Мне досталось отгонять стадо от Обороны, за которой наши подопечные могли увязнуть в глине.

За Обороной уже неспешно совершали свой ежедневный в эту пору моцион домашние гуси и утки с выводками гусят и утят. А над ними с назойливым испугом кружились чибисы, жалобно вопрошая их или нас, непонятно: «Чьи вы?!, Чьи вы?!..».

И, наоборот, воинственно пикировали на домашнюю птицу ее дикие сородичи, отстаивая доставшиеся им на пору вешнего половодья кочки.

Время от времени с высокого поднебесья слышалось устрашающее гудение с трудом различимого глазом в зените, куда он забирался, чтобы пикировать, с намерением поугагать на наше стадо, кулика-баранчика.

Оперение у этой птицы укладывается так, что при быстром полете-пике издает звуки, которые символизируют то ли своеобразный устрашающий гул, то ли угрозу: дескать, «иду на Вы». Как девиз воинственного древнерусского князя Святослава сына уроженки новгородско-псковской земли княгини Ольги, о которых на уроках рассказывала нам историчка Александра Григорьевна Лукичева.

* * *

Дальше время потянулось медленно. Часам к семи, пол восьмому на велосипеде подъехал Павлуха Булаткин. Он только часа в четыре пришел домой с ночного неводного промысла, покомарил пару часов, и теперь прибыл нам на смену. Полагая, естественно, что мы с Володей и Настей пойдем в школу.

Но Володя неожиданно заартачился: первым уроком у нас с ним по расписанию была алгебра, а он в ней из объяснений Михаила Ивановича Белова, а тем более из учебника Алмазова что-то недопонял. И потому решил, пользуясь веской причиной, откосить от урока.

Пишу потому, что в этом учебном году Володя бросил школу, а, следовательно, я никоим образом его не закладываю.

Добрых полчаса я уговаривал кореша не глупить, обещал дорогой растолковать урок. А потом вдруг понял, что и сам уже не успеваю к началу занятий. Ведь мне, с учетом длины борисовских улиц, идти чуть ли не девять километров.

— Панок, братка, выручай! Дай велосипед, съездить в школу.

Павел и сам был против того, чтобы мы прогуливали уроки, потому кивнул головой в знак согласия — «бери!».

Учебники вместе с куском хлеба для «завтрака-обеда» я прихватил с собой в торбе, заменявшей мне школьный ранец, поэтому терять времени не стал. За полчаса отмахал на велике ухабистую дорогу, да еще с кукуевским крюком. И, оставив велосипед у стариков Бабичевых, на одном дыхании промчался борисовскими улицами в школу.

Успел. . .

Возвратился в Большой Ужин после уроков часам к трем. Завернул домой перекусить и заодно проследить, чтобы братишка после уроков в начальной школе не заигрывался на улице, а шел с Райкой, которая тоже отучилась вместе с ним, помогать «нам взрослым» пасти стадо.

Увидев, что они готовы к ожидавшему их «трудовому подвигу», поехал на пастбище.

Впрочем, нашел я наше стадо уже не на лугу, а в воде озера Ильмень, к которому Павлуха и Володя с нашими сестрами его пригнали попить, и из которого коровы не хотели выходить. День стоял жаркий и они, забредя по брюхо в мелкий залив, наслаждались озерной прохладой. Тем более, что и оводы с комарами их здесь донимали меньше, чем на лугу.

А овцы и козы той порой мирно щипали пестрое, с изумрудным оттенком, разнотравье вокруг этого залива.

Потом мы возвратились все-таки на пастбище, где и держали стадо до вечера. Только к заходу солнца возвратились в село.

* * *

Остальные дни нашей пастбищной эпопеи прошли почти так же, как и первый. И вообще, вспоминается, что все четыре дня этой эпопеи, из

них одно воскресенье, когда нам помогали родители, пролетели как-то незаметно, настолько много впечатлений они нам подарили.*

ДЕДЫ БЫЛИ КУЛЬТУРНЕЕ НАС

Последние три весенне-летних месяца мне довелось поработать на общественных началах помощником учетчика тракторных бригад Николая Рогова и Александра Тиханова — моей сестры Антонины.

Работавшая ранее трактористкой и комбайнером Тоня родила сына. Муж её Иван Снетков в армии действительную отбывает. Свекровь, Настасья, нянчить внука не пожелала, а в родительском доме домочадцы тоже без дела не сидят. Хоть самой работу бросай.

То ли в поощрение за ударный труд в последние годы, то ли не желая лишаться старательной работницы, ее перевели на ставку учетчицы. Предполагалось, что соответствующие этой должности обязанности можно выполнять по свободному графику, в котором легко выкроить часок- другой, чтобы забежать домой покормить ребенка. Остальное время за ним в нашей большой семье — как-никак, восемь домочадцев, не считая этого чадо, названного то ли в честь младшего братишки, то ли в память прадеда Колей — кто-нибудь да присмотрит.

Если бы не два обстоятельства.

Первое: бригады обслуживают хозяйства двух сельсоветов — Борисовского и Пеньковского. Объекты их работ разбросаны на пространстве в 15-17 километров в длину, и на 8-10 верст в ширину. Чтобы замерить объемы вспаханного или засеянного механизаторами, надо немало дорог и межевых тропок, да и просто по бездорожью исходить, а это много времени требует.

Во-вторых, грамотешка у новой учетчицы подкачала: два года учебы в довоенной начальной школе и один год, причем вечерами, по возвращении из Шимского концлагеря.

После войны таким переросткам, как она, пришлось не за партой сидеть, а в полях, на фермах и на личных огородах — основном источнике нашего существования при послевоенном скудном тогда колхозном трудовне, — день-деньской, наравне со взрослыми трудиться.

Естественно, что довоенную арифметику Тоня благополучно подзабыла. А у меня в школе с начальных классов и по сию пору по математике всегда отличные оценки. Да и знания не только свежие, но и в многократно большем объеме.

К тому же, если бы мне даже и захотелось, я не мог увильнуть от смущенной просьбы Тони, а тем более от сурового наказания матери помочь любимой сестре.

И уже с апреля, пропуская те или иные школьные уроки, я вместе с нею стал колесить колхозные пажити и перелогии.

---

* Стенгазета «Борисовский школяр» — орган пионерии Борисовской семилетней школы Старорусского р-на. Подпись: уч-к 6б класса Володя Староверов, октябрь, 1952 г.

«Колесить» — это надо понимать в переносном смысле, колес нам, заведомо, не полагалось. Все многострадальными ножками, по 25-30 верст каждый день.

За время наших походов Тоня поднаторела в расчетах и надеюсь, что вскоре моя помощь ей уже в этом не понадобится. То есть с сентября я начну учиться в нормальном школьном режиме. Но впечатлений от этих шатаний по полям у меня накопились с тракторный воз, колхозную конную телегу и огородную ручную тачку. Хочу поделиться парочкой.

* * *

Сначала, о колхозных учетчиках и бригадирах.

Поскольку молодежь после школы и демобилизации из армии, так или иначе, утекает в город, кадры этого рода, — те еще грамотеи. Под стать сестре в начальную пору ее карьеры учетчицей.

Пошли мы недавно с бригадиром пеньковского колхоза Матвеем Боркановым, — кстати, дальним нашим родственником, — замерять пахоту бригады Саши Тиханова. Тоже, кажется, родственника нам по деду Кулику, правда, только четвероуродного.

Обошли с рулеткой поле, сели на межу в тенечке кустарника подсчитывать. Посчитал он, говорит: — «72,3 га».

Тоня неуверенно мнетя, видимо, у нее другой счет. Начинаю считать, говорю: — «7 га и 23 сотки». Тоня облегченно вздыхает, у нее тот же итог.

Матвей сердится, защищает свой результат. Трактористы прислушиваются, хмурятся: Матюхин результат им, естественно, по нраву. Говорю:

— Дядя Матвей, разуй очи. Вот соседнее поле, почти такое же, и мы прошлый раз в нем намерили 6,9 га. С чего же это-то оказалось на порядок больше?

Борканов чешет в затылке, конфузится. Неудобно ему подростку уступить.

* * *

Но вообще-то у него есть чему поучиться, контролер он въедливый. Орехи в работе трактористов не пропустит. А их, к сожалению, немало.

Вот их примеры, которыми укоряет въедливый дед.

Наши земли тощие, — 7-10 сантиметров дерновой слой, а затем у большинства полей идет жирный пластовой суглинок или каменистая мореная галька.

Как говорит зональный агроном Фарагин, пахать такие земли следует мелко, разрезая суглинистую или галечную подушку подплужниками. Но многие трактористы «забывают» об этом и выворачивают глину в плодородящий слой.

То же с прослойками мореной гальки. . .

Другие трактористы порою перепахивают поперек склоны обсохших летом русел речек и ручейков, нарушая их естественные стоки в Ильмень.

А в итоге — затяжка весеннего половодья, и вымокание всходов возделываемых культур. . .

И дядя Матвей справедлив в своих укорах и ругани по этому поводу, говоря: «деды культурнее вас землю обихаживали. Безобразия вы творите!».*

ГОСТЕХНОПАРК ДЛЯ КОЛХОЗНОЙ НИВЫ

Из дневника

Это было еще до замужества Тони.

В августе она прикатила в Большой Ужин на красно-коричневом самоходном зернокомбайне. Предыдущей осенью она тоже убирала большеужинские кукуевские и малоужинские зерновые поля комбайном. Только его таскал за собой колесник, управляемый Павлухой Романовым.

И надо сказать, неуклюжей была та сцепка, мешкотной и затратной. После уборки ею мы всей нашей начальной школой собирали в свои корзинки колоски, не срезанные хедером комбайна или уроненные и втоптаные в почву.

А потом колхозные полеводы их обмолачивали на полуручной молотилке, барабан которой вертел выносной динамик.

В общем, уборка тогда была расточительней, чем когда колосовые жали жницы серпами или косили ниву лобогрейками, возвратившиеся спозаранок с промысла рыбаки.

Тоня потом сложенные в скирды, нажатые ими снопы или скошенные колосовые до зимы молотила механической молотилкой, вращаемой шкивом от тракторного динамика.

Только и выгодой при уборке прицепным комбайном было то, что на ней, оказывалось, занято меньше взрослых колхозников. Зато весь сентябрь, а то и дольше десятки наших школяров бесплатно колоски собирали. Но это, похоже, не считалось при учете трудовых затрат.

Это трудовым воспитанием нас называлось и оценивалось как взаимная благодарность детворы взрослым за то, что два наших колхоза — большеужинский и малоужинский — школу нам построили, парты соорудили, весной, зимой и осенью дровами школьные печи снабжают. А к праздникам — Седьмому ноябрю, Новому году и Первому Маю — и по кульку конфет с начинкой повидла или пряников нам дарят.

Впрочем, большинство наших школяров в солнечные осенние деньки только рады были размяться на сборе колосков, свежим полевым воздухом дышать, а не томиться за партией в ожидании вызова к доске для

---

* Многотиражка «Механизатор», Наговской МТС, август, 1952. *Подпись:* В. Староверов, житель д. Б. Ужин, Борисовского с/с.

ответа или за диктантом мозгами напрягаться, а тем более, за решением головоломных арифметических задач.

Мне впрочем, если я не страдал обострением хронического бронхита и не сгибался к земле от чрезмерного кашля не всегда легко отходившей мокротой, нравилось и в поле прошвырнуться, и за партой над познавательными ловушками покумекать. Хуже было, если за партой скучать приходилось, когда, скажем Богачев Колян-второй или Колян Сорокин мемекают у доски, не выучив уроки. Но это к слову.

* * *

А сейчас я хочу записать про фурор появления в нашей деревне Тони на самоходном комбайне.

Сама она в его кабине лучилась довольством. А уж что касается наших мужиков, баб и ребят, то и восхищения и недоверия новая машина на первых порах вызвала немало. Тем более что многие еще вообще первый раз ее видели воочью.

И действительно, СК был первой ласточкой в Наговской МТС. Поэтому Тоня и лучилась радостью, а может и гордостью, что не Павлухе Романову, не кому-то еще другому, а ей, как механизатору широкого профиля, доверили эту красную и так нужную хлеборобам машину.

И значит, не зря она всю зиму за двенадцать верст пешком ходила пустынной и заснеженной тропой на курсы комбайнеров в Нагово.

В первые дни на ниву, которую убирала Тоня комбайном, по делу, а чаще, якобы, просто так, в действительности же с намерением найти огрехи в работе новой уборочной машины, сворачивали со своего пути доброхотные проверяльщики.

Не мнет ли тонина машина посевы, чисто ли срезает и вымолачивает зерно из колосьев, не слишком ли уплотняют колеса СК — больно уж он громадный — почву?..

Потом, не находя, какие бы огрехи заметить, взрослые односельчане поумерили свое любопытство. Зато стайки ребятишек по сей день сопровождают перемещения комбайна с одного поля на другое, норовя заодно прокатиться, прицепившись сзади к какому-нибудь ее выступу.

Впрочем, Тоня, чтобы они ненароком не попали под комбайн, при таких перемещениях, забирала их к себе в кабину. Стольких, сколько помещалось их в ней.

Но вообще-то, наши люди быстро привыкли к новой машине. Сейчас в наших деревнях появление новых видов техники становится не такой уж редкостью, как в первые послевоенные годы. Этой весной у нас на полях и на фермах стали в некоторые страдные дни одновременно работать харьковские (ХТЗ) и Челябинские (ЧТЗ) тракторы.

Или вот весь май сталинградский богатырь (СТЗ) таскал грейдер, дороги ровнял, и канавы, глубиной и шириной что тебе каналы, у Засечки, на бывшей хуторской пашне деда Кулика, сооружал.

А минский трудяга (МТЗ) в начале лета лес прицепом возил на стройку новой колхозной конюшни, ибо старая, первого послевоенного года, временка из теса обветшала. Вот ее и заменяют капитальной. А заодно новый амбар в прогоне на Малое Учно уже построили. А недалеко от него — новую кузню.

А недавно Саша Летчик пригнал в деревню первую колхозную полуторку — о довоенных авто только взрослые и помнили, а я, например, помнил только немецкие.

За отсутствием гаража Саша ее поставил, соорудив над ней навес, в заулке своего дома. Чтобы, как он объяснил, далеко не бегать, когда ее приходится ремонтировать или регулировать.

Кроме этой наземной техники завелась у нас своя авиация. Ну не совсем своя, кукурузник «Аннушка» из Старорусского авиаотряда. Но она закреплена за нашими колхозами, Борисовским, Маковищенским, Малоужинским и нашим «Имени 17 партсъезда».

Сначала она минералку на поля рассеивала, потом гербициды и инсектициды — это ядохимикаты такие, чтобы сорняки и мелких вредителей полей уничтожать.

Для кукурузника даже полосу за рекой Вилинкой, между Борисовым, Маковищем, Малым Ужином и рекой Переходой, заасфальтировали. Получилось нечто вроде аэродрома.

* * *

Вся эта и многая другая техника принадлежит, конечно, государству. Но обслуживает этот уже довольно внушительный технопарк колхозные нивы и иные наши производства.

Вообще-то, если вдуматься, ни один из наших нынешних колхозов не смог бы содержать и с выгодой для себя использовать столько техники. Как в свое время не под силу было большинству единоличников содержать и безубыточно использовать тягло и оптимальный набор сельхозоборудования — телег, саней, плугов, борон, конных сеялок, веялок, лобогреек, триеров и т.п. инвентаря.

Не случайно даже крупные кулаки, использовав весь этот набор сельхозорудий в своем хозяйстве в оптимальные для работ агротехнические сроки, обязательно сдавали затем инвентарь из своего сельхозпарка в аренду малоимущим, безинвентарным соседям.

Таким образом, они эксплуатировали их: не только завышая арендную плату, но и заставляя за гроши ремонтировать этот сельхозинвентарь.

То, что техника находится в собственности государства и в распоряжении его структур — МТС, авиаотряда, районных управлений. . . — способствует более полному использованию ее потенциальных ресурсов.

Так, МТС с учетом разных почвенных и климатических зон растягивают сроки его производительного использования. И, как говорит Тоня,

это существенно снижает относительную величину амортизационных расходов. Поскольку они приходится на больший объем сделанных с их помощью работ.

А также повышает сроки производительной работы трактористов и комбайнеров, лишь относительно закрепленных за теми или иными колхозами, а на деле используемых там, где они в тот или иной момент необходимы.

Так, Павлуха Романов и Тоня весной сначала пахут более возвышенную пашню на просохших борисовских и маковских взгорках, а потом на освободившихся от озерной распутицы малоужинских и большеужинских низинах. В целом сроки их активной работы в пору весенней страды почти удваиваются. Соответственно, удваивается и выработка на каждый трактор.

То же самое с использованием техники на сенокосе или уборке зерновых. И не только на этих работах, но и на иных.

* * *

Дядя Миша Лобачев как-то на днях говорил возмущенно, что какой-то партийный босс в «Правде», а ученый Векжень⁸ в другой центральной газете предложили продать колхозам и совхозам всю сельхозтехнику, и в первую очередь трактора и комбайны.

Потому, дескать, что сегодня работающие в МТС механизаторы-колхозники технику из-за их низкой квалификации слишком часто ломают. А вот, когда машины станут собственностью их колхоза, они охотнее будут повышать свою квалификацию. И в результате лучше станут их беречь и полнее использовать.

Возмущаясь этим словами, дядя Миша сказал:

— Не пойму, в собственном уме эти знатоки деревни или они в ней давно уже не бывали?

Взять хотя бы одно то, а кто в деревне эту технику будет лучше ремонтировать? Зять Миши Куликова Павел в допотопной колхозной кузне, снаряженной наковальной, молотками и клещами, или специалисты ремонтного дела Наговской МТС в их мастерской с разными станками и приспособлениями и под руководством инженеров.

Надо же учитывать специфику. Одно дело стабильная механизация — водопровод на фермах, автопоилки, кормушки, доильные аппараты, как в подмосковном колхозе у Буянова,⁹ — и другое дело мобильная техника. Накладные расходы на частную, по сути дела, эксплуатацию ее просто убьют экономику наших колхозов.

⁸Так сказал дядя Миша Лобачев и так услышал я фамилию ученого. Скорее всего, председатель нашего колхоза имел в виду статью Н.СХрущева в «Правде» и товарника В.Г.Венжера в «Известиях». Но о них я скажу, когда автобиосоциохроника дойдет до хрущевского времени жизни советской деревни.

⁹Буянов Ив. Андр. — дважды Герой Соц.Труда (1950 и 1957), в 1929-1965 г. председатель подмосковного колхоза им. Владимира Ильича.

Мы еще быт по человеческим нуждам не восстановили, равно как и прочие жизненные нужды. Инвалидов, стариков, детей малых не пристроили. А они хотят все производственные расходы в сельском хозяйстве, сейчас более-менее удовлетворительно исполняемые всем людом страны, на неокрепшие колхозы взвалить. Это почти все равно, что нас снова в единоличку возвратить.

Деревня, даже разоренная войной, с первых довоенных лет для чего-то ведь лучшие кадры отдает городу. Не только для того, чтобы восстановить его, но и чтобы он взял на себя основные хлопоты по индустриализации сельского хозяйства. В том числе по внедрению индустрии в деревню.

Но ведь кто-то должен быть главное силой этого дела? Наверное, не только привычный к лошадке и волам деревенский Ваня, приставленный после краткосрочных курсов к машинам, а, прежде всего, овладевшие в городе тонкостями индустрии люди.

Потенциал технопарка не может быть ни частным, ни мелкогрупповым. Пока эксплуатация его, и надолго, думаю, должна быть подконтрольной индустриальным рабочим, а значит — в государственной собственности. . .

МОИ ШКОЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ

У кого как, а у меня нынешние каникулы начали обретать трудовой характер задолго до того, как окончился учебный год. Причина в том, что традиционная домашняя «огородная страда» нынче из-за ранней весны для меня наступила, соответственно, раньше и с большей, чем прежде, загрузкой работами.

В прошлые годы она падала в основном на плечи матери и сестер. Особенно третьей по старшинству сестры Люси и младшей, четвертой сестры Насти.

Люся, впрочем, уже в прошлом году стала все больше втягиваться в колхозные работы, а потому дела подворья и огородные хлопоты все в большей мере перепали Насте.

А в этом году мама и сестры неожиданно для меня значительную часть этих хлопот переложили на мои далеко не богатырские плечи.

Во-первых, в маме вдруг проснулось сознание трудолика артельных дел, каковой она была, если судить по рассказам, до войны. И то ли почувствовав себя несколько лучше, поскольку приобретенные ею в конце войны в Шимском концлагере болезни пошли вроде бы на убыль, то ли бригадир достал ее своим нытьем, что в колхозе некому стало трудиться, но она довольно активно включилась в колхозные весенне-посевные работы.

Во-вторых, вместе с нею столь же активно впряглась в эти работы и Люся, приблизившаяся к возрасту совершеннолетней девицы.

В-третьих, и Настя, самопроизвольно взяв себе новое имя Ася, вопреки уговорам старших домочадцев оставаться работать в нашем колхозе, уехала после седьмого класса в компании с закадычной подружкой, тоже Настей, только Блиновой, столь же решительно, как и моя сестра, самоназвавшей себя Тасей, в Ленинград.

Где и поступили обе учиться в профессиональное фабрично-заводское училище при знаменитой обувной фабрике «Скороход».

Так, что многие работы по подворью и огороду лавиной свалились на нас с братишкой Колей.

Только ему ведь всего восьмой год. И, как младшенький, он у нас всеобщий баловень, а потому своенравен. Да к тому же самозабвенно любит играть с ребятами на улице и не терпит пока обязательных домашних заданий.

Мне говорят, чтобы я загружал его работой в огороде и по дому, а как это сделать?

Он здоровяк и, хотя моложе меня на три с лишним годом, я для него давно уже, похоже, не авторитет, поскольку слабее его физически из-за моих унаследованных в том же, упомянутом выше Шимском концлагере болезней легких.

И, сдается, не только их. Ведь не случайно я так вспыльчиво реагирую на противные мне раздражители.

Вот и с братиком: мне легче самому сделать домашние задания мамы, чем упросить его помочь в этом. А тем более, если заупрямится, — заставить.

Конечно, самые трудные работы по подворью, например, печку истопить, корову подоить, огород вскопать — а он у нас почти полгектара — или посадки картофеля обрыть¹⁰ и т.д. делали взрослые домочадцы. До ухода по колхозному наряду или после выполнения его, порою уже в сумерках.

То есть, отец, мама, старшие сестры, а их у нас дома еще три, помимо уехавшей Насти. Но и на мою долю осталось домашних трудовых хлопот сверх головы.

* * *

Начиная с апреля, когда в колхозе началась весенне-посевная страда, вставать я стал одновременно со взрослыми домочадцами. Часов в пять утра.

Завтракал с ними, потом отводил теленка и козу на лужайку в конце огорода, поскольку трава нынче рано пошла в рост. Привязывал свою живность за веревки к кольям, которые забивал покрепче в землю, чтобы скотине не выдернуть.

---

¹⁰По местному, *обрыть* картофель, турнепс или иную сельхозкультуру значит окопать их.

Забивал их обычно увесистым булыжником: их у нас повсюду валяется в траве довольно много в качестве наследия породившего озеро Ильмень доисторического ледника. Так что искать долго не приходится.

Потом, уже на обратном пути, рвал в бороздах между грядок два ведра или большую корзину молочая¹¹ для свиноматки и десятка ее поросят. И только после этого убежал в школу, до которой мне, как известно, от нашей деревни Большой Ужин до села Борисово, где находится наша школа, верст шесть-семь. Да еще этим селом пилить с добрый километр.

Коля, к моей зависти, продолжал еще сладко дрыхнуть. Ему до начальной малоужинской школы идти меньше версты и его, лежебоку, мать разбудит и поднимет перед самым своим уходом на работу.

Когда я прибежал после занятий домой, Коля уже давно играл с приятелями в заулке нашей избы или где-нибудь по соседству. Уроков то у него поменьше, да и дорога из школы короче.

Я сразу начинал звать его домой, чтобы он помог мне отнести ведра с пойлом, приготовленным до ухода на работу мамой для теленка, козы и свиноматки с поросятами.

Стимулируя свою просьбу тем, что, чем быстрее мы их покормим, тем раньше сами поедем.

Но Коля — вот тоже поросенок — порою уже сам успевал похарчиться продуктами, которые сберегаются мамой для праздничного стола, или свежими яйцами из-под куриц. Так что, если он был увлечен игрой, а это было чаще всего, то далеко не всегда откликнулся на эту мою просьбу.

Обрядив скотину и бросив курам пару горстей сорного зерна, я наскоро обедал тем, что оставила мама утром на загнетке в еще теплой печке, и садился за письменные уроки. Устные я редко готовлю дома, предпочитая запоминать их, внимательно слушая объяснения учителей.

После домашних школьных заданий хочется что-нибудь почитать для интереса, да надо делать мамины урочные домашние хозяйственные задания.

Прежде всего — полить водой из «бомбы»¹², что посредине межи нашего огорода с соседским огородом тетки Нюши Блиновой, молодые

---

¹¹ *Молочай* — любимый поросятами сочный огородный сорняк вроде осота, только без колючек.

¹² *Бомба* — яма, оставшаяся от взрыва авиабомбы или артиллерийского снаряда, заполненная внешней водой. Их в большеужинских огородах и окрест, вплоть до 70-х годов, было много, поскольку в деревне находился штаб какой-то воинской части оккупантов. Приезжавший после войны к сестре Герой Советского Союза летчик земляк-односельчанин Александр Богачев рассказывал нашим мужикам: «Я ведь сам несколько раз получал задания бомбить свою деревню. Кружу над ней, слезы текут от понимания того, что творю. Ведь все выявленные цели, в которые я бросаю бомбы — это мой, моих земляков родной кров. И все же бомблю знакомые с детства избы, да поливаю из пулемета вражин, разбегающихся из них в укрытия. . . »

посадки овощей. А то их листва уже начинала без полива на жаре вяло никнуть.

Основной полив сделают сестры вечером, а я только осторожно подпитываю влагой огурцы, капусту, свеклу и прочую овощную мелочь. Стараясь поменьше брызгать водой на листья, чтобы жаркое, особенно во второй половине мая и в июне, солнце через линзы брызг не сожгло зелень. Поливаю только затененные листвой корни.

Следом за поливом следовала заготовка дров для утренней топки мамою печи. Хворост для нее привезли еще зимой отец с сестрами, и он горой навален в заулке.

Моя задача — нарубить его в полуметровые, удобные для загрузки в печное чело обрубки.

Иногда в куче хвороста встречались толстые и корявые стволы бридья,¹³ разрубить которые на короткие, подходящие для печи отрезки топором мне было еще не под силу. Тогда я звал на помощь себе Колю.

Если же он привычно отмахивался из нежелания поработать, то грозил ему, что расскажу мамке о его филонстве, и ему не дадут за ужином нашего деликатеса — пупок.¹⁴ Эта угроза почти всегда оказывала на него действенное воздействие.

С напарником мы легко распиливали даже наиболее корявое и толстое бридье двуручной пилой, справиться с которой и взрослому в одиночку практически невозможно или мало результативно.

* * *

После того, как я разрубал чурки бридья на два-четыре и более полешка каждое, а затем относил охапками дрова к пред печью в чулан-кухню, наступал черед основному для меня маминому заданию — прополке огорода.

Он у нас, напомню, почти полгектара. И все гряды на нем, особенно в такую раннюю весну, как выдалась ныне, необходимо было прополоть — притом овощные, неоднократно, — или обрыть. В целях, как уничтожения сорняков, так и окучивания нижней части побегов. Чтобы размножились отростками.

По причинам близости деревни Большой Ужин к озеру Ильмень и низинного расположения его огородов, они часто подтапливаются вешним половодьем. Поэтому все выращиваемые культуры, даже картофель, односельчане сажают грядами с глубокими промежуточными бороздами, в которые стекает излишняя влага.

¹³Бридье — промежуточная между кустарниковой толстой веткой и деревом жердевая поросль ракиты.

¹⁴Пупки — жареная или вареная вместе с рыбой икра, бывшая для нас в детстве единственным доступным нам деликатесом. Особенно вкусными были пупки костлявых ершей, дальше шли окуневые и карасевые. Менее привлекательными были жареные «оладьи» и сгустки хотя и питательной, но сухой и жестковатой икры лещей, судаков и щук.

Сорняки в таких бороздах просто благоденствуют. Так что пропалывать приходилось не только овощные, но и картофельные гряды.

Прополочных работ, как понимаете, на таком большом огороде, не в проворот. Одному мне они заведомо не по силам. Поэтому не только я, но и баловень-братец получил строгий наказ родителей не отлынивать от этого нам совместно порученного задания.

Каждый, наверное, знает, что ручная прополка овощных грядок — это, вообще, более чем тягостное занятие. И так как лето выдалось жаркое и солнце начало в этом году припекать рано, то и изнурительное. А тут еще Колька над душой стоит. Поскольку на озеро купаться ему без меня запрещено ходить, то он начинал жалостливо ныть, прося, чтобы мы сбегали окунуться в воде. Так что, изнуряемый жарой, и я не всегда удерживался от соблазнов искупаться в Ильмене минут пяток. Чтобы потом со свежими после купанья силами приналечь на нужную, да обрыдлую прополку.

До озера от нашей деревни более километра, да около полукилометра от нашего дома до ее околицы. Так что, как мы не «аллюрили», а минут пятнадцать-двадцать на дорогу в один конец тратили.

Да и в увлекательном деле купанья уложиться в пяток минут нам никогда не удавалось. К тому же на обратном пути Колька снова начинал ныть, что он устал, и вообще. . .

Короче, иногда мы возвращались домой почти одновременно с приходом взрослых с колхозных работ.

Для Кольки, что укоризненная, что негодующая ругань матери, как с гуся вода. А я воспринимал ее болезненно.

Во-первых, ко мне, как старшему, претензий бывало больше, во-вторых, оказываться действительно повинным, было крайне неприятно. Репутация разумника, которая закрепилась в последние два года за мной в общем мнении взрослых односельчан в связи с моими публикациями в «Старорусской правде», обязывает меня быть во всем примером. . .

В том числе, в глазах домочадцев.

* * *

К августу в подворных и огородных работах наступил, было, естественный передых. Посадки окрепли и уже сами собой набирали силу, без дополнительного полива и подавляя сорняки. Однако насладиться бездельным досугом не удалось.

Начались колхозные летне-осенние хлопоты сеноуборки, ранней жатвы, вывозки навоза на поля, предназначенные к вспашке под зябь и озимь, сбережения урожая и т.д.

И все почти одновременно.

Колхоз снял с промысла рыбаков, направив их на сенокос и уборку урожая в полеводстве, но все равно рук на все работы не хватало.

Наступил черед активизировать трудовое участие в них подростков и детей.

Собственно, подростки и так уже были задействованы. Ведь каждый из тех, кому исполнилось двенадцать лет, имеет полноценную трудовую книжку колхозника. Пришла пора помочь взрослым и тем, кому еще нет двенадцати лет.

Мой дружок Володя Комиссаров, которому стукнуло двенадцать в прошлом году, пересел на волокушу возить сено.

Мне же управлять лошадью не доверили из опасенья, что по причине своей тщедушности я с ней не справлюсь. И я, разлученный с Володей, остался помогать одноногому инвалиду Пыныш — Ивану Степановичу Снеткову — охранять горюх.

Этим мы занимались несколько лет с Володей по поручению бригадира и раньше, с тех самых пор, как эти бобовые шли в стручок. Но только пока других работ в Большом Ужине было мало.

Охранять их надо было от двух бед: от потрав отбившейся от колхозного или деревенского стада скотины, а также гуляющих на приозерных просторах стаями домашних гусей и уток, с одной стороны. С другой — от такой же как мы с Володей ребятни. Весьма лакомой до этих стручков.

Да ладно бы с краю поля рвали, так нет, лезут в его самую середину, где стручки, кажется им, крупнее и сочнее. Не столько обрывая их, сколько втапывая в землю и ломая гороховые плетни.

К сожалению оба сторожа колхозного горохового поля были инвалидами второй группы. Вечером-ночью-утром, когда бесчинствовала безпризорная живность, сторожил Граха Жинов. Днем, когда «воровала» шкодливая ребятня, — одноногий Степаныч Пыныш.

Граха со своей задачей справлялся вполне, Пыныш оказался слабоватым сторожем. Поле большое, ребятня, засекая, где находится одноногий страж, забиралась в него с другого края. Пока Степаныч доковыляет на своей деревяшке до него, эти бедокуры, набив завязанную вокруг пояса рубаху до воротника желанными стручками, успевали исчезнуть канавами.

Так что ему никогда не удавалось персонально определить семейную принадлежность шкодников. Поэтому бригадир и занарядил нас с Володей в помощь Степанычу.

Мы, конечно, как и договорились с бригадиром, не гоняли и не задерживали «воришек», многие из которых наши уличные приятели, а уговаривали их пастись аккуратнее с краю поля. И все были вроде бы довольны.

Но когда Володя пересел на волокушу, мне стало обидно из-за недоверия к моим силам. И я стал, канюче, донимать бригадира, чтобы он доверил и мне ездовые работы с лошадьми.

И, кажется, допек его основательно.

Когда горох стал затвердевать и утратил для ребят привлекательность своей сочной прелестью, я пересел на телегу возить навоз с колхозного двора на поля, которые предназначались под зябь и озимь. А затем стал возить снопы к тракторной молотилке, работу которой обеспечивала, до того как стать учетчицей, моя сестра Антонина.

Она была на предурожайных сносях, поэтому руководство МТС решило временно перевести ее с динамичных тракторных работ на обслуживание стационарной молотилки, у которой поставленный на тормоза вверенный Тоне колесник был лишь движущей силой с приводным ремнем к молотильному барабану и решетам очистки зерна.

* * *

Кроме этих привычных для нас урочных работ мне удавалось сделать весной и летом и кое-что не традиционное. Имею в виду свои и школьные селекционные опытные делянки. А также уход за посевами на небольших участках сортовых колхозных семянников¹⁵.

У себя в огороде я уже второй год с разрешения мамы занимаю пару-тройку гряд под свои опыты. Не только садоводческие, по Мичурину, но и пробуя выращивать с перекрестными опылениями гречиху, просо, подсолнечники, кукурузу, клевера, лен, и даже пшеницу, рожь и ячмень-элиту.

Кроме того, мне удалось получить из городков Урени и Кстова Горьковской области несколько чубуков домашнего лимона. И теперь в нашей избе появился свой лимонарий. Только хиловаты у меня пока его питомцы.

В горьковских городках, откуда я получил эти чубуки, для лимонных деревьев в преобладающих в нем частных домах возводят специальные пристройки с электрическим освещением и широкими террасными рамами.

А у нас в избе окна, как на нашем севере водится, узкие. Да к тому же освещается изба только семилинейной лампой.

Поэтому, особенно осенью и зимой, света лимонам явно не хватает. Бледненькие и кривенькие они у меня растут.

Правда, летом, когда я их вынес на частично застекленное крыльцо, они немного загустелись и местами даже темно-зеленой листвой обзавелись. Но, тревожусь, как-то зимой они себя поведут?

А остальные мои домашние селекционные опыты меня порадовали своими отрядными результатами.

Хуже обстояло дело на школьной опытной делянке. Нам отличникам по биологии, — мне, Юрке Каштанову и Рае Лазаревой из Вересково,

---

¹⁵В те послевоенные годы почти каждый колхоз и совхоз стремился показать свою активность в реализации МПЭ — методов повышения эффективности экономики села. Одним из направлений такой активности было образцовое состояние в них полу огородных масштабами, но имевших стратегическое для колхоза значение участки, на которых хозяйство выращивало для себя, а порою и для соседей элитные семена.

совместно с которыми я и затеял весной опыты на этой школьной делянке, — ходить до нашей опытной делянки далеко. Она находится за борисовской церковью, то есть, за околицей села.

До нее мне от дома — восемь-девять километров, вересковским моим соученикам шагать — не меньше.

Поэтому, потрудившись на ней весной, мы летом туда и не заглядывали, понадеявшись на двух вовлеченных в наши опыты других отличниц по биологии из Заднего Поля. Из него до делянки всего ничего, метров пятьсот, от силы семьсот.

Я, правда, летом несколько раз выбирался на велосипеде в сельсоветскую Борисовскую библиотеку, чтобы обменять взятые в ней книги. Но, будучи отпущен матерью каждый раз под мое клятвенное обещание, нигде не мешкать, возвратиться домой к такому-то сроку, до школьной делянки так ни разу и не добрался.

А заднепольские отличницы-компаньонки же о наших школьных опытах просто-напросто забыли. И, немудрено, что они погибли.

* * *

Обременило нас с Володей, было, этой весной, как раз в ту позднюю майскую пору, когда мы еще завершали экзаменами учебный год, а на колхозных полях уже начали сеять зернобобовые и элитный лен на семена, еще одно не традиционное для нас с ним трудовое дело. «Подброшенное» нам моими родителями, а точнее, старшей сестрой Клавой.

Клава в артели «Имени 17 партсъезда» «командирша» именно полеводческого с льноводческим уклоном звена. В другом таком звене командует ее подруга-соперница звеньевая Валентина Сытина-Принцева¹⁶.

Та и другая, соперничая, помимо рядовых посевов, также завели согласно стратегии МПЭ делянки по выращиванию сортовых семян зерновых, бобово-крупяных культур и льна.

С этой целью звено Клавы распахало рядом с огородом Комиссаровых-Булаткиных никогда, кажется, не пахавшееся небольшое поле, что расположено между тремя ямами-бомбами и оборонным валом. Этот вал тянется мимо сгоревших дотла Выселков вплоть до Верескова.

На этом поле, более смахивающем на запущенную лужайку, все памятные мне годы паслись домашние утки, гуси, овцы, козы и телята. Расчет Клавы был, кажется, на то, что эта живность за много лет основательно удобрила здесь пометом целинную землю.

Целина, действительно, оказалась жирной.

---

¹⁶ Валя Принцева, по деревенской фамилии Рендина или Сытина, стала через некоторое время нашей невесткой, то есть женой двоюродного брата Николая Михайловича Староверова-Куликова.

Однако, вопреки ожиданиям, вывернутые плугом пласты были глинистыми, как и вся окрестная земля, на которой в 20-30 годы была построена деревня Большой Ужин.

Нынешняя весна же, как уже говорилось, выдалась не только ранней, но и жаркой, а потому глина быстро высохла и спеклась в прочные змеистые валки, которые не брали никакие конные бороны. А более тяжелых тракторных борон у нас еще нет.

Когда же эти просушенные и пропеченные солнцем глиняные валки разрезали конным плугом поперечной вспашкой, то поле превратилось буквально в каменистое лежбище глыз,¹⁷ размера булыжников и крепости почти такой же.

Клава, однако, не растерялась. Её раннее детство прошло на дедовом единоличном хуторе «Красная Нива», где пашня местами была такая же глинистая. И она помнила, как поступал в этом случае сметливый дед Леха Кулик.

По ее просьбе, еще лучше ее помнивший довоенные хуторские работы, отец сделал десяток деревянных сучковатых колотушек на длинных ручках. Десяток потому что про запас, хотя в звене было всего пять человек. Ближайшие дни показали, что запас был кстати.

Вооружившись колотушками, Клава и ее товарки начали с энтузиазмом разбивать комковатые глызы в мелкую крошку, чуть не в пыль. Разбивались, конечно, не только глызы, но и колотушки. Чаще всего ломались их рукоятки.

Однако дело у их звена успешно двигалось, и скоро былая целина превратилась в добротную возделанную пашню.

Оставалось только осторожно засеять элитные семена так, чтобы разные виды и типы их сохраняли территориальную обособленность друг от друга и не могли впоследствии вступать в перекрестное опыление друг с другом. Для этого нужен немалый опыт.

Хромоногому отцу шагать по доведенному почти до пыли полю было трудно, а Клава и ее подопечные льноводки сеять из лукошка не умели. Однако выручил дядя Саша Комиссаров-Булаткин, который, будучи недужным после архангельских лагерей, тем не менее, не отказался помочь племяннице, каковой приходится ему Клава.

А далее начался тот момент, когда в эту трудовую колхозную струю дел неожиданно для нас вляпались и мы с Володей Комиссаровым-Булаткиным.

Прошла только ночь после посевной на сортовых деланках зерновых, а к завтраку в избу влетела возбужденная Клава.

Оказывается, она уже успела сбежать осмотреть эти участки работ своего звена и на деланке обнаружила тучу воробьев и даже стаи галок, которые с энтузиазмом склевывали высейные накануне из лукошка, не

---

¹⁷Глыза – новгородское диалектное наименование окаменевших глинистых кусков пашни.

заделанные в землю, как это бывает при посеве специальным агрегатом, семена.

Два часа она в одиночку отпугивала стаи птиц, а потом, передав дежурство жившей в избе с видом на делянки Тоне Гориной, пошла домой завтракать.

— Что делать?! — вопрошала она ни весть кого, обращаясь в пространство. — У нас же основное поле еще не засеяно. Не можем мы несколько дней, пока семена не взойдут, пугало на этой делянке изображать. . .

— Это уж ты проси братуху, чтобы он таким пугалом побыл, а нам некогда, да и не по нашей резвости, — ухмыльнувшись, сказал отец, все утро до завтрака ремонтировавший колхозным ездовым, в основном не умевшим это делать женщинам и подросткам, тягловые сбруи их лошадей.

— А живность обряжать, огород полоть, кто будет? — почувяв угрозу нашим свободам, попытался я, было, открутиться, не желая изображать пугало.

— Ты, батька, погоди смущать сына ролью пугала. Охранником делянки Володя, выручая сестру, побудет, — правильно поняв меня, вмешалась мама.

А что касается живности, то Коленька у нас уже взрослый, сумеет нарвать для нее молочая, дать курам пару горстей зерна и отнести теленку пойло, — хитро улыбаясь, сказала она, взъерошив чубчик надувшегося, не понял только, от гордости или от привычного нежелания делать что-либо, Кольки.

— А прополку придется отложить на пару-тройку дней, ничего с огородом за это время не станется, — заключила она.

* * *

Так я первый раз в этом году превратился в сторожа. Мне уже была почти ритуально знакома эта роль.

Сразу после войны, мы ходили в ночное, сторожа колхозных коней от появившихся, было, тогда конокрадов.

А потом много лет подряд мы с Володией Булаткиным неоднократно, соорудив шалаш, караулили в прежние осени их садовые урожаи слив и яблок, охраняя их, от набегов желавших пошарить в саду малолетних воришек, реже подростков.

На этот раз я, естественно, взял его в свою компанию сторожей. Уговорив для полноты ее присоединиться к нам резвую двоюродную сестру Райку Булаткину и потешную, зато громкоголосую, трехлетнюю Альбину.

Полтора дня мы сгоняли птичьи стаи с делянок, и основательно утомились. Альбины птицы совсем не боялись, а потому нахально усаживались на пашню с ее стороны, чтобы склевывать семена.

Да и она не хотела охранять в одиночестве четвертую сторону сортового поля. Так что круговую охрану его обеспечить не удавалось.

— Так дело не пойдет, — решительно сказал тезка, и мы вооружились рогатками. До этого момента нам было жалко убивать птиц, а тут мы быстренько уколошили из рогаток несколько галок и воробьев и развесили их на палках в разных концах сортовых посевов.

Как только птицы заметили трупки своих сородичей, поднялся их многоголосый грей. Как будто они ругмя ругали нас убийцами. С шумом и гамом покружившись над нами, их стаи убрались куда-то в стороны.

А через неделю-полторы бывшая целина зазеленела пышными всходами. Стало ясно, что нам удалось спасти сортовые посевы звена Клавы.

Кстати, расчеты Клавы, что домашняя живность, которая паслась здесь в прежние годы, богато удобрила глину природной целины, оправдались. Урожай семян звено получило осенью обильный, и главное высококачественный. . .

Так, в трудовом ритме, прошли для меня нынешние школьные каникулы*.

ДЕРЕВНЯ В ОЖИДАНИИ ТРИУМФА

С легкой руки моей первой учительницы Полины Степановны Пашутиной уже в третьем классе, когда меня принимали в пионеры, мне была дана общественная нагрузка информатора всего того интересного, что происходит в пионерской жизни нашего района, в области, и в стране в целом.

Чтобы знать это, я стал регулярно читать «Пионерскую правду». Её в единственном экземпляре на три наших деревни — Большой и Малый Ужин, а также Кукуевку — приносила почтальон Тамара Дубровнина в школу и отдавала непосредственно в руки Полине Степановне. А та после просмотра — мне. Советуя на что обратить внимание и что обдумать.

Когда я пошел в 5-й класс Борисовской семилетки, выяснилось, что такие информаторы были в старших классах всех начальных школ, чьи выпускники пришли в Борисово продолжать учебу.

И всех нас обязали поочередно в каждый понедельник вещать новости в своих пятых классах, которые в семилетке, заведенной на базе совокупности всех начальных школ окрестных деревень, стали старшими .

Их было в нашей школе четыре пятых класса — А,Б,В,Г. — и в каждом оказалось по два-три таких информатора с опытом начальных школ. Но теперь круг нашей информации нам расширили. Отныне мы должны были вещать не только о пионерской, а вообще, о всем интересном в общественной жизни детей и взрослых.

---

* Из личного архива: Сочинение на вольную тему. Подпись — В. Староверов, 6-й Б класс.

И называться мы стали не просто информаторами, а общественно-политическими информаторами.

В нашей семье газет не выписывали. Но «Старорусскую правду» получал возвратившийся домой из архангельского лагеря дядя Саша Булаткин, у которых я по-прежнему только что не ночевал.

А вообще-то, я забежал к Володе в каждую свободную минуту. Так что мы с ним, возвратившись с уроков из школы, даже домашние задания учителей делали вместе.

Урочные задания Володе даются почему-то туго, зато на выдумки игр он горазд. К тому же мы с ним учились играть на Павлухиной тальянке, а также постоянно что-нибудь мастерили: игрушки, вентери, силки на куропаток и перепелов, петли на зайцев, капканы на мышей, которые бегали в подполах и на чердаках наших изб. . .

А в Борисовской сельсоветской библиотеке, куда я забежал раза два-три в неделю, чтобы поменять прочитанные мной книги, я просматривал «Новгородскую правду», «Новгородского комсомольца», а также и те центральные газеты, которые отдавал в нее после своего ознакомления с ними председатель сельсовета Панкрашов.

Так, что я был по местным меркам довольно начитанным парнем. А поскольку натренировал свой язычок дорожными сказками и историями, которые рассказывал большеужинским ребятам по дороге длиной в час-полтора пути между школой и домом, то обязанность информатора постепенно в четырех пятых, а затем и в трех шестых классах к удовольствию большинства прочих говорунов закрепили за мной.

За исключением тех недель, когда я болел. Или в том случае, если пропускал занятия из-за пурги, мороза за 30 градусов, весеннего разлива рек.

Каждый понедельник я минут 10-15, а в случае важных событий и до получаса кратко рассказывал в зале всем пятиклассникам, а в следующем году и всем шестиклассникам о важнейших событиях в жизни страны.

Обычно кто-нибудь из поочередно присутствовавших на этих политинформациях учителей, чаще всего директриса нашей семилетки Софья Васильевна Афетова, эти мои рассказы также кратко резюмировали, а затем распускали слушателей на запланированные уроки.

* * *

Уже с ноября, делая обзорную информацию о праздновании страной очередной годовщины Октябрьской революции, я стал акцентировать внимание моих слушателей на отражении в опубликованных в газетах докладах и статьях сдвигов в жизни деревни. Особенно на успехах и прорехах в сельском хозяйстве.

Тогда меня заинтересовал опубликованный в «Правде» доклад Л.А.Берия на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1951 года и статья в «Новгородской правде».

Докладчик развернул сногшибательную картину успехов народного хозяйства.

В частности, он сообщил, что в текущем году, по сравнению с предыдущим, деревня даст стране больше мяса и мясных продуктов на 20%, рыбных продуктов — на 8%, масла растительного — на 35%, масла животного — на 8%, сахара — на 34%, чая — на 38 процентов. . .

Но и сама деревня получит из города 137 тысяч тракторов, 54 тысячи зерноуборочных, из них 29 тысяч самоходных, а также два миллиона других сельскохозяйственных машин и орудий.

Этот доклад и побудил меня тогда сделать запись о технопарке колхозной нивы и о том фуроре, который наделал в нашей деревне пригнанный Тоней самоходный комбайн.¹⁸

Зато автор статьи в «Новгородской правде» сетовал, что не во всех колхозах нашей области надлежащим образом заботятся о подготовке кадров механизаторов. Отчего нередко уже поступившая в районы техника, будучи не востребованной, застревает на пороге баз районных агротехснабов.

Да и попав на проселки к полям, она на них в некоторых хозяйствах подчас используется малопродуктивно.

Я использовал эту статью, чтобы обратить внимание одноклассников на то, что это обстоятельство относится и к нам, к нашей сегодняшней учебе. Чем прочнее будут наши школьные знания, тем лучше мы, окончив школу, сможем через несколько лет овладеть техникой. А иначе она и по нашей вине буксовать будет. . .

Присутствовавшая на моей информации Софья Васильевна Афетова похвалила меня за такую инициативу. Кстати, сама она, похоже, продолжила дело покойной Полины Степановны, взяв на себя миссию наставницы моей активности во внешкольных делах.

И одобрила этот мой информационный крен на рассказы о происходящем в деревне и в сельском хозяйстве, явно не случайно, а интересуясь каждым успехом в стране. Как с гордостью сказала однажды мне, она в начале двадцатых годов вместе с мужем строила первенец ГОЭРЛО Волховскую гидроэлектростанцию.

Еще более довольной стала Софья Васильевна, когда через год, точнее в начале октября 52-го год, я кратко пересказал своим слушателям большую статью Стелина и спор его с учеными экономистами.

Тогда я уговорил заведующую борисовской почты дать мне почитать два номера «Правды» до того, как их занычит уехавший куда-то Панкрашов. И, оставшись ночевать в Борисове у деда Федоса, заполночь зна-

¹⁸См. предыдущую дневниковую запись «Гостехнопарк для колхозной нивы».

комился со статьей И.В.Сталина об экономике в СССР и полемикой его с учеными политэкономистами Ноткиным, Ярошенко, Саниной и Венжером.

Они, как я понял, оспаривали ряд ее положений или излагали свое понимание некоторых явлений в послевоенной советской экономике, отличное от сталинского.¹⁹

* * *

Вообще-то Сталин в своей статье на нескольких газетных полосах о многом рассуждал, и не все в его рассуждениях, особенно теоретических было мне понятно.

Например, я так понял, что И.В. опровергает тезис Маркса, что бытие всегда определяет сознание. Или, что сама по себе общественная собственность на средства производства является достаточной скрепой окончательной победы социализма. Да и с диалектикой перехода от социализма к коммунизму не все мне стало ясно. Равно как и пониманием сущности коммунизма. Но это, видимо, от недостаточного понимания мною диалектической логики. Логика в школе мы будем еще учить и я даже заглянул, было, в её учебник. Но она мне показалась какой-то сухой, расплывчатой.

Однако, читая статью Сталина, в целом я инстинктивно почувствовал основательность ее положений и стремление автора доступно для понимания масс аргументировать ее наиболее значимые тезисы.

И конечно, особое мое внимание привлекли его рассуждения об *уничтожении противоположности между городом и деревней*, между физическим и умственным трудом, о ликвидации различий между ними.

То о чем говорили и зачавшие в эту осень в наши деревни лекторы из Старой Руссы, и о чем все чаще стали спорить между собой мужики.

Особенно большеужинские рыбаки, у которых каждый сбор на промысел сопровождался теперь, пока они выжидали удачный ветер, дискуссиями на завалинках в подворье крайней к кукуевскому прогону избе.

В споре Сталина с критиками положений его статьи я заинтересовался сталинским отношением к концепциям товарников и его предложением начать уже сейчас готовиться к внедрению в экономическую жизнь страны прямого распределения продукции.

И был обрадован, что позиции председателя нашего колхоза дяди Миши Лобачева и наших мужиков о постепенном отмирании при социализме значимости товарных механизмов, совпали, при всей лапидарности их рассуждений, как мне показалось, со сталинскими.

---

¹⁹Эта названная мной тогда статья И.В.Сталина и его полемика с политэкономистами стала известной впоследствии книгой «Экономические проблемы социализма в СССР», которую я по сию пору, с чистой совестью могу назвать последним после В.И.Ленина актом подлинно творческого развития марксистского учения как теоретического осмысления исторической динамики социальной реальности.

С теми, что нашли в споре на страницах «Правды» в сталинских аргументах убедительное теоретическое и политическое обоснование.

А из сталинских обоснований наиболее значимых условий подготовки в стране перехода к коммунизму, обеспечивающих в комплексе превращение труда в глазах советских людей из обузы в «первую жизненную необходимость» (Маркс), я почти полностью *переписал и попытался растолковать* нашим шестиклассникам третье, выделенное им, основание в виде такого условия.

А именно, — *значительного культурного роста советских людей*. Того самого, который обеспечил бы всем нам всестороннее развитие наших способностей.

И прежде всего, образование, достаточное для того, чтобы стать нам активными творцами, овладевшими нужными и желаемыми профессиями.

«Было бы неправильно думать, — писал Сталин, — что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно, прежде всего, сократить рабочий день, по крайней мере, до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения достаточного образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.» . . .

* * *

Надо ли говорить, что, когда мне неделю спустя, пришлось готовить политинформации по материалам проходившего в Москве с 5 по 14 октября 19-го съезда, начавшегося в виде высшего форума ВКП большевиков, закончившегося переименованием ее в КПСС, я снова стал искать в них, прежде всего то, что непосредственно относилось к жизни деревни.

Правда, в первой своей информации я сначала обратил внимание моих слушателей на акцентировавшийся в «Правде» представительный международный характер съезда.

Это свидетельствовало, что советские коммунисты стали передовым авангардом мирового коммунистического движения, а страна под их руководством — действительно превратилась в великую державу, лидера прогресса человечества.

А когда в следующей информации я стал рассказывать о содержании основных документов съезда, то почти игнорировал, как полагал, не интересные шестиклассникам зачитанные Г.М.Маленковым и П.Г.Маскатовым отчеты ЦК и Центральной Ревизионной комиссии, а также рассказ Н.С.Хрущева о изменениях в уставе партии. А говорил преимущественно об отражении проблем деревни в докладе председателя Госплана М.З.Сабурова.

В нем Максим Захарович Сабуров излагал проект директив съезда по пятому пятилетнему плану развития страны на 1951-1955 годы, утвержденный им 12 октября с небольшой корректировкой, обусловленной тем, что темпы его по сравнению с послевоенными восстановительными годами несколько снижались.

Тем не менее, они по валовой продукции должны были составить в текущей пятилетке примерно 12% среднегодового роста. И это все равно в 3-4 раза превосходили их в странах Западной Европы и в 1,5-1,7 раз американские темпы.

Промышленное производство намечалось увеличить по сравнению с 1950 годом на 70 процентов. Причем соотношение между тяжелым и легким секторами его, о значении которого в наше время не знает только ленивый, намечалось улучшить в пользу товаров народного спроса.

Что это значит, нам, когда редкий из нас не носит еще обноски, говорить не надо.

И, как я заметил, рубежи и темпы роста сельского хозяйства намечались под стать индустриальным. Сабуров сказал:

— Валовый урожай зерновых культур намечено увеличить за пятилетие на 40-50 процентов. . . Высокие темпы роста устанавливаются по животноводству. . .

Удой молока на одну корову в колхозах нечерноземной зоны предполагается довести до 1800-2000 килограммов, Центрально-Черноземных областей до 1700-2000 килограммов, в совхозах — до 3500-3900 килограммов. . .

Валовая продажа мяса и сала должна увеличиться примерно на 45-50 процентов, молодняка — на 45-50 процентов, шерсти — в 2-2,5 раза. . .

В 1955 году предполагается продать населению мясопродуктов — на 90%; рыбопродуктов — на 70%; масла животного — на 70%; сыра — в 2 раза и сахара в 3 раза больше, чем в 1950 году».

Предполагалось повысить урожайность зерновых культур с одного гектара. В районах Южной Украины и Северного Кавказа до 20-22 центнеров и на орошаемых землях до 30-34 центнеров; в районах Поволжья до 14-15 центнеров и на орошаемых землях до 25-28 центнеров; в Центрально-черноземных областях до 16-18 центнеров и на орошаемых землях до 30-34 центнеров; в нечерноземной полосе до 17-19 центнеров, в районах Урала, Сибири и Северо-Восточного Казахстана до 15-16 цент-

неров и на орошаемых землях до 24-26 центнеров; в районах Закавказья до 20-22 центнеров и на орошаемых землях до 30-34 центнеров. . .

И чувствовалось, что все эти наметки выражали не фантазии, а реальные возможности.

В наших местах лучшие полеводческие бригады и звенья, скажем звенья моей сестры Клавы и ее соперницы-подруги Вали Рендиной, уже несколько лет собирают урожаи намного более весомые, чем намеченные директивами для нечерноземной полосы. А тетка Матрена надаивает от каждой колхозной коровы столько же, сколько намечено в них для совхозов.

А что касается других районов, то в них планировались большие работы по улучшению агротехники и климатических условий.

В частности, намечается заложить не менее 2,5 млн. гектаров защитных лесных насаждений в колхозах и совхозах и около 2,5 млн. гектаров посевов и посадок государственных лесополос. В колхозах и совхозах планируется построить 35 тысяч прудов и водоемов. . .

И, наконец, совсем ошеломило меня предложение в директивах, *осуществить переход от 7-летнего к 10-летнему политехническому образованию с увеличением численности учащихся в 8-10-х классах в городских школах в 4 раза и в сельских — в 4,5 раза по сравнению с 1950 годом.*

— Так что ребята, готовьтесь, не успеем мы закончить недавно ставшую обязательной семилетку, а нас уже будет ожидать обязательная десятилетка, — с радостным смехом закончил я очередную информацию. . .

* * *

Надо сказать, что, судя по содержанию разных газет, с которыми я тогда стал знакомиться, съезд основательно взбаламутил жизненное течение в стране.

Это было заметно и в нашем районе. Даже когда съезд уже закончился, в селах, во всяком случае в наших, Борисовского сельсовета. мужики еще долго шумели по поводу его итогов. Спорили, сомневались, радовались.

Особенно радовало наших людей активное внимание выступавших на съезде делегатов к проблемам Нечерноземья.

Посетив в эти дни несколько раз редакцию «Старорусской правды» я убедился, что там разговоров о съезде было не меньше. Особенно активны в своих расспросах и спорах были навещавшие её рабкоры и селькоры. Александр Иванович, разоткровенничавшись, однажды проронил, что прорабатываются планы ускоренного развития Нечерноземья. Подобные тем, какие уже реализуются в Прибалтике.

В общем, повсеместно чувствовалось воодушевление, а те люди, которые особенно переживали за послевоенное запустение сельского Нечер-

ноземья, чувствовали себя, похоже, триумфаторами, что их желания стали, наконец, важнейшей частью планов развития советской страны*.

ЖИВЕМ ПО ПЛАНУ ГЕНЕРАЛИССИМУСА, А НЕ МАРШАЛЛА

Недавно моя одноклассница из деревни Заднее Поле, хорошистка-отличница, и, может быть потому хвастливая болтушка с самомнением от осознания своей особости, восторженно рассказывала, насколько культурно и состоятельно жили до войны и даже в войну прибалтийские хуторяне. К одним из них они всей семьей были некогда вывезены заднепольским комендантом-литовцем «на проживание» к его отцу.

Попросту говоря, батрачить.

При этом она добавила, что сегодня так же сытно и состоятельно, в отличие от нас, живут все западноевропейские крестьяне, которым помогает Америка по плану Маршалла.²⁰

В ответ на наше недоверчивое хмыканье она обидчиво сказала, что об этом они с соседками прочитали в листовке, которые нередко рассеивают по ночам засылаемые в нашу страну по ночам из-за границы воздушные шары.

Мы рассмеялись:

— Нашла кому верить, забугорным вралям!

Многие из нас тоже временами находят эти листовки в огородах и на дорогах. Похоже, поскольку в них восхваляются успехи западных единоличных фермеров, их специально разбрасывают только в сельской местности советских приграничных областей — Ленинградской, Псковской, Новгородской.

А точнее, над их колхозными и совхозными поселениями.²¹

Ну а что касается благоденствия обитателей прибалтийской хуторландии, то Юраха, мой двоюродный брат, чья семья была тоже вывезена в Прибалтику, а именно, в Латвию, до сих пор поминает их недобрыми словами. Вспоминая их батраческую эпопею сорок второго/ третьего года, он не может удержаться от матюков.

А как грабили прибалтийские гитлеровские прихлебатели — айзсарги и прочие жандармы — в войну добро наших колхозников, обозами отправляя награбленное родителям в Прибалтику, мы сами видели и хорошо помним.

---

* Ноябрьская, 1952 года запись в дневнике.

²⁰Маршалл Джорж (1880-1959) американский генерал, начальник Генштаба США в период 2-й мировой войны, госсекретарь США в 1947-1949 гг., затем мин. обороны, Стронник «холодной войны» и гонки вооружений, инициатор *плана Маршалла*, о котором подробнее скажем дальше.

²¹Видать у тех шаров фотоэлементы настроены на то, чтобы автоматически выбрасывать листовки именно над такими наиболее посещаемыми людьми сельскими объектами.

Возможно, отнятое у нас наше добришко и пополнило недостаток некоторых прибалтийских хуторян, на протяжении многих прошлых веков и в довоенные десятилетия текущего столетия мечтавших встать на одну ногу с немецкими земельными баронами или гроссбауэрами, бывшими для них эталонами зажиточного существования. Но мы-то помним и то, как сразу после войны, именно по новгородским и псковским разоренным деревням униженно шмыгали толпы нищих поляков. Тоже почти западных европейцев.

Были они такими оборванными и изможденными, что я испуганно прибежал к матери, встревоженно говоря:

— Мам, там полька (поляк) в ворота коридора стучится, хлебушка просит!..

Поляк там или кто иной нации нищий, если только не цыганка, — те были вороватые и наглые, — мы в середине 40-х годов всех побирушек «поляками» называли. К тому же и сами тогда лихо распевали популярную у нас частушку, что чихали мы-де на милицейские запреты наших рискованных прокуд с подобранным нами оружием, особенно с динамитом, которым подростки, да и некоторые парни глушили рыбу. Ибо, мол, «дальше Польши не угонят, Польша вся разбитая».

А где разбито, там и нищета.

Только была она у тех польских побирушек какая-то, паче самоуничужения, жалкая.

Мать, хотя с хлебом у нас самих все первые послевоенные годы была напряженка, выглядывала в окно и, мрачней от непрезентабельного вида «христорадничавшей» побирушки, отрезала от краюшки кусок и кратко наказывала: — «Отнеси».²²

Но к чему я все это рассказываю?.. Может на Западе, в том числе еще сохранившиеся единоличники-хуторяне в Прибалтике, кое-где и кое-кто продолжает пока благоденствовать за счет награбленных их пособничавшими гитлеровцам сынками в наших весях «трофеев», но это

---

²²По рассказам наших стариков, так было и до революции. Население разоряемой внутренними раздорами и внешней экспансией Речи Посполитой во время каждого такого разгрома массовыми потоками мигрировало не на Запад, особенно германский, который усердствовал в захватах ее земель, а в Россию. Правительство последней соучаствовало совместно с Австро-Венгрией и Германией в ее разделах, но народ участвовал в их затеях больше из долга подчинения дисциплине. Пересекая толпами российскую границу в поисках какой-либо работы или с целью побирушничества, поляки утешали друг друга словами: — «Русские сердобольные, к делу чужакам пристроиться не препятствуют, да и «христаряди» подадут щедро. А на Западе, мало того, что пришлым работу дают в последнюю очередь, так и на виселицу за нищенство можно загреметь».

Так что еще нашим предкам в детстве часто доводилось говорить: — «Мам, там поляк в ворота стучит, хлебушка просит!»

их благоденствие, несомненно, с каждым днем тает. У прибалтийских хуторян, полагаю, из-за их нежелания вступить в колхозы.

Тогда как мы на освобожденных от захватчиков советских территориях, наоборот, мало-помалу обретаем в последние годы заново былое довольство.

Выйдя из войны в состоянии крайней разрухи, не меньшей, чем в Польше, которую гитлеровцы берегли для себя, во всяком случае, Силезию и прочие западные края ее, и потому не так остервенело грабили, мы с каждым днем все заметнее приближаемся к рубежам нашего довоенного благоденствия.

В зажиточное бытие деревни западных стран вообще-то можно было бы поверить. Наши мужики, находя упомянутые листовки, забрасываемые темными ночами с забугорных шаров, прежде чем пустить их на закрутку махорочных сигарок, тоже из любопытства прочитывают их, а потом спорят друг с другом, что в них ложь, а что похоже на правду.

Те из них, кто в войну прошли освободительным походом Чехословакию, Венгрию, Югославию, Австрию подтверждают, что живут люди в тех деревнях не в пример нам благоустроеннее, зажиточнее. Домики в деревнях и хуторах в основном кирпично-каменные, сарайчики при них полны техники. Минимум разрушений, поскольку, как наши армии, так и фашисты, по возможности щадили сельскохозяйственные застройки.

Это только у нас гитлеровские вояки, следуя указаниям своих вожаков, стремились специально уничтожать все плоды труда наших предков. Затем, чтобы оставить после себя негодную для жизни пустыню. Наши солдаты ни деревень их, ни хуторов не жгли.

И тем более не засевали их поля минами, чтобы затруднить мирным хлеборобам возделывание пашни. Та на Западе даже в войну, если только на ней не случались прямые сражений, была возделана лучше нашей. Что и не мудрено, при лучшей-то сохранности у них тягла и обилии хлеборобского инвентаря и сельхозмашин.

Ну, а если им еще Америка, как пишут в тех листовках, в огромных количествах поставляет продовольствие, промтовары и бытовую технику, то, конечно, жить люди в западных странах, в том числе в деревнях, должны состоятельнее нас.

Только вот непонятно, почему у нас в Советском Союзе в городах и городских поселениях с талонами на продовольствие и ширпотреб распрощались уже в 1947 году, а англичане только в начале прошлого 1951 года. А кое-где и посейчас продолжается распределение благ первой необходимости по талонам. В чем дело?.

* * *

Больше всего споров у наших мужиков порождают диагнозы авторов листовок причин нынешних экономических трудностей СССР. Медлен-

ные темпы восстановления у нас жилья, дорог, транспорта, маленькие заработки и низкие пенсии, а в некоторых местах и вовсе их отсутствие, они объясняют тем, что Сталин и советское правительство отказались со-участвовать в реализации плана госсекретаря США генерала Маршалла. На американских условиях.

Более того, большевики создали-де «железный занавес», сделавший затруднительным бывшее, оправдавшееся в войну союзническое сотрудничество. Соответственно, противопоставив бывшему партнерству политику гонки вооружений.

— Так это же они сами по призыву Черчилля в сорок шестом году возвели между нами и ими «железный занавес»! — кипятился в этих спорах вспыльчивый Павлуха Булаткин, демобилизовавшийся в этом году из-за покалеченной руки из армии и еще помнивший уроки ротной школы политбойца.

— И вообще, чего они лезут к нам с поучениями, как надо-де жить? Живем мы согласно курсу нашего генералиссимуса, а не по плану американца Маршалла. . .

— Вот-вот! — ехидно улыбается, вроде бы поддерживая его, Володя Сорокин, а затем многозначительно уточняет: — Так они и не отрицают этого. Они просто видят в том причину нашей отсталости от Запада, что наш генералиссимус отказался от экономической помощи США. . .

— Да в чем они нас обогнали?! — взвизгивает негодованием Павлуха. — Они что, безработицу у себя ликвидировали, заводов больше нас строят или школ и больниц?.., преступность и нищету искоренили, всех бездомных жильем обеспечили?

То-то многие их люди в картонных лачугах, под мостами и в канализационных туннелях ютятся. . .

А может они негров и арабов перестали угнетать, а к тому же и Макарти²³ их перестал людей, которые борются за мир во всем мире, с работы выгонять и в тюрьмах гнобить?..

— Да вот пишут, что у них те, кто работают, зарабатывают больше, чем мы с вами, — подзуживает негодование Павла хитрован Сорокин. — Образование людей на Западе выше, чем у нас сиволапых. Дороги у них опять же лучше наших. И урожаи выше, чем в советских колхозах и совхозах. . .

— Положим, что все так, как пишут в листовках! — вступает в спор еще один записной спорщик Бандурин. — Только, где у них те заработки выше? В Англии, Франции, Голландии или в их колониях? И не за счет ли сверхэксплуатации этих колоний? Да к тому же, видел я, не было у них таких разрушений, как к нас на территории, равной всей Западной Европе.

---

²³Маккарти Джозеф Раймонд (1908-57) — председатель сенатской комиссии конгресса, организовал кампанию преследования прогрессивных деятелей и организаций, «отец» реакционной политики «маккартизма».

А на США вообще ни одной бомбы не упало. И ни одного вражеского солдата нога на его территорию два века не вступала. На войнах они только богатели. И пока мы все силы и средства расходовали на борьбу с разрухами, опередили нас в технологиях. Хотя бы в разработке той же атомной бомбы, которой они нам теперь все время грозят и на создание которой нам приходится после недавней разорительной войны, —сказывают по радио, — треть государственной казны расходовать. Из каких шишей тут зарплату поднимешь?

Образование людей у них выше? Положим.

Так ведь, когда США занялись просвещением людей, и когда занялась им царская Россия? Во сколько раз выше было на момент нашей революции образование западного населения, в сравнении с российским? Зато теперь у нас оно растёт более быстрыми темпами и лучшего качества, чем у них.

Не говоря уже о том, что у них многие люди отлучены от него, а у нас оно — всеобщая обязанность. Даже для чукчей, лопарей и других народов, не имевших в царское время своей письменности. . .

Дороги у них лучше, это верно. Так ведь несравнимы их и наши просторы, которые надо одорожить.

Пишут, что урожаи на полях их фермеров выше? Может быть и так. Но, опять же, разве можно сравнить их благодатный и наш северный климат. У нас на югах урожаи не меньшие, чем у них. . .

* * *

. . . В общем, послушав их споры, нетрудно сделать вывод что, как ни туго приходится сегодня нашим мужикам, а не прельщают их забугорные листовки. Здравым умом, жизненным опытом они выбирают нелегкий курс к зажиточной и справедливой жизни по планам Генералиссимуса Сталина, а не хитрожопого, как сказала бы первый послевоенный председатель нашей рыболовецко-земледельческой артели памятная своими ругательствами Хазиха, плана Маршалла.*

КЛЯТВА СТАЛИНСКИХ СОКОЛЯТ И СОПУТСТВОВАВШИЕ ЕЙ ИСТОРИИ

5 марта 1953 года перестало биться сердце гения человечества, строителя социалистической Страны Советов, генералиссимуса Победы **Иосифа Виссарионовича Сталина**. Советский народ, мировой пролетариат, все прогрессивные люди нашей планеты осиротели, потеряв правофлангового, всегда находившего верный курс на извилистых исторических тропах к социальному прогрессу, к мирной жизни, к счастью.

Скорбят не тысячи и даже не миллионы, а миллиарды простых людей Земли и, наоборот, злорадствуют сотни и тысячи, возможно даже миллионы тех врагов, которые боялись, что во всемирном походе за об-

---

* Из дневниковых записей лета 1952 года.

ретение свободы и счастья, вдохновляемых Сталиным трудящихся они будут неминуемо растоптаны и сметены в бездонные кюветы истории человечества.

Однако напрасно злорадствуют враги Сталина. Сталин оставил Стране Советов, мировому пролетариату, прогрессивному человечеству выпестованную им многомиллионную партию коммунистов, которая, объединяя в монолитный отряд воспитанных им соратников, со сталинской последовательностью и негибимой волей будет претворять в жизнь выработанные им планы и осуществлять связанные с именем Сталина их сокровенные надежды.

Мы советские пионеры — взрослеющий резерв сталинской партии коммунистов в меру своих сил поможем ей осуществить планы и замыслы нашего усопшего вождя.

В третьем классе мы учили наизусть стихотворение о двух соколах — Ленине и Сталине — и стаях их соколят, которые воодушевлены их думами и делами. Мы — сегодняшние внуки Ленина и воспитанные Сталиным дети, вступив в ряды пионеров, взяли на себя не только славное имя ленинско-сталинских соколят, но и груз дум и дел их и наших вождей.

В январе 1924 года, прощаясь со своим учителем и старшим другом Владимиром Ильичом Лениным, Сталин от себя лично и от имени партии большевиков дал клятву осуществить ленинские замыслы и планы.

Сегодня, в такой же скорбный день, мы даем такую же клятву ушедшему от нас в вечность истории Сталину:

— Клянемся Вам, Иосиф Виссарионович Сталин, что беззаветно будем верны учению Маркса, Энгельса, Ленина и Вашему, претворяя в жизнь указанные Вами пути к равенству и счастью трудящихся всего мира!

— Клянемся настойчиво учиться, овладевать профессией и работать, осуществляя начертанные Вами планы строительства коммунизма!

— Клянемся быть верными коммунистическим идеям и осеняющему их победоносному красному знамени пролетарской революции!

— Клянемся!!! *

* * *

Эта клятва была опубликована в мартовском номере стенгазеты «Борисовский школяр» задолго до того, как в школу явилась комиссия с разборкой нашего с Чадо письма Сталину.²⁴ Она выражала искреннее настроение ее автора. Ей предшествовало несколько происшествий, объясняющих как пафос клятвы, так и её содержание. . .

* Стенгазета «Борисовский школяр» №7, март 1953 года. — *Подпись*: Володя Старовров, редактор «Борисовского школяра» по поручению Совета Дружины пионеров школы.

²⁴См.: о письме в «Правде-5» в репортаже Галины Васиной, а также в последующем материале «За что мне выдали «волчий билет?»».

... Этот долговязый парень из Кукуевки, старший брат Охапова, обложившего некогда нас пионеров большеужинской начальной школы скабресными эпитетами, был из семьи бывших, по рассказам односельчан, подкулачников. Он учился у нас в седьмом классе.

Этот класс неожиданно образовали в Борисовской школе из тех местных подростков, которые ранее учились в Старой Руссе и Нагово. А я шестиклассник.

Он догнал меня по дороге в школу уже неподалеку от переправы по камням через реку Перехода, то есть, считай, на окраине Борисова. Шумно выдыхая, видимо чуть ли не задохнулся, догоняя меня, поскольку я был легок на ногу, ходил быстро, он злорадно и ликующе выпалил:

— Ну, слава богу, сдох!

— Кто? — спросил я, холодея от догадки. У нас в доме радио не было, но я знал, что последние дни оно было переполнено информацией о ходе болезни Иосифа Виссарионовича Сталина.

— Кто, кто?! — передразнивая меня, ответил парень, и продолжал агрессивно дразнить меня: — Царь российский, твоя икона Сталин. . .

— Врешь, он не царь, вождь народный. . .

— Вошь он, гнида народная! — хохотнул мой противник.

— Падла!!! — ни слова не говоря больше, я бросился на него в драку и, будучи слабее его, был, конечно, бит.

Но я дрался без правил, бодался, кусался, бил, не глядя куда, и расквасил ему нос ударом головы, с которой слетела ушанка. Что привело его в бешенство и стоило мне пары-тройки дополнительных синяков.

* * *

О пламенной сталинской клятве у гроба Ленина напомнила в тот же день в своем выпуске «Старорусская правда», которую я по пятницам пересказывал своему классу, будучи его политинформатором. Но я о ней знал и ранее из «Истории ВКПб» и многостраничной «Биографии» Сталина, томика в густо коричневом коленкоровом переплете.

Это были первые, кроме учебников, книги в моей личной библиотечке. Помимо этих двух шедевров политической и биографической публицистики, в ней имелись уже также однотомные, черного цвета, почти огоньковского формата, сочинения Мичурина, серо-зеленоватый двухтомник трудов Лысенко, а также коричневый том «Молодому автору», советы Маяковского «Как делать стихи», словарь идиом и «Справочник садоводу».

История появления у меня этих книг, кроме «Биографии» Сталина была полукриминальной.

Я не любил носить в Старую Руссу на продажу приносимую отцом с промысла пресловутую «варку». Поэтому мать соблазняла меня решением покупать на выручку за рыбу сверх десяти килограммов все, что меня интересует, при условии, что и обратно я должен был принести

восемь килограммовых буханок хлеба и пару-тройку батонов да десяток булочек.

Много этих «сверх» за два с половиной десятка километров я пронести был не в силах. Но все же килограмм-два «сверхнормативной» рыбы или книгу-другую, на которые я давно «облизывался», притащить мог.

Тем более, что последние тогда были весьма дешевые. Самый дорогостоящий толстый фолиант Мичурина страниц на шестьсот обошелся мне рубля в два. То есть в полкилограмма стоимости продаваемых мной подлещиков

Ходили мы в райцентр обычно с Настей, реже с Клавой. Тоня в этих торговых походах участия не принимала: она трактористка-комбайнер, затем учетчица у механизаторов, поэтому не могла себе позволить терять день на побочные дела.

Люся, помимо отсутствия у нее «торговой жилки» и слабого владения арифметическим счетом, тоже предпочитала другие занятия.

А я с математикой был на «ты», в уме совершал довольно сложные расчеты. Ну а Настя была девчонкой не только серьезной, но и бойкой, поэтому, в отличие от меня, ловко распродала наши поклажи.

Все мои книги из личной библиотеки были куплены именно таким полукриминальным путем. Кроме «Биографии» Сталина. Ее появление у меня было более причудливым. Можно сказать, что я ее выменял на фашистскую пушку.

* * *

Пушку я нашел осенью, будучи в пятом классе, в кустах на Каменном носу на самом краю кустарникового массива Кровайно, где мы в конце лета и ранней осенью собирали ежевику-куманику.

Раньше, собирая эти ягоды, я так далеко не уходил. А тут, оказавшись в Релке, наткнулся на нетронутые плантации и, ягода за ягодой, они увели меня за пределы этой части массива к названному Каменным носом, выбежавшему далеко в озеро мысу.

На противоположном берегу озера виднелось широкое устье главной нашей реки Ловать, а от него, на входе в Тулебельский залив, километрах в двух отчетливо просматривались сбежавшие к воде избы рыбацкого села Взвяд.

Пересекая мыс, я и наткнулся на пушку с разбитыми колесами и слегка покореженным стволом. А рядом, тоже под укрытием разросшего кустарника, штабель ящиков с выглядывавшими из них хищными носами снарядов.

С изощренной военными годами фантазией я представил себе два варианта разыгравшейся там во время войны драмы.

По первому варианту моей фантазии эта засадная пушка должна была расстреливать красноармейцев, неоднократно, как я знал из воспоминаний односельчан, пытавшихся по льду озера Ильмень атаковать

фашистские позиции в хорошо просматривавшихся с Каменного мыса селах Старый Ужин, Устрека и Коростынь.

В одной из таких попыток почти полностью погиб сводный усиленный, следовательно, почти в тысячу воинов, якутский, по месту формирования, батальон.

По другому варианту моей фантазии эта пушка обстреливала десанты, посылавшиеся Ловатью для усиления красноармейских тисков вокруг Рамушевского корридора между «Демянским котлом, в котором были заперты девять дивизий армии Буша и армией генерала Зейдлица, поддерживавшей через этот коридор заблокированных фашистских вояк.

А возможно она стреляла по красноармейцам, сжимавшим названными тисками фашистскую горловину у села Рамушева или в иных далеких пунктах.

В обеих вариантах моих фантазий пушка была повреждена либо вызванным красноармейцами бомбардировщиком, либо налетом артиллерии нашей армии Мерецкова со свободной стороны побережья озера Ильмень.

Я прикинул, что могу сделать со своей находкой.

Можно было попросить у бригадира полеводов Володи Сорокина лошадь, привезти пушку в деревню и сдать ее в сельпо. Такой металлом потянул бы на добрую десятку денежек, окажись пушка даже полностью стальной. Между тем у орудия, сдавалось мне, лафет был медный — а это верных двадцать пять рублей. Но что делать со снарядами?

Только о них сказать, спросят, а где пушка?..

На следующий день на большой перемене я сбегал в Кольчугино, — сельцо метрах в трехстах от нашей семилетки, где жил участковый Иван Александрович, — и рассказал ему о своей находке. Он тут же связался по рации с райвоенкоматом.

Там сказали, что немедленно высылают машину с сотрудником и попросили меня не уходить из школы, дожждаться и показать, где я нашел свой «клад».

Предвкушая перспективу прокатиться с ветерком на редкой у нас тогда автомашине, да возможно и до самого дома — не отправят же они меня из Кровайно верст за пяток пешком, — я с удовольствием согласился дожждаться. Тем более что уроки у меня еще не кончались.

Они прикатили раньше даже, чем кончился один урок: много ли надо на газике пробежать двадцать пять километров. С последнего урока меня по просьбе сержанта из райвоенкомата отпустили, и мы прокатили восемь верст до Большого Ужина и от него верст пять-шесть до Кривого носа.

Там сержант озабоченно посмотрел на найденный мной арсенал снарядов, почесал в затылке, сказал:

— Придется приехать еще раз с сапером, сегодня его не было на работе. Придется взрывать на месте. . .

— Эгэ, только пушечку-то не взрывайте, оставьте мне, — попросил я, поскольку с сержантом дорогой у нас установились дружелюбные отношения.

— Это еще зачем? — опешил сержант.

— У нее только колеса разбиты, а так она ничего. Ствол в нашей деревенской кузне выправить можно. Разыщу еще снаряды, буду по весне пушкой шугать браконьеров, которые острожат нерестовую рыбу, — лукаво пояснил я ошарашенному сержанту и добавил:

— А что? Нам в сорок четвертом году довелось из такого же почти орудия пулять, как это делается, я еще не забыл.

— А вдруг человека убьешь? Тебе сколько лет стукнуло? А то ведь нынче в тюрьму сажают с двенадцати лет, — всерьез или в шутку попробовал припугнуть встревоженный сержант.

— Да-а?!.. Двенадцать мне исполнится в феврале, к весне как раз в возраст уголовничка войду, — деланно вздохнул я. Потом, сбросив маску мнимого огорчения, пояснил:

— В сельпо, на металлом хочу пушечку-то загнать.

— Куда ты денешь такую уймаищу денег за нее? — подхватив мой шутливый тон, воскликнул сержант.

— «Биографию» Сталина хочу купить, — признался я. — Видел ее в Старой Руссе, да денег у меня не нашлось.

— И только-то? — с веселым изумлением присвистнул сержант. — Пришлем мы тебе «Биографию» вождя, как премию за твою находку, — пообещал он.

Свое обещание сержант сдержал, привез мне желанный коричневый томик сталинской биографии, когда приехал с сапером взрывать мой арсенал.

И покореженную пушку они, кстати, мне для сдачи на металлом оставили, даже доволокли ее на буксире к автомашине до магазина нашего сельпо.

* * *

Первоначально «Биография» Сталина меня разочаровала, слишком мало образных фактов из его жизни я в ней нашел.

А потом понял, вот же они факты, воплощенные в дела. За каждым таким делом можно увидеть воистину стального, негибкого и фанатично верившего в его правоту человека.

В моей голове сложился гигантского, с планету величиной, образ погруженного в работу человека, и этим человеком был Сталин.

Я весь вечер и всю ночь при «коптилке» читал темно-коричневый томик с биографией. В школу пошел, не приклонив голову к подушке, но странно — бодрый, точнее возбужденный.

По дороге вспоминал прочитанное, а подходя к школе, твердо решил: — «Буду во всех делах, сверяя свои действия сталинскими мерками, жить как жил бы на моем месте Сталин».

Последующие обстоятельства моей жизни не позволили мне сто-процентно следовать этому решению, но в целом я всегда стремился действовать в максимально приближенном к нему варианте.

Книга IV

**НАЧАЛО
ДЕСУБЪЕКТИВАЦИИ
ДЕРЕВНИ**

При всей сюжетно-содержательной контрастности последующих эссе и зарисовок различных сторон бытия Большого Ужина, их довольно определенно объединяет в единый цикл фиксация ими все более очевидной тенденции завершения в возрождающейся из военной разрухи деревне ее не только цивилизационной цивилизационной, как это было до того, но и социально-политической субъектности.

Именно в ней отражался начатый еще при жизни Сталина отход страны от прежнего алгоритма мобилизационного поведения советских людей.

И вместе с тем, именно в эти первые годы утверждавшегося во власти Хрущева, начали проявляться первые симптомы начала десубъективации деревни, особенно как социально-политического института.

Глава восьмая ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО 1953 ГОДА

Сколько бы вздору не городили либералы столыпинского посева по поводу негативной роли сельской общины в дореволюционной России, но именно она, осуществляя экономические, ментально-духовные, правотворческие и иные функции в стране. На протяжении многих веков, она поддерживала ростки не только цивилизационной, но и социально-политической субъектности российской деревни, как относительно самостоятельного социума со своими специфическими объективными интересами.

Аналогичное, можно сказать, о первых подкопах под колхозно-совхозный строй, вышедшей из социального анабиоза прослойки наследников троцкистско-бухаринской оппозиции сталинскому курсу 20-х, начала 30-х годов. Особенно потомков кулаков, убежавших в город и ставших, используя блага социалистической культурной политики, довольно значительной стратой гуманитарно-обществоведческой образованщины.

Они очень искусно начали использовать огрехи дуrolомного поведения хрущевского чиновничества, активно замещавшего вытесняемые новыми партийно-советскими правителями сталинские кадры.

Колхозно-совхозный строй, как многогранное явление прогрессивно-го развития деревни, синтезировал в себе экономическую, цивилизационную и духовную составные социалистического взросления деревни.

Вот их-то и начали разрыхлять осмелевшие в атмосфере начатой хрущами «борьбы с культом Сталина», все более смело диссидентствуя, унаследовавшие антисоветскую мелкобуржуазную духовность своих отцов, образованцы.

Одни, — обиженные арестами, подчас, надо признать, необоснованными, иницированными пробравшимися в органы госбезопасности и во власть врагами социализма, другие, — не желавшие признать эксплуататорский характер родительской зажиточности и с жабой в утробе переживавшие её утрату.

НЕИСПОЛЬЗУЕМЫЕ РЕСУРСЫ

Полагаю, следует сразу сказать, что, как и по всей оккупированной некогда в последней войне территории, оккупанты разрушительным катком прошли по новгородчине.

В том числе по нашей деревне Большой Ужин Старорусского района, которая стоит на южном берегу легендарного озера Ильмень. У нас более-менее уцелело всего пять домов из почти полусотни довоенных подворий. Прочие ворог разбомбил, взорвал или сжег дотла.

Предварительно фрицы выселили часть местных жителей, — среди них оказалась и наша многодетная семья — в Шимский концентрационный лагерь. Только потому, что заподозрили их в помощи партизанам и частям советских десантников, пытавшимся захлопнуть Рамушевский коридор, которым армия Зейдлица помогала из Старой Руссы фашистским войскам армии Буша, оказавшимся в «Демьянском котле».

Других односельчан угнали на работы в Прибалтику. Преимущественно в батраки к тамошним богатым хуторянам, чьи сыновья, по преимуществу в роли жандармов-руссофобов, бесчинствовали в наших местах.

А некоторых и в работники к гроссбуэрам, в Германию.

Возвратившись в конце сорок четвертого — в сорок пятом году домой, эти большеужинцы первые годы пробедствовали в землянках.

Потом они один за другим стали спешно отстраиваться. И сейчас в землянках проживают только две семьи вдов с малыми детьми. Да и те, с помощью односельчан ныне возводят избыные срубы. В чем матерям начали помогать старшие дети предвоенных лет рождения, которые стали уже входить в возраст отроков-юношей и невестящихся юниц.

* * *

Как же удалось моим односельчанам так быстро отстроиться, ведь государство могло помочь им в последний год военного периода и в первые послевоенные годы скорее символически, чем практически?

Все города Северо-Запада: Старая Русса, Новгород, Псков, Ленинград, да и не только они лежали в руинах. Основательно был разрушен материальный фундамент и сельской экономики — предприятия, колхозы и совхозы, — без подъема которого невозможно или весьма затруднительно было бы возрождение жилищ и бытовой сферы.

Наша обезмужиченная прямыми и косвенными военными демографическими потерями, прежде всего, утратами людских трудовых ресурсов старорусская смешанная рыболовецко-сельскохозяйственная артель «Имени 17 партсъезда» пребывала первую послевоенную пятилетку в худшем состоянии, чем она была в момент образования ее в начале 30-х годов.

Оккупанты и их прибалтийские прислужники до корня разграбили или разрушили её материальную, производственную и бытовую инфраструктуру. Так что она, как и государство, мало чем могла помочь большеужинским застройщикам.

Тем не менее, деревня — вот она. Воскресла, как сказочный Феникс. С виду и по удобствам проживания в ней она еще, может быть, не краше прежней. Так и говорят мужики, которые помнят бытие довоенного Большого Ужина. Но жить и в таком селении уже вполне удобно.

И мы обживаем его с удовольствием.

Как же случилось такое чудо, из каких оно выросло источников?

Недавно мы с нашим колхозным счетоводом Суриным, а по деревенской кличке – Чадо, подсчитали примерные семейные доходы и подворные расходы односельчан за последние три года. И сами изрядно удивились.

Расходы у тех, кто выбрался из землянок, построив пусть и не хоромы, однако сносную для сельского проживания традиционную избу, в 2-3 раза превосходили их официально подтверждаемые *доходы*.

И это притом, что никто из наших односельчан практически не имел видимых для окружающих левых доходов и побочных к занятию в сельхозартели заработков.

Надо добавить к тому же, что мы с Чадо по минимуму считали их траты на постоянные характером бытовые нужды и пропитание. Допуская, что провиант в относительном достатке дают им огород, подворная живность, а также артельный промысел рыбы в озере Ильмень.

* * *

Конечно же, в немалой степени сказались у застройщиков естественные преимущества нашего рыбацкого села, а именно, наличие у его населения лодок.

Известно, что в озеро Ильмень впадает около 300 рек и речушек, а по их берегу ныне повсеместно ведутся интенсивные лесоразработки.

Довоенные кадры профессиональных лесорубов во время войны большей частью погибли. Но, принимая во внимание жгучую нужду разрушенных хозяйств и лишенного крова населения в лесу, государство разрешило колхозам, совхозам и предприятиям освобожденных от немцев районов вести лесоразработки своими силами.

Неопытные в этом деле неопиты-лесозаготовители, в основном женщины, юные парни и девушки, не умеют толком добытый ими лес ни в штабеля уложить, ни в плоты увязать. Вешние воды сносят его россыпью в реки, а затем и в озеро. Много бревен разбрасывается по окрестным кустам и остается незаметным для инспекционных сборщиков.

Жители рыбацких поселений по берегу Ильменя разыскивают эти бревна, сплавляют к своим берегам и, уплатив инспекторам за них символические выкупы, используют для застройки своих изб и подворий.

Но главным источником застроечных и прочих бытовых подворных расходов, во всяком случае, у жителей рыбацких поселений Южного Приильменья, стала так называемая традиционная рыболовецкая «варка».

* * *

Узаконенное в уставах промысловых артелей в пору их создания право со-артельщиков использовать малую часть добычи для личных нужд, — ведь нелепо было бы, скажем, семье промыслового рыбака малого рыболовства не иметь возможности сварить домашнюю уху или

испечь рыбный пирог, — как правило, искажается ныне до степени расхищений общих артельных уловов.

Размеры «варки», особенно если лов удачен, далеко превышают потребительские нужды семьи и часть ее используется домочадцами рыбаков для продажи. Доходы от нее и позволяют удовлетворять не только бытовые нужды, но и отложить их про запас, сверх того.

Именно они-то и обеспечили «чудо» быстрого возрождения деревни Большой Ужин. И полагаем, не только ее.

Безусловно, в этом есть элементы массового мелкого или среднего хозяйственно-бытового хищения. И все у нас это сознают. Не случайно продают «варку» не сами рыбаки, а их домочадцы, притом тайком. Разнося ее по дворам пригородов Старой Руссы и иных поселений района.

Милиция задерживает таких несунув-коробейников и штрафует их. Руководители всех уровней разрабатывают и предают гласности запретные меры на продажу «варки».

Но действуют эти руководители, особенно рыболовецких артелей, как-то вяло, с оглядкой. И их можно понять.

Из наших с Суриным Чадо подсчетов посемейных доходов большеужинцев видно, — поступлений от работ в общественном хозяйстве даже у наиболее трудоспособных и дисциплинированных односельчан явно недостаточно для удовлетворения их самых скромных жизненных потребностей. Что же говорить о прочих односельчанах.

Выходит, их правонарушения в связи с излишествами «варки», можно признать, отчасти как социально вынужденные и потому оправданные?

Это так и далеко не совсем так.

* * *

Полагаем, что причиной создавшейся ситуации стала, прежде всего, организационно-хозяйственная слабость руководства. В данном случае, всей системой Северо-Западного малого рыболовства.

Причем сказываются в этом не столько социальные, сколько, притом больше, личностные факторы.

Руководители малого рыболовства плохо используют резервы и ресурсы повышения эффективности экономики подведомственных им промысловиков.

Перечислим навскидку очевидные из этих резервов, использование которых зависит в основном от организационных улучшений хозяйствования.

Во-первых, это обновление и совершенствование методов промысла рыбы в ареале малого рыболовства.

Сейчас он ведется теми же методами и теми же приемами, какие использовали еще мои дед и прадед в их древнюю давность. Упор

делается на методы экстенсивного промысла естественно воспроизводящегося в окрестных озерах и реках ресурса рыбы.

Между тем сегодня, в отличие от дедовых времен, эти ресурсы истощаются, а потому на вылов их устанавливаются квоты. И наши рыбаки все чаще сидят на берегу из-за запрета органов рыбоохраны промышленно ловить рыбу сверх квоты.

Запрет этот вынужденный, чтобы не усугублять истощение запасов пользующейся наибольшим спросом рыбы. А вот для ее расширенного воспроизводства у нас фактически мало что, мягко говоря, делается.

Сегодня на весь Северо-Запад имеется единственный рыбозаводный завод на Валдайском озере. Причем мальков этого завода хватает разве что для зарыбления ближайших к Валдаю водоемов, преимущественно прудов.

А ведь только в Новгородской области свыше полутысячи озер и озерков, и практически в каждом из них есть или можно оборудовать места, удобные для инкубации молодняка, который по достижении нужного размера можно выпускать не только в эти водоемы, но и в реки.

Например, в наших местах, то есть в Южном Приильменье, — это Тулебельский залив. Перегороди его толику частичковыми сетками, организуй и оборудуй питомник нереста судаков, лещей, линей и прочей белой рыбы, обеспечь подкормку мальков, да выпусти их в надлежащее время в богатые естественными кормами водоемы, и проблема истощения рыбных запасов в Ильмене исчезнет.

Рыбаки снова начнут интенсивный промысел. Что, безусловно, обеспечит им более весомые, чем сейчас, заработки.

Во-вторых, давно пора решить острую проблему продуктивного использования мелких, «заморных», водоемов, появившихся у нас в военные и послевоенные годы из-за того, что соединяющие их с более крупными озерами и реками протоки заросли и стали непроходимыми для рыбы.

В пору вешнего половодья они прогреваются под солнцем быстрее крупных водоемов, поэтому в них в первую очередь устремляется нерестовая рыба.

Когда же вода спадает, а ерики становятся непроходимыми для нее, она и молодь оказываются в западне.

Как правило, такие водоемы мелкие, окружены камышами и кустами. А потому воды их не волнуются ветрами и, следовательно, не обогащаются кислородом. Он уходит из их застойных вод, рыба без него начинает задыхаться. И, если нет освежающих их летних дождей, погибает.

Промысловая эксплуатация таких мелких водоемов сетями сейчас вообще невозможна, ибо за вышеназванные годы они заколодились корягами и прочим естественным мусором.

Поэтому очистка их от него, равно как и протоков, давно уже превратились в неизбежное условие и элемент культурной и прибыльной организации Северо-Западного малого рыболовства.

Но и этим его ленинградское, по месту его дислокации, руководство, чураясь, похоже, дополнительных хлопот, явно пренебрегает.

В-третьих, выросли, созрели и перезрели проблемы обновления и модернизации материально-технической базы хозяйств малого рыболовства.

В отечественном земледелии за последние два века перешли от сохи к его индустриальному ведению. А в малом рыболовстве со времен легендарного Садко все еще используются весельные челноки, парусные лодки, невода и плавные сети.

А где моторы, электрифицированные тралы, технологии управляемого выгула рыбы?

Безусловно, у нашей страны сегодня еще не хватает сил и материально-технических средств на строительство заводов по производству этого промыслового оборудования. Есть более насущные нужды.

Но вот освобождается в ходе модернизации армии масса устаревшей техники. Ее моторная часть способна еще к длительной работе и почему бы нашим инженерам не поискать технические приемы того, как использовать эту списываемую из арсенала армейского вооружения технику в мирном производстве?

В том числе в моторизации рыболовецкого промысла?

Необходимо целевое стимулирование рационализаторской смекалки и в связи с использованием других технических резервов малого рыболовства.

* * *

Наконец, хочу обратить внимание еще на один недоиспользуемый социальный ресурс. Он в организационной оптимизации, точнее, в повышении уровня коллективизации малого рыболовства.

Пока что оно отличается от морского не только местом промысла, но и по характеру. В отличие от государственно-системной организованности первого, оно остается мелкогрупповым или даже наполовину индивидуальным.

Северо-Западное малое рыболовство сегодня трудно даже назвать производственной или трудовой организацией. Пока это конгломерат независимых друг от друга, не имеющих выражающего их общий интерес хозяйственного центра координации рыболовецких артелей.

Заметьте, не колхозов, а артелей на базе населения одной деревни или даже части его. Аналоги организационных форм которых существовали и в до коллективизационные времена.

Сегодня такой низкий уровень кооперативной организации не только производства, но и промыслов становится анахронизмом.

Задачи перевода промысла в ареале малого рыболовства на уровень современного эффективного производства безотлагательно требуют укрупнения и организационного укрепления рыбацких артелей, усиления их внутритрооперативных связей до системности колхозных.

А в некоторых же случаях и совхозных.

А межхозяйственных — до степени союзных в масштабах этого ареала, с единым организационным центром выражения общих для артельных рыбаков Северо-Запада, коих сегодня за сотню тысяч, социально-экономических интересов.

Только в таком случае для рыбаков этого малого рыболовства станут посильными задачи, как модернизации материально-технической базы, так и обновления методов их промысла.

Что должно, в свою очередь, обеспечить рост их заработков и достатка до того уровня, когда у них пропадет их социальная необходимость в пресловутой «варке»¹.

ЗА ЧТО МНЕ ВЫДАЛИ «ВОЛЧИЙ БИЛЕТ»?

Эта, необычно зрелая для юного селькора, социально-экономическая статья, непосредственно связана с двумя по-своему поучительными историями, которым обязано само ее появление, да еще в центральной печати.

Они проясняют также то обстоятельство, почему между появлением в печати моей предыдущей и этой публикации прошел практически год.

* * *

Первая история связана с тем, что ее нынешней публикации, в рассчитанном на Северо-Запад пресс-бюллетене газеты «Правда», предшествовало годом раньше мое в соавторстве со счетоводом артели Суриным Чадо письмо Сталину.

Побудительным толчком его была, полагаю, та атмосфера всеобщего одобрения нашими односельчанами и окрестными земляками второй кампании сталинской борьбы с коррупцией, к которой, кстати, имела отношение и предыдущая статья.

Содержание нашего письма было почти аналогичным положениям упомянутой статьи, особенно ее первой половины. Только аргументировались они более подробно, чем в статье. В том числе, статистическими таблицами доходов и расходов каждого подворья наших односельчан.

Идея дать такие таблицы пришла нам в голову после того, как Чадо дал мне почитать ни весть каким чудом сохранившуюся у него книгу статистика, кажется Канина, о бюджетах всех крестьянских подворий

---

¹ *Пресс-бюллетень газеты «Правда», 1953 год, декабрь. *Подпись*: В. Староверов, член рыболовецко-сельскохозяйственной артели «Имени 17 партсъезда» Новгородской области. Текст данной перепубликации той статьи не совсем совпадает с правдинским, поскольку я восстановил в нем некоторые места, сокращенные по каким-то их соображениям моими правдинскими благожелателями.

небольшой новгородской деревеньки в 20-е годы. Меня поразило то, как малыми словами и небольшим количеством сгруппированной в таблицы цифири в книге была дана ясная картина мужицкого бытия.

А лейтмотив нашего письма был тот же, что и моей статьи: плохо, и потому, как говорится, во грехах мелкого воровства, живут рыбаки Северо-Западного малого рыболовства.

И одной из причин тому является некомпетентное руководство нижними и средними этажами его экономики.

Далее шли наши, на деле, конечно, подслушанные нами в спорах и разговорах рыбаков преимущественно их предложения возможных путей выхода из создавшегося у нас незавидного материального положения.

В общем, целую школьную тетрадь исписали. И отправили свое послание по популярному тогда адресу: *Москва, Кремль. Товарищу Сталину И.В. . .*

* * *

Вскоре, как известно, Сталин умер.² Тем не менее, где-то в начале мая в нашу деревню, а потом и в школу, где я учился, явилась комиссия из районного начальства и представителя Новгородского облисполкома.

О том, что и как она проверяла и изучала, я, возможно, расскажу, но в другой раз. Сейчас скажу только, что одним из результатов пребывания у нас этой комиссии было освобождение Чадо от должности счетовода, а также исключение меня, строптивного раба божия, из школы.

Правда, формально не за письмо, а за неподобающее советскому школяру поведение.

Вызванный в учительскую «на ковер», я был доведен, недовольным по тональности, а, в сущности, испуганно-сварливым и по тому голово-мочным характером расспросов комиссии, почти до слез.

А упреки педагогов, шокированных моими попытками не мемекать покаянно, с показным осознанием вины, а огрызаться на эти расспросы допросного характера, то есть, моим строптивным несогласием с тем, что от меня ожидали слышать, меня просто взбесили.

Подражая рыбакам, которые нередко отсылали матерком разных начальничков туда, куда Макар телят не гонял, послал и я моих мучителей на распространенном мужицком сленге по этому, популярному у них адресу.

Обычно я не сквернословлю, но, как и любой подросток нашей деревни, владею этим сленгом до мысленного автоматизма. И, стыдясь из-за оскорбительно-допросного тона разговора со мной навертывавшихся на глаза слез, не сдержался.

Послал, и убежал из учительской.

---

²Признаться, я разделяю мнение тех историков, которые доказывают, что Сталин не умер естественной смертью, а был убит.

А они, комиссия, директрисса, завуч и классный руководитель, — возмущенные моим «хулиганством» тут же от имени педсовета школы исключили меня из неё без права поступления в какое-либо иное общеобразовательное учебное заведение. Тогда это называлось, исключили с «волчьим билетом».

Для Чадо эта история обошлась меньшими потерями. Поскольку других людей с навыками бухгалтерии в нашей земледельческо-рыболовецкой артели не было, то после отъезда комиссии на должность артельного счетовода ее правление назначило его неграмотную жену.

И Чадо по-прежнему продолжал свою счетную работу.

А мне всю минувшую зиму и весну пришлось долго обивать пороги районного отдела образования. В конце концов, районный отдел народного образования, после публикации моей статьи в северо-западном варианте «Правды», восстановил меня в школе.

Однако и после восстановления мне пришлось немало потрудиться. Мне необходимо было сдать пропущенные в конце мая экзамены, поскольку сдавали мы их, начиная с четвертого класса, каждый год. Да к тому же пришлось нагонять своих сверстников, ибо быть второгодником я не захотел. А они опередили меня в учебе более чем на полгода.

* * *

Но, в общем-то, я не на это хотел обратить внимание, а на сам факт прибытия комиссии для «проверки» обоснованности нашего критического сигнала.

Ее появление у нас в деревне отражало, кажется, на глазах превращающуюся в привычку бюрократическую реакцию властей на все критические послания с мест.

В 30-40-е годы партийно-советские органы проявляли приоритетное внимание развитию критики со стороны масс и самокритики руководителей. А также подлинной, а не бумажно-бюрократической действительности этой критики и самокритики.

Для проявления критики и самокритики существовали различные формы и средства, от собраний, митингов и сходов местных жителей до прессы. Для контроля над их действительностью имелись органы народного, а потом — общего партийно-советского контроля.

Насколько я знаю, в «Старорусской правде», «Новгородской правде» и даже в «Новгородском комсомольце» есть сотрудники, которые не только регистрируют поступающую в них корреспонденцию селькоров или рабкоров, а также письма простых граждан с мест, но и контролируют своевременность и действительность реакции субъектов, подвергнутых критике, -или ответственных за вызвавшую ее ситуацию, — на содержащиеся в этой корреспонденции критические замечания и предложения.

Все затронутые критикой субъекты должны были до недавних пор не позднее, чем в течение месяца с момента доведения ее до них сообщить о сущности принятых мер по устранению замечаний.

Замалчивание критики было чревато для коммунистов партийными, для беспартийных должностными взысканиями. Вплоть до исключения из партийных рядов и освобождения от должности.

Интересно, не начинается ли сегодня отход наших верхов от этой практики?³

* * *

Другая поучительная история касается обстоятельств появления опубликованного выше материала в пресс-бюллетене центральной партийной газеты.⁴ Вообще-то, они, случайные.

Появлением этой моей первой серьезной публикации я обязан популярному некогда у советских читателей иностранному корреспонденту «Правды» в США Борису Стрельникову.

Он прилетел в творческий отпуск и для пополнения впечатлений о отечественных реалиях, заглянул в Новгород Великий, затем соблазнился поездкой в Старую Руссу, а оттуда к нам в Устреку, и далее в Большой Ужин, где пожелал выйти с рыбаками на промысел.

Было начало лета, сезон плавных сетей еще не начался, и его пригласили сходить в озеро с коллективом бывшего председателя правления артели, ныне ватагана промысловой бригады Михаила Ивановича Лобачева, успешно промышлявшей большим неводом.

Я после исключения меня из школы сразу же был зачислен, по просьбе отца, в эту бригаду подручным, а на деле — «мальчиком на побегушках».

---

³Кстати сказать, в последние три десятилетия, ознаменованные реставрацией капитализма в нашей стране, я разослал, и частично даже опубликовал в газетах и журналах, много критических писем и научных аналитик. А также подписал уйму коллективных обращений к правящим господам не перегибать палку грубости в проводимых ими в России трансформационных переделах.

Несмотря на наши почетные звания, научные степени и титулы, а порою даже на солидные посты некоторых моих со-подписантов под этими обращениями, никто из власть имущих ни разу не проявил интереса к нашей критике. И на мои аналитики тоже не было никаких ответов в сколько-нибудь определенной форме. Ни положительных, ни отрицательных.

Да что говорить о нас, общественниках-пенсионерах! В последние годы пресса развернула невиданную ранее активность в выявлении и высвечивании недостатков и пороков сегодняшнего бытия, однако отношение властей к этому вызывающе пофигистское. Поэтому результаты критики нулевые.

Ярким примером их преступного равнодушия на сегодня являются подвергнутые массовому осуждению распилены десятков миллиардов, выделявшихся на приоритетные национальные проекты, мошенничество с бюджетом Олимпиады в Сочи, строительства космодрома «Восточный», сердюковщина, захаркинщина и гайзеровщина, . . . А это означает, что правящим нами буржуазным кругам плевать на общественное мнение.

⁴О ней кратко рассказала лет двадцать назад корреспондент «Правды-5» Надежда Васина: См.: Правда-5, // 1996, №18(47), с.13.

Тогда к моему приходу домой из школы отец уже знал о моем исключении из нее. Однако, увидев мою не столько повинную, сколько рассерженно-обиженную физиономию, только хмыкнул неопределенно и, сплюнув на землю прилипший к уголку губы окурок неизменной для него самодельной сигарки, сказал:

— Не журишь, Вовка, в нашем роду ученых искони никогда не было, знать не судьба. Пойдешь в нашу двойку зуйком⁵, а пока договорюсь с Михой Лобаком, что ты в неводе поможешь им в разных мелочах.

Двойка — это две спаренные для лова плавными сетями двухмачтовые парусные соймы, водоизмещением в 20-25 тонн каждая. В каждой сойме по два человека — кормщик и швартовщик парусов.

Кроме них большинство плавных двоек имели, как и неводные ватаги, подручного — зуйка из подростков или молодых парней без промыслового опыта. Вот такую карьеру и нарисовал мне отец.

* * *

В тот раз, когда Стрельников вышел с нами в озеро, первый замет невода был не то что совсем неудачный для нас, но мало впечатляющий для стороннего человека — взяли лишь несколько ящичков мелочевки — окуней, плотвы, подлещиков.

Решили перебазироваться километров за пять в сторону, к Чертицкому краю, где Лобачев надеялся взять судака.

Моторка приняла наши полусоймы на буксир, и мы цугом побежали Тулебельским заливом. Был ранний вечер, но луна уже серебрила оком. Ни ветерка, только лодки рождали легкие, разбегавшиеся в стороны волны.

В нашей головной полусойме горел костерок, варилась уха для гостя. Поддерживать огонек было моей обязанностью.

Мы вчетвером: Стрельников, расспрашивавший Лобачева, мой двоюродный брат Павел Комиссаров, который собственно и ладил уху, и я сидели у костерка.

Отрок я был еще мелкий, на темпах моего роста сказывались приобретенные в Шимском концлагере болезни. И, закончив беседу с Михой, в какой-то момент Стрельников поинтересовался, почему я не в школе, ведь учебный год еще не кончился. Пока я, смущенно подыскивал объяснение, Павел буркнул:

— Так его же выгнали из школы!..

Я в деревне слыл разумником, Павел даже гордился мною, особенно моими заметками в газете, говоря обо мне «Не голова, а дом Советов!» И потому, в отличие от моего отца, как-то обиженно даже осуждал меня за то, что я вылетел из школы, да еще так позорно.

---

⁵Зуек — мелкая морская птица семейства ржанковых. В поморских селениях — подросток в рыбацком карбасе на подхвате в работах звена или артели взрослых рыбаков.

Видя вопросительное выражение лица Стрельникова, я рассказал о проверявшей наше письмо Сталину начальственной комиссии, в результате стычки с которой я был отчислен педсоветом из школы. Из моего рассказа его заинтересовали детали нашего письма Сталину.

Начальство в лице ватагана к этому времени ушло на корму и переговаривалось с рыбаками соседней полусоймы. Павел подключился к моему рассказу, поведав в его развитие кое о чем из рыбацких проблем.

Стрельников о чем-то задумался, а услышав от Павла, что я публикуюсь в районной газете, неожиданно для меня предложил мне:

— Напиши к нам в «Правду» о том, о чем писали Сталину. . .

— Ну, вы и сказали! Да разве я смогу в «Правду»?!..

— Вот как сейчас рассказывал, так и напиши, а редакция посмотрит, как использовать. . .

Вторая тоня была более удачной, взяли немного судаков и даже сигов. Да и уха Павлу удалась, гость остался довольным увиденным. А утром он уехал.

Я несколько дней думал над его предложением. Рассказал о нем Чадо, но тот, удрученный результатом нашего предыдущего письма в Москву, отказался снова дерзать в этом направлении. А я, поколебавшись, все же решился откликнуться на предложение правдиста.

Еще неделю терзал бумагу, а потом переписал свой опус и отослал в газету, вложив в конверт записку Стрельникову с напоминанием о том, кто я, и с извинением за докучливость.

Не знаю, кто поработал над моим материалом, но, в конце концов, вышло то, что было опубликовано в том варианте пресс-бюллетеня «Правды», который предназначался для Северо-Запада, а может для европейской части РСФСР.

* * *

Под конец коснусь того, почему я подписался под статьей званием члена артели «Имени 17 партсъезда».

Потому что я и взаправду, причем давно уже, был им. Как и другие тогдашние сельские подростки, с того малого возраста, когда смог удержаться на лошади, взять в руки грабли или вилы, я действительно в меру своих силенок трудился на легких артельных работах. Трудодни за них записывались в трудовую книжку матери. А с 12 лет мы все получили полноценные «Трудовые книжки» колхозника.

А уж после исключения-то из школы, я вообще стал полноправным артельщиком. Правда, без включения в постоянный состав какой-либо бригады, рыболовецкой или полеводческой, а в резерве на все случаи подсобных работ.

Дневниковая запись.

ВИХРИ ШЕЛОННИКА РЕЮТ НАД НАМИ

Из дневников автора за 1953 год.

Май 1953 года. Сегодня из любопытства подсчитал и выяснил, что за два года я опубликовал в «Старорусской правде» помимо информашек десяток зарисовок, заметок и виршей. Из них пять о жизни нашей деревни. Если считать публикацию в пресс-бюллетене «Правды», то шесть. Явно недостаточно для выработки литературного языка и стиля, если я всерьез хочу стать писателем.

Другие формы саморазвития в этом направлении мне недоступны. Значит надо, наверное, как и советовал Горький своим подопечным из деревенских выходцев, больше внимания уделять ведению дневника.

Тем более что событий для образной фиксации их день ото дня становится все больше.

За два месяца после смерти Сталина в стране произошло уже столько, сказавшихся и на жизни в нашей деревне, перемен, что не все их успеваешь зафиксировать и осмыслить.

Ну вот, к примеру, свежая новость, из тюрьмы пришел наш родственник Васюк Огапов. Говорят, под амнистию в связи со смертью вождя попал.

Когорта амнистированных по этому случаю, судя по сообщениям в прессе и тревожным обменам наших мужиков новостями, с каждым днем растет. Кому в несчастье, кому в радость, а кому, как дяде Саше Булаткину, кажется, в немалую досаду.

Дядя Саша тоже, причем по вине Огапова, уже до войны, к счастью недолгое время, испытал свою долю тюремных тягот. Сидел в ней за то, что пятнадцатилетним подростком, забоявшись угроз старшего годами родича Васюка, оказался его невольным пособником в сокрытии убийства тем своего брата. Это, когда перед коллективизацией родные братцы Огаповы поссорились из-за наследства.

А после войны пришлось дяди Саши, — на этот раз уже больший срок, — принудительно поработать на архангельских лесоразработках. За то, что снова смалодушничал и не избежал службы полицейского при местной немецкой управе.

Что, кстати, не избавило его от немилости оккупантов, которым он чем-то не потрафил.

Или, наоборот, привлек своим трудолюбием и аккуратностью внимание кого-то, и тот кто-то захотел иметь его покорным слугой. Его семью вместе с частью односельчан комендант борисовско-бурегской управы отправил в Шимский концлагерь, а его этапировал в батраки к своему дядюшке, баварскому гроссбауэру.

В свою очередь и советский суд не помиловал дядю Сашу за полицейскую службу немцам.

Показав, ценой утраты своего здоровья, дисциплинированность и трудовое усердие на лесоразработках, — за что, впрочем, и гроссбауэр

его оценил, — он был досрочно освобожден. Да только возвратился-то назад домой хроническим больным.

Выпущенный немцами из тюрьмы Васюк Огапов тоже был одним из трех полицейских в Большом Ужине. Поэтому, прогнав его хозяев, советская власть по совокупности довоенного срока заключения и наказания за службу оккупантам изолировала его на 25 лет.

По слухам, он и в тюрьме, особенно в местной, Старорусской, всячески, временами вызываяще, отлынивал от работ. Да и срок заключения отбыл далеко не весь.

Однако тоже досрочно вернулся домой, причем, в отличие от дяди Саши, — здоровеньким. Последнее, господь с ним, но почему досрочно? Мужики недоумевают. . .

* * *

. . . На днях зашел к Булаткиным, а у них за столом в прихожей в горницу, куда только свои домочадцы вхожи, мужик лет пятидесяти сидит. Жилистый. И, по всему видно, жёлчный. На столе поллитровка — значит гость.

Дядя Саша, молчаливый и, не то, что обескураженный, но сумрачный, ничего не говорит, только слушает. А гость отрывисто бросает со скрежетом и с нарочитой грозно-надрывной тональностью укуреного горла матерщину. В которую изредка вплетаются нормальные слова.

И не потому, что сердится и подлинно угрожает кому-то, а потому, что это его, привычный, похоже, для него стиль беседы. Приблатненный тюремной зоной. То есть, нарочитый.

На меня он зыркнул, однако, не полюбопытствовал, какое отношение к дому Булаткиных я имею. И дядя Саша, в свою очередь, не сделал даже попытки или намека на желание познакомить нас.

Я сам догадался, что за столом Васюк Огапов — наш родственничек, бог знает какой степени родства. И, конечно, тоже не показал своего любопытства, а нырнул под занавес входа в кухню, где у печки хлопотала леля Наташа.

Заметно было, что хлопочет она как-то механически, беспокойно прислушиваясь к голосам в прихожей. В основном к монологу Васюка.

Не стал даже спрашивать у нее подтверждения, что верно догадался о том, кто пожаловал к ним в гости. А тоже, как и леля Наташа, преисполнился неясной мне тревогой. Потому что вспомнил, когда и в связи с чем, видел матерящегося и модулирующего скрежет, чувствовалось, наигранной злости гостя дяди Саши.

* * *

Это было в первое лето после нашего возвращения домой из Шимского концлагеря. Как-то ночью я проснулся от шума и требовательных мужских голосов, которые не слышались в нашей избе несколько меся-

цев после того, как отец снова ушел воевать. Показалось, что это чем-то встревоженные мама и сестры оправдывались перед теми грубоватыми и требовательными голосами.

Выйдя из закутка, где я спал, увидел, что в освещенной горнице два милиционера властно выясняют у них что-то, о чем они, похоже, не хотят говорить. Увидя меня, помаргивающего от света и еще не отошедшего от сна, один из них в погонах капитана, участковый из сельсоветского центра Борисово, как я узнал позже, торопливо спросил:

— А ты, парень, видел у вас сегодня ночью или вечером мужчину лет сорока пяти? Дядей Васей зовется. . .

— Я знаю одного только дядю Васю, счетовода Сытина в середине деревни. В нашем конце деревни живет только дядя Илья Блинов, а в тот конец я не хожу.

И никого я, кроме ребят, девчонок, товарок Клавы да соседних тетушек сегодня не видел, — буркнул я, не совсем поняв, зачем меня спрашивают про какого-то дядю.

В избу вошли еще два вооруженных милиционера. Один из них доложил капитану:

— На чердаке, сеновале и в подвале никаких следов!

Милиционеры ушли, наказав маме и сестрам:

— Если увидите его, сразу в Борисово участковому или в сельсовет сообщите. Иначе, по закону ответите. . .

Судя по их затихавшим голосам, ушли милиционеры куда-то дальше, в сторону Булаткиных. Мама, заперев на засов двери в сени, приказала нам ложиться спать и погасила лампу. Мы послушно возвратились на свои спальные места.

Но, возбужденный непонятным мне нашествием в нашу избу милиционеров, я никак не мог снова заснуть. Мама, чуялось мне, тоже не спала. Только рядом сонно причмокивал братишка Коля, да у спавших в чулане сестер после недолгого их перешептывания установилась тишина.

Прошло, наверное, с полчаса и я услышал слабый скрип двери в сени. Понял, что в них вышла мама.

Мне захотелось в уборную, и я через пару минут проскользнул из избы следом за ней. Из уборной увидел, как из закутка под застрехой сеновала осторожно вылезла тень человека. Постояла, видимо, прислушиваясь, затем нырнула в ведущий на улицу лаз, через который мама выбрасывает из хлева наружу навоз.

. . . Утром Володя Булаткин и колькин приятель сосед Саша Кузихин сказали, что ночью в деревне был милицейский обыск, искали беглого Васюка Огапова.

Из позднейших перешептываний мамы с лелей Наташей я понял, что он-то и был замеченной мною тенью.

Оказывается, Васюк Огапов не убежал с отступившими немцами, у которых был полицаем. Однако и в тюрьму, отбывать оставшийся и неизбежный дополнительный срок за службу оккупантам, возвращаться не хотел.

Потому, как говорилось в деревне, «находился в бегах», прячась в шалахах, построенных им в укромных зарослях Кровайно или Засечки. Или у многочисленной родни в окрестных деревнях. И милиция почти полгода не могла его поймать.

Потом милиция все-таки поймала, а судьи снова осудили его. И почти восемь лет я только одно знал от его сына Бориса, моего ровесника по кличке Бронька, что его отец сидит в Старорусской тюрьме, о которой наши доморощенные ухаи пели, перебрав в праздники браги;

*Старорусская тюрьма, с наворотами труба,
Скоро-скоро нас товарищ захайдакают туда.*

* * *

Таковы были мои прежние сведения, которые я припомнил, правда, несколько позднее, ночью перед сном. А вчера, дегустируя и вяло запивая молоком, врученные мне лелей Наташей свежеиспеченные ею, как всегда аппетитные у нее оладьи.

— «Попробуй, — традиционно предложила она. — Удались ли?» — И я ел их, не ощущая вкуса, ибо настороженно слушал монолог Васюка.

... Говорил Васюк приклатненно, но, к счастью, чтобы было понятно дяде Саше, не на загадочной фене, а матерными словами, которых полно и в повседневном общении наших мужиков. И потому сказанное им, за редким исключением, было мне понятно.

Запишу то, что меня больше всего поразило в «переводе» его бреда с матерно-приклатненного языка на нормальный, человеческий:

— ... Когда я выходил на свободу, слышал от корешей, что сведующие люди говорили, будто скоро, после смерти Сталина, мы снова по-старому заживем. Колхозы распустят, похозяйствуем на своей земле, появится свободная торговля, возродится вольная жизнь. . .

А если и по найму, то трудись, где хочешь, сколько хочешь и за сколько договоришься, а не по бригадирским нормам и не за трудодни неведомой тебе весомости. Заранее будет ясно, как труд твой оценят, и стоит ли на него соглашаться.

Так что ты, Саха, не кручинься, еще поживем по своему, а не председателевскому хотению. . .

Мне не было видно выражение лица дяди Саши, с каким он слушал этот бред ностальгирующего по прошлому Васюка, но в его ответной реплике отчетливо слышались досада и раздражение:

— Ты, кум, осторожней с такими разговорами. В случае чего, с нас с тобой строже, чем с других, спросят. А как наша жизнь впредь сложится, загадывать пока не будем. Это еще поглядеть надо. . .

* * *

Пришел Павел, к которому у меня были дела. Чтобы обсудить их, мы ушли с ним в огород. Однако то, что я успел услышать перед этим, меня не то, чтобы встревожило, а умножило мои недоумения последних недель.

Они были порождены усилением некоторой шумливости наших односельчан, в частности, учащением вздорных споров в недавно еще размеренных беседах наших природно степенных мужиков. А тут еще непонятки в газетах.

К примеру, наемни в «Известиях» ни с того ни с сего появилась критика главы внешней политики нашей страны в последние годы Вышинского⁶ за его давний, — когда он был прокурором СССР, — тезис, что признание подследственного является-де основой доказательства в суде. Так сказать «царицей доказательств».

Не знаю, насколько справедлив данный его тезис, это специалисты знают. Однако публично критиковать государственного и общественного деятеля такого масштаба не в специальном издании, а в газете с многомиллионным тиражом, — в этом, по-моему, есть что-то подозрительное.

Ведь Вышинский в стране Советов, да и в международном ранге — не хвост собачий. В компании с Руденко⁷ они стали, можно сказать, признанными мировой общественностью юридическими гарантами весомости позиции СССР на Нюрнбергском процессе.⁸

А его публиковавшиеся все последние годы речи в ООН?

Разве не свидетельствуют они о ведущем вкладе нашей страны в создании основ послевоенной системы международных отношений?

Или его центральная роль в формировании системы советской дипломатии в условиях наступившего после речи Черчилля в Фултоне⁹ противостояния двух мировых общественных систем.

Во всех этих делах Вышинский был, по-моему, доверенным лицом Сталина в его внешней политике.

После кончины вождя его статус беспричинно кардинально понижился. И не свидетельствует ли публичный критический залп по нему в массовой газете началом каких-то тревожных событий, предвестие

---

⁶ *Вышинский Андрей Януарьевич* (1883-1954) — советский юрист, дипломат, академик. В 1933-39 зам. ген. прокурора, генеральный прокурор СССР, далее по 1953 зам. главы, глава НКВД-МИД СССР, теоретик советской юриспруденции — теории косвенных доказательств, социалистического государства, права и международной политики.

⁷ *Руденко Роман Андреевич* — главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе.

⁸ Нюрнбергский процесс — международный суд над главными нацистскими военными преступниками в г. Нюрнберг в 1945-46 году.

⁹ Выступая в Фултоне (США), Уинстон Черчилль объявил СССР «холодную войну» и обосновал концепцию «железного занавеса» в международных отношениях.

которых в искаженном виде уже нашло отражение в услышанном мною бреде Васюка Огапова, и в заметном нарастающем беспокойстве наших мужиков?

Июнь-июль 1953. Вчера наш большеужинский почтальон Тамара Дубровнина, клавиша подружка, принесла мне с борисовской почты долгожданную посылку из Урени¹⁰ Горьковской области с чубуками лимонов. Проговорилась, что посылка пришла в Борисово еще третьего дня.

Я возмутился, было, почему она не принесла мне посылку сразу. Ведь знает, как я ее жду.

Сейчас не зима: чубуки лимона и тогда не спят, а в мае-июне они, как никогда, на стреме пробуждения, и потому без воздуха и воды легко теряют жизненную силу.

Клава, пытаясь подавить мое возмущение нерасторопностью подружки, сердито шикнула на меня. А Тамара не обиделась, только повинным тоном попросила:

— Не сердись, Володенька! С весны почта каждый день прибавляется и прибавляется. По два раза хожу в Борисово и считай, до ночи разношу письма, а сейчас все больше газеты. Зимой многих хозяев и на одну газету подписаться было не уговорить, а к лету в большинство дворов по несколько разных ношу. Так что до посылок, особенно объемных, порою руки не сразу доходят.

Прошу Сороку выделить лошадь или дать команду тем, кто в Буреги в ночь на завод молоко возит, чтобы кто-нибудь из них задержался на обратном пути в Борисове и дождался почты из Руссы, ведь все равно утром возвращаются. А он, будто и не слышит. . .

Представил то, о чем говорила Тамара, и мое возмущение и без шиканья Клавы улетучилось.

Два раза до Борисова и обратно пешком, ведь это получается, что ей двадцать восемь верст ежедневно шагать. Половину из них — с тяжелой сумкой. Да здесь по дворам и в Кукуевку отнести почту, тоже не синекура.

Бурбоны беспардонные, все-таки, наши начальнички Сорокины. Что председатель, что бригадир!

Потом мои мысли перескочили на информацию Тамары, что в последние месяцы в Большем Ужине лавинообразно увеличилась подписка на газеты.

Действительно, события в стране после смерти Сталина заголопировали, причем не понять, в какую сторону. Вот люди и пытаются хотя бы из газет и передач радио понять, что к чему и куда они несутся.

---

¹⁰Урень — райцентр в Горьковской, ныне Нижегородской области.

Немало невообразимых еще недавно кривотолков породили в последние недели аресты Берия,¹¹ и ряда когда-либо подчиненных ему, известных стране чекистов. А он, судя по опубликованному в «Огоньке» выступлению на похоронах Сталина, был его ближайшим в последнее десятилетие соратником.

Наши рыбаки — люди специфические. Не только деятельно, но и умственно. С весны до осени артельно неводами промышляют. А поскольку озером ходят на полусоймах под парусами, то зависят от погоды.

И часто бывает так, соберутся на промысел, а тут штормовой ветер. Особенно неожиданно налетает северо-западный шелонник. И ждут тогда, собравшись артельно у лодок, люди часами: в озеро идти рискованно и по домам расходиться пустыми, без улова, не хочется.

Шелонник, он такой, как налетит внезапно, так и утихомирится столь же неожиданно и быстро.

В неопределенном ожидании, что здоровым мужикам делать? Выпивать? Так все они опытные поозеры, понимают, что не годится это. А если выход на тоню состоится?

На волнах легкие полусоймы так иногда пляшут, что даже матерых рыбарей укачивает. С алкоголем же, даже малым, в желудке, вся команда может пойти в разнос.

Вот в часы таких ожиданий и толкуют и перетолковывают эти мужики все мало-мальски достойные внимания новости. Местные, само собой разумеется. Но и районные, областные, а то и масштабные — российские, союзные, международные события тоже. . .

В газетах про арест Берии и его компаньонов скупно пишут, но откуда-то все про это знают. И толкуют о причинах его по-разному. Одни вменяют ему в вину необоснованные репрессии, другие возражают, что, наоборот, до войны он остановил необоснованные аресты людей ведомством Ежова¹² и выпустил многих незаконно арестованных.

То же самое, говорят, он сделал недавно, начав пересмотр дел, неправедно арестованных при Игнатьеве¹³ людей.

---

¹¹Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) — сподвижник Сталина, в 1938 г. сменил Ежова на посту главы НКВД СССР и, насколько смог, прекратил нарушения законности. В годы Отечественной войны активный член Госкомитета Обороны, куратор ряда важнейших отраслей, после войны зам. Предсовмина Сталина, куратор «Атомного проекта» и строительства московских высоток, в т.ч. МГУ на Ленгорах. После смерти Сталина — министр объединенного МВД-МГБ. Арестован 26 июня 1953 г., и вскоре расстрелян.

¹²Ежов Николай Иванович (1895-1940) — будучи главой НКВД, осуществил «Большой террор» 1937 г., в ходе которого уничтожил основной костяк врагов советской власти, особенно выпестованных его предшественником Г.Ягодой, и в то же время ввязался в интриги, усилил тенденции несправедливых репрессий.

¹³Игнатьев Семен Денисович — однокашник Хрущева по Промышленной академии. С августа 1951 по март 1953 года глава МГБ СССР. Подозревается, что, поговору с Хрущевым, именно он стал одним из прямых палачей Сталина. (См.: Лаврентий Берия. Тайный дневник 1937-1953 гг. М., 2012, с.546).

Спросил отца, сто он думает обо всем этом. Тот странно поглядел на меня, пожал плечами:

— Не любопытствуй о том, что тебя не касается. . .

Помолчал, потом все-таки неохотно добавил:

— Скажу только о том, что видел сам на финской войне. На ней энкэведешники не раз выручали нас чистых армейских вояк из жопы, в которую мы, мобилизованные эркакашники, попадали. Дрались как черти, и дисциплина у них была, не чета нашей армейской.

Бериевцами их тогда иногда звали: он, баяли, их в части сбивал и обучал. А вот для чего их так наострил, может и для захвата власти, как пишут, не знаю.

Да и в главной, Отечественной, войне, пограничники из ведомства Берия приняли первые удары.

И потом, когда появились гвардейские дивизии, говорили, что большинство их частей имели даже рядовым костяком, а тем паче начальством, — чекистов.

Да хотя бы взять и наш Волховский фронт, ударной силой у нас были дивизии энкэведешников. А что за вина на нем, нам не разобрать.

Не прибавил ясности и разговор об этом с Панком Булаткиным. Он менее года как демобилизовался с действительной службы и по идее должен был обладать большей, чем мы здесь, информацией. Ею, он говорил, их, солдат, постоянно пичкали на специальных мероприятиях.

И действительно, заговорил я как-то в его присутствии с дядей Сашей о Берии, Павлуха вдруг говорит:

— Я ведь его видел — колобок, в очочках-стекляшках. . .

А было дело так: в начале службы я попал в часть, которую послали в Казахстан на учебный полигон, если не совру, под какие-то Семипалатные степи и предгорья.

Что там было учебного, я так и не понял. Мы пехота ничему не учились, а просто взрыв первой атомной бомбы обслуживали. Естественно, не столько даже как охранная, сколько как физическая сила: макеты расставить, покореженную взрывом технику и руины построек убрать. . .

Так вот Берия с секретчиком из НКВД Кабуловым¹⁴ именно на это действо туда и приезжали. Берия ведь, были у нас в роте разговоры, все атомное дело в нашей стране двигал.

И как такой человек стал врагом, ума не приложу. . .

Август 1953. Скоро снова в школу. Вчера отец пригласил сходить с ним в озеро. Началась осенняя путина плавными сетями, и он не хочет ее упускать.

---

¹⁴*Кобулов Богдан Захарович* (1904-53) — с 1938 г. в центральном аппарате НКВД, в марте 1953 г. зам. главы МВД СССР. Арестован по «делу Берия», расстрелян в декабре 1953 года.

А ведь на днях его привезли на телеге с промысла совсем никакого. Запутался покалеченной ногой в такелаже, упал в сойме. Нога в кровищи — вывихнул лодыжку, а она у него и без того осколком стесана.

Лелка Ленина обмыла ногу, вправила вывих, облила рану соком подорожника, который я по ее указанию истолок на валуне, смазала чем-то, обвязала лопухами и чистой тряпкой.

Полтора дня отец высидел в огороде на чурбаке, куда доскакал на здоровой ноге, опираясь на костыли, с которыми прибыл домой из госпиталя в феврале 46-го года. Отремонтировал огородную утварь. А потом прошелся по двору, опираясь на ракитовый посох и довольный сказал:

— Нюха молодец!.. Подлатала. . .

И не то предложил, не то приказал мне: — Сходишь со мной до школы пару раз в озеро, поможешь, в чем сможешь. . .

Нюха — это и есть Лелька Ленина. Точнее, так мамина старшая сестра Щепетова Анна Ивановна. По-деревенски Нюша или Нюха. Наиболее грамотная из всех старших Комиссаровых, да к тому же рукастая. И лекарский талант имеет.

В ней, можно сказать, мое спасение. До амбулатории в Заднем Поле нам десять верст идти. С температурой, да если плохая погода и дорогу развезет, и не дойдешь. А я после Шимска часто температуру. Да к тому и везучий я на разные незадачи со здоровьем.

Вот однажды, еще маленьким был, играли мы с Колянком Сорокиным в их конце деревни. Как раз напротив дома Лениных. Там в заулке пожарная помпа довоенная стояла. Здоровенная. Выше нас, пожалуй, в два наших роста. Мы с Колянком усаживались на разные концы ручек помпы и попеременно поднимали и опускали друг друга метра на два. И вот, когда он оказался внизу, то застопорил, ухватившись руками за траву, и я повис наверху.

Вижу, он из вредности готов держать меня подвешенным вечность. Начал слезать. И тут он соскочил со своего конца, мой конец рукоятки грохнулся со мной вниз, мне на ногу. Стопа ее оказалась между чугуном ручки и железным основанием помпы. И конечно, пальцы ее, особенно большой, расплющило в кровь.

С ревом дотащился до избы лели Нюши. К счастью, она была дома. Так же, как нашему отцу намедни, обмыла мои раны, собрала воедино расплющенные пальцы. Чем-то полила, смазала, перевязала тряпочками. Велела полежать пару часов на топчане в сенях. Потом еще раз перевязала и приказала Сереге отвезти меня на тачке домой.

Потом она еще два раза, утром и вечером, заходила к нам, перевязывать мои раны. А через несколько дней я уже ковылял с Булаткиным Володей к Ильмену купаться.

А вообще-то лелька Нюша не только наши детские царапины, но и взрослых врачует.

Когда Клава, перенося мешки с семенами, «надорвала» спину и с трудом смогла передвигаться, она, уложив ее в горнице на пол, как-то мяла ее спину, «отщипывала» позвоночник. . . И за несколько сеансов поставила ее на ноги.

Тоня, будучи беременной, часто заглядывала к леле с какими-то своими недугами.

И вообще, леля Ньюша вместе с живущей недалеко от нее в том же конце Большого Ужина бабой Феней — это вся наша местная медицина. А потребность в ней у нас большая. Ведь почти все наши воевавшие мужики вернулись израненные. И чем дальше от войны, тем сильнее страдают от былых ран. Да и женщин тридцати лет и старше хворости год от года все сильнее досаждают.

В последние годы окрестные деревни регулярно три раза в год — весной, летом и осенью — посещали десанты врачей из райцентра Старой Руссы. Терапевт, хирург и сердечник профилактический осмотр всем нуждающимся устраивали. А нынче что-то они до сих пор ни разу не появились.

И потому на лелю Ньюшу и бабу Феню спрос вырос.

Правда, оправдывают они его по-разному.

Баба Феня с чудинкой. В колхозе она уже не работает, все больше в своем огороде копошится. А когда лекарит, то с приговорами и нашептываниями, спрыскиваниями «с уголька», и тому подобным ритуалом, создавшим ее лечебной практике репутацию «колдовства».

Леля Ньюша лекарит по-простому, как я в саду свои яблони врачую.

* * *

. . . Как бы то ни было, отец предупредил своего подменного, что он сам намерен выйти на промысел. И вчера после полудня он вооружился все тем же ракитовым посохом, и мы с ним двинулись к озеру.

От нашего дома первая верста пути к Ильменю лежит деревенской улицей. В конце ее у последней избы на завалинке колготилась компания рыбаков. Им сойм для плавного лова не хватило, и они промышляли неводом. Но не в озере, где им в эту пору мало что светило, а в окрестных озерках, которым осенью и зимой угрожала перспектива стать «заморными».

— Отдохнем с полчасика с ними, — предложил отец, явно устав. И мы приседелись к гомонящей компании.

Вскоре из ее гомона выяснилось, что Бандура, который переселился в нашу деревню со стороны, ни весть, откуда, обнаружил за Чертицком, в болотах несколько подходящих для облова озерков. И мужики спорили, идти ли, глядя на ночь в такую даль.

Тем более что шелонник покрыл Тулебельский залив барашками метровых волн. Это соймам они хоть бы хны, а на полусоймах, кото-

рыми оснащены промысловики с неводами, идти через него — опасность немалая.

Пока одни спорили, другие слушали Васюка Сорокина. Он недавно возвратился из заключения, куда попал за то, что несколько лет назад по пьянке, повредил в драке черепушку инспектора рыбохраны. Получил за это восемь лет, выпустили досрочно.

Коренастый, — все Сорокины этого клана, в отличие от худощавых высокорослых Сорокиных другого рода, коренасты и самолюбивы, — Васюк, гордясь тем, что ему известно то, что, по его мнению, мало кому знать положено, многозначительно вещал:

— То, что Берию и его подручных Мешка и Меркулова расстреляют — это, как пить дать!

Наши ленинградские родичи говорили мне недавно, что это они в свое время угробили Жданого, Кузнецца и Родю с их корешами. За то, что те хотели жизнь русских улучшить.

Что ведь дается? Из России эшелонами везут в Прибалтику и на азиатские и кавказские юга машины, цемент, ткани, икру. А отсюда только янтарь, гранаты да персики. И разве что вина.

Все — для руководителей, работягам же — шиш. . .

Всегда готовый поспорить Бандурин иронизирует:

— А то ты не литовкой траву косишь, не ХТЗ наши поля за околицей пашет и не на солярке из Баку он работает? Что ты попусту балабо-нишь?..

Что Жданова кто-то гробил, никогда не слышал. А за что Кузнецова и Родионова расстреляли, то нам неведомо. И об этом вряд ли твоим родичам докладывали. Так же как и о вине Берии и его поделщиков.

Знаю только, что Мешик возглавлял СМЕРШ, а его в войну ненадежному человеку никто не доверил бы. . .

— Ежову и Ягоде тоже доверяли возглавлять ГПУ, и что? — съязвил в ответ, победно ухмыляясь, Васюк Сорокин.

Отец кивнул мне, давая знать, что нам пора идти дальше. И мы ушли. И пока шли полтора километра до стоянки соймы, у меня в голове копошились недоуменные раздумья по поводу информации в недослушанной нами перепалке.

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ, А ЖИВЫЕ?

Деревня Большой Ужин Борисовского сельсовета небольшая — меньше полусотни домов. Поменьше ее деревни Большое Учно и Малый Ужин, еще меньше Малое Учно и Маковище. И совсем на грани хуторка — Кукуевка или, как говорят старики, Старый Ужин.

Всего одиннадцать домов в ней осталось. А когда-то именно она и именовалась просто Ужином. Большим рыбацким селом, поскольку в нем была церковь, упоминаемым в летописях XIУ века, сообщавших:

«А ужиняне рыбу ловят и сено косят, а ставят они его по осени более 400 копен».

Старинная копна была значительным сооружением, ее, как правило, хватало для скота зажиточного подворья на весь сезон его стойлового содержания. Из чего можно сделать вывод, что в Ужине было около 400 домов-подворий.

Строительство плотины первенца плана ГОЭРЛО, — Волховской ГЭС, — породило частые бурные половодья озера Ильмень. Жители затопляемых усадеб решили не искушать судьбу, переселились в окрестности. Кто куда, руководствуясь преимущественно родственными узами и приятельскими симпатиями.

Так в двадцатые-тридцатые годы в округе диаметром в пять-шесть километров и появилось семь поселений. Седьмым были Выселки на окраине этой округи, в центре треугольника Большой Ужин-Пеньково-Вересково. В Выселках поселились бывшие кулаки-«мироеды» и подкулачники, с которыми в новых деревнях никто не пожелал соседствовать.

Во время Великой Отечественной войны ближайшие к Большому Ужину поселенные окрестности оказались в прифронтовой полосе удерживаемого немцами Рамушевского коридора. Его блокировали с обеих сторон почти такими же узкими полосами освобожденной территории жидкие для захвата коридора немногочисленные части советской армии.

А за ними, охватывая их полукольцом, была оккупированная фашистами территория. На ней-то и находились наша деревня и ее окрестности.

Используя Рамушевский коридор, гитлеровская армия Зейдлица обеспечивала поддержку из Старой Руссы немецким дивизиям армии Буша, запертым советской армией в «Демьянском котле».

Первом, кстати, по времени, созданным ею в первый год этой войны немцам «котле», оказавшемся, к сожалению, дырявым. Отчасти из-за трагедии преданной генералом Власовым и разгромленной гитлеровцами нашей 2-й ударной армии.

Тем не менее, котел фашистам пришлось поддерживать многие месяцы. Территории при коридорных полос оказывалась попеременно частично в руках то немцев, то наших бойцов¹⁵.

С обеих сторон погибли десятки тысяч воинов.

Многие местные жители в меру возможностей помогали партизанам и красноармейцам. Обнаружив это, оккупанты вывезли большинство этих сельчан в другие районы, частично в Шимский концентрационный лагерь. Оставив только тех немногих, кто вели себя смиренно или стали полицаями и прочими их холоуями.

---

¹⁵В одной из них находились, кстати, будущий советский маршал и последний министр обороны СССР взводный Д.Язов, в других автор знаменитой «Волховской застольной» и десятков иных песен и стихов о новгородских воинах П.Шубин, а также поэты М.Матусовский, С.Щипачев и другие.

Среди этих последних оказались жители Выселков. В конце войны они сбежали в Германию или скрылись подалеже от наших мест в города и поселки, где легче было затеряться.

* * *

Возвратившись в Большой Ужин ранней весной 1944 года с отцом в числе первых освобожденных из Шимского концентрационного лагеря односельчан, один из соавторов этой заметки застал в окрестностях деревни разбитые доты, окопы и траншеи.

А в них и поодаль от селений, в полях и лугах, а также вдоль дорог множество не погребенных трупов.

Несколько дней возвратившиеся подобно нам из лагеря или из угона в другие места наши женщины и подростки, а также немногие демобилизованные из продолжавшей воевать армии инвалиды в запряженных коровами телегах свозили и хоронили погибших советских воинов у околицы Большого Ужина.

Немецких же солдат — в яме от авиационной бомбы, за оградой разрушенной оккупантами кукуевской церкви и прилегающего к ней местного кладбища.

Всех похоронить не сумели — не хватило сил, тягла.

Да и обнаружить всех погибших в лесах, полях и лугах, заросших кустарниками и чертополохом, было невозможно. Ведь специальных поисковых групп не было.

К тому же весенние сельскохозяйственные работы на заминированных оккупантами полях поджигали. Не проведи их тогда односельчане, ни себя прокормить, ни помочь фронту продуктами не смогли бы.

Как бы то ни было, возвратившись из госпиталя инвалидом в 1947 году, второй соавтор этого материала, вынужденный для своего прокорма промышлять на первых порах лесными дарами, часто натыкался в поисках грибов на черепа, каски, не погребенные скелеты. Время от времени набредают на них до сих пор летом собирающие дикую ежевику-куманику большеужинские дети.

И вот на какие мысли наводят эти печальные находки. Со времен боев прошло десять-двенадцать лет. Долго еще, очевидно, придется староруссам залечивать тяжкие раны войны.

Однако близится десятая годовщина советской победы. И сдается нам, пришла уже пора подвести минувшей войне первую самую серьезную после победы черту. А именно, разыскать и предать погребению всех павших в злых сражениях воинов, прежде всего, соотечественников.

Слышали мы по радио передачу о великом отечественном полководце А.В.Суворове, который высказал в свое время мудрую, глубоко человеческую мысль. Суть ее следующая: война не закончена, пока с честью не похоронен последний павший на ней солдат.

И действительно, мы все еще живем с ощущением продолжения военного бытия. И не только потому, что не преодолели разруху, не восстановили дома, мосты и дороги. Но прежде всего из-за того, что не воздали посмертную честь всем нашим защитникам, чьи безымянные останки омываются дождями и засыпаются снегами. А порою они даже валяются в грязи и мусоре.

* * *

«Мертвые сраму не имут», — издревле говорили наши предки. А живые? Мы, их потомки?..

Полагаем, что в преддверии дня Победы сельской молодежи, особенно школьникам, стоило бы тщательнее обшарить места бывших фронтовых боев в поиске безымянных могил или вообще не похороненных солдат. Не только наших, а и немецких. Тем самым они помогут взрослым закрыть отмеченную нами печальную страницу прошедшей войны.¹⁶

ГРАХА ЖИНОВ

Из дневника

Замысел этой заметки принадлежал моему соавтору, то есть, Евграфу, а по деревенскому клику Грахе, Жинову.

Евграф появился в деревне на орбите моей жизни и памяти в 1947 году. До этого он, по его рассказам, пролежал в беспомощности, или приходя в разумение, в госпиталях и реабилитационных заведениях без малого три года.

Увидев его впервые, я впал в психологический ступор, а затем испуганный убежал домой. Скособоченный, руки и голова на худущей шее судорожно трясутся, говорит с трудом, заикаясь, мучительно выталкивая из себя слова. Страх божий!

Узнав, что меня испугало, отец успокоил:

— Ты его не бойся. Это у него из-за контузии от взрыва снаряда. А вообще, по натуре-то он с детства рос и остался незлобивым. Перед войной Евграф был первый парень в деревне, разбитной цыганистый красавец. Да вот не повезло, ни руки ничего не держат, ни сказать ничего толком не может. . .

Живет Граха в маленькой избенке напротив клуба, то есть почти посредине Большого Ужина. Её поставила наша сельхозартель для него и его сестры - незамужней из-за войны старой девы.

Работать он не может, живет на небольшую пенсию инвалида второй группы, поскольку инвалидность в наше время дают пока скупое. Так, отец с его укороченной ногой и двумя предшествовавшими молотовскому госпиталю ранениями в грудь — на финской войне и в начале Отечественной — инвалид только третьей группы.

---

¹⁶ *«Старорусская правда», 1954 год, апрель. *Подписи:* Евграф Жинов, Владимир Староверов, д. Большой Ужин Борисовского с/с.

Огород и подворье по состоянию здоровья Евграф вести также не может. Сестра, называемая в нашей деревне из-за ее суетливости и беспомощности Нюшенькой, трудится разнорабочей артельной полеводческой бригады. Но ее заработки, естественно, как и у всех полеводов, скудными.

Чтобы пропитаться, Граха весной собирает в приозерных вешних разливах и заводях яйца диких уток и гусей. Летом же — ягоды дикой ежевики в кустарниковых зарослях Кровайно или калины в дубровниках Засечки.

Кроме того, он неуклюже вяжет трясущими руками из ивняка корзины для хранения картофеля и овощей. Зимой же ставит силки на куропаток за гумном¹⁷, где пелы¹⁸ горкой лежали, и зайцев в кустарниковых зарослях Кровайно, Засечки и Выселков.

* * *

Подстегиваемые хроническим недоеданием, мы с моим двоюродным братом, да к тому же погодком Володей Булаткиным по местной кличке, а по официальной фамилии Комиссаровым, с которым сдружились в Шимском концентрационном лагере, до школы тоже пытались промышлять тем же самым, что и Граха.

Так что наши промысловые маршруты частенько пересекались с его в окрестных кустарниковых зарослях и озерных заводях и разливах вешней воды.

Постепенно я привык к страховидности Грахи, перестал ее замечать. А когда, будучи учеником начальной школы, обнаружил в районной газете заметки за его подписью, то вообще стал даже искать возможности вступать с ним в общение.

Поскольку и сам в это время, как уже отмечалось ранее, начал активно упражняться по просьбам вдов и одиноких старушек в челобитно-эпистолярном жанре. А также подумывать о том, чтобы написать - и с пятого класса стал писать, — в газету о тех неурядицах в нашей жизни, которые были мне не по нраву, и о том новом, что в ней нарождалось.

Володя учебой тяготился, хотя я и в школу-то пошел раньше своего возраста, чтобы не расставаться со своим закадычным в то время дружком. В конце пятого класса он и вовсе бросил школу.

Будучи в отличие от меня крепышом, Володя с охотой впрягся в посильные ему артельные работы. Сначала в конно-ручные, а затем и в промысловые.

Так что я постепенно остался без каждодневного, считай с утра до ночи, общения с корешом детства. У него незаметно для меня появились иные, неизвестные мне интересы.

---

¹⁷ Гумно — овин и рига под одной крышей.

¹⁸ Пелы — мякина после обработки зерна триером.

Да и у меня, естественно, тоже. Особенно после того как мои опусы стали изредка появляться на страницах районной и областной газет. Они были сразу замечены Грахой. Тогда как не любивший читать Володя, похоже, и не заметил их появления.

Немудрено, что я как-то незаметно для себя начал приятельствовать с сорокалетним Грахой.

* * *

Однажды в разгар прошлой весны, возвращаясь вместе с Грахой со сбора яиц диких уток, мы обнаружили, что оказавшиеся без надзора отлучившегося куда-то пастуха большеужинского стада его коровы сломали жерди ограды воинского захоронения наших солдат.

В отличие от врагов, их похоронили возле деревенской селитьбы, метрах в двухстах от крайнего дома.

Скотина, привлеченная ранней травой на могилах, превратила расплывшиеся от времени холмики могил в месиво грязи. Мы выгнали животных с кладбища и пока связывали жерди, восстанавливая ограду, Граха предложил:

— А д-дав-вай в-вмес-сте н-нап-пиш-шем в-в г-газ-зету? Ч-ч-т-то не г-гл-ляд-дят з-за п-пор-ряд-дком в-в мес-стах з-зах-хор-ронен-ний. И в-вооб-бще, в-вид-дишь, з-зд-дес-ь н-нет д-даже п-пирамид-дки с-со з-зв-вез-зд-дой н-над п-прах-хом с-сол-лд-дат. К-к т-том-му ж, я с-сег-год-дня оп-пять н-натк-кнулся в-воз-зле К-кров-вайно н-на ч-чей-то ч-череп-п. Р-раз-зве эт-то п-прав-вильно?

После появления нашей заметки в районке занаряженные председателем колхоза рыбаки воинское кладбище возле Большого Ужина привели в порядок довольно оперативно.

Заметка пришлось на ту пору, когда страна, восстановив разрушенное войной жилье, начала подчищать прочие ее следы. И через несколько лет люди в наших местах перестали наткаться на скелеты безымянных убиенных. Комсомол, пионерия и военкоматы создали тысячи поисковых отрядов по сбору останков и выяснению фамилий павших.

Не думаю, что разыскали всех, по сию пору восстанавливаются неизвестные страницы Отечественной войны, особенно о начале ее в 41-42-м годах. Но в целом, можно сказать, советский народ, россияне в основном выполнили суворовское условие завершения этой трагической испытаниями, однако победоносной, а потому славной для нашей страны войны. (Дневниковая запись)

ПРАЗДНИК МОЕЙ ДУШИ

Дневниковая запись

В тот февральский день, когда мы с одноклассником Юрой Голиковым полдня добирались до Старой Руссы, где нас должны были

принять в комсомол на бюро райкома, у меня в голове метались особенно праздничные и вместе с тем тревожные мысли.

Такой день, вообще-то, является в наши дни незабываемым, вероятно, для миллионов моих сверстников. Однако для меня он был таковым и его многими специфическими его обстоятельствами.

Во-первых, вступал я в комсомол ровно за месяц до смерти Сталина, с прицелом стать со временем достойным бойцом ведомой им коммунистической партии.

Во-вторых, судьба, как бы специально подбросила мне первое испытание, чтобы начать сознавать, насколько я готов стать на тернистый путь обретения такой достойности.

В школе мне и Юре Голикову ради поездки в райком разрешили пропустить занятия. Однако встал вопрос, как до него добраться? Чтобы попасть на бюро райкома, мне надо было преодолеть маршрутом Большой Ужин — Нагово — Старая Русса километров двадцать два-двадцать три, из них занесенную снегом половину дороги пройти пеше.

От деревни Борисово, где жил Голиков, до Старой Руссы и вовсе верст двадцать пять. Но, как он узнал, в день заседания бюро из их колхоза имени Кирова, центральной усадьбой которого было Борисово, в город уходила грузовая машина и Юрку согласны были подвезти в ее кузове.

Холодно на февральском морозе, зато быстро.

Не возражали против того, чтобы захватить за компанию и меня, если буду с ним в момент отъезда.

Посоветовавшись, мы решили, что я подойду к восьми утра к нему в Борисово, дальше поедем вместе.

* * *

... Встал в пять утра. На дворе завывала пурга. В феврале это у нас привычная погода, поэтому я тронулся в путь.

Когда же вышел за околицу деревни в поле, ветер меня чуть ли с ног не сшиб. Но хуже всего, что за пару метров вокруг не видно ни зги. Да и встречный ветер, будто бритва скребет лицо.

Зная, что дорога заметена до непроторенности, я вышел из дома на лыжах, А они у меня самоделки, не имели даже продольной направляющей движение лунки. Поэтому их разворачивает порывами пурги в бок. Тем более что накануне был солнечный день и установился крепкий, зато скользкий наст.

С трудом, пряча лицо от леденившего ветра в воротник моего пальтишки, и, сгибаясь зюгом, стал пробиваться в сторону Борисово.

За Малым Ужином пурга начала вообще кошмарить — между ним и Борисово напрямую более пяти километров чистого, ни кустика, поля. К тому же пурга неслась со стороны озера Ильмень, а это вообще десятки километров открытых, без каких-либо препятствий для нее, озерных и полевых просторов.

Я еле пробивался сквозь упругие снежные порывы.

Между тем резкий ветер пронзал пальтишко до костей, да и руки в матерчатых варежках начали коченеть. Но главное, двигался я вперед недопустимо для сложившейся ситуации медленно.

В обычное-то время на лыжах дорогу до Борисово я осиливал менее, чем за час. А на этот раз через час едва до речушки Вилино дошел. Стал беспокоиться, что не успею к Юрке к назначенному сроку.

Разозлившись на себя, ускорил темп движения. И вскоре показалось, что пурга стала слабее, а затем и ощущение холода исчезло, даже пот пробил.

Вымотался основательно, но успел в Борисово к оговоренному сроку. А там выяснилось, что колхозная автомашина-трехтонка может пойти, а может и не пойти в рейс. Дорогу от села Борисово до деревни Волковицы, и от нее до шоссе, замело снегами наглухо. А это километров шесть.

Тем не менее, вскоре Юра, пообщавшись с бригадиром, сообщил радостную весть, что поездку не отменили. Видимо для колхоза она была архи-нужной.

* * *

Пригнали тракторный грейдер, и он стал натужно пробивать в снегу дорожный коридор. Автомашина медленно, временами буксуя, шла за ним. А за нею брели мы с Юркой.

В кузов залезать мы отказались, опасаясь замерзнуть на пронизывающем ветрище. А так, от ходьбы, нам даже жарко порою становилось.

Пурга продолжала неистовствовать. Правда, сверху снег стал падать не столь обильно, зато низовые потоки его моментально заносили пробиваемый грейдером путь.

На шоссе выбрались, чуть ли не к полудню. Там, забравшись в кузов, домчались машиной до города за полчаса. За это время продрогли так, что еле спустились из кузова трехтонки на асфальт.

. . . Пошатываясь и спотыкаясь на оледеневших до деревяшек ногах, доковыляли до райкома комсомола, который тогда находился в бывшем, полуразрушенном в войну, а после нее в восстановленном дворянско-купеческом особняке с колоннами, на набережной реки Полисти.

Чуть ли не возле «Живого» моста, как его назвал Достоевский в романе «Братья Карамазовы», действия в котором разворачивались в этих старорусских местах.

То есть, райком комсомола находился в одном здании с райкомом партии и райисполкомом.

А в нем нас ожидала незадача: заседание бюро давно закончилось, и его члены разошлись по своим рабочим местам.

Проникнувшись нашим плачевным видом, секретарь райкома усадил нас отогреться ближе к стояку железной буржуйки, и стал на-

званивать на работу городским членам бюро, чтобы собрать кворум для продолжения заседания.

Через час народ собрался. За это время секретарь, продолжая заниматься своими делами, расспросил нас о нашей жизни и планах, а потому разговор на бюро оказался коротким, но конкретным. И для нас — воодушевляющим.

Часа в три, запрятав в нагрудные карманы наши комсомольские билеты, мы вышли из райкомола, взволнованными и, как будто, даже отдохнувшими.

* * *

Других дел у нас с Юрой в Старой Руссе не было. Куда ушла колхозная машина, и когда она будет возвращаться, мы не знали. Поэтому, посоветовавшись, решили, что будем возвращаться домой самостоятельно.

И если даже не будет попутки, то борисовский шофер подберет нас где-нибудь на возвратном пути. Все равно иной дороги, кроме шоссе, ни у нас, ни у машины не будет, и когда-нибудь она нас догонит.

Пурга между тем закончилась, ветер повернул в другую сторону, выглянувшее солнышко будто бы даже согревало. И на душе было тоже солнечно и невыразимо радостно.

Вышли из Старой Руссы, миновали многокилометровый, обрамлявший шоссе пригород Дубовицы. Нашей трехтонки все не было, и мы двинулись по шоссе дальше к совхозному отделению Анишино, за ним еще дальше — к Нагово. А потом дальше, мимо мастерских Наговской МТС на окраине этого довольно большого села.

За Нагово автомашина так и не появилась, хотя мы прошли двенадцать километров. На темнеющем небе появились первые остренькие синие звездочки.

Продолжать идти с Юрой, ожидая, когда нас подберет борисовская машина? Но мне от Борисова до дома шагать еще восемь километров.

А если пойти от Нагово без дороги по насту направо от шоссе, то напрямик до нашей деревни почти столько же, километров одиннадцать.

Свернув с шоссе, попробовал наст: крепкий, не проваливается под моим весом. . .

И тогда я, попрощавшись с Юрой, который, если даже их машина не появится, может доехать почти до Волковиц на попутке, двинулся вдоль заметенной снегом канавы и зарослей кустарникового подлеска в сторону Вересково.

Установилась ночь, но ярко засветилась луна. В наших местах в те годы еще гуляли волчьи стаи, но у меня, воодушевленного пережитым в этот день, особенно в Старой Руссе, никакой тревоги в связи с возможной встречей с ними не возникало.

Одно только неудобство: в дорогу я надел новые, клавины премиальные валенки-чесанки и они, как потом оказалось, почти до сукровицы натерли мне икры ног.

Тем не менее, я бодро отшагал настом, лишь изредка проваливаясь в снег, верст шесть до Вересково. И только за ним, когда до Большого Ужина оставалось три-четыре километра, почувствовал неимоверную усталость.

Подволакивая ноги, добрался до дома в полночь.

Тем не менее, отлежавшись и отогревшись на печке, в семь часов выехал в школу на лыжах, позаимствованных у братишки, который и без них мог пойти учиться в соседнее сельцо Малый Ужин, находящееся менее чем в километровой доступности.

* * *

Перед уроками у входа в школу встретил бодрого Юру. Оказывается, колхозная машина его догнала буквально через полкилометра после нашего расставания. Но я не жалел, что прошел лишнее.

Ночная дорога по настовой целине, под звездами и сиянием февральской луны сохранялась в моей душе каким-то необъяснимым праздником.

А скорее всего, это праздничное настроение заронило в ней еще раньше товарищеское отношение к нам, незнакомым им до этого мальчишкам, старорусских райкомоловцев, участвовавших в приеме нас в комсомол.

Не знаю, как Юра, а я почувствовал, что вступаю в круг друзей. Причем эта дружба вырастает не из длительного, ни к чему не обязывающего приятельского общения, а из самого факта твоей принадлежности к единой организации единомышленников и надежд, что ты будешь достойным носителем олицетворяемого ею духовного товарищества. (Зап. в дневнике)

ПОДУЕТ ЛИ ВЕТЕР В ИХ ПАРУСА?

Волновались ли они, стоящие перед нами, а важнее — перед красным знаменем, которое я ради такого случая взял в правлении колхоза и принес сюда в обычную деревенскую избу?!..

Перед присланным из Старорусского райкома комсомола по случаю первого послевоенного приема в наши ряды большеужинских парней инструктором лежали четыре красные книжечки с силуэтом Ильича на обложке и столько же отсвечивавших красным перламутром значков.

На лацкане моего пиджачка такой же значок, а в нагрудном кармане такая же красная книжечка, с которой я уже около полугода никогда не расстаюсь. Впечатление такое, что они вроде бы согревают меня в самую уютную погоду.

По виду моих приятелей-односельчан молодых рыбаков Сергея Щепетова, Леша Куликова-Староверова, Алексея Филатова-Староверова трудно было понять об их чувствах.

Беспристрастным выглядел и инструктор. Хотя в нарушении ритуала, по причине горячей страды и иных обстоятельств, представлял сегодня единолично по доверенности товарищей полномочия бюро райкома. Однако, возможно, для него это была привычная рутинная ситуация.

И только по лицу нами признанного вожака большеужинского молодняка Коли Дарушина, тоже кандидата в ряды комсомола, было заметно нечто похожее на волнение.

Но больше всего волновался я. Это по моему приглашению приехал в Большой Ужин инструктор, чтобы принять в комсомол подготовленных мной к вступлению в него ребят и организовать, таким образом, в нашем колхозе ячейку комсомольской организации.

Для меня это означало, что я выполнил первое комсомольское поручение, данное мне райкомом при вступлении в комсомол. Тогда, узнав, что в моем селе нет ни комсомольцев, ни коммунистов, поэтому я представил только рекомендации от школьного соученика и своего учителя, члены бюро сказали:

— Вот ты и подготовь своих молодых односельчан к вступлению в комсомол. Пусть это будет твоим первым комсомольским поручением. Так и в протокол сегодняшнего заседания запишем. . .

Собранные с целью вступления их в комсомол в избе Коли Дарушина большеужинские ребята допризывного возраста были, тем не менее, кто на год-два, а кто и на три-четыре года старше меня.

Я сам стал комсомольцем совсем недавно, начал процедуру вступления в него тогда, когда мне еще не доставал пары недель до моего четырнадцатилетия.

Однако я написал всем свои рекомендации. А вот дополнительные к моей рекомендации пришлось просить у сторонних. У Александры Ильиничны Приваловой, которая сменила в роли учительницы начальной Ужинской школы умершую от туберкулеза Полину Степановну Пашутину, а также у ветеринара, обслуживающего животноводство личных подворий нашего артельно-колхозного куста.

А некоторым каедидатам — у ребят из Борисовской семилетней школы, которую преобразуют нынче в среднюю.

Волновался я не из-за сомнений, примут или не примут ребят в комсомол. Примут, иначе не прислали бы инструктора.

Однако меня тревожили мысли, все ли мои приятели, вступающие в него, понимают, как много предстоит им сделать в жизни, чтобы быть достойными звания комсомольцев?

Вроде бы мы все обсудили между собой до того, когда я на каникулах, после предварительных подступов в форме мимолетных разговоров, вплотную приступил к выполнению поручения бюро райкома.

Но как-то еще удастся осуществить обговоренные нами планы оживления бытия нашей молодежи, имея в артели свою комсомольскую ячейку?

* * *

Как я и полагал, в комсомол ребят приняли, и большеужинскую ячейку его оформили официально. Секретарем ее стал Коля Дарушин, поскольку я состою на учете в школьной комсомольской организации. И как недавно выяснилось в связи с преобразованием нашей школы в десятилетку, продолжу в ней учебу, перейдя в восьмой класс.

По предложению инструктора договорились также, что я буду в большеужинской организации неофициальным, так сказать, ассоциированным или нештатным заместителем Николая по культурному и идеологическому просвещению.

С тех пор прошло два месяца.

За это время заметно оживилась в нашей деревне художественная самодельность молодежи. Привычные танцевальные марафоны все чаще стали разнообразиться постановками интермедий, живых юмористических и сатирических картинок, тематическими вокальными вечерами.

С помощью райкома комсомола мы получили от ДОСААФ во временное пользование две винтовки и сейчас строим в артельной риге, где со второй половины зимы и до позднего лета никакие хлеборобские работы обычно не ведутся, небольшой временный тир. В нем наши ребята, прежде всего, допризывники будут тренироваться в стрельбе.

Я договорился с местным плотником — мастером «золотые руки» Суриным, — что он будет у нас инструктором.

Начнем учиться мастерить не просто дощаники-плоскодонки, а настоящие быстроходные челны. Это позволит нам со временем устраивать на ильменских водных просторах молодежные регаты.

Ну а потом мы попытаемся перестроить своими силами и на средства своей «комсомольской копилки» деревенский клуб, который сегодня, к сожалению, стал маловат масштабами и выглядит лядящей развальнойюхой.

Да, откровенно говоря, и является таковым, поскольку приспособленная под клуб изба строилась много лет назад на скорую руку. Ведь тогда важнее всего было людей нашей сожженной фашистскими оккупантами деревни переселить из землянок и окопов в нормальные дома.

* * *

Таковы наши ближайшие планы. Ну а осуществим мы их или нет, зависит от того, подует ли в наши паруса задорный ветер комсомольского энтузиазма*.

---

* Не опубликованный опус, написан в конце лета 1954 года. А о подлинных обстоятельствах, почему и кем он не был опубликован, требует обширного «комментария»,

ДОРОГИЕ ТОПЛЯКИ

Сельским жителям новгородчины, богатой природными запасами хвойных и смешанных лесов, нехватка топлива, вообще-то, не угрожает. Но это где как.

Например, для населения большинства старорусских деревень Южного Приильмения — она с некоторых пор весьма сложно решаемая застарелая проблема.

Мало того, так же остро обстоит дело с топливом практически во всех приозерных и приречных округах нашей области. Леса здесь основательно прорежены еще со времен Петра 1.

Град Питер, как известно, был построен во многом на заложенных в фундаменты его зданий сваях из новгородского строевого сосново-елового леса. Равно как и победоносный петровский флот из него же. Очень удобно было сплавлять из наших мест в Неву бревна плотами.

В само озеро Ильмень со всего обширного окрестного края, начиная с Белоруссии, псковщины, тверского и ярославского Верхневолжья текут и впадают около 300 удобных для сплава леса рек и речушек.

А вытекает один полноводный Волхов. Зато куда?! Сначала на Ладогу, из нее столь же удобно последовать в Неву и прямо к петровским стройкам.

Не случайно у сегодняшнего наследника Питера и Петрограда — у Ленинграда, так много улиц с новгородской топонимикой: Новгородская, Старорусская, Валдайская, Солецкая и т.д.

* * *

Что касается приозерно-речной окрестности Старой Руссы, в том числе нашей деревни Большой Ужин и ее округи, то обезлесивать ее начали вообще задолго до петровских времен. То есть, в эпоху владычества великих Московских князей.

До открытия соликамских залежей каменной соли старорусский источник этого продукта был практически единственным на всю Новгородскую вечевую республику. Да и для группировавшихся вокруг Московской Руси среднерусских княжеств Белой Руси¹⁹ тоже.

Соль здесь выпаривалась из минеральной солевой рапы старорусских родников и фонтанов. Родники били в разных местах и рапу из них в солеварни подводили многоверстными желобами и водопроводами, составленными мастеровыми рушанами из деревянных полых труб.

который в этой книге явно излишен. Тем более что позднее, будучи студентом журфака МГУ, я опубликовал его с небольшой правкой в журнале «Молодой коммунист» под ником «Отныне я обязуюсь».

¹⁹ *Белую Русь* первоначально составляли группировавшиеся вокруг Владимиро-Суздальского, а затем Московского удела среднерусские княжества. Только позднее оно стало родовым наименованием совокупности белорусских земель.

Эти труды они выжигали из самых длинных и толстых бревен, используя с этой целью, прежде всего, сосновые боры и дубовые рощи.

В окрестностях Большого Ужина последней такой вырубкой была обширная дубрава, на месте которой позднее находился хутор моего деда Лехи Кулика.

А вообще, часть вырубки ее освоил под пашню еще прадед Николай Кузьмич. Другую же часть ее купил у общины дед Леха под сенокос.

На этом месте и по сей час косить лобогрейкой мешают скрываемые травой старые пни. Особенно дубовые: они устойчивее прочих к гниению. Поэтому траву здесь по сей день скашивают вручную, косой-литовкой.

Прочие остатки этой дубравы долго воспроизводились в виде рощицы под названием Засечка.

Ее староужиняне и большеужиняне периодически снова и снова вырубали на хозяйственные нужды, но она упорно самовоспроизводилась и еще накануне войны шумела дубовой листвой в виде лесного подростка.

Его окончательно вырубил на дрова в минувшую войну немцы. Сегодня Засечка сохранилась только в виде дубово-калиновых кустарниковых зарослей, которые в качестве топлива гореть горят, да тепла дают с гулькин нос.

Другой подобный кустарниковый массив, только площадью несколько больше, чем Засечка, и подальше от деревни, называется Кровайно.

Он дает в основном бридье, то есть поросль жердевых ракит. В плане обогрева она по качеству еще слабее дубовых кустарникового вида подростов Засечки.

Ежегодно уже в самом начале зимы каждая большеужинская семья заготавливает и свозит на свое подворье горы ракитового хвороста. Однако хозяйки потом всю зиму ругают мужскую часть своих домочадцев, которая не сподобилась обеспечить их на холода нормальными дровами.

После одной такой ворчливой ругани матери, подвигавшей нас, «безруких мужиков», на заготовку «настоящих дров» загодя, отец предложил мне:

— Все равно сейчас для промысла не сезон, давай я попрошу у председателя колхоза сойму на тройку дней для своих нужд. Сбегаем в Парфино на фанерную фабрику, притарабаним оттуда домой на топливо ее отходы. Они хорошо будут зимой гореть. Почти бездымно и, главное, жарко.

У меня приближались экзамены за восьмой класс.

Но было без пояснений понятно, что хромоногий и скособоченный из-за укороченной ранением ноги отец без помощника дрова в лодку загрузить не сможет. Поэтому, с учетом выходного воскресенья в качестве третьего дня нашей поездки, я отпросился в школе, на всякий случай, на два прогула.

Препятствий со стороны учителей почти не возникло: я твердый отличник по всем математико-естественным предметам. С гуманитарными — хуже.

С литературой и русским устным, как и с математикой, у меня проблем нет, здесь я тоже отличник. Зато с русским письменным — сложности. Ошибок не делаю, да вот с каллиграфией, так сказать, у меня неважнецки.

Как старчески ворчливо характеризует мой почерк наша довольно пожилая классный руководитель Елизавета Алексеевна Добрынская, «будто курица лапой, пишешь».

По той же причине и по черчению у меня редкие четверки, а в основном тройки. Хотя в проекциях я разбираюсь, пожалуй, лучше многих аккуратистов, и уже поэтому только — хорошистов и отличников. Немецкий нам преподает практик со средним образованием, в нем мои успехи тоже пестрые.

Но два пропуска занятий на всем этом вряд ли скажутся.

* * *

Мы побежали в рабочий поселок Парфино в ночь на пятницу, чтобы успеть в субботу оформить в конторе фанерной фабрики покупку ее древесно-речных отходов.

Промысловые рыбаки у нас традиционно не говорят «поплыли», а или «пошли соймой» или «побежали водой».

Полночи бежали от Кукуевки, возле которой в эту пору швартуются наши колхозные соймы, вдоль Кровайно, Релки и Каменного Носа. Пробежали и Тулебельский залив. И на рассвете вошли в Копань — прорытый в прошлом веке канал на мелководье в устье самой большой у нас реки Ловать.

Она течет к нам откуда-то из Белоруссии и впадающей в окрестностях Копани в озеро Ильмень.

Спрашиваю отца:

— Когда и почему здесь образовалось мелководье? И каким образом появилась тут Копань?!

Отец хмыкает:

— Когда-то, давно, правда, как и сейчас, никакого мелководья здесь не было. А был путь из страны варягов к грекам.

Да только, — наши деды еще так говорили, — его замусорили, когда по Ловати и ее притокам Полисти, Полы, Порусьи, да и по другим рекам стали сплавливать заготовленный по их бережьям лес царю Петру для его питерских строек.

На выходе этих рек в озеро, много плотов поразбивали штормовые шелонники. Намокнув в пути, бревна с ущербинами, понятно, тонули. И больше всего именно в устьях Ловати и ее притоков.

А ведь они большей частью своего пути текут по болотам да торфяникам. Или же по легким, моренным²⁰, супесям. И все они несут в своих течениях какие-либо взвеси.

Те, когда при впадении в озеро речная вода перестает течь, оседают в приозерном устье на бревна-топляки. Вот эти места и стали мелеть.

Дело дошло до того, что когда появились крупные ладьи и пароходы, они уже ни в Старую Руссу проходить из Ильмена, ни из нее в озеро попасть не могли.

Настолько тогда обмелели устья Ловати и ее притоков. В том числе низовья Полисти, по берегам которой, сам знаешь, стоит наш город.

Притом не ходили в него пароходы не только из Питера и Новгорода, а и из Шимска и Сольцов.

Приставали к пристани неподалеку от Ужина – в Устреке. И уже оттуда пассажиров, что ехали на наш курорт, каретами и пролетками, а грузы – гужевым транспортом доставляли за три десятка верст – в Старую Руссу.

Пассажиры в нее ехали в основном болезные, водами и грязями лечиться. И большей частью они были, конечно, из числа знати. Вплоть до царицы Катерины, которая на эти наши грязи и воды приезжала, говорят, частенько. Любила она в Старой Руссе отдыхать от хлопот государственных.

Дед Кузьмич сказывал, что она считала наш город старше Ладоги и Новгорода, где русское государство, баяла она, нарождалось. Вот и ездила сюда, чтобы истоки его понять. Она ведь немкой была, а хотела, чтобы земля, которая под ее владетельную руку попала, приняла ее за свойскую матушку.

Катька даже имение подарила своему любовнику неподалеку от Руссы, чтобы для утех рядышком был.

Для нее же, кстати, в Коростыне Путевой дворец, ты его когда-то видел, когда мы домой возвращались из Шимского лагеря, был построен. Чтобы могла в нем отдохнуть от дорожных тягот. До сих пор стоит.

Озером плыть Катька, видать, опасалась, больно уж оно у нас непредсказуемо.

А и был у нас тогда в Новгороде дельный губернатор по фамилии Север²¹. Другие-то, более ранние новгородские правители, да и поздние тоже, против него были в хозяйственном деле слабаками. Этот же

²⁰ Моренные отложения, некогда накопленные непосредственно при движении и выпавивании песчано-каменистого грунта гигантским ледником, которому обязано своим происхождением озеро Ильмень.

²¹ Отец искажил фамилию, то был Сиверс, и губернаторствовал он в Новгороде в более поздние времена, уже после императора Павла 1. А Путевой дворец стоит и поныне, мы мимо него проезжали с отцом, когда в 1944 году возвращались из Шимского концлагеря домой. По проекту Растрелли его построили для отдыха Екатерины Великой при ее поездках на лечебные для нервов и желудочных болезней старорусские воды и минеральные грязи.

все время, пока был губернатором, вверенную ему царицей во власть губернию прихорашивал. И потому много чего дельного по его приказам было сделано.

Вот и приказал он местным воинским командам в обмелевших из-за наносов устьях Ловати, Мсты, Шелони каналы прокопать. Такие, чтобы даже корабли могли ими проходить.

Так Копань у нас и появилась.

* * *

Копань оказалась не широкой.

Ветер дул встречный и гальсами, маневрируя парусами, мы канал пройти не могли. Пришлось проталкивать сойму, отпихиваясь от увязавших в иловых наносах шестами. Что нас основательно вымотало.

Зато выйдя из нее на безоглядный весной простор широкого устья Ловати, мы бодро пробежали под парусами мимо пароходной пристани крупного по нашим меркам рыбацкого села Взвяд.

Да и дальше речного водного простора для наших гальсовых маневров парусами, чтобы мы могли идти, пусть не прямо, наискосок зигзагами, но в целом против ветра, оказалось для нас более чем достаточно.

Ведь половодье из бережья озера еще не совсем схлынуло. Так что Ловать у Взвада и за ним разлилась вширь чуть ли не на полторы-две версты. Поэтому мы смогли бежать встреч не только ветру, но и мощному здесь течению.

Отец не зря слывет одним из опытейших на Ильмене кормщиков. Он точно держал расстояния разворотов соймы у кустов и каким-то чудом для меня обнаруживал по видимым, похоже, только ему одному признакам и обходил еле просматривавшиеся в верхних слоях русла топляки. Столкновение с которыми, при быстром ходе нашей соймы, грозило нам пробоинами.

Я по его командам метался по сойме, перекантовывая²² с борта на борт паруса.

С малым, в семь-восемь квадратных метров, носовым парусом это было сделать не сложно, а управляться с основным, в восемнадцать-двадцать квадратов большим парусом с мачтой посредине соймы у меня получалось хуже.

Из-за приобретенных в Шимском концлагере болезней я остаюсь по сравнению со сверстниками легковесом.

А ветер на Ловати оказался порывистый. Пару раз так рванул большой парус во время его перекантовки мною, что он меня чуть за борт вместе с частью его полотнища не вынес.

---

²² *Кантовать* закреплять, *перекантовать* — перезакреплять что-либо с места на место.

Хорошо отец успел ухватить меня за полу фуфайки²³ и втянуть обратно в сойму. А не то так и болтался бы я за ее бортом, вцепившись в шкот. Если бы, конечно, удержался на нем.

Что было тогда в моем случае маловероятно и сулило малоприятные для моего здоровья последствия.

Сорвавшись за борт, я, конечно, утонуть — не утонул бы: все-таки, как и все большеужинские ребятишки, с измала неплохо плаваю. Но и искупаться в холодной еще, майской воде при моей склонности к простудам было бы для меня чревато почти стопроцентным риском заболеть.

* * *

Как бы то ни было, но еще задолго до полудня, оставив по правую руку устье Полисти, на берегах которой стоит наш райгородок Старая Русса, а затем и устье довольно полноводной Редьи, мы добежали до Железно.

Так называется островок, что лежит точно посредине Ловати, разделяя ее на два рукава.

Железно его прозвали потому, что на нем много веков находилась таможенно-сторожевая застава, надзиравшая за безопасностью прохода на пути «из варягов в греки», а при необходимости и «железно» запирая его перед врагами.²⁴

Между прочим, такая необходимость появлялась тогда частенько. Старорусские летописцы не единожды сообщали о стычках и сражениях в районе ловатского Железно с ворагами с западного, в основном с литовско-прусского направления.

С небольшими лакомыми до чужого добра их разбойными шайками застава управлялась самостоятельно, а в серьезных случаях подавала заранее оговоренный сигнал. Прося помощи у Взвада и деревень окрест его — Подберезья, Карпова, Чертицка. А те, при необходимости, дублировали его дальше — Ужину, Устреке, Бурегам, Коростыни.

Ну, а в случаях особо опасных ситуаций отправлялись гонцы в Старую Руссу, Шимск, Новгород, чтобы те поднимали их рати.

Рукава Ловати по обе стороны острова Железно не широкие. Во всяком случае, реиться массивной соймой в них невозможно. Поэтому мы прошли одним из них, как и Копанью, пихаясь о дно шестами. Ведь весел у соймы нет.

К тому же и не под силу было бы инвалиду, да вообще-то слабосильному подростку в моем лице, провести с помощью их против

---

²³Фуфайка — короткий ватник.

²⁴Отец, как и большинство людей, даже ученых историков, воспринимал «путь из варягов в греки» как чреватую неприятностями торговую дорогу *скандинавов* в Средиземноморье через славянские земли. Что было не совсем так. Варягами были, как показывают археологические находки фатьяновской эпохи, лихая вольница, своего рода прототип казаков из прибалтийских славян.

течения такую махину, как наша сойма, в два с половиной десятка тонн водоизмещением.

За островом Железно опять реились на двух парусах, пока не пришли к впадающей в Ловать приточной реки. То есть, к тоже полноводной, но не столь, как она, реке Поле, на берегах которой верстах в полусотни от ее устья почти тысячелетие стоит поселение Новая Русса.

Свидетельствуя, кстати, что ее предшественнице Старой Руссе, по крайней мере, на несколько веков больше.

Рабочий поселок Парфино тоже стоит на берегу Полы, за двадцать километров от впадения ее в Ловать. За ним ширина ее несколько суживается.

Здесь уже пришлось поневоле идти на одном носовом парусе, поскольку при смене гальсов с двумя ветрилами был большой риск не успеть с поворотом и вбежать в кусты, из которых выбраться было бы в этом случае, отнюдь, не просто.

Постепенно свечерело. Но, пользуясь тем, что в конце мая смеркается поздно, поскольку близится пора «белых ночей», мы реились дальше. И только когда на западе уже засияли редкие в это время звездочки, пришли, наконец, в Парфино.

Встали у берега на якорь почти под боком фанерной фабрики. Не перекусили, как днем, на ходу, а плотно поужинали дневной ухой и легли отдыхать.

* * *

Рано утром, пока я готовил свежую уху — днем будет некогда это делать, — отец укывлял в поселок. Оказывается, у него и здесь, как и во многих других поселениях Приильменя, то ли приятели, то ли родичи.

Заодно он посетил контору фабрики и купил разрешение на заимствование отходов.

Сдавалось, правда, не на тот объем их, который мы потом загрузили в сойму, больно оживленно переговаривался он с бригадиром и рабочими при пилораме. Показалось даже, что в их компании блеснула боком поллитровка.

Ну да все равно, не возьми мы сейчас эти отходы, их потом к ночи те же рабочие и бригадир сожгут, чтобы они не захламляли прилегающую к пилораме территорию.

Правда, за отходами прибежали рекой не одни мы. У пилорамы активничали двое мужчин, несколько женщин и мне подобных подростков, перетаскивая к своим лодкам охапки нестандартных реек.

— Не суетись, — приостановил меня отец, возвратившись от компании у пилорамы, когда я хотел последовать их примеру. — Подбирай полегоньку, что после них остается. Видишь, они на бударах, быстро набьют в них от силы по кубу, полтора, и отчалят. Тогда и придет наша очередь.

И действительно, вскоре будары осели от груза в воду по борту и, отчалив, тихо поплыли вниз по течению Полы. Началась наша погру- зочная страда.

Мы пришвартовались поближе к конвейеру пилорамы. Метрах в полусотне от нее. Я носил в сойму охапками отходы — все те же нестан- дартные рейки, — отец укладывал их, выводя баланс крена бортов. Но- сить ему охапки, хромоногому, не сподручно.

Когда я сбегал за ношами к пилораме раз полсотни и взглянул на результаты своей беготни, то с ужасом осознал, какая же она через чур вместительная для моих хлопот, наша сойма. Принесенных мною в нее реек достало только на жалкий рядок, на четверть высоты бортов.

И таких рядков только по длине соймы мне предстояло уложить в нее, на глазок, семь, а возможно и все десять. Да в вышину их надо нарастить минимум в шесть-семь раз по сравнению с уже наношенным мною. . .

Этот бесконечный день суматошливой беготни с охапками реек кош- маром снился мне потом не один месяц.

Погрузка продолжалась весь день до поздней ночи, поскольку пило- рама работала в несколько смен.

Отец нарастил вертикально досками борта соймы, и под конец она превратилась внешне в плавающую скирду реек с проплешинами, кото- рые с трудностями, но, в общем-то, позволяли нам на обратном пути маневрировать парусами.

По моим прикидкам, погрузили кубометров 24-25. Считай вес каждо- го куба в пол тонну, поскольку рейки сухие, все равно получается более двенадцати тонн.

Принеся в сойму на дрожащих от усталости ногах последнюю охапку, я почти рухнул поверх нашего груза. И то ли мгновенно заснул, то ли отрубился в полубморочной дреме. А, может быть, даже без сознания.

* * *

Проснулся или пришел в себя через несколько часов от брызнувших в глаза лучей утреннего солнца. Полежал, не шевелясь, минут пять- десять. По тихому покачиванию соймы понял, идем вниз по могучему весной течению Ловати.

Начинать шевелиться не хотелось. Ноги, руки будто оцепенели в предчувствии боли от любого движения. Какая-то странная слабость разлилась по всему телу, а при попытке переменить его позу судорож- ными извивами, меня вообще охватил, было, зуд онемения.

Со всхлипом втянул в себя побольше воздуха, и этот зуд перебился мускульной болью.

Но странно, моя голова была свежей, глаза и слух, как будто обост- рились, сигнализируя тем самым о том, какое, обновляющее организм бодростью утро, объемлет нас со всех сторон.

Поняв, что я «оживаю», отец закрепил румпель²⁵ руля к предназначенной для этого скобе на корме, чтобы сойма не вихляла на ходу, и быстренько подогрел на таганке остатки вчерашней ухи.

Чуть ли не постанывая от чувства разбитости всего организма, с трудом подчиняющегося необходимости двигаться, я, кряхтя, по-стариковски, спустился с верхотуры нашей реечной кладки на свободную от нее, чтобы ничто не мешало развороту румпеля, корму.

От охватившей меня оцепенелости не хотелось даже говорить. Отцу, вероятно, тоже. Ведь он не спал уже двое суток.

Мы, молча, позавтракали, и отец сказал:

— Теперь я вздремну, может даже до Железно, а ты гляди, чтобы лодка в береговые кусты не вильнула. Если что, толкни меня посильней, спать буду крепко.

Он не полез в каюту, которую местные рыбаки называют шалашкой, а вынул из нее солдатское одеяло и кусок старой парусины. Парусину бросил на мое недавнее ложе поверх нашего груза, — я его даже не застилал, так и провел на рейках в фуфайке всю ночь, — и прикорнул на нем, укрывшись с головой одеялом.

Я занял его место на корме у румпеля.

Несколько утренних часов в обстановке оглушительной тишины вокруг мы плыли, в этот раз уже не реясь, мимо сонных отдельных, облитых солнечной позолотой, как будто лубочных избушек и групп домиков с вкрапленными между ними купами деревьев.

Берега оказались вровень или чуть повыше бортов нашей осевшей от груза в воду соймы. Поэтому с кормы мне было видно каждое дерево на немногих лужайках, мимо которых мы проплывали, каждое сооруженьеце возле встречных избушек. Чаще всего почему-то детские качели и гигантские шаги.

Но вообще-то, местами тронутые болотными проплешинами, берега промежду этими редкими приречными селитьбами были большей частью покрыты зарослями.

Не матерыми, лесными великанами, видимо, деревья здесь давно вырублены, а привычным, по нашим Кровайно или Релке, серовато-блеклым ракитовым бриддем.

И, тем не менее, иногда по обе стороны берегов друг друга сменяли рекламно-сказочные картинки безмятежных пейзажей с купами сосен или березок. Да и мы плыли без каких-либо приключений.

* * *

Отец всхрапнул и начал шевелиться, просыпаясь задолго до нашего прибытия к рукам Ловати, на подходе к Железно. Покрутил головой, прогоняя остатки сна, затем, намереваясь приготовить для нас уху,

---

²⁵ *Румпель* — рычаг на верхней части руля, служит для поворота руля на малых судах, в том числе на соймах.

достал из-за борта судок с трепыхавшейся в нем рыбой, которую мы еще ранее наловили, проплывая мимо берегов Кровайно, в начале нашего похода в Парфино.

Рыба в судке показалась мне несколько снулой, и я, «ожив» за последние часы, предложил ему:

— Может, свежей наловим?! Сачковой мережкой. . .

Отец скептически хмыкнул:

— Неуклюжие мы с тобой сейчас, чтобы с такой поклажей в кусты лезть. Вся рыба в половодье туда прячется. Застрянем. А на фарватере Ловати мы с тобой вряд ли много ее наловим.

— Что так? Ведь вода здесь хотя и темная, а чистая, глубина, видать, немалая, рыба должна здесь обильно жировать.

— Потому и темная, что не по песку или камням тут Ловать течет, а по деревянному настилу из топляков. Кора их гниет в воде, и дубильные запахи ее гнили отпугивают рыбу.

— Как так?

— Слишком много на наших реках стало нынче молевого сплава. Ну а в этих случаях много сплавляемых бревен замокает и тонет.

Раньше, до войны, ведь как было? Весь лес в сплотках перегоняли. Если в них какие бревна и замокали, их сухие на плаву держали.

После войны, как сам знаешь, нужда в лесоматериалах сильно подскочила. А профессиональных лесорубов и плотогонов стало мало, погибли на фронтах. Государство начало наделять деланками для лесозаготовок колхозы, совхозы, предприятия. Только у них ведь тоже профессиональных лесорубов нет.

Тем не менее, люди от безвыходности сами по разрешению начальства стали рубкой леса промышлять. Из землянок-то надо было выбираться. Да и производственные постройки пришлось заново возводить.

И кто только до сих пор рубкой не промышляет. Бабы, девчонки и ребята, едва вышедшие из подросткового возраста. До моего возвращения из госпиталя ведь и наша Клава на лесоразработках несколько зимних месяцев отработала.

Ни леспромхозовского инструмента у них толкового, ни рабочего тягла. Спилят лес, да вывозить нечем.

А тут весна, половодье подступает. Вешней водой бревна уносит поодиночке в реки. Ну, а дальше известно, что и как. . .

А и свозят эти горе лесозаготовители бревна к реке, что с того толку? Плоты вязать мало, кто из них умеет. По дороге их плоты развязываются и опять бревна россыпью плывут.

Немалая часть их, конечно, как обыкновенно в таких случаях замокает и тонет. Многие наши реки местами из-за этих топляков теперь по деревянному дну метровой, а то и полутораметровой толщины текут.

Десятки, а может и сотни тысяч кубов, накопившихся в последние годы, топляков в них ныне гниет, отравляя стоки наших главных рек.

Рыба в них разве что в половодье случайно с вешней водой забредет, чтобы пересечь их по пути в места жировки. То бишь, в затопленные прибылой водой ракитовые кусты.

И другая беда от всех этих неурядиц. Она уже нас промысловых рыбаков касается. При молевом сплаве много леса ускользает от его сборщиков и попадает в озеро. А оно у нас, сам знаешь какое, почти всегда беспокойное.

Волны бросают бревна, куда ни попало. Часто в невода, мережи и плавные сети. Ночью их в темноте не заметишь, наскочишь сетями, а они снасть порвут и изуродуют.

В результате ни рыбы, ни снастей тебе. . .

Сказанное отцом вскоре подтвердилось наглядно, когда мы вышли на просторы нижней Ловати. Сойма наша под грузом глубоко осела в воду, и те полу топляки, поверх которых мы проплывали по дороге в Парфино, сейчас несколько раз ощутимо стукнули в ее борта, едва не проломив их.

— Видать, опять где-то плот у неумех развязался или запань прорвало, — с досадой констатировал отец.

* * *

. . . К вечеру мы вышли из Ловати в Тулебельский залив. Когда шли уже вдоль Каменного, в ином поименовании — Кривого Носа, — Релки и Кровайно, только с другой, чем прежде, их стороны, я, памятуя сказанное ранее отцом, неоднократно замечал в их притопленных половодьем кустах желто-золотистые горбы рассыпных бревен.

Приметил их и отец, сказав мне:

— Ты вот что, кстати, завтра, после уроков в школе не задерживайся. Придешь, на дощанике пройдемся кустами, может, ветер еще не отгонит эти бревна, они нам кстати будут. Надо нам новый дом строить, нынешняя изба уже совсем тепло не держит.

Изба у нас еще дедом Куликом построена, когда он, вступив в колхоз, с его хутора «Красная Нива» перебрался в Большой Ужин. Хорошая, говорят сестры, изба была. Не случайно немцы, водворив нашу семью в Шимский концлагерь, заняли ее под свой штаб.

И что они только, похоже, с ней не вытворяли.

В подполе, где огородные запасы до их прихода хранились, конюшню умудрились устроить. Крышу сеновала и скотного двора на дрова пустили. Боялись они, видите ли, партизан, чтобы в чернецком лесном массиве их заготовить.

Из-за этого и наш молодой сад в суровую зиму 1942 года порубили на дрова.

К тому же они зачем-то порушили в избе печи, а под конец и двери, да подоконники, и наличники окон.

Все это отец, по возвращении из молотовского²⁶ госпиталя, постепенно мало-помалу исправил, кое-что подлатал. Да стройматериала ему все время не хватало, и потому латал он, как говорится, на живую нитку.

А зимами это сказывается холодами, от которых мы в сильные морозы только на печке и спасаемся.

* * *

В Парфино мы бежали порожняком, но в основном зигзагами реились против течения рек. И потому дорога заняла у нас ночь и день. Обратное же, хотя и с грузом, но по течению да с минимумом зигзагов, за день управились.

Причалить решили не у Кукуевки, а у Малого Учно. Кукуевка, хотя и стоит на самом берегу озера, но зато от нашей деревни километра за полтора.

А поближе к Большому Ужину располагается деревенька Малое Учно. Десятка полтора ее домов двумя рядами стоят вдоль речушки Учонка на взгорке недалеко от болот Тулебельского залива, по другую сторону Кровайно и Засечки.

Вошли из залива в извилистую и узкую речку Учонку. Узким ручейком она течет откуда-то из-за Верескова и только у Малого Учно раздается так, что через нее пришлось многосаженной длины мост наводить. Отталкиваясь от ее берегов шестью, дошли до моста в середине этой деревеньки. Отсюда до нашего дома почти вдвое ближе, чем от Кукуевки. Около километра.

Причалили сойму к берегу поздним вечером. Отец наказал:

— Беги домой, отоспись, чтобы в школе потом носом не клевать. Да пришли девчонок, пусть разгрузят дрова.

«Девчонки» — это мои сестры, их у меня четверо и все старше меня.

* * *

Так закончилась для меня наша вылазка в Парфино «по дрова». Впечатлений от нее у меня было много, как и усталости от погрузочного марафона.

Но усталость вскоре прошла, а вот самое сильное впечатление от рассказа отца о топляках и разнообразном ущербе от них помнится по сию пору.

Подумать только, не допуская лесозаготовители затоплений строевых бревен при их молевом сплаве реками, сколько деревень, сожженных фрицами, могло бы полностью покончить с проживанием части их населения в пагубных для здоровья землянках.

Да что говорить, моя приятельница Катька Пашкеева в Малом Ужине, с которой мы вдвоем, когда другие почему-либо отлынивают, за восемь километров ходим в Борисовскую школу, все еще живет с матерью

---

²⁶ Пермь, где находился этот госпиталь, тогда именовалась Молотовым.

в землянке. И не имеет пока даже надежд перебраться из нее в нормальный дом.²⁷

КАК МЫ СТРОИЛИ НОВЫЙ ДОМ

Дневниковая запись

В продолжение нашей поездки за топливом, поведаю о том, как мы с отцом строили наш новый дом.

То есть еще об одной заморочке, затрудняющей бытие сельского жителя, выражающей проблемность обеспечения им одной из фундаментальных витальных материальных потребностей его существования. Ими являются, как известно, потребности в еде, одежде, крове — неотступных условиях его жизни или смерти.

* * *

Как и велел мне отец накануне, по нашем возвращении из похода соймой в Парфино за топливом, после уроков я не стал нигде мешкать, а чуть ли не вприпрыжку, немногим более чем за полчаса, преодолел восьмикилометровую дорогу из школы до дома.

Отец уже ждал. О степени его нетерпения свидетельствовал тот факт, что увидев меня вынырывающим в деревню из прогона для скота, за избой Дарушиных, он тут же двинулся в сторону озера, зная, что на быструю ходьбу уже не способен.

Даже не поев, я прихватил приготовленные мамой для нас узелок со снедью, чтобы все-таки перекусить, пока будем плыть разливом вешних вод. А также прихватил хранящиеся на подворье, чтобы шкодничающие подростки не утащили, запасные весла, и заторопился за отцом.

А он уже довольно далеко укочивлял к скотным дворам, куда пришла вода тогдашнего половодья и где были причалены челны и дощаники жителей нашей деревни. Догнал его уже у конюшни.

Отвязали чалку нашего дощаника и двинулись водой к Кровайну, где накануне вечером заметили в кустах золотистые своей корой горбы уплывших с лесоразработок бревен, розыск которых и был целью нашего очередного похода.

А потом мы обшарили не только эти кусты, но и затопленные заросли Засечки, увязывая найденные бревна в маленькие плотики. Затем долго перегоняли их в полноводную канаву той части оборонного вала, которая начиналась за скотными дворами, почти у огорода сельского кузнеца. Чью фамилию не только я, но кажется и никто у нас не знал: кузнец, да и все. Он один такой у нас на три деревни.

Провозились с этим, чуть ли не до утра, благо ночь была по поздней майски светлая и теплая. Устали до чертиков и вымокли до последней нитки.

---

²⁷ Литературно-художественный альманах «Новгород», 1954 год, Подпись: Владимир Староверов-Куликов..

Спать пришлось часа четыре, но выспался, на собственное удивление, нормально. Так что в школу ушел вовремя. Возвратившись из нее, отца дома не застал:

— Бревна перегоняет! — лаконично пояснила мать, которая перекапывала наш огород, пользуясь тем, что основные работы колхозной весенней страды еще не начались. И не то, что приказала, а больше попросила:

— Иди, отнеси ему поесть, да и помоги.

Наскоро перекусив, взял багорик Он по разнарядке деревенского схода висел на стене нашей избы на возможный пожарный случай. И заспешил к отцу, зная, что найду его где-нибудь возле заполненной водой канавы, куда мы загнали вчера наши плотики.

Потом мы снова, вонзив в очередное бревно багор, протаскивали лесину за лесиной нашу добычу этой канавой, вплоть до дороги Большой Ужин — Малое Учно.

Оставшиеся дни недели мы вдвоем с отцом слезами вытаскивали бревна из канавы и по импровизированным мосткам закатывали их на дроги, а потом везли в заулочок нашего дома.

Работали вечерами, когда колхозная лошадь была свободна от артельных работ. Бревна укладывали друг на друга, но не кучей, а подразделяя их прокладками, чтобы сохли.

Всего мы разыскали в полузатопленных кустах более сотни годных к стройке лесин. В целом на избу в восемнадцать венцов и пристройку сеней должно было хватить.

* * *

Однако строительство мы начали не сразу. Все наступившее прошлое лето и минувшей зимой бревна просыхали в ярусных накатах. А мы тем временем были заняты другими делами.

По одному из них мы привлекли к нашим хлопотам, как он не пытался отлынять от него, братика Колю.

Он растет здоровяком и уже в одиннадцать лет перегнал меня не только в плечах, но и ростом. Но положением младшенького, любимого всеми братика и сыночка, все еще пытается попользоваться во всю меру возможностей.

Да нашла его Колюшина неохотка на камень преткновения по наименованию «надо». У отца началась сначала неводная, а затем осенняя плавная путина, а мать и сестры в колхозные работы погрузились.

Да и позор нам мужикам, даже если мы возрастом еще малолетки, побуждать сестер, например, пилить двуручной пилой бревна. А именно в этом и заключался очередной тур наших дальнейших на тот год хлопот в подготовке к строительству новой избы.

Пяток наиболее толстых бревен, у которых было поменьше сучков, мы с братишкой распилили на чураки сантиметров по сорок каждый, чтобы надрать из них щепы, которой собирались накрыть крышу.

На покупку шифера у нашей семьи, после уплаты леспромхозу частичной стоимости собранных нами в кустах бревен, было мало средств.

А ведь нам предстояло еще собрать финансы, чтобы уплатить столярам и стекольщикам за будущие окна нашей избы.

Да и кирпич для печек надо купить.

И вообще, мало ли еще, порою не предвиденных, строительных расходов предстояло нашей семье.

Потом отец привез на телеге с виду допотопный и примитивный щеподральный стан. И началась наша с Колей полуторамесячная эпопея заготовки щепы для кровли.

Собственно весь этот стан составила треугольная станина и закрепленная в одном его углу трехметровая слега с привинченным к ней, где-то в метре от места ее крепления к станине, стальным ножом.

Этим ножом мы с Колей, налегая на дальний край слегы, и драли закрепленные в ложбинке влажные чураки на щепу.

Чтобы щепка не ломалась уже при изготовлении, мы эти чураки после их распила побросали в воду ямы, которая осталась после войны от взрыва авиабомбы в нашем огороде, и выдерживали в ней несколько недель.

* * *

— Сруб срубили мы с отцом — я уже намастачился работать топором — при помощи племянника матери, моего двоюродного брата Павла Комиссарова следующей весной. Но не стали тогда подводить под него крышу, а оставили сохнуть его еще на одно лето и зиму.

Так, что закончилась наша строительная эпопея только перед моим отъездом в Ленинград, куда я решил поступать учиться в пригородный сельхозинститут, который находится в городке Пушкино.

По сей день помнятся восхитительные картины пейзажей, которые открывались передо мной, когда мы ставили стропилы крыши, зарешивали их горбылем, а потом рядок за рядком крыли щепой, поднимаясь все выше и выше.

С этой высоты хорошо были видны окрестности чуть ли не до Старой Руссы, а вдоль шоссе — далее Нагова и Волковиц.

Но изумительнее всего были картины сине-лазоревого — лето выдалось теплое и безветренное, — озера Ильмень.

Новгород, который находится по прямой линии, если смотреть на озеро, я, конечно, не видел, в его сторону простиралась бесконечная синяя, сереющая в дымках горизонта гладь воды.

А вот слева, Бурегы и Коростынь с ее высоким берегом и соборами (поврежденным в войну в Бурегах и сверкавшим куполом в Коростыне)

просматривались сказочно. Казалось, что сквозь дымку я видел Путевой дворец и даже Мстонь, от которой до Шимска, где в концлагере провел два года своего раннего детства, всего ничего.

Ну а справа поблескивал в солнечной позолоте Тулебельский залив. За ним темнели зеленую деревни Взвяд, Подберезье, Карпово, Чертицко, которые мы видели с отцом в нашем плавании за топливом и где жили мои школьные однокашники.

Некоторые — в буквальном смысле, поскольку с ними я, когда оставался временно жить в интернате, варил одну на нашу компанию кашу.

* * *

Я обращаю внимание на эти эпизоды из нашей недавней построечной эпопеи только потому, что они, как и предыдущие аналогичные им примеры, приоткрывают некоторые противоречия сельского бытия, сохранившие с до потопных времен по сию пору свою актуальность. Имею в виду противоречия в стратегии развития витальной, особенно в нашем суровом климате, жилищной сферы деревни.

В городах строительство жилья ведется в советское время с 20-х годов централизованно, и большая часть горожан обеспечивается им бесплатно. Поэтому главная проблема здесь состоит в материально-технической невозможности достаточно быстро обеспечить им всю массу хлынувших в них мигрантов из деревень.

Зато в деревне удовлетворение потребности в жилье остается исключительно индивидуальной заботой сельчан.*

ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ

Обращение к односельчанам

Все вы, мои односельчане, знаете расположенное в километре от Большого Ужина Дикое поле. Оно раскинулось между наследием последней войны — оборонным валом, или просто Обороной, — и песчаным увалом из нанесенного в половодья Ильменем золотистого песка, с одной стороны. И от бункера дота, неподалеку от Кукуевки, с которого немцы обстреливали из тяжелого орудия Шимск и Новгород, до пашни бывшего хутора моего деда Лехи Кулика, с другой.

Из-за обилия на нем дубовых пней от давних вырубок, да вследствие того, что с 20-х годов после строительства дамбы первенца ГОЭРЛО Волховской ГЭС его захлестывают частые весенние половодья, оно не пашется и редко косится, хотя почва на нем богата наносимым внешней водой сапропелем.

Травы на нем могли бы вырастать обильные, если бы не два обстоятельства.

---

* Дневниковые записи.

В половодье оно ежегодно кишмя кишит стаями диких уток, а с июня до поздней осени на нем гуляют многочисленные стада домашних гусей и уток с подворий ужинян.

И те и другие уничтожают саму возможность для травы вырасти, поскольку выщипывают ее уже на стадии всходов.

Вообще-то, домашняя птица здесь именно гуляет, поскольку основное ее местопребывание находится непосредственно за увалом у воды и на воде озера, где она и ночует, чтобы не стать добычей пронырливых лис.

Дикое поле для нее вроде места дневного прогулочного моциона. Польза для колхоза от обилия этой птицы, можно сказать, нулевая.

Короче, несколько десятков гектар артельных сельхозугодий пустуют и практически являются для коллективного хозяйства обузой, за которую приходится платить сельхозналог, поскольку они учитываются во всех планах хозяйственно-экономической деятельности.

Но реально они используются, да и то малоэффективно, только в личных целях владельцев водоплавающей птицы.

А ведь и Дикое поле можно использовать с большой выгодой для благосостояния артели и всего населения нашей деревни. И я хотел бы, чтобы мы обсудили на правлении или даже на общем собрании артельщиков мое предложение превратить ныне бесхозное Дикое поле в садовую плантацию.

Вы все хорошо знаете, что, в отличие от соседних деревень, Большой Ужин крайне беден семейными подворными садами. Так сложилось потому, что при переселении из Старого Ужина, который мы сегодня зовем Кукуевкой, многие переселенцы не озаботились на новом месте их разведением.

А те сады, что были посажены другими нашими односельчанами, немцы вырубали на дрова. Потому что, опасаясь партизан, боялись ехать за ними в Засечку и тем более в ближайший от нас Чернецкий лесной массив.

Таким образом, многие из нас не знают практически вкуса фруктов. Да и ягод, пожалуй. Кустарниковые раkitовые заросли в Кровайно и на Каменном Носу вообще бедны дикорастущими ягодами.

Сейчас наши ребята и девчонки разве что лишь по куманику²⁸ да калину могут в эти раkitники и в Засечку сходить. А больше нигде ничего им не светит. Даже брусники, клюквы и грибов в ближайших окрестностях нет.

Поэтому-то, не надо гадать даже, почему большеужинские мальчишки и подростки слывут грозой для садов в Малом Ужине, Маковище, Верескове, в Малом и Большом Учно и даже в Пенькове и Борисове, до которых 5-8 километров.

Из-за чего, кстати, слышится немало оправданных нареканий от соседей, и нередко возникают осложнения в отношениях с ними.

---

²⁸ *Куманика* — так на новгородчине называют дикорастущую ежевику.

Да и в самой нашей деревне немногие сады Булаткиных, Принцевых, Лениных то и дело подвергаются набегам прожорливой ребятни.

Владельцы этих садов оправданно обижаются, что вынуждены ночами не спать, охраняя их от мальчишеских налетов. После которых не только плодов не остается, но и деревья травмируются так, что они впоследствии погибают.

Так что общественный колхозный сад нам, по-моему, житейски крайне необходим. От него, полагаю, не только артельный, а и лично-семейный доход прирастать будет. Да и обстановка в нашей деревне станет дружелюбнее.

Многие из нас, — я сам, дядя Вася Сытин, Пятины и еще несколько односельчан, — уже начали сажать в своих огородах садовые посадки.

У меня даже виноград из Мичуринска прижился и выживает зимой при небольшом укрытии его соломой. Растут у меня и гибридные груши от скрещивания сладкой Малгоржаблки с кислой, но морозоустойчивой дулей Уссурийкой.

Знаю, что кое-кто из вас нынче тоже купил сеянцы яблонь в питомнике совхоза «Анишино». Значит, тоже свой интерес к садоводству имеете.

Но завести общий колхозный сад, это, согласитесь, было бы во всех отношениях здорово. Такой есть только в совхозе «Анишино» и нигде в районной округе более.

Был, правда, все еще роскошный весной вишневый сад в селе Коростыне, посаженный в давние времена для Екатерины Великой вокруг ее Путевого дворца. Но он уже в прошлом веке фактически выродился и сейчас там разве что лишь одичавшую поросль можно в окрестностях дворца встретить.

Для нас важным может оказаться и то, что разбивка общественного сада могла бы положить начало облагораживанию ландшафта колхозных сельхозугодий. А то и окультуриванию всей нашей красивой из-за близости Ильмена, но еще диковатой из-за не ухоженности и военных траншей, оборонительных валов, остатков колючей проволоки и окопов местности.

Чтобы сделать это, надо:

Во-первых, выкорчевать пни на Куликовом сенокосе;

Во-вторых, срыть Оборону и засыпать смердящий летом гнилью разложения, не успевшей уплыть с половодьем рыбы, ров вдоль ее;

В-третьих, проложить дренаж и прорыть поперек увала наносного песка отводящие паводок канавы, чтобы внешняя вода не застаивалась на Диком поле.

Сами по себе кратковременные половодья саду не помеха, наоборот, будут удобрять его осадками сапропеля. А когда деревья войдут в силу, они сами будут способствовать регулированию половодий. Тем более что вокруг сада можно будет заложить аллеи из влаголюбивых культур.

Пишу об этом в надежде, что вы обдумаете сказанное до схода деревни или колхозного собрания и, если согласны с ним, то поддержите меня на нем.²⁹

КТО ЖЕ ИЗ НАС ГУСЬ ЛАПЧАТЫЙ?

Из дневника

Пред-история и пост-история этого моего обращения через районную газету к односельчанам таковы.

Я научился читать до школы и с первых лет учебы стал заядлым юным книголюбом. В Большеужинской начальной школе библиотеки не было, даже учебников не доставало. Но книги, непонятно как, обнаруживались на руках у кое-кого из взрослых односельчан. И я умудрялся как-то выпрашивать их «почитать».

Читал я на первых порах все, что ни попадало в руки — от псалтырей и евангелий из сбережений старушек, до технических паспортов сельхозорудий. И особенно увлеченно — полезные для практического использования пособия и описания.

Помню, в четвертом классе, кажется, я зиму и весну напролет зачитывался толстенным трактатом по ихтиологии. В нем описывались сотни речных и морских рыб, не виданных в наших известных мне водоемах, и я фантазировал, что когда стану взрослым, то обязательно буду их промышленно разводить.

Когда же был уже в пятом классе, мне, как завсегдаю Борисовской сельской библиотеки, попало в руки шикарное, в формат тогдашнего «Огонька» и толщиной в несколько сантиметров, с красочными иллюстрациями издание сочинений и отчетов садовода-кудесника Ивана Владимировича Мичурина.

В нашей еще бедной тогда садами деревне фруктов и огородных ягод вообще было мало, и потому сочные мичуринские плоды на этих иллюстрациях произвели на меня неизгладимое впечатление.

Неудержимо захотелось ими полакомиться, и я, моментально переменяя все свои прежние профессиональные ориентации, решил, что буду «учиться на Мичурина».

Поскольку, помогая матери в работах на огороде, я хорошо к тому времени осознавал, что такая учеба непременно предполагает труд на земле, а Иван Владимирович доступно рассказал о том, как он практически начинал овладевать секретами садоводства, то решил уже с весны приступить к делу.

Я знал, что кое-кто из односельчан купил на старорусском колхозном рынке саженцы яблонь и слив для приусадебной посадки. Однако ни у меня, ни у родителей для их покупки не было денег.

---

²⁹ * «Старорусская правда», 1955 год, март. Подпись: Владимир Староверов, д. Большой Ужин.

Кроме того, меня в этом увлечении с самого начала увлекла именно экзотика невиданных у нас культур — винограда, лимонов, черноплодной рябины, черешни, груш и т.д.

Прочитав где-то, что селекционеры-мичуринцы нуждаются в помощниках, чтобы проверить результаты своих опытов в условиях разных мест, я с непосредственностью деревенского мальчишки стал писать письма в разные селекционные центры, предлагая свои услуги в этом.

Классу к седьмому-восьмому я завел оживленную переписку с селекционерами Центральной генетической лаборатории в Мичуринске, Павловской и Рощинской опытных станций в Подмосковье и под Ленинградом, со знатоками комнатного разведения лимонов в Горьковской области и т.д.

Вскоре в огороде и дома у меня росли требовавшие проверки практикой гибриды, чубуки винограда и лимонов.

И естественно, что мне, в конце концов, как некогда и молодому козлово-тамбовскому парню Мичурину, захотелось начать практически осуществлять свою мечту в более широких, чем закуток в огороде, масштабах.

К тому времени я неплохо, помогая своим старшим сестрам — звеньевой полеводу Клаве и механизатору, а затем учетчице в тракторных бригадах Тоне, — в их аграрных заботах, ознакомился с сельским хозяйством в округе. А потому сознавал, что осуществить эту мечту логичнее и легче всего в своей деревне.

После преобразования нашей Борисовской семилетки в десятилетку, я оказался в Ужине самым грамотным, если не считать девицы Люси Филиной, которая была постарше меня и училась с отрывом от дома в десятом классе одной из старорусских школ.

Но Люся и ее семья заранее заявили, что она будет учиться на бухгалтера, а потом постарается поступить на работу в городе — в райцентре, Новгороде или в Ленинграде. Только бы не в деревне.

Мой же выбор стать ученым садоводом заведомо предполагал сельское бытие.

* * *

Наше коллективное хозяйство было недавно преобразовано из рыболовецко-земледельческой артели в полноценный колхоз. Да мы и раньше, сколько себя помню, именовали себя не артельщиками, а колхозниками.

Прозондировал было у избранного нами³⁰ на тот момент председателем правления Ивана Сорокина о возможности заложить колхозный

---

³⁰ Подростки тогда, наравне со взрослыми, участвовали в колхозных собраниях и на равных голосовали за принимаемые им решения. И как было не признавать за нами это равенство? Ведь у каждого из нас с 12 лет была «Трудовая книжка колхозника». С по дневной записью в ней бригадиром выполнявшихся нами работ, и с расценкой стоимости их в трудоднях.

сад, получил отказ. Он недолюбливал меня за ершистость в оценках наших деревенских дел, а пуще, за неприязнь к его вредному сынку Коляну, моему ровеснику, с которым мы нередко цапались, а потому хмуро фыркнул:

— У нас и без того пашни ешкин кот наплакал. Каждый клочок её на счету. Под лен и овощи земли не хватает... О садах ли твоих нам думать?

Тогда-то я обратил его внимание на Дикое поле, которое располагалось на пути из деревни к озеру. Оно входило в границы сельхозугодий колхоза, но в послевоенные годы никак не использовалось им.

Для механизруемых сенокосов его использовать было невозможно из-за обилия пней, для корчевки которых у артели не было средств. По этой же причине это поле и не пахалось.

На мое предложение окультурить Дикое поле, Сорокин хмыкнул:

Чтобы Дикое поле окультурить, у нас штанов не хватит!

Логика в его ответе была. Поле, о котором я заикнулся, регулярно и почти до середины лета заливалось в частые у нас вешние половодья. Это была еще одна причина, почему оно пустовало. Иногда, правда, на нем паслись стада колхозных или деревенских коров. Но в основном здесь гуртовались гуси и утки. Как дикие, так и домашние, приусадебные.

* * *

И здесь хотелось бы коснуться, как её называли наши мужики, хрущевской сплетни, будто до его руководства по злой воле Сталина советская власть всячески стесняла ведение колхозниками приусадебных хозяйств.

О подлинном отношении Сталина свидетельствует, хотя бы Закрытое письмо ЦК ВКПб о задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов, о котором мужикам проговорился, беседуя с нашими мужиками, председатель Борисовского сельсовета коммунист Панкрашов. Письмо, сказал он, принято по настоянию вождя, рассерженного статьей Хрущева в «Правде» на эту тему.³¹

---

³¹Я читал тогда эту статью, а с Закрытым письмом ознакомился только в пореформенные годы. Статья Хрущева отражала неотроцкистские взгляды по этому вопросу в руководстве страны. В Закрытом письме же без политических оценок говорилось:

«Казалось бы, что вопрос о главной задаче в сельском хозяйстве и путях решения ее, многократно изложенный в постановлениях партии и правительства, достаточно ясен и не требует дополнительных разъяснений. Однако факты показывают, что в этом отношении дело обстоит не совсем благополучно...»

...С ошибочным предложением по ускоренному селению деревень и строительству крупных поселков связана неправильная позиция некоторых работников насчет сокращения приусадебных земель колхозников.

Устав сельскохозяйственной артели исходит из того, что, наряду с общественным хозяйством колхоза, являющимся главной силой колхоза, должно существовать личное приусадебное хозяйство колхозника, как подсобное. В этом выражается известная

Как очевидец скажу, после войны притеснений личного подворья, как официальной политики, не было. Во всяком случае, у нас в районе, а тем более в округе.

Да, осуждались, причем, не только районным и нашим начальством, но и рядовыми колхозниками, те корыстолюбивые сельчане, которые, не отработав в коллективном хозяйстве даже минимума трудодней, все силы вкладывали в ориентированное на рынок личное подсобное хозяйство.

К тому же, используя для этого колхозные ресурсы.

Нормальные же труженики в нашей артели, как и в соседних колхозах, впрочем, никаких препятствий в ведении личного подворья и огорода в свободное от коллективных работ время не испытывали.

Более того, все известные мне тогда артели и колхозы оказывали им услуги во вспашке огорода, выделяли лошадей, чтобы привезти что-то нужное для их подворий или отвезти на тот же рынок излишек огородного урожая, обеспечивали в меру возможностей коллективного хозяйства престарелых жителей и инвалидов кормами для домашней живности и т.д.

Действительно, чтобы стимулировать труд в колхозе, сенокосы для личного пользования семьям трудоспособных колхозников выделялись в строгой зависимости от количества выработанных ими трудодней.

Но жестких ограничений в размерах приусадебных хозяйств не было.

Не допускалось только использование в них наемного труда. Допустимый размер же ЛПХ зависел от величины у колхоза наличных ресурсов сельхозугодий, а также от этно-национальных традиций основного населения, проживавшего в той или иной местности.

позиция марксизма-ленинизма, требующая сочетания личных интересов колхозника с общественными интересами артели. Именно поэтому, наряду с общественным хозяйством, существует в артели небольшое подсобное хозяйство колхозного двора для удовлетворения некоторых личных нужд колхозника, поскольку эти нужды не могут быть еще в полной мере удовлетворены за счет артельного хозяйства.

Поэтому нужно считать совершенно неправильным предложение о сокращении размера приусадебного участка колхозного двора в колхозном поселке до 10 или 15 сотых гектара и вынесении остальной части приусадебного участка за пределы поселка. Предлагать выделение двух земельных участков для колхозного двора — значит создать у колхозника неправильное впечатление о том, что у него собираются отобрать приусадебный участок. Ясно, что это может лишь принести вред всему колхозному делу.

Таковы главные ошибки, допускаемые некоторыми нашими товарищами в деле укрупнения колхозов.

Следует отметить, что аналогичные ошибки допущены также в известной статье в «Правде» «О строительстве и благоустройстве в колхозах» т. Хрущева, который признал полностью ошибочность своей статьи».

Кроме того, в постановляющей части Закрытого письма ЦК ВКПб было со всей ясностью и для всех ясно сказано:

«В-третьих, надо решительно пресекать попытки сокращения приусадебного участка колхозного двора и вынесения части приусадебного участка за пределы населенного пункта, как недопустимые и вредные». (См.: И.Сталин. Сочинения, т. 18. Тверь, Союз, 2006, с. 677, 679, 680.)

В нынешние годы, — вслед за тревожными и объективными очерками В.Овечкина о положении в курировавшемся в предыдущие годы Хрущевым сельском хозяйстве, — разразился шквал негативной физиологической публицистики о ситуации в деревне. Из неё, в частности следует, что в разных регионах страны ЛПХ было и при Сталине разномасштабно; калмыки, например, в личном пользовании их семей имели небольшие отары овец и табунки лошадей, а якуты и ненцы — гурты олешек, и т.д.

Более того, уже до войны порожденную чрезвычайными обстоятельствами начала 30-х годов из-за необходимости ускоренной подготовки страны к отражению нараставших военных угроз форсированную коллективизацию сменила организация ее в естественных темпах, диктуемых психологической готовностью к ней самих крестьян.

После войны, в год смерти Сталина в стране, наряду с колхозами и совхозами, хозяйствовали многие сотни тысяч, точнее 2,9 млн. единоличников. Их хозяйственная самостоятельность обеспечивалась разветвленной сетью советского нормативно-правового законодательства.

Не сталинское руководство, а хрущевское начало немотивированное притеснение сельского сектора личных подсобных хозяйств. К концу послевоенного же десятилетия практически каждый сельский двор имел огород, корову, да часто не одну, а кроме того и другую мелкую живность в довольно множественном количестве.

* * *

Сужу по нашей семье. В 1953 году у нас был огород в 45 соток, на подворье стояли корова, нетель, теленок, десяток овец и десятка полтора кур, две свиньи и полтора десятка поросят, 58 гусей и гусят, 92 утки и утят, ставших к осени взрослыми особями. . .

Они компенсировали нашей семье скудные еще, признаю, тогда доходы от оплаты трудодней в колхозе и в целом обеспечивали многочисленным домоладкам в достаточном количестве традиционные в наших краях овощи и картофель, молоко, яйца, мясо.

А после продажи осенью на рынке в Старой Руссе и Ленинграде отцом и сопровождавшей его в роли носильщицы предназначавшихся для продажи излишков этих продуктов нашего подворья и главной покупательницы городских товаров сестрой Клавой, выручка позволила нам по деревенским обычаям обеспечить двух сестер приличным приданым.³²

---

³²Кстати, для сведения нынешних зоилов антисталинистов, все еще активно пережевывающих вышеупомянутую хрущевскую сплетню, дам типичную сравнительную картинку того, как обстоит дело с ЛПХ сегодня.

Я пишу этот комментарий в своем, используемом в качестве дачи, деревенском доме посредине довольно крупного села на границе Подмосковья и Тверской губернии. Так вот, в последние годы за три летних месяца, которые я периодически здесь живу, мне не довелось услышать ни на одном подворье этого села мычания коровы, блеяния овцы, кукареканья петуха. Нет этой живности у здешнего, в основном наследственно сельского населения.

Если эти заметки будут когда-нибудь опубликованы, то не сомневайтесь, что кое-кто из моих читателей, поначитавшись нынешних обличительных сетований профессиональных критиков сталинского правления непременно напомнит мне, как, по словам этих нынешних борзописцев сталинские чиновники «обирали-де» колхозников так называемыми *обязательными поставками* части продукции личных подсобных хозяйств в фонд государства.

Да, были такие обязательные поставки, но почему?

Потому что для быстро росшего численно из-за притока сельских мигрантов городского населения в нашей стране стало не хватать продовольствия, производимого ослабленными той же войной колхозами и совхозами.

А достаточно быстро укрепить их надорванную войной экономику ей было не на что. Изнуренная военной материальной разрухой и людскими потерями, она напрягала все оставшиеся у нее силы и тратила большую часть бюджета на обеспечение национальной безопасности СССР.

На этот раз уже от американо-британских угроз.

Поэтому государству и приходится до сих пор дополнительно к продукции колхозов и совхозов использовать ресурсы личных подворий, причем не только через ненадежный рынок, а и путем прямых плановых заимствований сельхозпродуктов у этого сектора.

Тяготы же этих обязательных поставок для сельского населения нынешними антисоветскими критиканами явно, причем сознательно и злонамеренно, преувеличиваются.

Знаю это по собственному опыту, поскольку и сам еще недавно носил — старшие домочадцы были заняты на работе, — на молокоприемный пункт обязательные для нашей семьи поставки молока и яиц.

От нашего двора требовалось сдать «в Совет» 150 литров молока и 75 яиц в наиболее продуктивный летний сезон, а также 3 килограмма овечьей шерсти и 2,5 центнера картофеля осенью.

От общего удоя нашей коровы «ведерницы» — примерно в 2500-3000 кг в год, от полутора десятка кур, от дюжины барашков и ярочек, да 3-5 тонн урожая картофеля это было для семьи в принципе не очень-то и обременительно.

К тому же одновременно я нес домой из молокопункта столько же *обрата*³³, сколько накануне сдавал молока. Обрат же можно было не

И, как понимаете, не из-за коллективизации крестьянства стало ныне для сельского населения невыгодным содержание не только живности, но все чаще и даже огорода. А вследствие политики, порожденной нынешней реставрацией в стране капитализма, как непредвиденного, а возможно и сознательно инициированного неотроцкистским волюнтаризмом Хрущева итога, начатой им и его ближними и отдаленными питомцами деятельности по «совершенствованию» социализма

³³ *Обрат* — обезжиренное на перерабатывающем заводе молоко.

только скормливать поросётам и теленку, но и использовать в жаркие дни с огурчиками и лучком на готовку утоляющего жажду кваса-тюри.

И важно, что эти обязательные поставки в конце сезона нам оплачивались. Правда, не по рыночной цене, ниже ее. Зато колхоз поощрял сдатчиков дешевыми кормами для домашней скотины и нестандартным зерном для птицы.

* * *

Однако какова причина моего обращения к односельчанам через газету?

Мысль о нем у меня появилась после неудачи моего разговора с председателем Иваном Сорокиным. Я понял не только его нежелание возиться с новой доукой, но и то, что, использовать Дикое поле для традиционных колхозных нужд, от него пока мало зависело.

Для интенсивного инновационного использования этого поля у колхоза пока еще не доставало материально-технических средств, а у его руководства умений. Поэтому в том, что касалось отказа от экстенсивного использования просторов этой местной целины и создания на ней интенсивного коллективного садоводства, тут все решало согласие жителей деревни.

Фактически, большинство односельчан, как и мы с отцом, разводило на своих подворьях многочисленные стаи отдохавших на Диком поле гусей и уток.

К сожалению, их владельцы, как убедили меня мои осторожные беседы с ними, отнюдь не испытывали желания уступить это, бесплатное для выгула их домашней птицы, и не только ее, а в сухой сезон и прочей личной живности, поле ради иллюзорной для них затеи.

Выдаваемой юным мечтателем, как я понял их мысли, за коллективную нужду.

Открытое обращение к ним, которое я упросил опубликовать редактора районной газеты А.И.Соколова, преследовало две цели.

Во-первых, убедить односельчан в насущности для нашей деревни и выгоды не только для колхоза, но и для их собственных семей реализации моей задумки.

Во-вторых, посеять в их сознание семена гордости, что они могут стать пионерами нового для района общественного и одновременно сулившего им личную выгоду дела.

Ничего этого добиться мне, однако, не удалось

Надо сказать, мое обращение не только не убедило односельчан, но более того, породило довольно бурный раздор даже среди моих многочисленных родственников.

Сказалась так метко охарактеризованная в свое время М.Горьким психологическая особенность мужицкой натуры.

А именно, та самая, заложенная в нее многовековой нуждой традиционная жадность сельчан, дополненная прививкой им бацилл мелкобуржуазной ментальности, осуществлявшаяся десятилетиями умышленного разложения помещиками, а затем крупной и кулаческой буржуазией общинного характера традиционного сельского уклада жизни, худо-бедно, оберегавшего мужиков от нищеты, голода, бездомности.

Особенно интенсивного после «дарования» царем, так называемого, антикрепостнического Манифеста 1861 года, санкционировавшего развитие в России капитализма.

Знаменуя вялое рождение в деревне капитализма, господствовавшие в царской России классы, не только буржуа, но и приспособившиеся к нему помещики, инициировали формирование у крестьян психологии индивидуализма мелкого собственника, социальный геном которой за недолгое время колхозно-коллективной жизни в деревне, естественно, искоренить не удалось.

Я еще два года продолжал агитацию за осуществление своей мечты, добываясь закладки на Диком поле коллективного сада. Да не очень-то, признаться, преуспел в этом деле, а только, по своей отроческой горячности, рассорился с местными начальниками и многими односельчанами.

Что и стало, в конце концов, одной из причин ослабления моей привязанности к своей родовой деревне.

Притом, что сельский образ жизни сохранил для меня свою притягательность, но жить захотелось в других местах. А если получится, то и в иных краях, удобных для садоводства.

* * *

В общем, из этих эпизодов запутанной истории в жизни нашей артели «Им. 17-го партсъезда» неясно было, кого из нас её участников можно было называть «гусем лапчатым» — председателя Ивана Сорокина, меня, односельчан?

Социально-нравственную природу этих эпизодов истории нашего бытия покажет только наше будущее.*

СЕТОЧКА МАЛЕНЬКАЯ, ДА ДОХОДНАЯ

На прошлой неделе я возвращался из Новгорода в Старую Руссу теплоходом. На промежуточной пристани в селе Взвяд на судно шумной, галдящей толпой торопливо, как бы опасаясь, что оно уйдет, не забрав всех пассажиров, ввалились человек пятнадцать-двадцать. Жители самого Взвада и ближайших рыбацких деревень — Подберезья, Карпово, Чертицка.

Такова уж привычка у сельского пассажира: пока в транспорте на место не угнездится, не успокоится.

---

* Дневниковые записи.

Слишком часто еще совсем недавно далеко не всем желающим поехать, куда бы то ни было, удавалось сразу сесть в редкий на глухотных деревенских трассах в почти всегда переполненный пассажирами автобус ли, теплоход ли или даже кузов попутного грузовика.

Было воскресенье, а потому многие жители этого оторванного болотами и подобными лесным зарослями от прочих поселений расселенческого куста из четырех рыбацких селитб хотели побывать в районном центре. В основном в его магазинах и на колхозном базаре, естественно, по торговым делам, в основном, покупочным.

Большую часть новых пассажиров составляли разновозрастные женщины и подростки. У ильменских рыбаков идет путина. В эту азартную возможным фартом промысловой удачи пору, да еще в такое пригожее утро, обещающее не менее погожий день, у них и в воскресенье на первом месте их повседневных забот стал промысел.

Считается, и они с этим согласны, что они отдохнут в непогоду, да в те немногие дни, когда в их промысле появляются неизбежные окна межсезонья.

В духоту теплоходного салона новые пассажиры спускаться не захотели, расселись на овеиваемой свежими ветерками палубе. Кто где и кто как.

Кому не нашлось мест на лавках, приспособил для сиденья бухты канатов, старенькие круги спасения, свои котомки.

Угнездившись, разбились на привычные кучки собеседниц.

Мое внимание привлекла худощавая, маленького росточка женщина лет сорока. Я узнал в ней работницу Взвядского государственного принимающего и обрабатывающего рыбу завода Куркину.

О ней говорил мне зональный инспектор рыбоохраны Николай Павлов в прошлом году, когда мы с ним гонялись за правонарушителями промысла, как о, мягко говоря, неуживчивой особе.

Да она и сама неоднократно подходила ко мне, когда я оставался один. Узнав, что я публикуюсь в газете, она порывалась рассказать о некоторых неурядицах с бухгалтерским учетом у них на заводе пойманной колхозниками хозяйства «Красный рыбак» рыбы.

К сожалению, в редакции районки не заинтересовались ее рассказом, сказали, что факты мелковаты, надо копать глубже. Для чего у меня, несовершеннолетнего школяра, не хватало амуниции.

* * *

Куркина, не вступая ни с кем в пересуды, ни минуты не посидела без дела. Угнездившись на краешек скамьи, тут же вынула из клеенчатой сумки начатую ею ранее вязку какой-то сетчатой поделки. Сноровисто заработала спицами и вскоре закончила ее.

Спрятала законченную поделку в другую такую же клеенчатую сумку, а из первой достала комок капроновой сетки и стала с помощью тех

же спиц развязывать ее ячеи, сматывая появляющуюся в результате этого нить в клубок.

И поскольку сеть была с прорезами, на которых нить обрывалась, она искусно связывала обрывки. Да так, что узелки были малозаметными.

Распустив на нитки очередной кусок сетки, явно из некогда просмоленного, а ныне негодного, выполосканного водой и временем промышленного невода и смотав их в клубок, она вновь начала вязать какую-то новую поделку.

Соседка по скамье, заинтересованно следившая за манипуляциями Куркиной, что-то спросила ее. Та охотно протянула руку с поделкой, чтобы показать ее этой женщине.

Будучи ею развернутой, поделка оказалась обычной авоськой, с какими многие хозяйки ходят на рынок за овощами. Да и по магазинам тоже.

Компактная авоська лежит себе в кармане, есть, как говорится, не просит и не утруждает тяжестью и объемом. А когда понадобится, всегда при тебе.

Я прислушался к завязавшемуся разговору:

— Когда меня сократили на рыбзаводе, другой работы для меня на Взваде не нашлось. А уезжать, куда-либо с тремя малыши деткишками и без мужика - не больно-то уедешь.

Спасибо, добрые люди подсказали: распустать старые сети, благо их у рыбаков много, и вязать авоськи. Они на базаре хороший спрос имеют, сколько не свяжи, все быстро раскупают. На то с моими детушками и живем. Сеточка маленькая, да удачливая, кормит нас.

Соседка недоверчиво поджала губы. Заметив это, Куркина ничего больше не сказала, а замолчав, спокойно продолжила свое немудрящее вязанье.

* * *

Этот небольшой рассказ Куркиной настроил мои мысли на общественный лад. У жителей приозерных сел с рыболовецкими артелями во всем Северо-Западном малом рыболовстве земли, как правило, немного. Несмотря на относительное обилие в них трудоспособных людей, масштабно им ни растениеводство, ни животноводство без естественной базы своих сельхозугодий не развернуть.

И если тамошние мужчины на промысле всегда необходимы, то для большинства женщин работы нет.

Даже если есть в рыбацком селе, как на Взваде или в Устреке, рыбзавод, много ли ему требуется работников? Десяток-два, от силы. Ведь они осуществляют лишь первичную сортировку уловов, да разве что, и то в лучшем случае, коптят судаков, щук, лещей и вялят на воблу окуней, подлещиков да плотву. Для этого хватает пяток, десяток человек.

Вот и остается для рыбацких жен и дочерей одна сфера занятости — уход на личном подворье за домашней живностью и за приусадебным огородом.

Даже в Большом Ужине, где есть полеводческие бригады и фермы, но пашни и сенокосов мало. Особенно для живности личных подворий.

В сенокосную страду ужиняне каждый кустик в Кровайно, каждую канаву вдоль дорог косами-литовками обкашивают да траву в копнешки свивают, а потом вязанками чуть ли не на себе в свои закоулки для нужд подворья сносят.

Между тем в отношении размеров огородов и живности на личных подворьях с недавних пор стали действовать административные ограничения. Якобы для того, чтобы огородная занятость в них не сказывалась на общественной трудовой активности колхозниц.

Хотя это важно только в традиционных колхозах. Ведь в них-то, особенно на бывших оккупированных территориях, понесших утраты в лице не только фронтовиков, но и партизан и просто мирных людей, рабочих рук теперь не хватает.

* * *

А ведь можно в рыболовецких артелях, да и вообще, во всех, в том числе в традиционных малоземельных колхозах, в целях трудоузанности полубезработных сейчас, по сути дела, местных женщин организовать надомные подсобные производства и промыслы.

Для этого даже специальные рабочие места техникой не надо оборудовать. Для той же вязки, пару спиц любой сельский кузнец изготовит из немецкой проволоки. Её фрицы щедро использовали для сооружения полевых заграждений. До сих пор с войны наши территории их спиралями Бруно захламлены.

Нужда в таких работах у богатых трудовыми ресурсами приильменских рыбацких деревень ныне немалая. Как, впрочем, и возможностей у них развернуть их фронт тоже немало.

Взять те же сеточки-авоськи. Старых сетей, непригодных для промысла рыбы, но вообще-то еще с крепкой капроновой основой, в наших приозерных поселениях накопилось полным-полно. Нетрудно их распустить и наладить из полученных таким образом ниток вязание нужных людям поделок.

В вязке же в наших деревнях каждая женщина и девушка — прирожденные мастерицы. Поглядеть только, какие замысловатые кружева для себя и своего дома вяжут. А городские торговые базы и сельпо с руками оторвут их поделки.

Хотя бы уже упомянутые авоськи — маленькие незамысловатые сеточки, а дополнительный доход семье могут обеспечить надежный.

Или разные декоративные поделки для украшения наших изб. Да и городских жилищ тоже, еще неприглядных в большинстве своем, честно признаться, от бедности хозяев.

Впрочем, почему только нитяные капроновые изделия?

Тех же старых парусов в рыбацких кладовых навалом. На промысел под ними уже не побежишь, первый же крепкий порыв ветра шелонника, а тем более нередкого на Ильмене осеннего шторма, их порвет.

А вот хозяйственные сумки из них получатся замечательные. Проветренная непогодами смола на них уже утратила запахи, а прочность и непромокаемость обеспечивает еще надежно, что важно для переноски мокрых поклаж.

Помню также в конце сороковых годов у нас в большеужинском Кровайно, — большом кустарниковом массиве, — обосновались в поставленных ими на лето шалашах две семьи из старорусского пригорода Дубовицы. Одна вязала из распространенного там ивняка хозяйственные корзины и изящные корзиночки, другая — веники-голики из музги³⁴, которой в Кровайно немерянные массивы.

Из Старой Руссы к ним временами приезжала грузовая машина, забирала их изделия и увозила.

Одни на продажу в магазины хозяйственно-бытовых и иных товаров, другие в совхозы, колхозы, на предприятия, чью продукцию необходимо было перевозить затаренной небольшими порциями. А мешковина в сезон сельскохозяйственных заготовок становилась дефицитом.

И в этом случае для организации у нас промысла никакого оборудования и дополнительных условий не нужно.

Жилье у местных женщин свое. Доставку лозы ивняка и музги к дому любой подросток на телеге обеспечит, Веники вязать — каждая хозяйка в Троицу, когда у нас традиционно березовые веники вяжут, свое искусство перед соседками проявляет.

Остается только договориться с городскими торговыми организациями, чтобы они сбыт деревенских поделок обеспечили. А спрос у населения на корзины, корзинки и веники постоянно устойчивый и, сдается, неисчерпаемый.

Или взять камышовые циновки и половики, изготавливаемые из текстильной макулатуры.

Помню, как в первые послевоенные годы за ней кочевые старьевщики на телегах по нашим деревням ездили. Скупали ее и кости, необходимые для изготовления клея, в обмен на детские игрушки и немудрящую кухонную утварь.

Но в этом с ними соперничали ткачи-передвижники. Они кочевали по сельским поселениям со своими, как говорится, «допотопными», сохра-

---

³⁴Музга — мелкая ивняковая лоза с верхушками-метелками, связанные вместе эти лозы дают веники, подобные тем, что вяжут из сорги, но износо устойчивее их.

нившимися, видать, еще с дореволюционных лет, деревянными станами, и предлагали хозяйкам свои услуги.

Те загодя заготавливали и копили к их приезду льняную пряжу, камыш и тряпочную макулатуру.

А кустарные ткачи-ремесленники, обосновавшись со своим станом в избе очередного заказчика, ткали для него полотно, половики, циновки.

Так же поступали сезонно кочевавшие по нашим деревням шерстобиты и пимокаты, валявшие валенки, без которых в наши зимы жизнь вообще, кажется, невозможна. Или скорняки-сапожники и столяры-плотники.

Проблем с сырьем для их изделий, помнится, не возникало. Лен в наших краях — исконная культура и потому в каждой сельской избе всегда были запасы кудели для пряжи.

А ее каждая женщина и девушка способна была напрясть — во всех семьях имелись прялки.

Также не вставал вопрос и по поводу наличия шерсти.

Овец, особенно романовских, через пару лет после войны на каждом подворье гуртовалась маленькая отара. Это не коровы, которых надо годами растить. Овечье и козье поголовье у нас было возрождено в несколько лет.

В сравнимых, естественно, с довоенными масштабами, размерах.

А в результате и шкур, которые можно было продубить на кожу или на полушубки, в наших деревнях тоже было достаточно.

Ну а что касается камыша, то в нем недостатка никогда не бывает. Во всем приозерье за исключением всегда сухого высотного побережья от Шимска до Ужина, по всему прочему низкому, а потому болотистому береговому Приильменью, его у нас видимо-невидимо.

После войны большинство наших сельчан были полу разутыми, — в иных местах опорки да лапти носили, — и полу раздетыми. Фабричные ткани в сельпо по одному аршину на каждого домочадца продавали. А приличной обуви в государственной продаже вообще почти совсем не было.

Но через год-два местные деревенские девушки уже гордились друг перед другом красивыми домоткаными рушниками и рулонами льняного полотна в приданое.

Большая часть молодежи щеголяла зимой в новеньких валенках-чесанках и полушубках из шкур романовских овец.

А хозяйки хвастались одна перед другой затейливостью половиков и циновок в их избах.

Десять лет спустя после войны многие из этих изделий, конечно, обесценились. В магазинах сельпо фабричных тканей ныне достаточно, ищут с расцветками позатейливее. О полушубках у нас теперь только в мороз вспоминают, а в моде габардиновые пальто.

Но циновки, половики, чесанки у сельчан по-прежнему в цене. Только вот в магазинах их ныне все реже можно купить. И появись они вновь на колхозном базаре, спрос на них будет наверняка.

* * *

Я к чему обо всем этом рассуждаю?

Нынче стало господствовать стремление требовать от всех колхозов, совхозов и сельхозартелей, чтобы они, чего бы то им ни стоило, специализировали свои производства, занимались только тем делом, для которого по чьему-то плановому начертанию созданы исходя из односторонней экономической необходимости.

Полагаю, что в этом немало не учитывающей всего многообразия жизненных потребностей глупости.

Специализация, как говорил т. Сталин, целесообразна и эффективна для организации крупномасштабного узкоотраслевого производства. Притом она не гарантирует полное использование трудовых ресурсов. В деле же обеспечения его и бытовых удобств важнее разнообразие трудовых занятий.

В том числе занятий, создающих удобства жизни.

В наших рыбацких селах, и не только в них, а всюду в малоземельных деревнях, где есть избыток рабочих рук, насущно необходимо дополнение специализированных производств, — скажем, добычи рыбы, — подсобными занятиями.

Конечно, было бы хорошо перенаправить избыточные трудовые ресурсы на организованное в государственных масштабах развитие сельской сферы бытового обслуживания.

Но для этого деревне необходима собственная, обеспеченная сырьем, орудиями труда, торговой сетью и т.п. социально-бытовая инфраструктура.

Для еще недавно напрягавшей все силы, чтобы преодолеть военную разруху и укрепить свою обороноспособность страны, это было не по средствам. Эта задача только сейчас поставлена ее руководством в повестку дня.

Но пока жизненный спрос на сервисные ценности есть, а дела мало, не стоит игнорировать и паллиативные возможности решения этой задачи путем развития, где это можно, подсобных производств и промыслов. В том числе индивидуальных или на базе артельной кооперации усилий кустарей-индивидуалов.

Это, безусловно, не магистральный путь, но, полагаю, эффективное дополнительное средство, которое может существенно укрепить упомянутую экономику специализированного сельскохозяйственного производства. И вместе с тем улучшить быт населения наших деревень.

Вот какие общезначимые, полагаю, мысли рождает сегодня маленькая сеточка-авоська, производимая встреченной мной на теплоходе сухонькой женщиной из рыбацкого села Взвяд.*

СВЕТ ИЗ ПЕНЬКОВО

Этот свет на подчеркнутым ночными тенями западном горизонте, со стороны соседнего с Большим Ужином села Пенькова, за десяток километров от моего местонахождения, бросился мне в глаза с околицы села Борисово в марте.

Именно в это время дня я в десятом классе обычно и возвращался домой из школы. То есть, в уже густо синеющих над снежными просторами зимних полей сумерках.

* * *

Вообще-то, в старших классах занятия кончались в 2-3 часа дня, в начале весны в эту пору еще светло. Но у меня в школе и помимо уроков было немало дел.

Например, после занятий семена или чубуки для прививок и посадок в связи с приближением весенней страды вместе с друзьями по биозо-окружку отсортировать или проверить, да в сельсоветскую библиотеку успеть забежать.

К тому же еще на пионерском, а с восьмого класса на комсомольском собрании необходимо быть. Или на репетиции кружка художественной самодеятельности, для которого я писал короткие интермедии на злобу школьного дня или сатирические репризы к ее читкам, присутствовать.

А осенне-зимние дни короткие.

Впрочем, и сейчас, в начале весны, когда они ощутимо подросли, я почти всегда возвращался затемно, а потому в одиночестве.

Мои возможные попутчики, девятиклассник Юра Тонков из деревни Большое Учно и одноклассница Мирра Котова из сельца Малый Ужин, уходили домой без меня, сразу после уроков.

А большеужинские сверстники, с которыми мы закончили ужинскую начальную школу и стали ходить многочисленной ватагой в пятый класс Борисовской семилетки, постепенно отсеялись. Посчитали, что больно далеко ходить в Борисово.

Из Большого Ужина за семь, из Малого Ужина за шесть километров. К тому же нередко в дожди по грязи или в метели по снегу по колено.

Когда, после окончания мною нашей семилетки, ее превратили в десятилетку, нас осталось всего три человека. А к десятому классу только два — Мирра и я. Да Юра перешел к нам, после какого-то скандала, из Наговской школы в девятый класс.

---

* «Старорусская правда», 1955 год, июнь. *Подпись*: Владимир Староверов, д. Большой Ужин. Мою ссылку на Сталина, кстати, Шатров вычеркнул.

Преобразовав нашу семилетку в десятилетку, для нее построили новое двухэтажное здание в живописном сельце Кольчугино, что стоит на полуострове среди парковых деревьев в полукольце реки Перехода. Зато еще дальше на километр от наших трех Ужинов и Большого Учно.

Поздней осенью, когда начинались морозы, озеро и реки замерзали, я добирался до школы и возвращался из нее домой окружающими путями по льду Переходы, затем озера, потом замерзших канав. Зато на коньках-дутышах.

Сначала бежал из школы рекой до церковной околицы Борисова, потом речной полу дугой сквозь него. Выбежав из села и оставляя слева ветряную мельницу на берегу Переходы, дальше скользил ее извилинами по речному льду километров десять до озера Ильмень.

На озере же, прижимаясь поближе к его берегам, бежал до речки Глушок или до называемого старожилками полусельца — по связи с разрушенной немцами церковью и кладбищем, полу хутора по масштабам — Старого Ужина. Вообще-то ныне прозываемого Кукуевкой.

И далее от нее, по замерзшим канавам, до и вдоль Большого Ужина, то есть почти до моего дома.

Получалась пробежка общим счетом, если через Глушок, верст в восемнадцать, а через Кукуевку — около двадцати.

* * *

Я обычно предпочитал последний маршрут, поскольку в этом случае большая часть пути бежал чистым зеркалом озерного льда. А в заболотистом Глушке зимой образуется много камышовых заструг. Да и коварные, слегка припорошенные снежком промоины в нем даже в морозы встречаются.

Но конькобежный вариант я мог выбирать лишь в бесснежное и малоснежное морозное время, к тому же — только в лунные ночи. А иначе можно было легко налететь в темноте на затянутые тонким ледком и припорошенные снежком промоины или споткнуться на застругах и полететь по инерции носом в лед.

В безлунные же ночи я предпочитал топтать почти десяток километров по замерзшим тропам и дорогам пешком.

Ну, а заснеженной зимой способ и путь из школы у меня иной — на лыжах до Борисова, затем по его основной улице до ветряной мельницы, а за его околицей, перейдя Переходу, напрямик по заснеженным полям — до Ужина.

Что сокращало мою пешую дорогу на два-три километра.

Правда, в этом случае имелись свои коварные заморочки.

Во-первых, в стороне от проезжей дороги темной ночью жутко бывает бежать пустынной снежной целиной, не видя ни огонька в качестве ориентира, руководствуясь только инстинктивным наитием траектории движения и ориентиром по ненадежным звездам.

Их у нас в небесах, как на грех, не всегда и обнаружишь. Поскольку звездное небо в осенне-зимние сезоны в наем Поозерье большей частью плотно закрыто тучами или густыми облаками.

Во-вторых, в пургу или метель нередко случается так, что, налетев на невидимый в глухой зге³⁵ сугроб или обрыв, летишь с маху кубарем в снег.

Особенно часто доводилось «летать» с обрывистых берегов в сугробы речки Виленки. Она течет из-за Маковища и впадает в Ильмень, пересекая мой путь километрах в двух-трех от Малого Ужина.

Жуть порождает именно необозримая чернота ранних осенне-зимних ночей.

Я, конечно, знаю, что на всем протяжении моего пути, где-то в стороне верстах в трех-пяти от его траектории, стоят вереницей несколько деревень — Борисово, Маковище, Вересково, Малый Ужин. Но в темноте ночи их слепые зимой из-за тусклого света керосиновых ламп окна практически не проглядывались.

Только вдали чуть просматривались или угадывались по отсветам в небе отблески электрических огней Наговской МТС. Она от нас отстоит в 10-15 верстах. Да Старой Руссы, до которой, вообще, -то напрямик 15-20 километров, но зарево отблесков из-за обилия света на ее улицах сильнее.

* * *

И вдруг в конце февраля или в начале марта по моему маршруту домой, то есть в направлении Старой Руссы, но явно ближе и очевиднее, и не бледным сиянием отсветов, а явственно, вспыхнули длинной россыпью в лунном отблеске укрытых леденисто поблескивающим настом полей ярко-синие огоньки.

Я, естественно, сразу понял, что это засветились столбы электролиний в Пеньково, Чернеце и Большое Учно — деревень соседнего с нашей артелью колхоза имени Ильича.

Значит, его председатель Валентин Шуплецов выполнил свое обещание осветить их лампочкой Ильича. Его он давал тамошним колхозникам два года назад при его избрании главой этого хозяйства.

Мне кажется, что я вообще-то неплохо знаю об изменениях в ключевых направлениях не только хозяйственной, но и социально-бытовой жизни пеньковского колхоза в последние три-четыре года.

Моя третья по старшинству сестра Людмила вышла замуж за механизатора Василия Михалева из деревни Большое Учно. И я частенько навещаю их по ее просьбе, чтобы приглядывать за ее первенцем, моим

---

³⁵Зга — по В.Далю, «темь, потемки, темнота». Но упоминает он и устойчивое поэтическое выражение «не видно ни зги», а в нем зга по значению уже ближе к понятиям тропа, путь, и не видно ни зги означает не видно ничего, ни пути, ни тропинки.

племянником Витюшей. Пока она в это время обихаживает живность на их подворье или приусадебные огородные грядки.

Зять, Василий Михалев немногим старше меня. Другой близкой родни после смерти его деда у него не осталось. Возможно, поэтому моим приходам он явно радуется и всегда, если дома, хотя по натуре от рождения малоразговорчивый, делится со мной местными новостями.

Да и вообще, еще со времен наших походов со второй сестрой Антониной, которой помогал осваивать нелегкое для нее по причине ее тогдашней малограмотности дело учетчицы тракторных бригад Василия Тиханова и Николая Рогова, я своими ногами и с помощью землемерной рулетки досконально изучил топографию пеньковско-ученских полей.

Соответственно и людей, которые их обихаживали, узнал.

Тем более что среди них оказалось немало дальних родственников и хороших знакомых моего отца. Некогда в молодости разудалого гармониста и общительного, скорее всего в силу его исключительной незлобивости, а потому весьма популярного в деревнях нашей округи человека.

В силу всех этих обстоятельств я стал в последние два-три года «своим парнем» в деревнях Пеньково, Большое и Малое Учно, а отчасти и в Чернеце, откуда был родом один из моих прадедов и где проживали наши дальние по нему родственники Тихановы.

И потому оказался в курсе событий и их подспудных, самых насущных тайн бытия колхоза имени Ильича.

В частности того, как своего рода вахтовым методом руководил им в последние полтора года из райцентра Старой Руссы его, последний перед нынешним, председатель Ельчинский. Не желавший ни сам переезжать в колхоз, ни семью перевозить на оседлое жительство в одну из его деревень.

В результате своего «налетного» руководства он окончательно довел колхоз до положения риз, хотя был послан в Пеньково именно для укрепления ослабленной после войны экономики местного хозяйства.

И, обнаружив этот прискорбный факт, из-за своего малодушия сбежал обратно в город, вопреки угрозам понести партийное наказание за дезертирство с трудового фронта. Даже не отчитавшись перед колхозниками за состояние дел.

* * *

Не желая в данном случае касаться этого подробнее, могу только сказать, что Валентин Шуплецов появился в колхозе имени Ильича в момент крайнего разочарования местных колхозников в руководящих варягах со стороны.

Однако и сам он был для них именно из числа таких варягов, да еще отдаленных.

Не спасало и то, что райком партии и исполком райсовета рекомендовали его как тридцатитысячника — посланца партии и ленинградского пролетариата.

— Какой же он посланец питерского пролетариата, если с высшим образованием? — выразил недоверие сомневающимся колхозников честолюбивый механизатор Мишагин из Большого Учно, сам не только мечтавший о председательском кресле, но и активно претендовавший на него.

Действительно, невысокого росточка, щеголевато одетый интеллигент лет тридцати-тридцати пяти Валентин Шуплецов производил двойственное впечатление.

Казалось, как и предыдущий посланец, только не старорусского инженерного корпуса, а ленинградского, случайно оказался он среди собрания грубоватых сельских мужиков в зале захудалого бревенчатого деревенского клуба.

И судьба его будет столь же незадачливой, как и у его предшественника на посту колхозного головы. Тоже, кстати, тридцатитысячника.

Но подкупали энергичное выражение цепкого взгляда его цыганистых черных глаз, да прядь седых волос, эффектно пересекавшая наискосок его брюнетистую голову вороного цвета. Слева направо, от высокого лба до выпуклого затылка.

И внушительная манера говорить, немногословная, решительная и, пожалуй, жестковатая. Характерная для человека, привычного к тому, чтобы распоряжаться другими людьми и приказывать им.

А также свойственная такому человеку привычка стоять на трибуне перед массами, по которой чувствовалось, что он знает себе цену, высоко держит ее планку и уверен в себе.

В общем, прощупав колючими, нередко недоверчивыми вопросами, ильичевцы избрали его очередным председателем.

* * *

Как поднимал Шуплецов лежачий и донельзя закредитованный предшественником колхоз — тема особого разговора, но успешные результаты его усилий сегодня налицо.

Хозяйство «Имени Ильича» расплатилось с многолетними долгами. Начал неуклонно обретать вес колхозный трудодень. Появился и стал привычным веселый перестук топоров на многочисленных новостройках. Причем во всех деревнях. За исключением разве что сельца Малое Учно, жители которого психологически давно нацелились на то, чтобы перебраться в селения покрупнее. Где народу кучнее, быт интереснее и досуг веселее.

В Пенькове вместо старого деревянного клуба развалюхи построили из озерного плитняка Дом Культуры с удобной сценой для художествен-

ной самодеятельности и просторным кинозалом не только для показа фильмов, но и для прочих надобностей.

Скажем, для общеколхозных и бригадных собраний.

* * *

И вот новшество, которое продемонстрировало готовность колхоза «Имени Ильича» войти в когорту сельских хозяйств-лидеров Южного Приильменья.

Первыми среди колхозов окружного куста — Старорусского, Шимского и Волотовского районов, — он начал электрификацию своих деревень.

Правда, пока только коммунально-бытовой сферы жизни. С освещением улиц, жилых домов и культурно-бытовых заведений. Но с дальнейшим прицелом на электрификацию производства. В первую очередь, в животноводстве, где больше всего сохранилось еще ручного труда.

Поэтому и динамо-машину в Пенькове поставили, насколько слышал от моего большеучновского зятя Василия Михалева, с запасом мощности.

Ильичевцы заметно ободрились переменами в их жизни. Они не только подняли понуренные ранее взгляды, но и, похоже, осмелели.

Так, они «нахально», как поговаривает кое-кто в районе, вызвали на соревнование лучший старорусский колхоз «Имени Чапаева», которым бесменно руководит с довоенных лет прославленный председатель Карп Максимов.

Это, как поведал мне тот же Василий Михалев, Валентин Щуплецов подбил пеньковско-ученских колхозников на такой дерзкий вызов чапаевцам.

Прежде ильичевцы ходили в районе в числе хронически отстающих сельских хозяйств по всем экономическим показателям. В редких случаях, по отдельным делам, в середняках. А теперь они во всех сводках в первой пятерке лучших колхозов-совхозов Южного Приильменья.

Районные лидеры начали возить в Пеньково руководящих визитеров, а также прочих новгородских и ленинградских знатных гостей на показ достижений.

Вот и недавно привезли не кого-нибудь, а самого председателя советского правительства Георгия Максимиллиановича Маленкова с его эскортом из новгородского начальства.

Впрочем, этот визит районные и областные газеты подробно описали, а я, как очевидец его, хочу сказать о том, с каким достойным самоуважением отреагировали на него сами, особенно рядовые, ильичевцы.

Реакция их была сдержанная, деловая, как будто и не в новинку для них такие высокие гости. А потому они, хозяева, вправе общаться с ними с чувством собственного достоинства.

Именно в такой атмосфере проходила их беседа с главой правительства. Без заносчивой развязности хозяев, как это иногда свойственно

невежественной толпе затюханных работяг, а просто, без нарочитого смущенья и самоуничижительной скромности, с рассудительными оценками затрагиваемых вопросов.

Может быть, это электрический свет из Пенькова так по-новому осветил перестройку уклада их душевного мира и поспособствовал проявлению характера, достойного морали и нравственности советского человека труженика* .

---

* Литературно-художественный альманах «Новгород» №7, 1956 год. *Подпись*: Владимир Староверов.

Глава восьмая НАЧАЛО ДЕСУБЪЕКТИВАЦИИ ДЕРЕВНИ

Начиная со второго года после сталинского жития Советского Союза, Хрущев все более откровенно для советских людей укреплял свою власть поддержкой её благодарной лично ему местной номенклатуры.

Делал он это, прежде всего, интригами и подкупом.

Именно так оценивали в моем окружении «знающие люди» незаконную передачу российского Крыма Украине. То была, по их мнению, оплата Хрущевым потенциальным украинским нацикам за их поддержку его политики управления страной.

Целинная эпопея, помпезные среднеазиатские стройки, помимо прочих соображений, преследовала, по их мнению, ту же цель снискания базы таковой поддержки его политики управления на востоке. А, кроме того — «наказания» российских, особенно среднеевропейских региональных руководителей, в большинстве своем находившихся в оппозиции к волюнтаристскому стилю руководства нового партийно-советского «вождя» и его подельников в правивших верхах.

И хотя, по законам инерции, в стране в целом продолжалась еще сталинская эпоха социалистического строительства, но в нем, не только на общесоюзном уровне, но и в повседневности низов все явственнее начали являться признаки разложения.

ОТСТРЕЛ ЛЕБЕДИНОЙ СТАИ

Из дневников за 1954-1957 годы.

Ноябрь 1954. Тоня встревожена. После рождения сына она полтора года поработала учетчицей тракторных бригад, а сейчас ей поручили обеспечивать работу стационарных уборочных агрегатов: молотилок и триеров с тракторным приводом, механической мялки льнотресты и прочей техники МТС, обслуживающей наш колхоз.

Стационарная — то она стационарная, да все равно нуждается в динамических приводах, а те в горючесмазочных материалах. А их, то одних, то других, нигде не добыть.

Раньше были, а теперь, как корова языком слизнула.

Павлуха Романов и Волоха Сорокин грешат на то, что все эти неурядицы проистекают из-за того, что ГСМ, запчасти и машины направляют куда-то на юго-восток поднимать целину.

По технике и оборудованию это еще не заметно, их в последние два-три года Наговская МТС получила немало. А вот перебои с горючкой и запчастями становятся все заметнее и заметнее.

Скоро белые мухи начнут летать, а у нас еще без малого половина урожая в полях. Давно такого не было.

И не только Павлуха и Волоха грешат на недавно объявленную кампанию распашки казахстанской целины, а и другие мужики. Говорят, не во время она. Ведь еще военную разруху русская, белорусская, вообще вся западноевропейская советская деревня еще не совсем залатала, а тут такие силы и средства на что-то непонятное отвлекаются.

Где здесь непонимание происходящего, а где оправданное осуждение с пониманием его ущербности, трудно пока понять. Газеты, радио и лекторы из райкома день и ночь шумно прославляют целинную кампанию, а наши мужики чего-то хмурятся. . . И ругаются., матерно!...

Вчера Граха Жинов увидел у меня майский, за прошлый год, журнал «Огонек», посвященный прощанию народа со Сталиным, мрачно пролистал его и, бегло пробежав глазами выступление кого-то из близких к усопшему вождю ораторов на церемонии похорон, сильнее, чем обычно задергал головой и прохрипел «б-б-б- ля. . . ди».

Испугавшись, что он упадет в припадке эпилепсии, а такое с ним бывает, я не спросил, о чем или о ком он так пытался сказать. Да и видок его не располагал к расспросам. . .

Лето 1955. Чем дальше в лес, тем больше бурелома. Начавшаяся со смертью Сталина кадровая чехарда в верхах, не утихает. Стало известно, что еще в прошлом году со скандалом и окончательно в отставку отправлен, а к осени и умер скоропостижно Вышинский.

Про Берию и его соратников у нас уже и разговоров нет.

Да вот на днях пенсионер Булганин сменил заместившего, было, Сталина на посту Председателя Совета Министров более молодого Маленкова. Того самого, который произнес на похоронах вождя программную прощальную речь.

Подальше от Москвы отправляются деятели, введенные вождем незадолго перед смертью в высший круг управления партией и страной. Скажем, памятный по войне руководитель партизанского движения Пономаренко. А также новые члены расширенного Президиума ЦК партии. . .

Но не только это настораживает, а и участвовавшие в газетах невнятные намеки на необходимость преодоления в послевоенной практике партийного, советского и хозяйственного управления страной, в идеологии и культуре неких субъективистских ошибок.

В чей огород камушки нетрудно догадаться: послевоенная практика управления — это практика Сталина и его сподвижников. Об этом не говорится, но как долго будут продолжаться эти недомолвки?

Август 1955. Любопытным показался мне один момент из вчерашней беседы отца с дядей Мишей. Тот летом совсем разболелся, несколько недель влещку лежит на топчане в огороде в тени под разросшимся

кустом ракитника, спасаясь от солнца. В избе-то он задыхается. По болезни его и с фронта комиссовали раньше отца.

Из живых ныне старших Куликовых-Староверовых дядя Миша средний. Старшая из них тетка Тоня Рюханова, младший мой отец. А когда-то было их у деда Лехи Кулика шесть сыновей, приемыш Витаха и три дочери.

Тетка Тоня высокая — выше дяди Миши на голову, не говоря уже о моем отце — плечистая, вся в свою мать, нашу бабушку Марью Николаевну. Та была, по словам односельчан, копией ее деда — святорусского богатыря духобора Кузьмы Филатова.

Муж тетки Тони Василий Рюханов (Пятин) погиб на фронте, оставив её вдовой с тремя детьми.

Старшая из детей и единственная дочь обаятельная красавица, ровесница и подружка нашей Клавды, Настя. Далее — сын Николай, ровесник моей сестры Тони.

Хотя эту мою сестру по настоянию отца и называли-то в честь тетки Тони, особой братско-сестринской дружбы, как и неприязни, между нею и Николаем я не замечал.

Может быть, в силу своей неопытности в этих делах, а может потому, что у девиц и парней разные интересы.

Тем более что детство их прошло в разлуке. Если нашу семью немцы законопатили в концлагерь, то Рюхановых, более пригодных к физическим деревенским работам, по желанию властвовавшего у нас в войну жандарма из латышей, угнали в батраки к его родичам в Латвию.

Настя и Николай оба среднего для односельчан роста и оба здоровяки. Особенно Николай, руки которого бросаются в глаза большими кулаками и бугристыми мускулами. Явный показатель того, что детство и взросление его прошло в неустанном труде на свежем воздухе.

Второй сын тетки Тони Юра, росточка нашего отца. То есть, он в деда Кулика. Они все трое росточка ниже среднего.

Возрастом Юраха моложе Люси, но старше на год нашей Настуши. Озорной повеса, плясун, тянется к люсиной девчачьей компании. Я с ним дружу, но не так тесно как с Володей и Раей Булаткиными или даже со старшим их возрастом, но похожим повадками на нас Панком.

Тетка Тоня добродушная широколицая, с мясистым носом старуха лет на 15 старше моей мамы. Она приходится маме золовкой.

Вопреки досужим рассказам в деревне о неизбежных распрях невесток с золовками, с мамой они общаются дружески. Никаких намеков на то, что они когда-либо ссорились, в их общении не заметно.

Хотя вообще-то мама фыркает иногда недовольно, что отец со всеми своими горестями ходит «плакаться в кофту» сестры. Но такой уж характер у приверженного кровному родству отца. Он и к дяде Мише часто ходит советоваться.

Видимо, сказывается то, что из шести братьев он был самый младший и опекаемый ими баловнем.

К тому же тетка Тоня имеет репутацию мудрой старухи. А дядя Миша, по словам мамы, вообще хитрован, унаследовавший характер их отца, моего деда Лехи Кулика Хитрого.

Впрочем, мама и к дяде Мише относится по-родственному, доброжелательно. Вот кого она откровенно не любит — так это жену дяди Миши Надеху.

Сдается что их взаимная неприязнь друг к другу — это отрывка отношений той давней поры, когда им всем приходилось жить совместно на хуторе деда Лехи. Тогда старшая невестка Надежда попыталась помыкать младшей — мамой, невзлюбив ее за то, что та была красавицей, и мужская часть большой семьи непроизвольно относилась к ней благосклонней, чем к невзрачной Наде.

Я не обращаю внимания на коллизии в отношениях старших родичей. И, несмотря на неодобрительную реакцию в некоторых случаях мамы, в равной степени охотно общаюсь со всеми их семьями.

Кроме Булаткиных и Юры Рюханова, я дружу в семье старшей сестры мамы лели Нюши (Анны) Лениной с погодками Сергеем, Женей и Мишей. А у Куликовых — с младшим Лехой и старшей Машей.

Оба Николая — Куликов и Рюханов, как и наши двоюродные сестры — Настя Рюханова и Рая Куликова, меня мало интересуют. Потому, наверное, что у старших свои взрослые интересы, а Рая комплексует из-за своей непривлекательности — больший, чем модный у односельчан курносый, нос, её сутулость и угрюмоватость.

С первого взгляда на дядю Мишу видно, что он с каждым днем становится все болезненнее. Именно по причине его чреватого печальным исходом состояния отец и взял меня с собой. Сказал дрогнувшим голосом:

— Пойдем, спроведаем Миху. Может скоро и не доведется нам больше его живьем видать. . . .

Однако, увидев нас, дядя Миша явно приободрился. Разговаривал с нами, хотя и с одышкой, но ровно.

Про меня родичи, а иногда и другие наши деревенские, когда хотят похвалить, говорят: «Разумный парень растет, весь в деда Кулика и дядю Мишу!..» И мне было любопытно, в чем же мы с ним — деда я не помню — схожи?

Тогда мы — с перерывами на его отдых — долго и о многом говорили с дядей Мишей. Запомнилось сказанное им отцу:

— Знаешь, Иван, сдается мне, что Сталина и Берию убрали люди из их окружения. И связано это во многом с доброжелательным отношением этих вождей к русским и русской деревне. В Москве не все наибольшие во власти одобряли такое их отношение. . . Похоже, грядут перемены. . .

Признаться, я вздрогнул, услышав от стоящего на пороге своего конца дяди Миши страшное подозрение, что со смертью вождя и его соратников не все чисто. Вспомнился годичный давности треп Васюка Сорокина.

Смутило меня и второе предсказание. А именно, грядущих перемен в нашей жизни. В отличие от Васюка Огапова, дядя Миша не конкретизировал, что это будут за перемены. А мы не расспрашивали, поскольку сказал он о них, походя.

Весна 1956 года. Прошлым летом я задал себе вопрос, как долго будут покрываться флером недомолвок намеки на ошибки практики сталинского управления страной.

К нынешней весне весь этот камуфляж отброшен в сторону. Месяц назад в феврале состоялся съезд партии и, на нем или сразу после его закрытия, партийный «наследник» Сталина сделал пространный и сногшибательный доклад о вреде «культы личности» своего предшественника.

Доклад нигде не опубликован, но по тому, как в газетах, по радио и на митингах-собраниях краснобаи, вроде Волохи Сорокина, дружно и беспардонно начали обличать и «вскрывать грубые» ошибки покойного вождя, можно догадаться, что дана верховная отмашка, облить его наследие грязью.

Но ведь сталинское наследие — оно не что иное, как советская власть и социализм.

Выходит дано благословение на пропаганду — под видом критики «культы личности» Сталина — антисоветизма и антисоциализма. Причем, что погано, освящено оно авторитетом созданной Лениным, достроенной Сталиным коммунистической партии.

Понимают ли допустившие это кощунство наши деятели, на что они подписались? Чем это грозит не только стране, но и им самим?..

Лето 1957 года. Вот тебе бабушка и Юрьев день! Как утвержденный райкомом комсомола политинформатор читаю мужикам информацию по итогам Пленума о «антипартийной группе». Молотов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров и примкнувший к ним Шепилов.

Все они, известные с довоенных или с повоенных времен, сталинские соратники.

Мужики чешут репы, ругаются, спорят друг с другом. Похоже, в их умах царит полный ералаш и раздрай.

Васюк Огапов на днях напился в зюю, горланил на всю деревню лагерные задиристые частушки. Граха, похоже, тоже глотнул браги. И много ли ему надо, плачет и все порывается что-то сказать. Да никто его не понимает. . .

Осень 1957 года. Я много уже видел рассветов. В конце концов, ежегодно, каждую Пасху, мы в детстве ждали восхода солнца, чтобы полюбоваться игрой создаваемых им призрачных видений.

Но то, что мы с Володей Булаткиным видели сегодня рано утром — это как сказка.

Мы с ним заночевали в шалаше, сооруженном нами еще летом в кустах ближайшей к Взваду кромки Каменного Носа. Чтобы на рассвете проверить поставленные вентеры, а потом — мне, во всяком случае — успеть съездит до обеда на велосипеде за книгами в Борисово, провести репетицию, вечером даем концерт.

Встали в сумерках. Пока переобулись, перекусили, сумерки растаяли. Выглянули из полога кустов, и ахнули. Ярко-розовым живым лебединым ковром полыхнул до Взвада Тулебельский залив.

Все кругом замерло. Ни куст не шелохнется, ни птица не пролетит. Лишь разгорается над далеким Взвадским маяком алая каемка на небе. . .

И вдруг волшебная тишина дивного красотой рассвета взрывается раскатистым дуплетом охотничьего выстрела.

Алая каемка над маяком перекрывается взметнувшимся с залива в небо ярко-розовым ковром.

С заполошными гортанными криками, раскинув озаряемые восходящим солнцем крылья, сталкиваясь друг с другом, небо заслонили сотни, если не тысячи, лебедей. Оставив на воде десяток трепыхавшихся от ран или недвижимых сородичей.

Огромная, никогда до того и позднее не виданная мною стая их, оказывается, отдыхала в своем перелете на юг на заводях Тулебельского залива. Причем, не в отдалении от берега, а почти вплоты к зарослям кустов.

Причина ясная. Вчера безобразничал северо-западный холодный ветер шелонник, а здесь под укрытием их полога был затишок.

Но лучше бы им в холоде ночь покачаться на волнах привольного Тулебельского залива, чем заснуть рядом с удобными для засад или удобного подкрадывания равнодушных к их красоте охотников зарослями.

Не успела неповоротливая из-за своей ошеломленности и огромности стая убраться к горизонту, как, разрывая тишину и радушия прелести утра, раскатываются еще два дуплета охотничьих выстрелов.

От ярко-розового облака лебединой стаи отслаиваются и падают в воды залива, бессильно, и явно предсмертно, трепыхая крыльями, еще с десяток все таких же бело-розовых, но уже очевидно, что умертвленных птиц. . .

Стая с заполошным гомоном и кликами скрывается за горизонтом у Чертицка и Подберезья. Из укрытых ракитниками засад для сбора белеющих в воде трофеев выплыл челн с двумя бездушными, мерно взмахивающими веслами убийцами. . .

Что тут скажешь?

Опасно даже для огромной стаи любезных взору и душе лебедей прекраснодушествовать и благодушествовать, не остерегаясь засад в кустах. . .

БРОСОВЫЕ НУЖНЫЕ ДЕРЕВНЕ ЛЮДИ

В моей, а, полагаю, и в вашей памяти сравнительно недолгое послевоенное бытие односельчан нашей деревни распадается на два противоположных по ее направленности временных периода.

Первые пять-шесть лет послевоенного времени численность большеужинян быстро увеличивалась. И не только за счет высокой рождаемости. Значительно превышая тоже вообще-то высокую, из-за ускоренного вымирания потрясенных испытаниями стариков и ранениями инвалидов, смертность, она была все же ниже темпов прироста числа детей. Но, прежде всего, пожалуй, вследствие притока односельчан из мест вынужденных военным лихолетьем скитаний.

Как вы, наверное, помните, односельчане возвращались из эвакуации, из угона в Германию, Прибалтику и Румынию, после демобилизации из армии.

Из когорты уехавших из Большого Ужина в это время я припоминаю только две семьи. Тетку Настасью Хазиху с ее малолетними девчонками, которая возвратилась в Ленинград, где жила до войны.

И семью своего одноклассника Саши Богачева. Они уехали в тот же Питер к его дяде, старшему Александру Богачеву — морскому летчику, Герою Советского Союза.

Да еще тот увез женой нашу молоденькую учительницу начальных классов красавицу Женю.

А вот в последние лет пять, как будто плотину прорвало. Год за годом нарастает отток односельчан на сторону.

Сначала не возвратился в Большой Ужин после демобилизации шибутной Павлуха Романов, который с моей сестрой Антониной первым после войны из большеужинских парней окончил курсы трактористов. Для чего им пришлось несколько месяцев ходить зимой по бездорожью за десять километров на курсы в Наговскую МТС.

Одновременно с этим, Федя Юшин, отслужив на северном флоте семь лет, бросив верно ждавшую все годы его службы невесту, ушел в примачи к новгородской пассии, прельстившись комфортом городской жизни и работы.

Подальше от «деревенской грязи» в городской уют потянуло также Люсю Филину, которая первой после войны из ужинян окончила в Старой Руссе десятилетку.

И пошло-поехало.

В последние годы уехали на целину двоюродный брательник Леша Куликов-Староверов, троюродный брательник Алеша Филатов-Староверов со своей невестой Тоней Роговой из Маковища. Затем убыл Павел

Богданов, бросив невесту Анну Булаткину и прихватив с собой взамен ее Нину Богачеву.

Не возвратился после демобилизации мой зять Иван Снетков, уехав работать в Соликамск на шахты. Чтобы сохранить семью, точнее, отца крошке сыну, из-за этого пришлось уехать туда же к мужу и моей сестре Антонине.

А на днях мы проводили в Ленинград двух Настуш — Блинову и мою младшую сестру, которые в дорогу взяли себе новые «городские» имена Тася и Ася.

Они согласились за угол проживания в городе побыть няньками и домашними работницами при условии возможности одновременного обучения одной на курсах швей, другой — закройщицей в фабзавуче обувной фабрики «Скороход».

В общем, подсчитал я, у меня получилось, что за последние три-четыре года из Большого Ужина уехало, в основном в города, почти три десятка человек, преимущественно молодых парней и девушек. Это чуть ли не шестая часть всего наиболее трудоспособного населения деревни.

И возникает закономерный вопрос, они, что же ей не нужны? Ни как работники, ни для какой иной потребности?

* * *

Припомнил я, сколько раз и как часто на колхозных собраниях и на заседаниях правления нашей артели люди обиженно ругались с начальством, что их не включают ни в одно рыболовецкое звено, или что им не доверяют работу телятницы, конюха льновода, овощевода и т.д., и понял, — да не нужны.

Не то, чтобы в принципе не нужны, а при сегодняшней замшелой традиционной организации у нас артельной работы, деревенского быта. И вообще, при закостеневшей системе обеспечения занятости односельчан.

Ведь эта система сложилась еще во времена «оны», унаследована с дореволюционных времен.

В ее основе три библейских кита аграрной экономики — рыболовство, хлеборобство, скотоводство. Притом по тем же технологиям, что сложились, можно сказать, уже при царе Горохе.

Но ведь коллективный труд, что в городе, что на селе, повышает по сравнению с индивидуальным эффективность использования рабочей силы. А его механизация при социализме, как и при капитализме, снижает потребность для выполнения тех или иных традиционных работ численности тружеников.

Городу свойственен рост разнообразия сферы занятости, поэтому рабочие руки в нем всегда востребованы. Очевидно, что и селу, если оно хочет сохраниться как обеспечивающее интерес людей к жизни в их

исконном обиталище, необходимо думать о расширении разнообразия занятости.

За счет чего?

Очевидно, прежде всего, за счет наращивания разнообразия — за счет дополнительно осваиваемых — отраслей сельского хозяйства и развития не аграрных форм занятости.

Однако, как вам известно, я уже много лет бесплодно твержу руководству о необходимости закладки в Диком поле коллективного сада, а подвижек в этом нет. Как нет прока и от моих разговоров о желательности создавать новые виды занятости.

Писал я в «Правде» о возможности создания в Тулебельском заливе инкубатора по разведению мальков, да никакого движения. А это ведь тоже новые виды занятости. Притом, новаторской для Большого Ужина.

У нас совсем нет заведений бытового обслуживания. Между тем те же «Тася и Ася», скорее всего, с охоткой и удовольствием, получив профессиональную квалификацию, работали бы дома, рядом с друзьями и подругами, сестрами и родителями, а не на далекой от них стороне.

Только не как ремесленники, а на официальной службе у колхоза, швеей и скорняком модельной обуви. Обзаведясь своей избой, а не ютась по ленинградским углам. И не пробавляясь у хозяев городского жилья ролью няньки и прислуги.

Немалый резерв занятости таят подсобные к основному производству кустарные промыслы, о чем я писал в прошлом году в «Старорусской правде»...

Но ничем этим наше местное руководство не интересуется. Почему же? Не потому ли, что для него это может обернуться неизбежными дополнительными административными и хозяйственными хлопотами?

Ведь, если заниматься этими хлопотливыми делами, то это означает создавать потребность в новых кадрах и, следовательно, думать, где и как их готовить.

Между тем как без таких, чреватых рисками для должности, хлопот жизнь у наших руководителей течет сегодня тихо-тихо, спокойно-спокойно.

* * *

Спросите, а чем плохо так жить? Жили же наши ужинские деды и прадеды без обремененной хлопотами погони за социокультурными и бытовыми изменениями.

И неплохо вроде бы, по воспоминаниям стариков, жили.

Однако очевидно, что при таком подходе к социальной жизни деревни нужные для прогрессивных изменений в нашем быту люди действительно становятся для нас ненужными.

А то, что в итоге деревня будет неизменно социально деградировать и демографически вымирать, двигаться к своему историческому концу,

то можно самоутешаться, что эта страшилка вилами на воде писана. Возможность или неизбежность такого конца еще никем не доказана.

В общем, как писал поэт, мы довольны, что «живем по мирному, не строим баррикад, а потихонечку гнием в своем болоте».*

С ЧЕМ ПОЗДРАВИМ НАШИХ ЖЕНЩИН, МУЖИКИ?

Из дневника

Отшумел, спрыснутый брагой и подогретый ею многодневным куражом, приятный мужскому самолюбию славный февральский праздник — День Советской армии.

Через неделю грядет другое столь же вдохновительное для всех событие — женское торжество, получившее по инициативе Клары Цеткин и решению ООН статус даты красного календаря.

Международный женский день 8 марта отмечают по всей планете и, похоже, все цивилизованные люди. Под его флаги пытаются стать даже американские феминистки и английские суфражистки, вознамерившиеся взять реванш у мужчин, установив над ними беспрекословное господство, сродственное даже не первобытному матриархату, а античному или азиатскому рабству.

Советские женщины мудрее и сознательнее. Их мечта — социальное равноправие с мужчинами. Но не на словах, то есть по законодательству, а на деле. И они достойны этого.

Взять, к примеру, жительниц нашей деревни и тружениц нашего колхоза.

Ведь, если рыболовецкий промысел у нас удел в основном рыбаков — несколько рыбаков в зимнем неводе погоды не делают, — то земледельческо-скотоводческая часть хозяйства, за исключением конюшни, ухода за табунами рабочих лошадей и молодняка, а также кузницы, держатся на женщинах.

И вообще, не знаю, как в других деревнях, а нынешняя большеужинская молодежь, да и часть отцов тоже, своим благополучием обязана, надо признать честно, нашим матерям.

Чего стоит только тот живой в моей памяти эпизод из военной поры,³⁶ когда мы, где-то между солецкими деревнями Шапковым и Агаповым, попали под пулеметную и артиллерийскую перестрелку.

Своей цепкой детской памятью вспоминаю, как мама, прикрывали нас своим телом. А так же то, что, как и она, своих детей во время того обстрела заслоняли и другие наши односельчанки и другие землячки из соседних деревень.

---

* Стенгазета «Ужинские вести и сказки» — орган комсомольцев рыболовецко-сельскохозяйственного колхоза «Имени 17 партсъезда», 1956 год, февраль. Подпись: В. Староверов-Куликов.

³⁶ О нем я уже писал в своем дневнике, когда записывал свои скудные воспоминания о том, как нас гнали окольными путями в Шимский концлагерь.

И то, что не только из Шимского концлагеря, но и из прибалтийских, румыно-венгерских и польско-немецких мест высылки большеужинцев в конце и после войны возвратились живыми большинство нас, детей и подростков, мы, считайте, полностью обязаны самоотверженности наших мам и старших сестер.

А вспомнить их — самозабвенное в заботах о нас, поддержании нашей жизни и возрождении лучшего в ней, — поведение в послевоенные годы. Голодные, без сносной одежды и обуви у людей, живших в холодных землянках, поскольку большая часть деревни была сожжена отступавшими немцами.

Те отцы, кто выжил на войне, понемногу возвращались домой в основном из госпиталей, израненные, сами нуждавшиеся в уходе. Старших братьев, в виду угрозы бывших союзников новой войной, уже не Германии, а СССР, советское руководство страны демобилизовывать не спешило.

Поэтому наши матери и подраставшие старшие сестры все так же, как и в годы оккупации, беззаветно и в одиночестве продолжали хлопотать о том, чтобы вырастить нас и облегчить страдания наших покалеченных отцов.

Причем несли лежавшие на их плечах тяготы не только безропотно, но с каким-то заметным нам ожесточенным упорством. Как будто наперекор выпавшей на их долю нелегкой судьбе.

Помню, каким вызовом этой судьбе звучали частушки первой послевоенной председательши (так мы её именовали, не понимая, что такой «титул» приличествует жене председателя, а не самого его, даже, если он — женщина) нашей артели Настасьи Хазовой.

То было на гулянье по окончании первого майского митинга в день Победы. Отчаянно выдавая кирзовыми сапогами лихую дробь, она хрипло, не с жалобой, а с неясной, но ощутимой угрозой кому-то неведомому, горланила:

*Мильй бьет фашиста в поле,
Я лютую на дворе.
Я корова, я и бык.
Я и баба и мужик!».*

* * *

Вспоминая все лучшее в наших мамах и бабушках, сестрах и лелях,³⁷ надо, конечно, поблагодарить их за то, что они такие: самоотверженные и скрашивающие нашу жизнь теплом и радостью. Но не мало ли этого? Не следует ли нам самим, малым, молодым и взрослым мужчинам, серьезнее задуматься сегодня над тем, а чем мы, в свою очередь, реально воздаем им за их заботы о нас?

³⁷ Леля — вдовая или оставшаяся незамужней сестра, тетя, взявшая на себя опеку над малыми братьями и сестрами или над детьми других родственников.

В личном, семейном и деревенском общении, в колхозных делах? Причем не только в праздничный день, а в повседневных отношениях с ними.

Припомним, как часто еще наши малолетние огольцы огорчают матерей, сестер, других женщин грубостью, матерщиной, неосознанным, а то и намеренным пакостничеством.

А подростки и парни в дополнение к этому — картежничеством, драками, порою с поножовщиной. Семейные мужики — неумеренными выпивками, небрежением домашними заботами, беспричинной бранью, в основе которой желание сорвать зло на присных за неудачу в чем-то, за раздражение на стороне, обиду начальства и т.д.

Да и в колхозных делах всегда ли учитывается у нас их желание социального равноправия с мужчинами не на словах, а в хозяйственных и трудовых делах. Не кажется ли вам, что сегодня с этим положение в нашем колхозе обстоит хуже, чем в первые послевоенные годы?

Ведь как обстояли хозяйственно-производственные дела тогда?

Рыболовецкий промысел и в то время был в руках в основном у мужчин. И это правильно, труд на нем для женщин тяжелый физически и далекий от комфорта психофизиологически, — на семи ветрах, в холоде и мокроте.

В кузне тоже сила требуется. А с табуном сладить вообще не каждый мужчина может.

Но вот в земледельческих, животноводческих и прочих делах, справедливее ли сегодня стало распределение занятий между женщинами и мужиками?

Припомним ситуацию после войны.

Тогда в растениеводстве у нас была звеньевая система, и звеньевыми в льноводстве, овощеводстве, семеноводстве, на плантациях турнепса и подсолнухов на корма были сплошь женщины — Нюша Блинова, тетка Богачиха, Валя Рендина, Клава Куликова и другие.

И производственные дела у них вроде бы очень даже неплохо шли.

Ферму коров, помнится, восстанавливала тетка Матрена Булаткина, овчарню возглавляла Катюха Сурина, свиноферму Дуня Кузихина, птичники Анна Щепетова и Кузнечиха. И на этих трудовых участках все трудились тоже вроде бы небезуспешно. А нынче?

С переходом от звеньевой системы на бригадную, две большеужинские бригады и кукуевскую много лет возглавляют попеременно, но обязательно мужики.

Фермами, за исключением птичника и овчарни, руководят опять же мужики.

В конторе тоже мужики, кладовщик и, конечно, председатель правления колхоза и его заместитель они же.

Кроме рядовых рыбаков все места, что «при портфелях» едва ли не наследственно за мужиками. А что же женщины?

Да почти каждая из них, за малым исключением — приемщица молока и яиц по обязательным поставкам продуктов ЛПХ, агент по займам, почтальон и еще несколько — может ныне пропеть о себе «Я корова, я и бык. . . ».

У большинства из них звание — «разнорабочая».

Понимай, неквалифицированная колхозница на подхвате — вскопай, принеси, пойдти туда-сюда. И хотя многие из них доки в тех или иных видах сельскохозяйственных работ, никто из мужиков не удусужится предложить правлению провести квалификационную тарификацию их мастерства и присвоить им тот или иной класс его.

А ведь Всесоюзный Устав сельхозартели позволяет колхозникам сделать это инициативно, не дожидаясь начальственных дозволений верхов и со стороны.

* * *

Дружно поздравив наших женщин с утвержденным в их честь весенним праздником, которого они, несомненно, достойны по всем статьям, подумаем, мужики, чем мы на деле их порадуем?

Может, все-таки тем, что воздадим им, наконец, должное справедливой оценкой их подлинных достоинств?*

ПОЧТИ ЛИЧНОЕ

У этой заметки отчетливо просматриваются две окрашенные, мало сочетававшиеся одна с другой, тональностью части: праздничной, сентиментальной и критической, почти сатирической.

Обе они отразили мое, глубоко личное, эмоционально обуревавшее меня в тот момент, когда я ее писал в преддверии приближавшегося женского праздника — международного и волнительного для моей души, то есть почти интимного — настроение.

Я был уязвлен поведением односельчан, глубоко обижен на них за мой недавний афронт с идеей разведения колхозного сада (см. материал «Гуси лапчатые») и настроился на неизбежность расставания с деревней.

Тем не менее, мне не хотелось, чтобы мой отъезд из Большого Ужина земляки поняли как жест отщепенца, забывшего в своей обиде все хорошее, что видел от них и ощущал в общении с ними в годы своего детства и взросления.

А то, что такой отъезд состоится в ближайшее время, мне было совершенно ясно. Через несколько месяцев мне предстояли экзамены на школьный аттестат зрелости и неизбежный выбор жизненного пути.

И потому я хотел, воспользовавшись праздником, высказать признательность той части населения своей деревни, к которой чувствовал свою наибольшую благодарность.

---

* Стенгазета комсомольцев рыболовецко-сельскохозяйственного колхоза «Имени 17 партсъезда», 1956 год, март. *Передовица*.

Неизменную симпатию я испытывал тогда к ужинским бабулям и сверстницам мамы. Сказывалось, вероятно, многолетняя — с тех дней, как стал себя помнить — уютно-заботливая, «бабская» по характеристике наиболее близкого мне духом старшего двоюродного брата Павла Комиссарова, среда моего детства и взросления.

Из-за обретенных мной в мою бытность малолетним узником Шимского концлагеря хронических бронхолегочных болезней я был слабее сверстников, что они, раздраженные моей непохожестью на них, постоянно и с удовольствием и демонстрировали.

Приохотившись во время частых обострений моих хворей к чтению и сочинительству, я, естественно, обрел склонность к умствованию и к учебе, в которой искал этим качествам познавательную пищу.

И хотя не чурался компаний сверстников, но, в общем-то, чувствовал себя в их среде не всегда комфортно.

В них мне часто не хватало духа осознанного познания.

Что касается старших парней, то я настороженно относился к попыткам многих из них приобщить меня к своим компаниям. Поскольку хорошо понимал, что интересен им лишь как возможный связник их с моими красавицами и умницами сестрами, за которыми они пытались ухаживать.

Равно, чем старше я становился, тем все менее привлекал меня душевный мир быстро взрослевших, явно обгонявших меня эмоционально, подружек моих детских лет.

Постепенно и для них я становился иногда наивным недорослем, не улавливавшим их некоторые уже органичные для них лукавства и душевные движения.

Несмотря на то, что и взрослея, эти подружки, пока я не уехал из деревни, продолжали по-прежнему охотно верить мне тайны своих увлечений и порою пытались завербовать меня посредником в них.

Что касается взрослых мужиков, то они большую часть своего времени дневали и ночевали на промысле. А когда приходили домой, то отсыпались, а затем вновь уходили в озеро или в лиманы и заливы.

Когда отец, подлечив свою покалеченную на фронте ногу, стал промышлять двойкой сойм, я начал время от времени выходить с ним и его звеном в ночные рейды.

Войдя же в подростковый возраст, стал напрашиваться в компанию и к другим рыбакам, желая понаблюдать за содержанием их трудовой жизни.

Но одного этого было явно недостаточно для моего духовного, так сказать, вхождения в их компании.

Когда в районной газете стали время от времени появляться мои зарисовки о буднях промысловой жизни, многие из рыбаков стали охотно брать меня в рейды плавных сойм или на сеансы притонения неводов.

Однако и тогда слишком разные мы оставались возрастами и интересами, чтобы я мог полностью интегрироваться в их грубоватую среду.

Иное дело многочисленные сестры, тетушки, мама, подруги ее молодости, не только ужинские, но и в окрестных деревнях. И конечно их сверстницы.

Это была та, с измала привычная мне среда, в которой я чувствовал себя полностью защищенным.

* * *

Эпицентром этой среды для меня, естественно, была мама.

Отец, чьим наследником по старшинству и местным обычаям я должен был стать, сочувственно, но трезво оценив мое тщедушие и слабосилие, все более явственно начал связывать свои патрилинейные надежды с росшим здоровяком моим младшим братишкой Колей.

Тот, хотя и не проявлял особого интереса к рыболовецким занятиям, без сомнения больше меня подходил для их тягот.

Иное дело я.

Во время моих выходов на промысел, в том числе в тот недолгий период, когда мне довелось поработать зуйком в неводе и двойке Михи Лобачева, отцу становилось все очевиднее, что и впредь мне под силу будут лишь подсобные работы. А не те рыболовецкие, для которых требуются силушка и физическая выносливость.

Коля же, наоборот, все заметнее становился по этим качествам завидным кандидатом в рыбаки.

Поэтому отец мало обращал внимания на его легкомысленное отношение к учебе. Зато он одобрительно следил за моими школьными, садоводческими и газетными успехами и всемерно поощрял их в надежде, что это как-то поможет мне в будущем найти свое место в жизни.

Как это поможет, он, похоже, представлял смутно, но надеялся.

Мама, если и думала по поводу моего будущего то же, что и отец, никогда об этом не говорила.

Полагаю, главной ее заботой было тогда облегчить мои частые хвори, а также воспитать меня и других своих детей, по ее собственным словам так, чтобы «перед добрыми людьми за вас не приходилось стыдиться».

Метода нашего воспитания у нее была матриархально строгая, но справедливая, без приоритетов к любимчикам.

Из сестер она была наиболее благосклонна к имевшей отцовский незлобивый характер Люсе, из сыновей — ко мне.

Хотя Коля при его озорной натуре легко винился в своем баловстве, а я, отличавшийся обычно примерным поведением, как порох вспыхивал от любой, казавшейся мне таковой, несправедливости. И бывал в этих случаях упрямым в своем неповиновении.

Однако, при всем мамином благоволении к нам, именно нам с Люсей чаще всего и доставалось от нее «на орехи».

Впрочем, Люсе достаточно было выраженного мамой интонационного неудовольствия в пару слов, чтобы она повинулась или спешила исправить оплошность.

В отношении меня малоэффективными были и физические наказания. Конечно, не порка, а в виде ожога попы или спины гибкой ивовой лозой.

Помнится, став пионером, я отказался ходить в церковь. Она находилась в семи-восьми километрах от нашей деревни в селе Борисово, поэтому односельчане, в том числе и мать, посещали ее только по большим праздникам. Но при этом она обязательно брала с собой и нас, особенно младших — Настю, Колю и меня.

Мне из-за моей бронхолегочной болезни выстаивать многочасовые молебны в духоте испарений елеса и ладана было невмозготно, я каждый раз обычно выходил из церкви в полуобморочном состоянии.

И потому старался, как можно чаще отпрашиваться у матери, уходя от толпы коленопреклоненных или согбенных в молитвенном поклоне прихожан подышать свежим воздухом в притворе дверей.

И вот, когда я в мае стал пионером, то уже в июне, в Троицу, вообще наотрез отказался от очередного похода в церковь.

Вознегодовавшая на это мама выдернула из горы хвороста, — он грохотился у нас в каждом приусадебном дворе, — хворостину и ожгла ею два-три раза меня по спине.

Отскочив от нее, я юркнул в густые заросли кустов, которые росли на меже огорода и, сколько мама ни звала, не показывался из них. Пока она с сестрами, лелей Наташей и теткой Матреной не ушли в Борисово приусадебной тропой огорода Петрухи Романова.

Подкараулив момент возвращения мамы и других богомольцев — выглядев с росшего в огороде дубка их компанию издали, едва они вышли на дорогу из садов Малого Ужина, — я спрятался недалеко от нашего дома в зарослях лопухов и ежевичника. А потом, упорствуя в своей обиде, не откликнулся на зов мамы и домочадцев.

Да так, не заметно для себя, и уснул в этих зарослях.

Проснулся ночью в постели.

Оказалось, сестры по приказу матери все-таки разыскали меня сонного, а Клава отнесла в кровать.

Утром мама, недовольно хмурясь, накормила меня со всем вместе, ничего не сказала о нашей размолвке накануне, и ушла на работу.

Больше дома разговоров со мной о моем демонстративном игнорировании походов в церковь не было. Лишь изредка мама с лелей Наташей, осуждая какие-либо казавшиеся им сомнительными с позиций веры мои высказывания, ворчали:

— Вот погоди, накажет тебя боженька за твой нечестивый язычок!

В связи с чем, я в свою очередь, отшучиваясь, спрашивал: «Который боженька: прадеда Николы, деда Лехи, Аллах? Греческий Зевс, египетский Атон или индусские боги — Будда, Рама, Шива?..».

В общем, в приобщении меня к догматам веры, православной ли, староверческого древлеправославия или полуязыческой — что в послевоенные годы в наших местах было частым делом — все мои родственницы, в том числе мама, в отличие от авторитетного некогда у многих рушан вероучителя духобория далекого предка нашего рода Кузьмы Филатова, оказались слабыми наставницами.

* * *

Но чем мама и тогда меня восхищала — это ее нереализованными в силу обстоятельств бытия, но очевидными прирожденными талантами и естественно проявляемым ею интеллектом своего поведения.

Ей было свойственно непроизвольно проявляемое образное мышление, рельефно выражавшееся емким, но ярким стилем речи.³⁸

Неизменно поражали меня и любознательность, и умственно тонкое понимание мамой мотивов и психологии поведения людей.

Не только из своего постоянного деревенского окружения, но и из мало знакомой ей среды.³⁹

Пластичность мамы выростала, полагаю, из органически присущих ее внутреннему миру, вряд ли ментально осознаваемых морально-нравственных ценностей. Вода мокрая потому, что ей свойственны качества воды.

Миру мамы была органично присуща тактичность потому, что соразмерной тактичностью была пронизана система ее морально-нравственных символов.

---

³⁸ Выросшая в потомственной семье учителей-словесников, моя первая жена, обучавшаяся на филологическом факультете МГУ, после знакомства с нею, возвратилась из нашей деревни в Москву в восхищении точностью образных выражений мамы, и долго эпатажно ввертывала в свои разговоры в филологической среде ее простонародные меткие речевые обороты.

³⁹ Помню, пригласил я ее приехать на защиту своей докторской диссертации, не рассчитывая, признаться, что приедет, ведь ей было уже за семьдесят. И вдруг она появляется накануне защиты у меня дома в сопровождении зятя Василия Михалева. А на следующий день, произведя фурор в столичной академической публике нашего института деревенскими цветастыми одеяниями — платочком и платьем, — она высидела в актовом зале почти семь часов, степенно обозревая в нем эту публику и следя за ходом защиты. Особенно полемики со мной неофициальных оппонентов, в которой выступило 12-14 человек.

То было время гонений на диссертационные банкеты в ресторанах, и я устроил празднество в три приема дома: сначала для Ученого Совета и оппонентов, затем для сотрудников сектора, наконец, для прочих друзей и приятелей по журналистскому прошлому и текущему бытию. И мама со всеми, в том числе с профессурой, находила верный тон и темы общения. Без смущения и свойственной иногда сельчанам бесцеремонности, со степенным тактом.

Эти обстоятельства во многом влияют на формирование моего характера, психогенетически от рождения, подозреваю, замешанного староверовско-раскольнической исторической социальной памятью на *остроугольную неуступчивость*.

Однако терпеливым воспитанием — не столько словесным, сколько примером жизни — сглаживаемого мамой до уровня народной нравственности оценок бытия.

Ведь и острые камни под воздействием мягкой воды приобретают округлость валунов и гальки. И справедливо отметил Г.Гегель, брошюру о котором я пытаюсь понять, что для нравственного воспитания личности «в первое время важнее всего материнское воспитание, ибо нравственность должна быть насаждена в ребенке как чувство».

Вот такое стремление к соразмерности оценок и нюансов бытия и старалась мама воспитывать в нас, ее детях. Может потому, никто из нас в последующей взрослой жизни никогда не впал в крайности безнормативного существования и не совершил ничего такого, за что нам пришлось бы, по ее словам «людей стыдиться».

* * *

Коснусь, наконец, той части своей праздничной зарисовки, которая имела критико-сатирическую направленность. Из-за нее чуть было не вспыхнул второй мой конфликт с председателем колхоза Иваном Сорокиным. Он сразу понял, в чей огород кинула комсомольская стенгазета камень критики.

Тем более что эта критика была неприкрытой: перекося в кадровой политике нашей артели полностью зависел от возглавляемого им ее правления.

Первым делом председатель потребовал от меня снять со стены клуба номер наших «Ужинских вестей и сказок» под тем предлогом, что не позволительно-де вносить в праздничную атмосферу струи критики и «издевательства».

Я зачитал ему цитату из сборника работ Ленина. В одной из них тот четко писал, что лучший способ отметить юбилей и праздники состоит в том, чтобы сопроводить показ достижений критикой наших недоработок и недостатков.

Тем не менее, Сорокин порывался сам снять, если я это не сделаю, нашу стенгазету. Тогда я показал ему брошюру с Основным Законом СССР 1936 года.⁴⁰ В Конституции победившего социализма, так еще назывался тогда Основной Закон., именованный в народе Сталинской конституцией, я заранее подчеркнул подходящий для сложившейся ситуации абзац:

«Сопrotивление фактическому раскрепощению женщин (... организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяй-

---

⁴⁰ В школе мы изучали дисциплину «Основы конституционного права».

ственное и промышленное производство, государственное управление и общественно-политическую жизнь) карается законом.

Издавательски улыбаясь, я процитировал ему этот абзац, и вдобавок, что заставило Ивана поежиться, «вежливо» спросил его, готов ли он узнать, как и чем карает советский закон за то, что он собирается сделать?

Надо ли говорить, что дружественнее после этого мои отношения с ним не стали. Однако я был зол на Сорокина за намеренные с его стороны «похороны» моей мечты, развести на пустующем колхозном Диком поле коллективный сад, а потому на компромиссы с ним идти не собирался.

Тем более что в справедливости своей критики перекосов в распределении рабочих мест в колхозе в ущерб качеству занятости женщин я не сомневался.

Бригадную форму организации труда у нас стали вводить несколько лет назад. Наши женщины, и я вместе с ними, недоумевали, почему надо было при этом отказываться от звеньев, которые в нашем многоотраслевом хозяйстве с довоенных лет показали свою несомненную эффективность?

Неужели нельзя было продумать организационный механизм, позволяющий оптимизировать способность бригады обеспечить лучшую мобильность и концентрацию рабочей силы? Сочетая ее с лучшей специализацией земледельческого мастерства ее отдельных представителей в звеньевых сегментах занятости.⁴¹

У КОГО-ТО ТЕХПРОГРЕСС, А У НАС, ПОХОЖЕ, РЕГРЕСС

Кто из вас не помнит, тому напомню что, когда меня года три назад исключили, было, из школы, я пошел работать в бригаду большого невода, руководимого ватаганом дядей Мишей Лобачевым, зуйком.

Впрочем, неводом мы промышляли недолго, вешнее половодье в том году было сильное, установилась долгая жара, и рыба ушла жировать в кусты. Попромышлав недели три в приопустевшем озере почти вхолостую, задумались, что дальше делать?

В таком же положении промыслового безрыбья оказались наши традиционные конкуренты-соперники — устрекские и взвядские соседи по

---

⁴¹Тогда я еще, очевидно, не догадывался, что многие отмеченные мной явления ухудшения положения женщин были связаны с определенными перекосами в после сталинской волонтаристской хрущевской социально-экономической политике. И потому запальчиво, и не совсем справедливо, как теперь полагаю, возлагал вину за перекосы в нашем колхозе на одного Сорокина. В том числе за неповоротливость возглавляемого им правления в деле тарификации делового мастерства тружениц растениеводства и животноводства.

Не помню уж, откуда я позаимствовал эту идею, но реализация ее началась только лет через 10-15 и продолжалась вплоть до развала колхозно-совхозного строя.

промысловым тоням. Общие для всех промысловые незадачи по причинам экстремальных климатических условий нынешнего года невольно сблизили нас.

Посоветались ватаганы наших артелей, и решили сбегать в Прибалтику на морские просторы Финского залива. Там, по слухам, промысел был добычливее, чем у нас.

Сформировали объединенную рыболовную флотилию по четыре соймы от каждой артели, выпросили у областного рыбнадзора их мощный катер «Байкал» и, где своим ходом под парусами, где, в основном реками, на подхвате у него, побежали Ильменем, затем Волховом, потом Ладогой, а из этого озера Невой до эстонско-латвийских берегов залива.

И я с ними, в двойке дяди Миши.

* * *

Тамошние рыбаки встретили нас радушно.

Делить им с нами было нечего, залив большой. А уж кому рыбацкое счастье улыбнется или неудача ухмыльнется, то никто заранее не ведает.

Даже про некоторые удачливые выпасы местной рыбы, — биндюги там, балтийской селедки, — за выпивкой по случаю встречи секретами они с нами поделились.

И стали мы, базируясь недалеко от эстонского городка Кунда, бороздить Финский залив. Не так удачливо, как местные рыболовы, но все богаче, чем можно было, по нашим расчетам, добыть тем летом в Ильмене.

Рыбу мы сдавали, естественно, приемщикам местного рыбзавода по тарифным расценкам оплаты, какие в тех местах приняты.

Иногда, когда залив бушевал опасной для промысла парусных судов непогодой, мы ездили по их городкам и хуторам — Раквере, Кивиыле, Роэла, Туду и т.д.. Что-нибудь купить нужное или на память, да и просто посмотреть, что там за люди и как они там люди живут.

Надо сказать, было нам, чем у них впечатлиться. Во-первых, завидные трассовые дороги. Впрочем, там даже до хуторов — повсюду асфальт и бетонка.

Это, как посмеивались эстонцы и латыши, чтобы войска и танки можно было, в случае какой-либо военной заварушки, быстро перебрасывать.

Но вот уже благоустроенные, — не то, что наша захудалая Кукуевка, — прибалтийские хутора к условиям армейской стратегии никакого отношения не имеют.

А ведь еще недавно они были затрапезнее Кукуевки.

В Борисовской библиотеке есть романы П.Цвирки, В.Лациса и других прибалтийских писателей — «Земля-кормилица», «Правда кузнеца Игнатаса», «Сын рыбака» и «К новому берегу» и т.д.

Так вот в них довольно достоверно описаны безнадежное прозябание и нищета довоенной прибалтийской хуторляндии.

Но особенное впечатление на меня произвели такелаж и техническое оснащение тамошних рыбаков и рыбоперерабатывающих заводов. И то, что у каждой пристани — дома отдыха рыбаков, а в самих рыбацких селениях — благоустроенные дома и пункты бытового обслуживания.

Когда же мы проезжали вглубь их республик в местные городки, то по пути видели на полях множество техники, а в окружении хуторов аккуратные животноводческие фермы, каждая с пристройками технических служб.

И вообще, создавалось впечатление, что вся увиденная нами сельская Прибалтика активно мелиорируется, дренажируется, строится, благоустраивается.

Сами прибалты нам говорили, что такое оживление у них сразу после войны началось. Тогда в Москве всесоюзный Госплан разработал специально для их экономического района комплексную программу его ускоренного развития.

И с тех пор ни в городе, ни в сельской местности они, в отличие от нас, не знают проблем со снабжением машинами, лесом, оборудованием.

* * *

Повидав все это, я по сей день задаюсь вопросом, и чем дальше, тем чаще: почему же у нас в последние годы нет такого оживления сельской жизни, как в Прибалтике?

Что-то похожее, правда, обозначилось было на рубеже 40-50 годов. Да только с тех давних пор даже в Наговской МТС машинно-тракторный парк пополняется все слабее и слабее, зато все сильнее обостряется нехватка запасных частей для ремонта сельхозорудий, даже тракторов и комбайнов.

А уж о дойных аппаратах, автопоилках, кормораздатчиках, какие я видел на рядовых эстонских фермах, наши животноводы и не мечтают.

Впрочем, думаю, вы сами заметили замедление у нас материально-технического прогресса.

Не случайно, думаю, даже асфальтовая аэродромная полоса для взлета-посадки самолетов «кукурузников» за речкой Вилино напротив деревни Маковица, которые некогда опыляли наши поля химикатами или вносили на нивы суперфосфат, пустует уже второй год подряд.

А насчет бетонированных дорог да социальных служб бытового характера, подобных тем, что в прибалтийских поселениях, нам в наших деревнях и мечтать, признаться, неловко, чтобы не уподобляться Манилову.

Когда я недавно был на встрече председателя советского правительства Г.М.Маленкова с пеньковско-ученскими колхозниками, то слышал, будто старорусское начальство хотело, было, свозить его для экзотики

к нам в Большой Ужин на промысел. Чтобы впечатлить красотами нашего озера, да угостить ильменской ухой.

Шуплецов даже привел в порядок их часть дороги от Пенькова до Большого Учно и далее — до Малого Учно.

Да наше колхозное руководство не спроворило, послать людей, чтобы засыпать колдобины и ухабы на большеужинском километровом отрезке дороги «Малое Учно — Большой Ужин». Она для машин как была разъезжанна с военных лет до негодности, так и осталась непроезжей.

Вот и рождается грустное чувство, что где-то нарастает материально-технический и бытовой прогресс, а у нас, похоже, в этих делах застой и регресс.

И встает естественный вопрос, будет ли и у нас особая программа ускоренного развития, судя по всему отстающего от прочих советских мест, нашего старинного русского края?

Хотя бы даже не большого, а местного масштаба, инициаторами которой можем стать мы, комсомольцы.⁴²

КОЛХОЗНЫЕ САНИ ТОЖЕ НЕ ДЛЯ ВСЕХ...

В школе нашему классу задали выучить наизусть стихотворение Некрасова «Школьник». Запоминается, как говорится, с полупинка. Может потому, что сюжетно и образами близко нашему бытию.

Конечно, за мою учебу в школе родители платят немного. И уж не последний отцов «грош или четвертак» из семейного бюджета матери, как, по предположению поэта, обстояло дело у героя стихотворения.

А в остальном все в нем очень схоже с нашими условиями и надеждами, если не на университет, как у Некрасова, то на фабрично-заводское училище...

Такие мысли глухо бродили в моей голове, пока наша ватага из полтора десятков школяров из Большого Ужина, Малого Ужина и Кукуевки уже второй час торила глубокий свежий снег занесенной им дороги, а пурга, подвывая, все подваливала и подваливала нам новые порции его под ноги.

Я малорослый и как меня, если сердятся, называют — «чахоточный кашлюн». Поэтому, время от времени захлебываясь мокротным кашлем, с натугой, посылая поочередно толчком плечи и тело вперед, вытягиваю на силе инерции из снега поочередно ту или иную ногу.

Руки при этом сцеплены за спиной, так легче создавать инерцию толчка. И в целом это позволяет продвигаться вместе с ребятами наперекор пурге вперед к школе, до которой мне из дома верст семь-восемь.

Как молитву, бормочу про себя:

— Ну, пошел же, ради бога!

Небо, ельник и песок —

---

⁴² * Стенгазета комсомольцев рыболовецко-сельскохозяйственного колхоза «Имени 17 партсъезда», 1956 год, апрель. Подпись: В. Староверов-Куликов.

Невеселая дорога. . .

Эй, садись ко мне дружок!

Почти бессознательно, чтобы сблизить стих с нашей ситуацией, заменяю подлежащее «песок» на слово «снежок»..

Вокруг никакого намека, что где-то есть деревни. Все поглотила непроницаемая снежная кутерьма.

Мечтаю: вот бы кто сейчас нас подвез?!

И похоже, само небо услышало мои молитвенные мечтания. . . Позади, там, откуда по сугробам мы только что пришли, слышится лошадиное ржание. Расступаемся по обочинам дороги.

Из снежной завесы вырисовываются сани, запряженные нашим колхозным, «председательским» вороным жеребцом. Не останавливаясь, проносятся мимо нас.

Уже при беглом взгляде на них нам становится понятным почему: сани полны такими же школярам из семей родственников председателя Миши Лобака и бригадира Воводи, как его зовут из-за его картавости, Сорокина.

Некоторые ребята из нашей ватаги пытаются все-таки запрыгнуть на краешек саней, но не удерживаются и, срываясь, падают на обочину в снег. Удастся как-то запрыгнуть на полозья саней и уцепиться за кого-то из седоков только юркому пятикласснику по прозвищу Ершик.

Кто-то из ребят в нашей ватаге зло кричит вслед саням матерную брань. Девчонки обиженно ворчат по поводу «новых барчуков». Насмешливо, непонятно, по адресу собственной недавней мечты или кого-то неведомого, бормочу опять же про себя некрасовское стихотворение:

*Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!*

А еще в памяти невольно всплывают язвительные строки из любимой мной с третьего класса сатиры Гейне.

Ладно, мы понимаем, что сейчас, когда у наших отцов самый разгар зимнего промысла, все колхозные лошади используются ими, чтобы добраться до дальних промысловых мест, где возможны наиболее добычливые на озере Ильмень тони⁴³. А одного председательского жеребца, конечно, мало, чтобы организовать подвоз школьников, хотя бы в такую пургу, как сегодня.

Но к чему такая вызывающая демонстрация чуть ли не сословного неравенства? Что колхозные сани тоже не для всех, а только для начальственных деточек?*

⁴³Тоня — в Приильменье, замёт невода или же место замёта промысловых сетей.

* «Старорусская правда», 1955 год, январь. *Подпись:* В. Староверов, д. Большой Ужин Борисовского с/с.

ПРИДУРЬ С ОБРЕЗАНИЕМ ОГОРОДОВ

В последние месяцы во всех центральных и местных газетах и журналах, а также на радио в передачах сельского толка много пишут и говорят о борьбе с нетрудовыми доходами в колхозах.

Притом, имеют в виду почему-то в основном только необходимость привести в уставные нормы величины личных подсобных хозяйств. В скотоводческих и животноводческих в южных и восточных краях — размеров подворий, а в наших северных областях — огородных масштабов приусадебного землепользования.

Есть ли в этом порою суетливом словословии практический социально-экономический и политический смысл? Вернее, всегда ли он безусловен?

* * *

Прежде всего, рождается вопрос, почему эти явления огородно-приусадебной оптимизации имеют место преимущественно в колхозах? И порожденные ими проблемы нетрудовых доходов распространены, опять же, в основном именно в них?

Не потому ли они менее выражены в совхозах, что в последних больше порядка с учетом труда и с оплатой по труду?

И не в этом ли одна из причин тому, что в них, соответственно, и результаты производства лучше и доходы от работы в общественном хозяйстве выше, чем в колхозах?

Это становится очевидным, если сравнить положение в старорусских колхозах с ситуацией в окрестных совхозах «Анишино», «Выбити» и других.

С ними — по результативности и уровню жизни людей в их деревнях — можно сравнить разве что только колхоз «Имени Чапаева», возглавляемый Карпом Максимовым.

Да в последнее время хозяйство «Имени Ильича», руководимое Валентином Шуплецовым.

А остальные колхозы Старорусского района с ними и рядом не стоят. Как говорится, и дома в них пониже, и грязь пожиже.

* * *

Но вот что тревожное приходит в голову, когда над всей этой суматошливой многословной суетивитине задумываешься. И над беспрекословной борьбой с нетрудовыми доходами, и с произвольными параметрами ведущихся в разных местах личных подсобных хозяйствах.

Все ли продумано в этой многогранной борьбе?

Сомнений нет, бороться с нетрудовыми доходами необходимо. И борьба эта оправдана не только с политической, но и с морально-нравственной позиции. В конце концов, с этими явлениями соприкасается сегодня каждый из нас.

Тут и пресловутая в наших приильменских рыболовецких артелях «варка», размеры которой сплошь и рядом далеко выходят за рамки необходимого для домашней готовки ухи и вообще для личного потребления семьи рыбака.

Что влечет за собой участие рыбацких жен и детей в нелегальной частной продаже излишков «варочной» рыбы и дает каждому подворью немалый левый, помимо оплаты труда от общественного хозяйства, доход.

Или такая чрезмерная углубленность ряда односельчан в ведение ориентированного на рыночный спрос личного подсобного хозяйства, что для работы в общественном производстве у них не остается ни сил, ни времени.

Да и что сказать, ведь они выращивают за лето на колхозных приозерных угодьях до сотни-двухсот гусей и не меньше уток, а на общественных выпасах отару романовских овец и пару-тройку бычков-путренников или нетелей⁴⁴.

С осенней выручкой от их продажи никакой заработок от артельного труда заведомо не сравнится.

Не перевелись еще в наших деревнях, в том числе в Большом Ужине, и традиционные в них с дореволюционных лет «несуны».

Тогда они, правда, мышковали вокруг общинного или барского достояния, а сейчас отщипывают в свою пользу результаты общественного труда односельчан в своем колхозе.

Вот и сейчас, в июньско-июльскую сенокосную пору, живущий напротив нашей избы Петруха Романов день из дня на виду у всех носит с общественного покоса на свое подворье вязанки сена. Одну, когда идет домой с поля полдничать, и вторую, когда возвращается с поля ночевать.

На попреки Петруха, естественно, не отвечает, ведь он глухой. И, кстати, оправдываясь этой глухотой, как инвалид, артельными делами себя не обременяет, что не мешает ему таскать для себя вязанки сена размером с добрый возок.

Такая могучая силища у этого человека. За десяток халявных ходок с этими вязанками на задке его огорода новый стожок вырастает.

А таких ходок за сеноуборочный сезон Петруха успеваает сделать несколько десятков. Вот вам и дармовой ему прокорм его племенных коз, овец, да двух коров и нескольких голов довольно мычащего молодняка.

После этой страды для него наступит очередь позаимствований бревешек с артельных строек для его ремонтных или поделочных нужд. Или полных карманов зернобобовых из ворохов, что лежат, в ожидании сортировки триером, на никем не охраняемом полевым общественном току.

---

⁴⁴Бычки-путренники и нетели — молодняк крупного рогатого скота второго года взросления.

Они ведь тоже весьма полезны для его приусадебных гусей, уток и кур.

Короче, к зиме Петруха основательно хозяйственно ухабуряется⁴⁵ за счет систематически умыкаемого им на глазах у всех нас артельного добришка.

И ведь он не один у нас такой «рачительный» на счет общественного добра домохозяин.

И что больше всего удручает, так это равнодушие прочих, в общем-то, радетельных к артельно-колхозному достоянию, односельчан, по страусиному закрывающих свои глаза на проделки подобных Петрухе несунув, чтобы не испортить с ними соседские или родственные отношения.

* * *

Да и иные разнообразные мысли приходят в голову в свете объявленной борьбы с *нетрудовыми* доходами в деревне.

Например, а как насчет, одновременной с ней, кампании борьбы за *трудо*вые доходы сельского населения?

Безусловно, что вся советская партийно-государственная политика развития колхозно-совхозного строя в принципе направлена на повышение доходов аграриев. Ну, а что происходит внутри проявлений этого принципа общей политики?

Насколько органично вплетены в ее ткань такие, скажем, явления, как неравенство отдельных аграриев в распределении выгодных и невыгодных работ?

И как соотнобразуется сам этот принцип с повседневной практикой приоритетного распределения первых в пользу родственно-кумовских симпатизантов?

* * *

Коснусь, наконец, в связи с этим своей тревоги по поводу характера борьбы с нетрудовыми доходами.

Прежде всего, местной практики оптимизации реальных размеров огородов как базы проявления многих форм этого общезначимого зла. Припоминается ход данной кампании в мае, когда в нашей деревне наступила горячая пора возделывания огородов.

Тогда, занявшись уходом за посадками своего молодого сада, я сначала не понял источника и причин шума и возмущенных криков слева от меня со стороны дальних от нас огородов, а затем и ближних соседей.

Начал догадываться о них только тогда, когда на нашем подворье появилась делегация из двух человек, которая замеряла параметры и структуру огорода.

---

⁴⁵ Ухабуряться — обеспечивать свои подворные нужды на халяву

В комиссии счетовод Сурин-Чадо, он же член контрольной комиссии правления колхоза, и наша свежее испеченная лихая комсомолочка Люба Богданова, имеющая, как известно, у деревенских бабок славу «оторвы-девки».

И возможно не без оснований. Как-то само собой получается, что за какое бы то дело не возьмется эта симпатичная дивчина, всегда в связи с ним раздаются вопли недоразумения, если только не ругань.

Любаха, однако, не промах, и сама умеет ловко отбрехиваться от всех недовольных ее бесцеремонностью в осуществлении поручаемых ей дел.

Недовольных даже в тех случаях, если действия ее правомерны и разумны. Такая уж у нее манера поведения, скорректировать которое ей посоветовали недавно ребята на собрании, когда принимали ее в комсомол.

Обмерив рулеткой наш огород, комиссия нашла, что он соответствует норме. Да и что скажешь, семья восемь человек, даже при минимальных уставных в нашей области нормах личных приусадебных наделов, положено ей, в общем-то, почти полгектара.

Нам столько и не надо. Ведь обрабатывать их вручную лопатой и тяпкой и тяжело, и некогда.

К тому же, расширению нашего огорода мешает в ширину межа с соседями, особенно с Блиновыми, а в длину — с одной стороны дом и деревенская улица, а с другой оборонный вал, каковой был возведен во время войны вокруг нашей деревни со стороны Рамушевского коридора.

А вот в огородах соседей слева и справа обнаружили излишки против нормы. Небольшие, сотка-две, но комиссия решительно запретила их обрабатывать и сажать на них что-либо, поскольку они, дескать, будут отрезаны.

Это-то и породило шум и ругань.

С одной стороны, по исконной крестьянской тяге к земле людям жаль вручную обихоженных многими годами их труда земельных участков, которые стали непонятно почему какими-то излишками.

Чаще всего только потому, что состав семьи, как у соседки Нюши Блиновой, уменьшился на число погибших во время войны домочадцев.

Но самое главное, что наши люди хозяйственным нутром понимают бессмысленность объявления запрещаемых для обработки клочков земли излишками. Все сознают, что никто кроме них обрабатывать эти излишки не будет.

Тот же оборонительный вал помешает пахать и боронить их не только трактором, но и конным плугом. А вручную их копать, если только не для собственных, а для общественных нужд это делать — не найдется ныне таких дурных. Заплатят гроши, а кости свои такой работой наломаешь.

* * *

И вообще, в данном случае борьба с источниками «нетрудовых» огородных доходов такими дурацкими методами утверждает, скорее, не справедливость, а бесхозяйственный принцип «сам не «ам» и другим не дам.

Короче, чиновной придурью отдаст такая кампания⁴⁶.

КОМСОМОЛЬСКАЯ КОПИЛКА

Наша комсомольская ячейка смешанного рыболовецко-земледельческого колхоза «Имени 17 партсъезда» создана всего два года назад, но влияние ее как на повседневную жизнь колхозников-партсъездовцев, так и на их перспективные планы довольно заметно. Особенно в сфере культуры и быта населения наших деревень.

Мы были инициаторами досрочной электрификации колхозной центральной усадьбы деревни Большой Ужин и приняли активное участие в приобретении для нее оборудования, а именно, медных проводов и распределителей, а также в заготовке столбов для электролиний.

Кстати, в приобретении оборудования нам существенно помогли сотрудники газеты «Новгородский комсомолец».

Усилиями нашей ячейки улучшилась работа колхозного клуба. Раньше в нем, кроме показа кино да танцев под радиолу, ничего из массовых зрелищ не было. И большую часть времени в нем хороводились подростки, балуясь играми в самоделки, а если никто не наблюдает, то и картами. Или забивали пресловутого козла взрослые парни-доминошники.

А теперь в нем из настольных игр появились шашки, шахматы и бильярд, заработали кружки художественной вышивки и плетения разными способами кружевных изделий, а также сувенирного ткачества и резьбы по дереву.

Но, главное, оживилась художественная самодеятельность.

В ней не только вокал, которым издавна славились наши голосистые девушки-певуны, но и постановки скетчей и коротких интермедий о нашей местной артельной и особенно молодежной жизни, юмористических и сатирических, на злобу колхозного и деревенского бытия, сценок и т.д.

Клуб обзаводится некоторым необходимым для этого театральным реквизитом и музыкальными инструментами.

Раньше наша молодежь пела под гитару и гармонию трехрядку, танцевала под балалайку, а теперь у нас появились баян и аккордеон, подумываем о создании своего оркестра.

* * *

Может возникнуть вопрос, почему ничего этого не было раньше?

---

⁴⁶ * Стенгазета комсомольцев рыболовецко-сельскохозяйственной артели «Имени 17 партсъезда», 1956 год, июнь. Подпись: В. Староверов-Куликов.

Ответ простой: потому что не было денег для покупки всего необходимого для такого досуга. Шашек и шахмат, бильярда и реквизита, а тем более таких дорогостоящих для нас инструментов, как баян и аккордеон.

На все просьбы молодежи купить это, попеременно сменявшие друг друга председатели правления отвечали однотипно: денег нет, у колхоза есть более острые нужды.

Так же ответил и нынешний председатель.

Тогда спрашивается, откуда теперь появились у нас средства для этого?

Ответ однозначный — из копилки, которую создала и наполнила комсомольская ячейка.

Наших комсомольских членских взносов, даже если бы их не надо было пересылать в райком, для такого дела, естественно, было бы недостаточно.

Но мы самостоятельно заработали соответствующий капитал нашей копилки.

Идею денежного наполнения комсомольской копилки мне подсказал и на этот раз редактор «Новгородского комсомольца», который ранее помог нам достать материалы для электрификации нашей деревни.

Это именно он посоветовал мне организовать из комсомольцев и несоюзной молодежи «нештатное» рыболовецкое звено и реализовывать его уловы для ее пополнения.

А сотрудники газеты, в свою очередь, нашли для нас потребителя наших уловов. А именно, новгородский ресторан на дебаркадере, что пришвартован на Торговой стороне Волхова у развалин двора княжившего некогда в Новгороде, до того как занять великокняжеский киевский престол, князя Ярослава Мудрого.

Внештатное молодежное промысловое звено организовал секретарь нашей ячейки Николай Дарушин.

Собственно, ничего специально организовывать и не требовалось. Парусные соймы нередко стоят в колхозе без дела. Особенно, когда рыбаки вынуждены заниматься другими неотложными колхозными работами в полеводстве.

В такие дни их соймы используются для своих нужд теми колхозниками, которые не заняты этими работами.

Вот и мы решили воспользоваться ими для упомянутых ранее наших комсомольских нужд.

Ходят соймы без моторов. Распустил паруса и беги по ветру или наискосок его, куда тебе надо. Скатки сетей всегда на месте. И мы на двух соймах, как положено при плавном промысле, несколько раз выходили самостоятельно на промысел, а затем отправляли наш улов одной соймой в Новгород.

А другое судно тем временем возвращалось с частью нашей промысловой команды в Кукуевку на стоянку.

Однажды, правда, первая сойма не успела вовремя возвратиться из Новгорода: все-таки далековато. Ватаган двойки Миха Филин, частью которой является эта сойма, пожаловался на нас председателю Сорокину, и тот дал Николаю и мне втык за наше «своеволие».

Поневоле пришлось скорректировать дальнейшую коммерческую деятельность нашей ячейки.

* * *

Мы сообщили ребятам в редакцию, что не сможем дальше поставлять рыбу нашему новгородскому клиенту.

Они посоветовали связаться с моим знакомым корреспондентом «Старорусской правды» Женей Куровым, которому они позвонят, чтобы он нашел клиента в Старой Руссе, куда наш улов будут забирать на машине. Это сэкономит нам время использования сойм.

Куров связал меня с шеф-поваром ресторана «Полисть», который расположен справа на противоположной от выхода из Старорусского курорта улице.

Так что наша коммерция успешно продолжается и, если дело пойдет и дальше так, то мы надеемся накопить достаточно финансов и для того, чтобы перестроить нынешний, похожий на избу пятистенку без фундамента пока действующий клуб. Наскоро построенный в первые послевоенные годы, он для художественной самодеятельности болшеужинской молодежи уже не очень-то и подходит.

* * *

Мораль моей заметки проста.

Вряд ли нам, сельским комсомольцам надо бесконечно ныть, что наши руководители не выделяют или скудно выделяют необходимые для организации нашего досуга средства. Не всегда у них для этого есть возможности.

И в таких случаях неплохо бы молодежи и самой проявлять инициативу. В частности, своим трудом создавать и пополнять средствами необходимую для трат на ее досуг комсомольскую копилку*.

ИСТОКИ НАШЕГО ОПТИМИЗМА

Об одном моменте, связанном с оптимистической концовкой комментируемой заметки, мне чрез несколько месяцев захотелось сказать, да негде, нечто поучительное.

Прежде всего, о ситуации, в которой мы, молодежь Большого Ужина проявили свою инициативу в учреждении нашей поселенной комсомольской копилки.

---

* «Новгородский комсомолец», 1957 год, май. Подпись: В.Староверов, колхоз «Имени 17 партсъезда», Старорусского р-на.

Современность характеризуется сформировавшимися еще при Сталине проявлениями неимоверно-массовых по масштабам и силе инициатив комсомола.

Магнитка и Комсомольск-на-Амуре, возрождение флота и освоение Севера, осуществление Великого сталинского плана преобразования природы и начало строительства Байкало-Амурской магистрали. Наконец, та же целина.

Они пробуждают поистине ядерную масштабами социальную энергию молодежи, организуемую комсомолом.

Не счесть крупных и малых инициатив и проектов, в реализации которых воплощалась эта энергия.

Отсюда и оптимистическая концовка заметки, выражавшая мою наивную, как сейчас понимаю, веру, что можно силами нашей деревенской комсомольской ячейки повернуть наметившийся застой в жизни Большого Ужина в алгоритм прогресса. Технического и социального.

Тем более что ячейка у нас сложилась замечательная. Душой ее был Николай Дарушин, шептунной в детстве, получивший еще тогда за свою необузданную энергию кличку Бухарин.

Я, как самый грамотный на тот момент в нашей деревне, да к тому же «газетчик», был своего рода идеологом, вроде комиссара.

Остальные от школы в детстве по глупости отбились, но с возрастом, умнея, тоже преисполнились энтузиазмом как можно продуктивнее и интереснее организовать свою молодую жизнь.

Начинали мы с клуба, организовав свою сельскую художественную самодеятельность, для которой, как прежде для школьной, я писал сценки и интермедии на злобу нашей деревенской жизни.

Это, в конце концов, привело к тому, что, окончив десятилетку, я с осени 1957 года стал работать в Большом Ужине заведующим местным клубом.

Кроме того, мы создали спортивную секцию стрелков, свое «нештатное» молодежное рыболовецкое звено, с целью пополнения комсомольской копилки, строили ладьи, распевая подходящую к тому, что мы делали, привезенную мной с просторов Финского залива эстонскую песню:

*Эту лодку строил я не как-нибудь,
Знаю, как высокий борт из дуба гнуть. . .*

И вообще мы старались жить с выдумками, пытаюсь, как пошутил однажды отец, быть к каждой бочке затычкой.

Так что некоторые основания у меня для того, чтобы помечтать о комсомольской программе преобразования бытия Большого Ужина, все-таки были.

Но, увы! Оказывается, предыдущий материал можно бы, наверное, назвать так: *«Как я добровольно написал донос на собственное криминальное в свете советского уголовного кодекса поведение».*

Почему этот «донос» опубликовал «Новгородский комсомолец» мне вообще-то непонятно. Ведь он был свидетельством криминальной греховности не только моей, но и его главреда, Женьки Курова и группы связанных с нами людей.

Может быть потому, что главред был в это время на курсах повышения квалификации в Ленинграде, а завизировал мою заметку «в печать» его заместитель, пожелавший «подсидеть» свое начальство?

Ну а почему я назвал бы свой материал добровольным доносом на себя, скажу сразу, пояснив некоторые нюансы его содержания.⁴⁷

* * *

После публикации в областных газетах нескольких моих зарисовок, поездки в Новгород стали для меня, по инициативе председателя нашего колхоза Ивана Сорокина, привычным делом.

При всей своей нелюбви ко мне, Сорокин почему-то после появления этих заметок посчитал, было, меня, хотя и неприятно ершистым «паршивцем», но и пробивным малым.

Сам он, по своему деревенскому менталитету и свойственной его родовому клану природной осторожности, явно чурался или боялся властных кабинетов. А потому, похоже, попытался превратить меня в «толкача» колхозных интересов у чиновных сидельцев этих кабинетов.

Поэтому он начал все чаще и чаще посылать меня в помощь взрослым колхозникам, командируемым в города за добычей нужных для колхоза материально-технических средств, оборудования.

Моя задача заключалась в том, чтобы сориентироваться на месте, в какой кабинет, к кому и как обратиться с колхозными нуждами и чьей поддержкой заручиться, дабы эти чиновные люди к ним отнеслись благосклонно.

Однажды, безрезультатно потеряв в такой поездке целый день на хождение по служебным кабинетам в попытках добыть медный провод для нужд электрификации Большого Ужина, я решил обратиться за помощью к главному редактору «Новгородской правды», члену бюро обкома партии Матясу.

Был уже вечер. Поэтому тот оказался на заседании бюро обкома, которое по сообщению его секретаря грозило затянуться, как это часто в то время бывало, на неопределенное время.

Я уже хотел возвратиться в гостиницу как, идя последним этажом обкомо-обисполкомовского особняка на выход, вдруг на одной из дверей увидел табличку с надписью: главный редактор газеты «Новгородский комсомолец».

---

⁴⁷Эти нюансы сегодняшнему читателю, в свете отношений и явлений современной буржуазной практики хозяйственной жизни, отражающих ее обстоятельства, наверняка покажутся обыденными нормами господствующего ныне в нашей стране рыночного бизнеса.

Газета опубликовала ранее несколько моих мелких заметок, поэтому я подумал, а не попросить ли мне здесь помощи? Все-таки свои братья комсомольцы, может из солидарности смогут помочь?

Действительно, когда я, представившись нештатным автором и напомнив о своих опубликованных заметках, рассказал о нуждах колхоза и своей неудаче решить их, редактор, коренастый парень возраста поздней молодости, которого я до этого видел в редакции взрослой областной газеты, смешливо помаргивая, вероятно от нервного тика, и пытливо рассматривая меня, осторожно сказал:

— Вообще-то можно помочь в порядке шефства колхозу. Встретишься тут в областном отделении Рыбколхозсоюза с одним человеком, я сейчас ему позвоню, он тебе провод достанет. Только...,- протянул он, оценивающе глядя на меня, — ты ему бутылку «Плиски» за труды прихвати. И все будет в норме.

* * *

Возвратившись в гостиницу «Волхов», я несколько смущенно рассказал об этом разговоре непотопляемому счетоводу-бухгалтеру нашего колхоза Чадо.⁴⁸ Тот, немного подумав, кивнул головой:

— Ладно, спишем стоимость «Плиски» на халаты для наших доярок. Звони этому человеку, да съездим к нему.

До этого я слышал дурашливый треп долговязого запьянцовского старорусского газетчика Женьки Курова, травившего свою очередную байку, как в одном колхозе бухгалтер, чтобы замаскировать нужный, но не предусматриваемый инструкциями расход, оформил на детский садик покупку нескольких тонн соли, однако воспринял его как анекдот.

Услышав же, как легко решил Чадо смущавший меня вопрос, впервые заподозрил, что никакой это не анекдот, а самая банальная проза нашей текущей жизни.⁴⁹

Встреча с любителем «Плиски» инженером-снабженцем из новгородского филиала северо-западного Рыбколхозсоюза прошла успешно.

---

⁴⁸Известному читателю по несостоявшемуся соавторству моего опуса «Неиспользуемые ресурсы», которого сопровождал и который, собственно, и оформлял все наши «добычливые» операции.

⁴⁹Тогда я еще не усек, что порождением этой прозы страна была обязана новому хрущевскому курсу на обновление сталинской экономики социализма в соответствии с критериями измерения ее не социально-экономической результативностью, а мерами финансовой эффективности, то есть денежной прибыльности.

А вот комсомольская и запьянцовская ориентированная на добычу любыми путями шкалика белой для утоления их алкогольной жажды местная журналистская братия этот курс уже унюхала и начала активно к нему пристраиваться.

Ну а коммерческим людям типа Чадо и пристраиваться к нему не нужно было, он соответствовал подспудному настрою их души.

Мы тогда привезли домой не только несколько бухт медного провода, но даже безрезультатно искомые ранее реле — распределители электричества.

* * *

Надо ли говорить, что когда попытки нашей комсомольской ячейки оживить досуг большеужинской молодежи наткнулись на отсутствие необходимых для этого денег, я с некоторыми колебаниями, будучи зачем-то опять в Новгороде, зашел к знакомому теперь редактору посоветоваться, как решить эту проблему?

Признаться, я рассчитывал, что он просто найдет способ «нажать» через партийное или советское начальство на председателя нашего колхоза, чтобы тот не жмотничал на нуждах молодежи. Не так уж много мы и просили.

Тогда-то вот и состоялся тот разговор о путях пополнения «комсомольской копилки» и наладилась моя торговая связь с рестораном дебаркадера на Торговой стороне Новгорода.

Затем она сменилась аналогичной связью по протекции Женьки Курова со старорусским рестораном при курорте.

Наш небольшой «бизнес» длился с зимним перерывом с осени пятьдесят шестого года без малого год. Улов свой мы продавали ресторанам по государственным расценкам, как если бы сдавали Устрекскому рыбзаводу.

Разница была только в том, что при оплате наших уловов этим заводом деньги шли бы в колхозную кассу. А уж из нее в удобный по усмотрению Чадо и председателя колхоза срок они поступали бы в комсомольскую копилку.

Притом всего десять процентов от оплаты улова рыбзаводом и, как мы подозревали, далеко не сразу.

А в варианте нашего бизнеса мы немедленно получали в свое распоряжение «нал», да к тому же полномасштабный.

Плюс ко всему, и в своих расходах мы становились никому не подконтрольными. Тогда как при комсомольской копилке как филиале колхозной кассы наши финансы находились бы под надзором Чадо и председателя колхоза, которые вряд ли допустили бы оплату нами услуг, скажем, неоформленных трудовыми соглашениями умельцев, консультировавших наших кружковцев.

Никакой собственной бухгалтерии мы не вели, все члены ячейки знали, за что и сколько мы получили, на что и сколько израсходовали.

А что мы использовали для нашего комсомольского «бизнеса» колхозные соймы и сети, то нам и в голову не приходили мысли, что это надо как-то оформлять. Все односельчане их используют, если эти соймы свободны от промысла.

Естественно, мы даже не подозревали, что наша хозяйственная самодельность пахнет уголовным криминалом. И даже не обратили

внимания на то, что с августа пятьдесят седьмого года из старорусского ресторана никто нам больше не звонил насчет очередного улова.

Я вообще уехал, было, в Ленинград поступать в сельхозинститут, Николаю Дарушину пришла повестка из старорусского военкомата, и он догуливал последние недели своей гражданской вольности, кое-кто из комсомольцев готовился уехать на целину или на Север.

Так что на меня, как снег на голову, обрушились события, когда я, возвратясь домой из Ленинграда, и, оформившись на работу заведующим клубом деревни Большой Ужин, уже в октябре получил повестку из милиции с вызовом на беседу к следователю старорусской прокуратуры.

* * *

Суть беседы со мной следователя: прокуратура получила сведения, что в старорусском ресторане, с которым у большеужинской молодежи есть подозрительные торговые связи, вершатся противозаконные хозяйственные дела. Одно из них имеет отношение к нашей комсомольской ячейке.

Поскольку ячейка, по сути, распалась, большинство ее бывших членов находится, бог знает где, прокуратура пока ограничится общением со мной.

Тем более что я практически уже дал свои первые свидетельские показания. К сожалению, не следователю прокуратуры, а опубликовав их на страницах «Новгородского комсомольца», что вряд ли можно считать за явку с повинной.

Правда, пока я буду проходить по возбуждаемому прокуратурой уголовному делу как свидетель, но обольщаться мне не надо. По совокупности хозяйственных просчетов в деятельности нашей комсомольской копилки, событий может набраться и на самостоятельное уголовное дело. Поэтому в моих интересах быть со следователем откровенным. . .

Следователь напрасно старался запутать меня в своих допросных сетях. Я искренне не понимал, в чем наши преступления. Не собираясь ни в чем хитрить с ним, откровенно рассказал ему, как, с какой целью и в контакте с кем мы вели наш комсомольский рыболовный промысел.

Взяв с меня подписку о невыезде, разве что на пару дней и не дальше Новгорода, следователь отпустил меня, угрожающе предупредив, что мы еще неоднократно встретимся и в моих интересах, получив из милиции повестку, не уклоняться от этих встреч.

Но я и не собирался от них уклоняться.

* * *

Милиция и прокуратура находились в одном здании на берегу Полисти. В том же переулке, что и редакция «Старорусской правды», куда я, выйдя от следователя, и зашел, чтобы посоветоваться с А.И.Соколовым

по поводу ситуации, в которую, как я уже понял, по неопытности попал как кур в ощип.

Я не общался с Александром Ивановичем почти год.

Малоубедительно объяснил ему причину этого обстоятельства своей чрезвычайной занятостью. Готовился-де к выпускным школьным экзаменам. Потом к вступительным в сельхозвуз экзаменам. Сдавал те и другие. Возвратившись из Ленинграда, устраивался на работу.

Поэтому ничего и не писал в «Старорусскую правду».

Выслушав эти мои неуклюжие оправдания, Соколов иронически и явно недоверчиво, давая понять, что оценил причины моей неуклюжести, усмехнулся:

— Что, однако, не помешало тебе написать минувшей весной донос на себя в «Новгородский комсомолец».

Полюбовавшись на мои округлившиеся от недоумения глаза, что он повторил формулировку следователя о «доносе», и вообще на ошарашенный вид, он укоризненно продолжил:

— Это надо же столько глупостей наделать, да к тому же самого себя так откровенно заложить. Лучше бы было действительно, как и сказали тебе, явиться в прокуратуру с явкой покаяния.

Следователь уже просветил меня о некоторых известных ему моих глупостях, тем не менее, я спросил, рассчитывая услышать, как мои глупости воспринимаются умными дядями:

— Каких именно глупостей?!

— Во-первых, как подтвердил уже Сорокин в райисполкоме, вы без его разрешения использовали для непланового лова колхозные лодки и сети.

А это тянет на обвинение в несанкционированном использовании общественных орудий производства в целях получения личных выгод.

Во-вторых, многократный сбыт уловов не по государственным каналам, а частным порядком, что легко квалифицируется как хищение. В крупных, средних или малых размерах — это уж, как следствие покажет.

В-третьих, нарушение финансового порядка формирования комсомольских копилочек, а это чревато обвинениями в корыстных махинациях.

Тебе этого мало? Могу добавить и четвертое:

Коль нет бухгалтерского учета, бесконтрольное расходование общественных средств. А ведь именно таковыми являются капиталы комсомольской копилки.

Впрочем, можно счет вести и дальше. . .

Я рассказал, что и как было на самом деле. Видя мое душевно подавленное состояние, Александр Иванович сказал:

— Я верю тебе, что вы ничем своекорыстно не попользовались. Но некоторые люди вашей коммерческой неопытностью, похоже, воспользовались лихо, с немалой для своего личного кармана выгодой.

Они ведь, покупая у вас рыбу по смешным расценкам, реализовали ее, ого-го, как дорого.

Возможно, они и выкрутятся, оправдывая эту дороговизну доводом, что, мол, сделали наценки за кулинарное искусство их повара. И тогда единственное, в чем их можно будет обвинить — это разве что в нарушении правил торговли.

А у тебя же, похоже, список таких грехов может набраться больше, чем у них.

Твое счастье, что когда вы все это творили, ты был несовершеннолетним, а твои поделники далече. Вряд ли прокуратура будет так уж стараться по такому поводу выдергивать их из армии, с целины, да северных строек.

Да и своих новгородских шелапутов газетчиков, обком комсомола, наверняка, постарается обелить. Или уговорить следствие замять дело.

Вашего посредника же, Курова, мы уже наказали, уволили из газеты. Не за посредничество, правда, а за мордобой в пьяной ресторанной драке. Теперь он, искупая свое молодечество, налаживает работу старорусского радиоузла.

Вообще же, что ваши посредники, что партнеры, что вы, — хмыкнул Александр Иванович, — все вы напуделяли, вроде бы, в русле новой экономической политики поощрения хозяйственной предприимчивости.

Так что общая зацепка для оправданий у вас есть — ошибки новизны. А в твоем случае — и молодости.

А под конец он «ободрил» меня:

— В принципе ситуация не смертельная, но нервы тебе следователи еще потреплют, так что готовься.

* * *

Нет, он положительно мудрый — районный газетчик Александр Иванович Соколов. И изменения в экономической политике и хозяйственной практике уловил точно. И мои перспективы определил довольно верно.

Нервы мне следователь трепал вплоть до той поры, пока в Заднем Поле не проломили мою бедолажную голову.⁵⁰

С неясным исходом я много месяцев растительным овощем провалялся ни весть где — в московской клинике, что на Соколиной горе, куда меня отвезли из Новгорода, оценив серьезность моей раны. А следственное дело надо было завершать в календарный срок, к концу года.

Потому меня вывели из него за отсутствием состава преступления или еще по каким-то основаниям.

Может быть, даже не без вмешательства того же влиятельного члена бюро старорусского райкома партии, чуткого, а потому добрейшего человека — районного журналиста А.И Соколова. С газетчиками и в наше время еще опасно ссориться.

---

⁵⁰На деле, об этом я рассказал уже в эпилоге данной книги..

Но это уже другая история, которую я, может быть, когда-нибудь по случаю расскажу в другой записи.*

И ПОТИХОНЕЧКУ ГНИЕМ В СВОЕМ БОЛОТЕ

Прочитал в вашей газете призыв выпускников Песковской средней школы Демьянского района к сельской молодежи нашей области оставаться с аттестатами зрелости трудиться в своих деревнях.

Сами они всем классом решили пойти работать на ферму и бороться за звание звена коммунистического труда.

Завидная цель и еще более завидные условия для ее достижения. Уже сдружившимся за многие годы учебы классным коллективом влиться в русло взрослой жизни более сложной своим предназначением трудовой организацией.

Да к тому же при полной поддержке односельчан и колхозного руководства.

Невольно задумался о наших, меня и моих земляков однокашников, возможностях выбора нами будущего образа своей жизни.

* * *

Сам я тоже свежее испеченный выпускник. Борисовской сельской средней школы Старорусского района.

Только, в отличие от песковских ребят, своей насущной нужности для моей деревни Большой Ужин и колхоза «Имени 17 партсъезда» на ее поселенной базе не ощущаю.

И, оценивая возможные перспективы моей жизни, особенно профессиональной, если останусь в ней, оптимизма в отношении их не испытываю.

А потому сейчас готовлюсь поступать в сельскохозяйственный вуз, который под Ленинградом, в Пушкино.

Полагаю уже из самого такого моего выбора понятно, что от сельской жизни в перспективе я не отрециваюсь.

Только не в роли неумелого в трудовом отношении салаги хочу так жить, а в статусе профессионального доки-умельца необходимого селу дела. И не в своей деревне.

Поясню причины этих своих желаний по порядку.

* * *

Большинство наших деревень сегодня, на мой взгляд, обременены не то чтобы нехваткой трудовых ресурсов, а скорее избытком их для нынешней колхозной экономики.

В противном случае наши местные руководители колхозов не держали бы молодых парней и девушек, как это видно на примере Большого Ужина, в черном теле малопроизводительных неквалифицированных

---

* Из моего дневника студенческого времени.

разнорабочих, а заботились бы об их образовании и профессиональном обучении.

И, естественно, об обеспечении их соответствующими средствами и орудиями производства, прежде всего техническими.

Только такой заботы о сельской молодежи что-то у нас не видно. Простой пример из моей недавней школьной жизни.

В школе нас пытались приохотить в рамках программы политехнического образования к сельским работам, но как?

Осенью нас старшекласников ежегодно мобилизовали на работы для завершения уборочной страды на полях борисовского колхоза имени Кирова, на территории которого находится школа. И, естественно, в роли разнорабочих полеводства, поручая одни и те же привычные для нас по летним каникулам неквалифицированные работы.

Потому что ничего другого делать мы и не умели.

Насколько знаю и в других сельских школах нашего района дело обстояло так же. И полагаю, не только нашего.

То есть, нас использовали в качестве резервного прикрытия неумения местных руководителей рационально организовать уборочную страду.

Но к политехническому образованию, в отличие от ставропольской Григорополисской школы, где существуют ученические бригады, обеспечивающие профессионализацию и социализацию школьников,⁵¹ наше трудовое участие в решении проблем этой страды не имело ни малейшего отношения.

А ведь руководители окрестных колхозов: борисовского, бургского, устрекского, большеужинского и малоужинского, пеньковского и т.д., — из деревень которых учатся в нашей школе дети, могли бы соединенными усилиями организовать для мальчишек курсы изучения трактора и автомашины, для девочек кройки и шитья или хотя бы традиционной и городской кулинарии и т.д.

Чтобы мы входили в нашу трудовую жизнь с возможностью так или иначе на практике использовать полученные уже в школьные годы наши знания.

Не дедовских навыков, а тех, что находятся в русле современных научно-практических, хотя бы аграрных, а лучше универсальных технологий и умений.

Да и практику для закрепления в нашем умственном арсенале такого рода знаний можно было бы для нас также соединенными усилиями нескольких колхозов организовать.хлопотно, безусловно, но можно.

---

⁵¹ Григорополисская школа Ставропольского края в 50-70 гг. была, о чем много тогда шумели СМИ, инициатором и полигоном отработки методов эффективной социально-профессиональной ориентации учеников старших классов как составной части политехнического образования школьников.

Только вот никому в верхах не пришло в голову озадачить местных руководителей такими хлопотами. А им, видать, не хочется обременять себя ими.

Не потому ли, никто из наших выпускников и не собирается оставаться в своих деревнях.

Даже наши заядлые троечники, окончив школу, ищут сегодня через своих городских знакомых возможности дальнейшей, уже не общеобразовательной, а профессиональной учебы, чтобы приобрести какую угодно, но нужную в современной жизни квалифицированную специальность.

В том числе профессию, необходимую для практики сугубо сельской трудовой жизни.

Только вот незадача, наше начальство и наши односельчане своеобразно понимают, какие специальности нужны их колхозам и деревням.

Причем все чаще их традиционное понимание не соответствует ни современным желаниям молодежи, ни интересам социалистического прогресса сельского бытия.

* * *

В связи с этим приведу еще один пример из практики последних лет своей личной жизни в родовом для меня Большом Ужине.

Меня давно интересует садоводство, но придомового сада мне давно уже мало. И я, понимая, что стать садоводом, значит выбрать для себя сельский образ постоянного проживания, согласен на это.

Если бы земляки моей деревни согласились заложить коллективный сад, то ради возможности ухода за ним, я готов был бы учиться в вузе садоводству на заочном отделении.

Однако оказалось, что я не могу рассчитывать на то, что даже в перспективе обустрою в своей деревне свое бытие, обогащенное осуществлением моей мечты о профессии садовода.

Большому Ужину коллективный сад был бы во многих отношениях очень даже кстати. Как с позиций его будущей экономической выгоды, так и с точки зрения обогащения и окультуривания среды обитания.

Но, сколько я не уговаривал односельчан разбить такой сад за Обороной, в непроизводительном используемом сейчас Диком поле, слышал с их стороны в свою сторону только ернические насмешки, да ехидное недоверие.

А причина кроется, полагаю, в их своекорыстном обывательском нежелании лишаться Дикого поля в качестве бесплатной площадки для не столь уж и нужного мотиона — для этого рядом есть берега озера Ильмень — принадлежащих им станков домашних гусей и уток.

И я не один такой из сельской молодежи, чьи мечты и чаяния не принимаются окружением наших земляков во внимание, но от которых ожидается, что они из одной только сентиментальной привязанности

к природно-сельскому образу жизни свяжут свое бытие с родными пенатами.

Но разве не понятно, что в своих Пенатах⁵² Репин, а еще раньше античные эстеты, не просто дышали свежим воздухом и наслаждались деревенским покоем, а деятельно творили в соответствии с их замыслами.

А ведь в нынешней советской деревне многие современные сельские парни и девушки тоже хотят отнюдь не растительного, ограниченного одной гармонией их бытия с природой, существования. А осененной — пусть не в сопоставимой с прежними любителями «пенат» мере — их мечтаниями сельской деятельной жизни.

Однако этого пока нет, и не предвидится никем из нас в перспективе нашей сельской жизни. И потому умножаются среди нас ряды тех, кто с грустью расстается со своей деревней и устремляется на городской асфальт или на стройки, которые, в конечном счете, тоже вовлекают их в урбанизацию.

* * *

А ведь это не единственное, что и поныне отвращает молодых людей от сельской жизни. Сохранилось еще в ней то, что М.Горький с горечью называл «идиотизмом» деревенского быта.

Отнюдь неверно полагать, что он полностью остался в дореволюционном прошлом нашей деревни. О его проявлениях и сегодня можно рассказывать до бесконечности.

Кое-кто, славослова отличие социально-политической природы колхозного крестьянства от мужика-единоличника, не хочет замечать, что психология значительной части его если и изменилась, то во многих местах остается весьма противоречивой, если не ущербной.

Ведь мы учили в школе, что массовая психология⁵³ характеризуется существенной инертностью и новое вплетается в ее ткань далеко не сразу.

Осуществилась вековая мужицкая мечта о его житейском благоденствии — «сыт, пьян и нос в табаке». Однако новые рубежи движения к еще лучшей жизни остаются сегодня для многих жителей деревень, особенно глубинных, слабо обозримыми фантомами в тумане их старых, дореволюционных представлений о ней.

Особенно для носителей кондовой традиционности из пожилых сельчан и стариков-авторитетов, реликтовые представления которых о нормах «правильного» быта передаются и части потомков, особенно молодежи.

И не только детям, но даже внукам.

---

⁵² Пенаты у римлян боги-покровители домашнего очага, народ. В, переносном смысле — родной дом. «Пенаты» — музей усадьбе Репина близ Питера-Ленинграда.

⁵³ Уроки «Основы психологии» состоялись у нас в 8-м классе.

Это проявляется как в мелочах поведения, так и в принципиальных поступках наших деревенских людей.

Причем, именно в мелочах такого поведения тонут, по моему наблюдению, насущные для социалистического бытия, ключевые проявления перемен.

Почему в моей деревне Большой Ужин нет ни одного коммуниста, незаметна деятельность пионеров и малочисленная комсомольская ячейка только-только возникла на сороковом году советской власти?

Причем перспективы ее сохранения, после ухода одних ее организаторов в армию и после отъезда других на стройки коммунизма или в город на учебу, весьма призрачны.

Не потому ли, что их существование в устоявшейся, унаследовавшей дореволюционные представления о жизненном укладе сельской среде, как в болотной трясине, нередко по-прежнему тонет в мелочах, противостоящих проявлениям в нашем деревенском быту принципиально нового, социалистического?

Помню, когда я вступил в пионеры и стал ходить с пионерским галстуком, вокруг меня долго крутилась маленькая вакханалия детской демонстрации непонимания моего поведения. Большеужинская ребятня на первых порах частенько кричала издевательски мне в спину дразнилку нэповских 20-х годов: «пионеры юные, головы чугунные, чурки деревянные, черти окаянные!».

Вряд ли они сами знали эту дразнилку до этого. Ясно, что услышали ее от взрослых, живших в те, далекие для этой ребятни, довоенные годы.

Более того, я не думаю, что и научившие их так дразниться взрослые имели против пионеров что-либо принципиальное.

Когда из Старой Руссы к нам приходили отряды туристов-пионеров, чтобы посмотреть озеро Ильмень в его красе, соймы на нем и рыбацкие невода, односельчане охотно разбирали этих туристов на ночевку в свои избы и до отвала закармливали рыбниками.⁵⁴

Но появление собственных ориентируемых на перемены пионеров в своей привычной деревенской жизни вызывало и по сию пору порождает у них опаску, что юные ленинцы пошатнут привычное спокойствие их традиционного бытия.

То же самое социально-психологическое опасение проявляется и в отношениях земляков к нам, большеужинским комсомольцам.

Ну, а что касается коммунистов, то их у нас за всю советскую историю Большого Ужина было всего двое и оба, как теперь знаю, продержались в нем в таком качестве недолго.

Коммунист довоенной поры, организатор большеужинской сельхозартели питерский посланец Забелло считается у нас местной легендой,

---

⁵⁴Рыбник — пирог с запеченной целиком в тесте рыбной молодью.

заботником общего блага. Но именно он стал жертвой доносов в ГПУ кулаков и подкулачников.

Погиб, спасая односельчан от угрозы голода, и забыт ими наш земляк коммунист военной поры Иван Щепетов — по прозвищу односельчан Ленин.

Когда расспрашиваешь стариков, они о Забелло и Иване вспоминают с симпатией. Но случайно ли, что у этих коммунистов не оказалось идейных последователей среди наших односельчан?

И не наводит ли на раздумья, что меня за мою скромную деятельность на ниве просвещения земляков и селькоровскую активность некоторые из них обзывают «пропагандистом».

Именно обзывают, с плохо прикрытым уничижительным подтекстом — «баламут», мол, разрушитель покоя.

Не свидетельствуют ли эти и им подобные негативные примеры о проявлениях поглощающей силы обывательской трясины мелочей? А также и о далеко не полной изжитости старой мужицкой реликтовой психологии?

* * *

Можно сказать мне назидательно, потому-де и призываем выпускников средней школы, оставаться жить и работать в деревне, чтобы вы разгребали и осушали эту трясины мелочей социально-психологических пережитков.

На что хочу в свою очередь выразить сомнения в том, насколько это будет действительно без знаний и умений разгребать трясины.

И спросить заодно, не полезнее ли будет сосредоточить усилия на том, чтобы всех, реальных и еще только потенциальных, сельских обладателей аттестатов зрелости охватить всеобучем профессионализации и социализации?

Демьянским ребятам я могу только одно сказать: молодцы!

И пожелав им удачи на их пути, хочу посоветовать им, обязательно включиться, одновременно с трудом на ферме, в соответствующий их интересам спектр мировоззренческой социализации и квалифицированной профессионализации.⁵⁵

ВСЕ МРАЧНЕЙ И НИЖЕ ТУЧИ. . .

Из дневника

В Большом Ужине вдруг стали, сначала редко, а потом все чаще, появляться прежние обитатели сгоревшей в конце войны, заселенной в тридцатые годы бывшими кулаками деревеньки Выселки, о которой я писал в заметке «Мертвые сраму не имут».

⁵⁵ * «Новгородский комсомолец», 1957 год, август. *Подпись*: выпускник Борисовской средней школы, Старорусского р-на В.Староверов.

Не сами эти бывшие кулаки, которым у наших односельчан было, что опасное для их корыстолюбивых и продажных шкур напомнить, а их родственники. В большинстве своем — дальние, малозначимые для мести им по их былым делам.

Вот и к нам минувшей зимой заглянула приехавшая из поселка Парфино, куда мы с отцом плавали за дровами, якобы затем, чтобы купить рыбу к новогоднему застолью, дальняя родственница — отца или матери, сначала не понял, — Нюшенька Березина.

Но поскольку на встречу с ней пришла лелька Анна Ленина, старшая сестра матери, значит, понял я, Нюшенька их родственница.

Разомлев, попав в теплую избу с декабрьского мороза, или от стаканчика к встрече Нового года домашней браги, которую поставила мать на обеденный стол ради столь редкой встречи, Нюшенька многоречиво разоткровенничалась.

Впрочем, занятый школьным заданием, я не прислушивался, о чем они говорили, оживленно вспоминая что-то, известное им из прошлого.

Вдруг меня насторожила прозвучавшая в разговоре фамилия Забелло, о котором я пытался расспрашивать, но ничего путного так и не узнал, кроме того, что он был арестован за несколько лет до войны, а за что, лучше не знать.

— Это наши мужики с Сорокой подвели его под тюрьму. Ажно, в саму Москву много раз Калинину писали, — похвасталась Нюшенька. — А неча ему было свою рьяность показывать, четыре соймы у нас в колхоз отобрал. Вот ему и отплатилось, сдох где-то по этапу на Север, — мстительно сказала она.

Больше о Забелло ничего не было сказано, а вот по нашему колхозу Нюшенька прошлась весьма злоязычно, смакуя все его проколы. Ни весть откуда и знала.

Лелька Анна пыталась остановить ее злословие, но как-то вяло, поскольку сама была обижена на колхоз за равнодушные односельчан к памяти погибшего в тревогах за их благо мужа Ивана. Мать не злословила, но свою копейку в хулу колхозных порядков вносила.

Она и лелька Анна были из обедневшей в годы первой мировой войны и в ходе революции семьи.

Некогда эта семья была зажиточной, но глава ее, мой дед Иван Комиссаров погиб в ходе знаменитого Брусиловского прорыва.

Ослепшим после английской газовой атаки в ладожско-онежских баталиях пришел с гражданской войны и неженатый деверь: для матери и лелки Анны дядя, для нас, их детей, дед Леха Булаткин.

Младшему сыну погибшего Ивана, моему дяде Саше после той мировой войны было лет шесть. Остальные — три девчонки от пятнадцати до четырех лет.

Без работников хозяйство быстро сошло на нет. Баба Анна покупала у рыбаков пару-тройку пудов улова и на санках развозила в окрестные,

подальше от озера, деревни, продавала в розницу. Так и выживали впроголодь.

Мать в молодости была красавица, приглянулась моему отцу — гармонисту, младшему сыну в зажиточной семье моего другого деда Лехи, не случайно, видимо, прозванного Куликом Сердитым. И счастлива была войти в такую семью.

Чтобы не попрекали бедностью, старалась своим трудолюбием снискать расположение сурового в оценке трудолюбия, но справедливого свекра Кулика.

Тот сам был трудоголик, оценил ее и любил семью младшего отпрыска Ивана больше, чем семьи прочих сыновей и дочери, нашей тетки Тони Рюхановой.

Хотя и фыркал на него, поскольку зажиточность дедовой семьи отец ценил мало, работал в молодости без огонька, зато на вечеринках и в застолье был, судя по редким репликам матери о прошлом, везде одним из первых.

Когда создавался колхоз, деда, хотя он загодя назвал свой хутор «Красная Нива», депутаты сельсовета поприжали было и хотели даже раскулачить. Однако его не случайно звали не только Кулик Сердитый, но и Хитрый Кулик.

Амбар сетей и свои четыре соймы (или даже шесть), сдаваемые прежде в аренду, он отдал колхозу, а сам, как говорил отец, за взятку кому-то в райвоенкомате, отправил трех сыновей служить в Красную армию.

А заодно и перевез свой дом с единоличного хутора в строящуюся тогда колхозную деревню Большой Ужин.

На него наложили «твердо» — обязательный повышенный налог. Он сдал в государственные закрома несколько тонн семян льна, десяток возов льнотресты, сколько-то тонн зерна и ликвидировал свое единоличное хозяйство.

Сыновья, отслужив в территориальных частях, сколько полагалось, по возвращении после демобилизации со службы вступили в рыбооловецко-земледельческую артель.

Дед Леха, потеряв рано умершую жену, невиданную мной бабушку Марью Николаевну, доживал свои дни у Мани с Ваней, как он звал моих родителей. Умер, как и бабушка, до моего рождения.⁵⁶

Если отец отнесся к утрате зажиточного дедова хозяйства довольно равнодушно, то мать этим весьма огорчалась. И потому время от времени поругивала колхоз и его порядки.

Вот и сейчас она охотно подпевала злословью Ньюшеньки. Я рассердился и решил подшутить над ней, сказал после ухода неожиданной гостью:

---

⁵⁶ Сравнительно со мной нынешним — молодым.

— Хорошо, мать. Уж если ты так на дух не переносишь колхоз, давай я съезжу в облизполком, уговорю начальство, чтобы тебе возвратили земли дедова хутора. Даже лошадь попрошу выделить, и ты снова сможешь с отцом и Колей хозяйствовать единолично.

Только я — пас, уеду учиться, Клава, ты знаешь, тоже настроилась к Тоне в Соликамск уехать. Люсю зять не отпустит из Учно, Ася из Ленинграда не поедет.

Но зато никаких тебе нарядов бригадира, будет у тебя только твоя хозяйская воля. . .

Мать испуганно притихла. Видя меня нередко в общении с «начальниками», она уверовала, что я с ними запанибрата и могу о чем угодно договориться. И шутку мою восприняла серьезно.

С минуту молчала, потом укоризненно сказала:

— Эва, нашел дуру! Да разве теперь так работают, как мы в хозяйстве деда Кулика работали? День и ночь, то в поле, то за прялкой, а не то до утра сетки вяжешь или штопаешь. А нынче дивья ли им не работать: в поле едут — поют, с поля — опять поют, значит, не больно-то и устают.

Просто завидно мне, за что им такая жизнь довольная. И почему нам так не удалось в молодости в довольстве пожить, — снова немного помолчав, тихо призналась она.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ИВАНЫ, НЕ ПОМНЯЩИЕ РОДСТВА?

С детства увлекаясь садоводством, я с первых лет своего увлечения понял, что важнейшим признаком здоровья и силы моих подопечных деревьев в саду является их мощная корневая система. Обладающие ею питомцы лучше прочих выдерживают засухи, морозы, вымокания этой системы от частых в наших местах паводков, и иные погодно-климатические риски.

Наблюдая, как редеет в нашей деревне Большой Ужин и окрестных старорусских поселениях поколение моих сверстников, отбывающих на новое жительство в города и иные края, я невольно задаюсь вопросом:

— Не потому ли они это делают, что слабой у них оказалась корневая связь с родной землей?

Прежде всего, с малой родиной, со своими весями.

И другие недоуменно-печальные вопросы, естественно, роятся в моей голове. Прежде всего, о причинах слабости у сверстников этой наследственной связи

Материальной подоплеку ее слабости касаться не буду, разговоры о ней не только в расхожих разговорах, но и в печати уже в зубах навязли. Особенно о поиске материальных благ на стороне.

А мне хотелось бы обратить внимание на чувственно-нравственные истоки превращения наших парней и девушек в молодых людей, не помнящих своего родства.

В первую очередь от того, полагаю, что они просто даже не знают истории своего рода-племени и, соответственно, не догадываются, что за ним стоит.

* * *

«Мы ленивы и не любопытны» — с досадой писал Пушкин о своих просвещенных друзьях. При этом он имел в виду не только их леность в творческом труде, но и в интересе к истории своих родословных, отечества.

В трудовой лености упрекать новгородцев, как наших предков, так и современников, конечно, было бы не совсем справедливо. Сколько плодородящей пашни из болот сотворили и сколько руин подняли из многократных военных разрух, в том числе из последней, самой тяжелой.

Да и вообще, сколько рукотворной лепоты жизнесущей создали, — не каждому народу такое под силу.

Но вот что не любопытны мы к родословной истории нашей жизни, даже в сравнении с обитателями многих соседних стран — это, в некоторых отношениях, унаследованное от прошлого и, к сожалению, реальное явление нашего нынешнего бытия.

Сужу, в частности, по кондовому пренебрежению многих земляков своим собственным прошлым. Историческим и недавним.

В иных странах, по рассказам отца, дяди Саши Комиссарова и побывавших в них наших вояк, каждое положительное проявление бытия их отцов и дедов тамошними людьми освещается ореолом восхищения или почитания и подчеркнуто обрамляется рамочкой ритуалов уважения и вызывающего к подражанию почтения.

У нас же пока нередко, что далекое, что близкое прошлое традиционно остается у большей части населения за пределами их осмысления и чувственного восприятия.

Безусловно, самые выдающиеся события и явления в отечественной и новгородской жизни невольно цепляются наследной народной памятью и остаются в ней веками. Как фундаментальные факты нашего исторического бытия.

Такие факты, например, как битва наших предков под стягом Невского с тевтонскими завоевателями или буйная вечевая Новгородская республика.

А также войны с литвинами и поляками в эпоху становления Московской Руси, а затем со шведами и поляками в Смутные времена борьбы за национальную независимость.

Однако конкретное наполнение этих фактов реальными событиями, свидетельствующими о подлинной сущности духа народного и, в частности, новгородцев и, еще детальнее, старорусцев — рушан, как они са-

моназывались в летописях, — выпадает из общего потока исторической памяти земляков.

Трудно, к примеру, найти среди моих односельчан кого-нибудь из тех, кто знает, что после одного сражения конца ХУП века со шведами из 1200 рушан в живых осталось только 38. Зато врага наши предки уничтожили полностью, отстояв мирную жизнь своего города и уезда.

Между тем этот факт со ссылкой на документы описан классиком советской литературы А.Н.Толстым.

Даже о более близких к нашим временам ужасах аракчеевских военных поселений и Старорусском бунте против них в 1830 году, о чем писал тот же Пушкин, мало кто из земляков, особенно молодых, что-либо слышал.

Впрочем, как и о сравнительно недавних сражениях в связи с попытками немцев деблокировать первый в Отечественной войне устроенный им советскими войсками «Демьянский котел». И особенно о боях вокруг Рамушевского коридора Демьянск-Старая Русса.

А ведь его фашисты чуть ли не целый год защищали ценой больших потерь, чтобы использовать его для поддержки запертых в котле дивизий Буша. И все это время красноармейские части пытались сломать тот коридор.

А тем более об относительно менее значительных масштабно, хотя по влиянию на местную морально-нравственную атмосферу исключительно важных фактах вокруг последних событий и всего прочего, связанного с ними на Новгородчине во время Великой Отечественной войны.

* * *

Между тем, тут, несомненно, есть немало тем для серьезных размышлений о причинах утраты нами идущей из коллективно наследуемого прошлого народной памяти.

Начать с того, что многие из нас фактически не очень-то и много знают о том, жизнь и подвиги каких замечательных людей связаны с событийной историей Новгородчины. А тем более малой для каждого из нас родины.

Безусловно, о новгородской Марфе Посаднице и Вадиме, даже о полугендерных героях былин Ваське Буслаеве и Садко многие земляки понаслышаны.

Прежде всего, благодаря творчеству талантливых предшественников и современников Пушкина и Лермонтова.

Кое-кто из моих односельчан слышал или знает и о том, что в наших местах некогда проживали хрестоматийные классики русской литературы Гавриил Державин и Федор Достоевский.

А вот о том, что Миклухо-Маклай уроженец нашей области, или, что современную портретную и жанровую живопись в России основал

и узаконил наш земляк Василий Тропинин, никто из моих односельчан не ведает. Не говоря уж о прочем окрестном люде.

Между тем малую родину Тропинина — деревню Карпово в ясную погоду я могу ежедневно видеть на противоположном от расположения моей деревни берегу Тулебельского залива.

Только вот неоткуда, разве что из мало доступных нам городских архивов, можно моим землякам об этом узнать.

Да что уж говорить о далекой от нас по времени жизни в родительском доме молодого Тропинина? Если о более близких фактах нашего бытия в памяти никаких следов в народной памяти не остается.

В частности, о том, что в предвоенные тридцатые годы депутатом нашего районного совета был избран А.М.Горький. А упоминавшийся выше писатель Алексей Толстой был с довоенного времени и до мирного послевоенного года депутатом Верховного Совета СССР от Старорусского избирательного округа.

Об этом вспомнили только отдельные старые рыбаки, опрошенные мною из любопытства по случаю последней избирательной кампании в райсовет односельчан.

Что же касается моих сверстников, то об этом до моего вопроса никто из них и не знал. А ведь с первой послевоенной пятилетки прошло не так уж много времени.

Поинтересовался я как-то у местных учителей, агрономов, зоотехников, знают ли они о том, что с нашими новгородскими местами связаны, как явствует из их произведений, жизнь и творчество Некрасова, Глеба Успенского, Мамина-Сибиряка... Это в прошлом веке. М.Пришвина, В.Бианки, В.Кочетова и Д.Гранина — в текущем?

Никто из них не сказал об этом ничего вразумительного.

А что уж говорить о менее известном, но, в общем-то, талантливом, революционно настроенном, урожденном новгородце и некогда постоянном жителе нашего края поэте Якубовиче?

Или об остросюжетном публицисте деревни Засодимском, ректоре Петровской академии, ставшей Тимирязевкой, Железнове, селекционере в недалеком от нас селе Выбити князе Васильчикове, социальном гигиенисте-этнографе Бычкове?..

Об их корневых связях с Новгородчиной наши современные сельские интеллигенты тем более ничего не знали.

* * *

И полагаю, не случайно славное историческое прошлое Новгородчины, особенно после падения ее республиканско-вечевой вольности, представляется нам сплошным серым пятном на фоне прочей довольно бурной российской истории.

Но более всего удручает, что аналогично, таким же серым и смутным пятном, во всяком случае, в сознании подрастающего поколения, стано-

вится новгородская часть недавней драматической и победной истории Великой Отечественной войны.

Во всех иных краях нашей страны, где шли бои с немецко-фашистскими оккупантами, ее картины уже изображены в литературе и искусстве ярко и волнующе. Они пробуждают у читателей или зрителей не только интерес, но и сильные эмоции патриотизма и гордости за героев отраженных событий.

Именно потому, что достоверно и талантливо они показаны в романах, повестях, рассказах, на батальных картинах.

Но почему же не находится талантливых творцов — художников, писателей и поэтов — для описания аналогичных событий, произошедших на нашей Новгородчине?

Если не по исторической значимости, то уж по числу участников боев с обеих сторон, нашей и вражеской, их накалу и степени советского героизма, проявленного нашими воинами более чем трехлетняя позиционная война с западными фашистами в новгородских лесах и болотах сопоставима с боями в сталинградском Поволжье.

А может быть и в окрестностях и пригородах самого прославленного города-героя — блокадного Ленинграда.

Однако до сих пор не нашлось не только в нашей стране, но и в области новых капитанов симоновых и некрасовых, чтобы описать настолько же талантливо и захватывающе, как это сделали они, рассказав о сталинградской героике, скажем, трагедийные для Красной армии сражения в злополучном новгородском Мясном Бору или демянско-старорусскую героическую эпопею.

Можно догадываться, что на первые отвратно бросило свою тень предательство командующего 2-й ударной армией генерала Власова и части ее штабистов. Но ведь это, полагаю, не снижает, а возвышает героизм самой этой армии, оказавшейся в западне и преданной командованием.

Последние обстоятельства менее всего можно поставить ей в укор. Большая ее часть, окруженная в болотисто-лесном массиве Мясной Бор, съедаемая гнусом и сама неделями мокрая и голодная, мужественно сражалась с превосходящими силами лучше их вооруженного противника.

В конечном счете, лишь немногие из окруженных красноармейцев, раненные или обессиленные голодовками, изнуренные болезнями, как служивший в этой армии мужественный поэт Муса Джалиль, оказались в плену.

И совсем мизер из них добровольно записались впоследствии, желая избавиться от ужасов концлагерной жизни, в так называемую РОА — «русскую освободительную армию».

Она формировалась предателем Власовым в лагерях военнопленных всех фронтов. Из числа самых слабодушных пленных.

И что касается бывших воинов 2-й ударной армии, то считанные единицы из них откликнулись на призыв их бывшего командующего, признанного до этого героем испанской гражданской войны.

Большинство же, как Муса Джалиль, выбрали для себя судьбу борьбы. Поэт Муса Джалиль, как стало совсем недавно известно, героически погиб в застенках фашистской тюрьмы Маобит.

Вояк РОА, как в советском тылу и в действующих частях Красной армии, так и мы на оккупированной территории, ругательно именовали власовцами. Клеймя их «иудами», что в сознании народа извековечно является символом крайнего духовного расчеловечивания.

Непонятно и то, почему остаются малоизвестными до сих пор народу героические дела новгородских партизан.

Местная молодежь знает, конечно, о ярких подвигах питомцев наших мест героев-пионеров Лени Голикова и Димы Соколова, а также комсомолки Лизы Чайкиной из пограничного новгородско-тверского верхневолжского⁵⁷ поселка Пенно.

Однако мало что известно не только ей, но и воевавшим на других фронтах взрослым землякам о борьбе действовавших в немецком тылу Волховского фронта партизанских бригад, подпиравших подвиги этих юных героев.

А ведь только из населения Старой Руссы,⁵⁸ рассказывают старики, сформировали четыре партизанских отряда.

И немало их дали Новгород, Сольцы, Чудово, Валдай и другие новгородские города, поселки и районы.

О героике белорусских заслоновцев, украинских соединений Ковпака, Руднева и Вершигоры знает из книг в нашей стране едва ли не каждый старый и малый. А о новгородских партизанах в советской литературе, считай всего ничего.

Безусловно, боевые дела новгородских лесных мстителей попали в тень беспрецедентного подвига защитников блокадного Ленинграда. Равно, впрочем, как и дела партизан всей Ленинградской области, в состав которой вплоть до снятия блокады входила и Новгородчина.

Но слава героики непосредственных защитников этого достойного ее города-героя не может вечно заслонять другую достойную памяти славу.

Тех кто, как поется в популярной песне Волховского фронта⁵⁹, «в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу» и положил свою жизнь, чтобы помочь выстоять ленинградским блокадникам.

---

⁵⁷ Исток Волги питается болотами новгородского Молвотицкого района и тверского Верховья Волги.

⁵⁸ В 2014 году Старой Руссе был официально присвоен статус города воинской славы.

⁵⁹ Песня пера воевавшего в наших местах фронтового поэта Павла Николаевича Шубина (1914-1951 гг.).

Наоборот, блеск героики тех и других должны усиливать восхищение величием их мужества.

* * *

И все же, вот какие предположения невольно порождает все вышесказанное. Не потому ли и не появляются сегодня новые мастера слова на талантливой в прошлом сподвижниками гусяра Садко Новгородской земле, что недостает у нее необходимых для появления на ней современных талантов условий?

Может быть, усиливающаяся день ото дня сумбурность самой повседневности ее бытия мешает этому? Хотя бы то, что в этой повседневности нет интереса к кажущимся не заслуживающим внимания мелочью частным фактам, из проявлений которых и рождается то понимание подлинной масштабности героизма тех или иных событий недавнего военного прошлого.

К примеру, из-за обозначенной сумбурной повседневности оказалась не осмысленной, а потому и нецененной трагическая судьба сформированного в Якутии усиленного ударного батальона, попытавшегося с позиций местности Южного Приильменя перерезать Рамушевский коридор.

Батальон совершил ночной переход на лыжах через замерзшее озеро-море Ильмень и почти полностью погиб в момент выхода на исходные для боя позиции.

Это произошло сравнительно неподалеку от моей родной деревни. Однако в памяти не только моих односельчан, но и населения ближайших к нам поселений — Устреки, Бурег, Коростыни — об этом событии не сохранилось, похоже, ни малейшей крупинцы знания.

И что удивительно, вы не найдете никакого материального знака о нем, хотя бы виде деревянного обелиска с красной звездой на месте гибели без малого тысячи советских воинов.

Не обнаружил я, правда, в глухоманном демянском лесу, и памятного знака в виде обелиска или надписи и на месте падения его самолета и гибели 19 января 1942 года героического сталинского воспитанника Тимура Фрунзе.

Взятого Сталиным в свою семью сына, напомним, видного деятеля гражданской войны и первого, исправившего пагубное наследие Троцкого в период пребывания того на посту военного наркома, строителя кадровой Красной армии Михаила Васильевича Фрунзе.

Или, скажем, красноармейцев, сопротивлявшихся в 1941 году немецким оккупантам на Старорусском льнозаводе тогда, когда уже, казалось бы, и сопротивляться стало бессмысленным, поскольку город и пригороды были оккупированы полками армии Зейдлица.

Но они сражались, и все погибли.

К сожалению, об этом знают сегодня лишь немногие пожилые староруссы, а молодежи их подвиг совсем неведом.

И что уж говорить о менее массовых событиях и трагедиях. Старики в наших местах иногда вспомнят в своих разговорах мимоходом, что в первые же дни оккупации немцы расстреляли в нашем сельсоветском центре селе Борисово местную депутатку-женщину. Но спросите об этом школьников Борисовской средней школы, уверен, никто об этом не знает.

Да что школьники, из опрошенных мной взрослых никто не смог вспомнить ее фамилию.

Старики со своими воспоминаниями в школу сами по себе не ходят, а организовать встречи школьников с ними никто пока у нас не озаботился.

Иных же путей познания прошлого своих деревень у молодежи нет. Как и во множестве подобных случаев, никакого памятного знака об этом расстреле нет.

* * *

О двух безымянных, точнее, покрытых тленом забвения, сходных с борисовским расстрелом, событиях-фактах мне смутно помнится самому, поскольку я стал их невольным очевидцем. Но я был слишком мал еще, чтобы хорошо понять в тот момент конкретику этих событий-фактов. И тем более — удержать в памяти до наших дней без утраты ее детали.

Эти события произошли в крупном селе Выбити, через которое немцы гнали нас окружным путем в солецкие места нашей высылки, а затем далее — в Шимский концентрационный лагерь.

В Выбитях бушевали пожары.

Особенно яростно горели принадлежавшие до революции потомку екатерининского фаворита селекционеру князю Васильчикову дому-усадьба и ее оранжереи, о которых я скажу немного попозже.

Но странно, никто не тушил пожары, а местных жителей и нас заодно сгоняли на площадь, что недалеко от усадьбы.

Столпившись на ней в оцеплении немцев и полицаев, мы увидели в центре другой толпы, местных сельчан, две виселицы и двух девушек под охраной. Обе в кровоподтеках и изорванных платьях.

Выяснилось, народ согнали, чтобы он видел, как неотвратимо наказывают новые хозяева оказавшихся неугодными им «недочеловеков» — унтерменш, по-ихнему.

От ужаса я закрыл глаза, зарывшись головой в юбку матери и не видел, как их вешали. Только когда нас погнали дальше, зацепил взглядом их силуэты.

Моя третья по старшинству восьмилетняя сестра Люся, пошептавшись с местными девчонками, успела узнать, что девушек повесили

только за то, что они спели где-то и когда-то, может еще до прихода оккупантов, частушку:

*Верь товарка дорогая
Скоро Гитлеру капут.
Скоро сталинские танки
По Берлину побегут!!*

Этого оказалось достаточным, чтобы по доносу местного усердного полиция повесить на виселице юных певуний.

... Теперь, что касается пожара в бывшей усадьбе князя Васильчикова. В дореволюционное время она была авторитетным в наших местах центром селекционной садово-огородной культуры.

Помнится, как с треском и звоном лопались стекла ее горевших оранжерей, в которых, как рассказывали бывавшие в них ранее люди, росли чудные арбузы, дыни, южные деревья и лозы, вплоть до мандаринов, апельсинов и винограда.

В школьные годы, то есть после войны, я увлекся садоводством, завел переписку с Центральной генетической лабораторией, что в Мичуринске, а также с Павловской подмосковной и Роцинской, что под Ленинградом, опытными станциями.

По их рекомендациям начал и веду согласованные с ними опыты. В частности, по культивированию в наших краях винограда. В связи с этим я и вспомнил об оранжереях культурной усадьбы Васильчикова в Выбитах.

Мне не верилось, что местные жители не попытались спасти хотя бы что-то из селекционного наследия Васильчикова. Этим «что-то» логичнее всего могли быть лозы винограда. И пару лет назад я поехал искать их следы в Выбити.

К сожалению, никаких следов от этого наследия не нашел.

Хотя на обратном пути уже в Коростыне, разговорившись со старожилом, я обнаружил остатки полуодичавших вишневых, кустарникового вида, деревьев, потомков того вишневого сада, который был посажен Андреем Эклебенем, знаменитым садовником Екатерины Великой вокруг Путевого дворца, построенного для нее по проекту Растрелли.

В нем она отдыхала по пути, когда неоднократно ездила на водо-грязелечебный курорт Старая Русса.

Но к чему я все это рассказываю? Будучи в Выбитах, я вспомнил сцену казни девушек и попытался узнать связанные с ней подробности. Однако только две старушки вспомнили об этом событии, да и то путано.

— И, милый мой, да разве все упомнишь! Ведь в те годы столько страсти-ужасов было. Казни-то видеть мы старались избегать. Прятались, когда сгоняли народ глядеть на них, — сказала одна из них.

Другая старушка, реагируя на сказанное соседкой, только печально вздохнула.

Ну, а мои сверстники о казни девушек вообще ничего не смогли сказать. Слышали от кого-то что-то об этом, но вспоминали как-то легкомысленно, невразумительно.

И, конечно, никакого материального знака, напоминающего о произошедшей здесь в войну трагедии, хотя бы памятной доски со звездой на месте казни я не нашел.

Да и от оранжерей Васильчикова ничего не осталось, еле угадывались заросшие кипреем остатки их фундаментов.

* * *

Короче, ситуация все того же беспамятства, что и в других подобных случаях. Скажем, с коммунистом Иваном Щепетовым из моей старорусской деревни Большой Ужин, который погиб в ней уже после освобождения ее от оккупации, но, безусловно, от «мирных» проявлений войны.

Это произошло вскоре после того, как отец привез домой нашу семью, освобожденную, как и прочие земляки, красноармейцами, из Шимского концентрационного лагеря.

Убедившись, что наша изба среди немногих других уцелела тогда, как остальные селитбы были сожжены немцами при их отступлении, он тут же, даже не переночевав, поскольку трехдневный срок его увольнительной истекал, ушел воевать дальше.

И возвратился к нам только через два года с укороченной осколком снаряда ногой.

Была весна 1944 года. В нашу освобожденную деревню дружно возвращались односельчане. Одни, как и мы, из Шимского концлагеря, другие с иных мест их высылки. Сплошь женщины, дети и подростки. Все оборванные и изнуренные пребыванием на чужбине и банальным недоеданием.

Прибыл из госпиталя долечиваться и Иван Щепетов, по деревенскому прозвищу Ленин. Единственный на наш Большой Ужин еще с предвоенного времени коммунист.

Видимо, достойным образом своей жизни заслужил он право на такое почетное прозвище. По нему и его семью у нас до сих пор кличут — Ленины.

Весна в сорок четвертом году катилась стремительно, время посевной страды утекало. Но женщины боялись выезжать в поля, поскольку пашня была нашпигована минами, ведь именно минными полями немцы спасались как от партизан, так и от красноармейских десантов, пытавшихся взломать Рамушевский коридор.

Однако ни у кого не было сомнений, что, если не провести необходимые сельхозработы: вспашку, сев, — односельчане будут впоследствии обречены на голод.

Да и фронт нуждался в продовольствии.

И тогда, преодолевая немощь от ранения, Иван Щепетов запряг лошадь из числа тех немногих, что были возвращены из эвакуации, и выехал с плугом в поле.

Два дня пахал, а потом и произошло то, чего оправданно опасались женщины. Взрывом мины был убит пахарь и покалечена его лошадь.

Привычно похоронили Ивана на нашем деревенском кладбище в Кукуевке, поодаль от развалин местного храма.

С тех пор прошло тринадцать лет. И, насколько знаю, никто не вспоминает, во всяком случае, публично, добрым словом его отчаянную попытку, пренебрегая угрозой жизни, помочь своим односельчанам.

Вдова погибшего Анна Ивановна Щепетова одна растит троих детей, возрастом, близким ко мне, — Сережу, Мишу и Женю, которые живут под деревенской фамилией Ленины.

И хотя бы чем-то наш колхоз помог этой семье. Не говорю уже о хотя бы деревянном обелиске на могиле Ивана с достойной памяти его благодарственной надписью от имени односельчан, особенно потомков.

* * *

Подобное же неблагодарное беспамятство по отношению к нашим отцам и дедам свойственно и многим иным весям и даже городам Новгородчины.

Так стоит ли удивляться или пафосно негодовать, что мое поколение растет и формируется умственно без ощущения связи его нынешнего существования с жертвенностью и подвигами ближних и дальних предков?

И с ложным сознанием, что все героическое и просто интересное в нашей жизни происходит не у нас, а где-то в других, дальних краях.

Не потому ли, в конце концов, молодежь и настраивается на отъезд из наших сел за более увлекательной жизнью.

Эта освященная памятью о прошлом сторона нашего бытия тесно переплетается с тем, насколько глубоко мы осознаем саму его ткань, красоту нашей повседневности, неповторимость ее примечательных черт.

К сожалению, показу штрихов самобытности и отраженной в судьбе каждого из нас уникальности этой повседневности мы уделяем, фактически, nepозволительно мало внимания.

Например, мало кто из нас, молодых, имеет представление о том, чем интересны наши края за пределами околлиц поселений, в которых мы живем.

Так, мимо Борисовской средней школы, которую я нынче окончил, течет река Перехода. На школьных картах физической географии, которую мы изучали, она не отражена. Когда я однажды спросил одноклассников, чем интересны собой верховье и низовье — по ее течению — этой нашей реки, никто ничего не мог сказать.

А ведь когда спадают бурные и обильные в весенние половодья ее воды, то по берегам Переходы, например, в районе моста через нее у села Бурегы, обнажаются пласты девонских отложений.

По находкам в них можно проследить древнюю историю Новгородчины доледникового и ледникового периодов.

В ее низовьях же, под одним из увалов прибрежного холмища, скрываются, похоже, останки славянского городища и приметы стоянки варягов или кого-то еще с запада..

Пройдя мимо Железного острова в низовьях Ловати, они делали здесь остановку. Отдыхали и готовились к переходу через бурное озеро Ильмень, которое было известно им как Славянское море. А путь они держали в столицу страны Гардариков, иначе говоря — в центр «страны городов». То есть в Великий Новгород.

* * *

К сожалению, у меня в отношении взрослых, особенно интеллигенции, к нашей малой родине многое сегодня порождает удивление. Например, в школе мы учили всемирную и российскую географию и историю.

Но какое место занимают в них краевая география и история, ни малейшего представления не получили.

В Новгороде есть пединститут. И возникает вопрос, почему бы его профессорам не подготовить в школьные учебники вкладыши с краеведческими географическими и историческими картами и пояснениями к ним?

А по литературе — учебные пособия, в которых поместить художественные отражения бытия Новгородчины в летописях, прозе и поэзии прошлых лет.

И особое внимание стоило бы обратить на географические привязки местной событийной истории военных и послевоенных лет.

А иначе, откуда у земляков, детей и подростков, да и у взрослых тоже, возникнут интерес и духовная привязанность к малой родине?

Без них же не может быть и эмоционально-нравственной корневой связи с ней. Между тем она, глядишь, и сдержит нарастание массового оттока новгородских сельчан в иные края, города и веси*.

* * *

К сказанному в эссе добавлю еще несколько слов о новом социально-профессиональном статусе его автора и неожиданном источнике его публикации.

---

* «Блокнот агитатора» Новгородского обкома КПСС, 1957 год, декабрь. *Подпись:* Владимир Староверов, слушатель отделения политэкономии Вечернего университета марксизма-ленинизма, завклубом д. Большой Ужин.

В 1957 году я окончил Борисовскую среднюю школу, поступил было в сельхозинститут в городе Пушкино, что под Ленинградом. Однако вскоре по семейным обстоятельствам, уже в конце сентября, бросил учебу в нем, возвратился домой и стал заведовать Большеужинским сельским клубом.

Однако в необходимости продолжить образование я не сомневался и, как только оформился на работу, поехал в Новгород к знакомому мне главному редактору «Новгородской правды» Матясу, который возглавлял по совместительству Вечерний университет марксизма-ленинизма при обкоме партии.

В доказательство своей способности учиться в нем, я привез ему рукопись вышеизложенного эссе и еще один материал, который будет помещен во второй книге настоящей социохроники Большого Ужина.

Услышав о моем желании учиться в руководимом им университете, Матяс удивленно пожал плечами:

— В вашей способности учиться у нас я и без этих материалов не сомневался бы. Но как вы будете добираться на занятия три раза в неделю из такой дали? До Старой Руссы, если не путаю, от Новгорода почти сто верст, а вы откуда-то из ее сельской окрестности.

— Все верно. От моей деревни до шоссе 14-16 километров. Затем 25-32 в зависимости от того, где выеду на шоссе, километров до Шимска. И от него до Новгорода 49, да по городу верст пяток. Всего пути, получается, действительно, около ста километров, — согласился я.

Но у моего зятя есть мотоцикл, на нем я потрачу на дорогу сюда немногим более часа.

— Ну, дерзайте! — с сомнением сказал Матяс, — интереса ради зачислим вас. — Возникает вопрос, куда? У нас два отделения недоукомплектованы: социальнополитическое с философским уклоном и политэкономическое с историческим акцентом. Один из ваших материалов ближе к профилю первого, другой — второго.

— Политэкономия и история мне понятнее.

— Что ж, быть по сему!

Так я стал на некоторое время слушателем этого университета. А почему «на некоторое время», рассказано в эпилоге данной книги

Эпилог к первой книге

Если вспомнить последовательно газетные и дневниковые опусы данной книги автобиосоциохроники Большого Ужина, то заметно, как шаг за шагом взрослеющий отрок-публицист переходит от описательности понятного ему бытия к его аналитическому осмыслению.

Учитывая его юный возраст, можно было надеяться на то, что со временем он станет недюжинным публицистом или даже писателем — деревенщиком.

Почему этого не произошло, проницательный читатель следующей книги данной автобиосоциохроники поймет сам.

А на некоторые обстоятельства этого я постараюсь обратить его внимание в последующих публикациях плодов своего прежнего журналистского творчества.

Заметно, вероятно, также и то обстоятельство, как от одной публикации к другой, юный автор все критичнее оценивает устои и образ жизни своих односельчан и обращается за поиском положительных примеров сельского бытия в другие окрестные Большому Ужину веси.

В целом, опубликованная совокупность дневниковых записей, заметок, статей и эссе о Большом Ужине и ряде иных старорусских весей с поправками на чрезвычайность их послевоенного бытия в условиях пост оккупационной разрухи — дает достаточно определенное представление о атмосфере и специфике сталинского этапа развития и проявления социальной субъектности советской деревни.

А это принципиально важно, поскольку характеризует единство и взаимосвязь всех эпох ее истории — досоветской, советской, современной.

Ибо субъектность сталинского сельского социума является эталонным инструментом познания истинной соразмерности этих исторических скреп. А природа ее — тем фундаментом, опора на который позволяет современной России выбраться из исторического тупика, в какой погрузили ее агросельскую сферу либерально-буржуазные реформы.

* * *

В укрупненном варианте Новая и Новейшая история российской деревни представляет собою в трактовке современных буржуазных, особенно либеральных идеологов эпохальные смены следующих парадигм:

— была некогда социально и духовно монолитная деревня великой дореволюционной Российской империи, которая в период после рожденных Манифестом 1861 года исторических александровых реформ интенсивно осваивала вершины мирового прогресса.

— зловредные большевики в жажде личной власти разрушили эту империю и, соответственно, посеяли в деревне организационный хаос, погрузив землеробов в смуту и спровоцировав в ней социальный раздрой классовой борьбы.

— ценой жестоких репрессий и гигантских жертв тиран Сталин восстановил империю и социальное единство деревни, уничтожив землеробов-пассионариев и низведя прочих до положения обнищенного, безвольного, ведомого красными баронами колхозно-совхозного «быдла».

— преемники Сталина, еще сильнее захомутав советское население системой плановой экономики, обрекли его, по сути, на рабский труд, и, ради их утопической химеры построения коммунизма, истощили имперский потенциал страны, особенно российской деревни.

— последние тридцать лет с напряжением всех национальных сил отечественные либералы при содействии цивилизованного Запада, очарованного их гуманным содействием осуществленному им разрушению «железного занавеса» и холодной войны, ведут упорную работу по возрождению Российской империи.

И в частности, атомарной субъектности инициативного, способного «работать на себя» экономически эффективного российского земледельца...

... Что можно сказать об этой беспардонной лживости вышеназванных прирожденных фарисеев заподозренного ультралиберализма? Пробуждать совесть и гражданскую, тем более научную честь у таких идеологов бессмысленно, их у этой публики никогда не бывало.

Остается напомнить тем, кого они много уже десятилетий охмуряют своей хитроумно состряпанной ложью очевидные факты, зафиксированные историей и статистикой.

Хотя либералы и внушают, исходя из опыта собственной статистической мифологии, что «есть ложь, большая ложь и статистика», но для основной части обществоведов, в том числе статистиков, присуще природное стремление к истине.

О социальной монолитности и благоденствии дореволюционной деревни буржуазные идеологи разглагольствуют, хотя и многословно, но до очевидности голословно.

Ведь уже одно то, что 9/10 красных и белых бойцов гражданской войны были уроженцами деревни, и ядро Красной армии составляла ее беднота и середняки, а Белой — кулаки и сыны помещиков, свидетельствует о природной лживости этих идеологов.

С помощью изощренной лжи они изначально стремятся замутить информационное пространство российской цивилизации, чтобы разрушить ее насущные структуры, способные продуцировать свойственные ей духовные ценности, а затем в бесструктурном молекулярном хаосе ментальности разрозненных индивидов утверждать среди них свои пагубные установки.

Мифологичны и вопли либералов и монархистов об экономическом величии дореволюционной Российской империи, ее прорыве на вершины мирового прогресса. Если на момент принятия антикрепостнического Манифеста 1861 года ее индустриальный потенциал составлял 83% от показателей САСШ, то в 1913 году около 10 процентов.

В аналогичных пропорциях была динамика роста размеров этого потенциала и в сравнении с экономикой Британии и Германии, да даже Австрии, Италии и Франции.

Столь же лживы их уверения, будто именно большевики разрушили экономическое благоденствие царской империи и, соответственно, посеяли в деревне организационный хаос, погрузив российских земледельцев в смуту и спровоцировав социальные распри в крестьянском мире.

Империю Романовых разрушила спровоцированная западными агентами, возглавлявшаяся прозападными либералами, свергнувшая их династию Февральская буржуазно-демократическая революция. Завершило разрушение её бездарное последующее правление осуществлявшего волю заподозренных либералов Временного правительства.⁶⁰

Мировоззренческий раздрай в некогда социально почти монолитное в своей борьбе с крепостничеством общинное крестьянство посеяли ориентированные на прозападную капитализацию России столыпинские «Великие реформы».

Правовым фундаментом для которых, стал принятый якобы в пользу «мужицкой» деревни, в реальности, проторивший дорогу капитализму западноевропейского типа антикрепостнический александров Манифест 1861 года.

Наивысшего размаха этому раздраю придали разрушавшие общинность крестьянского мира, радикально капитализаторские предреволюционные реформы П.Столыпина, разруха как следствие первой мировой войны и введенная Временным правительством грабительская «продразверстка», подлинное авторство в «изобретении» которой либералы или замалчивают или лицемерно приписывают большевикам.

Что касается выдумки, будто Сталин восстановил тождественную царской империю, то, опуская пока без внимания вопрос, какой ценой он это сделал, здесь, прежде всего, встают дилеммы: «восстановил» ли он ее или заново «воссоздал»? А если действительно имело место последнее, то «какую империю» он воссоздал?

То есть, был ли СССР традиционной, скрепленной насилием империей и чем он качественно отличался от империи Романовых?

Если империю оценивать в категориях державного величия страны, то, как забыть о статусе царской России в годы после ее крымского поражения, повторенного через полвека общеизвестным фиаско нашей страны в русско-японской войне?

Подобных поражений СССР не знал и, следовательно, проводить параллели тут бессмысленно.

Учитывая же только пространственный, сырьевой, демографический и военный потенциалы, да цивилизационно обусловленную организационную форму ее государственности, обеспечивавшую мирное сожительство десятков объединяемых ею народов, то по геополитическим меркам СССР можно было бы даже признать «восстановленным» аналогом имперской дореволюционной России.

---

⁶⁰Кстати, эти же силы разрушили, было, державное единство России и только благодаря усилиям большевиков оно было восстановлено в форме красной империи, что признавали даже ведущие деятели зарубежной белой эмиграции, более благоразумные, чем нынешние зашоренные своей ненавистью российские либеральные коммунофобы и русофобы.

Если только совершенно не учитывать их принципиальное качественное социально-политическое отличие, обусловившее противоположность парадигмальной их классовой природы и динамики их общественно-исторического развития.

Социальный строй империи Романовых обеспечивал интересы правившей в ней верхушки, а общественный строй СССР реализовал интересы всех классов, сословий, страт его социалистических народов.

И в индустриальную эпоху это обстоятельство оказалось решающим фактором для развития страны. Ибо в первом случае оно отчуждало, а во втором случае органически соединяло социально-гуманитарный капитал державы с ее материально-техническим и природным капиталом.

Что, чем дальше, в том числе в постиндустриальную эпоху, тем сильнее обеспечивает общественный прогресс.

Если, начиная с правления Николая 1, отставание России от ведущих стран мира не сокращалось, а увеличивалось, то после 1917 года в стране появилось *нечто такое новое*, что позволило нарастающему отставанию смениться нарастающим сближением.

Руководимый при доминировании его воли Сталиным СССР в 1930-1953 годы, в отличие от капитализируемой царской России развивался в среднем в восемь с половиной раз быстрее, чем США. Что стало по свидетельству тогдашних американских СМИ кошмаром для правившей ею элиты.

Это «нечто» заключалось в том, что ведомая Сталиным партия большевиков создала социально-политические условия, позволившие не узкой кучки богачей, а всему народу стать полноценным **субъектом** своей истории.

Это же позволило, отнюдь, не «восстановленной», а построенной большевиками качественно новой «империи» в форме Союза ССР, взять от царской предшественницы все положительное, что было освящено созидательным потенциалом трудящихся, в том числе интеллигенции.

И что послужило фундаментом для последующего формирования новой исторической общности «советского народа» и вызревания советской цивилизации.

Важнейшими субъектами развития России стали не только носители диктатуры пролетариата в лице рабочих, но, — что ценно для нее, — и трудовая деревня.

Ее субъектность в царское время куце, через земство, представляла узкая кучка помещиков и кулаков. Коллективизация и строительство совхозов, отнюдь, не усугубили социально-политический раздрай ее населения, а трансформировали его в полноценный социум.

То есть, возвратили деревне на качественно новом, более высоком уровне ее былое общинное единство, обогащенное социалистическими свойствами субъектности.

Непритязательные заметки первой книги нашей социохроники Большого Ужина и окрестных ему весей достаточно определенно показывают, как возрождалась эта субъектность несколько ослабленного объективными обстоятельствами оккупации и военной разрухи описанного автором локального деревенского социума.

А ведь то же, во многих местах еще более выразительно, происходило тогда во всех регионах нашей страны.

* * *

Читатель, возможно, обратит внимание на то, что первая публикация, помещенная в следующей книге автобиосоциохроники Большого Ужина, появилась только через год после передачи автором Матясу своих предыдущих материалов.

За этим перерывом можно невольно почувствовать некие кризисные моменты — какие-то объективные затруднения или непреодолимые для автора жизненные обстоятельства.

Действительно, объективные обстоятельства для приостановки моего «бумагомарательства» были.

Хотя бы потому, что я заканчивал десятилетку, и для меня важно было, если не на медаль, то прилично сдать выпускные экзамены.

В аттестате у меня оказались оценки «отлично» по всем математико-естественным предметам, по литературе и русскому устному. По письменным вариантам демонстрации мною своих знаний этих дисциплин из-за плохого почерка — «курица лучше лапой пишет» — и по немецкому языку получил четверки. А по черчению — и вовсе тройку.

Затем последовала подготовка к поступлению в вуз. Возможно, вы обратили внимание, что это был сельскохозяйственный институт, а не гуманитарный или обществоведческий, соответствовавший складу большинства моих тогдашних увлечений.

На это, вероятно, повлияли те обстоятельства, что мое «писательство», как и художественная самодеятельность или общественно-пропагандистская активность, оборачивались в последние годы для меня неприятностями со всех сторон — со стороны начальства, односельчан, «верхов».

К тому же в общественно-гуманитарной сфере своих увлечений я был, по сути, одиноким волчком без удобной для его взросления умственной среды.

Из-за сельской глухомани моего местожительства, связи с местными редакциями у меня были эпизодические, опосредованные большей частью почтой и редкими кратковременными набегами в редакции, без перехода в сферу дружеских общений, поскольку ни в Старой Руссе, ни в Новгороде мне было тогда просто негде даже заночевать.

В гостинице при моих самовольных набегах в город, я не мог остановиться не только из нехватки средств, но и из-за отсутствия паспорта, колхознику не полагавшегося.

Возможно, я еще расскажу о том, с какими перипетиями я его добывал в последний год моей сельской жизни. А сейчас скажу о том, что, имея пристанища, я не мог участвовать в повседневной интеллектуальной жизни Старой Руссы, а тем более Новгорода, которая проявлялась в сфере более культурного досуга горожан.

То же обстоятельство препятствовало моему общению с местными литераторами.

В километрах пятнадцати-двадцати от Большого Ужина, в селах Буреге или Солобско, время от времени гостили у родственников поэт Балин — брат моего одноклассника Феди Балина — и писатель-маринист Слава Марченков. Иногда появлялся из Ленинграда в редакциях во время моих посещений их маститый в наших масштабах писатель Глеб Горышин. Однако и с ними пообщаться у меня не было возможностей.

К тому же я стеснялся обратиться к ним со своими «опусами», а тем более за консультациями и советами по поводу их. Бесцеремонный «нахаленок», торпедировавший некогда селекционеров из опытных садоводческих станций, ушел из моего менталитета вместе с моим детством.

А терзаемый творческими поисками в моем лице отрок превратился в растерянного подростка, жестко обуреваемого подозрениями в собственной бездарности.

Попытки послать в некоторые ленинградские и московские журналы несколько своих зарисовок и интермедий оказались провальными: ни разбора их, ни серьезной оценки. Разве что некоторая насмешливая снисходительность отдельных «консультантов».

А в большинстве случаев формальные отписки: «к сожалению, материал не подходит по профилю нашего издания».

А вот мое увлечение садоводством получало всеобщее одобрение, Или же к нему относились нейтрально. Во всяком случае, пока оно не переходило границы приусадебного личного участка. Что и решило вопрос моей профориентации.

Не успел я начать учиться в СХИ, как узнал, что во время боронования пашни под озимь у отца «понеслись» молодые лошади, его раненую ногу зацепило железным штырем бороны, и он лежит в больнице с ее переломом.

Мои сестры к этому времени вышли замуж и поразъехались в разные города и села. Дома остались хронически хворавшая после Шимского концлагеря мать и младший брат — школьник Коля. Беспokoясь, что они не управятся без отца с подворьем, а, следовательно, зимой наша семья останется без продуктов и денег, я, понимая, что академического отпуска еще не заработал, забрал из деканата документы и уехал домой.

Приехав, узнал, что, воспользовавшись ситуацией, бросил восьмой класс школы и здоровяк, в отличие от меня, брат.

Но обратного хода для меня уже не было. А учиться хотелось. Поэтому, устроившись на работу, я, как уже писал, и поехал к Матясу в Новгород.

Став слушателем отделения политэкономии Вечернего университета марксизма-ленинизма, я честно посещал все занятия в нем. На мотоцикле жившего в соседней деревне Большое Учно зятя Василия Михалева, ехал до Шимска, подгадывая к автобусу Шимск-Новгород.

А обратно уже почти в полночь возвращался таким же путем. Правда, сначала уже не автобусом, поскольку он так поздно не ходил, а на попутных грузовиках до Шимска, где забирал мотоцикл и часам к двенадцати или к часу ночи добирался домой.

* * *

Так продолжалось на протяжении двух месяцев. А потом произошла личная катастрофа.

В конце ноября я поехал с коллективом нашей художественной самодеятельности в рыбацкую деревню Заднее Поле. После концерта решил зайти к знакомым, где обычно ночевал, чтобы перекусить перед танцами.

Голова еще шумела от концертной музыки и гама, и я не понял, что произошло. Вспыхнуло то ли в глазах, то ли в самой голове пламя и пронзила боль, — тут уж точно в голове, — и я упал без памяти.

Кто-то ударил меня железным штырем сзади. Кто, так и не узнал впоследствии.

Это мог быть кто-то из браконьеров, чьи сети мы, большеужинские комсомольцы, изымали совместно с районным инспектором рыбнадзора Павловым. А мог кто-то из числа тех, кто обиделся на шпильки в наших сатирических сценках. Или просто ревнивый кавалер из-за моего комплимента своей зазнобе. На них я для девушек не скупился. Что порождало порою неприязнь ко мне менее красноречивых сельских парней.

Как бы то ни было, наткнулись на меня ребята, возвращаясь с танцев.

Потом они долго звонили из находившейся рядом, в Устреке, колхозной конторы, вызывая из Старой Руссы «скорую», а она отказывалась ехать в Заднее Поле, поскольку дорога от шоссе, а особенно от Борисова до Заднего Поля в этих местах была в непроезжих для машины колдобинах.

Меня погрузили на телегу и повезли по ней на шоссе, навстречу «скорой». Ее дежурный медик, бегло осмотрев меня и связавшись по радиации со своим начальством в Старой Руссе, с его согласия повез меня в Новгородскую областную больницу. Там, оценив серьезность травмы, на самолете отправили меня в московскую клинику на Соколиной горе.

Все это время я был без сознания.

Пришел в себя через несколько дней после операции в глухой тишине. Оказывается, проломлен череп, от удара штырем деревянной тракторной бороны лопнули ушные перепонки, перебиты справа слуховые нервы и еще что-то повреждено.

Да и голова моя была во много слоев окутана бинтами, поэтому я ничего не слышал.

Когда же начал, было, выздоравливать, обнаружилась новая беда, у меня начались эпилептические падения.

Идешь, в глазах рваные клочья тумана, в голове возникает и нарастает какой-то треск. И вдруг — фи-иу-х — и окружающее скукоживается в мелкую медную копейку.

Потом, если никто из персонала или больных коллег не подобрал, обнаруживаешь себя лежащим на полу больничного коридора, а подобрали, то в палате на койке и под капельницей.

Поэтому под Новый год мне сделали повторную операцию, как сказали, если правильно понял, — тимпанопластическую. После нее эпилептические казусы прекратились, но слух возвратился далеко не полностью.

Слышал только в рупор, которым меня снабдила сестра-хозяйка. Да и то лишь громко и раздельно сказанные вблизи слова. А фразы сливались в неразличимый гул.

Дальнейшие осмотры и консультации не обнадеживали, и в начале марта я возвратился домой.

Оснащенный бесплатным, а потому примитивным слуховым аппаратом, размерами не влезавшим ни в один кармашек рубашки. А также при четырех батареях к нему, совокупным весом в килограмм-полтора. На более совершенный аппарат, а он, вероятно, в Москве уже имелся, у меня просто не было денег.

* * *

Впрочем, что говорить о покупке более современного слухового аппарата, у меня в кармане тогда не оказалось денег даже на билет до Старой Руссы.

Выйдя из больницы, я захотел осмотреть Москву. Побывал в МГУ, Третьяковке, Тимирязевке, просто бродил до изнеможения по улицам. Почевать ехал на Ленинградский или Ярославский вокзал, подремывая ночи, сидя на скамейках.

Сутки на пятые во сне я, видимо, зацепил раной за угол и потерял сознание, а возвратившись в него, понял, что меня обворовали. Выписку врачей и комсомольский билет оставили, а денежки, оказавшиеся в моем кармане в момент нашего концертного похода в Заднее поле, тю-тю... Что делать? Не воровать же, чтобы поест и купить билет

домой. Лицеизречение сохранившегося комсомольского билета натолкнуло меня на мысль, обратиться за помощью к комсомолу.

Расспросив в пункте милиции, где находится ЦК комсомола, двинулся, ориентируясь по самодельной карте, на улицу Богдана Хмельницкого, что выходит на торец Политехнического музея. В нем я уже успел побывать, заметив при посещении его и сине-зеленый дом с табличкой «ЦК ВЛКСМ, приемная».

Разыскал, рассказал в приемной о своей беде, попросил помочь с билетом, обещая вернуть деньги за него почтой. Выслушавшая меня молодая женщина задумалась, потом позвонила куда-то и сказала:

— Вот что, я сейчас дам тебе записку, поезжай на Даниловский рынок, там, в бывшем монастыре, — адрес указан — есть детский приемник. Дежурному отдай записку, больше никаких документов, даже комсомольский билет не давай.

И не говори свой возраст, по виду ты подросток. Я уже договорилась, что они купят тебе билет и отправят домой.

Я так и сделал. Со временем, может быть при случае, расскажу, как я трое суток провел в бывшем Даниловском монастыре, в котором на средства Московского военного округа содержался детский приемник краткосрочного содержания воришек, малолетних проституток и жиганов. Их частично вылавливали народные дружинники и милиционеры тут же на окрестных улицах, рынке, частично в других районах города.

Ночевал в камере-одиночке. Запирая меня в ней, дежурный сержант сказал: «Ты не тушуйся парень, видишь какой у нас контингент, для твоего спокойствия придется тебя запереть».

Я, впрочем, не тушевался. Камера маленькая, где-то на трехметровой высоте небольшое зарешеченное окошечко, зато железная кровать застелена свежим бельем. Измученный почти недельным недосыпом на вокзалах, я впервые умиротворенно растянулся под одеялом и моментально заснул.

Потом я, находясь в дежурной, — гулять по городу меня больше не отпустили, с любопытством наблюдал, как приводили малолетних девиц легкого поведения со швабрами и ведрами с водой убирать помещения дежурки и смежных комнат, утихомиривали подростков-наркошей, решали какие-то административные, хозяйственные или конфликтные вопросы со старостами здешних камер или их обитателями.

Через пару суток дежурный офицер выдал мне под расписку билет не поезд, двухдневный сухой паек, спросил:

— Тебе провожатого дать?

— Да что людей зря гонять? Отсюда трамвай до Чистых прудов ходит, а там я и пешком дойду. . .

. . . В Большом Ужине я формально оставался еще заведующим клубом и по возвращении домой, соответствуя этой должности, делал кое-

что стандартное. Открывал-закрывал его, кино обеспечивал, за порядком на привычных ежедневных в это время танцах молодежи следил.

И колхозное начальство, прежде всего председатель Иван Сорокин, этим, кажется, было довольно, никаких тебе с моей стороны каверз самодеятельности или стенгазет. А «культура» — вот она, клуб ведь функционирует.

Компания моих ребят рассыпалась⁶¹. Коля Дарушин ушел в армию, Сергей Щепетов-Ленин уехал в Таллин, Леша Куликов — на целину, а Филатов — вообще куда-то на Север, чуть ли не в Норильск, пассия Коли Дарушина Люба Богданова закрутила любовь с сыном председателя Коляном Сорокиным.

К тому же затруднительно было людям общаться в ту пору со мной, а мне с ними. Этим обстоятельством кое-кто из односельчан стал ехидно пользоваться, желая поиздеваться надо мной. Мои недоброжелатели стали все чаще, обращаясь ко мне, специально говорить нормальным или даже пониженным голосом, чтобы я переспрашивал, а они хихикали.

Вообще, вопреки умильным представлениям многих городских интеллигентов о простодушии и участливости деревенского сообщества, в действительности так обстоит далеко не всегда. Оно довольно часто становится во взаимоотношениях весьма жестоким. Вот и в моем случае многие односельчане, особенно чем-то «обиженные» мной представители филино-сорокинского родственного клана, злорадно поговаривали за моей спиной, а то и глядя прямо в глаза, в моем присутствии:

«Да куда он теперь гош, разве что коровам хвосты крутить!». Предназначая мне на перспективу долю пастуха их деревенского стада. . .

Так неутешительно для меня прошла весна. А летом я стал готовиться к поступлению в Тимирязевскую сельхозакадемию.

Почему туда? Потому что только там было садоводческое отделения, что мне импонировало.

Но главное, просмотрев справочники для поступающих, я обнаружил, что все вузы требовали, чтобы абитуриент слышал шепотную речь на расстоянии не менее двух метров. И только в рекламе Тимирязевки этого требования не нашел. То ли забыли упомянуть об этом, то ли справедливо посчитали такое требование к состоянию здоровья не столь уж значащим обстоятельством для трудовой деятельности в просторах садов и полей, являющихся рабочим полигоном ее выпускников.

Родители были категорически против моего отъезда в город, да к тому же еще не работать, а учиться.

Они не представляли, на что я буду жить. Понять мои упования на непонятную для них стипендию они не могли. Мать упорно предо-

---

⁶¹Кстати, и комсомольская организация после моего отъезда исчезла: Люба, закрутив любовь, забеременела. Жениться на ней Колян отказался, и, оказавшись матерью-одиночкой, она предпочла расстаться с комсомолом.

стерегала, что семья ничем не сможет мне помочь. Даже продуктами, поскольку неясно, как их переслать.

Однако я на их помощь и не надеялся. И к началу августа уехал из Большого Ужина в Москву. Собрал, впрочем, рюкзак с таким расчетом, что если не поступлю в академию, то поеду, как Леша Куликов, на целину, но в Ужин не возвращусь.

Настолько был обижен тогда на односельчан, что видеть их больше не хотел.

1951-1957гг.

Продолжение следует...

Староверов Владимир Иванович

Большой Ужин на путях из варяг в греки. Зарисовки, очерки и эссе о русской деревне в годы войны и послевоенное десятилетие. М., 2019, с.544.

Институт аграрной социологии
РУСО — общество социалистической ориентации
Петровская академия литературы и науки

Рецензенты:

Попова Ирина Викторовна — д.с.н.,

Чупров Владимир Ильич — д.с.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Мемуарное издание

Подписано к печати _____
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 29, Авт. л. 34,5.